

ПЕРЕПИСКА С Н.Н.СТРАХОВЫМ

(1877–1892)

Вступительная статья, публикация и комментарии Н.П.Генераловой

Личному знакомству А.А.Фета и Н.Н.Страхова (1828–1896), состоявшемуся в 1876 году, предшествовало знакомство заочное. К середине 1870-х годов Страхов был известным критиком, дружба которого с Ф.М.Достоевским и сотрудничество в журналах «Время» и «Эпоха» были, что называется, у всех на слуху — современникам был памятен эпизод со статьей Страхова по польскому вопросу, из-за которой журнал братьев Достоевских «Время» был в 1863 г. запрещен. Работы Страхова, посвященные творчеству Л.Н.Толстого и И.С.Тургенева, заметно выделялись на фоне современной критики. Но едва ли не важнее стали выступления Страхова по вопросам философским и публицистическим. В его статьях о Герцене впервые в подцензурной печати делалась попытка исторически осмыслить творческий путь лондонского изгнанника, по чьему адресу раздавалась официальная хула, которой противостояла устойчивая неофициальная популярность автора «Писем с того берега», «Былого и дум», издателя «Колокола» и «Полярной Звезды».

В 1872 г. вышел в свет философский труд Страхова «Мир как целое», высоко оцененный Толстым и Фетом. Значение этого труда, как и вообще место Страхова в истории русской философии, пока не вполне осознано. Прошедший школу классической немецкой философии, ученик Ап.Григорьева, близкий друг и последователь Н.Я.Данилевского, Николай Николаевич Страхов был не только пропагандистом их наследия, но и сам являлся одной из значительных фигур русской философско-критической мысли второй половины XIX века.

В 1860-х гг. Страхов сближается с Толстым и до конца своих дней остается одним из самых близких к нему людей. Религиозно-философские искания Толстого оказались близкими Страхову, искавшему пути преодоления позитивистских тенденций в общих для России и Европы философских и социальных увлечениях. Будучи сам «естественником», Страхов встает бок о бок с Н.Я.Данилевским в его опровержении дарвинизма, в ряде работ дает глубокую критику нигилизма как явления не только общественного, но и философского¹, становится одним из зачинателей религиозной философии в России. Его идейная роль в создании Московского Психологического общества, которое можно считать первым собственно философским обществом в России, привлечение к участию в нем Толстого и Фета, его собственное участие в издании специального философского журнала делают Страхова связующим звеном в истории русской общественной и эстетической мысли XIX–XX вв.

Подобно Фету, соединившему своим творчеством эпоху Пушкина, Лермонтова, Тютчева с эпохой символизма, Страхов являет собою пример преемственной связи славянофильских и западнических кружков 1840-х гг. и нового фазиса русской философии, вошедшей в историю именами Вл.С.Соловьева, Н.Я.Грота, Л.М.Лопатина, братьев Трубецких, В.В.Розанова и др.

С конца 1870-х гг. Страхов становится для Фета, как прежде Ап.Григорьев, а затем И.С.Тургенев, главным литературным советчиком. Через его «цензуру» проходило почти каждое стихотворение, выходившее в это время из-под пера поэта. И, как правило, Фет прислушивался к мнению критика.

Именно Страхов вводит его в круг молодых философов, из которых особенно близкие отношения сложились у Фета с Владимиром Соловьевым. Однако главным лицом, благодаря которому Страхов вошел в ближайшее его окружение, — лицом, о котором они неоднократно и горячо спорили, был, разумеется, Лев Николаевич Толстой.

Знакомство со Страховым, состоявшееся благодаря Толстому летом 1876 г. в Ясной Поляне², отвечало давнему желанию Фета. К тому времени книга Страхова «Мир как целое» была давно известна — отсюда интерес Фета к ее автору как к философу (п. 1)^{1*}, а случайная «мимолетная встреча» в Петербурге пробудила стремление познакомиться с ним «не только как с мыслителем, но и как с интересным собеседником»³. Взаимопонимание возникло сразу. Вспоминая яснополянскую встречу, Толстой писал Фету в январе следующего года: «На праздниках у нас был Страхов <...> мы часто поминали вас, и ваши слова, и мысли, и ваши стихи <...> мы родня все трое по душе»⁴ (в ту пору идейные разногласия еще не омрачали дружбу Толстого и Фета).

Летом 1877 г. Толстой привез Страхова в Степановку, где они провели два дня. За эти дни Страхов всецело подчинился обаянию Фета и с радостью принял его приглашение погостить летом будущего года в Воробьевке. Отныне он почти ежегодно бывает у Фета — обычно летом, по пути на юг, куда ездит, чтобы навестить родных и повидаться с Н.Я.Данилевским в его крымском имении Мшатка. Иногда он приезжает из Ясной Поляны, прерывая свое пребывание у Толстых ради того, чтобы провести несколько дней с Фетом. Ясная Поляна, Воробьевка, Мшатка были для Страхова оазисами, сосредоточением русской мысли или, по собственному его выражению, «светляками», «светочами», сияние которых пробивалось сквозь сумрак российской действительности (п. 167). «В Воробьевке и в Ясной Поляне я отвожу душу и чувствую себя больше дома, чем в Петербурге», — писал Страхов Толстому из Воробьевки 28 июля 1879 г.⁵

Расставание Фета со Степановкой и переезд в Воробьевку следует расценивать как важный этап не просто житейского, но и мировоззренческого кризиса. И конечно не «бегство» Оли Шеншиной из дома Фета в пансион г-жи Эвениус было тому причиной.

К концу 1870-х гг. хозяин обширного имения, экономист, мировой судья и воспитатель двух племянников, Фет, ставший к этому времени степным помещиком Шеншиным, ощутил необходимость переоценки значительного отрезка своего жизненного пути. С тех самых пор, как он, после выхода в свет своих «Стихотворений», изданных в 1863 г., понял, что в современном литературном процессе ему не находится места, прошло почти два десятилетия. Попытка «огречения» от литературы, демонстративный уход в «реальную» действительность и даже выдающиеся успехи, достигнутые им на этом поприще, не могли остановить лирический поток, рождавшийся его вдохновением (об этом свидетельствуют 94 стихотворения, написанные Фетом за 17 лет его жизни в Степановке⁶). Все это лишь на время приглушило мощный творческий потенциал Фета, направив его в иное русло.

Воробьевка станет не только последним прибежищем поэта, она будет колыбелью наивысшего взлета его поэтического гения. Твердый и последовательный в принятии кардинальных жизненных решений, Фет круто ломает сложившийся уклад. Менее всего переезд в Воробьевку был связан со стремлением к покою, как объяснял сам поэт свое желание поселиться в благоустроенном имении черноземной полосы «с лесом, рекою, каменной усадьбой и в возможной близости от железной дороги»⁷.

К началу 1870-х гг., десятилетие спустя после того, как это сделал Фет, Страхов по сути дела повторил его «уход» из литературного процесса. Начав с сотрудничества в журналах братьев Достоевских, исполняя в течение нескольких лет должность редактора «Отечественных записок» и «Зари», после закрытия последней он вынужден был поступить на службу в Публичную библиотеку в качестве библиотекаря по Юридическому отделению. Не желая подстраиваться к мнениям и прихотям редакторов журналов, Страхов, как и Фет, создал себе особое, независимое положение в журнально-газетном мире, хотя их «мирская служба» носила различный характер.

^{1*} Здесь и далее, при упоминании или цитировании публикуемых ниже писем, в тексте статьи в скобках приводится номер этого письма в данной переписке.

Начиная с первого же своего письма, Фет врывается в тихую, мирную жизнь кабинетного ученого, каким был Страхов, и занимает в ней весомое место, доставляя своему кроткому корреспонденту и собеседнику немало хлопот, а подчас и огорчений. Он требовательно зовет его к себе в Воробьевку, а по приезде втягивает в нескончаемые споры. Однако все издержки с лихвой искупаются для Страхова радостью общения с одним из оригинальнейших русских мыслителей и поэтов. На душевную приязнь Фета он ответил верной и долгой дружбой до последнего часа. Но и после ухода Фета из жизни Страхов не переставал заботиться о пропаганде его поэтического наследия, взяв на себя огромный труд по подготовке первого посмертного собрания стихотворений поэта. Уже в 1894 году в Петербурге вышли два тома «Лирических стихотворений» А.Фета, в основу которых был положен замысел полного собрания стихотворений, не осуществленный самим поэтом. Значительное участие в этом издании принял вел. князь Константин Константинович, с которым Фет сблизился в последние годы жизни.

С первых же шагов взаимного сближения, Страхов охотно взял на себя непростую роль добровольного редактора перевода книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление», к работе над которым Фет приступил в начале 1879 г. Вклад Страхова в этот перевод был очень значителен. Вопреки расхожему представлению о том, что совет перевести главный труд Шопенгауэра был дан Фету Толстым, именно Страхов рекомендовал ему заняться Шопенгауэром, в то время как сам Фет первоначально намеревался перевести «Критику чистого разума» Канта. Немало писем обоим корреспондентам было посвящено тонкостям перевода, поискам философских терминов, которых не было в русском языке, обсуждению наиболее острых философских проблем. Страхов имел богатый опыт перевода на русский язык философских произведений, и его советы были для Фета неоценимы. Наконец, он не только держал корректуру, но по выходе книги в свет занимался ее распространением. В результате весь этот труд занял у автора перевода и у его добровольного помощника около двух лет (1879–1880). Недаром свой второй перевод из Шопенгауэра Фет посвятил Страхову, причем текст этого посвящения он доверил написать самому Николаю Николаевичу (п. 124).

Заботами о публикации и распространении перевода книги Шопенгауэра не ограничилось участие Страхова в судьбе произведений Фета. Еще в январе 1879 г. он взял у него четыре только что написанных стихотворения в надежде заинтересовать ими редакции петербургских журналов (п. 16). Благодаря его усилиям эти стихи, впоследствии положившие начало «Вечерним огням», были опубликованы (п. 20 и 23). С тех пор Страхов становится постоянным представителем Фета в петербургской периодической печати. Как видно из его писем, он вел переговоры о публикации стихов Фета, занимался денежными расчетами с редакциями журналов и с книжными магазинами, получением и пересылкой гонораров и т.п. вопросами. Но не в этом заключалась главная роль Страхова в творческой биографии Фета.

Фет допустил нового приятеля в свою творческую лабораторию, посылая ему на суд только что написанные стихи, обычно в их первоначальной редакции. И Страхов откликается на каждое стихотворение и строго судит его. Как правило, Фет следует его советам так же, как некогда следовал советам Ап.Григорьева и Тургенева. Исключение составляют редкие попытки Страхова предложить собственный вариант отвергнутой им строки. Для этих конкретных поправок Фет всегда находит свое собственное решение, сохраняя смысл требования Страхова. «Я сержусь и радуюсь, слыша Ваше одобрение, испытав и строгое порицание», — писал ему Фет (п. 24).

Анализ критических замечаний Страхова и его советов свидетельствует: главная заслуга Страхова по отношению к Фету — постоянная поддержка его творческого настроя, в чем поэт так нуждался. «Kunst liebt Gunst» — «искусство любит похвалу» — не раз повторял Фет в своих письмах к Страхову. И Страхов, тонко чувствовавший одиночество одного из выдающихся лириков XIX столетия, его «несвоевременность» в эпоху существенных сдвигов в литературном и общественно-политическом сознании России, не жалел слов одобрения и восхищения. Его умные и дельные замечания означали для Фета прежде всего внимание к поэтическому слову, готовность услышать его. С другой стороны, они побуждали Фета к работе над отделкой его стихов. Глубина и образованность Страхова-критика, причастного к современному историческому и философскому процессу, делали его неза-

менимым собеседником Фета — поэта и мыслителя. Примером такого «собеседования» служит история создания четырех редакций стихотворения «Добро и Зло», которые возникли на основе критических замечаний, высказанных в четырех письмах Страхова⁸.

Конечно, во многом горячая привязанность Фета к «положительной» личности Николая Николаевича Страхова объясняется прежде всего той изоляцией, в которой оказался поэт, выброшенный из литературного процесса усилиями ревнителей общественно-полезного искусства. К тому же в середине 1870-х гг. произошел разрыв его многолетних дружеских связей с Тургеневым — разрыв, который Фет, по-видимому, тяжело переживал. В 1875 г. на долгое время прервались отношения с другом юности Фета Полонским. Ослабевала и близость с Толстым, к которому Фет привязался всей душой, в высшей степени ценя его художественный талант и оригинальность его личности. Но эта личность все более погружалась в нравственно-философские искания, которые либо надо было целиком разделять, либо отойти. Письма Толстого становятся все реже и суше, он почти перестает слышать своего собеседника. Фет долго не может поверить в неизбежность отдаления. Эволюция Толстого его пугает, а временами и возмущает. Страхов, с его мягким, интеллигентным характером, готовностью выслушать и отозваться, становится посредником в непростых отношениях Фета с Толстым, пытается сгладить нарастающие противоречия.

Все чаще в письмах Фета к Толстому проявляется желание оспорить его идеи. Признавая право человека верить, радуясь за Толстого, обретшего веру в Бога, он не признает его богословских исканий. «Я понимаю, дорогой граф, — пишет он Толстому 19 февраля 1879 г., — что Вам подобный человек не разом отыскал в себе то религиозное чувство, которое Вы питаете <...> и я понимаю, насколько Вам отраднее такое открытие <...> Но я сильно убежден, что далее этого Вы пойти по природе не можете, то есть объяснить, разложить, анализировать это для других. К богословским несостоятельным доказательствам Вы прибегать не станете <...> а перекинуть мостик из области разума в область интуитивную на этом бездонном поприще едва ли удастся и подобному Вашему уму»⁹. Некоторые письма Фета напоминают философские трактаты. Духовная эволюция Толстого побуждала поэта вновь, как во времена юности, углубиться в обсуждение кардинальных проблем человеческого бытия. Страхову, втянутому в напряженную атмосферу онтологических баталий между Толстым и Фетом, едва удавалось сдерживать натиск Фета, столкнувшийся с непреклонной волей Толстого, автора «Исповеди» и переложения «Евангелий».

Религиозные искания Толстого ставят и перед Фетом вопрос о вере и требуют недвусмысленного ответа. Поначалу он находит, что стоит с Толстым «в двух различных областях»: Толстой нашел и верит, а Фет «не нашел потому, что <ему> это не дано»¹⁰ «Вы смотрите на меня с сожалением, а я на Вас с завистью и изумлением», — пишет ему Фет 19 февраля 1879 г.¹¹

Но проходит немного времени, и Фет отвергает возможный упрек в атеизме (упрек, который впоследствии обращали к нему почти все исследователи его творчества). «Ни я, ни Шопенгауэр не атеисты, — пишет он Страхову. — Не заблуждайтесь, что я это говорю, чтобы к Вам подольститься. Я настолько уважаю себя, чтобы крикнуть Вам “Таков, Фелица, я развратен” <...> Что есть Бог, это я знаю непосредственно, т.е. чувствую, так как иного непосредственного знания нет <...> Знаем мы только, что хороший Бог такой противоречивой пакости творить не станет, и следовательно, к творению жидовскому не причастен» (п. 42). Как видим, библейского Бога Фет не приемлет. Его Бог это Бог Шопенгауэра — некая непостижимая для человеческого разума Воля, которая сообщает всему сущему движение, а значит жизнь и непрерывное развитие.

Но при этом Фет убежден, что христианство есть «одно из величайших исторических проявлений нашего духа» (там же). Главное достижение христианского вероучения он видит в его этике: «физической как познание и практической как мотив». И тут же бросает Толстому упрек: «В том бурном (чтобы не сказать сумбурном) натиске, с которым постоянно раздражительно устремляется Толстой, я до сих пор не мог разобрать, какой стороной христианской этики дорожит он по преимуществу: стороной познания или мотивов» (там же).

Предпринятая Шопенгауэром разработка основных начал этики привлекала Фета смелостью в постановке вопросов, вставших на повестку дня перед мыслящим XIX столетием. Доведенный до предела тезис о зле, в котором лежит мир, констатация глубокой испорченности человеческой природы у Шопенгауэра совпадали с постоянными размышлениями

Фета о магистральном направлении движения общественной нравственности как в Европе, так и в России. Все это подводило к необходимости держаться нравственно-этического кодекса, заложенного в христианстве. Вот почему Фет осуждает попытки обновления христианства у Толстого, как и своеобразное толкование христианства у Гегеля.

Сохранившиеся письма к Страхову проясняют своеобразие позиции Фета накануне так называемого русского религиозно-философского ренессанса конца XIX — начала XX вв., а если учесть его непосредственное участие в философских спорах нового поколения русских мыслителей, то можно смело назвать его имя в числе предтеч этого знаменательного явления русской духовной жизни.

К попытке Толстого создать собственное вероучение Фет отнесся крайне раздраженно. Противоестественное смешение различных сфер — искусства, религии, науки, философии и реальной жизни, в котором все более, с точки зрения Фета, запутывался Толстой, а вместе с ним и его последователи, вызывает у него подчас резкие, почти отчаянные отклики: «...в этом ужасающем хаосе живет такой ум, как Лев Николаевич», который с одной стороны, что-то утонченно-сложно проповедует для спасения *рода* человеческого и собственного *рода*, *породы* детей земных — и готовит веревку себе на горло. — Есть вещи до того непонятные, что природа получает спазм и болезненно отказывается от их понимания. Такой спазм у меня в горле, когда я умственно обращаюсь к Вам, господа, которых привык высоко ценить <...> Что же это за дьявольское наваждение? Отчего же я понимаю Соломона, Платона, Бэкона, Канта, Гёте, Шопенгауэра, а Вашей мудрости не понимаю. Вы все говорите о каком-то свете, который у Вас в руках. Покажите его, не под подсвечником, да светите всем в комнате, что это за духовная Америка?» (п. 39).

Письма Фета к Толстому вскоре почти прекращаются, но не прекращается полемика с ним. Она переходит в письма к Страхову. 12 ноября 1879 г. Фет пишет ему: «Толстого мне сердечно жаль и как добрейшего и благороднейшего человека и как таланта первой руки. Этим сектаторским клином он окончательно расколет пень своего “я”, как ни страшно крепко он от природы. Я даже понять не могу, в какую трещину наладил он этот клин. Но когда подумаю, что забивает его глава семейства, отец бесчисленных детей, махая на всё земное рукой и выпихивая души одну за другой в это самое всё, — то ужасно! ужасно! Спрашиваю: какая современная женщина вынесет то, что графиня? — Эхо отвечает: Никакая!» (п. 36).

«Вы говорите, — пишет ему Фет в другом письме, — что Вы не проповедник и познаете для себя. Но ведь и я не проповедник <...> Но рассуждать, т.е. познавать для себя, отчего не познавать. И отчего, когда действительно любишь человека и семейство, не сказать, тут делается невообразимая чепуха, под видом ли философии, под видом ли любви или иных — но чепуха очевидная» (п. 42). Семья и традиционный семейный уклад — один из краеугольных камней жизненной философии Фета. Обсуждая семейную жизнь Толстого, он не имеет в виду никакого вмешательства извне, никакого поучения, но видит на примере этой дорогой ему семьи общий сдвиг нравственно-бытового уклада, лежащего в основании всякого общественного организма. Именно в таком аспекте ставит Фет и вопрос о собственности как одном из оснований семьи и государства.

Защищая собственность, Фет не только не пропагандирует богатство и роскошь, но, напротив, сурово осуждает и то, и другое. Стремление к благоустройству собственной жизни, последовательное преумножение средств к безбедному существованию, обеспечивающему старость человека, следует рассматривать тоже в аспекте общей жизненной философии Фета. Эти стороны его по-своему цельного мирозерцания вызывали и вызывают до сих пор превратное толкование. Фета называли жадным, расчетливым, в то время как именно он взял на себя ответственность за всю многочисленную семью Шеншиных — своих братьев и сестер, племянника и племянницу. Он нисколько не преувеличивал, когда писал Страхову, что проживает денег менее всех остальных (п. 42). В этом отношении взгляды Фета и Страхова во многом были близки. Вспоминая годы своего учения в семинарии, которая помещалась в костромском Богоявленском монастыре, Страхов писал: «Самую скучную жизнь, если она, как подобает жизни, имеет внутреннюю цельность и своеобразие, нужно предпочесть самому богатому накоплению жизненных элементов, если они органически не связаны и не подчинены одному общему началу»¹². Неустанный труд, направленный вовне, и непрерывная внутренняя работа роднили Страхова и Фета, обуславливая почву для взаимного понимания.

Не принимая стремления к неограниченному богатству, Фет не признавал и нарочитого стремления к бедности, которое декларировал Толстой. Более того, в экспериментах Толстого он видел опасные тенденции не только в отношении его семьи, о чем идет речь в цитированном письме к Страхову (п. 42), а, несомненно, и в отношении последователей Толстого, видевших в нем учителя и пример для подражания.

Фет удивлен и обеспокоен тем, что там, «где невозможно без глубокой рефлексии разума, они его в сторону, а где, как в искусстве, он только может все изуродовать и нагадить, так давай мне разум, искусственный план — подложенную цель»¹³. И предупреждает: «если бы граф Л. Толстой вздумал прибегать к этому разуму в ущерб своему Богом данному пупку, называемому талантом или иным именем, то я бы первый швырнул его роман под стол. Я бы сказал, этот талант пропал. Разве можно на заказ рожать брюнетов с греческим профилем?»¹⁴

«Богом данному» — сказано не случайно. Толстой отказывался от своего таланта, от искусства. Для Фета, именно в это время возвращавшегося в литературу, путь Толстого казался трагическим тупиком. Жизнь Толстого Фет называет «попятной» (п. 186). Его красноречивые рассказы вызывают со стороны Фета короткие, но гневные оценки: только «настоящее искусство есть *настоящий* проповедник» (п. 186). Он будет критиковать эти рассказы Толстого везде, где придется: в предисловии к переводам из Шопенгауэра¹⁵, в комментариях к «Фаусту» Гете¹⁶, в письмах и беседах. В том числе и со Страховым.

Стремление к учительству и отказ от собственного таланта вызывают у Фета категорическое неприятие. Он ищет и находит собственное объяснение сдвигу в нравственно-философской эволюции писателя, ставя под сомнение саму веру Толстого: «Эта вера, по-моему, плод обманутой собствен<ной> неспособности к практике, гордыни. — Не удается труд, не мил он мне, не выходит ничего, — ругай труд, ругай все и говори: ничего не нужно, а держись обеими руками за все <...> Ну из чего бы я кипятился, если бы я не видал, что эти прекрасные, высокие люди вступают этой какой-то невообразимой чепухой к бездне гибели. За что он во имя своего Молоха режет эту прелесть жену и невинных детей. Зачем зарезал свой талант? Он исключительно теперь зарезал — с этой нигилистической подкладкой возможны лишь мистические галлюцинации, но не серьезные уравновешенные труды божески спокойного гения эпоса» (п. 42). «Божески спокойный гений эпоса» — такова фетовская формулировка того, чем был для него Лев Николаевич Толстой. Во имя этого «вечного» Толстого он готов был спорить с Толстым сиюминутным, вплоть до разрыва личных отношений.

Фет пытается воздействовать на Толстого, мятущегося в поисках нравственного идеала. «Величайшее зло состоит в том, что люди смешивают совершенно законный мир идеалов с совершенно законным миром действительности, где один решитель и оправдатель — опыт» (п. 27). И несколько позже: «Трансцендентальность нисколько не мешает причинности в мире явлений, за которую необходимо держаться обеими руками, пока живешь. Не пещитесь, — вспоминает он евангельский завет, — прекрасно! Но тем не менее сей рожь и пшеницу с осени, готовь корм скогу...» — таково жизненное кредо Фета (п. 34). В противовес Толстому он развивает свою жизненную философию борьбы с обстоятельствами и неутомимого труда, — философию, с его точки зрения, более необходимую в настоящее время в России, чем бесплодные поиски какого-то личного Бога.

Стремясь восстановить духовную связь между Толстым и Фетом, Страхов пишет ему «Толстой, несомненно, открыл дух христианства и глубочайшие черты в духе русского народа. А то, что у него с этим свяжется и к этому пристанет и в жизни, и в писании, есть неизбежная примесь, и очень может быть, что на практике Вы лучше его исполняете то, что он признает в теории. Я очень радуюсь Вашим добрым делам» (п. 59). «Добрые дела» Фета, которые он никогда не афишировал, о которых упомянул лишь однажды, — помощь голодающим, строительство больницы для крестьян, передача крестьянам безвозмездно обширных земельных угодий, увенчавшиеся успехом хлопоты по организации фельдшерских пунктов для борьбы с сифилисом и др. (п. 196). Цитированное письмо Страхова — известной мере признание правоты Фета в его споре с Толстым.

Как никто иной, Страхов понимал, что значили оба — и Фет, и Толстой — в современной культуре. Призванный сыграть роль посредника между такими титанами, как Толстой и Фет, сам Страхов как будто потерялся, стушеввался. Но это не так. Беседы с велики-

ми писателями стимулировали его собственные размышления, о чем свидетельствуют и его письма, и его многочисленные оригинальные труды.

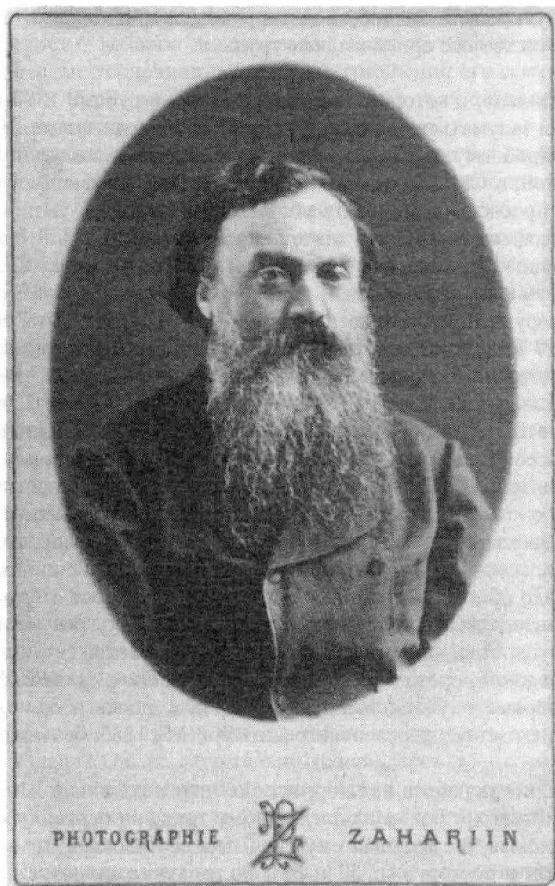
«Умственный разлад», в котором оказалась Россия на рубеже 1880-х гг., заставил мыслящих людей страны задуматься над его причинами и последствиями. Убийство Александра II заострило эту проблему, возбудив вопросы самого актуального политического характера. И Фет, и Толстой, и Страхов отвечали на них каждый по-своему. Толстой обратился к новому государю с просьбой помиловать убийц. Страхов пишет свои «Письма о нигилизме», стремясь философски осмыслить значение этого явления путем анализа его истоков. Фет оценивает ситуацию сегодняшнего дня. 27 марта 1881 г. он пишет С.В.Энгельгардт: «Неужели еще долго жить нам под страшным кошмаром? Неужели целую громадную империю могут запугать и разрушить несколько негодяев? — Что может быть обидней такой мысли. — А кто виноват? Увы, наше собственное невежество и непонимание <...> Возможно ли забавляться такими детскими игрушками, как караулы застав, обыски, там, где каждая редакция, каждая школа, каждый чиновник — гнездо и сосуд коммунизма? Право, даже жалко читать. Где же им бороться с иноземной революцией, снабженной миллионами, когда они не могут управиться у себя под самым носом с конторой журнала или неумытой и нечесаной толпой нищих студентов»¹⁷. Но Фет не ограничивался констатацией факта. Еще за год до трагедии 1-го марта он пытается заглянуть в будущее России и провидит величайшие бедствия, которые прямо вытекают из настоящего положения вещей. «Я просто вижу <...> вечную историческую жвачку вечной экономии мира. Расплодился. Надо лишних убивать. Как? <...> Надо революцию, надо обморок интеллигенции, и цель будет достигнута» (п. 39). В блужданиях современной интеллигенции Фет видит далеко идущую угрозу нравственному здоровью общества и государства, которая убедительно будет раскрыта им в ряде остро публицистических произведений, прежде всего в статьях «Наши корни» (РВ 1882. № 2) и «Наша интеллигенция» (впервые опубликована в 2000 г.¹⁸), а также в брошюре «На распутни. Нашим гласным от негласного деревенского жителя» (М., 1885; без подписи автора).

Осенью 1880 г., когда работа над корректурой перевода книги Шопенгауэра подходила к концу, Фет приступил к новому капитальному труду — переводу «Фауста» Гёте. Выполняя просьбу Страхова, он посылал ему свой перевод частями, по мере их готовности. Вначале Страхов был в восторге (п. 57 и 61), но, получив в январе 1881 г. законченный перевод, изменил свое мнение. Он счел, что при всех своих достоинствах перевод нуждается в серьезной доработке, на которую потребуется не менее года (п. 63). Однако Фет не хотел откладывать. «“Фауст” — это моя художественная религия — и пропаганда. Это вершина всего Гёте <...> Вот где мое торжество, а не в каком-то личном моем деле», — писал он С.В.Энгельгардт¹⁹. А потому он хотел как можно скорее донести свой перевод до читателя. Такая поспешность раздражила Страхова, который решительно устранился от редактирования «Фауста» (п. 64). Готовность заняться этим трудом выразил молодой поэт и начинающий философ Владимир Соловьев, которого познакомил с Фетом Страхов. Так возникло их знакомство, вскоре перешедшее в длительные дружеские отношения всех троих — Фета, Страхова и Соловьева. Когда-то Фет учился вместе с отцом Владимира Соловьева в Московском университете. Однако разница в 33 года между престарелым поэтом и молодым философом не помешала им близко сойтись.

Чтобы понять, насколько связанными оказались Фет, Страхов и Вл.Соловьев, достаточно вспомнить, что и Соловьев, и Страхов в 1880-е гг. были постоянными литературными доверенными лицами Фета. И если Страхов редактировал почти каждое новое его стихотворение, если ему принадлежит название сборников «Вечерние огни» (п. 78), то Соловьев помогал Фету в отборе стихов для «Вечерних огней» и занимался композицией этих сборников. И Фет по справедливости называл его «зодчим» своих книг²⁰. При этом оба — и Страхов, и Соловьев — внесли значительную лепту в осмысление поэтического гения Фета своими статьями о «Вечерних огнях» — собрании поздней лирики поэта²¹.

В одном из писем Страхов называет дружбу, возникшую между ним, Фетом и Соловьевым, пушкинскими словами — «сладостный союз» (п. 120). Связующим звеном этого союза был, несомненно, Фет.

Для участников этого «союза» поэзия Фета была отнюдь не единственным предметом бесед. Не менее важное место в их общении, в том числе и в переписке, занимали проблемы

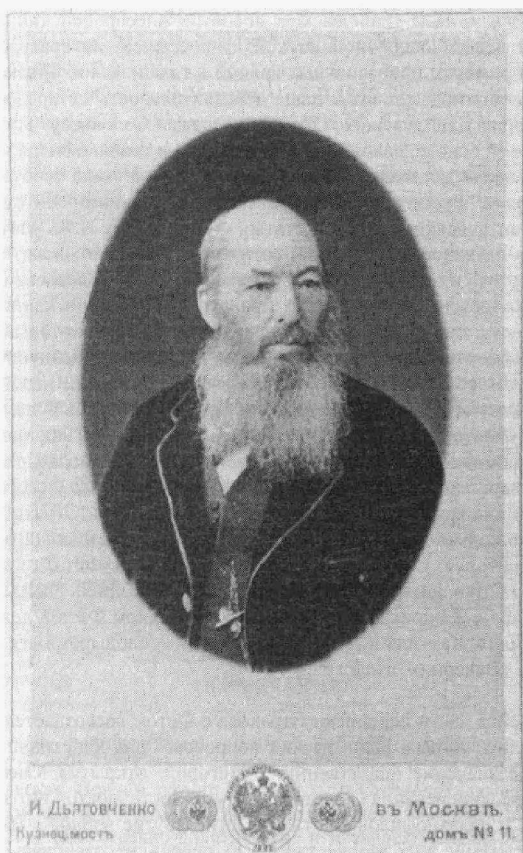

Н.Н.СТРАХОВ

Фотография П.А.Захарьина. С.-Петербург, <1880-е гг.>
(из архива Ж.А.Полонской)

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

мировоззренческие, вопросы истории и философии, в которых они далеко не во всем были согласны. Впервые это несогласие проявилось в связи с тем увлечением спиритизмом, которое охватило русскую интеллигенцию в середине 1880-х гг. С попыткой научно обосновать возможность соприкосновения мира земного с миром трансцендентальным выступили в печати видные ученые — А.М.Бутлеров и Н.П.Вагнер. В полемику с ними вступил Страхов, доказывая обратное, причем он так же, как и его оппоненты, опирался на современные достижения естественных наук (отметим, что ни та, ни другая сторона не ставила под сомнение существование трансцендентального мира, спор шел лишь о возможности соприкосновения двух миров). Полемика, длившаяся два года (1884–1885), отразилась в переписке Фета со Страховым, который держал его в курсе своих полемических выступлений. К сожалению, почти все ответные письма Фета за этот период утрачены, однако два сохранившихся его письма (п. 108 и 110) позволяют сделать вывод: Фет живо интересовался ходом этой полемики, а презрительная характеристика оппонентов Страхова в одном из этих писем свидетельствует, что Фет всецело разделял его точку зрения. Это подтверждается и письмом Фета к С.А.Толстой (косвенно адресованным Толстому), в котором он четко сформулировал свою позицию²². Иначе обстояло дело с Соловьевым. Когда в 1887 г. Страхов выпустил свои полемические статьи отдельным изданием («О вечных истинах (Мой

А.А.ФЕТ

Фотография И.А.Дьяговченко. Москва, 1883

Литературный музей, Москва

спор о спиритизме»)), Соловьев увидел в этой книге завуалированную проповедь «чистейшего материализма» и через Фета довел свое обвинение до сведения Страхова (п. 145). Подобный упрек в недобросовестности глубоко оскорбил Страхова, поставив его отношения с Соловьевым, а вместе с тем и с Фетом, на грань разрыва. Однако со временем острота конфликта сгладилась и отношения были восстановлены.

Через год конфликт разгорелся с новой силой, на этот раз в связи с полемикой, возникшей между Соловьевым и Страховым. Объектом полемики явилась концепция культурного развития европейских народов, разработанная Н.Я.Данилевским в книге «Россия и Европа», второе (посмертное) издание которой выпустил Страхов в 1887 г. Данилевский отвергал представление об истории как об едином процессе, признавая лишь историю относительно замкнутых культурно-исторических типов — самобытных цивилизаций, проявившихся каждая в одной области культуры. Славянский мир в его представлении — нарождающийся тип новой культуры, преемник всех минувших цивилизаций. Соловьев, в глазах которого человечество являло единый живой организм, а его развитие — единый духовно-исторический процесс, не мог принять теории Данилевского. Для него эта теория была несовместима с «историческим фактом христианства как религии универсальной, всемирно-исторической, которую никак нельзя приспособить к какому-нибудь особому куль-

турному типу»²³. Указанный Данилевским «особый, внеевропейский русско-славянский тип», обладающий «своей особенной наукой, философией, литературой и искусством», Соловьев считал «примером произвольных чаяний и гаданий, ибо никаких положительных задатков новой самобытной культуры наша действительность не предоставляет»²⁴. Страстный апологет теории Данилевского, Страхов возражал Соловьеву. Таким образом возобновился, уже на новой основе, давний спор западников и славянофилов. Что касается Фета, то он, с интересом наблюдая за сражением своих друзей, занимал особую позицию — «на схватке»: «Ожидаю в “Русском вестнике” статьи Страхова, истребительной для Соловьева, по случаю его антиславянофильской статьи, — писал Фет Н.Я.Гроту 29 мая 1888 г. По-моему, и наши славянофилы, и наши западники ряженые маски, которым приличествуют заученные слова их ролей»²⁵. Тем не менее позиция Соловьева была ему ближе он находил, что Соловьев «инстинктивно прав» в своем непризнании избраннического предназначения славянства, и радовался «смертельному удару», который он нанес славянофильству²⁶. Свои «смертельные удары» Соловьев наносил без предупреждения, сохраняя дружеские отношения со Страховым, при этом в пылу полемики нередко забывал о корректных формах диспута, принятых в научной среде. В.В.Розанов вспоминал: «Страхов — спорил, строил аргументы, Соловьев <...> не опровергал или слегка опровергал аргументы, обжигая противника смехом, остроумием и намеками на “ретроградность” и “прислужничество правительству” как покойного Данилевского, так и “недалекого уже до могилы” Страхова»²⁷. Полемика привела к полному разрыву отношений Страхова с Соловьевым, и причина тому — не только противоречие во взглядах, но именно эта некорректность Соловьева, простить которую Страхов не мог. Что же касается Фета, то свою дружбу с Соловьевым, как и со Страховым, он сохранял до последних дней. Частый гость Воробьевки и дома на Плющихе, Соловьев был верным сотрудником Фета в деле перевода латинских поэтов (Вергилия, Катулла и др.) и неизменным «поводырем» его Музы при формировании сборников «Вечерних огней»²⁸.

Из сохранившейся части переписки Страхова с Фетом воссоздается картина заинтересованного обсуждения острых философских вопросов. Роль христианства в современном мире, историческое значение нравственных категорий, открытия Канта и Шопенгауэра, религиозно-философские искания Толстого, актуальность постоянно возобновляющихся споров западников и славянофилов — эти и многие другие вопросы занимали собеседников и находили отражение в их творчестве и в их переписке, становясь частью культурно-исторического контекста эпохи. При всей остроте затрагиваемых вопросов, при всем накале философских страстей эти споры стимулировали творческую мысль каждого из собеседников. В этом отношении переписка Фета и Страхова значительно дополняет уже известные эпистолярные диалоги Фета с Тургеневым и Толстым, Толстого со Страховым и вносит новые данные об интеллектуальных и нравственных исканиях русских мыслителей последней четверти XIX столетия.

Восстанавливая обстановку философского общения Фета, Страхова, Льва Толстого и Вл.Соловьева, публикуемая переписка дает возможность уточнить наши представления не только о мировоззренческом становлении каждого из оппонентов, но и представить себе реальную почву, на которой взрастала новая школа русской философии, давшая миру немало блистательных имен. Нет сомнения, что общение Фета со Страховым углубило, а во многом и определило не только круг его общения с молодым поколением русских философов, но и укрепило его собственные философско-эстетические взгляды.

Когда-то В.В.Розанов назвал имя Н.Н.Страхова в числе «литературных изгнанников». Слова его, пожалуй, остаются в силе. Пока не переизданы основные труды замечательного критика и философа, пока не опубликовано в полном объеме литературное наследие Фета, можно и самого Фета в определенном смысле причислить к «литературным изгнанникам», каким он стал еще при жизни. Общение же выдающихся современников, какими бы ни Фет и Страхов, проблемы, которые были предметом их обсуждений, являются яркой страницей русской общественно-философской мысли и достойны пристального изучения.

Переписка Фета со Страховым (1877–1892) дошла до нашего времени далеко не полностью. Сохранившаяся часть ее содержит 220 писем обоих корреспондентов: автографы 29 писем Фета и 191 автограф писем Страхова.

25 писем Фета (1877–1883 — 24 п. и 1 п. от 8 декабря <1889>) хранятся в РГБ (Ф. 315. 4, 25), 3 письма (30 августа, 22 сентября 1880 г. и 21 ноября 1884 г.) — в РГАЛИ (Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 276; Ф. 1086. Оп. 1. Ед. хр. 85)^{1*}, 1 письмо (<сер. ноября 1884 г.>) — в Институте рукописей Научной библиотеки Украины им. В.И.Вернадского, Киев (Ф. III. 18947)^{2*}.

65 писем Страхова (1877–1883) хранятся в РГБ (Ф. 315. 11, 27; 11, 29; 11, 30; 11, 33) остальные 126 писем (1884–1892) — в ИРЛИ.

Все перечисленные письма публикуются по автографам, с соблюдением современной орфографии и пунктуации, за исключением отдельных случаев, отражающих специфику языка авторов переписки.

В публикацию включены также выдержки из 5-ти утраченных писем Фета: 4 из них (п. 89, 145, 196, 200) процитированы в письмах Страхова к Л.Н.Толстому (печатаются по изд.: *ТС* Т. II. С. 647, 733, 827, 849), и одно — в письме Фета к С.А.Толстой (п. 167) (см. в наст. кн.: *Переписка с С.А.Толстой*, п. 53).

Таким образом в целом данная публикация содержит 225 писем обоих корреспондентов. Отметим также 3 письма Страхова (1884), которые публикуются в «Дополнении» к наст. публикации по копиям, недавно обнаруженным в архиве Б.Я.Бухштаба (РНБ).

Письма Фета к Страхову и письма Страхова к нему неоднократно цитировались в отрывках в различных исследованиях; публиковались и перепечатывались также отдельные письма и небольшие подборки их. Не будем перечислять эти публикации, поскольку основная часть их (до 1960 г.) учтена в труде К.Д.Муратовой «История русской литературы XIX в. Библиографический указатель» (М., 1962). Из поздних публикаций заслуживает внимания подборка из четырех писем Страхова к Фету (1877–1879) и комментарии А.Е.Тархова к ним (*Фет* 1982 Т. II. С. 315–321, 440–445).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Уже очень рано, — пишет автор вступительной статьи к единственному сборнику избранных статей Н.Н.Страхова Н.Н.Скатов, — позиция Страхова и для него самого определилась как антинигилистическая. Причем термин “нигилизм” у Страхова, как, впрочем, и в большей части консервативной критики и публицистики, приобретает разнообразный смысл: это и вообще всякое европейское общественно-политическое и интеллектуальное движение, основанное на идеях революции, социализма, даже просто на началах либеральности и прогресса, но прежде всего, конечно, это русская революционная демократия» (Страхов Н.Н. Литературная критика М., 1984. С. 13–14).

² *МВ* 2. С. 328.

³ *Толстой Переписка*. Т. I. С. 475.

⁴ Там же. С. 460.

⁵ *ТС* Т. II. С. 527.

⁶ См.: *Жизнь Степановки* (раздел «Стихотворения Фета, написанные в Степановке»).

⁷ *МВ* 2. С. 330.

⁸ См. п. 107 и «Дополнение» к наст. публикации («Три письма Н.Н.Страхова к А.А.Фету»).

⁹ *Толстой Переписка* Т. 2. С. 52.

¹⁰ Там же. С. 53.

¹¹ Там же.

¹² Цит. по: Никольский Б.В. Николай Николаевич Страхов. СПб., 1896. С. 4.

^{1*} Два из этих писем значились в описях фонда 1086 как письма, адресованные неустановленному лицу. Редакция «Литературного наследства» благодарит И.А.Кузьмину, установившую адресат этих писем и любезно предоставившую их, а также третье письмо (из фонда 212) для публикации в составе переписки Фета со Страховым (см. п. 53, 110 и 55).

^{2*} Это письмо разыскал и предоставил для публикации Н.В.Котрелев (п. 108).

Редакция благодарит А.Л. и Л.И.Соболевых за содействие в идентификации малоизвестных лиц и скрытых цитат, упоминаемых в данной переписке, а также О.Я.Алексееву за помощь при подготовке рукописи наст. публикации к печати.

Публикатор приносит отдельную глубокую благодарность Т.Г.Динесман и И.А.Кузьминой за помощь в работе

¹³ Толстой. Переписка. Т. II. С. 55.

¹⁴ Там же. С. 55–56.

¹⁵ Черемиснинова Л.И. Предисловие Фета к двум переводам из Шопенгауэра. Рукопись.

¹⁶ Фет. Предисловие к «Фаусту». С. 80.

¹⁷ Это письмо Фета хранилось в коллекции Н.Г.Княzewой (б. коллекция М.С.Лесмана). Впервые опубликовано мной (альманах «Автограф». СПб., 1998. № 4 (изд. клуба библиофилов «Бироновы конюшни»). С. 9–11). В настоящее время находится в РО ИРЛИ.

¹⁸ Фет А.А. Наша интеллигенция // Вопросы философии. 2000. № 12 (публ. Г.Д.Аслановой и Н.Н.Трубниковой).

¹⁹ Фет СПП С. 388–389.

²⁰ См. дарственную надпись Фета В.С.Соловьеву на первом выпуске «Вечерних огней». М., 1883 // ВО 1979. С. 27.

²¹ См.: Страхов Н.Н. «Вечерние огни». Собрание неизданных стихотворений А.Фета. М., 1883. («Русь». 1883. № 24); Он же. Юбилей поэзии Фета (НВ. 1889. № 4640. 28 января; Соловьев В.С. О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского (РО. 1890. № 12).

²² См. наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 28.

²³ ВЕ. 1888. № 4. С. 753.

²⁴ Там же. С. 757.

²⁵ ИРЛИ Р. III. Оп. 1. 2072.

²⁶ См. наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 39.

²⁷ Розанов. С. 102.

²⁸ См. на с. 405 дарственную надпись Фета В.С.Соловьеву на третьем выпуске «Вечерних огней» (М., 1888).

1. ФЕТ — СТРАХОВУ

Степановка. Ноябрь <1877 г.>

Московско-Курской жел<езной> д<ороги>.

Полуст. Еропкино¹

Ноября

Милостивый государь Николай Николаевич!

Прежде всего прошу извинить, если письмо мое, почему-либо, покажется Вам эксцентричным или несообразным. В моих интимных отношениях я люблю быть или нараспашку или никак. Я очень высоко ставлю формы общественной вежливости, но если за ней *tabula rasa*^{1*}, то Бог с ней.

Не буду говорить, до какой степени меня, после мимолетной встречи в Питере², постоянно тянуло сблизиться с Вами, как с мыслителем. — В нашей умственной пустыне такое влечение более чем понятно; но увидав Вас ближе³, я открыл в Вас то, что для меня едва ли не дороже мыслителя.

Я открыл в Вас кусок круглого, душистого мыла, которое не способно никому резать руки и своим мягким прикосновением только способствует растворению внешней грязи, нисколько не принимая ее в себя и оставаясь все тем же круглым и душистым плотным телом. Вы скажете: «я объективен, как всесторонний мыслитель». — Какое мне дело, почему? Я чувствую себя с Вами хорошо, — и этим довольствуюсь.

Я не забыл данного Вами на прощанье обещания погостить у нас в летнее время будущего года⁴. Но ведь подобные обещания часто даются вежливости ради, чтобы не обидеть отказом.

^{1*} пустота (лат.; букв.: чистая доска).

В настоящее время я в сильных попыхах, по случаю перекочевки из Орловской в Курскую губернию, где жена купила поистине очаровательное имение, как усадьба и как местность. Если эстетический человек может где вздохнуть свободно от трудов, то это без сомнения там. Это по той же Курской дороге, только 2½ часами дальше к Курску⁵. Лев Николаевич уже дал мне слово навестить нас летом⁶. — Он, бедный, с ужасом ждет разрешения своей милой, но слабеющей жены⁷. — Очередь за Вами.

На досуге черкните мне по выставленному адресу, можем ли мы рассчитывать на радость принять Вас на новоселье⁸?

Письменное обещание я уже приму за положительное и успокоюсь до лета в приятной мечте крепко пожать Вам руку при свидании.

Глубоко уважающий Вас

А.Шеншин

Мой адрес: *Еропкино*. Афанасию Афанас. Шеншину.

По литерат<урной> фамилии моей в наст<оящее> время письмо и не дойдет⁹, чему я очень рад, т.е. что люд<ям> не нужна моя литература; а мне не нужны дураки.

Год определяется по содержанию (см. прим. 4, 5, 8).

¹ На полустанции Еропкино находилось почтовое отделение, через которое шла вся переписка Фета в бытность его в Степановке.

² Время и обстоятельства этой встречи нам неизвестны.

³ Первое знакомство Фета со Страховым произошло летом 1876 г. в Ясной Поляне (МВ 2. С. 328). Атмосфера душевного расположения и взаимопонимания, возникшая во время этой встречи, позволила Толстому написать Фету: «...мы родня все трое по душе» (Толстой Переписка Т. 1. С. 460).

⁴ Летом 1877 г. Толстой привез Страхова в Степановку, где они провели два дня — 29 и 30 июня (Там же. С. 477, прим. 3). Возвратившись оттуда, он писал Фету: «Страхов в восхищение от поездки к вам и от вас» (Там же. С. 477). Неудивительно, что, покидая Степановку, Страхов охотно откликнулся на приглашение Фета посетить его будущим летом.

⁵ В августе 1877 г. Фет решил продать Степановку и приобрести другое имение: «...я вдруг почувствовал себя окруженным атмосферою недоброжелательства, резко враждебного моим наилучшим инстинктам. Мирная, отстроенная, обросшая зеленью Степановка сделалась мне ненавистна. Я в ней задыхался» (МВ 2. С. 329). Продажа Степановки и покупка имения Воробьевка в Курской губ. были поручены управляющему Фета А.И. Иосту. Фет подробно описал эти события в МВ 2. С. 330–338. Степановка была продана за 30 тыс. руб., каменная усадьба в Воробьевке с 300 дес. лесу и мельницей были приобретены за 100 тыс., причем Фету пришлось брать ссуду у Боткиных. Лошади и рогатый скот были переправлены в Воробьевку. Как и в случае со Степановкой, купчая на Воробьевку была оформлена на имя жены Фета.

⁶ Толстой летом 1878 г. в Воробьевку не приезжал.

⁷ В ночь с 5 на 6 декабря у Толстых родился сын Андрей (1877–1916).

⁸ См. ответное письмо Страхова от 24 ноября 1877 г. (п. 2).

⁹ С 23 декабря 1873 г., когда указом Александра II Фету было возвращено родовое имя Шеншиных и «все права, по роду и наследству ему как Шеншину принадлежащие», он подписывал свои письма этим именем и просил своих корреспондентов не употреблять в написании адреса фамилии «Фет».

2. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 24 ноября 1877 г.

Непременно, глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и с величайшей радостью. Я родился в Белгороде, и для меня до сих пор Курская Губерния есть то место, где всего лучше жить людям, где времена года имеют надлежащую продолжительность, где небо, земля, трава и деревья имеют свой настоящий вид, тот

самый, который подразумевается под этими словами. Я не могу привыкнуть к Петербургу, и если бы принялся его бранить, то, кажется, никогда бы не кончил. Поэтому перейду к главному предмету. Вы похвалили меня, и я рад, что мне можно и следует высказать Вам то душевное расположение, которое Вы мне внушили, — хоть я и не найду такого милого сравнения, как Ваше сравнение меня с куском мыла. Вы для меня человек, в котором все — настоящее, неподдельное, без малейшей примеси мишуры. Ваша поэзия — чистое золото, не уступающее, поэтому, золоту никаких других рудников и россыпей. Ваши заботы, служба, образ жизни — все также имеет настоящий вид — железа, меди, серебра — какой чему следует. Вы знаете, что занятие поэзией ведет к фальши, к притворству, к ломанью. У Вас же все чисто и ясно, и редко случалось мне смотреть на людей с таким приятным чувством душевной чистоплотности, с каким я смотрю на Вас.

Приеду непременно, и очень Вам благодарен за повторенное приглашение, так как я немножко робок. После Льва Николаевича, никуда мне так приятно не будет ехать, как к Вам¹.

Марье Петровне мое усердное почтение.

Ваш искренно преданный и глубоко уважающий

Н Страхов

1877 24 ноября СПб

3. ФЕТ — СТРАХОВУ

Москва 28 декабря <1877 г >

Москва
28 декабря

3
* Душевно уважаемый Николай Николаевич!
* Не хочу оставить Москву, откуда 1-го января еду освежиться на денек в Ясную Поляну¹, не послав Вам в заголовке этого письма моего постоянного адреса², если так Богу будет угодно.

Туда же, согласно любезному, теперь уже письменному обещанию, будем поджидать Вас летом. — Повторяю, если мы, люди, не внесем туда нашей обычной чепухи, то Воробьевка — останется тем, чем есть в сущности — раем земным, по климату, положению, растительности, тени и удобствам³.

Это именно место для людей, убедившихся, что не только один человек, но и вся человеческая история, построенная, как французская мелодрама, на несовместимых пружинах, — в сущности пух, так как в ней гоньба за вечно недостижимым, а солнце, луна и звезды, мирно проступающие между темными верхушками столетних дубов — видимые края той вечной, непорочной ризы божества, которую Гете:

Kuss<s> ich den letzten
Saum seines Kleides
Kindlich<e> Schauer
Tief¹* in der Brust⁴.

Но пока не в том дело.

¹* Описка Фета. У Гете *Treu*. Кроме того, Фет допустил еще две описки: *Kuss* вместо *Kuss* (1-я строка) и *Kindlich* вместо *Kindliche* (3-я строка).

Конечно, я не настолько богат, чтобы махнуть рукой на хозяйство, тем более, что у меня, по воле Аллаха, теперь нет иного источника существования; но такое махание рукой мое конечное *pium desiderium*^{1*} и я постараюсь смотреть на эти дела сверху вниз, чтобы они не разбежались, как стадо без пастыря.

Что же затем мне делать? Вот и придумал я себе дело. Хочу я перевести на русский язык «*Kritik der Reinen Vernunft*» Кант'a^{2*}. Знаю, что это труд громадный. Но этой-то стороной он мне и улыбается. — Куплю я себе существующие к нему объяснения и стану работать. Мысль перевести его родилась у меня из желания его изучить. Уж лучше этого приема трудно придумать. Почему же не сделать так, чтобы следы моего изучения остались на пользу и другим — желающим? Конечно, мне торопиться некуда. Но подъедете Вы и взгляните — так ли идет дело или криво. Я бы желал для читателей снабдить перевод рядом примеров, для уяснения терминологии.

Напишите мне совершенно откровенно, какого Вы мнения о моей затее³? Пожалуйста, раз навсегда, во имя той простоты, которую Вы во мне заметили, — называйте вещи [своими] их именами. *Amicus Plato*⁶.

Если бы я довел до конца свой перевод, я бы написал к нему краткое предисловие, от которого бы не поздоровилось русской pseudo-интеллигенции.

Какое это будет приятное время, когда мы Вас встретим в Воробьевке.
Искренно Вас уважающий

А.Шеншин

Год определяется по содержанию (см. прим. 1, 3, 4).

¹ В конце декабря 1877 г. Фет находился в Москве с целью приобретения материалов для ремонта дома в Воробьевке; на обратном пути он провел в Ясной Поляне целый день 2 января (см. наст. кн.: Неизд. письма к Толстому, п. 37, прим. 1 и 4). 22 декабря, в ожидании встречи с Толстым, Фет писал ему, что самое главное для него — «быть понятым»: «Кажется, это так мало и просто, а этого, кроме Ясной, у меня нет в мире» (Толстой Переписка Т. 1. С. 485).

² Находясь в Москве, Фет специально пишет Страхову на бумаге с типографским штампом, обозначающим его адрес в только что приобретенной Воробьевке (об этом штампе см. п. 5, прим. 1*).

³ «Деревня Воробьевка, — писал Страхов в «Биографическом очерке», предпосланном первому посмертному собранию стихотворений Фета, — стоит на левом берегу реки, а господская усадьба на правом берегу, очень высоко. Каменный дом окружен с востока каменными же службами, а с юга и запада огромным парком на 18-ти десятинах, состоящим большею частью из вековых дубов. Место так высоко, что из парка ясно видны церкви Коренной пустыни» (Фет 1901 Т. 1. С. XXXV). См. также описание Воробьевки в письме Фета к Толстому от 8 ноября 1877 г. (наст. кн.: Неизд. письма к Толстому, п. 36).

⁴ Неточная цитата из стихотворения Гете «*Gränzen der Menschheit*» («Границы человечества»): «Край его ризы / Нижний целую / С трепетом детским / В верной груди» (пер. Фета). 27 декабря 1877 г. Фет писал Н.В.Гербелю: «Ввиду печатания лирических стихотворений Гете, позволю предложить вам мой еще не напечатанный перевод: *Gränzen der Menschheit* — Границы человечества» (Соколова М.А., Грамолина Н.Н. Примечания // ВО 1979. С. 684). Впервые перевод опубли.: Гете. Собр. соч. в переводах русских писателей. Под ред. Н.В.Гербея. Т. 1. СПб., 1878. С. 67; «Огонек». 1880. № 1; затем: ВО I.

⁵ Ответ Страхова см. в п. 4.

⁶ «Платон друг» (лат.) — усеченный афоризм, восходящий к Сократу и Платону, известный в разных редакциях. Общепринятое выражение «*Amicus Plato, sed magis amica veritas*» («Платон мне друг, но истина дороже») сформулировано Сервантесом («Дон-Кихот». Ч. 2. Гл. 51)

^{1*} благое пожелание (лат.).

^{2*} «Критику чистого разума» Канта (нем.).

4. СТРАХОВ — ФЕТУ

<С.-Петербург>. 27 января 1878 г.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Простите, что я так давно не отвечал. Ваше письмо заставило меня задуматься. Как только я прочитал его, я решил, что переводить «Критику чистого разума» Вам не нужно; но я очень понял Ваше желание и задал себе вопрос: что же следует перевести?

«Критику» не нужно переводить во-первых потому, что она переведена, именно *Владиславлевым*, здешним профессором, и издана еще в 1867 г.¹ Перевод очень хороший, хотя, конечно, не образцовый. А во-вторых, если хотите моего личного мнения, то я не хотел бы видеть Вас трудящимся над этой книгой. В сущности Кант — скептик, и притом глубочайший. Но так как скептицизм есть дело очень противное человеческой душе, то последователи Канта принялись быстро строить высокие здания на вновь расчищенном месте. Обыкновенно Канта и принимают за такого подготовителя следовавших за ним систем. Но Кант взятый отдельно, ничем не уравновешенный, есть вопрос без ответа, сомнение без разрешения. Не лучше ли взять Шеллинга «Философию мифологии» и «Философию откровения»? Увы! Эта система, явившаяся в печати в 1856–58 годах, не имела никакого успеха — последняя великая система идеализма²! Или не взять ли большую «Логику» Гегеля³?

Как это грустно, дорогой Афанасий Афанасьевич, что нет у нас таких книг, которыми бы можно было клясться! Мне очень лестно, что Вы обратились ко мне с этим вопросом, и я усердно стал об нем думать, но ни к чему не пришел. Не найдем ли чего-нибудь летом, в те дни, которые я буду проводить у Вас и которые заранее мне представляются светлыми и наполненными интересными разговорами?

Буду продолжать думать и справляться, и если придет хорошая мысль, напишу Вам. А я уже на самом конце своей статьи: *об основных понятиях психологии*. К сожалению раньше конца апреля, кажется, не удастся ее напечатать, и мне не скоро доведется узнать Ваше мнение и Льва Николаевича — а это мнение для меня дороже всех других⁴. Я давно ничего не писал и меня очень занимает мое новое создание.

Пока, простите. Прошу передать мое почтение Марье Петровне.

Ваш искренний почитатель

Н.Страхов

1878. 27 янв<аря>.

Ответ на п. 3. Место написания определяется по упоминанию о «здешнем профессоре» М.И.Владиславлеве (см. о нем прим. 1).

¹ Михаил Иванович Владиславлев (1840–1890) — с 1868 г. профессор философии в С.-Петербургском ун-те, с 1887 г. — ректор. Его перевод «Критики чистого разума» (СПб., 1867) до 1896 г. оставался единственным русским переводом этого классического труда И.Канта.

² «Философия мифологии» и «Философия откровения» — основные труды немецкого философа Ф.Шеллинга (1775–1854). «Философия откровения и мифологии была задумана Шеллингом как система «теософии», не ограниченная рамками христианства, в котором Шеллинг видел только завершающую, высшую стадию религии <...>» (Асмус В. Шеллинг // Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 5. М., 1970. С. 501–503). Курс лекций по «Философии мифологии» Шеллинг читал в различных германских университетах более 20 лет (1821–1845), курс «Философия откровения» — в 1831–1844 гг. Оба курса были изданы посмертно. 20 января 1878 г. Страхов писал Толстому: «Ваши мысли об *искании веры*, которое так часто встречается, очень меня занимают». Сегодня еще я просматривал 4 тома Шеллинга. *Philosophie der Mythologie* и *Philosophie der Offenbarung*, конечно, последняя грандиозная попытка этого рода» (ТС. Т. I. С. 394). Сведений о переводах из Шеллинга, выполненных Фетом, до нас не дошло.

³ Переводами из «Науки логики» Гегеля, которую Страхов имеет в виду, Фет, очевидно, не занимался.

⁴ В это время Страхов работал над статьей «Об основных понятиях психологии». Опубл.: *ЖМНП* 1878. Май (гл. I: «Различие между душой и телом») и июнь (гл. II: «Изучение души»). Отклики Фета и Толстого на нее см. в п. 6 и 9.

5. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 31 января <1878 г.>

31 января

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Под гнетом страха, что и это письмо, подобно московскому, не дойдет до Вас, — ибо Лев Ник<олаевич> пишет, что Вы обо мне спрашиваете¹ — пишу только два слова.

В заголовке этого листка мой постоянный адрес^{1*}, к которому следует только прибавить Аф. Аф. Шеншину, и я неизбежно получу письмо. Напишите же мне ответ на эти строки, которым я, без всяких фраз, крайне дорожу.

Вы мне дороги, и я, хотя Толстые и хватают Вас к себе за полы, настолько надеюсь на Вашу доброту, что ожидаю и на нашу долю, хоть частичку Ваших вакансий².

Толстой говорил, что, кажется, есть перевод на русский язык «*Kritik der Reinen Vernunft*» Kant'a^{2*}. Напишите, есть ли такой и чей^{3?}

Отвечайте хоть строчкой. Жена Вам кланяется.

Глубоко уважающий Вас

А.Шеншин

Год определяется по содержанию (см. прим. 1 и 2).

¹ «Московское» письмо, в котором Фет сообщил свой воробьевский адрес (п. 3), дошло до адресата, но Страхов ответил на него лишь через месяц (п. 4). 31 января Фет еще не получил этого ответа, зато знал, что Страхов спрашивал о месте его нахождения у Толстого (*Толстой. Переписка* Т. 2. С. 9), — отсюда предположение, что «московское письмо» пропало. По-видимому, Страхов не был уверен, что в данный момент Фет находится в своем имении, и запросил об этом Толстого (*ТС* Т. 1. С. 392).

² 28 февраля 1878 г. Фет, отвечая на несохранившееся письмо Толстого, упрекал его: «...как же Вы хотите неравно поделить Страхова. Дайте нам хоть 2 недели» (*Толстой. Переписка* Т. 2. С. 13).

³ О русском переводе труда Канта «Критика чистого разума» см. п. 4, прим. 1.

6. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 4 мая <1878 г.>

4 мая

Дорогой Николай Николаевич!

Не могу без радостного трепета встречаться с мыслью, что наша густая зелень примет Вас под свою широкую душистую тень и что мне предстоят те часы, которые проводила Афинская молодежь в философских садах¹. Прибавьте, что едва ли личность Сократа так была симпатична его ученикам, как пришлась мне ко двору Ваша. Эта тихая положительная личность вполне отразилась в Ваших «Основах»²,

^{1*} В 1878–1881 гг. Фет, находясь в Воробьевке, писал письма на почтовой бумаге с типографским штампом, обозначающим его почтовый адрес: «Московско-Курской ж.дор. Станция Будановка». Наличие этого штампа в начале письма указывает на место его написания — Воробьевка (см. п. 6, 7, 12, 16, 18, 19, 21, 22, 24, 25, 27, 28, 30, 33, 34, 36, 37, 39, 40, 42). С 1882 г. почтовый адрес его изменился (см. п. 72).

^{2*} «Критику чистого разума» Канта (нем.).

за которые приношу свою признательность и которые читал 3 дня, не желая читать без понимания. Честь и слава Вам и Вашему труду. Это мастерские основы, хотя я недостаточно учен, чтобы судить о том, свое или чужое в объяснении субъективной свободы воли во внимание ее неподсудности уму — или, как сказано, невозможности объектирования. Но об этом при радостном свидании. Итак, будем ждать Вас около 15-го³.

Напрасно думаете Вы, что мы не оценим Вас без соуса, давайте нам скорее *interens bez occidens*^{1*}.

Постараемся устроить Вас попокойней.

Много и мне нужно Вам сказать, чего вдруг не скажешь.

До свидания.

Глубоко уважающий Вас

А.Шеншин

Если успеете уведомить о дне приезда и поезде из Москвы — будут на Будановке наши лошади. Если же нет, знайте, что на Будановке всегда есть парные коляски за 1 р. 50 к. до Воробьевки Шеншина. Скажите только буфетчику на Воробьевке — и все явится.

Ответ на несохранившееся письмо Страхова. Год определяется по содержанию (см прим. 3).

¹ Речь идет о так называемой перипатетической школе или Ликее, основанной Аристотелем в Афинах (4 в. до н.э.); в ней соединялись научные занятия с преподаванием различных наук знатной афинской молодежи. Занятия проходили в крытой галерее, откуда произошло название «перипатетики», которое иногда не вполне точно возводили к греческому глаголу «прогуливаться». Страхов и Фет иногда употребляют понятие «прогуливающиеся философы».

² Об этой статье Страхова см. п. 4, прим. 4.

³ О пребывании Страхова в Воробьевке в июне 1878 г. см. п. 9, прим. 1.

7. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 22 мая <1878 г.>

22 мая

Душевноуважаемый Николай Николаевич!

Вы так скупы на ответы, что пишу наудалую.

Лев Николаевич, у которого я был на днях¹, 1 июня собирается со всем семейством в Самару² и говорил, что Вы еще ничего сами не знаете о Вашей вакансии. Тем не менее, мы в Воробьевке мечтаем воспользоваться отсутствием Толстых в нашу пользу и увидеть Вас в нашем прелестном парке, на более продолжительное время³.

Как бы это было хорошо.

Черкните — принадлежит ли эта мечта к области возможного или нет.

Крепко жму Вашу руку

А.Шеншин

Год определяется по содержанию (см. прим. 1 и 3).

¹ 30 мая 1878 г. Фет благодарил Толстого за «отрадные минуты в Ясной Поляне» (см наст. кн.: Неизд. письма к Толстому, п. 38).

² Поездка Толстых в самарское имение была отложена из-за болезни младшего сына Андрея (ТС Т. I. С. 447). О самарском имении Толстых см. п. 8, прим. 1.

³ См. п. 9, прим. 1.

^{1*} Внутреннюю сущность без приправы (лат.).

ВОРОБЬЕВКА. УГЛУБОК ПАРКА

Этюд Я.П. Полонского (масло). 1890

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

8. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 30 мая 1878 г.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Простите, простите меня за молчание. Видите, я не совсем заслуживаю те похвалы, которые Вы мне когда-то писали. Во мне есть косность, замедляющая все мои мысли и действия, и от этого часто выходит, что я поступаю несогласно с самыми искренними своими чувствами. И Лев Николаевич часто укоряет. Поездка к Вам сидела у меня в голове всю зиму; но самарские покупки изменили весь план¹. Прежде я явился бы прибавком к Льву Николаевичу, а теперь буду играть роль самостоятельного целого, что, я думаю, не так выгодно и для меня, и для Вас.

Я буду свободен с 15-го июня, и по всему вижу, что мне прямо следует ехать к Вам. Так я и сделаю и от всей души благодарю Вас за приглашение, положившее предел всем моим колебаниям².

Между тем я послал Вам свою брошюрку *о психологии*, тощий плод трудов нынешней зимы. Не знаю, как Вы взглянете, и еще не уверен, не следует ли сделать перемен; но вполне уверен, что именно *в этом роде* следовало бы писать психологию³.

Очень меня радует мысль, что придется долго и на свободе побеседовать с Вами, и некоторые темы давно напрашиваются.

Та трава, что вдали⁴ и пр.

какая прелесть!

Вы обладаете тайной удивительных звуков, никому другому недоступных.

Итак, я буду готовиться к отъезду, но конечно еще напишу к Вам перед самым отъездом.

Душевно преданный Вам
Ваш почитатель

Н.Страхов

1878. 30 мая. СПб.

Ответ на п. 7.

¹ В марте 1878 г. Толстой оформил покупку земли в Самарской губ. (*Гусев I* С. 490). Лето того же года вся семья Толстых провела в этом имении (Тимротовские хутора); туда же приехал и Страхов (см. п. 10).

² О пребывании Страхова в Воробьевке в июне 1878 г. см. п. 9, прим. 1.

³ Об этой статье Страхова см. п. 4, прим. 4.

⁴ Страхов цитирует стихотворение «Alter ego», в то время неопубликованное. 19 января 1878 г. Фет послал его Толстому (*Толстой Переписка* Т. 2. С. 8). <27> января Толстой, в письме к Страхову, назвал это стихотворение «прекрасным» и в доказательство выписал из него два двустишия, одно из которых — «Та трава, что вдали на могиле твоей / Здесь на сердце, чем старе она, тем свежей» (*ТС*. Т. 1. С. 398). Вероятно, в конце февраля, во время своего пребывания в Ясной Поляне (Там же. С. 408), Страхов имел возможность ознакомиться с полным текстом «Alter ego». О судьбе этого стихотворения см. п. 20 (прим. 1) и п. 23 (прим. 1). Отзыв Страхова о нем: см. в п. 17.

9. СТРАХОВ — ФЕТУ

<С.-Петербург>. 13 июня 1878 г.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

15-го я никак не могу быть у Вас; я предполагал только выехать в этот день из Петербурга. Но теперь — вероятно Вы знаете — Толстые всё еще не поднялись в Самару, и просят заехать. Может быть пробуду у них два-три дня, и значит буду у Вас около 20-го¹. Сделаю, как Вы написали — обращусь к буфетчику — это самое простое, и потому мне любезное.

А как меня радуют Ваше внимание и похвала моей психологии²! Вы остановились как раз на самой важной точке, тогда как здесь многие читавшие и не заметили ничего. Только не ждите, прошу Вас, многого от моих разговоров. Я в печати гораздо лучше, чем в натуре. Спросите хоть Льва Николаевича. Человек, сидящий над бумагой с пером в руках и обращающийся мыслью ко всем грамотным, настоящим и будущим — находится в таких условиях силы и свободы, с которыми не может сравниться никакое другое положение. Но я жажду говорить с Вами, потому что, с другой стороны, живого человека ничто заменить не может. Очень горячо принял мою психологию Лев Николаевич³. Я рад успеху. —

Итак, до свидания, глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Ваш душевно преданный и почитающий

Н.Страхов

1878 г. 13 июня.

Место написания определяется по связи с п. 8.

¹ Страхов изменил своему первоначальному плану (см. п. 6) и по пути к Фету заехал в Ясную Поляну. Не застав там Толстого, он на следующий же день, 18 июня, отправился в Воробьевку (*Толстая Письма к мужу* С. 153), где провел около месяца, после чего, по приглашению

Толстого (ТС Т. I. С. 434), отправился в его Самарское имение, где к этому времени находилась вся семья Толстых (см. п. 10).

² См. п. 6.

³ Прочитав статью Страхова (см. о ней п. 4, прим. 4), Толстой писал ему 29 мая 1878 г.: «Прочел вашу книгу не раз, и не два, а всю исшарил по всем закоулкам <...> Вы действительно только устанавливаете основания психологии, но вы первый доказываете — и без полемики, без спора ложность идеализма Канта и Шопенгауэра и ложность материализма» (ТС Т. I. С. 446). 11 июня Толстой писал Фету о труде Страхова. «Небольшая книга его очень велика по содержанию» (Толстой Переписка Т. 2. С. 26). Толстой ошибался, называя «книгой» оттиск журнальной статьи Страхова. Этот оттиск с многочисленными пометами Толстого хранится в библиотеке Ясной Поляны (ЯПБ. Т. I. Ч. 2. С. 283–284).

10. СТРАХОВ — ФЕТУ

Тимротовские хутора. 31 июля — 2 августа 1878 г.

1878. 31 июля.

Тимротовские хутора

Пишу к Вам, многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, в тени башкирской кибитки, в которой живу уже вторую неделю, с 23 июля. Кибитка неудобна для литературных занятий, которыми, кажется, и не отличаются башкиры. В холодное время в ней так же холодно, как и на воздухе, а в жаркое очень душно. На мое несчастье здесь с 25 по 29 стояли такие холода, что в одну из ночей был даже мороз, иней лежал на траве. Даже от кумыса мы иногда не согревались, а зябли. Вот Вам все жалобы сначала, а затем пойдет уже всё хорошее. Всё благополучно; все живы и здоровы и Вам усердно кланяются. Графиня, Ваша любимица, кажется, перенесла больше всех, но менее всех унывает и всё оживляет. Дети пищат от радости при всяком удобном или же особенно-неудобном случае. Таня очень пополнила, Лёля худее, но еще бодрее, чем прежде, Сережа стал огромным, Ильюша не переменялся¹. Лев Николаевич, к сожалению, не в очень хорошем духе и говорил, что кумыс не сделал ему на этот раз пользы. Вообще поездку нужно считать благополучно кончающеюся, хотя неудачною, то есть не достигшею цели. Почти сплошь стояла дурная погода, комнат нельзя было топить, и все маялись, кроме опять-таки детей. Ах, я забыл тех, которые не пищат, Машу и Андрюшу², хотя Андрюше следовало бы пищать по всем законам природы. Несмотря на молчаливость, он очень весел и пухл, хотя болезненные припадки не вполне прекратились. Маша по-прежнему мила, жива и тиха.

Теперь дела. Уборка началась только дни три назад с наступлением хорошей погоды. Урожай средний, и Лев Николаевич доволен. Управляющий, Алексей Алексеевич Бибииков, сколько могу судить, действительно золото: неумолим, усерден и милейший человек по нраву. Степи удивительны. Богатство здешних мест бросается в глаза. На семидесяти верстах, которые я проехал от станции до хутора, я видел целые моря пшеницы и без числа табуны и гурты. Узнал я тут и ковыль, траву во всех отношениях бесподобную, и дороги, как будто вымощенные асфальтом, и сухой, необыкновенно здоровый воздух, и кумыс, который понравился мне с первого глотка и который усердно попиваю. Так что я, пожалуй, останусь довольнее всех поездкой. Да, я забыл сказать, что Лев Николаевич телеграфировал графине: *не советую ехать*, но телеграфист выпустил *не*, и только от этого я имею теперь удовольствие созерцать степи³.

Завтра будут у нас скачки, которые уже принял за правило устраивать Лев Николаевич. Будут скакать по кругу, обозначенному бороздою, верст пять в окружности, и должны пройти его пять раз сряду. Уже появились башкиры и поставили свои кибитки. Будет разумеется и музыка, и пение и пьянство, но очень невинное, так как кумыс несравненно легче всякого пива. Обещают очень любопытное зрелище.

Послезавтра назначено для сборов, а там, 3-го числа, предполагается выехать, так что 6-го августа все, кроме меня, будут в Ясной Поляне⁴. Письмо свое я отправлю, когда сяду на железную дорогу, — да раньше и не мог бы отправить, если бы и мог написать, никаких сношений с Самарою в это время не было. Значит, Вы получите его не раньше 6-го, вероятно даже днями двумя позднее. Ну уж извините, скорее известить Вас никак не мог.

Сам же я сяду в Самаре на пароход и поплыву до Нижнего, а оттуда проседу в Ясную Поляну. Я не видал Волги ниже Костромы, и мне хочется воспользоваться случаем и посмотреть эти знаменитые места.

2 августа. Там же

Есть для Вас две новости. Оказалось, во-первых, что наши письма до сих пор здесь не получены. Мало того: неизвестно, как их добыть; в Самаре остановка будет на 45 минут, и, вероятно, почта будет еще заперта. Так что, должно быть, мне придется привезти их в Ясную Поляну, так числа 9 или 10 августа⁵.

Вторая новость — вчерашние скачки. Они начались большим оживлением и кончились общим неудовольствием. Народу было множество. Иногда само собою выходит хорошо, но вчера само собою ничего не устраивалось и вышла путаница, так что даже не знали, кому раздавать призы, и большая часть осталась нерозданною.

Сегодня общие сборы, а завтра едем. Жара страшная. К моему удивлению, кумыс в жар очень тяжел, и гораздо приятнее вести себя по-европейски.

Ну, прощайте наконец, многоуважаемый Афанасий Афанасьевич. Если Вы числа 10—12 будете в Ясной, то мы увидимся еще раз в это лето⁶. Нужно бы многое сказать, чтобы выразить, с каким я удовольствием вспоминаю Воробьевку, наши беседы, и как я благодарен Вам за Ваше милое гостеприимство. Хоть Вы и часто ворчите, а есть что-то светлое у Вас, — часть света Вашей поэзии.

Марье Петровне и всем Вашим усердно кланяюсь. У меня унесли чернильницу — все укладываются, и я решился писать карандашом. Извините за такое неряшество.

Ваш душевно преданный и уважающий

Н.Страхов

¹ Старшие дети Толстых: Сергей (р. 1863), Татьяна (р. 1864), Илья (р. 1866) и Лев (р. 1869)

² Младшие дети Толстых: Мария (р. 1871) и Андрей (р. 1877)

³ 23 июня С.А.Толстая вместе с четырьмя детьми — Сергеем, Татьяной, Машей и полугодолым Андреем выехала в Самарское имение Толстых (*Толстая и Страхов* С. 138).

⁴ Толстые возвратились в Ясную Поляну 6 августа (*Гусев* I Т. I. С. 499).

⁵ Страхов приехал в Ясную Поляну после 9 августа (*ТС*. Т. I. С. 453) и оставался там до 23 августа (см. п. 11).

⁶ О встрече Фета и Страхова в Ясной Поляне см. п. 11, прим. 7.

11. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 28 октября 1878 г.

Бесконечно виноват перед Вами, глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич. Мне страшно подумать, какие энергические выражения, может быть, вырывались у Вас за чаем, когда Вы вспоминали об моем молчании. А я попал в свою обыкновенную колею, то зарывался в книги, то тормозился против воли по случаю Славянского комитета¹, Аверкиева, привезшего вдруг драму и комедию², Случевского, полгода просившего вечера, чтобы читать стихи³, Руслана и Тангейзера⁴, пятиниц Полонского⁵, вторников Бестужева⁶ и т.д. и т.д. Нынче, наконец, освободился и, чтобы не увлечься книгами, решился прежде написать Вам.

Проводивши Вас на Козловку, я остался у Льва Николаевича еще до 23 августа⁷, наконец, скрепя сердце, выехал и сделал визит Павлу Дмитриевичу Голохвастову⁸, в городе Воскресенске, где Новый Иерусалим. Очень милые люди, и восхищают уже тем, что живут в деревне — [Но](Воскресенск чистая деревня). Но представьте, что они владеют там только *домом*. Дом этот выстроен из липового дерева (да, да!), и самым выгодным образом расположен против монастыря, разубран и раскрашен, как игрушка, но, кроме дома и немного денег, у Голохвастова ничего нет. Мы ездили навестить Покровское (верст пять), где большой каменный дом, чудные виды, пруды, стриженный сад и пр. Все это брошено, потому что ни один из братьев не имеет средств поддерживать это имение. Балкон и колонны под ним уже обваливаются — досада меня взяла.

Потом я вернулся наконец в Петербург и убедился, что меня там никто не ждал, и что иные выдумали даже лучше моего: председатель Георгиевский⁹ уехал на 3 месяца в Биариц; Корнилов¹⁰ с дочкой в Италию, а Семеvский тоже совсем собрался за границу и заготовил *на три месяца* вперед книжек «Русской старины»¹¹. Подобной аккуратности еще не видал свет! Не застал я и Григорьевых¹²: уехали на Южный берег к Н.Я. Данилевскому¹³.

Петербург, разумеется, тот же, каким был. Странно сказать, но убийство Мезенцова¹⁴ не сделало почти никакого впечатления в обществе — просто интересный случай и больше ничего. Но правительственные сферы закипели мероприятиями и законопроектами.

Вот скоро два месяца, как я не получаю ни слова из Ясной Поляны — чего не бывало никогда. Это очень меня беспокоит, и не знаю, что подумать. В эту минуту я занят составлением выборки из сочинений Льва Николаевича, для «Русской библиотеки» Стасюлевича¹⁵. Посмотрю, что Вы скажете на мой выбор. В одно из свиданий со Стасюлевичем, пришлось мне от него услышать, что у него теперь только пять первоклассных писателей: Некрасов, Тургенев, Салтыков, Л. Толстой и Гончаров, что шестого он никак не приберет, что можно взять разве одного — Алексея Толстого. «Ну, — сказал я, — Михайло Матвеевич, — я буду стоять за своих — Фет, Майков, Полонский — все стоят гораздо выше Алексея Толстого».

Когда душа твоя чиста
И сердце тихой мыслью бьется,
Ступай туда, где тень густа,
Где жаркий луч сквозь ветви рвется.

Там будет все тебя ласкать
Свет, воздух, чудный вид с дорожки,
И золотые станут мошки
Вкруг головы твоей мелькать.

Но если духом ты взволнован
И шевелится страсть в груди, —
В мой парк ты лучше не ходи.
Он тайной силой зачарован.

Тебя луч солнца обожжет,
Пень сам под ногу подвернется,
И вид чудесный пропадет,
Клещ жадный в пах тебе вопьется,
И станут жалить мух полки
Твой лоб и шею и виски.

5 авг<уста> 1878

Эти стихи начаты мною у Вас и относятся к Вашему парку. А кончил я их на пароходе на Волге. Что Вы скажете¹⁶? С тех пор я не пишу стихов; но что бы я ни написал, я непременно пришлю к Вам. Я знаю, что в Воробьевке не только играют

на бильярде, но и более живут умственными интересами и лучше их понимают, чем в Петербурге. От души желаю Вам, дорогой Афанасий Афанасьевич, всего хорошего и прошу дать весточку о себе. Марье Петровне низко кланяюсь.

Ваш душевно-преданный

Н. Страхов

1878 г. 28 окт<ября>. СПб.

¹ Так называемые «славянские комитеты» были созданы в помощь Болгарии, Сербии и Черногории еще в 1876 г., в начале сербо-черногорско-турецкой войны. Страхов принимал участие в С.-Петербургском отделении Славянского благотворительного комитета (в 1875 г. преобразован в С.-Петербургское Славянское благотворительное общество). Общество издавало «Славянские сборники» (СПб., 1875–1876); редактором первого тома (1875) был Страхов.

² С известным публицистом, критиком и драматургом Дмитрием Васильевичем Аверкиевым (1836–1905) Страхов был знаком еще в нач. 1860-х годов, в пору сотрудничества в журналах бр. Достоевских «Время» и «Эпоха». В 1880-х гг. Аверкиев жил в Москве. 28 сентября 1878 г. Страхов сообщал Толстому: «Приехал сюда Аверкиев и читал у меня свою драму *Смерть Мессалины*. Очень интересно и очень слабо, как этого и следовало ожидать. Язык и стих прекрасные, хотя конечно чужие» (ТС. Т. I. С. 467). В 1879 г. «Смерть Мессалины» была поставлена на сцене; опубл.: Аверкиев Д. В. Драм. Т. III. СПб., 1896. О комедии «Непогрешимые» см. п. 19, прим. 3. К творчеству Аверкиева Фет относился иронически: «осиновый Аверкиев», — писал он Толстому 31 января 1878 г. (Толстой Переписка Т. 2. С. 10).

³ См. п. 17, прим. 3 и 4.

⁴ Речь идет об операх М. И. Глинки «Руслан и Людмила» и Р. Вагнера «Тангейзер» Страхов был меломаном и часто посещал оперу.

⁵ Страхов был в дружеских отношениях с Я. П. Полонским и, как видно из наст. письма, бывал на его литературных пятницах (см. о них наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 72, прим. 4).

⁶ Имеются в виду литературные собрания у известного историка и общественного деятеля Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829–1897), близкого друга Страхова, который считал его «самым образованным человеком в Петербурге» (ТС. Т. I. С. 450).

⁷ Около 20 августа 1878 г. Фет посетил Ясную Поляну, где прочел Толстому и Страхову свою статью «О современном умственном состоянии и его отношении к нашему умственному благосостоянию». Оба слушателя статью не одобрили, и Фет немедленно принялся за ее переработку. 29 августа он писал Толстому: «Теперь я сделал себе конспект по главам — и переписываю так, чтобы вышло органически целое вокруг главного Brennpunkt'a ^{1*} — наша интеллигенция» (Толстой Переписка Т. 2. С. 27). Согласно новой задаче были изменены композиция статьи и ее заглавие — в переработанной редакции она называлась «Наша интеллигенция» (первые опубл.: Вопросы философии. 2000. № 11 (Предисл. и публ. Г. Д. Аслановой и Н. Н. Трубиной). См. также в наст. кн.: Неизд. письма к Толстому, п. 39, прим. 5).

⁸ Известный филолог, знаток былинного русского стиха Павел Дмитриевич Голохвастов (1838–1892) с конца 1870-х гг. преимущественно жил в г. Воскресенске (Моск. губ.) После сближения (в нач. 1870-х гг.) с Толстым (который пользовался библиотекой Голохвастова при работе над романом об эпохе Петра I) к концу 1870-х гг. осудил его религиозные искания. Состоял в переписке со Страховым и Фетом. Жена Голохвастова, Ольга Андреевна (1840–1897), внебрачная дочь Е. П. Ростопчиной и А. Н. Карамзина, — известная в свое время писательница. Посещение Голохвастовых Страхов описал Толстому 29 августа 1878 г. (ТС. Т. I. С. 457–458).

⁹ Александр Иванович Георгиевский (1830–1911), редактор ЖМНП (1868–1870), председатель Ученого комитета М-ва нар. просвещения (1873–1898), членом которого состоял Страхов.

¹⁰ Иван Петрович Корнилов (1811–1901) — видный деятель просвещения Западного Края, член Совета М-ва нар. просвещения, собиратель древнерусских и славянских рукописей, почетный член Славянского благотворительного об-ва.

¹¹ Имеется в виду издатель журнала «Русская старина» Михаил Иванович Семевский (1837–1892). 29 августа Страхов писал Толстому: «...я видел у него большое диво: книжки Русской старины на сентябрь, октябрь и ноябрь уже напечатаны и он, уезжая, только поручит разослать их» (ТС. Т. I. С. 458).

¹² Василий Васильевич Григорьев (1816–1881) — изв. ориенталист, заведующий кафедрой Востока в С.-Петербургском ун-те, начальник Гл. управления по делам печати (1874–1880).

^{1*} жгучего вопроса (нем.).

¹³ О Н.Я. Данилевском см. п. 77, прим. 2.

¹⁴ Шеф жандармов Николай Владимирович *Мезенцов* (р. 1827) был убит в Петербурге 9 августа 1878 г.

¹⁵ По поручению Толстого Страхов готовил для издаваемой М.М. Стасюлевичем серии «Русская библиотека» том избранных произведений писателя, куда вошли: «Детство», «Севастополь», «Три смерти», «Война и мир» (отрывки), «Рассказы для детей», «Басни», «Анна Каренина» (отрывки) и биография Толстого (СПб., Типография М.М. Стасюлевича. 1879).

¹⁶ Отклик Фета на эти стихи Страхова, написанные под впечатлением от пребывания в Воробьевке в июне 1878 г., см. в п. 12. 21 августа Страхов, находясь в Ясной Поляне, переписал их для Толстого вместе с пятью стихотворениями, навеянными общением с ним (ТС Т. I. С. 454–456).

12. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 31 октября 1878 г.

31 октября

Сугубо и *трегубо* (выражение Погодина¹) милейший и дорогой Николай Николаевич! За чайным столом никаких энергических выражений на Вашу личность не направлялось, а как вечером я читать не могу, то результат наших общих с Терезой Ивановной² усилий привел меня только к заключению, что в философии Вашей значительный пробел, а именно: Вы упускаете из виду существование Мпе Майковой и ее безошибочное предсказание о редкости удачи показанного Вами — прекрасного пасьянса³. Да, да — она вполне права — он очень редко удается. Любезное письмо Ваше для меня целый умственный клад. Оно столько вызывает мыслей, что простите за сумбур письма моего, в котором все бы хотелось сказать и категорически и практически, но придется оставить Вас с клочками, которые склеивайте, как знаете.

Что убийство Мезенцова не произвело действия, понятно. Это-де маленькая заносчивость со стороны честных ревнителей истинно полезного и честного дела. Это немного несвоевременно и только потому так выходит курьезно. Это-де несколько не должно мешать честной литературе продолжать свое святое дело разрушения отжившего строя. Это де несколько не мешает пьедесталам Некрасова и Щедрина в ущерб — ни на что не годных Тютчева, Полонского и т.д. Стоит ли заботиться об украшении дома, назначенного к срытию. Ваше, мол, жилье только временное, а уж мы знаем, как все устроить.

От Льва Ник<олаевича> вчера, наконец, получил милое письмо⁴. Он в потугах творчества и никому не пишет⁵. Я, подобно Вам, даже думал, что Яс<ная> По<ляна> провалилась в Везувий. Получил я приглашение на участие в «Русск<ой> Речи» Навроцкого и объявление жур<нала>⁶. Боги! Когда же прекратится бессмысленнейший сумбур в питер<ских> головах? Неужели болото разжижает мозги так повально? В деле опытным здоровые люди делают так. Так как нужно жить, то они, приступая к закладке жилища, устраивают *a priori* *modus vivendi*^{1*} (исторический, догматико-астроно-гидрогра-истерический, какой хотите), а затем натываясь на реальный пень, который в парке сам под ногу подвернется, урезают первоначальный идеал, за невозможностью приладить плоскость к сфере и т.д., иногда до совершенного радикального изменения плана. В англий<ской> консти<туции>, например, дело никогда не шло о логичности, но о практичности. Если сухая ложка рот дерет, макни и кушайте. Но чтобы литератор, сидя в Питере, брался указывать на то, что в *будущей* истории страны останется как коренное, историческое и что отпадет как временное и преходящее, это я объявлял курам и они хохочут. И эти люди кричат против классицизма и философии? Как им не кричать. Сегодня М<арье> Пет<ровне>, которая усердно Вам кланяется и запрещает мне с Вами

^{1*} заранее условия существования (*лат.*).

знаться, если Вы на будущее лето забудете Воробьевку, приведут прибывших из Турции и купленных для прогулок по парку 2-х ученых нигилистов: *Хаиме* и *Гаруна*. Приобрел их Алек<андр> Ив<анович>⁷ случайно в Орле от вернувшегося измайловского офицера. *Хаиме* даже в ожидании произвести к весне на свет длинноухого, но добродушного Некрасова⁸. Говорят, что Гарун великий лирик и в разлуке с Хаиме раздражается громозвучными элегиями, а также тоскливо воспекает прелесть репейника, над кот<орым> «пух от ветра тучей носится»⁹.

Не помню, хоть убейте, было ли «После бури»:

Спит, кидаясь, челн убогий,
Как больной, от страшной мысли

напечатано в «Русск<ом> Вест<нике>» 1875 или 76 года¹⁰. А то я бы дал его в «Русск<ую> Речь», благо просят. Все лениво работаю над своей статьей, которую расширил и органически связал¹¹. Зимой Вас в Питере, если буду жив, поймаю и прочту или дам прочесть. Ради Бога, не откажите. Это бесчестно не сказать. Как милая шутка Ваше стихотворение прекрасно, — как самобытное стихотворение — оставляет желать¹². Присылайте Ваши стихи, если хотите знать искреннее мнение, а не то не присылайте. Вот строки о Голохвастовых божественны¹³. Мы сейчас же с Алек<сандром> Иван<овичем> сказали, что и дом-то их, без сомнения, срублен из старинных липовых аллей парка.

Что хотите рассказывайте из русской жизни, все будет подтверждением моих слов. Русское сельское хозяйство никнет и разрушается не по дням, а по часам. Все это люди не способны к делу, а теперь надо делать и делать самые неприглядные дела. Так, нам на весну необходимо выстроить на противоположном берегу, версты за 3 за деревней, новый хутор. *Нельзя* убирать хлеб в такой или лучше из такой дали! Тут нужно положительное знание, а не нигилизм. И таких вещей в хозяйстве легионы. А тут, что ни мероприятие, то новая беда, непоправимая. Видно, чиновникам подходящий-то налог не по душе. Легче сказать: ну это *они* там *как-нибудь*! А между тем я на лето страхую весь хлеб из страха перед павальными поджогами.

Все наши усердно Вам кланяются. 31 вечером ездил на Гаруне.

Предан<ный> Вам А.Шеншин

Не забывайте¹⁴!!!

Ответ на п. 11.

¹ Михаил Петрович *Погодин* (1800–1875) — историк, проф. Московского ун-та. В пансионе Погодина Фет жил около года — с февраля 1838 г., готовясь к вступительным экзаменам в университет.

² Тереза Ивановна *Ност* — мать Александра Ивановича *Носта* (Оста), управляющего имениями Фета. По настоянию Фетов поселилась в Воробьевке, и стала своим человеком в их семье (МВ 2. С. 369–370; здесь она названа Терезой Петровной).

³ Анна Ивановна *Майкова* (урожд. Штеммер) — жена поэта А.Н.Майкова. От нее Страхов узнал показанный им пасьянс. В семье Фетов этот пасьянс стали называть «Мме Майкова» или «Николай Николаевич» (см. п. 21, прим. 8 и п. 24, прим. 6).

⁴ См. письмо Толстого от 27 октября 1878 г. (*Толстой. Переписка*. Т. 2. С. 31–32).

⁵ Толстой писал Фету, имея в виду работу над романом «Декабристы»: «Вот уже с месяц, коли не больше, я живу в чаду не внешних событий <...> но внутренних, которых назвать не умею», — и прибавляет: «...ничего не могу делать — даже написать письмо» (Там же. С. 31).

⁶ Александр Александрович *Навроцкий* (1839–1914) — издатель журнала «Русская речь» (1879–1882). 21 октября 1878 г. он приезжал к Толстому в Ясную Поляну с предложением принять участие в его журнале. Толстой направил его к Фету. 4 января 1879 г. Фет передал Страхову три стихотворения для публикации в «Русской речи» (см. п. 16, прим. 2). Далее Фет комментирует объявление об этом журнале, редакция которого заявляла о намерении оказывать «по-сильное содействие общему ходу прогресса русского общества» и ставила своей целью «охранять совершенное и содействовать совершеннью того, что составляет логическое последствие»

сделанного, направленное к надлежащему развитию народной жизни» (цит. по: *РО* 1901. Вып. I. С. 98–101).

⁷ Фет страдал тяжелой одышкой, которая не позволяла ему гулять по воробьевскому парку, расположенному на высоком косогоре. После того, как А.И.Иост приобрел для него пару ослов, Фет стал ездить на тележке, в которую был запряжен осел, или верхом. 5-м ноября 1878 г. помещено шутивное стихотворение Фета «К нашим ослам» («Нам повторяли все в речах картинных...»). 11 ноября, посылая его С.В.Энгельгардт, Фет писал. «Я так доволен своим прекрасным далеко, как только может быть доволен человек, которому 23 но<ября> стукнет 58 лет. Дом наш теплый, чистый, вполне барский и даже нарядный. В парке я даже сегодня гулял с восхищением. Жена возмечтала для горных тропинок парка об осле, и вот на днях управляющий купил в Орле у преображ<енского> офицера, вернувш<егося> из Болгарии, целую пару: Гарун и Ханума. Я сам иногда на них катаюсь. <...> Трогательные ослики! Я каждый день читаю Канта и когда Гарун везет меня по парку, никто не скажет, чтоб он не был носителем идей» (цит. по дипломной работе Н.Г.Охотина; письма Фета к Энгельгардт приведены там по копиям С.Г.Шпета).

⁸ Таким образом Фет выразил свое ироническое отношение к поэзии Н.А.Некрасова, которого назвал «низменным Некрасовым» (*Толстой Переписка*. Т. 2. С. 10).

⁹ Шутивный парафраз строки из стихотворения Н.А.Некрасова «Дума» («Сторона наша убогая...»; 1861): у Некрасова «В праздник — жирная баранина, / Пар над шами тучей носится...».

¹⁰ Стихотворение «После бури» («Пронеслась гроза седая...», 1870) опубли.: «Заря» (1871, № 2).

¹¹ Речь идет о статье Фета «О современном умственном состоянии и его отношении к нашему умственному благосостоянию», получившей впоследствии название «Наша интеллигенция» (см. о ней п. 11, прим. 7).

¹² Это отклик на стихотворение Страхова, присланное в п. 11.

¹³ Фет имеет в виду описание дома П.Д.Голохвастова в Воскресенском и его заброшенной усадьбы в Покровском, которое дал в своем письме к нему Страхов (см. п. 11).

¹⁴ На это, по его словам, «чудесное письмо, путаное, бессвязное, но удивительно милое» (*ТС*. Т. I. С. 479), Страхов не ответил. Полтора месяца спустя он просил прощения за свое молчание в ответ на письмо, в котором «целиком отозвалась Воробьевка» (см. п. 14).

13. ФЕТ — СТРАХОВУ

Москва. <11...14 декабря 1878 г.>

Москва, Покровские ворота,
д. Боткиной

Дорогой Николай Николаевич,
приездом через Ясную Поляну¹ узнал, что Вы собираетесь на праздники туда. А между тем я собирався к Вам специально в Питер. Нельзя ли Вам устроить так, чтобы заехать на денек в Москву, где мне необходимо переговорить с Вами². Если это возможно, то хоть на часок забежите ко мне, уведомив по вышестоящему адресу о дне наш<его> московского свидания.

Предан<ный> Вам А.Шеншин

Датируется по содержанию: письмо написано по приезде в Москву из Ясной Поляны, т.е. не ранее 11 декабря 1878 г. (см. прим. 1), и не позднее 14 декабря, поскольку 15 декабря Страхов уже отвечал на него (см. п. 14).

¹ В декабре 1878 г., по пути в Москву, Фет посетил Ясную Поляну: он приехал туда поздно вечером 9 декабря и провел у Толстых весь следующий день (см. наст. кн.: Неизд. письма к Толстому, п. 40).

² Фет хотел ознакомить Страхова с новой редакцией своей статьи «Наша интеллигенция» (см. о ней п. 11, прим. 7; см. также наст. кн.: Неизд. письма к Толстому, п. 39, прим. 5). В понедельник, 20 декабря, Страхов писал Толстому: «В субботу выеду <...> воскресенье проведу в Москве, прослушаю статью Фета и буду уговаривать его не печатать; в понедельник вечером буду на Козловке» (*ТС*. Т. I. С. 487). Получив от Фета статью «Наша интеллигенция», Страхов взял ее с собой в Ясную Поляну (см. п. 15).

14. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 15 декабря 1878 г.

Я все собирался писать к Вам, многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и наконец совсем собрался, как получил письмо от Вас из Москвы. Ну как Вам не бранить меня! А право не виноват. В неделю если выберешь пять-десять часов для занятий, то еще хорошо. То сам именинник, то зовут обедать, то опера, то Комитет¹ — и все меня бранят, что не бываю. Между тем я газет и журналов не читаю, водки не пью и вообще веду себя очень хорошо. — Но к делу. Я не знаю, когда я выеду, вероятно, 22 или 23 вечером; я охотно останусь сутки в Москве, чтобы побеседовать с Вами — у меня же есть и маленькое дело там. Раньше 22-го я не могу тронуться. Затем я полагаю остаться в Ясной неделю или немножко больше, и прямо назад в Питер. А какие Ваши планы? Хотели Вы быть в Петербурге и теперь отложили? Или все-таки приедете?

С «Русской Речью» я теперь немножко познакомился. Меня даже слегка пригласил мой давнишний приятель А.Д.Градовский, который там всем будет вращаться². Я предчувствую, что направление будет несколько розовое, и потому эти хитрые политики отложили в сторону на первое время и *Достоевского*, и *Майкова*, и меня. Но Градовский настолько умен и знаком со всеми нами, что знает или, по крайней мере, чувствует настоящий вес и нас и своих сотрудников. Вероятно, нам можно будет там печататься, но с ограничениями, с выбором. Посмотрим.

Очень интересует меня, что Вы сделали из Вашей статьи³. Еще раз — извините меня за молчание, да еще в ответ на такое милое письмо, в котором целиком отозвалась Воробьевка, и с пасьянсом Майковой, и с Гаруном⁴. — — — Но меня утешает, что увижу Вас лично; я совершенно в Вашем распоряжении. Надолго ли Вы в Москве? Если и ничего не напишите, то ждите меня 23, 24⁵.

Ваш душевно преданный и уважающий

Н.Страхов

1878. 15 дек<абр>. СПб.

¹ Ответ на п. 13.

² Подразумевается Ученый комитет М-ва нар. просвещения, членом которого был Страхов

³ Александр Дмитриевич *Градовский* (1841–1889), историк и публицист, проф. государственного права в Петербургском ун-те, сотрудничал в «Голосе», журнале «Заря», «Вестнике Европы» и др. изданиях. В первых номерах «Русской речи» была опубликована большая работа Градовского «Социализм на Западе Европы и в России», затем его статьи регулярно появлялись в этом журнале.

⁴ См. п. 11 (прим. 7) и п. 12 (прим. 10).

⁵ См. п. 12.

⁶ См. п. 13, прим. 2.

15. СТРАХОВ — ФЕТУ

Ясная Поляна. 31 декабря 1878 г.

1878 г. 31 дек<абр>

Ясная Поляна

Вчера кончил Вашу статью¹, глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и спешу известить Вас о результате. Я читал ее со вниманием и с немалым удовольствием; читали мы и вместе со Львом Николаевичем; зная Вас, живо припоминал Ваш голос и тон, мы, конечно, вполне могли оценить прекрасные мысли и остроумные выражения, которыми наполнена Ваша статья; но несмотря на все это я решаюсь назвать ее чрезвычайно-неудачною. Когда Вы читали нам ее в первом виде², я, признаюсь, не видел хорошенько ни ее достоинств, ни недостатков, при

чтении про себя и те и другие выступили ужасно ярко. Когда я подумал, что все это будет предложено на суд равнодушных и невнимательных читателей, мне сделалось жутко за Вас. Чем больше я сочувствовал Вашим мыслям, тем мне несноснее было думать, что они в Вашем изложении могут вовсе не произвести впечатления, или вызвать пренебрежение.

Главный Ваш недостаток в том, как мне кажется, что Ваш тон двоится. С одной стороны, Вы впадаете в отвлеченность, в философские выводы и прибегаете к самым трудным научным терминам; с другой — Вы ничего не доказываете, не соблюдаете никакого порядка (кроме внутренней связи мыслей), шутите и шалите, словом, держите тон фельетонный. Это постоянное перемешивание двух вещей, из которых каждая очень хороша сама по себе, порождает что-то странное, раздражающее и постоянно неудовлетворяющее. Очевидно, Вы теперь находитесь в поисках за манерой изложения, и еще не нашли своей настоящей формы. Я готов применить к Вам слова, которые Вы обращаете к Бланки³: «Возможно ли на критические усилия возражать общими восклицаниями, хотя бы самого благодушного свойства?» (лист 12). Это я отношу к Вашим шуткам, хотя они и не грешат благодушием. А что касается до Ваших доведений *ad absurdum*¹, я готов повторить приведенные у Вас слова Штейна⁴: «Во всех подобных многообещающих и важных явлениях времени оправдывается положение, что все они, несмотря на грубейшие извращения и односторонности, все-таки где-нибудь связаны с какой-нибудь общепризнанной истиной» (лист 15). Этих истин у Вас часто не видно, и вся аргументация поэтому, не говоря о ее неполноте, лишена существенного элемента. Я отметил сбоку чертою карандаша некоторые места, особенно страдающие непонятностью и неточностью; но, признаюсь, готов был часто тянуть эту черту по целым страницам. Мне странно было вспоминать весь блеск, всю выразительность и энергию Ваших речей и в Ясной Поляне, и в Воробьевке, и видеть, как все это потухло, исказилось и ослабело у Вас на бумаге. Вам изменяет даже Ваш удивительный язык, несравненный дар яркого и краткого выражения. Вы как будто кому-то подражаете, говорите не своим языком, постоянно неловко сбиваясь на свой собственный; Вы взялись как будто не за свое дело, за дело, которое не выше, а гораздо ниже Ваших сил. Я и не думаю просить у Вас каких-нибудь извинений за эти суждения, потому что знаю, Вы увидите в них то, что в них есть действительно, то есть мое искреннее удивление к Вам как к поэту и человеку и мое искреннее и горячее расположение. Как мы восхищались с Львом Николаевичем Вашим последним стихотворением («Смерть»⁵) и как погоревали об Вашей статье! Я вовсе не хочу сказать, что Вам следует ограничиться стихами и не писать прозой; нет, для меня очевидно только, что в прозе Вы не нашли своей формы. Мне представляется, что если бы Вы писали афоризмы, мысли, заметки, что-нибудь подобное, то это, может быть, было бы вполне хорошо и Вас достойно. А еще проще, — если бы за Вами ходил какой-нибудь Босвелл⁶ и умеючи собирал бы Ваши изречения, то из этого вышла бы наверное чудесная вещь. Я видел, что Вы многое сократили в Вашей прежней статье и многое к ней прибавили; но то и другое, увеличив ее содержание, увеличило вместе и бессвязность и как будто только наставило больше загадок для читателей. Нет, дорогой Афанасий Афанасьевич, не выступайте перед нашей паскудной публикой в таком неприбранном виде. Мой голос — против печатания и я тороплюсь Вам его высказать и от души желаю, чтобы мой совет имел успех⁷.

¹ О статье Фета «Наша интеллигенция» см. п. 11 (прим. 7), п. 12 (прим. 11) и п. 13 (прим. 2).

² О чтении Фетом первоначальной редакции статьи «Наша интеллигенция» Толстому и Страхову см. п. 11, прим. 7.

³ Луи Огюст Бланки (1805–1881) — франц. революционер, участник революций 1830 и 1848 гг., идеолог заговоров и терроризма. В статье «Наша интеллигенция» Фет, процитировав

¹ до абсурда (*лат.*)

отзыв Бланки о работе Прудона «Что такое собственность?», писал: «Не служит ли эта задушевная и в сущности справедливая тирада Бланки новым доказательством философской несостоятельности французского ума?» Далее следует текст, приведенный Страховым (Асланова и Трубникова. С. 150).

⁴ Лоренц фон Штейн (1815–1890) — нем. философ и правовед, политич. деятель, социалист. В статье «Наша интеллигенция» Фет привел (в собственном переводе) значительные выдержки из 2-го тома труда Штейна: Stein L. «Die Sozialistischen und Kommunistischen Bewegungen seit der 3 Franzosischen Revolution»^{1*} (Асланова и Трубникова. С. 174).

⁵ По-видимому, в конце декабря 1878 г. Страхов, встретившись с Фетом в Москве по пути в Ясную Поляну, получил от него стихотворение «Смерть» и захватил его с собой, чтобы показать Толстому. Иначе объяснить тот факт, что Толстой и Страхов в последних числах декабря читали в Ясной Поляне «Смерть», не представляется возможным, поскольку Фет послал эти стихи Толстому только 2 января (Толстой Переписка. Т. 2. С. 40).

⁶ Босвелл (Boswell) Джеймс — биограф знаменитого англ. писателя Самуэля Джонсона (1709–1784), в последние 20 лет жизни писателя вел повседневные записи всех его поступков и бесед.

⁷ К мнению Страхова присоединился и Толстой (Толстой Переписка. Т. 2. С. 38). В результате Фет отказался от публикации статьи «Наша интеллигенция» и при жизни его она не была напечатана (о ее публикации см. п. 11, прим. 7).

16. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 16 января <1879>.

16 января

Дорогой Николай Николаевич!

Не совсем здоровится и я мало сосредоточен, чтобы толково написать Вам. Провел отличный день у хворающего Льва Николаевича¹, где усердно взапуски Вас бранили, вроде: *il gagne à être connu*^{2*}, как выразился граф.

Какова-то судьба моих стихов^{2*}? о коей, впрочем, не очень забочусь.

Сунул нос в Шопенгауера³ и вижу, что это дело далеко не легкое, да и не спорное. Надо много перечитать, начиная с «4-fache Wurzel»⁴. Да кроме того, я бы попросил Вас купить и выслать мне русс<кий> перевод Канта⁵, ибо встречаются термины, которые надо отыскивать по-русски, да может найдешь неудачно уже найденное, и <а>п<ример>, *Korrelat*⁶ и т.д. Эти деньги были бы мне некоторой ес-ли не гарантией, то по крайней мере вроде штрафа, на случай Вашего неприезда весной в Воробьевку. А если боитесь штрафа, напишите и с первой почтой вышлю деньги. Посылайте *sous bande*^{3*} на Будановку.

Марью Петровну жду 23 января. В настоящую минуту скучная возня с герметич<ескими> печами, которые я окончат<ельно> разжаловал в простые. Критик «Русс<кого> Вест<ника>» возводит Маркевича в Тургенева, *лучшей поры послед-него*, а Авсеенко в Теккерен и т.д.⁷ *Risum teneatis*^{4*}! Оказывается, что людей со вкусом и обонянием совершенно нет.

Черкните при досуге словечко. Алек<сандр> Иванович также много бранит Вас и также усердно Вам кланяется. — Но что Графиня, эта прелесть, так Вас хвалит, то не только радуюсь за Вас, но и завидую⁸. Экой счастливчик. Вчера про-рвало новым стихотворением, которое прилагаю⁹. Крепко жму Вашу десную¹⁰.

Ваш А.Шеншин

Год определяется по содержанию (см. прим. 1 и 7).

¹ Около 9 января 1879 г. Фет, на обратном пути из Москвы, посетил Толстого, который был в то время сильно простужен (см. наст. кн.: Переписка с С.А. Толстой, п. 7).

^{1*} «Социалистические и коммунистические движения после 3-й французской революции» (нем.)

^{2*} он выигрывает при ближайшем знакомстве (франц.).

^{3*} под бандеролью (франц.).

^{4*} Удержитесь от смеха (лат.).

24 января 1879 г. Страхов, возвращаясь из Ясной Поляны, повидался в Москве с Фетом, который передал ему три стихотворения и просил его содействия в их публикации. 6 января Страхов писал Толстому: «Я получил от него два стихотворения — *Оттошедшей* и *Смерть* для передачи Навроцкому, и с величайшей радостью взялся быть его поверенным. Я попросил его переписать на том же листке *Alter ego*. Когда здесь уж я стал перечитывать эти три пьески, меня ужасно поразила и связь их, и та страшная унылость, которая скрыта под этою энергическою, яркою речью. Бедный Фет! Этот случай возбудил во мне такую нежность к нему, которой я, вероятно, никогда не забуду. Один везде, и в своей великолепной Воробьевке!» (ТС. Т. II. С. 489). Страхов намеревался предложить стихи Фета в новый журнал «Русская речь» (1879–1882; ред.-изд. А.А.Навроцкий). О судьбе этих стихов см. п. 20 (прим. 1), п. 23 (прим. 1), п. 26 (прим. 3).

³ В это время Фет готовился приступить к переводу труда А.Шопенгауэра «*Die Welt als Wille und Vorstellung*» («Мир как воля и представление»).

⁴ Подразумевается труд А.Шопенгауэра «*Über die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde: eine philosophische Abhandlung*». Впоследствии Фет перевел его под названием «О четверном корне закона достаточного основания» (М., 1886; 2-е изд. М., 1891).

⁵ О русском переводе этого труда Канта см. п. 4, прим. 1.

⁶ *Korrelat* — соотношение предметов или понятий (нем.). Первоначально в русских переводах переводилось как «коррелят», позднее — «корреляция».

⁷ Подразумевается статья П.Щебальского «Ныне и четверть века назад» (РВ. 1878. № 12) — о романах Б.М.Маркевича («Четверть века назад. Правдивая история») и В.Г.Авсеевского («Скрежет зубовный»). С точки зрения рецензента Маркевич «оказывается последователем Пушкина и Тургенева, в лучшей поре таланта этого последнего» (С. 948). Что же касается Авсеевского, то он «усвоил приемы английских романистов, той школы патриархами которой были Диккенс и Теккерея» (С. 943).

⁸ Вероятно, здесь имеется в виду мнение С.А.Толстой о Страхове, высказанное ею во время пребывания Фета в Ясной Поляне в январе 1879 г. и нигде не зафиксированное.

⁹ Автограф стихотворения «Никогда», который был приложен к данному письму, считался утраченным (ВО 1979 С. 657). Однако он существует и учтен при описании автографов этого стихотворения, но не был поставлен в связь с письмом Фета (Там же). Автограф хранится в «Коллекции документов», составленной А.Г.Достоевской (РГАЛИ Ф. 212. Оп. 2. Ед. хр. 276. Л. 4–4 об.). Собственноручная надпись ее на конверте: «От Страхова», — указывает на источник поступления автографа в коллекцию Достоевской. В том же конверте хранятся письмо Фета к Страхову от 22 сентября <1880> (см. п. 55), автограф стихотворения «Никогда» и почтовый конверт, адресованный Фетом Страхову с почт. штемпелем: «22 сентября 1880». По-видимому, Страхов подарил А.Г.Достоевской эти два документа для ее коллекции, изъяв стихотворение «Никогда» из письма Фета, к которому оно было приложено на отдельном листе. Это подтверждается авторской правкой в шестой строке автографа: под словом «домовину» читается начало слова «гроб<овину>». Об этой правке Фет писал Страхову 3 марта 1879 г. (см. п. 21). Сообщение, что прилагаемые к письму стихи написаны «вчера», позволяет уточнить дату написания стихотворения «Никогда»: 15 января 1879 г. О его публикации см. п. 20, прим. 1.

¹⁰ Десную — правую (руку).

17. СТРАХОВ — ФЕТУ¹

С.-Петербург. 23 января 1879 г.

Послал Вам сегодня, глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, «Критику чистого разума» и хочу написать несколько строк, чтобы хоть чем-нибудь уменьшить свою вину. Пока я молчал, Вы прислали мне и письмо, и стихи¹. Стихи чудесные, из числа лучших Ваших стихов. Я теперь хожу всегда с Вашими стихотворениями в кармане и читаю их всегда, где только можно. Прежние уже знаю наизусть, и не могу начитать. Но знаете ли? — Я до сих пор не вошел в сношения с «Русскою Речью»; я все искал удобного и легкого пути туда, но наконец прибегаю к энергическим мерам, и на этой неделе буду продавать драгоценные камни Вашей поэзии. Признаюсь, первая книжка этого журнала меня огорчила, и всего огорчительнее в ней стихотворение Навроцкого, стоящее на первой странице и открывающее собою журнал. Этим стихотворением автор, которого я никогда не

читал, *навсегда* уронил себя в моих глазах, и я уже никогда не буду его читать. Это отвратительно по безграмотности и безвкусице².

Сам я все мыкаюсь и мыкаюсь, и, кажется, кроме чтения Ваших стихов, ничего хорошего не делаю. Да, я забыл прибавить, что действие стихов — неотразимо, и что всего сильнее действует «Alter ego», как тому и следует быть.

Имеете ли Вы понятие о поэме Случевского «В снегах»³? Он у меня читал еще новую поэму «На весу», но далеко не так удачную⁴. А «В снегах» стоит Вашего внимания.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич! Я скоро Вам буду писать, когда войду в сношения с редакцией. Теперь же примите усердные пожелания Вам всего хорошего

душевно Ваш

Н. Страхов

1879 г. 23 янв<аря>. СПб.

Ответ на п. 16.

¹ Т.е. стихотворение «Никогда» (см. о нем п. 16, прим. 9, п. 20, прим. 1).

² Речь идет о стихотворении А. А. Навроцкого «Долго готовясь, отважно и смело...» (РР 1879. № 1; подп.: Н. А. Вроцкий), в котором декларировалось, что возглавляемый им журнал будет «душу страны пробуждать человечью».

³ Поэт Константин Константинович Случевский (1837–1904) дебютировал в конце 1850-х гг., однако, не принятый «прогрессистским» лагерем, вскоре отошел от литературы. Поэма «В снегах» (НВ. 1879. № 1. Приложение) стала «вторым дебютом Случевского, полноценным возвращением в литературу в качестве виднейшего поэта-«восьмидесятника»» (Роднянская И. Случевский К. К. // Рус. писатели. 1800–1917. Биограф. словарь. Т. 5. М., 2007. С. 661).

⁴ Поэма Случевского «На весу» нами не обнаружена. Возможно, что она была опубликована под другим названием.

18. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 28 января 1879 г.

28 января

Тысячу раз спасибо Вам, дорогой Николай Николаевич, за любезную присылку «Критики разума», а еще более за любезные строки, полученные сегодня одновременно с книгой. Очень приятно было мне одновременно с Вашим письмом получить от старинной приятельницы из Висбадена другое¹, в котором она пишет больная: «и перевозили меня тогда больную, а я всё повторяла в уме Ваше „Alter ego“; всё ваша лилея гляделась в нагорный ручей — и с этим я пережила весну». — Такие отзывы с совершенно противных сторон свидетельствуют, что это правда, а не сочиненная за кофеем штука².

По милости Вашей кабинет мой представляет какую-то книжную слесарню. Столько навалено книг, что не успеешь оглядываться.

Я уже начал понемногу переводить³, и это очень весело. Надо усердно бороться с текстом. — Теперь будьте великодушны и слушайте смиренно, а затем говорите. Шопенгауер поймал, так сказать, логику бытия, которую, как Вам известно, назвал, если память не изменила, так как эта моя книга у Толстого, «Die 4 fache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde»⁴. — Эти корни, как он их называет: время, пространство, причинность и 4<-го>, хоть убейте, не помню. Написал Борису купить и перечту. Тем не менее Шопенгауер то и дело ссылается на это сочинение и для краткости называет его «Der Satz vom Grunde». По зрелом размышлении я перевел это название «Положение об основании». Слово «Satz» здесь имеет то самое значение, которое в математике имеет *теорема*, в противоположность или отличие от *аксиомы*. В логике я не знаю более соответственного слова, как *положение*. И если бы переводить весь титул книги, следовало бы перевести:

А. Л. Б—ой.

Давно́й дру́гъ, прими мой страда́нъ,
 Ты ми́ѣ прости бога́твенный мой ври́къ.
 Съ тобою лѣтѣтъ въ ду́шѣ воспомина́нъ,
 И доро́жить тобою я не отка́жусь.

Кто скажетъ намъ, что жить ми не умѣли,
 Бездушные и праздные умы?
 Что въ насъ добро и лѣтностъ не горѣли,
 И красото́ю не жертвовали ми?

Гдѣ-жъ это все? Еще душа плачетъ,
 По прежнему готова миръ обить. —
 Напрасный жаръ! Никто не помыслилъ;
 Воскреснуть звуки и замурты олитъ.

Одна лишь ты! Високъ волнено
 Въ далека ми́ѣ голо́съ твой принялъ.
 Въ ланитахъ кровь и въ сердцѣ вдохновенъ! —
 Прощъ этотъ сонъ! — Въ немъ слишкомъ много словъ.

Не жизни жажди! Съ томительнымъ дыханьемъ
 Что жизнь и смерти? А жалъ того огня,
 Что просіялъ надъ дѣлѣмъ мирозданья,
 И въ ночь влѣтъ — и плачетъ, уходитъ.

А. Фетъ.

ALTER EGO.

Какъ люди глядятся въ изгорный ручей,
 Ты стояла надъ первою цѣпей мосей, —
 И была-ль отъ кого тутъ побѣда, и чья,
 У ручья-ль отъ цѣпка, у цѣпка-ль отъ ручья?

Ты душою младенческой все поняла,
 Что ми́ѣ высказать тайныя сила дала,
 И, хоть живи безъ тоби суждено ми́ѣ влачить,
 Но ми́ѣ имѣтъ съ тобою, насъ нельзя разлучить.

Та ужина, что дали на могилѣ твоей,
 Здѣсь на сердцѣ, чѣмъ старо оно, тѣмъ снѣжнѣй;
 И я знаю, казинуши на вѣздахъ порой,
 Что взирали на вихрь мы какъ боги съ тобою.

У любви есть слова, тѣ слова не уирутъ;
 Насъ съ тобою ожидаетъ особенный судъ.
 Онъ съумѣетъ насъ сразу въ толпѣ различить,
 И мы вмѣстѣ придемъ, — насъ нельзя разлучить!

А. Фетъ.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦІЯ СТИХОВ ФЕТА «А.Л.Б-РЖЕСК-ОЙ» И «ALTER EGO»

«Огонек». 1879. № 8 (февраль)

В начале первого стихотворения повторена описка самого Фета (*прими* вместо *пойми*);
 в последней строфе пунктуация, предложенная Страховым.

В начале второго стихотворения — правка редактора, нарушившая ритм стиха (лилия вместо лилея)

«4 корня положения о достаточном основании» (подразумевается, к бытию). Если б Шопенгауер хотел сказать более грубое и частное: «О достаточной причине», то не затруднился бы словом «Ursache». Вот мои основания к такому переводу «Положение об основании», а не об «основе» даже; ибо достаточное основание бывает, а достаточной основы не бывает. Основа бывает или крепкая или гнилая и т.д., ибо она вещь, *poten*, а основание — *numen*^{1*}. Напишите, прав ли я.

Дорого мне, чтобы Вы с Толстым одобрили мои стихи, а остальные, как хотят. — Однако как психология интересен отзыв Майкова⁵.

Случевский был далеко не без таланта. «В снегах» не читал, да и где я могу что прочесть, хотя бы на весу⁶.

Помню, в моей азбучке стояло: говори всегда правду и никогда не лги. Поэтому, наперекор приличию, наперед объявляю Вам, если Вы весной минуете Воробьевку, то на Ваш счет будут раздаваться энергические выражения. Я застал Толстого заваленного всякого рода источниками того времени и думаю, что он теперь там, а потому ответа скорого и не жду⁷. Позвольте мне быть Вам должным за Канта до свидания, как помню, 3 руб. 80 коп. Хотя имею возможность уплатить эти деньги в Питере через Боткинского поверенного; но право, это много шуму из ничего. Не продается ли какой из драгоценных камней, как Вы их величаете⁸.

Сегодня утром, по получении Вашего и загранич<ного> письма, написал стихотворение, котор<ое> прилагаю на цензуру⁹.

Жена нашла в газетах смерть Мстислава Викт<оровича> Прахова, уж не поэт ли¹⁰?

^{1*} *poten* — имя, вещь; *numen* — знак согласия, повеления богов (*лат.*).

Оба мы и Александр Иванович, ныне уехавший в воронеж<скую> деревню¹¹, усердно Вам кланяемся. Пожалуйста, поменьше мыкайтесь и почаще радуйте строками.

Ваш А.Шеншин

А.Л.БРЖЕСКОЙ

1 куп<лет>

Далекий друг, прими¹² мои страдания,
Ты мне прости болезненный мой крик.
С тобой цветут в душе воспоминанья
И дорожить тобой я не отвык.

2 к<уплет>

Кто скажет нам, что жить мы не умели
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы.

3 к<уплет>

Где ж это все? Еще душа пылает,
По-прежнему готова мир обнять.
Напрасный жар! Никто не понимает
Воскреснут звуки и замрут опять.

5 куп<лет>

Не жизни жаль, с томительным дыханьем
Что жизнь и смерть!? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет — и плачет!^{1*} уходя.

А.Фет

4 куплет^{2*}

Одна лишь ты! Высокое волненье
Издаেকে мне голос твой принес.
В ланитах кровь и в сердце вдохновенье.
Прочь этот сон! в нем слишком много слез.

Ответ на п. 17.

¹ Приятельница — А.Л.Бржеская. С супругами Бржескими Фет был дружен в молодости, в годы военной службы в Херсонской губ., и сохранял с ними связь в дальнейшем (подробнее см. наст. том (кн. I): Письма к Борису, п. 2, прим. 16). После смерти мужа (1868) и до конца дней Бржеская жила в Висбадене. 15 марта 1879 г. С.В.Энгельгардт сообщила Фету со слов своей племянницы, встречавшейся с Бржеской в Висбадене: «Она вас очень любит, и очень желает быть у вас <в> деревне, но ее здоровье так плохо, что она не решается предпринять дальнейшее путешествие» (Энгельгардт II. С. 62). Летом 1879 г. Бржеская посетила Фета в Воробьевке.

² Стихотворение «Alter ego» было навеяно воспоминаниями о Марии Лазич, с которой Бржеские были знакомы. Отзыв Страхова о нем см. в п. 17. О судьбе этого стихотворения см. п. 20, прим. 1 и п. 23, прим. 1.

³ См. п. 16, прим. 3.

⁴ См. п. 16, прим. 4.

⁵ Отзыв А.Н.Майкова о стихотворении «Alter ego» неизвестен.

^{1*} Вместо «плачет» над строкой вписано рукой Страхова (?): «гаснет».

^{2*} Этот «куплет» приписан на нижнем поле листа.

⁶ См. п. 17, прим. 3.

⁷ Фет имеет в виду погруженность Толстого в работу над романом «Декабристы».

⁸ Речь идет о стихах Фета, переданных им Страхову для публикации (см. п. 16, прим. 2).

⁹ Отзыв Страхова о стихотворении «А.Л.Бржеской» см. в п. 20. О публикации его см. там же, прим. 1; см. также п. 21 (прим. 4) и п. 22 (прим. 3 и 14). Об этом стихотворении Толстой писал Фету: «Это вполне прекрасно. Коли оно когда-нибудь разобьется и засыпется развалинами, и найдут только отломанный кусочек: в нем слишком много слез, то и этот кусочек поставят в музей и по нем будут учиться» (Толстой Переписка. Т. 2. С. 48–49).

¹⁰ Мстислав Викторович Прахов (1840–1879) — поэт, филолог и переводчик, проф. Дерптского ун-та. Страхов был близко с ним знаком.

¹¹ А И Иост отправился в имение Фета Грайворонка (Воронежская губ.).

¹² Эту неточность (*прими* вместо *пойми*), которая из автографа перешла в первую публикацию, Фет отметил как свою опisku (см. п. 22). При публикации в *ВО I* эта неточность была устранена.

19. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 16 февраля <1879 г.>

16 февраля

Дорогой Николай Николаевич!

Когда-то Вы сказали: «Я знаю, что в Воробьевке не всё играют на бильярде, но и...»¹. Оборачивая эту фразу на Петербург в приложении к Вам, я почти решаюсь выразить ее так. В Петербурге только пляшут на частных и публичных балах, а — т.е. забывают далеких друзей.

На днях получил 1 № «Русск<ого> Вест<ника>» и, во-первых, некот<орые> стихи Майкова прелестны², — истинно поэтичны. — Затем, вчера, скрепя сердце, дочел вечером вслух «Непогрешимые» Аверкиева — и, как ни сиделся отстаивать его здравые тенденции, ну хоть желание интеллигентных, женских (т.е. под председательством милой хозяйки) кругов, как это было в возрождающейся Италии или в XVIII столет<ии> во Франции, где породило и, главное, поддержало не только отдельных поэтов, мыслителей, художников, но целые школы — как ни старался я во имя честного направления заступиться за автора, но наконец и сам не выдержал и прыснул от смеха³.

Как же он, тоскующий об Аристотеле и Аристофане с братией, не видит, что ярлыки его монологов можно, без ущерба поэтической правде, переклеивать со лба на лоб любому из его действующих имен, — ибо лиц тут никаких нет. Это даже не крысы, которые понюхали и прочь пошли, это даже не тени, которых Одиссей угощает жертвенной кровью⁴.

У нас делается уму непостижимое. Среди февраля — полная весна. Реки разлились и прошли. Пути сообщения прерваны, а все надо возить и доставлять. И что из этого выйдет — Бог знает.

Боткин передал Вам мой карточный должок⁵. Пожалуйста, побалуйте строчкой.

Жена и Александр Иванович усердно просят передать их поклоны. Приехали гости. Жду какого-нибудь сюртука, взамен неприличного моего желтого любимца и кончаю заочным крепким рукопожатием.

Ваш А.Шеншин

Год определяется по содержанию (см. прим. 2 и 3).

¹ См. п. 11.

² Подразумевается цикл стихотворений А.Н.Майкова «Из испанской антологии» (РВ 1879. № 1).

³ Это чтение комедии Д.В.Аверкиева «Непогрешимые» (РВ 1879. № 1) Фет описал Толстому 19 февраля 1879 г. (Толстой Переписка. Т. 2. С. 53).

⁴ Отсылка к «Ревизору» Гоголя и 11-й песне «Одиссеи» Гомера.

⁵ Цитата из «Горя от ума» А.А.Грибоедова. Имеется в виду долг за книгу.

20. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 24 февраля 1879 г.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Я очень виноват перед Вами, но имею и некоторые заслуги. Главная — четыре Ваших стихотворения напечатаны в «Огоньке», а пятое — «Отошедшей» будет напечатано в апрельской книжке «Русской Речи»¹. Помещение в «Огоньке» Вы можете считать за маленькое унижение, которое вполне вознаграждается однако великою честью, делаемою Вам г. Навроцким². Я то смеюсь, то бешусь, но, право, мы живем в нелепое время. Вы знаете, что на Вас существует гонение, поднятое, конечно, Вашими собратами, Курочкиным, Минаевым³ и пр. Но несколько более слабое гонение существует и на Майкова, а нынче гонению подвергся и Полонский, употребляющий такие великие старания избежать ссоры с передовыми. Стасюлевич забраковал его чудесное стихотворение «Нине Александровне Грибоедовой»⁴. — И вот — какое зрелище! — три наших поэта, вошедшие в насмешливый стих Добролюбова

Майков, Полонский и Фет⁵, —

в 1879 году все являются в «Огоньке»⁶! Хорошая компания должна Вас утешить. Вам пришлют и «Огонек» и деньги. Я искренно радуюсь, что есть журнал, который беспрекословно Вас печатает, хотя и поставил *лилия* вместо *лилея*⁷. Навроцкий, конечно, нелепый человек; его смутили слова *домовина*, *простерть*, и он просил меня предложить Вам изменить их. Я обещал, но потом мне совестно стало⁸. *Аловерта*⁹, редактора «Огонька», я не знаю, но Майков, устроивавший дело, его хвалил, да и по делу видно, что толковый.

Ваше последнее стихотворение — какая прелесть¹⁰!

Кто скажет нам?...

И в ночь идет, и плачет, уходя.

Как это тепло и трогательно! Один знакомый нашел только, что *огонь* не может *плакать*. Тонкое замечание¹¹! Посмотрите пунктуацию Ваших стихотворений: я ее делал — хорошо ли? А Аловерту за *лилию* будет выговор. Но в том же письме у Вас было известие о смерти Прахова, которое больно поранило меня и даже помешало мне отвечать Вам. Какая печальная судьба, и сколько потеряли в нем люди, которые близко его знали! Его стихи — самое худое, что в нем было. В нем было глубокомыслие и тонкость и детская доброта. Но он был поражен какою-то странною болезнью, которая не давала ничему развиваться. А я мог видеть его в Москве — и не видал! Перед смертью он был бодр и весел; спокойно улегся спать — но не проснулся. Проклятые морозы испугали меня и я не поехал к нему. Я-таки поплатился за свою поездку — но теперь всё благополучно.

Satz vom Grunde — закон основания. Что *основания* — это Вы сами перевели совершенно верно; а *закон* потому, что у нас употребляют выражение — *законы мышления*, и один из них — *закон достаточного основания*. Шопенгауэр считает одним из четырех видов общего закона основания¹².

Пока, простите. Душевно желаю Вам всего хорошего; не поминайте лихом.

Ваш Н.С.Страхов

1879. 24 февр<аля>. СПб.

Ответ на п. 18 и 19.

¹ В феврале 1879 г. еженедельник «Огонек» опубликовал стихи Фета: «Аллея его» и «А.Л.Б<ржеск>ой» (№ 8; ц. р. 12 февраля), а также «Никогда» и «Смерть» (№ 9; ц. р. 21 февраля.). В мае в журн. «Русская речь» (№ 5) опубликовано стихотворение «Ты отстрадала, я еще страдаю...» (под заглавием «Отошедшей»).

² О редакторе журн. «Русская речь» А.А.Навроцком см.: п. 12, прим. 6.

³ Страхов имеет в виду «гонения», которым в 1860-х гг. подвергал Фета журнал В.С.Курочкина «Искра» в своих пародиях и карикатурах. К Фету обращались многие пародисты «Искры», но главным его «гонителем» был Д.Д.Минаев (Поэты «Искры». Т. 2. Л., 1955, см. по именному указ.).

⁴ Об этом стихотворении Я.П.Полонского см. ниже, прим. 6.

⁵ Цитата из пародийного стихотворения «Мысли журналиста при чтении программы, обещающей не шадить литературных авторитетов», в котором высмеивалась программа журнала бр. Достоевских «Время» («Свисток» <№> 7 // Современник. 1861. № 1). Страхов ошибся: автором этого стихотворения был Некрасов, а не Добролюбов (см.: Свисток. Собр. литературных, журнальных и других заметок. Сатирич. приложение к журналу «Современник». 1859–1863. Изд. подг. А.А.Жук и А.А.Демченко. М., 1981. С. 515–516).

⁶ В феврале 1879 г. в «Огоньке», помимо указанных стихов Фета (см. прим. 1), были опубликованы: стихотворение А.Н.Майкова (см. о нем п. 22, прим. 7 и 8) и отвергнутое редактором «Вестника Европы» М.М.Стасюлевичем стихотворение Я.П.Полонского «Нина Александровна Грибоедова» (№ 10).

⁷ При публикации стихотворения «Alter ego» в первой строке была допущена нарушавшая стихотворный размер опечатка: *лилия* вместо *лилея*.

⁸ А.А.Навроцкий настаивал на замене слов «домовина» и «простерть» в стихотворениях «Никогда» и «Смерть». В результате Страхов передал эти стихи в «Огонек», где они были опубликованы без изменений (см. прим. 1).

⁹ Николай Павлович *Аловерт* (1847–1927), фамилию которого Фет будет обыгрывать в нескольких письмах, с 1879 г. начал издавать журнал «Огонек», где охотно публиковал стихи известных поэтов.

¹⁰ Страхов цитирует стихотворение Фета «А.Л.Б<ржеск>ой» («Далекий друг...»), присланное ему 28 января (см. п. 18) и к моменту написания письма уже опубликованное (см. прим. 1).

¹¹ Возражения Фета на это замечание см. в п. 21.

¹² 28 января Фет советовался со Страховым по поводу перевода на русский язык одного из философских терминов Шопенгауэра (см. п. 18).

21. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 3 марта 1879 г.

3 марта

1000 раз спасибо Вам, дорогой Николай Николаевич! за Ваше последнее письмо, коего почерк я всегда с такой радостью узнаю на редких конвертах. Спасибо и за хлопоты и за все. Дороже всего, что именно Вы-то один из тех: «чья благосклонная рука потреплет лавры старика»¹. Приходится коснуться столь разнообразного, что удобней по пунктам

1. Конечно, не мешает напечатаньем последних стихов дать будущему собирателю легкий к ним доступ. Не все же будут зеленоухие ослы заседать на стольчке нашей интеллигенции. Но чтобы я изменял то, что сознательно поставил и оставил в стихотворении, для этого мне недостаточно желания Навроцкого. Другие люди благодарили бы меня слезно за то, что я возобновил державинское совершенное «простерть»². Протягивать — протянуть. — Простирать не значит простереть — простерть. Кто же как не стихотворцы должны усекать неповоротливые слова.

Стихотворная речь и адвокатская — только у ослов одна и та же.

Все эти неумытые даже не *dii minorum gentium*^{1*}. Какой Курочкин и Минаев мне собрат. Не потому ли, что носят, как я же, сапоги. Хотел поставить «гробовина» и поставил: «домовина»³. Так ей и быть. Не станет печатать — черт с ним. — Не говорят ли: солнце на закате *плачет*. А что оно, как не огонь⁴. — Ума палата!!!

Что такое Аловерт, понятия не имею. Возможно ли запихать лилию, не идущую в размер⁵?

^{1*} второстепенные боги (лат.). *ди но*

2. Спорить не стану: для читателя Satz — закон — удобопонятнее. Но у Шопенгауера лексикон-то был недалеко, и он бы сумел поставить Gesetz. Здесь не место указывать на оттенки этих понятий — *положение* и *закон*. Но поставлю с благодарностью «закон»⁶.

3. Как перевести «Correlat»? — Я бы сказал «Соответственное». Коррелят действительного матерьяльного действия — будет в духовном: *воля*. Слово это, как многие технические, варварское: глагола «correleo» не существует.

4. Понятия «много» и «мало» совершенно субъективные. Для другого одобрение всех очень много, а одобрение Толстого и Страхова — очень мало. Вообразите, что для меня это совершенно наоборот.

У нас с 28 января чистая весна. Гуси летят, жаворонки поют, реки прошли. Все это в хозяйстве крайне неудобно и мучительно. Но что же делать. — В «Мюнхгаузене», кажется, есть место, как, напавши на врагов и боясь их упустить, благородный витязь их окружил⁷. Лев Николаевич все говорит, что у нас на Руси завелся *один* нигилист и, мелькая то там, то сям по жел<езной> дороге, кажется множеством. Теперь, кажется, этот один хочет нас всех окружить. Денно и ночью благодарю Бога, что сижу в своем прекрасном далеко и знать не хочу чепухи.

К вечерним пасьянсам присоединились несколько новых, но мой любимец все пока «Мне Майкова»⁸ хотя иногда ужасно капризничает.

Господи! да когда же снова обнимем Вас, дорогой Николай Николаевич, в Воробьевке?

Жена, Александр Иванович, словом, все мы усердно Вам кланяемся и надеемся, что сдержите слово.

Будьте здоровы и пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, балуйте хоть изредка Вашими строчками. Хоть здравым смыслом от них повеет. А то послушаешь, что делается, или прочтешь газеты с выдуманной чумой⁹, — просто сам делаешься хуже чумного. Приходится или самому признать себя сумасшедшим или все так называемую безграмотницу-интеллигенцию, чтоб ее чума задавила.

Ваш усердный А.Шеншин

Ответ на п. 18 и 20.

¹ Пушкин А.С. Евгений Онегин. Гл. 2, XL

² Глагол «простергъ» в разных формах встречается у Державина неоднократно (напр. «Вельможа», «Ласточки» и др.).

³ Об этой правке см. п. 16, прим. 8.

⁴ Фет возражает против поправки в последней строке стихотворения «А Л Б <ржеск>ой» (см. п. 20). Судя по сохранившейся в автографе помете (см. п. 18), эту поправку предложил сам Страхов

⁵ См. п. 20, прим. 7

⁶ См. п. 20, прим. 12

⁷ Сюжет из романа немецкого писателя Р.Распе (1737–1794) «Удивительные приключения барона Мюнхгаузена» (1786).

⁸ О пасьянсах, любимых в доме Фета, см. п. 12, прим. 3.

⁹ В феврале 1879 г. Петербург был напуган сообщением о случаях чумы в столице (ТС Т. II. С. 500, прим. 6).

22. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 23 марта <1879 г.>

23 марта

Простите, дорогой и добрый Николай Николаевич! что снова беспокою своими писаниями.

«И не одним прощеньем
Всемилосердный благ, — он благ молчаньем»¹.

Я бы не дерзнул нарушать последнего вида Вашей благодати без очевидных поводов.

1-е «Огонек» получаю и о лилии сокрушаюсь², а Вашу интерпункцию «с болезненным дыханием, что жизнь и смерть?» нахожу гениальной, а потому правильной³. Вам надо издавать поэтов. Это младенцы. Послание Полонского к Грибоедовой прелестно от начала до конца⁴. Так теперь не умеют писать!! Прогресс мешает. Как мешает он Тургеневу написать что-либо по старине, действительно реальное в искусстве, как то и дело мешает самому Полонскому, про которого в заведенной вновь книжечке афоризмов⁵ сказано: «Художники, в угоду рутинной толпе, хвастающие страстью к Италии, в душе рассчитывают на лишний "скудо" (scudo) Этот расчет губит талант. Рано или поздно толпа, вослед знатоков, отвернется от низкопоклонника и последний скудо уйдет. Можно и Полонского признать человеком умным, но с прибавлением *скудо*». Впрочем, такое суждение о его разумности не вредит в моих глазах поэту, художнику, а по теории Шопенгауера и моей, еще может быть в пользу. Зато окончательное фиаско Тургенева и всех тенденциозников неизбежно⁶.

Но Майков! Майков! Я увидел слово «Радойце»⁷ и с меня было довольно, чтобы воскликнуть: *volti subito*!⁸ — <I нрзб> это дрова. — Да посовестился ругать не читая и сейчас прочел. Как же эти умники не поймут, что, во-первых, на порабощение народов образованных необразованными есть свои исторические, чтобы не сказать всемирные причины. Рим Грецию, Россия Польшу, франки галлов и т.д. Что отнять у безвредного младенца меч-кладенец и передать его силачу никто не допустит из самоосохранения, которое вернее и благонадежнее всяких мечтаний и что проповедовать о хвале убийства губернатора из-за принципа, теперь, по крайней мере, несвоевременно⁹. Но чтобы всего этого не видеть и, главное, не разумеать, надо быть жителем Питера. Только тогда, т.е. при последнем условии человек делается вполне способным производить над несчастной страной, погрязающей во мраке невежества всевозможные несуразные опыты *in cogroge vi*!¹⁰ — Нет, положительно, пасьянс г-жи Майковой¹¹ несравненно превосходит спитой Иван-чай ее мужа. Да какие стишечки. Ведь ни одного похожего на поэзию. Это горькие осиновые дрова.

Перехожу к делу: никогда теперь не забуду, при помощи филологии, имя издателя «Огонька», печатаемого на Алой бумаге. Сколько раз ему придется перевернуть листы этой алой бумаги? Вот он и настоящий Ало-Верт¹². Писали Вы мне о высылке мне между прочим денег. — Но о последнем факте пока ни слуху ни духу — Не вернее ли будет получить эти деньги самому, а то у петербургских редакторов на этот счет память отменно слаба.

Тогда хоть эти деньги приведут Вас в забытую Воробьевку. Читал и какую-то Случевскую и Садовника¹³, и ничего не понял: зачем? — и что? Из Петербурга выгнали, а в Швейцарию прибежала сумасшедшая, у которой мать в большом платке. Ну видно, холодно ей, что ли. Это ее дело. Но я-то чем могу помочь? — Ну что! Так нехорошо! Вчера написал стихи и посылаю на рецензию к Вам.

Глубь небес опять ясна,
Пахнет в воздухе весна
Каждый час и каждый миг
Приближается жених —
Спит во гробе ледяном,
Очарованная сном, —
Спит, — и так же холодна,
Как в волшебный срок, она
Но крылами вешних птиц
Он свежает снег с ресниц,

¹ переверни быстро (*ит*, *муз*)

² на малочленном теле (*лат*)

И из стужи мертвых грез
Проступают капли слез¹²,
А.Фет

Все мы хором, начиная с жены, шлем Вам усердные поклоны.
Преданный Вам

А.Шеншин

Вероятно, по моей вине напечатано: «Далекий друг, прими мои страдания», а следовало: «*пойми*»¹⁴.

Год написания письма определяется по содержанию (см. прим. 1–4).

¹ Фет уже не в первый раз цитирует свой перевод стихотворения Гафиза — «О помыслах Гафиза...» (ср. в наст. кн.: Неизд. письма к Толстому (п. 32, прим 1)).

² См. п. 20, прим. 8.

³ Передавая стихотворение «А.Л.Б<ржеск>ой» («Далекий друг...») в «Огонек», Страхов изменил пунктуацию и вместо: «Не жизни жаль, с томительным дыханьем / Что жизнь и смерть!?!», — проставил: «Не жизни жаль! С томительным дыханьем / Что жизнь и смерть?». Это меняло смысл поэтического высказывания Фета. Несмотря на преувеличенно восторженную оценку «интерпункции» Страхова, поэт не внес его правку при подготовке текста для сборника «Вечерние огни» (ВО I).

⁴ См. п. 20, прим. 6.

⁵ О «книжечке афоризмов» Фета см. в наст. кн.: Неизд. письма к Толстому, п. 41, прим. 1. Далее Фет цитирует из нее (с мелкими разночтениями) «афоризм» № 6 (ср.: *Фет Соч и письма*. Т. 3. С. 327).

⁶ Намек на роман Тургенева «Новь» (ВЕ 1877. № 1–2), вызвавший при своем появлении резкий отзыв Фета: замысел романа, «льстя и играя в пользу социалистов, — кособок, как камбала» (см. наст. кн.: Неизд. письма к Толстому, п. 26).

⁷ Стихотворение А.Н.Майкова «О славном гайдуке Радойце (Далматинское сказание)» («Огонек». 1879. № 7) — переложение одной из песен сборника Вука Караджича. Сербский герой песни обманывает своего турецкого владыку, притворившись мертвым, затем убивает его и женится на его дочери.

⁸ Упрек Майкову в «несвоевременности» восхваления «убийства губернатора из-за принципа» отражает отношение Фета к осуществляемой народолюбцами тактике политических убийств. Напомним, что письмо Фета написано в период между двумя очередными покушениями — на шефа жандармов А.Р.Дрентельна (13 марта) и на императора Александра II (2 апреля).

⁹ См. п. 12, прим. 3.

¹⁰ Каламбур Фета: обыгрывается начало и конец фамилии редактора «Огонька» — Аловерт (лат. «verte», означает «переверни страницу»).

¹¹ Фет ниже пересказывает сюжет поэмы К.К.Случевского «Три женщины». Идентифицировать Садовника не удалось.

¹² О публикации этого стихотворения см. п. 24, прим. 8.

¹³ Стихотворения, вложенные в письма к Страхову, Толстому и др. корреспондентам, Фет подписывал своим литературным именем, в то время как сами письма неизменно подписывались им «А.Шеншин».

¹⁴ В автографе (см. п. 18) было написано «прими». Впоследствии (ВО I) Фет внес указанную правку.

23. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 12 апреля 1879 г.

Виноват, виноват, тысячу раз виноват, дорогой Афанасий Афанасьевич. Больше всего тем, что вот уже две недели, как получил Ваши стихи и письмо, и не послал Вам ни ответа, ни восторженных похвал... А много еще других вин! Сегодня я встретил Аловерта (к которому, впрочем, заходил понапрасну два или три раза), и он стал мне жаловаться, что денег не приняли по адресу на Будановку, что он

просил у Вас другого адреса, но не получил от Вас ничего. Как же прикажете? На Орел, или, может быть, есть у Вас более удобное место?

А потом — я напутал, и отдаю себя Вам на казнь. Встретившись с Навроцким, я узнал, что в апреле <в> «Русской Речи» печатается «Alter ego»! И перед ним виноват, что не сказал ему, и перед Вами !!

Но тут идет у меня такая кутерьма! После Вашего письма я собирался было даже ехать в Кременчуг на свадьбу к племяннице — и тогда бы конечно увидел Вас. Но не поехал, по многим причинам, а подарок все-таки нужно было купить и отослать. — Да долго и скучно было бы все рассказывать.

Ваши филологические соображения об *алой* бумаге и об *скудо* очень милы; но Полонского Вы слишком хвалите. Правда, его стихи пахнут поэзией, но посмотрите — они не святы, они наполовину *набор* поэтических строчек.

Мои летние планы в совершенном тумане — одно знаю, что навещу своих в Кременчуге, значит, проеду через Будановку, и хоть на денек навещу Вас². Л.Н.Толстой поглощен своею работою, и я радуюсь этому чрезвычайно. Должно быть, выйдет большое чудо³. А у нас здесь восхищались Тургеневым и Достоевским. Вы, верно, читали описания этих неслыханных торжеств⁴. Достоевский в первый раз получил овации, которые поставили его наряду с Тургеневым⁵. Он очень рад. Кстати, что ничего не напишете о его романе⁶? Там есть отрывки из Тютчевского перевода Шиллера:

У груди благой природы
Все, что дышит, радость пьет
.....
Ангел Богу предстоит ?!

Чудесные стихи, и по звуку едва ли не выше Шиллеровских.

В Вашем стихотворении (бесподобном!) мне показался неясным только один стих

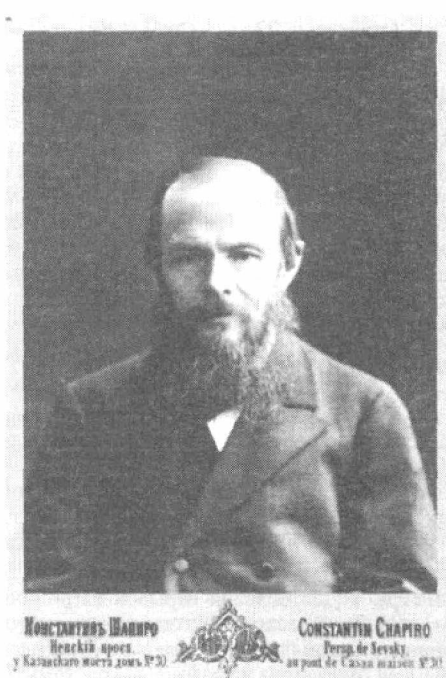
Как в волшебный срок, она.

Срок — это конец, минута исполнения известного времени. Впрочем, я не ручаюсь за эту привязку, и только дивлюсь, как можно было так коротко сказать, так много и так сильно⁸.

Благодарю Вас, что на меня не сердитесь и никогда не сердитесь — я душевно рад бы писать к Вам и больше и лучше, да не хватает силы всем распорядиться как нужно. А Ваше письмо для меня всегда праздник. Вот и кстати — чем переписываться с редакцією — пишите ко мне. Душевно Ваш

Н.Страхов

1879. 12 апр<еля>. СПб.

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

Фотография К.А.Шапи́ро. С.-Петербург, 1880
Литературный музей, Москва

Ответ на п. 22.

¹ Получив от Фета три стихотворения («Отошедшей», «Смерть» и «Alter ego»), а затем «Никогда», Страхов предложил их А.А.Навроцкому для его журнала «Русская речь» (см. п. 16, прим. 2 и 8). Не согласившись с требованиями Навроцкого в отношении «Смерти» и «Никогда», он передал эти стихи в «Огонек», куда затем отдал также «А.Л.Б<ржеск>ой» и «Alter ego», забыв, что копия последнего стихотворения осталась у Навроцкого. В результате «Alter ego» оказалось напечатанным дважды — в «Огоньке» (№ 8. Февраль) и в «Русской речи» (№ 4. Апрель. Раздел 1. С. 79). Во 2-м разделе (С. 72) помещено сообщение: «От редакции: Напечатанное в этой книжке стихотворение "Alter ego" было прислано нам почтенным автором при особом письме. Появление же этого стихотворения в журнале "Огонек" объяснилось ошибкою г. С., который в числе других стихотворений, присланных ему г. Фетом, передал в редакцию "Огонька", по ошибке, и вышеозначенное стихотворение».

² О пребывании Страхова в Воробьевке в июне 1879 г. см. п. 26, прим. 1.

³ Толстой в это время работал над романом «Декабристы».

⁴ Приезд И.С.Тургенева в Россию в феврале–марте 1879 г. был ознаменован рядом торжественных мероприятий, организованных профессорами Московского университета, Обществом любителей российской словесности, Литературным фондом и т.д., где в его честь произносились речи, в том числе и студентами. Речи самого Тургенева, как и речи выступавших, печатались в прессе (См. также в наст. кн.: Невзд. письма к Толстому, п. 44, прим. 9).

⁵ 9 марта 1879 года И.С.Тургенев и Ф.М.Достоевский выступали в зале Благородного собрания в Петербурге на вечере в пользу Литературного фонда: Тургенев читал рассказ «Бурмистр», а Достоевский отрывок из романа «Братья Карамазовы». Свидетельство Страхова об успехе Достоевского подтверждает и другой современник: «<...> одинаково с г. Тургеневым, приветствован был действительно рукоплесканиями автор "Бесов" и "Дневника писателя"» (Письма Б.М.Маркевича к графу А.К.Толстому, П.К.Щебальскому и др. СПб., 1888. С. 301).

⁶ В январе–апреле 1879 г. были опубликованы первые три книги романа «Братья Карамазовы» (РВ. № 1, 2, 4).

⁷ Страхов цитирует на память строки из отрывка «Песни радости» Шиллера (в пер. Ф.И.Тютчева), которым Митя Карамазов начинает свою «исповедь горячего сердца» (Ч. I. Кн. третья Гл. III // РВ. 1879. № 2).

⁸ В окончательной редакции Фет изменил эту строку (см. в п. 24).

24. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 16–17 апреля 1879 г.

16 апреля

Вчера вечером, дорогой Николай Николаевич, таки порадовали Вы меня Вашим почерком, давно ожидаемым. Распространяться о живом для меня и горячем интересе наших бесед считаю излишним, а потому пойду по порядку, начиная с менее важного. Не беда, что «Alter ego» попало в «Русск<ую> Речь». Очевидно, денег с него не следует и баста. «В течение всего срока желающие поставлять кожу, являются» и т.д. Хотя не спору, что это слово означает, собственно, термин, но для понятия период — не знаю русского и дерзнул употребить. Но во избежание недоразумения я уже переправил стих так:

Как немая смерть — она¹,

Едва ли это не лучше, так как есть уже слово «очарованная», указывающая: в чем дело. Kunst liebt Gunst^{1*}, и я горжусь и радуюсь, слыша Ваше одобрение, испытав и строгое порицание. Сидите, насколько хотите в тумане летних планов, но приезжайте погостить в Воробьевку,

Где щетка пыльная заботливо сметает

Е<д>ва заметный прах и нити паутин,

^{1*} Искусство любит похвалу (нем.).

И сумрачный печник сломал и выправляет
Дымившийся камин.

Теперь уподоблюсь ребенку, разлившему заведомо воспламенимую жидкость и спрашивающего няню: а что, няня, если со свечой пойдут в кабинет папаши, а там будет разлит керосин?

Но *amicus Plato, sed magis*²... Слушайте, моя умная и добрая няня, — и судите. Не мне говорить, до какой степени я чувствую, *что* и *кто* Толстой. Он потому-то и *кто*, что он *что*. Долго накопили у меня мысли по поводу его последнего труда, о котором я знаю из его же слов, что у него идеальными выходят декабристы. — Но со времени последней безобразной выходки 2 апреля³ — я не выдержал и написал ему почти следующее⁴. Вся его художественная громадная деятельность, согласно общему справедливому суду литературы (как они ни тупы и ни глупы, а этого не видеть невозможно) постоянно шла против течения, т.е. в сущности, против фразы. Он наглядно неотразимо, *anschaulich*^{1*} показал, что не тот храбр, кто с красным знаменем и коньяком идет вперед, а кто под кустами курит самбродалический табак⁵. Не та женщина составит твердое счастье человека, которая кричит: я понимаю все его величие и т.д., а та, что прямо говорит щелкоперу — у! постылый, потому что ей свой родной, дорогой и доблестный Лукашка⁶. Не тот любит людей, кто делает подписки и бегаёт чинить старые матросские штаны, а тот, кто, подобно солдатику Каратаеву в «Войне и мире», носит в груди источник любви и блага. Вот высокое философски-религиозное знамя Толстого. Это не Тургенев, который и сам не знает, что болтает. И хочется и колется. Теперь другая сторона дела. Художественная правда своя, не имеющая ничего общего с исторической. Мы знаем Ахиллеса Гомеровского, а Аверкиев может представить его хоть другом Сократа, хоть Фауста, который у Гете женится на троянской Елене. Если Толстой силой своего таланта, как я ему это пишу, покажет, что эти политические неудачники действовали на основании самых святых чувств человека, то мы со Страховым будем любоваться тонкостью и нежностью психологии — и не более.

Ватиканский гермафродит прелестен, но мы с Вами не пойдем искать педерастии. — Но так ли смотрит толпа, чернь? Громовый Голос Толстого будет самым для них веским и сильным доказательством. Эти ребятишки рады бессмысленно разводить на гумне огонь печь картофель, не помышляя, что сами с голоду подохнут.

Для меня, как для всего морального значения Толстого, такой поход был бы ошутителен. Я был бы склонен подумать, что он свихнулся. Их дело хуже, чем дурное, оно ужасная ошибка, вследствие глубокого незнания России, ее исторической судьбы и духа.

Россия только сверху набралась бессмысленной диалектики, а в сущности та же, что при Гостомысле, Грозном, Михаиле. Нам без царя хуже, чем без хлеба. Сам же Толстой выводит пустословие наших дворянских и иных собраний. — Но довольно, Вы меня поняли и напишите, пожалуйста, о моей выходке, значение которой, как холодной воды в жаре работы, я слишком хорошо понимаю. Не верю, чтобы Толстой ложно истолковал мои слова, не верю, чтобы и слова мои имели причину бытия. Вероятно, мне мерещится опасность там, где ее и быть не может. В редакцию «Огонек» мною послано письмо с извинением в незнании имени и отчества Красноповоротова⁷ и с следующим адресом: В г. Курск. Для передачи на ст. Будановку. А.А.Шеншину.

Каждый вечер мне говорят: разложи Николая Николаевича, хотя следовало бы говорить: Мне Майкову⁸. Все мы, начиная с жены, усердно Вам кланяемся и питаем надежду свидания.

Ваш А.Шеншин

Начал читать братьев Каракозовых Достоевского⁹ — скучно, — бросил^{2*}.

^{1*} наглядно (нем.).

^{2*} Последняя фраза вписана на полях первой страницы письма.

17 апрель

Вчера не собрался отправить письмо и очень рад сегодня случаю нового наскока на Вас с моей какаграфией. Простите, дорогой Николай Николаевич! болтовне старика, во-первых, совершенно изолированного физически, а во-вторых, морально, так как толковать с пастернаками не желаю, и если попадется толковая голова, то ей-то и достается. Пеняйте на себя.

Вчера меня целый день ломала лихорадка, а хинин не принимаю, глотая мои неизбежные слабительные. Сегодня остановился на следующем окончательном варианте, вмещающем оба отмененные:

Спит во гробе ледяном,
Очарованная сном,
Спит нема и холодна
Вся во власти чар она ¹⁰.

Таким образом, пожар способствовал ей много к украшению ¹¹.

Интересно, как отзовется новый дух на нашей литературе. Неужели поборники порядка так-таки и не выучатся читать и литература будет продолжать свое обычное всероссийское деление людей на честных — стреляющих и нечестных — стреляемых ¹²?

Не могу не повеселиться. К 20 мая известный Вам Павел Николаевич ¹³ приведет в Коренную свою лошадь и верно будет у нас. Я его люблю. Он прелестен. Во-первых, он отличный хозяин и ценитель всякого хозяйства, зная по опыту, как все трудно. Но такая практичность дает ему смелость пускаться и в отвлеченные области, хотя он более грозитя в них ринуться, чем пускается в действительности. Так, например, Алек<сандр> Иванович, выдающий его часто в Воронеж<ской> губернии, где он нам ближайший сосед, говорит, что Павел<с> Ник<олаевич> говорит: «Вот я все вслушивался в их разговоры с Никол<а>ем» Николаевичем. Конечно, я молчал, но мог бы многое заметить». Ну не душка ли!

Тысячу раз благодарю Вас за задачу перевода Шопенгауера. Первая книга «Мир как представление» кончена. Положим, дело идет медленно, но надо мной не каплет <?>, а нравственный приют и наслаждение есть. Умник такой, что хоть святых вон носи. Будьте здоровы. Для облегчения конверта отрезаю пол листа и даю Вам отпуск. Дружески жму Вам руку и надеюсь, что в бытность в Воробьевке избежите энергических выражений. Будьте здоровы.

Ваш А.Шеншин

Ответ на п. 23.

¹ На конверте п. 23 сохранились наброски, отражающие работу Фета над этой строкой «Как поникла в сон», «в гроб она».

² См. п. 3, прим. 6.

³ Подразумевается очередное покушение на Александра II (2 апреля 1879 г.).

⁴ Далее Фет вкратце пересказывает содержание своего письма к Л.Н.Толстому от 9 апреля 1879 г. (см. о нем в наст. кн.: Неизд. письма к Толстому, п. 42, прим. 1).

⁵ Подразумевается капитан Хлопов, центральный персонаж рассказа Толстого «Набег» (1853): «Капитан жил бережливо. в карты не играл, кутил редко и курил простой табак, который он, неизвестно почему, называл не тютюн, а самброталический табак».

⁶ Лукашка — персонаж повести Толстого «Казачья». На вопрос Т.Л.Толстой: «Ваш любимый герой в романах?» — Фет ответил: «Лукашка в «Казачьях»» («Книга признаний», составленная Т.Л.Толстой // Фет 1982 Т. 2. С. 436, с ошибкой в названии «Альбом признаний»)

⁷ Еще один каламбур по поводу фамилии Аloverта (см. п. 22, прим. 10).

⁸ Речь идет об одном из любимых пасьянсов Фета (см. п. 12, прим. 3).

⁹ О публикации начала романа «Братья Карамазовы» см. п. 23, прим. 6. Фет называет его героев Каракозовыми, вероятно, намекая на покушение Каракозова (1866).

¹⁰ С этим исправлением в 8-й строке стихотворение «Глубь небес опять ясна...» опубл. (без заглавия) в «Огоньке» (1879. № 18; ц. р. 23 апреля), затем: *ВО I* (без заглавия; здесь оно открывает цикл «Весна»).

¹¹ Грибоедов А.С. Горе от ума. Д. II. Явл. 4 (усеченная реплика Скалозуба).

¹² Тот же вопрос, хотя и в иной форме, Фет ставит в письме к Толстому от 9 апреля (см. выше, прим. 4).

¹³ Павел Николаевич *Каратеев* — помещик Курской губ., сосед Фета по имению. Сохранилось 5 писем Фета к нему (опубл. *Ледоход* С. 97–101). Фет высоко ценил Каратеева как рачительного хозяина, считая, что «такие люди нужны всюду для хорошего примера, каким мы на святой Руси в высшей степени нуждаемся» (письмо к Каратееву от 4 февраля 1880 г.). Каратееву посвящены два стихотворения Фета.

25. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 14 мая <1879 г.>

14 мая

Не писать, а видеть Вас, обнять и говорить с Вами хочется, дорогой Николай Николаевич. Лето! лето! «Уже врата отверзло лето»¹. Неужели все еще долго будете библиотечить? Ведь жарко! Черкните два слова. Когда надеетесь тронуться на Будановку. Хоть словечко напишите. Мы все Вам кланяемся хором, в котором я хорег².

Ваш А.Шеншин

100 руб. с «Огонька» получил.

Год написания определяется по содержанию (упоминание о получении гонорара за напечатанные в журнале «Огонек» стихотворения Фета).

¹ Ломоносов М.В. Ода на день тезоименитства его Императорского Высочества Государя Великого Князя Петра Федоровича 1773 года.

² В древнегреческом театре хор — собирательное действующее лицо в спектакле; хорег — руководитель хора.

26. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 22 мая 1879 г.

Виноват, тысячу раз виноват, многоуважаемый Афанасий Афанасьевич! Извинений настоящих у меня нет, потому что времени у меня довольно, но вместо того, чтобы отдавать его жизни, общению с хорошими людьми, я беспрестанно вязну в мертвых книгах и всякую хорошую минуту трачу на предметы далекие, мало мне знакомые и едва ли доступные моему обладанию. Но вот скоро это кончится. 15-го, или, может быть, 14-го июня я лечу по Николаевской дороге; в Туле сворачиваю на два дни к Л.Н.Толстому, потом постараюсь увлечь его с собою и к Вам¹. Но, как ни досадно, а не могу долго у Вас гостить, мне нужно торопиться к своим, в Кременчуг, где меня будут ждать молодые, моя племянница с мужем², которого я еще не знаю — видел только карточку. Своих я вообще не видал уже три года и совестно мне не пожить у них подольше. А что будет потом, я еще не решил и предоставляю это отчасти судьбе. Слава Богу, все хорошо; Ваше стихотворение напечатано без опечаток³ (тогда как соседа Н.П.Семенова⁴ очень обидели опечатками), и вот уже две недели не слышать ничего об убийствах и пожарах.

С большою радостью воображаю себе Воробьевку и как мы всласть наговоримся. А это редкое удовольствие! Я тут в последние дни как-то соскучился свои-

ми знакомыми, и тогда мне так ясно бывает, что говорить-то не с кем, даром что Петербург. И хорошо бы, если бы я это находил по гордости, а то, право, готов слушать всякого толкового человека.

Итак, до свидания, дорогой Афанасий Афанасьевич! Надеюсь найти Вас бодрым и здоровым. Марье Петровне мой усердный поклон.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

1879 г. 22 мая. СПб.

Ответ на п. 25.

¹ Страхов был в Ясной Поляне с 16 по 19 июня (ТС. Т. II. С. 523), затем посетил Фета в Воробьевке, где ознакомился с началом его перевода книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление» («Die Welt als Wille und Vorstellung»). 29 июня Фет писал Толстому: «Страхов пробыл два дня. На другое утро мы пришли в кабинет, и, взяв немецкого Шопенгауэра, он сказал, что будет строгим судьей. Не без сердечного трепета стал я ему читать свой перевод <...> он восклицал: “Чудесно, Афанасий Афанасьевич! Будет одной хорошей книгой больше”. Признаюсь, что мне крайне приятно и поддает духу окончить к зиме всю “Welt”» (Толстой Переписка Т. 2. С. 70). В свою очередь Страхов сообщил Толстому 21 июля: «Два дня у Фета были очень приятны, приятнее, чем я ожидал. Мы считывали немножко его перевод, и я убедился, что это будет превосходная вещь, мастерская передача подлинника. Очень меня это обрадовало, я так боялся, что Фет станет своевольничать, а он из всех сил добивается верности и точности» (ТС. Т. II. С. 524). Толстой посетил Фета раньше — 12 июня (см. наст. кн.: Переписка с С.А. Толстой, п. 8).

² Ольга Даниловна и Иван Павлович Матченко — племянница Страхова (урожд. Самусь) и ее муж. Впоследствии, оказавшись наследником Страхова, он переиздал в Киеве ряд его книг и подготовил несколько публикаций, в частности, письма Страхова к Н.Я.Данилевскому (РВ 1901. № 1–3).

³ По-видимому, подразумевается стихотворение «Ты отстрадала, я еще страдаю» (РР 1879. № 5, под заглавием: «Отошедшей»).

⁴ Об Н.П.Семенове см. п. 98, прим. 7.

27. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 27 мая 1879 г.

27 мая

Дорогой Николай Николаевич!

По неизменному правилу, отбывать сначала скучное, а затем оставлять масло на хлебе под конец, начинаю с quasi дел. «Русская Речь» спрашивает, куда выслать гонорар за стихотворение и я сегодня же отвечу¹, чтобы обратились к Вам, который знает, что нужно и что не нужно. Вы же писали мне, что, кажется, ошибкой напечатано стихотворение вдвойне², а я писал Вам о невозможности получать деньги там и сям. Затем, покончив с «Речью», нельзя ли Вам просто получить, кажется, за одно стихотворение 25 рублей³ с «Огонька» и захватить с собой. Все это, мне кажется, Вы бы могли устроить по городской почте.

Уф! Кончил. — Перехожу к приятному и для меня интересному. Спасибо за доброе обещание заглянуть в Воробьевку. Даровому коню в зубы не смотрят, хоть день да мой. Но этот день мой и я заранее ему радуюсь. Наговоримся! Да, есть о чем поговорить. Как я рад, что Вы в Питере пришли к тому же, к чему я в Воробьевке. Не с кем говорить. К сожалению, это так. Люди до того поверхностны и глупы, что это даже невероятно. — Подумаешь — авторитет, тут-то и похлебашь настоящих сытных шей (пар над шами тучей носится⁴), а поглядишь — плоская тарелка, у которой сию же минуту дно, по которому валяются чужие объедки, да и те протухлые.

Величайшее зло состоит в том, что люди смешивают совершенно законный мир идеалов с совершенно законным миром действительности, где один решит

тель и оправдатель — опыт. Но люди постоянно хотят действовать по вдохновению и идеальничать по наведению. То и другое выходит не наведение, а неведение. А между тем во имя этого двойного сумбура ломают жизнь пополам да на-
двое.

«Er nennt's Vernunft und braucht es nur allein
Um Thierischer als jedes Thier zu sein»⁴.

Напрасно Вы думаете, будто я причту Ваш вопль к Вашей гордыне. Какая тут черту гордыня. Хотите верить или не верить. Я никогда не лгу и ненавижу ложь. Александр Иванович⁵, с которым мы сообща чуть не ежедневно вспоминаем Вас, очень часто выслушивает те места Шопенгауера, которые особенно меня задевают — и я-таки добиваюсь его понимания, а затем и удивления этому уму. А знаете ли? Толкуйте то же самое Тургеневу, и <а>пр<имер>, он будет, во-первых, говорить, что он это давно знает, далее, что: ну что ж из этого — и ерго он в сущности дела и его мирового значения не поймет⁶. — Вот и судите, как хотите. Я хотел сказать: если Вы хоть мало-мальски наблюдательны, то Воробьевка, при въезде в нее делает на Вас совершенно другое впечатление. Уже ни одной крыши соломенной не существует. Все крашеное железо и штукатуренные стены. Возводя к общему, я нашел, что вещь тогда хороша, когда она не носит своего типа. Город хорош, когда зеленью, парками, лужайками, бульварами напоминает деревню, а деревня, когда постройки напоминают чистый город. Мужик хорош, когда степенством напоминает ученого философа, а философ хорош, когда со стороны этого никто и не заметит. Вот почему я так дорожу этим прелестным Вашим качеством.

Надо быть совершенным ослом, чтобы не знать, что по силе таланта лирического передо мной все современные поэты в мире сверчки, а похож ли я в жизни на трезвого поэта. Начало этого письма доказывает, что я даже не знаю: где и как Вы печатаете мои вирши. Я даже знаю, что для публики они не съедомы. Что они там поймут?

Знает ли хоть одна свинья, что такое искусство, для чего оно, какая его цель и пр.? Люди всюду скотоподобно (да простят мне скоты!) тупы; но нигде в мире умственный разлад не достигает того безобразия, как у нас. Это потому, что наша история вот уже третье столетие не дает вишневке настояться, а только положит вишен, — сыпь полыни, сыпь сарсапарели, надо прибавить в ту же вишневку. А как это пить? Никто не спрашивает. А не пить нельзя, пока дышишь. Вы пишете, не слышать о пожарах и убийствах! Слава Богу! Но ведь это пальятыва. А сумбурное учение все-таки процветает и сопатая pseudo-наука все силится добыть Das Ding an sich!^{1*} путем наведения и нетерпения <?>, что может добыть только галиматья.

Вы опять будете бранить меня за энергические слова. — Но, таков, Фелица, я разаратен⁷. Не гимны же петь дуракам петым.

Шопенгауер называет педантизм неумением понять пригодности общего правила в частном случае. — *Фраза* как раз то же самое. Зачем самому думать, коли есть на этот случай ходячая монета. Нужен ключ — доставай пятак и дело в шляпе. А глядь — и пятак фальшивый — и ключа не дали и сам в кутузке.

От Толстого на третье мое послание ни-ни⁸. Видно, засел глубоко. Давай ему бог! Таких голов — как его — нет. Я с порошками да клизепомпами — никуда⁹. — Да и потребности не чувствую.

Не обижайте же меня, дорогой Николай Николаевич. — Заезжайте хоть на 2 часа. Неужели за целое лето Вы не можете нам уделить пару дней? Это просто невозможно. Как бы хорошо было напечатать зимой первую часть «Wille und Vorstellung»¹⁰. Черт с ними, пускай не читают. Плакать не стану. Хоть 2 часочка прочтут и то хорошее семя.

^{1*} Вещь в себе (нем.).

Марья Петровна и Алек<сандр> Иванович просят передать Вам усердные поклоны. А я, за новейшее поползновение миновать Будановку, готовлю аршин энергических выражений, столь для Вас страшных.

Искренне Вас почитающий

А.Шеншин

Ответ на п. 26

¹ Письмо Фета в редакцию «Русской речи» неизвестно.

² См. п. 23 и 24.

³ См. п. 12, прим. 9.

⁴ «Его он разумом зовет и с ним готов / Звероподобнее явиться всех скотов» (Фуст 11 / Пер Фета 1882 С. 27).

⁵ А.И.Иост — управляющий имениями Фета.

⁶ Ср. в письме Фета к Толстому от 3 февраля 1879 г.: «А покойный Борисов мне говорил “Вы с Толстым шопенгауэрцы” (подразумеваю дураки), а Тургенев мне говорил: “Да ведь Шопенгауэр, что же Шопенгауэр, ведь я его вывез в Россию”» (Толстой Переписка Т. 2 С. 47)

⁷ Строка из оды Г.Р.Державина «Фелица» (1782), которую любил цитировать Фет

⁸ По-видимому, Фет имеет в виду свои письма от 3 и 19 июня (см. наст. кн. Нензд. письма к Толстому, п. 44 и 45).

⁹ Фет страдал приступами геморроя.

¹⁰ Речь идет о переводе труда Шопенгауэра «Мир как воля и представление».

28. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 29–30 июня <1879 г.>

29 июня

Дорогой Николай Николаевич!

Ожидайте от меня чего хотите, даже хорошо напечатанных и хорошо исполненных стихотворений, всё это может быть; но раз навсегда, не ожидайте от меня толковых писем или рассуждений, а слушайте меня, с улыбкой подкупленного отца, который, сладко улыбаясь, наперед уверен, что его Ваня феномен, хотя в сущности Ваня буровит несодеянный вздор. — Но я послушный Ваня. С Вами я если спорю, то это риторическая уловка, чтобы лучше подойти к тому, что я желал бы знать и чего не знаю. — Дело в том, что будь я здоров, я бы, ни на что невзирая, сел на чугунку и поехал бы к Вам в скучнейший и голейший (от древесной тени Кремень — чуг. — В этом случае хуже его только Крюков, но хуже последнего — уже *das intelligibile*^{1*}, но не эмпирическое). Я понимаю, что совершенный желудок тот, который переваривает все что бы ни было, даже яд. Тем не менее всего разом есть нельзя. Так же хороший рассудок должен принимать и переваривать все. Это его дело. Но делать можно только одно, как по причине последовательности во времени, так и по причине двоеручия, из коих левая только помогает правой, так как бы с ней одно.

Высшая цель учиться у Страхова, когда он в конце августа приедет в Воробьевку¹. Почему это цель вообще и высшая в особенности? Не знаю, но чувствую для себя (т.е. меня): *Grundlos*^{2*}.

Что же для этой цели необходимо. Во всё время учения обедать и ему и мне. Иначе — мозги перестанут двигаться и учению конец. У нас в нашей надежде читай Воронежской деревне Граворонке засуха — читай *deficit*^{3*}. А обедать, тем

^{1*} умопостигаемое (нем.).

^{2*} безосновательно (нем.).

^{3*} убыток (франц.).

не менее, надо. Надо убирать какой есть хлеб. Всякий труд труден (требует напряжения), есть железо горячее и молоток, надо еще поднять молоток и ударить. Но что сказать о нашем земледельческом труде, при теперешних условиях. Вам надо писать сочинение. Вы за год тому назад заказали книгопродавцу источники, аптекарю чернила, лавочке бумагу и перья, столяру стол и стул и за все заплатили деньги. Пора работать. Оказывается, что все эти господа Ваши трудовые денежки проели и вы безо всего этого должны писать *срочное* сочинение. А мы такое срочное пишем круглый год и вдобавок слышим неумолчную песню об нашей эксплуатации всех означенных поставщиков. В этом сравнении ни йоты не преувеличено. Как же тут в уборку — ехать. В Кременьчуг или Париж?

Теперь другое. Шопенгауер, говоря о характере живот<ного> и человека различает, по стопам Канта, на что и указывает, эмпирический характер от *intelligible* характер. Как мне перевести последнее выражение?²

В немец<ком> Канте встречаю следующее место: «Diese vermittelnde Vorstellung muss rein (ohne alles *Empirische*) und doch einer seits *intellektuell*, andererseits sinnlich sein...». Изд. Kirchman, 4 изд., стр. 169. Это место Владиславлев переводит: с. 137: «Это среднее посредствующее представление должно быть чистым (без примеси чего-либо опытного) и притом *рассудочным* и опытным вместе»³.

Мои, быть может, неудачные соображения следующие: Несомненно, что мой идеальный характер, как животного — деятеля — поэта, мало имеет общего (на первый взгляд) с моим добрым или злым характером, сочувствующим или радующимся чужому страданию и т.д. Не спорю, что всякая идея есть только представление, хотя бы и одного или многих представлений, все равно, — но все-таки представление и, если добывание представлений представлений!¹ (понятий) дело разума, то восприятие конкрет<ного> представления тем не менее не отличается от обыкновенного созерцательного представления, и потому подлежит ведомотву того же *рассудка*, реципиента всяческих представлений. Следовательно, на таком основании возможно, в отличие от опытного осязательного характера назвать его первобытный источник воображаемым, идеальным, — *рассудочным*, т.е. содержащим только в рассудке, а не на факте. Но не слишком ли искусственно и далеко подобное обозначение — и не собьет ли оно русского читателя с той настоящей стези, на которую его наводит слово *intelligible*.

Вот сущность вопроса, на который, поняв, что я говорю, если только это можно понять, Вам не нужно многословия, а можно ответ прислать *да* или *нет*. — Но довольно философии, в которую я, в нашей современной, невозможной сельской жизни, прячу голову, как индейка под лопух. Наша сельская идиллия похожа на человека, идущего любоваться лунным светом в лес во время пустовки волков, когда ежеминутно можно ожидать катастрофы. Как полезет ему в горло лунный свет? Его дело.

Простите за скучное письмо. Написал бы что-либо веселое — не знаю.

Вспоминаем все Вас весьма часто, Тереза Ивановна⁴ говорит: «Ach! so ein lieber Mann»², а я почти постоянно. Толстой говорит: «Не учиться надо, а жить». — Не могу понять, что это значит. Чтобы делать, надо уметь, а чтобы уметь, надо учиться. Если же жить значит петь, тогда другое дело.

Ваш А.Шеншин

Я убедился, что Владиславлев всюду «*intelligibel*» переводит «*рассудочный*» и надум<ал> «*осмысленный*» <?>.

30 июня. Сегодня ночью *εγρυκα!*³ *Intelligibel* = *умственный* почти точно, тогда как «*рассудочный*» — *желудочный* более о водах, чем о характере. Поясняя

¹ Так в тексте

² «Ах! Какой милый человек» (нем.).

³ Открытие! Эврика! (греч.).

свое «intelligibel»: «рассудочный», Владис<лавлев> в скобках в одном месте ставит: (мысленный), что меня удовлетворяет.

Вследствие засухи в Землянс<ком> уезде мы на пище Антония⁵ на год.

Год определяется по содержанию (см. прим. 1).

¹ Возвращаясь из Кременчуга, Страхов снова заехал к Фету, но не в августе, а раньше, — 28 июля 1879 г. Он писал Толстому уже из Воробьевки: «В Воробьевке и в Ясной Поляне я отвожу душу и чувствую себя больше дома, чем в Петербурге. Фет не всегда удобен, как Вы знаете, но зато часто великолепен, и я терпеливо отмахиваюсь от неудобств и бываю вознаграждаем сторицею» (ТС Т. II. С. 527). 2 августа Страхов предупреждал Толстого, что задержится у Фета «еще несколько дней»: «...мы сверяем перевод Шопенгауэра, и на это дело следовало бы даже употребить побольше времени. Перевод будет очень замечательный» (Там же. С. 529). Далее Страхов рассказывает о беседах с Фетом («чуть не половину наших разговоров составляет Вы»), характеризует его как темпераментного спорщика и, вместе с тем, внимательного собеседника, говорит об отношении Фета к Толстому: он «так Вас любит, так помнит каждое Ваше слово, и с таким уважением его обдумывает, что я прихожу в восхищение» (Там же). О пребывании Страхова в Воробьевке и совместной работе его с Фетом над редактированием перевода труда Шопенгауэра «Мир как воля и представление» см. также: *МВ* 2 С. 350).

² Здесь и далее (см. п. 29–31) Фет и Страхов обсуждают варианты перевода философского термина «intelligibel», с которым Фет столкнулся при переводе Шопенгауэра.

³ Имеется в виду перевод «Критики чистого разума» И. Канта, выполненный в 1867 г. М. И. Владиславлевым (см. п. 4, прим. 1). Работая над переводом труда Шопенгауэра, Фет пользовался этим изданием для корректировки перевода философских понятий и терминов.

⁴ См. п. 12, прим. 2.

⁵ По преданию, св. Антоний Великий (Фивейский), живя в пустыне, питался исключительно травами. Отсюда крылатое выражение «сидеть на пище св. Антония», т. е. голодать, жить впроголодь. В Землянском уезде Воронежской губернии находилась Гриворонка.

29. СТРАХОВ — ФЕТУ

Кременчуг. 4 июля 1879 г.

Отвечаю сейчас же, дорогой Афанасий Афанасьевич. Когда я переводил Куно Фишера¹, я переводил intelligibel — умопостигаемый, и, кажется, это же слово употребляет Вл. Соловьев и другие. Я очень сожалел, что не мог просто ставить интеллигибельный, так как по-русски тут является какая-то гибель, и вообще не только тангибельный, но и визибельный и т. п. невозможны по сходству с гибельный, сабельный, корабельный и пр. Умопостигаемый всего ближе к Вашему умственный, но выражает, если Вы его допустите, и окончание ibilis, то есть возможность. А Владиславлев по-моему очень неудачен.

Теперь о Ваших стихах. Твердя их и любуясь ими, я нашел в них два пятнышка и предлагаю их на Ваше усмотрение. Два раза употреблено слово оный, и два раза глагол хранить. Во второй раз и то и другое слово пришло только потому, что сказалось в первый. Хранить в стихе

Храню в груди как оный Серафим

даже не вполне точно; нужно бы содержу, имею, а хранить указывает на продолжительное время, о котором вовсе нет речи².

Я прочитал моим милым хозяевам то, что Вы пишете о Кременчуге³, и это их позабавило и огорчило. Что до меня, то я очень доволен, я живу в 20-тиградусной температуре и вполне наслаждаюсь воздухом и солнцем, которое даже лучше Вашего Курского — настоящим южным солнцем и воздухом. Правда, деревья слишком мало и пыли слишком много. Но деревья так густы и ярко зелены! Здоровье мое поправляется; купаюсь иногда в Днепре, и затем почти не двигаюсь.

Благодарю Вас за веселое письмо, которое Вы почему-то называли скучным. Я всегда разделяю Вашу веселость, а Ваш беспорядок — истинно поэтический, буду ждать, не порадуете ли меня еще письмом.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

1879. 4 июля. Кременчуг.

P.S. Всем Вашим усердно кланяюсь. Простите — я собрался отвечать сейчас же, и за бездельем пропустил два дни. У нас перепадают дожди, и вообще погода прекрасно разнообразная.

Ответ на п. 28.

¹ Еще в 1860-е гг. Страхов перевел «Историю новой философии» Куно Фишера (Т. 1–4. СПб., 1862–1865).

² Замечания Страхова относятся к стихотворению «Не тем, Господь, могуч, непостижим...», которое, по-видимому, было вложено в п. 28. Комментаторами Фета оно датируется «не ранее 3 марта 1879 г.» на основании черного автографа, записанного Фетом на обороте письма В.И. Кологривова от 3 марта 1879 г. (см.: *ВО* 1979. С. 656), однако данное письмо позволяет расширить временные рамки: не ранее 3 марта и не позже конца июня 1879 г. Комментаторами также не отмечено, что Фет учел замечания Страхова и заменил «онный» на «звездный», а слово «хранить» вообще исключил из текста, заменив его на «блюсти» и «Нощу» (см. п. 30).

³ «Милые хозяева» — О.Д. и И.П. Матченко. См. о них п. 26, прим. 2.

30. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 12 июля <1879 г.>

Тысячу раз спасибо, дорогой Николай Николаевич, и за привет письма и за быстроту его.

Дайте мне идиота! идиота! Полжизни за идиота!¹ — Практичней всего в этом случае искать русского литератора. Успех поиска несомненен. Он-то и есть intellect'o гибельный — антипод всякого разумного отношения к вещам и коррелят всяческой тупости. Он сам *tabula rasa*^{1*}, мода его заражает вонючими Эфемеридами² и среда его заедает. Если бы не заела среда, то это сделали бы вши, потому что он по неряшеству и лени никогда не моется — и потому поет каноны и дифирамбы этим качествам — под именем общинного труда. Глядь: глумились над родимым: «шапками закидаем», а на поверку эта шапка приросла к голове и как ни вертись, ее не стряхнуть. Она у нас то в той, то в другой форме неизменна. Не она ли говорит: Россия глава славянства, а славянство глава человечества, которому должно указать дорогу (к кабаку?), не греки, а мы, вершина и цвет православия (тут туману целое море! пей сколько угодно)³. Положим, ни один практический человек не верит этим темам. Но вот молотильная машина в 5 000 рублей. Приехал бедняк, теперь уже оправляющийся честным трудом, немец-машинист. Он исправил божественно машину и получил 700 руб., да провоз ее в Орел стоит 100 руб., да разные к ней припасы и пр. — все вместе 1000 рублей. Является от него же русский механик, в европейской блузе, опоясанный ремнем, в иностранном кепи. Кажется, знает свое дело. Пожалуйте денег вперед. Изволь. — Тут же рядчик⁴ русский, плотник, заработавший у Вас в 2 года много денег. У жены его грудница. Дочь девочка грудная больна. Ваша жена дает девочке белья, матери свежего масла для груди. — А муж? Куда же он деваает деньги? Пора молотить. Одно короткое время в году под непрестанным страхом дождей, которые, выпадая час, портят

^{1*} пустое место (лат., букв.: чистый лист).

2 дня. Подходит к дорогой и спасительной машине — и народившийся иностранец-машинист оказывается русским славянином — он пьян, как и русский рядчик, отец больной девочки. Между тем православие, забрав загодя деньги, не выходит на работу, а дававший топчет и ломает и треплет лошадьми скудный урожай. — Что же тут *делать*? Сидеть и предаваться утешительным соображениям о высоте славянства. Этого кладезя всякой мудрости, умения, нравственной устойчивости *et sic ad infinitum*^{1*}. Но провалились вся эта галиматья.

Какой Вы милый, толковый и щепетильно аккуратный человек. Замечания Ваши о стихотв<орениях> — на вес золота. Я исправляю так и считаю излишним толковать такому человеку, как Вы, мотивы⁵: вместо

Что в оный день твой светлый
Что в звездный день -----

«Егда сотворены быша звезды, восхвалиша мя гласом велиим вси ангели мои»⁶.

Вместо:

храню в груди —
ношу в груди.

Не знаю, когда даже этот листок попадет на станцию. Теперь все мои старые нервы — на уборке. Это в мои лета тяжело. Да что же делать?

Умопостигаемый — превосходно⁷.

Терминологию в добросовестно исполненном готовом переводе исправить легко. Это сделается само собой. Главное вырисовать *adaequat*'но^{2*} самую суть дела. Алек<сандр> Иван<ович> сегодня уезжает на Граворонку и мы вдвоем остаемся с женой во рву львином⁸.

У человека только два вопроса: что это значит? — и что ему делать? Оба они теснейшим образом связаны. Ибо делают вследствие того, что находят вокруг себя.

Зимой топят, летом едят мороженое. Из этого следует главенство первого вопроса. Что такое? Искони старались подходить к нему с двух противоположных сторон, онтологической и этиологической. Кант ни того ни другого не позволяет отдельно. Надо бы обеих разом. — Но это ужасно трудно для слабых. Особенно первая, где вся сила в мышлении, тогда как 2 простой ответ, доступный даже ослу. И так как виноград зелен, говорят, он не нужен и дрянь и задают тот же вопрос естествен<ным> наукам, которые не имеют, под страхом собствен<ного> смерт<ного> приговора, давать иного ответа кроме механического (в конце концов), а в силу вещей — нигилистического — т.е. *не знаю* — ergo ничего нет. На вопрос, что такое облако или роса? этиология не смеет сказать: так Бог сделал — она вынуждена говорить о парах и каплях, о холоде и тепле, а дойдя до первобытных сил называет их *qualitates occultae*^{3*} и дело в шляпе. *Не знаю* чего-нибудь, — но очевидно, по тому же направлению, по которому пришлось всю видимую и опытную лестницу явлений — Боже сохрани и заикнуться — о Боге — или идее — и т.д. Этого во всей этиологии, под смертной карой, нет и (совершенно логично) не должно быть.

Итак, исход неминуемый самого естествоведения — нигилизм — безразличие добра и зла, — все условное со стороны нравственной. Но ведь немногие спрашивали «что такое?» для знания — все спрашивают, чтобы оглядеться: «что *делать*?». В этом вся задача. А порешив первый вопрос в отрицательном для нрав-

^{1*} так до бесконечности (*лат.*).

^{2*} соответственно (от *лат.* «*adaequo*» — сравнивать, равняться).

^{3*} таинственные свойства (*лат.*).

ст<венного> императива смысле, «что делать?» очень ясно. Бороться, как все на свете за борьбу^{1*} за существование, т.е. брать нож и идти на большак.

Теперь вопрос: может ли государство дать всем скотам, его составляющим, Платона, Канта, Гете? Очевидно, никогда. Что же, однако, у народа есть такое, что *in concreto*^{2*} дает то же самое, что *in abstracto*^{3*} и *in extensor*^{4*} дает Платон? — Религия — везде и всюду, как показывает самое слово — *вера*. Но повторяю, может ли тот, кто пошел исключительно этиологическим путем, допустить своего природного врага, веру, религию? Никоним образом, — ибо чем он честней, умней, правдивей, тем невозможней для него вопрос о вере. — Возможно ли говорить о вере в Пифагор<овой> теореме, явлениях электричества, падения тел, устройстве организма и т.д.? — Это бедлам.

На какой же путь стараемся мы всеми силами навести наших детей, до крестьянских включительно? Я на днях нашел в нашей школе компас, магнит, глобус, а за 5 лет ни один не выучился грамоте.

Кто же этим несчастным скажет, что, пройдя всю премудрость Фаустову, скажет (*sic!*):

«Da steh ich nun, ich armer Thor
Und bin nicht kluger wie zuvor»^{5*}.

Ведь земля-то на трех китах гораздо тверже стоит в его мировоззрении, чем на ничем. Китаю Бог приказал ее держать, а с Богом спорить не станешь. А ведь тут Иван Иванович приказал ей вертеться, хоть она никогда этого отродясь не делала, да еще и без всякого хозяина, как отбившаяся от двора собака. — Уж какие тут, при такой вере, законности? коли не одни мы ушли от начальства, а и земля ушла от Господа Бога и шляется, где день, где ночь, да и солнушко-то, сказывал Иван Иванович, туда же, уж подлинно верченые! Чем, спрашивается, отличается такая сумбурная *новая вера* от мировоззрения Сеченова и consort'ов¹⁰. Одним обилием подробностей, но вывод тот же, полное отсутствие нравствен<ного> идеала, которого на этой дороге и прицепить-то некуда.

А люди хотят *по-человечески* жить с подобными *убеждениями*! Ведь всякая *человеческая* проповедь только средство к регулированию в страшном избытке дарованного жизни инстинкта борьбы за существование. Ведь философия, религия и есть только этот необходимый регулятор гражданской машины, а вы его хотите выкинуть, да еще напереть на локомотив!

Да ведь тут через секунду дребезгов не останется. Да ведь это учить репейника душить культурный хлеб, волку таскать культурных овец, зубам жевать, желудку варить пищу, о чем они сами денно и нощно помышляют. Уж если религия и философия заблуждение, то такое учение просто бессмыслица.

После этого надо собирать народ с лопатами и заставить его помогать морскому прибою подмывать гранитный берег.

Печальней всего, что человеческие тупости всегда в истории принимают такой острый характер. Просмотрите ряд человеческих страданий во все истор<ические> времена и едва ли борьба за существование (Рим и Карфаген) дали столько страданий, как заблуждения. То магометанство во имя Корана все режет, то Крест<овые> походы, наоборот, бьют жидов и мусульман, то гвельфы и гугеноты и никонианцы, то Руссо с правами человечества¹¹, которых сам черт не знает, то колдуны. Словом, куда ни повернись, заблуждение процветает и теперь наверху *ничто*, желающее породить *все*. *Risum teneatis*^{5*}!

^{1*} за борьбу — вписано на полях

^{2*} в частном случае (*лат*)

^{3*} вообще, отвлеченно (*лат*)

^{4*} полностью, в целом (*лат*)

^{5*} Удержитесь от смеха (*лат*)

Сейчас я перевел: *Die Dinge*^{1*} (по Платону: *Sie werden immer, sind aber nie: Они постоянно грядут; но никогда не суть*). Довольно смело, но, кажется, точно и другого не знаю. Не знаете ли? В книжке своих афоризмов¹² <я> прибавил: «Один соколиный охотник радовался и хвастался, что отлично видит и что Бог послал ему такого сокола, который с каждым днем взмывает все выше и выше; до того высоко, что другие уже не видят его кругов, а только видят потом, как голуби начинают падать из поднебесья. “А мне все видно, — говорил охотник, — как он высоко ни забирает, — иной раз там и промахнется, — да Бог с ним, зато высоко, — так высоко, что только дух радуется”. Но сокол забирал, забирал, каждый день выше да выше и однажды ушел в такую высь, что и опытный глаз сокольничего не мог его уследить. Так и ушел от него сокол. Тут-то охотник подумал: хорошо летать высоко, да надо же и на землю спускаться. При чем же я теперь остался?»

Ставлю, наконец, 12 июля, так как надо отправить за канифолью для молотилки, кот<орая> по поводу дождя бездействует, также и утром начавшаяся вязка копен погасла. Где это что-то двигается само собою? по словам Толстого. Я вижу, напротив, одно напрасное напряжение сил, в бесплодной борьбе с природой, на каждом шагу. —

Будьте здоровы и пожалуйста радуйте Вашими хорошими строками. Мы с женой и вернувшимся из Москвы Борисовым¹³ Вам земно кланяемся, завидуя Вашему кейфу.

Ваш А.Шеншин

* Год определяется по содержанию (см. прим. 5, 12).

¹ Перифраз восклицания Ричарда III из одноименной трагедии Шекспира (Д 5 Карт 4) в переводе актера Я.Г.Брянского: «Коня, коня! Полцарства за коня!» (в подлиннике: «A horse, a horse! My kingdom for a horse!»).

² Эфемериды — насекомые-однодневки.

³ Отклик на ряд выступлений панславистского толка, участвовавших в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

⁴ Рядчик — тот, кто поставляет рабочих и договаривается (рядится) об условиях найма

⁵ Последующие исправления, сделанные Фетом вследствие замечаний Страхова, учтены в окончательной редакции стихотворения «Не тем, Господь, могуч, непостижим..» (РР 1879 № 10; затем ВО I).

⁶ Цитата из Библии: «Егда (сотворены) быша звезды, восхвалиша Мя гласом велиим вси Ангели Мои» (Иов 38, 7).

⁷ См. п. 28, где рассматриваются варианты перевода философского термина «intelligibel»

⁸ По библейскому преданию, пророк Даниил был брошен в ров, где содержались львы, им на растерзание, но Господь защитил Даниила и львы не тронули его (Дан 6, 16–23). Отсюда выражение «ров львиный» — синоним тяжелейших испытаний и опасности.

⁹ «И вот стою я, бедный глупец! / Каким и был, не умней под конец» — строки из первого монолога Фауста (*Фауст Ч I Пер Фета 1882* С. 35).

¹⁰ Иван Михайлович Сеченов (1829–1905) — создатель русской физиологической школы. Заложил основы материалистической психологии, оказал большое влияние на развитие естествознания и материалистической философской мысли в России. Consort'ов — зд.: его сотоваришей (от франц. *consort* — товарищ, соучастник в деле).

¹¹ Подразумевается трактат Ж.Ж.Руссо «Об общественном договоре» (1762), в котором обосновывались права народа, в частности, его право на свержение абсолютизма.

¹² О «книжке афоризмов» Фета см. в наст. кн.: Неизд. письма к Толстому, п 41, прим. 1. Далее Фет цитирует из нее (с мелкими разночтениями) «афоризм» № II (ср. *Фет Соч и письма* Т. 3. С. 328). Этот «афоризм» Фет сообщил Толстому в письме от 17–18 июля (*Голостой Переписка* Т. 2. С. 72. О реакции Толстого см. там же. С. 75).

¹³ Летом и осенью 1879 г. племянник Фета П.И.Борисов жил в Воробьевке.

^{1*} Вещи (нем.).

31. СТРАХОВ — ФЕТУ

Кременчуг. 20 июля 1879 г.

Сейчас видно по Вашему письму, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, что Вы заняты делом: оттого такое оживление и обилие мыслей. А я тут так обленился, что насилу-насилу принялся за это письмо. И главное, что мне хочется сказать — одно: что я к Вам приеду скорее, чем думал, именно числа 27, 28 июля¹. Так сложились тут обстоятельства, в которых, впрочем, нет ничего дурного, а скорее больше хорошего, чем я ожидал. Я увидел своих молодых — а я как будто и забыл, что есть на свете молодые, что есть любовь и бывает совершенно свежее, ничем не попорченное счастье. Ну, да это долго бы рассказывать, если рассказывать все. Очень рад, что такой мастер, как Вы, одобрил мое *умопостижимый*² и мои замечания³. *Звездный и ночь* — чудесно; я дивлюсь, что в Ваших поправках всегда бывает тот же удивительный тон и склад, который родит способно по-видимому только самое горячее вдохновение. Все Ваши стихи — как будто вырвались неволью — чистое золото поэзии.

Ваши рассуждения о направлении нашего образования (вернее, всего европейского) глубоко верны. Мне все мерещится ряд статей *об общественных делах*, и, может быть, я примусь за них, когда вернусь в Петербург. И здесь, как и везде, толкуют нынче об нигилизме и преступниках. К сожалению, «Московские ведомости» ведут дело очень дурно — обо всем этом, может быть, удастся поговорить подробно в Воробьевке, а теперь простите моей лени, — хочу кончить письмо и приняться за другую необходимую переписку. Но ждать недолго. Усердно благодарю Вас за такие длинные и ужасно-приятные мне тоном и смыслом письма; усердно кланяюсь всем Вашим

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

1879 20 июля Кременчуг.

Ответ на п 30

¹ См п 28, прим 1² См п 28—30, в которых обсуждались варианты передачи на русский язык философского термина «*intelligibel*».³ См п 29, прим 2 и п 30, прим 4, а также п. 35, прим. 2.

32. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург 16 сентября 1879 г.

Простите, простите дорогой Афанасий Афанасьевич, что так бессовестно молчал. Сперва мне было слишком хорошо, потом слишком дурно, наконец, дело пришло в будничный порядок, когда можно спокойно исполнять свои обязанности. Конец пребывания у Толстого, потом два дни в Москве и три дни у Голохвастовых были очень интересны¹. У Толстого веселье к 22 августа (рождение графини) сильно разыгралось, и еще больше выросло 23-го. Они называют такую радостную суматоху *пожаром*, и говорят, что пожара иногда не выходит, несмотря на самые усердные приготовления, и что нехорошо, если пожара не случится хоть раз в год. Это веселье (разумеется, посредством детей — иначе оно было бы невозможно) стоило бы описать, если бы я умел. Но я невольно вспомнил свое первое пребывание в Ясной в 1871 году — как тогда все было моложе и свежее! Теперь и граф и графиня стали много серьезнее и грустнее; но во время этого пожара как будто вернулось старое время. Впрочем, я давно уже не видал Льва Николаевича таким бодрым и свежим. Он и физически здоров, и нравственно свеж и полон сильного возбуждения. Как ни странны его выходки и увлечения, но мне кажется,

он идет все-таки по своему всегдашнему пути и лишь дополняет и развивает свой взгляд — взгляд *смирного* человека. (Кстати — через неделю Вы получите от меня Ап.Григорьева, и прошу Вас — прочтите мое предисловие)².

Пропущу Москву с антропологической выставкой³ и Голохвастовых с драмой и проектом (все это было, однако, очень недурно)⁴ и пожалуюсь Вам на Петербург. Я сейчас же стал тут прихварывать, а еще больше тосковать от этого тусклого солнца, бесцветных домов и людей. Нет тут ничего ни настоящего русского, ни настоящего иностранного. В нынешний раз как-то особенно долго мне пришлось обживатьсь.

Я переживал тоску, чтобы писать к Вам; наконец, явился ко мне сам редактор Навроцкий с деньгами за Ваши стихи, и я ему вручил новое стихотворение⁵. Другой редактор — Аловерт попался в театре и таким образом у меня очутились сами те 50 рублей, которые давно Вам следуют⁶. Чтобы не задерживать письма, я пошлю их отдельно в Курск.

Литература, по-видимому, у нас продвигается. Юрьев пишет мне, что с нового года начнет журнал и просит сотрудничества⁷. Думаю нынче развернуться и написать для него статью — «Главная задача истории»⁸, а для съезда натуралистов, имеющего быть в Петербурге в декабре — «Об основных понятиях физиологии»⁹. Эти планы несколько оживили меня. А в городе очень невеселое настроение. Главная новость — меры по учебному ведомству, как видно, довольно крутые. Признаюсь, я искренно сожалею об этих новых распоряжениях. По-моему, самое лучшее было бы оставить прежний порядок, но добиться, чтобы он действительно соблюдался. Всякая же новость уже тем вредна, что она новость. Мы живем без малейшей уверенности в порядке дел; мы знаем, что завтра же может быть установлен новый порядок, а через неделю опять новый и т.д. Как же можно требовать уважения к этим установлениям? Как же осуждать тех, кто сам начинает придумывать порядки и недоволен выдумками других? Непрерывные реформы — зло, и если бы остановиться, то, кажется, мы бы поправились в умственном и политическом отношении.

Будете писать, то прошу Вас, не забудьте сказать, как поживают все Ваши и даже как хозяйство Воробьевки. Еще раз — простите.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

1879. 16 сент<ября>. СПб.

¹ Свое пребывание в Москве Страхов описал Толстому 14 сентября 1879 г. (ТС. Т. II. С. 530).

² Страхов послал Фету экземпляр изданного им первого (и единственного) тома «Сочинений Аполлона Григорьева» со своим предисловием (изд. Н.Н.Страхова. СПб., 1876).

³ Антропологическая выставка неприятно поразила Страхова. 14 сентября он писал Толстому: «В Москве я видел выставку <...>, показывающую всю силу мыслей, глубоко мне противных» (ТС. Т. II. С. 530).

⁴ Описание пребывания Страхова в Воскресенске у О.А. и Д.П.Голохвастовых см. там же (С. 530).

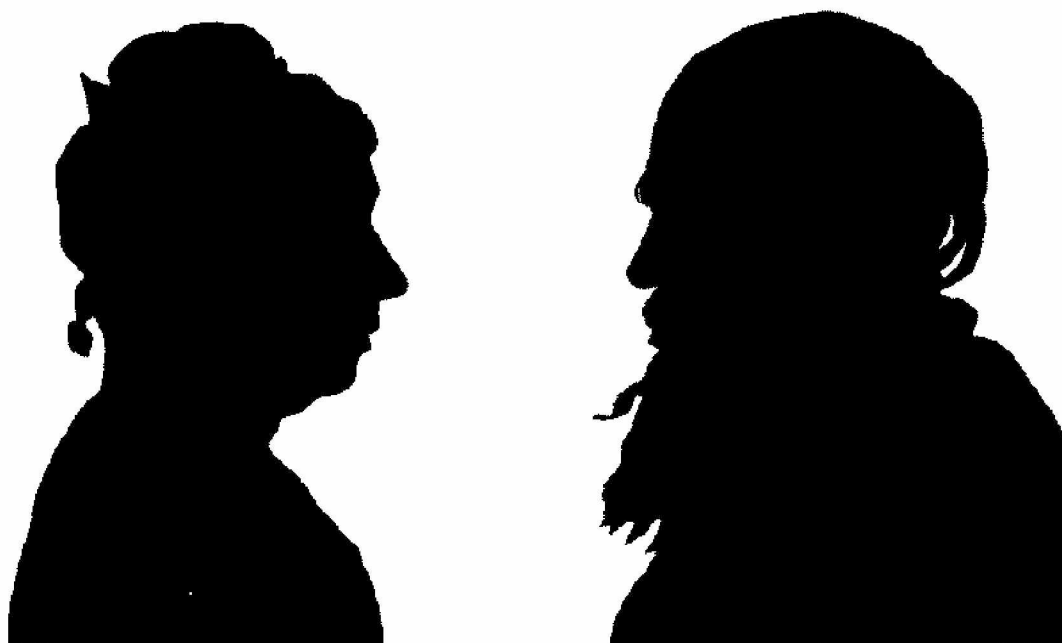
⁵ А.А.Навроцкий вручил Страхову гонорар Фета за стихотворение «Отошедшей» (РР. 1879. № 5). Тогда же Страхов отдал ему для публикации стихотворение Фета «Не тем, Господа, могуч, непостижим...» (см. п. 30, прим. 4).

⁶ Н.П.Аловерт вручил Страхову гонорар Фета за стихотворение «Глубь небес опять ясна.» (см. п. 22, прим. 12).

⁷ Сергей Андреевич Юрьев (1821–1888), переводчик, издатель, с 1878 г. председатель Общества Любителей Российской Словесности, с 1880 г. — редактор журн. «Рус. мысль».

⁸ Статья с таким названием в «Русской мысли» не появлялась.

⁹ 14 сентября Страхов писал Толстому, что в декабре намерен читать «статью о физиологии на предстоящем съезде натуралистов» (ТС. Т. II. С. 531). В декабре 1880 г. в Петербурге открылся очередной съезд естествоиспытателей и врачей, однако на этом съезде Страхов не выступал (см. п. 38, прим. 2). 14 февраля 1880 г. он писал Толстому: «Своей статьи я так до сих пор и не кончил; но чувствую веру, что могу кончить и что стоит кончать» (ТС. Т. II. С. 557). Через три года статья «Об основных понятиях физиологии» была опубликована (Рус. мысль. 1883. № 5).

С.А. и Л.Н. ТОЛСТЫЕ

Силуэты работы С.Э. Дмитриевой-Мамоновой. Ясная Поляна, <1870-е гг.>

Музей Л.Н. Толстого, Москва

33. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 20 сентября 1879 г.

20 сентября

Любезное и милое письмо Ваше, дорогой Николай Николаевич, пришло, как нарочно, вчера после вечернего чаю и упало на стол в ту минуту, когда Павел Николаевич Каратеев, гостящий уже неделю у нас с семейством, раскладывал Николая Николаевича¹, со свойственной ему аккуратностью и неторопливостью, почему Николай Николаевич у него почти всегда выходит. Во избежание обычной чепухи моих писем, постараюсь отвечать по пунктам.

1-е. По случаю интелли—гибельности² человек<еской> природы, не могу прибрать сравнения, так как человек единствен<ный> экземпляр желания быть и деревом и яблоком, что крайне неудобно и болезненно выходит. Кобыла тоже лелеет жеребенка, но на это есть срок. Отсосал и прочь. Вот почему я рад, что могу потухать самостоятельно и на старости мне не нужно влезать в пожары³, к которым, в сущности, нет охоты. Я совершенно согласен с Вами насчет дальнейшего развития Толстым *смирного* человека, но я чувствую, что в это развитие значительно приходят соображения насчет грядущего его семьи. — Тут есть *бездна*, через которую даже умнейшие русские люди, благодаря 1000-летнему крепостному праву, никак перешагнуть не могут. Дескать, графы не иное что как графы, т.е. они по возможности получают известный лоск и состояние от предков и вращаются в своей обычной среде, — как там ни верти. На деле же недостает бездельницы. — Человек, не получивший основательного, классического и, главное, *философского* образования — в наше время *Röbel*^{1*} и как деятель может производить одну чепу-

^{1*} чернь (нем.).

ху; да к тому же, если от предков получать почти нечего, — то все графство было бы смешно, когда бы не было так грустно. Одни купцы наши поняли, что дело в деле, а не в форме или наследстве, и они нас всех, — слава Богу — гонят в шею с наших земель. — Могут быть смуты, неурядицы, минутное торжество легкомысленного и безнравственного нигилизма; но после первой минуты спокойствия, легкое масло наверх, а трудовое и знающее дело в основу сосуда. Таков закон вещей.

2-е. Хозяйство наше идет обычным путем, с той разницей, что мой доход в этом году равняется без прикрас = 0. Благодарю Бога, что не — Х. Это, однако, не мешает нам, т.е. жене и Алек<сандру> Ивановичу (которые усердно Вас с Борисовым и Павл<ом> Никол<аевичем> приветствуют) втроем ехать 25 сентября в Бахчисарай, Севастополь, Ялту, Одессу, Киев и домой. Давно хотелось мне видеть Крым, а теперь у меня там, в Бахчисарае, отыскался старый сослуживец-однополчанин, который нас поджидает⁴. Напишу Вам про Крым.

3-е. Пожалуйста, дорогой, не забывайте старика Вашими умными строками.

4-е. С жадностью прочту предисловие к Григорьеву.

5-е. Пожалуйста, пишите мне по временам.

6-е, 7-е и 8-е. Не забывайте мне писать, а деньги, как хотите, хоть оставьте до свидания. — Перешлю то из прежнего, что желал бы видеть в печати.

9-е. Что касается до интелли-гибельности ежедневной передержки реформ, совершенно согласен. Это приучать всякого дурака к законодательству. — Преобразования бывают или исторические — наилучшие, как в Англии, Германии — или же интеллигибельные, как в Франции и у нас. Но ведь по принципу — философскому, надо же сперва рассмотреть общее, что оно значит, а не вводить особенное, которое eo ipso^{1*} разрешает общее, котор<ое> никто и не рассматривал. А так было у нас все⁵. Устроили повивальных бабок и санитарок, а никто не разрешил, что прилично женщине вообще. Устроили студ<енческие> кассы, речи, сходки, балы, стипендии, а никто не спросил, что прилично ученику. Устроили безапелляционный крест<янский> самосуд, а никто не спросил, что прилично мужику, сорвавшемуся с крепостной цепи в дешевку кабака, и возможно ли пахать сохой на 2½ вершка по положению — и как заставить исполнить всё положение, которое и осталось мертвой буквой. — Теперь, к счастью, начинают открывать глаза и другими словами вычеркивать все намудрствованное. Суды оставлены лишь для особ in cogroge vili^{2*}, и мы боимся мимо их ходить; но там, где дело казенное, они, эти прекрасные суды, устранены. Земство подчиняется опять губернаторам, т.е. уничтожается — и слава Богу. Учебные заведения порются — и давно пора. Если я в моем хозяйстве знаю, сколько мне нужно кучеров и каких, то и государство обязано знать, сколько ему нужно ученых и каких, а не толпы тех нахальных неукров и невежд, которыми ежегодно снабжает округ мужск<ие> и женские школы.

Никто еще ни в одном доме не видал русской учительницы, а дипломов дают тысячи. Никто не видал ученого агронома-дельца, а одна московская земледельческая Академия стоит миллионы. Хлеб, тот перед печеньем заквашивают накануне, а опресноки только у жидов, да и те гадкие. — Неужели вашему Питеру не кидается в глаза, что за окружные суды и всякую земскую штуку и самоуправление благодарят только киргизы, да каракалпаки, а остзейцы и финляндцы вот уже 20 лет сумели избежать этих благ. — Нет, не будем говорить об этом. — Надо самому все видеть, а потом говорить. Можно выпускать поджигателей и думать о прекращении пожаров и нескораемых постройках. Risum teneatis^{3*}! Будьте здоровы.

Душевно любящий Вас

А.Шеншин

Ответ на письмо 32.

^{1*} в силу этого (лат.).

^{2*} Зд.: низкого происхождения (лат.).

^{3*} Удержаться от смеха (лат.).

¹ О П.Н.Каратееве см. п. 24, прим. 13. О пасьянсах, которые любили в доме Фета, см. п. 12, прим. 3 и п. 24; прим. 6.

² Каламбур Фета, возникший в ходе обсуждения вариантов перевода философского термина «intelligibel» (см. п. 28–31).

³ О значении слова «пожар» см. описание «пожара» у Толстых (п. 32).

⁴ 25 сентября 1879 г. Фет, его жена и А.И.Иост выехали в Крым к бывшему однополчанину Фета К.Ф.Ревелюти. Они посетили его имение под Бахчисараем, а затем побывали в Ялте, Ливадии, Севастополе и др. местах Крыма. По возвращении Фет поделился со Страховым своими выводами об упадке помещичьего хозяйства в Крыму (п. 34). Подробное описание этой двухнедельной поездки см.: *МВ* 2. С. 372–380.

⁵ По всем затронутым далее вопросам Фет, пытаясь подвести итоги прошедшей реформы и наметить пути исправления указанных недостатков, неоднократно выступал в печати с начала 1880 гг. (статьи: «Наши корни», «Где первоначальный источник нашего нигилизма?», «О нашем сельском самоуправлении», «На распутии», «Общинное владение» и др.).

34. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 10 октября <1879 г.>

10 октября

Непоправимо Вы милый человек, дорогой Николай Николаевич, хотя к эпитету «милый» не мешает подразумевать и «ленивый». Видно, у русских сферы этих понятий врезаются друг в друга. Вернувшись 8 вечером из Крыма, нашел конверт с 54 рублями¹ и думаю, верно, есть пара строчек. Вскрываю: лист белой бумаги кругом ассигнаций. Браню Вас за лень, а сам не присылаю стихов, которые желал бы напечатать — лень возиться со своими стихотворениями. Оставляю до Питера. Тогда посмотрим. Гораздо интересней поделиться с Вами мыслями. — Крым это рай земной с громадными кипарисами, лимонами, не говоря о персиках — и даже с гранатами. — Но всюду следы русской апатии и беспомощности. Крым в настоящее время тот же Севастополь. Так же, как в России, помещики жалуются на невозможность вести хозяйство, указывая на то, что богатеют армяне да немецкие колонисты, т.е. труд, а безделье уже не может стоять на своих quasi интеллигентных курьих ножках, и вот Вам история. Вот ханы — варвары — лежат в мраморных гробницах среди бывших роскошных садов, табунов, пчельников, стад овец и коров, а цивилизация поворовала леса, иссушила оросительные каналы и превратила цветущие долины в безводные степи, где не встретишь даже тощей коровы и молоко возят из Швейцарии в герметических бочках.

Посылаю Льву Николаевичу еврейского Соломона с французским переводом подстрочным и комментариями, из кот<орых> он может убедиться в солидарности восточной мудрости, еврейской<ой>, арабской и даже классической греческой<ей> и латинской<ой>², и все это прелестно, до Шопенгауера включительно. Трансцендентальность несколько не мешает причинности в мире явлений, за которую необходимо держаться обеими руками, пока живешь³. Не пещитесь⁴ — прекрасно! Но тем не менее сей рожь и пшеницу с осени, готовь корм скоту и даже с 6 лет учи грамоте сына, чтобы видеть в 36 лет необычайно тупого скота. Сегодня пишу письма, а завтра погружаюсь в сладостного Шопенгауера. Толстой пишет, что не в духе, ибо чувствует физическое расстройство, от кот<орого> советовался с Захарьиным⁵. Я ему советую на время отстраниться от умственной работы творчества⁶.

Хотелось бы окончить 4 книги Шопенгауера⁷, чтобы иметь предлог обнять Вас в Питере, но, кажется и без всякого предлога не выдержу и приеду обнять Вас, мой умница.

Жена, Тереза Ивановна и Александр Иванович усердно Вам кланяются, а Борисов уехал в Орел унимать медициной свой желудок.

Не сердитесь, что бомбардирую Вас своими сумбурными письмами; но я вообще не прилизываю своих мозгов и рефлексов, а с естествоиспытателем, про-

шедшим через горнило философии, тем менее занимаюсь стилистическим туалетом. Рефлексы — пусть и будут рефлексы, хоть бы и походили на вздрагиванья только что ободранной воловой туши.

Будьте здоровы и не забывайте преданного

А.Шеншина

Год определяется по содержанию (см. прим. 1, 5).

¹ О поездке Фета в Крым см. п. 33. Деньги, присланные Страховым, — гонорар за стихи, опубликованные в «Огоньке» и в «Рус. речи» (см. п. 32, прим. 5 и 6).

² В библиотеке Толстого сохранились присланные Фетом 14 и 16 тома Библии во франц. переводе с комментариями Рейса, вышедшие в Париже в 1874–1881 гг. (ЯПб. Т. 3. Ч. 1. С. 117–129) См. также: *Толстой. Переписка*. Т. 2. С. 83).

³ «Цепь причинностей» — одно из понятий, положенных в основу философской системы Шопенгауэра (см. наст. кн.: Неизд. письма к Толстому, п. 44, прим. 4).

⁴ Не пешитесь — не заботьтесь. Намек на евангельскую притчу о Марфе и Марии, к которой неоднократно обращались в своей переписке Фет и Толстой (см., напр., в наст. кн.: Неизд. письма к Толстому, п. 38, прим. 7).

⁵ Это письмо Толстого не сохранилось. Судя по изложению Фета (9 октября), Толстой сообщил ему о своем физическом состоянии, тогда как одновременно (4 октября 1879 г.) он писал Страхову о состоянии душевном: «Волнуюсь, метусь и борюсь духом и страдаю; но благодарю Бога за это состояние» (ТС. Т. II. С. 534). Подобное раздвоение отражает назревавшее, в связи с переломом в мировоззрении Толстого, расхождение между ним и Фетом. Г.А.Захарьин — известный в Москве врач, у которого лечился Толстой.

⁶ Это письмо Фета (9 октября) см.: *Толстой. Переписка*. Т. 2. С. 83–84.

⁷ Труд Шопенгауэра «Мир как воля и представление» разделен на четыре части, которые обозначены автором как «книги».

35. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 6 ноября 1879 г.

Безбожно, безбожно я виноват перед Вами, дорогой Афанасий Афанасьевич, — да виноват и перед собою — лишил себя беседы с Вами. Вся беда в том, что я пишу статью «Об основных понятиях физиологии»¹ (известная по своему безбожия наука), и это так гвоздем сидит в моей голове, и так трудно мне выгадывать время для писанья, что я вполне буду достоин, чтобы Вы меня погладили по головке, если успею написать. Между тем Ваше великолепное стихотворение

Не тем, Господь, и пр.

напечатано², возбудило восторги и полемику (сам не читал, но слышал), и давно пора зайти в редакцию и отослать Вам 25 р. Но нет и нет удобной минуты — так и дотянул до сих пор. А тут меня потребовали в присяжные; я уже два дни судействовал и участвовал в оправдании нескольких воров и мошенников. Сознаюсь искренно — я был рад, что их не обвинят, но напустил на себя храбрость и исполнил свой долг — говорил своим товарищам, что они поступают против совести, лишь бы снять с себя ответственность, и в сущности отказываются от роли судьи, в которую поставлены. Понемногу мы, однако, привыкаем и в следующих заседаниях, верно, будем смелее.

И с Львом Николаевичем переписка у нас плоха³; сегодня видел Петра Берса⁴, приехавшего из Ясной, — он не хвалит Льва Николаевича — и нездоров и как будто в дурном духе.

Сам я бодрюсь, и, кажется, будь у меня свобода и удобства, писал бы с утра до вечера. Читали объявление «Русской мысли»⁵? Хочет водворить правду на земле, а еще религиозный человек!

Новостей здесь мало. Брожение в университете, не дай Бог, пожалуй, дурно разыграется⁶; а остальное кажется по-старому.

Итак, не браните меня очень — я и сам себя, право, не хвалю. Прошу усердно кланяться Марье Петровне, Петру Ивановичу и Александру Ивановичу. Ваши предположения о приезде в Петербург радостны мне удивительно. Желая здоровья и душевной бодрости (у Вас ее, впрочем, довольно?)

Ваш преданный

Н.Страхов

1879, 6 ноября. СПб.

¹ О работе Страхова над этой статьей см. п. 32, прим. 9.

² О стихотворении «Не тем, Господь, могуч, непостижим. », о правке его текста по указаниям Страхова и о публикации его см. п. 29 (прим. 2) и п. 30 (прим. 5).

³ В это время Толстой переживал тяжелый нравственный кризис, связанный с переломом в его мировоззрении, и работал над сочинением, отражающим его религиозно-нравственные искания «Я очень занят, очень взволнован этой работой», — писал Толстой Страхову 22...23 ноября 1879 г. (ТС Т. II. С. 547). Краткое изложение этого труда, не предназначенного для печати и известного под условным названием «Искания истинной веры» см.: там же (комментарии Л.Д.Громовой и Т.Г.Никифоровой). Всецело поглощенный своей работой, Толстой почти прекратил переписку и на письма Страхова и Фета отвечал редко и коротко.

⁴ Петр Андреевич Берс (1849–1910), брат С.А.Толстой.

⁵ «Русская мысль» — научный, литературный и политический журнал (М., 1880–1918), в первые годы (ред. С.А.Юрьев) придерживался славянофильской ориентации. Объявление об его издании нами не обнаружено.

⁶ Осенью 1879 г. в Петербурге происходили студенческие волнения, вызванные утверждениями 2 августа «Правилами», которые строго регламентировали поведение студентов С.-Петербургского ун-та. «Правила» запрещали «какие бы то ни было коллективные действия, как то: подача адресов, жалоб и прошений, посылка депутатий, вывешивание объявлений от имени студентов», а также произнесение публичных речей, открытие студенческих библиотек, касс взаимопомощи, столовых и т.п. (Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964 С. 120–121). Страхов был прав, опасаясь, что студенческие беспорядки повлекут дальнейшие репрессии: 5 ноября указанные «Правила» были распространены на все университеты России; кроме того была утверждена «Временная инструкция для инспекции за студентами университета», позволявшая разгон студенческих сходок при помощи полиции (Там же. С. 121–122).

36. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 12 ноября <1879 г.>

12 ноября

«Aus des Noth eine Tugend machen»^{1*}.

В силу этой поговорки глажу Вас, дорогой Николай Николаевич, по головке и радуюсь, что Вы заняты делом. Много передумал я в это время, не по поводу книг, а по поводу людей, т.е. фактов и, как мне кажется, многое себе уяснил.

Осталось верным: что понял — нарисуеть¹:

Мир веществен<ный>

Благо в достижении всех вещей. Основа этого блага — вещи или вещь. Коли вещь, на которой должен ехать верхом человек, хороша — благо достигнуто. Итак, цель кавалерии — конь — цель деяния вещь — хорош тот, кто хорош, не для чего-либо или для себя, а для вещи

Мир «я», духовный

Отрицание внешнего мира, с его князем мира и эгоистическое ухаживание за своей душой, своим «я». — Хорош не тот, кто любит вещи и лелеет их, а кто их презирает, в видах выделения из всего своего «я». Полное отрицание всех вещей. Следовательно сострадание, во-

^{1*} «Делать хорошую мину при плохой игре» (нем.; букв.: «Делать из нужды добродетель»).

или вещей. Хорош для Библиотеки, а не для себя в виде жалованья, хорош для поля, сада, государства, а не для своей прибыли. В этом смысле Гегелево государство <цель>. Ибо в хорош<ем> государстве <вам хорошо, иначе оно не хорошее>.

пер<вых>, противуречие, так как страдание в жизни — благо. А во-вторых, кто всё выбросил за борт, тот ничего страдающему не может дать, кроме слез. Рожать детей и спать до 12 часов не по-добает. Есть корку и изнурять тело — другое и последоват<ельное> дело. Иначе или недодумие или фарисейство.

Любовь к предметам, ergo и сочувствие, сострадание — дело воли, интелли-гибельного характера, тут ничего переменить нельзя. Вопрос о разуме: утверждает или отрицает он. Если утверждает — пациент не годен в аскеты, если отрицает, — не годен в деятели, которым нужна безграничная, бескорыстная до смерти на войне и т.д. любовь к делу, без которой всё будет ушкуйничанье, а не дело. —

Грустно мне было читать, что et tu, Brute?! послужил новым доказательством, что спокойствие и безопасность страны отданы в руки легкомысленных ребят, которым, уходя из дому, коза не велела отворять дверей, но когда волк запел жалобным голосом, детки-козлятки отворили и были скушаны. И поделом. — Я, напротив, буду радоваться, если козлята в университете доведут дело до розог или совершенного закрытия этой лавочки³. Теперь уже шутить с ними не станут. Давным-давно пора. — Пожалуйста, не пересылайте никаких денег в Курск. Правдо, сочтемся в таких громадных суммах. — Если Вы да Толстой одобрили стихотворение — да благо ему будет, а публика пусть брешет, что хочет. Я знаю, что «Караибы — ужасные людоеды» — как гласила моя детская география. — Толстого мне сердечно жаль и как добрейшего и благороднейшего человека и как таланта первой руки. Этим сектаторским клином он окончательно расколел пень своего «я», как ни страшно крепок он от природы.

Я даже понять не могу, в какую трещину наладил он этот клин. Но когда подумаю, что забивает его глава семейства, отец бесчисленных детей, махая на все земное рукой и выпихивая души одну за другой в это самое всё, — то ужасно! ужасно! Спрашиваю: какая современная женщина вынесет то, что графиня? — Эхо отвечает: Никакая!

Совершенно забыл было сказать. Были мы с женой в прелестном Крыму и собирались в Одессу, куда меня отчасти привлекал Цитович⁴. Буря на море нас не пустила и я написал Цитовичу письмо наугад. — Он написал мне предлюбезный ответ⁵, — и скажу, по его брошюре я ждал в нем оригинала, но в письме нашел изумительно елейного, оригинального человека. Это чистый нигилист наизнанку. Он сам говорит, что бурса породила в нем как бы искупление за свои грехи в виде Чернышевского, Добролюбова и т.д. — Теперь, голубчик Ник<олай> Ник<олаевич>, у меня к Вам к моему приезду в Питер просьба. Если Вы сами не компетентны в юридическ<их> понятиях: права, собств<енности>, владения и их философских признаках, то приготовьте мне для свидания такого человечка; так как я написал коротенькую статейку об общ<инном> владении, которую желаю промерить ad unguem^{1*}. Статья едва на ½ листа печатн<ого>; но это зеница моего ока! Это ключ всей современной и будущей нашей позиции.

14 декабря буду в Москве, а около 17 в Питере, куда еду, помните, почти исключительно к Вам, ибо не будь Вас в Питере, и я бы ни за что...

Двигаюсь к последней, 4 <-й> книге Шопен<гауера>. Что же Ваше предисловие? Или физиология все затоптала? Петр Иванович всё в отсутствии по своим делам. А Марья Петровна и Алек<сандр> Иванович искренно благодарят Вас за любезное приветствие. Прилагаю при сем одно новое стихотворение, написанное после Вас, и 2 перевода из Гете⁹. Что касается до переводов, то считаю их стоящими печати, лучше той гили, которую выдают за поэзию. А про стихотворение

^{1*} с величайшей тщательностью (лат., букв.: «до ногтей»). 20 111

ничего не говорю, посылая его лишь на Вашу беспристрастную рецензию. — Удалось — *bene*^{1*}, не удалось — и то хорошо, для его смерти в книжке морений <?>. — Неужели Вы и в библиотеке все физиологируете, ну что бы когда оттуда черкнуть словечко. Я не Лев Николаевич молчака <?>, а тому 2, 3 письма на Ваше единое. — Жизнь наша течет мирно, когда не читаю газет и не заражаюсь злобой дня, провалилась она. Газеты в этом случае вполне заменяют ябедниц-старух, которые расстраивают барыню и наводят ее на грех. — До 10 декабря я в Воробьевке. Будьте здоровы и не употребляйте прот<ив> меня крепких выражений.

Ваш А.Шеншин

Год определяется по содержанию (см. прим. 1).

¹ Ср.: «Неизд. письма к Толстому», п. 44.

² «И ты, Брут!» (*лат.*) — слова Юлия Цезаря, обращенные к Марку Бруту, которого он увидел среди своих убийц. Таким образом Фет откликается на выраженное в п. 35 опасение Страхова, что беспорядки в Петербургском ун-те повлекут жесткие меры со стороны властей.

³ Как видно из этого замечания Фета, он был сторонником самых суровых мер при подавлении университетских беспорядков.

⁴ Павел Петрович Цитович (1844–1913) — правовед, профессор Новороссийского ун-та, активный противник общинного владения землей, против которого выступил в брошюре «Новые приемы защиты общинного землевладения» (Одесса, 1878). Ему резко возражал Н.К. Михайловский в первой статье цикла «Письма к ученым людям» («Письмо к профессору Цитовичу» // *ОЗ*. 1878. № 6; подпись: Н.М.), на что Цитович ответил ему новой брошюрой — «Ответ на “Письма к ученым людям”» (Одесса, 1878). На эту брошюру обратила внимание Фета С.В. Энгельгардт в мае того же года (*Энгельгардт II*. С. 88–89). Взгляды, высказанные в брошюре Цитовича, соответствовали убеждению Фета, что общинное землевладение тормозит развитие сельского хозяйства в России. В статье «Наши корни» (*РВ*. 1882. № 2) он писал: «Народ ненавидит общинное владение и барахтается с ним потому, что его из него не выпускают». Спустя почти десять лет он повторит свои тезисы («По поводу статьи “Семейные участки”» // *Моск. вед.* 1889. 17 октября. № 287) и вступит в переписку с одним из приверженцев хуторского хозяйства Д.А. Столыпиным (См.: Черемисинова Л.И. А.А.Фет и Д.А.Столыпин // *Литературное краеведение Поволжья. Межвузовск. сб. научн. трудов. Вып. I. Саратов, 1997. С. 59–67*).

⁵ Письмо Фета Цитовичу неизвестно. Ответ Цитовича (24 октября 1879 г.) сохранился (*РГБ* Ф. 315. 12, 40).

⁶ Вопрос об общинном владении землей представлялся Фету одной из важнейших и трудноразрешимых проблем пореформенной России. Этой проблеме посвящена его статья «Общинное владенье» (ноябрь 1879 г.). Фет придавал ей большое значение, однако по каким-то причинам не напечатал ее. Оpubл.: *Фет и русская литература* С. 13–18 (публ. Г.Д.Аслановой и В.И.Шербакова).

⁷ Страхов обещал Фету написать предисловие к его переводу труда Шолленгауэра «Мир как воля и представление». В октябре 1880 г. предисловие было написано (см. п. 55–57).

⁸ О работе Страхова над статьей «Основные понятия физиологии» см. п. 32, прим. 9.

⁹ Новое стихотворение — вероятно, «Я рад, когда с земного лона...» (впервые: «Огонек», 1880, № 18; затем: *ВО I*, в разделе «Весна»). Один перевод из Гете — «Границы человечества» («Огонек» 1880, № 1, ц. р. 30 декабря 1879 г.; см. о нем п. 3, прим. 4), другой — «Ночная песня путника» или «Прекрасная ночь» (см. о них: *ВО 1979* С. 684).

37. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 6 декабря <1879 г.>

6 декабря

Наде^{2*}! дорогой наш Николай Николаевич!

Совершенный сумбур царствует в настоящую минуту в моей голове. Сейчас,

^{1*} хорошо (*лат.*).

^{2*} Итак (*лат.*).

через три дня пропадавшего кучера, получил-таки дорогой, трикраты и трижды дорогой Ваш подарок, даже в переплетках¹. Спасибо, дорогой.

Никто меня за последние дни так не обижает, как Шопенгауер, пускающий под конец такие штучки, которые, во-первых, нецензурны, а во-вторых, ослами могут быть истолкованы в их ослиную пользу, на что Шопенгауер, конечно, не рассчитывал. —

Но об этом при свидании, а главное, дойдешь до такого места и руки переводчика отваливаются.

Наде 12 декабря, если Бог поможет — я буду в Москве, а затем, через несколько дней и в Питере, а засим и следуют мысли вслух или, вернее, в сумбур, на который прошу обратить внимание лишь поколику он сумбур.

Не знаю, <где> Вы стоите, т.е. жительствоуете, но что за радость забиваться от Вас далеко, а никакой гостиницы *ergo*¹ вблизи — неизвестного — не знаю. Не желал бы платить за комнату дороже 2 рублей в сутки и не желал бы клопов, угару, вони, сырости и подобных радостей. Если знаете поблизости что-либо такое: номера, гостиницу, словом, прибежище, черкните два слова в Москву у Покровских ворот, дом Боткиной, Шеншину. Если промолчите, значит — не знаете и я отложу знание до приезда в Питер.

Толстой приглашал заехать 11 декабря в Ясную². Но я категорически написал, что до 10-го буду ждать телеграмму о благополучном, положительном на днях разрешении графини³. До сих пор вести нет⁴. Что касается до его мировоззрения, то я уже тут отказываюсь мыслить и армия всяческого сброда помышлений моих сжигает корабли свои не после переправы, а до.

Что такое аскетизм, рождающий ежегодно детей и почивающий до 12 часов дня? Что такое опека труда, состоящая в каком-то раскисании над самим собой и всем и вся? — Ничего! Ничего! Хоть сейчас тень графини меня бы ухватила. — Знаю и по Толстому, и из истории, что люди вечные ослы и свиньи, но каждый век хромает на какую-нибудь ногу; но ни один век так не хромал на все четыре, как наш. Вчера приезжал инспектор народ<ных> училищ. Жаль, что не было стенографа. Невозможно точнее воспроизвести словами фотограф<ию> осла просвещения. Что он молот. Это может молотить только член минист<ерства> просвещения. Но простые люди от подобной мудрости умирают, как мухи от мухомора. — Враги нововведений, мы по несколько раз в день продолжаем Вас раскладывать⁵ и каждый день поминаем с неослабевающим сочувствием.

Борисов уехал в Москву, Питер и Германию изучать санскрит⁶, который и я отчасти научился читать. — Все мы, начиная с жены и до Александра Ивановича, любим Вас и желаем всего хорошего преданному нашей привязанности.

Ваш А.Шеншин

Год определяется по содержанию (см. прим. 2–4).

¹ О книгах, которые Страхов прислал Фету, см. п. 39, прим. 1 и 2.

² См. письмо Толстого Фету от 22 ноября 1879 г. (*Толстой Переписка*. Т. 2. С. 87).

³ См. письмо Фета Толстому от 25 ноября 1879 г. (Там же. С. 88).

⁴ 25 декабря 1879 г. Толстой, сообщив о рождении сына Михаила, приглашал Фета приехать 10 января (Там же. С. 88).

⁵ Речь идет о пасьянсе, который показал Фетам Страхов. В Воробьевке этот пасьянс называли его именем — «Николай Николаевич».

⁶ В конце 1879 г. П.И.Борисов уехал в Германию, где слушал лекции в Гёттингенском и Йенском университетах.

38. СТРАХОВ — ФЕТУ

<С.-Петербург, 21 декабря 1879 г.>

Простите, многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, — распечатал, но не читал¹.

Вчера начался съезд Натуралистов — шумно и весело². Вчера же видел вечером Цитовича³ — простите, теперь некогда и лучше пожелаю Вам и Марье Петровне всего-всего хорошего.

Ваш Н.Страхов

Записка (без даты). Датируется по содержанию (см. прим. 1-3).

¹ Во второй половине декабря 1879 г. Фет находился в Петербурге и останавливался в гостинице (см. п. 37). Туда Страхов отправил свою записку и приложенное к ней письмо, адресованное ему для передачи Фету (письмо не сохранилось, имя корреспондента Фета неизвестно).

² 20-30 декабря 1879 г. в Петербурге проходил Шестой съезд русских естествоиспытателей и врачей («Речи и программы VI съезда русских естествоиспытателей и врачей в Петербурге». СПб., 1880. С. II). Страхов значится в числе участников съезда, но с докладом не выступал (Там же. Отд. I. С. 27).

³ О П.П.Цитовиче см. п. 36, прим. 4.

39. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 23 января <1880 г.>

23 января

Спасибо Вам, дорогой Николай Николаевич! за Ваше существование. Ваша книжка о методе естествен<ных> наук прелестна¹. Там, не говоря о сведениях, которые я глубоко уважаю как человеческий труд, да еще + почва, тонкого, солидного ума и мужества бездна. Нечего говорить, что я двумя руками все подписываю там сказанное — и потому-то именно и наслаждаюсь. — Люди обыкновенно ослы и живут, как коровы, жвачкой, но только не своей, а чужой. — С этим я давно помирился в своей раковине, именуемой Воробьевка.

Что же касается до книжки ломки [приторно] психологии², которую Вы мне дали, то наука, хотя и порой прихрамывает, но еще сносно, зато психология положительная дура-непропёка, она тоже: науки юношей питают³, т.е. врут, что попало: например, что привычка делать одно и то же делает *характер*: н<а>п<ример>, играть на бильярде. Он слышал звон, да не знает, где он.

Простите великодушно. Я в состоянии воевать с ветряными мельницами, т.е. с Вами, быть может, только мною воображаемым. Но поймите же, наконец, что я дорожу Вами за все Ваши редкие качества, дорожу, значит, Вы мне близки, необходимы, отрадны. Ну и конец, не будем жевать эту жвачку. Одно есть то, а другое это. Ну как же мне Вам, философу, толковать такие простые вещи. Философия не учит, т.е. не навязывает этики. Она судит, разбирает, что куда. Она понимает, что можно с известными данными подтверждать жизнь, т.е. то раздвоение в корне между вечным и преходящим, между идеей и явлением, между духом и телом. Она понимает, что можно до такой степени подтверждать явление, что за собственным уже не видишь ничего, кроме средства угождать ему. Как учит Соломон: ешь, пей и веселись⁴. — Понимаешь, что можно во имя вечного, безотносительного смотреть на явление, как на пустой, бесцельный и бесценный призрак, и взвинтиться этим воззрением до безудачия к прирожденной физической боли, пожалуй, до радости этой боли.

Тогда разрушение явления является целью, которая достигается и без особенных наступательных действий в искусствен<ном> мире человека. Не нужно разбивать нашу кухню и убивать повара. Не давайте только ему жалованья и провизии, он и так уморит с голоду. Далее философия понимает, что в мире явлений человек

должен работать и Богу и мамоне, иначе — смерть. [Но чтобы один и] Мало того, фил<ософия> понимает, что в сущности человек, хотя и убежден, что ест сегодня для того, чтобы завтра извергать и есть снова, но голодать из-за такого знания не станет — ибо не может. Понимание тут не помогает. Ибо понимание — дело разума, а еда — дело хозяйки-воли⁵. — Но чтобы утверждать, что нами должно руководить исключительно понимание, а хозяйку у живого, то есть у нее в лапах поющего соловья, побоку, когда не я ее держу, а она меня, дико. — Но допустим, что соловей, как выше указано, победил кошку, — прекрасно — он умрет по убеждению. — Умрет, я понимаю, благо небытия перевесило злобу дня. Ну и умер, туда ему и дорога. Но, чтобы убедаясь в злобе дня, продолжать подтверждать жизнью — эту самую злобу, да еще стараться увеличивать неизбежные страдания (злобу) искусственными, как это делают некот<орые>изуверы, этого я никогда не пойму. Тут нет последовательности. Равно как я не пойму, как человек, пришедший к убеждению в сплошной гадости жизни, из которой надо бежать сломя голову, может на основании этого убеждения стараться устроить, ублажить эту самую сплошную гадость. Этого тоже не понимаю. + × ~ = ~.

Сплошной отрицатель жизни не может, не впадая в бедлам, ни воспитывать детей, ни проводить каких-либо улучшительных для жизни мыслей, кроме самоубийства. А в этом ужасающем хаосе живет такой ум, как Лев Никол<аевич>, который с одной стороны, что-то утонченно-сложно проповедует для спасения рода человеческого и собственного рода, породы детей земных — и готовит веревку себе на горло. — Есть вещи до того непонятные, что природа получает спазм и болезненно отказывается от их понимания. Такой спазм у меня в горле, когда я уместенно обращаюсь к Вам, господа, которых привык высоко ценить. Скажите же мне, что я просто глуп, неразвит, груб, словом, найдите умное слово, кот<орое> в сущности ничего не значит, так как Вы сами знаете, что нам глупый повод судить совершенно по тем же вечно человеческим законам, по кот<орым> судил Аристотель и судит Страхов. Ощупываю себя, щипаю за нос, оказывается, что я сегодня выпил чашку кофею, как всегда; ничего нового не произошло, я понимаю, что из льду летом строить нельзя. Что же это за дьявольское наваждение? Отчего же я понимаю Соломона, Платона, Бэкона, Канта, Гете, Шопенгауера, а Вашей мудрости не понимаю.

Вы все говорите о каком-то свете, который у Вас в руках. Покажите его, не под подсвечником, да светите всем в комнате, что это за духовная Америка⁶?

Пожалуйста, не сердитесь, помня знаменитое: «Jupiter, tu te fache, c'est que tu a tort»^{1*}. Если вы не можете указать мне, в чем я слеп, то лучше и не говорите ничего.

Я просто вижу в этом вечную историческую жвачку, вечной экономии мира. Расплодился. Надо лишних убивать. Как? Нужно варваров, а если их нет и есть пушки, надо Руссо⁷. Надо революцию, надо обморок интеллигенции, и цель будет достигнута. Вот это понятно. Как мировая палка, которая, быть может, сама и уродлива, да бьет хорошо. Quod erat dem<onstrandum>^{2*}.

При случае поклонитесь Майковым.

Еще одно последнее сказанье⁸.

Недели через 2 вышлю к Вам конец 4 <й> книги Шопен<ауера>. — У меня в рукописи пропущен текст, ибо не знал аккуратно: «Мне отмищение, Аз воздам»⁹. Быть может, вместе вышлю и предисловие. Как бы хорошо издать к половине поста!

Получили ли мое издание стихот<ворений> 500 экземпляров¹⁰. И что последовало.

Летом Вы не оскорбите, проехав мимо. Жена еще в Москве, а Тереза Иванова и Алек<сандр> Иванович кланяются Вам усердно.

Вы меня натормили <?>¹¹. Преданн<ый> Вам глубоко уважающий

А.Шеншин

^{1*} «Юпитер, ты сердисься, значит, ты неправ» (франц.).

^{2*} Что было доказано (лат.).

Год определяется по связи с ответом Страхова (см. п. 41).

¹ Страхов послал Фету свою книгу «О методе естественных наук и значении их в общем образовании» (СПб., 1865).

² По-видимому, Страхов послал Фету оттиски своей статьи «Об основных понятиях психологии» (см. о ней п. 4, прим. 4).

³ Ломоносов М.А. Ода на день восшествия на Всероссийский престол ЕЕ Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года.

⁴ Перифраз стиха из «Песни Песней Соломона» (V. 1).

⁵ См. п. 42, прим. 4.

⁶ Это письмо так же, как и п. 42 — страстная инвектива в адрес Толстого, отвергающая его вероучение. Отказываясь понимать «духовную Америку», открытую Толстым, Фет упрекает его в противоречии между проповедью нравственных идеалов и практикой семейной жизни, укоряет Толстого за то, что во имя ложных идеалов он «зарезал свой талант». Страхов дважды пытался возразить Фету, однако отложил свои возражения на будущее время (см. п. 41 и 43).

⁷ Об отношении Фета к идеям Ж.Ж. Руссо о правах человека см. п. 30, прим. 11.

⁸ Пушкин. Борис Годунов (первая строка монолога Пимена).

⁹ К римлянам. Послание св. апостола Павла // Рим. XII. 19.

¹⁰ Фет переслал Страхову для распространения в книжных магазинах Петербурга нераспроданную часть тиража издания своих «Стихотворений» (М., 1863). 20 июня <1873 г.> он писал В.П. Лавровскому: «...мое Солдатенковское издание в 2400 экзем<пляров> в 10 лет не разошлось <...> То же с великим Тютчевым» (РИБ. Ф. 171. № 295. Л. 4; сообщено М.Д. Эльзоном).

¹¹ Натаривать, натирать, натереть — здесь: в значении «приучать к чему-нибудь», «упражнять в чем-либо».

40. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 26 января <1880 г.>

26-го января

Дорогой Николай Николаевич!

Усердно налегнув, вероятно, эти дни на Шопенгауера, я до того воспламенил глаза, что не решаюсь писать сам. «Дай отдохнуть и фонтану»¹. Между тем, после отправки к Вам последнего письма я не переставал думать о Шопенгауере и нашем первобытном плане касательно издания². Я убежден, что при восстановленном зрении меня нимало не затруднит сверить лист корректуры с рукописью, тогда как мне даже совестно подумать взваливать на вас эту грязную работу. С Вашей стороны было бы уже величайшим одолжением прочесть новый тот же лист, исправленный уже по моей корректуре. Что касается до замедления, о котором Вы говорили, то мне кажется, при наборе трех листов кряду, в чем хорошая типография затрудниться не может, дело пойдет без замедления, если в день Вашего отправления (а это может быть ежедневно, по истечении первых пяти дней) Вы будете получать уже просмотренный мною лист. Что Вы на это скажете? Очень было бы кстати, если бы книга появилась в начале Великого поста. Дело это для меня так интересно, что, не будь я физически так плох, то приехал бы нарочно в Питер держать корректуру.

Убедясь в вашей петербургской суете, не жду от Вас широковетшаний, но две строки, хотя бы и в библиотеке, о сущности дела меня бы много успокоили. Такой уж у меня характер, что не терпит. «Warum, warum mir nicht Zeit»^{1*}.

Ваш сиепой почитатель

А.Шеншин

Письмо написано под диктовку Фета. Заключительная фраза и подпись — его собственной рукой

^{1*} «Почему, почему на меня нет времени» (нем.).

Год определяется по содержанию (см. прим. 2)

¹ Афоризм Козьмы Прутков

² Речь идет о планах работы над корректурами перевода книги Шопенгауэра «Последнее письмо» Фета — п. 39.

41. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург 30 января 1880 г

Очень захотелось мне, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, сказать Вам многое на Ваше длинное собственноручное письмо (оно меня задело за живое); собственно, я обязан был бы употребить в дело все свои силы, чтобы дать Вам полный ответ, какой только могу. И у меня на это большое желание. Но дайте мне небольшую отсрочку. А теперь скажу вот что: я не проповедник, проповедник Л.Н.Толстой — что же Вы находите у него темным? Вы указываете на противоречие с жизнью — но его в сущности нет, или, по крайней мере, есть сильное желание из него выйти. При мне графиня сказала: «мои дети будут бедными людьми», а Сережа, который тут был, заметил: «и слава Богу, что мы не будем богаты». Вы видите, учение отца попало на урожайную почву.

Впрочем, я хорошо понимаю Ваше затруднение, Ваш умственный спазм, как Вы чудесно выражаетесь. Я обдумаю и напишу Вам, что могу. Я вполне разделяю религиозное настроение Льва Николаевича и убежден, что его направление верно. Но у меня нет и никогда не было желания заставить других думать и делать по-моему. Я ищу дороги только для себя, и в моем одиноком и, так сказать, голом положении мне довольно легко исповедывать и отчасти практиковать мораль отречения. Толстой не таков; его эти вопросы мучат и он готов на площади каяться в грехах и звать всех прохожих к покаянию. То, что он сказал мне на праздниках в Ясной Поляне, очень поразило меня ясностью, простотою и силою, я уверен без всяких сомнений, что он нашел истинный смысл христианского учения, и мне было это очень отрадно, так как в сущности все мы выкормлены этим молоком.

Но отложимте, прошу Вас, до следующего раза. Теперь скажу о делах. Книги я получил и разослал по магазинам на комиссию¹. Через полгода пошлю собирать деньги, и тогда только скажутся результаты. Печатать я решил у Стасюлевича как самого аккуратного и честного человека². Буду посылать Вам корректуры в гранках, как это делал когда-то с Л.Н.Толстым. Одно<го> боюсь: мои занятия и какая-то невообразимая путаница хлопот, черт знает откуда лезущих, пожалуй, будут задерживать дело, во всяком случае, могут не дать ему такого быстрого хода, как Вы желаете. Тогда не сердитесь, дорогой Афанасий Афанасьевич, будьте ко мне снисходительны. Но к Святой дело нужно кончить во что бы то ни стало, и я особенно рассчитываю на Великий Пост, когда и Петербург все-таки утомонится. Итак, через недельку ждите первых корректур. Мне глубоко-приятно работать вместе с Вами, и Ваша серьезная искренняя преданность духовному делу (если позволите так сказать) — для меня пример и подстрекание. Мое усердное почтение всем Вашим.

«...»

Вам душевно-преданный Н.Страхов

1880 30 янв<аря> СПб

Публ<ичная> Библиотека.

Ответ на п. 39

¹ См. п. 39, прим. 10

² Первое издание книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление» в переводе Фета (СПб, 1881) печаталось в типографии М.М. Стасюлевича.

42. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 5 февраля <1880 г.>

5 февраля

Дорогой Николай Николаевич!

Когда мне не было еще 10 лет, наши семинарии были еще, бесспорно, самыми наукообразными, русскими школами, пока прогресс их не превратил в клоаки-тахит'ы. И вот, ясно помню я, что по мере объяснения Вас<илием> Василь<евичем>¹ божественных качеств, с которыми, с легкой руки Августина², столько кувыркались мозги человеческие, — я, 10-летний мальчишка, бесповоротно решил, что тут дело окончательно неладно, и что сотворить мир для ежеминутных, незаслуженных и непредвиденных терзаний, неизбежных по всеведению, — ничего нет ни всеблагого, ни премудрого, а есть только непозволительное вседовольство. С тех пор в продолжении 50 лет я ни разу не рылся в этом сумасшедшем доме, хотя постоянно волновался другими вопросами. Друг мой Шопенгауер только подтвердил мне изречение Эмпедокла³ «понимать может равный только равного» — так как я *explicité*^{1*} нашел в нем все то возведенным в логические понятия, что знал непосредственно всю жизнь.

Я знал, что раздвоение и есть именно возможность жизни и самая жизнь⁴. Чтобы жил пар, надо, чтобы упарилась вода и т.д. (некстати: я тогда своим умом дошел, что Абрам, с своим жидовским лоном, куда возвращаются все жиды, просто краденый Индейский Брам, потерявшийся, вместе с духовностью, среди этого грубо-эмпирического, формального народа).

Миросозерцание Шопенгауера, которым он так основательно гордится, для меня не более, как разъяснение последнего «х» — в многосложной задаче, на которой переломали столько перьев, грифелей и карандашей. С подставкой его раздвоенной воли всё выходит понятно, мало того, высоко, высоко, до крайней высоты того христианского молока, на котором мы (как Вы справедливо замечаете) все вспоены. —

Ни я, ни Шопенгауер не безбожники, не атеисты. Не заблуждайтесь, будто я это говорю, чтобы к Вам подольститься. Я настолько уважаю себя, что не побоялся бы крикнуть Вам: «Таков, Фелица, я развратен»⁵, хотя чувства Бога и не-Бога ничего не имеют общего с этикой, характером, что мир есть собственно себя носящая воля (вседержитель). Это тот всё озаряющий, разрешенный «х» = и тут граница человеческого разума. Что есть Бог, это я знаю непосредственно, т.е. чувствую, так как иного непосредств<венного> знания нет. Но как прицеплен Бог к этому миру (Вишну), Шопенгауер, как умница, не знает. А если я без молотка пойду ковать лошадь — дайте мне, пожалуйста, дураку — тумака.

Л.Н.ТОЛСТОЙ В РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ

Гравюра В.В.Матэ по рисунку И.Е.Репина
(Ясная Поляна, 30 июня 1891 г.)И.Е.Репин. Альбом картин и рисунков.
Изд. И.Е.Репина и В.В.Матэ. СПб., 1897^{1*} в раскрытом виде (лат.).

Знаем мы только, что хороший Бог такой противуречивой пакости творить не станет, и следовательно к творению жидовскому непричастен. Знаем мы, и философски, и исторически, что высочайшей высоты духовная святость всегда была и есть полное отвращение, отрицание от этой вопиющей пакости мира, как же мы хотим видеть в высочайшем нашем идеале — Боге любовь: подтверждение к этой пакости.

Заниматься солением грибов, удачей на охоте или войне может только тот Бог мух, о котором когда-то писал мне Л<ев> Ник<олаевич>, говоря, это Бог наших жен. — Повторяю, знайте, что я паинька — и когда мне говорят: я знаю, то я молчу и ничего не возражаю, подставляя под понятие *знаю* понятие «чувствую», ощущаю. Мало ли чего не ощущаешь и в бреду и во сне — и все знаешь, как я в горячке знал, что у меня 3 головы и только затруднялся, в который рот лить суп. — Но когда мне берутся доказывать, то требую весь туалет. Как скоро христианство не что иное, как одно из величайших исторических проявлений нашего духа, то тем самым всё значение его ограничивается его этикой: философской как познание и практической как мотив. В том бурном (чтобы не сказать сумбурном) натиске, с которым постоянно раздражительно устремляется Толстой, я до сих пор не мог разобрать, какой стороной христианской этики дорожит он по преимуществу: стороной познания или мотивов.

Если первой, то я *a priori*^{1*} убежден, что «*on n'est pas plus royaliste que le roi*»^{2*} и что никто в мире не может лучше выразить великой христианской этики, ее божественного Учителя, как об этом рассказал Гегель в двух словах: любви Бога (идеал) и ближнего (весь мир), как самого себя, которого ты по природе не любишь не в силах. — Затем он же поясняет и говорит: «Люблю Бога (идеал своей духовной жизни) и не люблю брата, лжу глаголет, т.е. говорит чепуху, так как идеал, Бог-то и состоит в прозрении того, что покров Ман⁶ есть мучительная одежда Центавра⁷, которая жжет весь мир без исключения, а любовь только — со-страдание⁸. А такое со-страдание есть дар *благодати* извне, а не достигается никакой грамматикой или вивисекцией.

Поэтому христианская Этика как познание только подставляет мне зеркало, говоря, обрейся; а если нечем — и разговору конец. До сих пор все обстоит благополучно. Но как скоро возникает вопрос, *что делать*, чтобы удовлетворить этому данному, присущему состраданию, то как по тому же учению вера без дел мертва, как мертво всякое знание без приложения, хоть бы к чему-либо духовному, тут подымается у большинства такой хаос, что они то одной ногой в самоубийственный аскетизм, то другой в католическое полнобрюшие церкви, забывая, что прекрасен и аскетизм, прелестно и полнобрюшие, но вместе это сумасшедший дом.

Вы говорите, что Вы не проповедник и познаете для себя. Но ведь и я не проповедник, тем более, что отрицаю всякий внешний мотив чужого познания и признаю один внешний, вековечный мотив святой тоски. Духом кротости тоской до кости. Этот священный мотив действует от рыбы и до человека — во все века.

Но рассуждать, т.е. познавать для себя, отчего не познавать. И отчего, когда действительно любишь человека и семейство, не сказать, тут делается невообразимая чепуха, под видом ли философии, под видом ли любви или иных — но чепуха очевидная, *handgreiflich*^{3*}. Вы математик. В Орловской губернии 12 уездов, из коих производительна земля, за исключением: Болховского, Карачевского, Трубчевского, Дмитровского, Брянского, Севского и отчасти Кромского и Мценского — *ergo*^{4*}, положим, в 6-ти.

1* независимо от опыта, умозрительно (лат.).

2* «нельзя быть большим роялистом, чем король» (франц.).

3* очевидная (нем.).

4* следовательно (лат.).

Всей облагаемой земли во Мценском уезде 200 т<ысяч> десятин дают доход с десятины в 3 рубля кругом, из ней половина, т.е. 100 ты<сяч> у крестьян. Ergo не у крестьян приблиз<ительно> во всей губернии производит<ельной> земли $100 \times 6-600\,000$ десятин = 1 800 000 руб. доходу; а акцизного сбора, по словам губернатора, собирается 5 000 000, т.е. пропивается 10 мил<лионов>. Итак, отдать и всю землю крестьянам и завести всюду школы физиологии, поставить преднамеренно на носу каждого устроенный кабаk, значит смеяться над здравым смыслом.

А между тем не содержать войск, другие придут содержать свои на наш счет, не содержать Университетов — пустых от наук, советников, которые никому ничего советовать не могут, не пивши кофею, теноров, воспевающих самую ризу Центавра, тоже, говорят, нельзя. — Тогда как я для себя говорю: нет можно, и доказываю это на деле, проживая денег менее Вас всех. И говорю, что прямо не желаю выиграть 200 ты<сяч>, так как они мне не нужны. Нуждается в деньгах мое дело, т.е. хозяйство, Шопенгауер, который без денег не узрит света, но не я. Но чего хочет Лев Николаевич, этого он сам не разжевал. Когда я ему говорил, что он губит свои труды на заглазную покупку земли, которая, без личного труда, подобно всему = 0, то он мне прямо пояснял, что с приближением жел<езных> дорог эта земля удешевится и дети его будут богачи. Опыт подтвердил мои слова и мое удивление, когда он не далее как в прошлом году, с сердцем ответил жене, на то, как они будут для воспитания детей и выездов дочерей жить домом в Москве, — «ну что ты говоришь, разумеется, ты сделаешь, как все, возьмешь 20 тыс. на зиму и поедешь в Москву, а иначе у нас будет потом так же грязно, как здесь». А теперь этот же человек говорит мне, что не только сам капитал, но и всякий труд есть грабеж ближнего, а когда я ему сказал, что же он не продает Самару и не купит в Курске, он отвечал «нет», — подразумевая все-таки свою глубочайшую, тайную мысль о будущем богатстве своих детей. В чем же тут каяться, кроме в противуречии. Учишь музыке — надо обеспечить рояль и залу, учишь танцам, конькам, верховой езде, языкам светским — надо обеспечить эту среду. — Можно, положим совершенно напрасно, стремиться к богатству — это логично. Оно достигается трудом, умением, ежеминутной сдержанностью; страшной дальнорукостью — и то при удаче. Но радостно ожидать бедности — nonsense!^{1*} — этого ожидать не стоит, можно в одну минуту раздеться донага и выйти на мороз. Это не трудная задача. Зачем туманить народ. Так делает брат мой и никому не проповедует, а делает, и дайте ему миллион, он завтра все раздаст кому попадя и раздаст с любовью, с увлечением, с наслаждением⁹. Но засадить красавицу жену в 4<-х> стенах, беременную в течение 20 лет, народить кучу детей и сказать: я разорю Вас всех моим высоким христианством, я убью этим христианством свой исключительно высокий талант, обозвав его греховным наваждением, значит дожить до Гоголевского положения, с тою разницей, что Гоголь дожил до практического ума в своих замыслах, а тут хотят навязать какую-то веру, в которую собствен<ная> сокровенная утроба не верит. Эта вера, по-моему, плод обманутой собствен<ной> неспособности к практике, гордыни. — Не удастся труд, не мил он мне, не выходит ничего, — ругай труд, ругай все и говори: ничего не нужно, а держись обеими руками за все. — Вот, говорит, я знаю, что многие мужики рядом нуждаются, а мы сделали елку в 200 рублей. Я: «Отчего же не сделать, если 200 рублей не нарушают годового бюджета необходимого». — Ответ: Зачем это? Зачем такие соображения. Есть деньги — истратил — а там, что будет. Так может рассуждать игрок, а не отец семейства. — Ну из чего бы я кипятился, если бы я не видал, что эти прекрасные, высокие люди вступают этой какой-то невообразимой чепухой к бездне гибели. За что он во имя своего Молоха режет эту прелесть жену и невинных детей. Зачем зарезал свой талант? Он исключительно теперь зарезал — с этой нигилистической подкладкой возможны лишь мистические галлюцинации, но не серьезные уравновешенные труды божески спокойного гения эпоса. Жизнь, все-таки

^{1*} бессмыслица (лат.).

жизнь — всё — *universum*, а христианство, отрицание — есть высокий идеал, компенсатор, в машинах регулятор, отрицающий движение двигателя. —

Еще последнее доказательство *ad hominem*^{1*}. — Вы можете всегда прямо мне сказать, что я дурак или бессердечный или бездарный человек и я, во-первых, зная Вас, Страхова, что Вы это скажете не из желания меня унижить, оскорбить, а по полному убеждению — не обижусь; а Толстому ничего этого сказать нельзя. Кто же из нас ближе к христианскому смирению? Не все ли равно, в чем я полагаю свое совершенство и в чем полагаю гордыню? — Но довольно, довольно. Мараю 3 лист, жизни я отрицать не стану, я слишком люблю прекрасную природу; но смерти, небытия не боюсь. Хоть сейчас, ибо знаю, что я не более как явление и что время у меня в мозгу, с потуханием которого тухнет время.

Будьте здоровы, мой дорогой умница, и простите дурака от чистого сердца. Присылайте каждый раз соответствующую рукопись, а я буду возвращать одну исправленную корректуру. Зимой дело настроится. Вот Вы из библиотеки и написали. Не все ли равно, что делать. Чтобы не кончить таким горьким впечатлением, как мысли о Толстых, кончаю сегодня намаранной глупостью:

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ АНАНАСА
АННЕ ПЕТРОВНЕ БОТКИНОЙ
НЕВЕСТЕ¹⁰

Хотя любовь препобедила
И торжества подводит час,
Она и к нам свой взор склонила
И не забыла Анна нас.

Там, где царит метель и вьюга,
Где жизнь полна тоски и зла,
Твой ананас — эмблема Юга,
Благоуханья и тепла.

Когда наступит день ненастный,
На сердце мрак и грусть падет,
Мы вспомним жребий твой прекрасный
И Анна нас тогда спасет.

А.Фет

Жена вернулась. Тереза Ивановна, Алек<сандр> Иванович, все мы Вам кланяемся усердно.

Будьте здоровы.

Ваш А.Шеншин

Год определяется по содержанию (см. прим. 9).

¹ Василий Васильевич — семинарист, домашний учитель Фета, нанятый для него отцом (РГ. С. 30).

² Августин Аврелий (354–430) — христианский философ, один из «учителей церкви» На Августина и его учение о благодати ссылается в своем труде Шопенгауэр (*Мир как воля и представление*. С. 425–426).

³ Эмпедокл (ок. 490–430 до н.э.) — др.-греч. философ, врач, политический деятель.

⁴ Идея раздвоения воли, управляющей миром, — одно из основных положений философии Шопенгауэра. «Так в природе всюду видим мы спор, борьбу и попеременную победу, и далее ясней увидим в этом свойственное воле раздвоение в самой себе. Каждая ступень объективации оспаривает у другой материю, пространство и время». По мере объективации воли «сознание

^{1*} субъективное (лат., букв. — к человеку).

становится необходимым». В результате «возникает мир как представление, со всеми его формами, объектом и субъектом, временем и пространством. Мир вдруг показывает свою вторую сторону. До сих пор *воля*, он становится вместе с тем и *представлением*, объектом познающего субъекта. Воля, до сих пор несомненно и безошибочно следовавшая впотьмах своим позывам, загля себе на этой ступени светоч <...>» (*Мир как воля и представление*. С. 182-183).

⁵ Строка из оды Г.Р.Державина «Фелица».

⁶ В вишнуизме майя — иллюзорность бытия, действительность, понимаемая как греза божества.

⁷ Подразумевается пояс убитого Гераклом centaвра Несса. Умирая, он вручил его Деянире, возлюбленной Геракла, как талисман, способный удержать любовь. На самом деле пояс был пропитан ядом, и когда покинутая Гераклом Деянира послала ему свой талисман, яд стал причинять герою ужасные страдания, сорвать же пояс было невозможно, и Геракл предпочел добровольную смерть.

⁸ Размышление о жизни как о «многообразном страдании» и о любви как о «со-страдании» занимает значительное место в четвертой «книге» труда Шопенгауэра (*Мир как воля и представление* С. 378-385, 459).

⁹ Брат — П.А.Шеншин.

¹⁰ А.П.Боткина (в замуж. Андреева) — племянница М.П.Фет, вышла замуж в 1880 г.; позднее, при разводе, получила право носить девичью фамилию. При жизни Фета стихи, ей посвященные, не печатались. Впервые: *Фет*. 1901. Т. 2. С. 586 (с незначит. изменениями; под заглавием: «А.П.Боткиной. Невесте»).

43. СТРАХОВ — ФЕТУ

<С.-Петербург. 7...14 февраля 1880 г.>

Посылаю Вам, глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, образчик шрифта и смету, а завтра пошлю и образчик бумаги. После долгих соображений я решил печатать у Стасюлевича — самая исправная и вполне надежная типография, и Стасюлевич окажет нам всякую любезность. Обращаю Ваше внимание на следующие пункты: 1) я назначил 38 печатных листов — думаю, что будет меньше; 2) я назначил 700 экземпляров — можете убавить, если хотите; 3) шрифт довольно крупен и будет на шпонах, всего 39 строк на странице, зато будет очень красиво, и книге можно будет назначить цену 2 р. 50. Почти уверен, что вся разойдется. Таким образом, однако, на расход уйдет вся тысяча.

Завтра же надеюсь выслать Вам первую корректуру.

Владимир Соловьев, узнав, что печатается Ваш перевод, вызвался помогать, — я попробую употребить его в дело¹.

При всем том, соображая, что придется мне держать если не две, то полторы корректуры, то есть листов шестьдесят, и что на лист у меня выйдет не менее трех часов, я пришел в некоторый страх, успеем ли сделать это до Пасхи. Когда пойдут корректуры, Вы увидите сами, как будет идти дело. Желательно бы сделать его чисто, а чисто не сделаешь, если будешь торопиться. Ну, да дело уяснится, когда пойдет в ход.

Теперь мне следует говорить о том, о чем думаю каждый день, об учении самоотречения, о божественной чистоте, которой нужно стремиться достигнуть, отказываясь от всех земных желаний. Вы должны уже многое знать об этом из Шопенгауэра, который указал также и на сострадание и на доброту как на главные черты нравственности. Он только не понимал, кажется, что настоящая цель не нирвана, а сильная, прекрасная жизнь.

Пришел Майков, прочел мне два новых стихотворения, бесподобных по языку и несколько холодных, и перебил мои мысли. Да нет, я чувствую, что у меня не те слова, какие надобны, и что, торопясь, я ничего хорошего не напишу. Лучше я попробую отдельно изложить это исповедание. Оно удивительно ясно, просто и спокойно. Все суeta, кроме той радостной готовности — нет, я опять чувствую, что не те слова и что начинаю не с начала².

Пока простите, дорогой Афанасий Афанасьевич. Душевно желаю Вам <здоровья> и всякой бодрости. Пишу второпях, тороплюсь — извините меня.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

За Ваши стихотворения получено 50 р. Я заведу счет и представлю Вам потом.

Письмо без даты. Написано после получения п. 42, т.е. не ранее 7 февраля 1880 г. и не позднее 14 февраля — даты письма, в котором Страхов признавался Толстому, что не сумел объяснить Фету причины его непонимания учения Толстого (ТС Т. II. С. 557).

¹ Об участии В.С.Соловьева в работе над корректурами перевода книги Шопенгауэра см. п. 44, 47.

² На этом спор Страхова с Фетом о Толстом прервался, чтобы возобновиться в июне, во время пребывания Страхова в Воробьевке (см. п. 51, прим. 1), а в дальнейшем, осенью, уже в письмах.

44. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 22 февраля 1880 г.

Пишу к Вам наскоро из Библиотеки, глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, чувствуя, что, должно быть, Вы давно на меня сердитесь. Типография начала с того, что обманула меня и целую неделю не начинала работать. Я, наконец, должен был поехать на Васильевский, дело началось, и Вы должны были получить от меня две бандероли. Потом дело опять остановилось за праздниками (воскресенье 17 и вторник 19), и вот я два дни напрасно жду корректур. А это исправнейшая типография! Соловьеву я передал письмо²; он начал работу — просмотрел несколько Ваших листов³, но вот четвертый день, как я поджидаю его напрасно. Прошу Вас, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, возьмите терпенье.

Вчера пришли разные народы и помешали мне кончить письмо. Сегодня положение дел не переменялось. Сейчас должен ехать на собрание *Философского Общества* к М.Н.Островскому⁴. Я уклонялся сколько мог от этих хлопот, — но как не поехать к такому важному лицу? Он примет за дерзость, и я из одного милосердия должен потормозиться. Общество еще готовится только; а что будет делать, не решено. Затеял некто князь Дмитрий Цертелев, написавший книжку о Шопенгауэре — преплохую⁵.

О, пожалуйста, простите меня — но в одном я уверен: дело будет сделано отлично. Еще новость: в типографии говорят, что вместо 38 листов книга будет только в 32 или 33 — следовательно уместнее, чем в подлиннике.

На всякий случай: адресуйте мне Ваши бандероли на дом: у *Торгового Моста*, д. *Стерлигова*, № 2—5. До сих пор я ничего не получил.

Еще раз простите, и даже пожалейте Вашего душевно преданного

Н.Страхова

1880. 22 февр<аля>. СПб.

P.S. Соловьев отозвался об Вашем переводе совершенно согласно с тем мнением, которое я Вам высказывал; но говорил также, что встречаются листы, необходимо требующие поправки.

¹ Т.е. типография М.М.Стасюлевича (см. п. 41, прим. 2).

² Это письмо Фета не известно.

³ В.С.Соловьев принял участие в чтении корректур перевода книги Шопенгауэра.

⁴ Михаил Николаевич *Островский* (1827–1901), брат драматурга, занимал ряд важных государственных постов и в то же время увлекался литературными опытами, покровительствовал литераторам. Поддержал идею создания Философского общества, инициатором которого был Д.Н.Цертелев. В апреле 1879 г. состоялось организационное собрание Общества, на котором присутствовали Страхов и В.С.Соловьев (ТС Т.И. С. 508; подробнее см.: Носов А.А. «Мы здесь основали философское общество...» (К истории философских обществ в России) // Вопросы философии. 1999. № 1). Не получив официального статуса, Общество (устав его не был утвержден) прекратило свою деятельность, практически не начав ее.

⁵ Имеется в виду кн. Д.Н.Цертелева «Философия Шопенгауэра. Ч. I» (СПб., 1880). В 1888 г. к 100-летию рождения философа Цертелев выпустил книгу «Эстетика Шопенгауэра». Фет был хорошо знаком с Цертелевым и состоял с ним в переписке.

45. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 29 февраля 1880 г.

Нет, дорогой Афанасий Афанасьевич, дела нельзя иначе поставить, как оно теперь идет, и я с величайшим удовольствием его сделаю, прося только одного — не торопить. Ваша корректура очень полезна, но далеко недостаточна.

Теперь Вы уже получили пропущенное место; а другое, маленькое место я для скорости не буду посылать Вам — все в порядке и ничего не потеряно; в одной путанице виноват я, в другой типография.

Простите, что я так мало отвечаю на Ваши письма; но я их читаю внимательно и с назиданием. На последнее скажу, что «Корень» перевести необходимо¹, сделав в нем выпуски; ведь он существенно важен для понимания дела. Нужно перевести также и «Критику Кантовской философии»². Но я недоумеваю, что сделать из этих переводов? 2-й том? Прибавление? Право, не знаю. Мне представился для Вашей работы такой план: отчего Вам не читать «*Parerga*»³ и не извлечь оттуда *больших* кусков под особыми заглавиями⁴? Мы бы печатали их в «Огоньке», а потом выпустили особым томом под каким-нибудь соответствующим заглавием. Полноты *теперь*, когда «*Die Welt*» переведена *вполне*, уже не требуется; о целости Вы можете сами заботиться, т.е. можете задать себе задачу — выбрать из Шопенгауэра самые существенные места, чтобы не было пропущено ничего важного. А все лоскутки переводить даже и не следует, если мы не задаемся мыслью — дать Шопенгауэра целиком. «*Parerga*» — интереснейшая книга.

Простите, что ничего не пишу Вам ни о новостях, ни о себе — долго и не стоит. О том, что Вы *полезны*, чрезвычайно полезны, я давно и твердо знал. Я говорил Льву Николаевичу, что сто рублей, которые у меня в кармане, не значат непременно *сто обид*, а могут значить *сто услуг*, которые я оказал другим. Но весь вопрос, что стоит на первом месте? Что единое на потребу⁵? А затем, как наставляет Апостол, *нужно и это делать и того не бросать*⁶. Сам я много об этом думаю, и когда увидимся, может быть, удастся мне Вам высказать свои мысли⁷. Но я Вас понимаю, и прошу Вас, пишите Ваши замечания — не пропадут, а будут приняты со вниманием и любовью.

Марье Петровне усердное почтение; Петру Ивановичу и Александру Ивановичу усердный поклон.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

1880 29 февр<аля>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Подразумевается сочинение А.Шопенгауэра «*Die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde*», которое Фет перевел позднее под названием «О четверном корне закона достаточного основания» (М., 1886).

² «Критика кантовской философии» А.Шопенгауэра не была переведена Фетом. Он перевел другую его работу — «О воле в природе» (СПб., 1886).

3 «Parerga» — сокращенное название позднего сочинения Шопенгауэра «Parerga und Paralipomena» (1851), в состав которого вошли ставшие особенно знаменитыми «Афоризмы житейской мудрости».

4 Это предложение Страхова не было реализовано.

5 «Единое на потребу» — слова Христа, обращенные к Марфе: «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, А одно только нужно» (Лк 10, 41–42).

6 Лк 11, 42.

7 Очевидно в несохранившемся письме Фет размышлял о значении своей хозяйственной деятельности. Пользу ее Страхов признает безоговорочно, однако при этом, посредством евангельских текстов, напоминает: человек должен осознать, что именно для него «стоит на первом месте — благо духовное или благо земное». Сам же Фет 19 марта писал Толстому. «Могу сказать про себя, что никогда, во всю жизнь, не жил так полно, так равновесно и довольно, как в настоящее время, и ожидаю в недалеком будущем только лучшего. Если бы сравнение не сбивалось на претензию, сказал бы, что моя жизнь теперь похожа на июльский закат солнца, когда оно и видней и шире, чем днем» (Толстой. Переписка. Т. 2. С. 90).

46. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 25 марта 1880 г.

Простите меня, дорогой Афанасий Афанасьевич, за мое долгое молчание. Все-го хуже, что не знаю, что Вам сказать в свое извинение; если бы было на что или на кого пожаловаться, право, было бы легче. Но лучше обращусь прямо по делу. Предисловие¹ я получил, и, следовательно, можете выслать и конец под бандеролью. Не пересылайте мне назад кусочков рукописи: если она Вам послана, то это значит, она набрана, и Вы следом получите набор. Печатание замедляется отчасти этими пересылками, отчасти тем, что я ленюсь над корректурой. А я ленюсь, потому что часто приходится справляться с подлинником: я не могу подписать к печати, пока совесть у меня не совсем спокойна, и несколько явных неверностей, которые чуть было у меня не проскользнули, очень меня взволновали. Вы слабо корректируете (простите мне это слово), но я понимаю, что лучше Вы не можете. Помогать больше никто не может, и, следовательно, все придется сделать мне. Может быть, не лишнее ли посылать гранки к Вам? Нет, уж пусть дело идет, как шло. Не торопясь, все сделаем.

Если Вы просматривали первые листы, то, может быть, заметили следующие перемены: вместо *рассудок* я, по совещании с Соловьевым, везде восстановил *ум* и вполне теперь убежден, что так и следовало, что это вполне правильно². Вместо *скрозь* я поставил *насквозь*, так как филологи убедили меня, что *скрозь* есть только простонародная форма слова *сквозь*.

Других перемен я не делал. Очень жаль, что пунктуация будет у нас хуже, чем в подлиннике. Там поставлены *тире* после точек, и очень правильно сделаны абзацы (с новой строки). У меня это не соблюдено, и хоть я стараюсь, но пропусков будет много. Вообще меня все время волнует страх, что перевод не будет так ясен, как подлинник; то я успокоюсь и радуюсь, то опять начинаю бояться.

А времени у меня ведь не много. С утра я в Библиотеке, потом гуляю, обедаю и часов в 7 являюсь домой: если иду в театр или в гости, то не успею просмотреть и четверти листа. И при этом ужасное расположение *копаться*, при котором одно слово может отнять полчаса.

Но все это вздор; все это я пишу только для того, чтобы доказать Вам невозможность более быстрого хода дела. Если же позволите мне сделать маленький практический вывод, то вот он: ничто не может заменить *исправной рукописи*, а исправная рукопись должна быть *точной копией* переводимой книги (сверх всего прочего). Это на случай Ваших будущих переводов: новая строка, параграф, *тире* — делайте все, как в печатном.

Ну, будет, и еще раз простите меня. Да, еще одно: я взял денег 250 р. и внес их за бумагу в типографию.

Сегодня я опять ходил посмотреть на Сократа Антокольского³, и очень жалел, что Вас не было: я уверен, что Вы были бы в восторге. Антокольского, несмотря на его полнейшее жидовство, я очень люблю, и его теперешняя выставка доказывает такое строгое и чистое понимание искусства, что нельзя нарадоваться. Это не то, что Верещагин⁴.

Что пишете о Толстом, очень меня радует; но его настроение так глубоко, просто и чисто, что к нему не относятся Ваши замечания об обожании коровы⁵. Это настроение не пройдет⁶. Начинаю с нетерпением ждать лета и свидания с ним и с Вами. Нужно и к нему написать⁷. Усердно прошу Вас, не придавайте моему молчанию никакого значения; я сам им мучусь только.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

1880 25 марта. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Вероятно, речь шла об одном из трех предисловий Шопенгауэра к его труду — к первому изданию (1818), ко второму (1844) или к третьему (1859). Все три предисловия были переведены Фетом и предпосланы его переводу книги «Мир как воля и представление».

² Имеется в виду перевод немецкого понятия «Verstand». Позднее Страхов в своем предисловии к переводу Шопенгауэра писал по этому поводу: «Слово Vernunft переводилось, как и обыкновенно, словом разум; но слово Verstand везде переведено словом ум, а не рассудок, по той причине, что у Шопенгауэра под Verstand разумеется не исключительно способность понятий, как у Канта, а некоторая более обширная способность, в определенном отношении соответствующая кантовской чувственности (Sinnlichkeit), соединенной с кантовским рассудком (Verstand), такую способность прилично, кажется, обозначить общим именем ума» (*Мир как воля и представление*. С. V).

³ Статуя Марка Матвеевича Антокольского (1842–1902) «Умирающий Сократ» (1875) была представлена на персональной выставке скульптора в Петербурге (март 1880 г.). 7 апреля Страхов писал С.А. Толстой: «Антокольский привез сюда бесподобные статуи, между прочим Христа перед народом и Смерть Сократа. Сократ поразил меня сильно; я дважды ходил смотреть и не мог насмотреться. Удивительно безобразно-красивая голова, и спокойствие смерти, полное смысла и какого-то блаженства» (*Толстая и Страхов*. С. 150).

⁴ В феврале 1880 г. в Петербурге одновременно открылись две выставки работ Василия Васильевича Верещагина (1842–1904). Его творчество вызывало споры у современников, начиная с первых картин туркестанской серии. Публика и критика обвинила художника в тенденциозности и избыточном натурализме. Созданный в 1879–1880 гг. цикл картин на тему русско-турецкой войны вызвал новую волну критики. Страхов разделял точку зрения критиков Верещагина: 7 апреля он писал С.А. Толстой о своем споре с Вл.В. Стасовым из-за его статьи в защиту художника (*Толстая и Страхов*. С. 150–152).

⁵ Поскольку письмо Фета не сохранилось, установить, что подразумевается под этим экстравагантным образом, не удалось.

⁶ По-видимому, Фет высказывал надежду на то, что увлечение Толстого религиозными исканиями пройдет, когда он завершит работу над «Соединением и переводом четырех Евангелий». На это же надеялась и С.А. Толстая. В ноябре 1879 г. она писала Т.А. Кузминской: «...Левочка <...> пишет какие-то религиозные рассуждения, читает и думает до головных болей, и все это, чтобы показать, как церковь несообразна с учением Евангелия. Едва ли в России найдется десяток людей, которые этим будут интересоваться. Но делать нечего, я одно желаю, чтобы он уж поскорее это кончил и чтобы прошло это, как болезнь» (Цит. по: *Бирюков*. Т. 2. С. 158).

⁷ Письмо Страхова к Толстому помечено той же датой, что и письмо к Фету (ТС Т. II. С. 564–565).

47. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 1 апреля 1880 г.

Получил Ваше сердитое письмо, дорогой Афанасий Афанасьевич... Нет, оно не сердитое, а такое же милое, как всегда. Но у меня взбудоражилось в голове множество мыслей и если бы я стал все Вам писать, то мне хватило бы на два дни

работы. Простите, что я не решаюсь на это. Я сделал вот что — послал Вам корректуры первых четырех листов, держанных мною, кроме, разумеется, последних, подписных листов. Прошу Вас, пересмотрите, и Вы увидите все, что я сделал и как я делаю. Попробуйте разобрать каждую поправку, и я уверен, если взвесите за и против, — может быть, Вы редко не согласитесь со мною. А если бы и не согласились, то подумайте, что разногласие хоть маленькое 1) неизбежно, 2) неважно, 3) могло бы быть устранено только долгой перепискою. Об *скрозь* ничего не буду писать, так как Вы пишете, что *не стоите* за него. А об *уме* скажу, что я твердо стою за него. На необходимость перемены мне указал Соловьев; а против Ваших доводов замечу только, что Вы сами ставили *ум*, и что я, бывши в Воробьевке, стал настаивать на *рассудке*, так как это принятый перевод *Verstand* у Канта¹. Но у Канта слово имеет не то значение, как у Шопенгауэра, а потому для всего смысла дела нужно было изменить. Слово же *ум* — имеет самое общее значение, как бы: *познавательная способность*.

Не знаю, что бы мне написать, чтобы успокоить Вас и убедить, что дело идет, как ему следует. Да! Ваши расчеты ниже всякой критики. Мои расчеты вот какие: к октябрю мы кончим книгу; даю Вам торжественное обещание.

Позвольте мне немножко похвалить себя, дорогой Афанасий Афанасьевич. Из всех людей, каких я видел в жизни, я считаю себя самым *терпимым*. у меня меньше всего охоты поправлять и не допускать чужой своеобразности. Таков я и тут. Я тогда только решаюсь поправить, когда вижу крайнюю необходимость. Разумеется, я могу ошибиться, но расположения своевольничать у меня нет ни малейшего. Спросите у Льва Николаевича, он подтвердит, что я таков. Что до того, что моих занятий на всю книгу Вы сосчитали 17 ½ часов — то — это ужасно! Хотя я вдвое медленнее работаю, чем всякий другой, но и самый быстрый работник пришел бы в ужас от такого счета.

Чувствую, что я начинаю закусывать удила — и лучше помолчу или возьму другую тему. Прошу Вас об одном, дорогой Афанасий Афанасьевич, — не думайте, что я делаю легкомысленно, не подумавши, высокоумничаю, пренебрегаю Вами и пр. и пр. Напротив, я тяжел на подъем, я думаю больше, чем нужно, я смиренно признаю Ваше мастерство в языке и желаю одного — сделать Вам приятное. Если Вы так будете смотреть на меня, то Вы легче станете соглашаться со мной. Если же какой-либо пункт Вы сочтете решительно требующим объяснения, то я готов. Например: не написать ли Вам всех оснований, по которым я считаю нужным переводить *Verstand* — *ум*?

Вот что значит расстояние! И при личном свидании пришлось бы спорить часа полтора, а теперь? Сколько писем придется обменять?

Простите, простите и простите

Вашего душевно преданного Н.Страхова

1880 1 апр<еля> СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ См. п. 46, прим. 2

48. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 20 мая 1880 г.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич, за мое молчание. Я, право, более достоин сожаления, чем упреков. Теперь я, скрепя сердце, бросаю свои работы, которые так дурно идут, и отправляюсь сперва в Москву на поминки Пушкина, а потом к Толстому¹. Положение Шопенгауэра такое: набрано 240 страниц, то есть половина; в течение двух месяцев, которые я прогуляю, еще наберут несколько листов, а в августе и сентябре я надеюсь кончить остальное. Сколько напеча-

таю, не могу сказать, но я сегодня же буду в типографии и пошлю Вам все, что готово

В Москве, по всем видимостям, будет величайшая и наполовину, конечно, нелепая суматоха. Комитет удостоил меня приглашения, но, конечно, я буду только зрителем. У Толстого буду 30-го или 31-го. К Вам соберусь через недельку-другую²

Надеюсь получить одно из Ваших милых писем в Ясной Поляне, и надеюсь, что со временем исправлю то дурное мнение, которое Вы готовы, может быть, иметь обо мне.

Ваш душевно преданный

Н. Страхов

1880 20 мая СПб

¹ Торжества по случаю открытия памятника Пушкину на Тверском бульваре в Москве (раб А. М. Опекушина) приурочивались к 25 мая — дню рождения Пушкина и должны были продолжаться три дня. Однако из-за смерти императрицы Марии Александровны их перенесли на 6–8 июня. Об участии Страхова в этих торжествах и о пребывании его в Ясной Поляне см. п. 49 и 50, прим. 3

² О пребывании Страхова в Воробьевке летом 1880 г. см. п. 50, прим. 1

49. СТРАХОВ — ФЕТУ

Ясная Поляна 28 мая 1880 г.

Я в Ясной Поляне уже два дни, дорогой Афанасий Афанасьевич. Тысячу раз прошу у Вас извинения за все и еще вот за что: я твердо был уверен, что найду у Льва Николаевича Шопенгауэра, его не оказалось, и мне не по чем держать корректуры, которые я захватил с собою¹. Пока я здесь, не пришлите ли мне своей книги, а там я привезу ее к Вам с собою и будем вместе работать. Типография обещает набрать за лето много и потребовала от меня всю рукопись. Надеюсь твердо сдержать свое слово и выпустить книгу к октябрю.

В Ясной

Песни, резвость каждый час².

Мне не дают много писать, так как Лев Николаевич спешит в Тулу. Итак, пришлите книгу и верьте в душевное расположение и уважение

Вашего Н. Страхова³

1880 28 мая

¹ Работая над корректурами книги Шопенгауэра, Страхов сверял перевод Фета с немецким подлинником

² Неточная цитата из басни И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей»

50. СТРАХОВ — ФЕТУ

Ясная Поляна. 12 июня 1880 г.

В субботу ночью я, наконец, тронусь к Вам, дорогой Афанасий Афанасьевич, и в воскресенье утром надеюсь увидеть прекрасную Воробьевку¹. Простите меня опять за путаницу, которую я чувствую, но сам хорошенько не знаю. Уезжая из Петербурга, я велел до 15 июня посылать корректуры сюда, а потом в Будановку. Но здесь я не получил ни листа. Здесь я получил Ваше письмо, отвечал Вам сейчас

же, просил прислать Шопенгауэра и, к удивлению, не получил никакого ответа. Предполагаю, что Вы получили много корректур, но не могу быть уверенным, что типография только перепутала время. Все это разъяснится в Воробьевке, но на всякий случай я пишу в типографию, подтверждая, чтобы с 15-го корректуры присылались к Вам. Надеюсь, что беды не выйдет, и что мы усердно всласть поработаем.

Не можете корить меня, что я в этой Капуе² праздню нежилась; между прочим, я ездил в Москву на праздник Пушкина, все видел и слышал и составил описание всего торжества для детского журнала³. Вам я расскажу гораздо больше и ручаюсь, никто верней не расскажет⁴.

Читал Ваши чудесные строки, написанные против праздника. Мне стало понятно, отчего их там публично не читали⁵. Впрочем, вероятно, половина заготовленного осталась нечитанною.

Итак, до радостного, радостного свидания! Вашим — низкий поклон.

Ваш

Н.Страхов

1880. 12 июня. Ясная Поляна.

¹ По-видимому, Страхов прибыл в Воробьевку 20 июня (на это число в 1880 г. приходилось воскресенье). Он провел у Фета около 10 дней (см.: ТС. Т. II. С. 574) и 30 июня был уже в Глухове у своих родственников О.Д. и И.П.Матченко (Там же).

² Капуа — город в южной Италии, в древности излюбленное место отдыха и развлечений римской знати. Сравнивая Ясную Поляну с Капуей, Страхов имеет в виду оживление, царившее в усадьбе Толстого, где, помимо многочисленных детей, было всегда много гостей.

³ 6–8 июня Страхов провел в Москве, участвуя в Пушкинских торжествах. Отчет его об этом событии («Открытие памятника Пушкину») см.: «Семейные вечера». 1880. № 6 С. 261–272 (дата: 11 июня, 1880. Ясная Поляна). Воспоминания об этих днях Страхов включил в книгу, посвященную памяти Достоевского: «Биография, письма и заметки из записных книжек Ф.М.Достоевского». СПб., 1883. С. 306–324. См. также. Страхов Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888. С. 105–126.

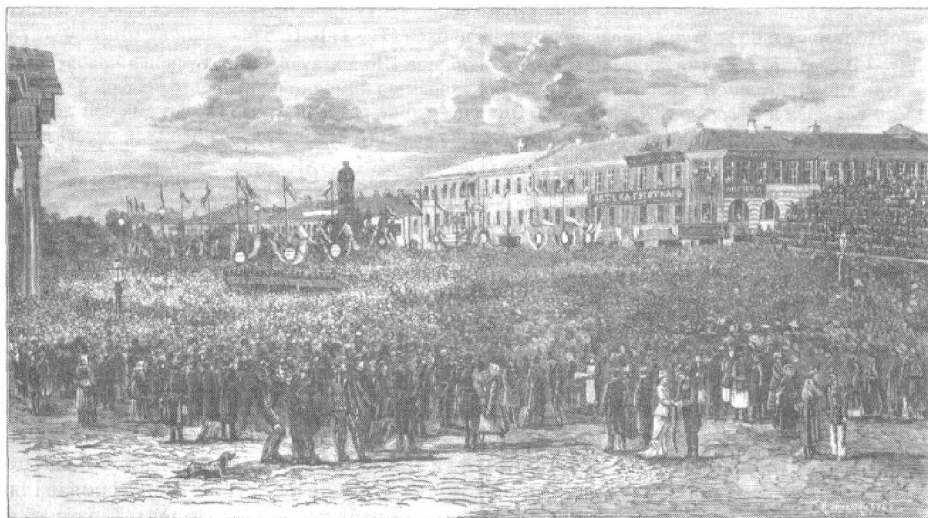
⁴ О другой стороне Пушкинского праздника, оправдавшей предвидение Страхова, что все выльется в «нелепую суматоху» (см. п. 48), он писал Н.Я.Данилевскому 5 августа « действительность превзошла все ожидания. И спасибо Достоевскому; он спас честь русской литературы, а то ничего, кроме глупостей, не было бы говорено. Тургенев нес легкомысленный и вредный вздор, от которого я опять на него рассердился» (РВ. 1901. № 1. С. 141).

⁵ 12 мая 1880 г. Фет отвечал московскому Обществу любителей российской словесности на приглашение принять участие в Пушкинских торжествах: «Сердечно благодарю Общество за память обо мне и не имея, по нездоровью, возможности присутствовать на его заседаниях, пишу к подножию Великого Поэта мое старческое слово» (РГАЛИ. Ф. 515. Оп. 1. Ед. хр. 2) К письму прилагалось стихотворение «На 26 мая 1880 г. К памятнику А.С.Пушкина». Стихи не были прочитаны на празднике, — «вероятно, потому, что стихотворения читались лишь самими авторами. Но оно предназначалось Обществом Л.Р.Сл. для «Сборника», судя по отметке в левом верхнем углу автографа <. >» (Там же. С. 340). Впоследствии Фет включил это стихотворение в ВО I

51. СТРАХОВ — ФЕТУ

Глухов. 1 июля 1880 г.

Большие новости, дорогой Афанасий Афанасьевич. Я вернусь к Вам гораздо раньше, чем предполагал, никак не позже 6-го числа, а может быть, и даже вернее, 4-го¹. Дело в том, что они перебираются в Полтаву, на родину моей племянницы, где муж ее выхлопотал себе место. Оба от этого в восторге, и я с ними. Сегодня получено наконец официальное сведение, и все наши мысли устремлены на Полтаву. Отсюда следует, что мне не придется здесь не только праздновать именины Оли, 11-го июля, но даже через несколько дней уже нужно ехать с ее мужем в Красное, откуда он повернет направо в Полтаву, а я налево к Вам. Зрелище трехме-

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА А.С.ПУШКИНУ В МОСКВЕ НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ 6 ИЮНЯ 1880 г.

Рисунок К.Тихомирова

«Всемирная иллюстрация». 1880. № 2, 21 июня

сячного ребенка, вопреки Шопенгауэру² и всем охотникам, имеет для меня в настоящем случае большую прелесть, а его мать, ставшая из избалованной и апатичной девочки бойкою хозяйкой и нежно-заботливой матерью, очень меня восхищает и этою переменою, и тем расположением, которое она обнаруживает ко мне, а я нахожу в себе к ней. Но как нам ни приятно, а я почти рад, что придется сократить срок этого удовольствия: мне совестно их стеснять³, и квартира их не довольно удобна.

Хоть я и думаю, что приеду к Вам вместе с этим письмом, и, пожалуй, сам же его привезу, но попробую все-таки Вас предупредить. О лошадях не хлопчите — я там что-нибудь найду.

Итак, до скорого свидания, дорогой Афанасий Афанасьевич!

Ваш искренно преданный и душевно уважающий

Н.Страхов

1880. 1 июля. Глухов.

P.S. Впечатления города Глухова надеюсь передать Вам лично. Он, во всяком случае, лучше своего имени.

¹ В Глухов, где жила с семьей его племянница О.Д.Матченко, Страхов отправился из Воробьевки, после десятидневного пребывания у Фета, предполагая вскоре вернуться к нему. За эти дни он не только работал с Фетом над корректурами перевода труда Шопенгауэра, но приложил немало усилий, пытаясь восстановить пошатнувшиеся дружеские отношения между Фетом и Толстым. Дело в том, что весной и летом Фет неоднократно писал Толстому, однако писатель предпочитал не вступать с ним в спор по поводу своих религиозных исканий и отвечал краткими записками или просто отмачивался. Это больно задевало Фета: «Ваши редкие письма и окончательное молчание на сборы мои в Ясную Поляну не требуют толкований», — писал он Толстому 27 мая (*Толстой. Переписка*. Т. 2. С. 92–93). Страхов сумел оправдать молчание Толстого и рассеять накопившуюся в душе Фета обиду, однако все попытки убедить его в справедливости нового мировоззрения Толстого успеха не имели: «Самым важным предметом разговоров, конечно, были Вы, — писал Страхов Толстому 30 июня, — и я успел многое сказать ему за

эти десять дней. Примирительные речи были вполне удачны и скоро в них не оказалось никакой необходимости; но *учение* передавалось очень плохо» (ТС. Т. II. С. 574).

² В системе пессимистического мирозерцания Шопенгауэра общая оценка человеческой жизни как «трагедии», имеющей в частностях «характер комедии», распространялась и на детей (*Мир как воля и представление*. С. 335). Шопенгауэр не раз вспоминает христианский догмат о первородном грехе, который распространяется на каждого человека с рождения, и рассказывает о случаях, когда «отец убивает нежно любимых им детей и затем самого себя», объясняя такого рода поступок тем, что «воля индивидуума непосредственно узнает себя в детях» и желает спасти их «от бытия и его горечи» (Там же. С. 419).

³ О том же Страхов писал Толстому 30 июня 1880 г. (ТС. Т. II. С. 574–575).

52. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 30 июля 1880 г.

Едва держу перо, дорогой Афанасий Афанасьевич; такая страшная духота стоит в Петербурге, и так мне нездоровится. А нездоровится уже давно; еще у Вас¹ я чувствовал какое-то расстройство, и оно потом разрослось и не унимается. Итак, простите и простите меня за мое молчание и бездействие; меня сковала болезненная лень, которая исчезала только среди веселья Ясной Поляны², да и то не совсем. Все время после моего приезда туда было шумно, людно и действительно весело. Спектакль 20 июля удался очень удовлетворительно³ и главное — занимал всех и подавал повод к шуткам и разговорам. Но бедная графиня, затеявшая это развлечение для детей, не выдержала и однажды совершенно неожиданно залилась слезами — так уж одолели хлопоты. Ваши письма к Льву Николаевичу читал я с большим вниманием⁴, и все-таки скажу, что Льву Николаевичу труднее жить на свете, чем Вам. Его внутреннее беспокойство, его стремительная внутренняя работа так его поглощают и волнуют, что мне не раз становилось его жаль. И он делает свое дело с величайшей искренностью и добросовестностью, и я верю, что ничего лучшего он не мог бы сделать. Много было странных разговоров, таких, что я совершенно умилялся перед чистотою, которой он достиг и которой еще больше стремится достигнуть. В сущности, на свете только одно и есть хорошее — хорошее чувство, хорошее движение души, и одно это благо прочно и несомненно, тогда как все наши усилия с утра до вечера *s'amuser et se divertir*^{1*} ни к чему не приводят и не достигают своей цели — то есть нисколько не заслуживают серьезных забот и горестей, которые непрерывно осаждают нас. Лев Николаевич живет для некоторой серьезной, глубокой мысли; что может быть желательнее такой жизни? Самое его беспокойство и страдание — беда выносимая, потому что для них есть важный повод; обыкновенно же мы мучимся всякими вздорами, что поистине несносно и недостойно человека.

Я очень уважаю Ваши труды и заботы и защищал их от нападений Толстого; но очевидность и осязательность этих трудов еще не дают права ставить их выше внутренней работы.

Но я как будто возражаю Вам на мысли, которых Вы, вероятно, не выражали и не имеете; мне хотелось только выразить то благодатное впечатление, которое всегда оставляет во мне Ясная Поляна, и которое так сильно, что я, вместо того, чтобы хвалить одну Воробьевку, как будто и забыл об ней. Нет, дорогой Афанасий Афанасьевич, мне душевно приятно вспомнить часы, проведенные с Вами и милое гостеприимство Ваше и Марьи Петровны. Желаю Вам всякого успеха в Ваших работах и буду радоваться, если получу от Вас хорошие вести.

Пока извините полубольного. Усердный мой поклон Марье Петровне и Александру Ивановичу, и Терезе Ивановне.

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

^{1*} веселиться и развлекаться (франц.).

Р. С. Получены две пачки корректуры. Завтра примусь за них; да нужно заглянуть в типографию.

1880 г. 30 июля. СПб.

¹ В течение лета 1880 г. Страхов дважды посетил Фета в Воробьевке в связи с работой над корректурами Шопенгауэра. Первый раз он был у Фета в конце июня (см. п. 50, прим. 1). Вторым раз приехал из Глухова в начале июля на десять дней (см. п. 51).

² В Ясной Поляне Страхов тоже побывал дважды — с 26 мая по 19 июня (см. п. 49 и 50), а затем примерно с 16 по 26 июля, откуда уехал в Петербург.

³ В доме Толстых нередко ставили спектакли. О каком спектакле идет речь в данном случае, не ясно.

⁴ Из писем Фета к Толстому, написанных весной — летом (до 30 июля) 1880 г., известно только одно — от 27 мая (*Толстой Переписка* Т. 2 С. 92-93). Остальные письма за этот период не сохранились.

53. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка 30 августа 1880 г.

30 августа

Дорогой Николай Николаевич!

Ясно помню я до мельчайших подробностей рейд в Балт<ийской> Порте, где я стоял с эскадроном¹, был как зеркало, и я забавлялся ловлей моллюсков, хитро ускользавших от подведенного под них сосуда. Вода на всю глубину до дна была ясна как кристалл, и вдруг на большом расстоянии от берега я заметил в глубине что-то движущееся. Присматриваюсь: молодая кошка, повернувшись головой к берегу, гребет лапами изо всех сил и подвигается вплавь. Рассматривая подробней, вижу на шее у ней затянутую сахарную веревочку. Мыслимо ли при этих условиях спасение, да и до мыслей ли ей, однако она трудится и в верном направлении. Точно так же трудился все это время я в Воробьевке и бедный Алекс<андр> Иванович на Граворонке, выбиваясь из влажной стихии, хотя Толстой таких трудов не признает². Извините, что беспокою Вас своими подробностями, но что же делать, если Вы для меня А и Ω всех вопросов. Все думаю, изберете времечко чер<к>нуть пару слов — Что надо делать по Толстому³? — не знаю, но что пока живешь, надо есть, — в этом не сомневаюсь. Надо и отопляться и одеваться и платить государству, которое на словах обещает защиту от китайцев и немцев и от воров и *freie Russen*!⁴, а затем еще иному нужны книги и бумага и перья, да пожалуй и театр, который очень дорог. В блаженных пещерах троглодитов ничего этого не знали. Увы! Это счастливое для философско-религиозных этических систем времечко прошло, и мне в нетопленной пещере не живется с одним самобичеванием, которого, на беду, цели не постигаю. Если жить — умереть и не жить — умереть, так лучше — жить умереть.

<НИЧТОЖЕСТВО>⁴

Тебя не знаю я. Болезненные крики
На рубеже твоём рождала грудь моя,
И были для меня мучительны и дики
Условия первые земного бытия.

Сквозь слез младенческих обманчивой улыбкой
Надежда озарить сумела мне чело,

¹ свободных россиян (нем.)

И вот всю жизнь с тех пор ошибка за ошибкой, —
Я все ищу добра и вижу только зло.

И дни сменяются утратой и заботой.
(Не все ль равно: один, иль много этих дней?)
Хочу тебя забыть над тяжкою работой,
Но миг; — и ты в глазах с бездонностью своей.

Что ж ты? Зачем? — Молчат и чувство и познание.
Чей глаз хоть заглянул⁵ на роковое дно? —
Ты — это ведь я сам. — Ты только отрицание
Всего, что чувствовать, что мне узнать дано.

Что ж я узнал? — Пора узнать, что в мироздании,
Куда ни обратиться⁶ — вопрос, а не ответ.
А я дышу, живу и вижу, что в незнании
Одно прискорбное, а страшного в нем нет.

А между тем, когда б в смятении великом,
Я, рухнув, силой хоть младенца обладал,
Я встретил бы твой край тем самым резким криком,
С каким я некогда твой берег покидал.

А.Фет

Черкните, что это стихотворение за зверь⁷. Хочу узнать Ваше искреннее мнение.

Ваш А.Шеншин

Это письмо и приложенный к нему авторизованный текст стихотворения «Ничтожество» считались утраченными (ВО 1979 С. 656). Публикуются впервые.

¹ Фет вспоминает время службы во время Крымской войны на мызе Лец близ города Балтийский Порт на берегу Финского залива, подробно описанное им в РГ (С. 51–95)

² Фет жалуется на трудности, которые принесли ему затяжные дожди, длившиеся все лето

³ Далее следует очередной выпад Фета в адрес Толстого, декларация неприятия его учения. Напомним, что месяц спустя, 28 сентября, Фет обратился к Толстому с письмом, в котором изложил суть своих с ним разногласий (Толстой. Переписка, Т. 2, С. 97–101) и получил столь же содержательный ответ (Там же, С. 102–106).

⁴ В письме Фета стихотворение не озаглавлено. Опубл.: ВО I, под заглавием «Ничтожество», без даты; здесь слово «Ничтожество» употреблено в значении «Небытие».

⁵ Первоначальное *хоть глянул миг* исправлено на *хоть заглянул*

⁶ Первоначальное *оглянись* исправлено на *обратись*.

⁷ На эту просьбу Страхов ответил в п. 54.

54. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 14 сентября 1880 г.

Простите, простите, дорогой Афанасий Афанасьевич! Никогда не забывайте, что 1) всякое Ваше письмо для меня подарок, 2) что у меня разные хлопоты, 3) что мне всегда *очень трудно* пишется, и потому множество писем остаются у меня в голове.

Попробую еще написать несколько слов о Л.Н.Толстом. Вы справедливо пишете, что *не понимаете*¹, а я прибавлю, что причина в Вас, т.е. не в Вашем уме, а в Вашем сердце — (главная причина всякого непонимания). Нужно понять со-

вершенное отчаяние, отвращение от пустоты жизни, не боязнь страданий, а то, что человек не видит, *для чего живет*. Потом нужно почувствовать, что из этого страшного положения есть выход, полный выход, такой, что человек чувствует вдруг *блаженство жизни*, какого еще никогда не чувствовал. Если Вы ни того, ни другого не чувствовали, то и не можете понять, в чем дело. Так сытый не понимает голодного, влюбленный не понятен хладнокровному и т.д. Вы браните жизнь, презираете людей и пр.; но это для Вас не только огорчение, а и забава, развлечение. Но попробуйте огведать настоящего отчаяния². —

Вот такой странный совет я Вам даю; но иначе невозможно подняться с той точки зрения, на которой Вы стоите. Я, впрочем, ничего Вам не советую — какой я советчик! — я только стараюсь объяснить Вам, почему Вы приходите в недоумение Толстой слишком горяч, и никогда почти не понимает, что люди могут иначе думать, чем он; он всем проповедует, забывая, что нужно сперва приготовить слушателей к пониманию. Да не поможет ли *четвертая книга Шопенгауэра*³? Там многое сказано на эту тему.

Стихотворение Ваше для меня драгоценно, но для публики, я думаю, неудачно. Куплет

Что ж ты? Зачем? и пр.

удивителен. А стих

Я, рухнув, силой хоть младенца обладал

очень плох⁴.

Корректуры, как Вы видите, сыплются⁵. Я, хоть и сетую на Вас порой, а ташу понемножку. (Сетую за недосмотры).

Здоровье мое поправляется, но все еще не хорошо. Жду доктора, а он не едет; у него разболелись жена и дети.

Пока простите. Всем-всем усердно кланяюсь и еще раз прошу извинить меня и не приостанавливать Ваших писем.

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

1880 14 сент<ября> СПб

Ответ на п. 53

¹ Далее Страхов пытается ответить на вопросы, поставленные Фетом «Что надо делать по Толстому? — не знаю» и «мне < > не живется с одним самобичеванием, которого, на беду, цели не постигаю» (п. 53)

² «Страхов советует мне, — писал Фет Толстому 28 сентября, — чтобы понять Вашу точку зрения, дойти до отчаяния — испытал и это. Все лето доходил до отчаяния от дождей и теперь дохожу до отчаяния — кирпич неудачен, известка не готова, котельщики на дворе и толку нет. Все шиворот-навыворот — до отчаяния, а крючок все-таки не соскакивает» (*Толстой. Переписка* Т. 2 С. 101)

³ «Я понимаю тщету мира умом, но не животом, не интуитивно, — писал Фет Толстому в том же письме. Но понять интуитивно и жить — этого я и у Шопенгауэра в 4-й книге, невзирая на красноречие, не понял. Он приводит пример уморившего себя принципиально — голодом. Я не отрицаю факта, но объясняю его тем, что боевой крючок соскочил и часы перестали бить. Это болезнь, а не нормальное состояние» (Там же С. 101)

⁴ Строки из стихотворения «Ничтожество», присланного в п. 53. Фет прислушался к суждению Страхова и переделал указанную им строку. В этой окончательной редакции «Ничтожество» опубликовано в *ВО I*, без даты.

⁵ Подразумеваются последние корректуры книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление», переведенной Фетом.

55. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. 22 сентября <1880 г.>

22 сентября

Ура! «что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашим потом искупили
Вробьевки вольность, честь и мир»¹.

Сейчас еду в Воронеж на 5 дней. Марья Петровна к Митрофа<нию>, а я искать верховнозаводчика².

На крыше гремят и еще будут греметь недели 2. А затем тепло и благодать. Избавление от Nichts'a³.

Ради Бога, дошлите чистые оттиски, ибо рискую не иметь ни одного экземпляра того, что стоило 2 лет труда.

Теперь с ½ листа предисловий⁴ — и *finis*!⁵.

Сердечно искренне спасибо. — Бегу — лечу.

Марья Петровна и Борисов кланяются. Остальные отсутствуют.

Вам преданный

А.Шеншин

Соберетесь ли попредисловить^{5?}

В той же ед. хр., что и публикуемое письмо (РГАЛИ Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 276. Л. 4-40 об) находится автограф стихотворения «Никогда» (сообщено И.А. Кузьминой) О судьбе этого письма и приложенного к нему автографа см. п. 16, прим. 9.

Год определяется по содержанию (см. прим. 2-4).

¹ Подразумевая завершение работы над переводом Шопенгауэра, Фет перефразирует строки из стихотворения А.С.Пушкина «К клеветникам России» (1831): «За то ль, что в бездну повалили / Мы тяготеющий над царствами кумир / И нашей кровью искупили / Европы вольность, честь и мир?»

² Фет ездил в Воронеж по делам своего конного завода. Вероятно, его жена хотела посетить Благовещенский-Митрофанов монастырь, где находились мощи свт. Митрофания Воронежского.

³ Nichts — ничто; ничтожество (*нем.*). Здесь — небытие. Ср.: стихотворение «Ничтожество», посланное в п. 53.

⁴ Подразумеваются три предисловия Шопенгауэра к трем изданиям его книги.

⁵ Это предложение написать предисловие к переводу книги Шопенгауэра совпало с собственным намерением Страхова (см. п. 56-58).

56. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 17 октября 1880 г.

Куда Вы торопитесь, дорогой Афанасий Афанасьевич? Я, напротив, видя, что дело к концу, становлюсь все строже и строже, и держу свои две корректуры с особенной тщательностью¹. Нужно также написать предисловие: есть вещи неотразимые, да и хочется пофилософствовать, почему прошу у Вас усердно три страницы *мелкого шрифта*. Через два дни они будут непременно готовы².

Еще большая просьба: переделайте прилагаемые стихи — я не могу с ними помириться³. И *сизжу* уже не хорошо; а *форму* вовсе не годится, а *форму* в *образ*, потом в *образ* меня, потом *вкушать* — невозможны. Я пробовал так:

¹ конец (*лат.*).

Здесь сижу я, людей образую
По моему подобию
Род, мне равный, равно назначенный
Страдать, лить слезы,
Наслаждаться, радоваться
И не чтить тебя,
Как я!

Не знаю, как быть⁴.

Ваш «Фауст» интересует меня в высшей степени, и я умоляю Вас — посылайте мне копию: неужели не найдется переписчика⁵? Если Вы не будете торопиться и не будете позволять себе вольностей, до которых Вы величайший охотник, то это будет диво дивное и истинное обогащение русской литературы.

Простите за мои дерзости, но я имею некоторые права: мне встретилось, что Вы вместо *опровержения* поставили *выражение*, вместо *предъидущий* — *последующий*, и даже вместо *жизни* — *смерть*! Что, если в прежних листах подобные ошибки?

Простите, что давно не писал. Тут даже началась кутерьма; и хоть я здоров, хоть я был у доктора и лечусь, но дело не в том, а в некоторой апатии — ну да к черту все это.

Толстому я писал об Вас, что Вы его не понимаете, но он, вероятно, что-нибудь преувеличил — не помню хорошенько⁶. Во всяком случае, я не сплетничал, да и не могу: я ведь знаю, как Вы искренно его любите и уважаете. Он и мне написал, что я в своем письме его ругаю, а я не ругаю, а благоговею⁷.

Пишу к Вам наскоро в Библиотеке. Душевно желаю Вам всего хорошего. Да что же Вы не напишете, как прошла уборка и что у Вас — доход или убыток? Вашим усердно кланяюсь.

Н.Страхов

1880. 17 окт<ября>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ 21 ноября 1880 г. Фет жаловался Толстому на то, что Страхов слишком медлит с правкой корректур перевода книги Шопенгауэра: «Всё жду книги и уже тошно, а он все колдует» (*Толстой Переписка* Т. 2. С. 112).

² Через неделю предисловие Страхова к книге Шопенгауэра было написано, отпечатано в типографии и послано Фету на корректуру (см. п. 57).

³ К письму приложена вырезка из корректуры перевода книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (Кн. четвертая § 54) с цитатой из трагедии Гете «Прометей» в пер. Фета: «Здесь сижу я, формулю людей / В образ меня же, / Род мне подобный, / Мучиться, плакать, / Вкушать, веселиться / И не уважать тебя, / Как я!».

⁴ Фет не принял перевода, предложенного Страховым. В печатном тексте этот отрывок выглядит так «Я здесь сижу, творю людей / По своему подобию, / Мне равное по духу племя — / Страдать и слезы лить, / И ликовать и наслаждаться, / И ни во что тебя не ставить, / Как я!» (*Мир как воля и представление*. § 54. С. 337).

⁵ Фет вспоминал, что начал переводить «Фауста» осенью 1879 г., следуя совету П.И.Борисова, убеждавшего его предпринять этот труд (*МВ* 2 С. 367). Последнее обстоятельство подтверждается стихотворным посвящением, предпосланным переводу: «Любезному племяннику Петру Ивановичу Борисову» («Спасибо друг, — ты упротил...») (*Фауст Пер Фета Ч I 1882* С. 5). Однако настоящее письмо, а также ряд последующих писем (см. п. 58, 59, 60, 61) свидетельствуют, что Фет приступил к переводу трагедии Гете не ранее осени 1880 г., а к концу декабря того же года работа была завершена.

⁶ Передавая Толстому свои споры с Фетом в Воробьевке, Страхов писал 30 июня 1880 г.: «Он с первых же слов закусывал удила, и обнаруживал не любопытство, а ярое желание говорить самому. Однако, я сделал многое, и сделал бы больше, если бы сумел все сказать и сумел говорить без боязни его обидеть» (*ТС* Т. II. С. 574).

⁷ Письма Толстого и Фета с упреками Страхову не сохранились.

57. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 24 октября 1880 г.

Вот *Предисловие к переводу*¹, дорогой Афанасий Афанасьевич. Прошу Вас, не торопитесь — времени еще довольно. Вы можете — 1) или забраковать его, 2) или допустить, но сделать перемены, поправки и т.д. Если же будете торопиться, то я беспрекословно покорюсь Вашим требованиям, как мне ни дороги некоторые мысли и слова. Оно займет четыре страницы (разумеется будут вставлены шпоны). Прошу извинения, что велел набрать, Вас не спросив. Еще больше прошу извинения, что так тяну дело. Я хорошо понимаю, что если бы я делал его бойко и живо, то было бы гораздо веселее и Вам, и мне, что я непростительно надоел и самому себе, не только Вам, и дошел даже до упреков Вам за Ваши недосмотры, упреков глупых, потому что они ни к чему не могли вести, кроме выражения моего раздражения². И Вы оказались гораздо добрее меня, что я вполне чувствую и за что от души Вас благодарю.

Теперь уж близко конец; Вы скоро получите чистые листы до 29 включительно; затем, и с предисловием, останется листа полтора.

Что до Ясной Поляны, то мне представляется, что еще много осталось времени; но в настоящую минуту мне нездоровится (все то же нездоровье), и все кажется, что едва ли доктор пустит³. Эта болезнь меня не мучит, но постоянно о себе напоминает. Лечусь, да, кажется, без толку.

Наконец, о самом важном мне слишком трудно писать при моей копотливости. Я разумею мысли Льва Николаевича. Настаиваю вот на чем⁴:

1) Вы противоречите ясным выводам Шопенгауэра.

2) Не понимаете отчаяния, а потому и не знаете из него выхода⁵.

3) Благо, которое выше всех других, есть именно то, которое указывает Л.Н. Ему нужно отдавать предпочтение перед всеми благами, к нему нужно стремиться и его искать всеми силами. Оно есть Бог в нас, вещь сама в себе, которую нашел Шопенгауэр⁶.

Ваше замечание насчет философии, которую вносит Л.Н. в Иоанна, совершенно справедливо, но подлинный смысл слов Иоанна, без сомнения, ближе к пониманию Л.Н., чем к Вашему⁷. Когда Христос говорил ученикам:

«Вы и я — одно; я — дух и жизнь; я и Отец — одно»; — что Вы отсюда выводите⁸?

4) Вы малолюбознательны: не хотите вникнуть в то, что говорит Л.Н.

5) Вы называете меня *хворым* и потому неспособным решать нравственные вопросы, а также пишете, что *ничего дельного* я не могу возразить Вам. Покорно благодарю; но тогда и не вызывайте моих суждений и возражений. Если Вы так станете к моим словам, то я не буду очень поощрен к красноречию. Другое дело, если бы у Вас обнаружилось внимание и Вы бы обратились, напр<имер> к Л.Н. с открытою, а не с закрытою для восприятия душою.

Уверяю Вас, что он нашел мысли ясные, глубокие, которые вполне стоит почитать; попробуйте — поймите.

Я же одно скажу: кто не понял этого учения о *возрождении*, тот не знает важнейшего факта человеческой души. И мне кажется, что учение Шопенгауэра о блаженной жизни — самое убедительное средство для начала.

Впрочем, вообще, — мы понимаем только то, что вырастает в нас самих, в монадах нет окон и дверей, как учил Лейбниц⁹.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич, что все это так у меня бестолково и коротко; я прямо отсылаю Вас к Льву Николаевичу, а самому мне, кажется, по природе не бывать проповедником. Его наивная и до конца поглощаемая мыслью душа прямо и неудержимо высказывается. А мне постоянно совестно, когда вспомню о себе: ну какой я проповедник нравственности? Я одно могу сказать Вам: в этом споре Л.Н. положительная сторона, а Вы отрицательная. Поэтому Вы не правы, когда останавливаетесь на одном отрицании¹⁰.

Душевно желаю Вам всего хорошего; очень радуюсь хорошему итогу Вашего хозяйства. Марье Петровне и Терезе Ивановне плачу взаимностию, т.е. низким поклоном.

Ваш искренний

Н.Страхов

1880 г. 24 окт<ября>. СПб.

P.S. Ваши письма для меня наслаждение и укор вместе; но наслаждение берет верх.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Посылая Фету свое предисловие к его переводу книги Шопенгауэра, Страхов опасался, что Фет не согласится с ним: «Я написал предисловие к Шопенгауэру, — писал он Толстому 2 ноября, — послал его к Фету, и боюсь, что мы разладим. Я, впрочем, приготовился уступить во всем» (ТС. Т. II. С. 579).

² См. п. 56.

³ Страхов хотел приехать в Ясную Поляну на Рождество, но не смог этого сделать по нездоровью.

⁴ Далее Страхов кратко формулирует суть основных разногласий, возникших между Фетом и Толстым по поводу нового мировоззрения Толстого. Этим разногласиям посвящены письма, которыми именно в это время — в сентябре–октябре 1880 г. — обменялись Фет и Толстой (см.: Толстой. Переписка. Т. 2. С. 97–112, а также наст. кн.: Неизд. письма к Толстому, п. 51).

⁵ См. п. 54.

⁶ Вопрос о благе («что такое благо?») — основной вопрос, по которому Фет расходился с Толстым. Этой проблеме в значительной степени посвящены указанные выше (прим. 4) письма Фета и Толстого.

⁷ О «философии, которую вносит Л.Н. в Иоанна», и о возражениях на нее Фета см. в его письме к Толстому от 18 октября 1880 г. (Толстой. Переписка. Т. 2. С. 111–112). Здесь, в вопросе о «разуме» (или, по Толстому, «разумении») как первоначальном источнике всего сущего содержится один из важнейших пунктов разногласий Фета с Толстым. Вполне возможно, что именно споры с Толстым побудили Фета обратиться к «Фаусту», завязка которого заключается в том, что Фауст ставит под сомнение речение Иоанна: «Вначале было Слово...», — и, после долгих размышлений, находит свой вариант: «Im Anfang war die That»: «В начале было дело (действие, деяние)», в пер. Фета: «Вначале подвиг был»). 21 ноября 1880 г. Фет послал Толстому свой перевод этого монолога Фауста («Но ах, я чувствую, в противность доброй воле...»), тем самым напоминая о своем споре с ним по поводу толкования первого стиха Евангелия от Иоанна. При этом Фет писал: «...выписываю отрывок из труда, который всего меня в настоящую минуту поглощает и который мне теперь ужасно дорог, это такое богатство и разнообразие, что борьба трудна. Но надеюсь совладать хоть удовлетворительно» (Толстой. Переписка. Т. 2. С. 113–114).

⁸ Ин 6, 63; 10, 30. Эта цитата — возражение на утверждение Фета, будто «Евангелие есть проповедь полнейшего аскетизма и отрицание жизни» (Толстой. Переписка. Т. 2. С. 99).

⁹ По учению предшественника немецкой классической философии Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716) мир умопостигаемый, метафизический (в отличие от мира чувственного, феноменального) состоит из неделимых элементов бытия — монад, которые находятся в гармоническом состоянии, предусмотренном Богом. К монадам Лейбниц относил и души людей, способные не только к восприятию, но и к самопознанию.

¹⁰ Под учением Толстого о *возрождении* Страхов, очевидно, подразумевает учение о *возрождении* истинного учения Христа, изложенного Толстым в «Соединении и переводе четырех Евангелий».

58. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 6 ноября 1880 г.

Ваше письмо, дорогой Афанасий Афанасьевич, доставило мне радостную минуту такого разряда, который, по моему наблюдению, чрезвычайно скуден в жизни. Не знаю, сумею ли отразить свое чувство; но скажу только, что задолго до конца письма я подумал: «черт с ними, с учениями, системами и всякой чепу-

хой», — и потом ужасно удивился, что Вы этим самым заключаете. Самое дорогое на свете — отношения между людьми; настоящие хорошие отношения — величайшая редкость, а чем долее я знаком с Вами, тем легче, проще, яснее я чувствую себя¹. Это такая прелесть, такая радость! Всею душою я стремлюсь к жизни, к правде, к настоящему, и чувствую, что все время хожу в каких-то тенетах лжи и фантастики. Я стою на прежнем — хороший поступок, хорошее чувство, *чистота* в поведении — выше всякой философии и всего другого на свете. Вы, например, очень хвалитесь, а я не чувствую в Вас самохвальства; Вы браните Толстого, а я не вижу тут и тени вражды или какого-нибудь другого темного чувства. Спасибо Вам, дорогой Афанасий Афанасьевич! Много бы Вам написал, но пишу я очень трудно, авось увидимся и наговоримся; да и того не нужно — надеюсь, Вы поняли меня.

Предисловие мое, когда я получил Ваше письмо, мне не так уже было мило и дорого, как прежде. Я поправил его согласно с Вашими указаниями²; виноват, я еще на *два* дни задержал его отсылку в типографию, чтобы обдумать *четыре* строчки, которые вставил. Ну, все-таки теперь будет получше и сегодня отправляю в типографию все — до чиста.

Но вот беда — на заглавном листе должен стоять стих Гете:

Ob nicht Natur zuletzt sich doch ergründe?³

Я оставляю его в подлиннике, потому что не придумаю в эту минуту и прозаического перевода.

Не даст ли наконец себя проникнуть природа?

или

Не проникнется ли...

Помогите, может быть, еще успеете⁴.

Второй вопрос: я думаю поставить 1881 год⁵.

Но все это пустяки; чрезвычайной важности дело — Ваш перевод «Фауста». Я намерен следить за каждым стихом; в том, что Вы прислали — *три четверти* стихов — восхищение⁶. Какой язык, какая близость, сила! Но остальная четверть, может быть даже восьмая доля — требуют поправки. Вот Вам дело бессмертное; если позволите, я буду Вам писать свои замечания. И сегодня хотел, да уж слишком много работы захватил.

*На взлобке лучше переменить*⁷.

Конца вымолить — нельзя; нужно *конец*.

Мне слышен смех, не смех, а насмешка, глумление.

Он предан собственным адептам неверно; не собственным, а вообще адептам, сам он адепт.

Но после я все напишу. Ах, какие у Вас там прелести!

В отчизну тянут журавли⁸.

Теперь последнее: я захворал еще у Вас, и эта хворь дает себя чувствовать очень противно, хоть и не валит меня. Похвалюсь и я, как Вы: я ничуть не мнителен, и сам удивляюсь; это так шло бы к моим недостаткам. Приехавши, я два часа не обращался к доктору; но мне противно стало, что из этого образовалось что-то хроническое.

Простите, пока. Полночь, пора опускать письмо в ящик.

Не вскрыется ли наконец природа?⁹

Нет, нехорошо!

Ваш душевно

Н.Страхов

ФЕТ ЧИТАЕТ СВОЙ ПЕРЕВОД «ФАУСТА» ГЕТЕ

Рисунок Е.С.Селивачевой (карандаш). 1884

Внизу подпись рукой неустановленного лица:
«Фет. 5-ый акт Фауста и новые произведения»

Музей «Мураново» им. Ф.И.Тютчева.
Московская обл., Пушкинский р-н

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ 21 ноября Фет писал Толстому: «Мы со Страховым сошлись в одной мысли или лучше — чувстве — мысли тут мало. Мысль эта следующая: все дело между людьми не в убеждениях, а в отношениях» (Толстой. *Переписка*. Т. 2. С. 114).

² Корректурa предисловия Страхова к книге Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (пер. Фета) не сохранилась. Какие исправления сделал в ней Страхов, следуя указаниям Фета, установить не удалось.

³ Эту строку из стихотворения Гете, посвященного К.Г.Фойгту (1816), Шопенгауэр поставил эпиграфом к своей книге.

⁴ Фет не согласился с переводом Страхова. В печатном тексте эпиграф переведен иначе: «Да уж не постигается ли наконец природа?» (Мир как воля и представление. Титульный лист).

⁵ Книга Шопенгауэра в пер. Фета была разрешена цензурой 27 ноября 1880 г. и на следующий день вышла в свет (см. п. 59), однако на титульном листе значится 1881 г.

⁶ Согласно просьбе Страхова (см. п. 56), Фет посылал ему отрывки перевода «Фауста», над которыми работал. «Фет переводит «Фауста» и чудесно переводит, — писал Страхов Толстому в ноябре 1880 г. — Я рад, что он нашел себе дело» (ТС. Т. II. С. 585). Толстой не разделял восторга Страхова. 30 декабря он писал ему: «...прошу вас работать побольше над делом, а не над пустяками, как переводы и особенно эта дребедень из дребеней Фауст Гете. Фет напомнил мне его» (ТС. Т. II. С. 589).

⁷ Это замечание относится к реплике Фауста в сцене «За городскими воротами». В окончательной редакции она звучит иначе: «Там на пригорке отдохнем и сами» (*Фауст Пер. Фета. Ч. I. 1882. С. 71*). Дальнейшие замечания Страхова относятся к той же сцене и так же учтены в окончательной редакции (Там же. С. 72).

⁸ Заключительные строки монолога Фауста (из той же сцены): «О, счастлив! Кто еще в надежде сам...» (Там же. С. 75).

⁹ См. примеч. 3 и 4 к наст. письму.

59. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 25 ноября 1880 г.

Посылаю Вам, дорогой Афанасий Афанасьевич, счет из типографии; книга вся готова и 20 ноября сдана в цензуру; послезавтра я возьму деньги и, надеюсь, благополучно получу книгу и пушу ее в продажу¹. Очень она красива и стоит трех рублей.

Может быть, издавши похуже, можно было выгадать рублей 150; но едва ли это было бы выгодно. Я надеюсь на распродажу. Относительно счета замечу, что я торговался. Расход на *испорченную корректуру* сокращен, именно вычтены все часы, которые ушли на исправление латинских и греческих цитат. И все-таки — 115 р.! Уж простите: я тут много виноват.

Дни через два Вы получите переплетенный экземпляр.

Очень я смеялся, читая Ваши предположения об моей болезни; нет и нет;

у меня какая-то гадость, которую доктор называет упорной *диспенией*; я, впрочем, спрошу его хорошенько, как мне называть свою болезнь. У нас стоят жестокие холода, и я часто простужаюсь, напр<имер>, сегодня и чувствую себя гадко; но в другие дни я хожу молодцом и предчувствую, что такое состояние сделается скоро нормальным.

Ваши переводы — прелесть и прелесть!

Вскройтесь, раздайтесь
Мрачные своды и пр.²

Вот настоящий поэтический склад и проч. Жду, как наслаждения, когда стану изучать и сравнивать с подлинником.

От Толстого получил коротенькое, но милое письмо³. Должно быть, он очень занят. О, конечно, дорогой Афанасий Афанасьевич, *трудно стать добрым*, как говорит Симонид⁴, а человеку, у которого так страшно работает голова, как у Льва Николаевича, эта работа многому может мешать. Я иногда со страхом думаю о нем: так горяча, непрестанно-кипуча его умственная жизнь⁵. Но его открытие несомненно и велико⁶.

Недавно Соловьев читал свою первую лекцию в Университете; восторг был общий — говорю восторг в полном смысле слова. Но то, что он говорил о христианстве, было очень криво, и однако я подумал, что никто бы не мог его как следует опровергнуть⁷. Право, мы все ходим в потемках и иногда не знаем самых очевидных вещей, давно найденных и доказанных⁸. Толстой, несомненно, открыл дух христианства и глубочайшие черты в духе русского народа. А то, что у него с этим свяжется и к этому пристанет и в жизни и в писании, есть неизбежная примесь, и очень может быть, что на практике Вы лучше его исполняете то, что он признает в теории. Я очень радуюсь Вашим добрым делам, совершаемым, как кажется, под личиною грубейшего эгоизма и даже с видом раздражения. Мне хотелось бы знать даже точные подробности. О Толстом я знаю только, что он все терпит и ни за что не взыскивает. Но из этого ведь выходит иногда потворство.

Простите мое несвязное письмо — нездоровится.

Имеете ли понятие о картине Куинджи — «Ночь на Днепре»? Я думаю написать немножко в «Русь»¹⁰. Очень уж задел меня этот реализм.

Душевно желаю Вам и хорошего духа, и хорошего здоровья. (А дух Ваш, скажу в скобках, удивительно бодр). Большое почтение Марье Петровне и Александру Ивановичу.

Ваш искренний

Н.Страхов

1880. 25 ноября. СПб.

P.S. А на Рождество не бывать мне у Толстого; я, как поправлюсь, все думаю: поеду, — а дни через два опять меня схватит и думаю: нет, не ехать¹¹.

Ах, вот еще важный вопрос: делать ли публикации, сколько и где¹²?

Не дожидаясь Вашего разрешения, я справлюсь в типографии и *рублей на пятнадцать* сделаю, т.е. сделаю самое необходимое.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ См. п. 58, прим. 5.

² По-видимому, в несохранившемся письме, на которое отвечает Страхов, Фет прислал очередной отрывок своего перевода «Фауста» — сцену «Рабочая комната Фауста» (в пер. Фета: «Кабинет»). Страхов цитирует начальные строки хора духов из этой сцены (ср.: *Фауст* Ч. I. Пер Фета. 1882. С. 95).

³ <15...16> ноября 1880 г. Толстой писал Страхову: «Не понимаю, отчего вы не работаете над своей статьей <...> Статья превосходная. Самое для меня сильное и ясное из всего, что вы писали. Я много, много раз употреблял в дело те новые мысли, которые я приобрел из нее» (ТС. Т. II. С. 583). Заглавие статьи здесь не названо, о содержании ее не говорится; неясно также, когда Толстой мог ознакомиться с ней. Все это выясняется из переписки Толстого со Страховым. 14 сентября 1879 г. Страхов писал Толстому, что намерен читать на предстоящем съезде естествоиспытателей «статью о физиологии» (ТС. Т. II. С. 531 и 535) и повторил это 16 октября. На съезде он не выступил, т.к. статья не была закончена. В августе 1880 г., в бытность свою в Ясной Поляне, Страхов ознакомил Толстого с тем, что было им написано, и получил его одобрение: «Работа ваша очень хорошая. — Вам можно покойно заниматься ею» (Там же. С. 577). Несмотря на эту поддержку, Страхов жалуется, что работа его над статьей не спорится (п. 61; см также: ТС. Т. II. С. 613). Только через два с половиной года статья «Об основных понятиях физиологии» была опубликована (Рус. мысль. 1883. № 5). Позднее она вошла в книгу Страхова «Об Основных понятиях психологии и физиологии» (СПб., 1886). Посылая ее Толстому, Страхов напоминал: «Вы когда-то хвалили кое-что из того, что там перепечатано» (ТС. Т. II. С. 718).

⁴ Древнегреческий поэт с о. Кеоса *Симонид* (556–468 до н.э.) прославился сочинением дифирамбов и погребальных плачей. Важнейшей характеристикой его мировоззрения считается акцентировка личных доблестей и добродетелей человека, ответственного за свои поступки, несмотря на вмешательство богов в индивидуальную и общую судьбу людей.

⁵ В это время Толстой продолжал свой капитальный труд «Соединение и перевод четырех Евангелий» (завершен в 1881) и вместе с тем работал над «Исповедью» и над «Исследованием догматического богословия». О том, какого напряжения стоили ему эти труды, он неоднократно писал Страхову (ТС. Т. II. С. 556, 558, 561 и др.).

⁶ В следующем абзаце Страхов кратко формулирует свое понимание открытия, сделанного Толстым на пути его религиозно-нравственных исканий.

⁷ См.: Соловьев Вл. Исторические дела философий (Вступительная лекция в С.-Петербургском университете 20-го ноября 1880 г.) // Рус. мысль. 1881. Февраль. С. 358–370. Страхов писал Толстому: «И вчерашняя лекция была блистательна. Соловьев постарался, говорил ясно, свято и одушевленно. Тема — что сделала философия в жизни человечества. Он утверждал, что она возвысила человеческую личность, освобождала ее от гнета религий и власти. Полное возвышение личности, до *богочеловечества*, возвестило христианство, но потом упало, подчинилось власти, выродилось. Философия, действуя против этого зла, произвела реформацию и революцию. Да и теперь в материализме она силится восстановить плоть, что будто бы тоже входило в программу христианства» (ТС. Т. II. С. 584–585).

⁸ Выводя христианство «в своем общем воззрении» из платонизма, Соловьев утверждал, что в новом вероучении «гармония идеального космоса, внутреннее единство всего, силою богочеловеческой личности показывается здесь (в христианстве), как живая действительность,

здесь истинносущее не созерцается только умом, но само действует, и не просвещает только природного человека, но рождается в нем как новый духовный человек». Однако, «христианская истина в неистинной форме внешнего авторитета и церковной власти и сама подавляла человеческую личность и, вместе с тем, оставляла ее на жертву внешней мирской неправде» (Соловьев В. Собр. соч. 2-е изд. СПб., 1911. С. 409). «Мне было странно вообще слышать его речи о христианстве, — писал Страхов Толстому в том же письме, — и я вспомнил Ваши объяснения, с такой неотразимой ясностью показывающие его истинный смысл. В каких мы потемках бродим! Соловьев интересен тем, что отзывается на все и все хочет примирить. В сущности, по логической и исторической постройке, лекция была слаба, хотя и вызвала общий восторг. Но несколько слов, сказанных им о занятиях философией, мне очень пришлось по душе. Именно он говорил, что это углубление в себя, это устранение от жизни не нужно считать бесплодную работою» (ТС. Т. II. С. 585).

⁹ Картина А.И.Куинджи «Ночь на Днепре» (1880) была выставлена в Обществе поощрения художеств в ноябре 1880 г. Приобретена вел. кн. Константином Константиновичем, взявшим ее с собой в кругосветное плавание. Страхов писал Толстому: «Картина — цвет нашего реализма. Луна и река светятся так, что не веришь глазам. Очень хорошо и только странно; такого обмана не должно быть в искусстве» (ТС. Т. II. С. 584).

¹⁰ Страхов написал статью о картине Куинджи в газету «Русь» (1880. № 5. С. 12–13). С датой «29 ноября 1881» статья включена в сб.: Страхов Н. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 121–129. Восторженную статью посвятил картине Я.П.Полонский (Страна. 1880. № 88. 9 ноября).

¹¹ На Рождество Страхов в Ясную Поляну не приезжал (ТС. Т. II. С. 587).

¹² См. об этой статье п. 62.

60. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 27 ноября 1880 г.

Ура, дорогой Афанасий Афанасьевич! Сегодня Шопенгауэр вышел целехонек из цензуры. Прочитывая корректуры, я делал для безопасности исправления; но выпустил всего *пять* или *шесть* строк. Если Вам любопытно, сравните стр. 483 и 484, где именно пришлось сделать выпуски.

Обратите также внимание на заднюю страницу обертки: я составил ее без Вашего разрешения и прошу извинения, если что не понравится.

Завтра стану торговать; пока простите. Я взял у Боткиных 750 р. и заплатил все по типографии; за мною еще остается рублей 30.

Ваш душевно

Н.Страхов

1880. 27 ноября. СПб.

61. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 18 декабря 1880 г.

Я сейчас же бросился, дорогой Афанасий Афанасьевич, на «Пролог в небе»¹ после первого великолепного стиха:

Ликует солнце, как бывало², —

стал огорчаться и огорчаться, и вовсе приуныл. Но заглянул потом в «Пролог на земле» и в начало самой драмы:

Я всех философов узнал³, —

и понемногу опять утешился и пришел в восхищение. С такими возможностями, как у Вас, грех не переводить хорошо.

Поет другим мирам *под* *стать*.

Под *стать* невозможно, оскорбительно⁴.

Твоя десница указала
Громовый путь ему свершать.

Чудесные стихи, и близко очень, но ведь архангел докладывает, что солнце *по-прежнему свершает* путь, а не то, что *указала*⁵. Самый слабый перевод, если он соблюдает в этом верность, произведет лучше впечатление, чем Ваш. Точно так:

Твоим <твореньям>^{1*} нет числа,
И их краса неизъяснима

(я привожу стихи на память, пишу к Вам из Библиотеки) нехорошо потому, что являются два самостоятельных предложения, а речь должна быть только одна, только та, что *все* так же обстоит, как в первый день⁶.

Соблюдение течения мыслей подлинника есть первое условие, а то читателя кидает и подбрасывает из стороны в сторону, и все впечатление рушится.

Простите, что я не писал к Вам так долго. Я еще вновь простудился и только теперь оправляюсь. А между тем хотелось воспользоваться свободной от корректур неделей, и я торопил свою статью⁷. Ваше известие об окончании «Фауста»⁸ привело меня в великую зависть — Вы прекрасно пользуетесь Вашим досугом и должны им пользоваться. Но не исчерпывайте интереса сразу, пройдите Вашего «Фауста» еще и еще. —

А вчера, вернувшись домой, вдруг и нахожу корректуры из двух типографий — чтоб вас⁹!

Долго собирался я Вам писать и об открытии Толстого. Это — открытие вполне, потому что ни Штраус, ни Ренан не видели того, что увидел Л.Н.¹⁰ Еще недавно я читал Евангелие с толкованиями Lamennais — какая жалость¹¹! Чуть заметная тень правды. Взгляда Л.Н. нельзя понимать, не сочувствуя ему; вот почему Ренан, Штраус никак не могли попасть на эту точку зрения. А кто попал, тот не уйдет, а если уйдет, то вернется. Особенно странно, что глубоко-верующие архиереи-монахи — все-таки не понимают. Да, впрочем — перечтите Вашего Шопенгауэра. — Кстати, я послал Вам уже давно переплетенную книжку¹², но адресовал по глупости в Орел, вместо Курска. Если случится, вырубите ее — переплет не дурен.

Пока простите, дорогой Афанасий Афанасьевич. Душевно желаю Вам хорошей работы и всего хорошего. Марье Петровне, Терезе Ивановне, Александру Ивановичу — мое почтение.

Ваш искренний

Н.Страхов

1880. 18 дек<абря>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Очевидно, Фет прислал Страхову копию значительной части своего перевода «Фауста», предваряя присылку его полного текста. Естественно, что, получив эту рукопись, Страхов обратился прежде всего к ее началу.

² Страхов цитирует первую строку монолога архангела Рафаила, которым открывается «Фауст» («Пролог на небе»).

³ «Пролог на театре» Страхов по ошибке называет «Прологом на земле». Затем он цитирует начальную строку первого монолога Фауста (сцена «Ночь»). Отметим, что в окончательной редакции начало этого монолога изменено (см.: *Фауст Пер Фета Ч I 1882. С. 35*).

⁴ Это вторая строка монолога архангела Рафаила («Пролог на небе»). Фет исправил ее, но вместе с тем вынужден был изменить и последующие две строки, которые Страхов назвал «чу-

^{1*} В автографе описка: «созданиям».

десными»: «Ликует солнце как бывало / Свой голос в хор миров нести, / Не уклоняясь нимало / От громкозвучного пути» (см. п. 65). Однако эта правка тоже не удовлетворила Страхова (см. там же).

⁵ Речь идет по-прежнему о монологе архангела Рафаила. У Гете: «Die Sonne tönt nach alter Weise / Im Brudersphären Weltgesang, / Und ihre vorgeschriebne Reise / Vollendet sie mit Donnergang». В пер. Э.Губера: «Как прежде, солнце вновь пылает / Идет, как царь, в кругу планет / И путь привычный совершает, / И миру шлет роскошный свет» (Фауст. Трагедия И.В.Гете. Стихотв. пер. Э.Губера. СПб., <б. г.>. С. 17). Ср. в пер. Б.Пастернака: «В пространстве, хором сфер объят, / Свой голос солнце подает, / Свершая с громовым раскатом / Предписанный круговорот» (Гете И.-В. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М., 1976. С. 15). Очевидно, что в первоначальном варианте, сохранившемся в письме Страхова и впоследствии замененном Фетом, ошибки не было, поскольку «предписанный путь» (vorgeschriebne Reise) — это и есть путь, указанный Богом.

⁶ Фет учел это замечание Страхова. Ср. в окончательном тексте: «Твоих творений без числа / Краса для всех непостижима, / И все как в первый день светла» (Фауст. Пер. Фета Ч. I. 1882. С. 26).

⁷ Об этой статье см. п. 59, прим. 3.

⁸ Очевидно, в несохранившемся письме, на которое отвечает Страхов, Фет сообщал, что работа над переводом «Фауста» закончена. В ближайшие дни Страхов получил от него весь перевод: «Фет прислал своего Фауста», — писал он Толстому 25 декабря (ТС. Т. II. С. 588).

⁹ Корректуры перевода книги: «Ф.А.Ланге. История материализма и критика его значения в настоящее время» (т. I. СПб., 1881).

¹⁰ Возможно, что в неизвестном письме Фет сравнивал религиозные сочинения Толстого с трудами Э.Ренана и Д.Штрауса, посвященными истории и толкованию христианства и личности Христа. К сочинениям Ренана и Штрауса Страхов обращался неоднократно с начала 1870-х гг. Позднее статьи о них вошли в I-й том трехтомного собрания разных работ Страхова, составленный им самим. См.: Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Историч. и критич. очерки. Кн. первая. Изд. второе. СПб., 1887.

¹¹ 25 декабря 1880 г. Страхов писал Толстому: «Я недавно читал Евангелие с толкованиями Lamennais, изданное перед революцией 1848. Эти толкования очень слабы и явно говорят так: я не стану толковать об глупостях вроде *возрождения*, а укажу только, что любовь требует уравнения прав и имуществ, что тогда уничтожатся бедствия и на земле настанет процветание, какого еще не бывало. И это говорит духовное лицо, глубоко религиозный человек! А Фет меня уверяет, что *все* знают смысл, который Вы нашли» (ТС. Т. II. С. 587–588). Аббат Ф.-Р.Ламенне (1782–1854) стал одним из проповедников обновленного христианства, сблизившись с радикальными кругами социалистического толка (Ж.Санд, Луи Блан и др.). Его «Слово верующего» («Les Paroles d'un Croquant») было очень популярно среди революционеров 1848 г.

¹² Речь идет о только что вышедшей книге Шопенгауэра «Мир как воля и представление» в пер. Фета (см. п. 58, прим. 5).

62. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург, 28 декабря 1880 г.

Приезжайте, дорогой Афанасий Афанасьевич. Жду Вас с нетерпением и ради Вас, и ради Толстого, и ради Фауста¹. Споры наши идут ужасно дурно, конечно потому, что идут на письме. Я одно замечу: напрасно Вы пишете, что я проповедываю Вам Толстого; я только отвечаю, когда Вы заговариваете. У Вас, очевидно, есть глубокий интерес к этому делу, и Вас беспокоит, что оно не распутывается².

О Шопенгауэре я объявил в «Голосе» и в «Н^овом» Времени» и в «Руси» У Стасюлевича уже давно продано 25 экз.³ Приедете — мы поговорим и порешим все дела. Деньги у меня еще Ваши есть.

На праздниках я тащу через силу свою статью⁴ и очень надсажаюсь. Здоровье как будто лучше. Особенно я рад, что глаза совсем поправились.

Итак, буду ждать Вас. От души желаю, чтобы вся Ваша поездка исполнилась благополучно, а Вашему духу, Вашей бодрости от души завидую.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Очевидно, Фет собирался приехать в Петербург для того, чтобы ускорить работу по редактированию и печатанию завершеного им перевода первой части «Фауста» Гете. «Ради Толстого» — здесь следует понимать как «ради споров о Толстом и его последних сочинениях».

² 25 декабря 1880 г. Страхов писал Толстому: «С Афанасием Афанасьевичем у нас идут постоянные споры, которые, впрочем, затевает и поддерживает он, а не я. Ему нужно поставить в честь, что он так горячо занят этим вопросом, вопросом спасения; он чувствует, что дело важное и что нужно, необходимо добиться решения. Но принимается за дело он пока очень дурно: он упирается, горячится и ораторствует а priori, вместо того, чтобы добиваться понимания, в чем дело» (ТС Т. II. С. 587).

³ Толстому Страхов также сообщал, что «Шопенгауэр пошел очень хорошо» (Там же. С. 588).

⁴ Об этой статье см. п. 59, прим. 3.

63. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 30 января 1881 г.

Денег за Шопенгауэра и за несколько экземпляров Ваших стихотворений¹ у меня накопилось опять до *двухсот* рублей. Хочу просить Вас, дорогой Афанасий Афанасьевич, не могу ли я поскорее отдавать их куда-нибудь? — например, Боткиным²? А то мне тяжело их носить в своем портмоне. Очень радуюсь, что дело хорошо идет. В «Отчественных» Записках³ меня обругали за предисловие, но прямо напечатали: «перевод очень хорош»³.

И «Фауст» Ваш имеет успех. Соловьев взял у меня рукопись⁴ и читал ее у гр. Толстой и у Бестужева-Рюмина: все очень восхищались, а графиня просила переписать и будет делать замечания⁵.

Чувствую, дорогой Афанасий Афанасьевич, по Вашему письму, что Вы уже горите нетерпением печатать и, признаюсь, не понимаю. Я бы держал еще у себя год или два и гладил бы до тех пор, пока ничего бы не задевало⁶. Но, как хотите. Соловьев обнаруживает большой жар и усердие, и, я думаю, сделает много хорошего⁷.

А я тащу и тащу свою статью, с очень малым успехом⁸. Но в последние дни я и об ней не думаю: умер Достоевский, умер неожиданно, почти скоропостижно, так что все еще не хочется верить, что он мертв⁹. Точно земля зашаталась под ногами. Общее сожаление и большое волнение. Толпы теснятся к трупу с утра до вечера. Государь назначил 2000 р. пенсии вдове, и детей — принять на казенный счет¹⁰. Лавра дает место и будет даром отпевать¹¹. Словом — совершаются похороны великого писателя.

Простите, я очень расстроен и мне трудно писать. Завтра вынос тела, а послезавтра похороны. Суета сует, и все суета¹²!

Ваш преданный

Н.Страхов

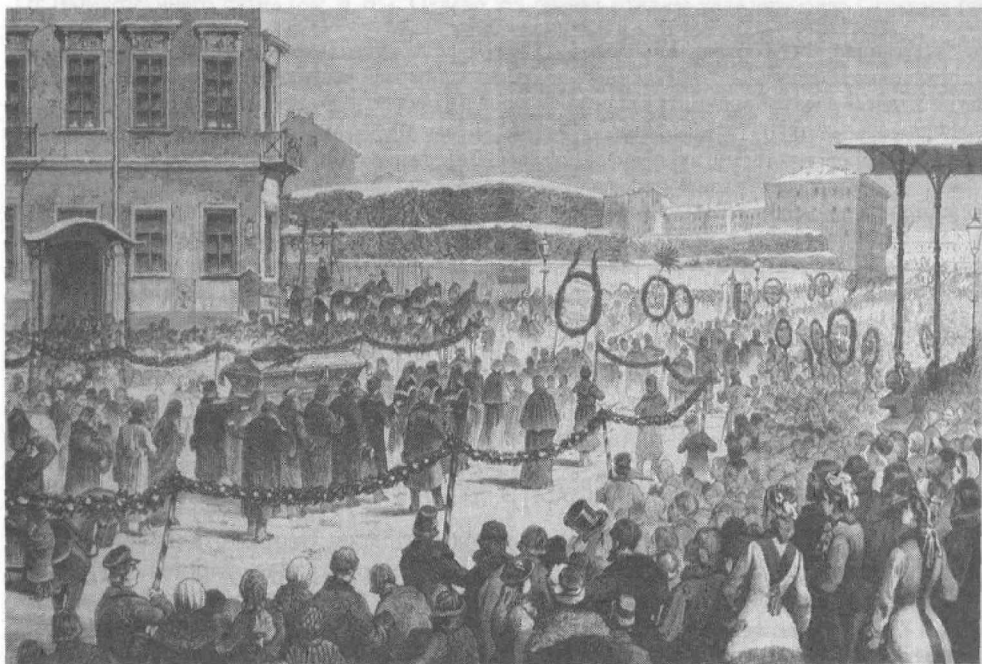
1881. 30 янв<аря>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ В январе 1880 г. Фет послал Страхову 500 экз. своих «Стихотворений и переводов» (Т. 1–2. М., 1863) для распространения их в книжных магазинах Петербурга (см. п. 39, прим. 10).

² Фирма «Петра Боткина сыновья» имела отделение в Петербурге, и Фет нередко пользовался ее услугами при пересылке денег.

³ Рецензию <Н.К. Михайловского> на вышедший в конце 1880 г. в Петербурге труд Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (пер. Фета, предисловие Страхова) см.: ОЗ 1881. № 1 (разд «Современное обозрение»); подпись: «Н. М.». Рецензент упрекает Страхова в «прославлении „Восточной мудрости“, коей сосредоточие, кажется, в Москве находится»: «Г. Страхов издавна аккуратно ведет эту линию, возвеличивая, ради нее, то Гегеля, то г. Н.Данилевского,

ПОХОРОНЫ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО. ВЫНОС ТЕЛА ИЗ ДОМА, ГДЕ СКОНЧАЛСЯ ПИСАТЕЛЬ

С.-Петербург, 1 февраля 1881 г.

Рисунок А.Бальдингера

«Всемирная иллюстрация». 1881. № 7. 14 февраля

то Ренана, то старых славянофилов. На этот раз, он пожелал возвеличить Шопенгауэра. Его дело. Но сам Шопенгауэр, вероятно, очень удивился бы такому обороту мысли своего почитателя. Мрачный покойник очень хорошо знал, откуда заимствовал он свой мрак. Кисельные хляби восточной мудрости г. Страхова тут не при чем. <...> Перевод очень хорош» (С. 75–76).

⁴ В.С.Соловьев взял у Страхова рукопись перевода «Фауста», которую Фет прислал в декабре (п. 61, прим. 8). Вероятно, в январе Фет вносил исправления в перевод последних сцен, поскольку 29 января он сообщил жене, что в этот день высылает Страхову окончание «Фауста» (РГБ. Ф. 315. 2, 26).

⁵ Прослушав перевод «Фауста» в чтении Соловьева, С.А.Толстая (вдова А.К.Толстого) писала Фету 6 февраля 1881 г.: «Мне этот труд очень близок. Несколько раз Толстой думал о нем и даже начинал его. Много мы о нем говорили. Я рада, что Вы, именно Вы взялись за него» (цит. по: Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 350). По-видимому, в дальнейшем она вместе с В.С.Соловьевым приняла участие в редактировании перевода «Фауста» (см. п. 67, прим. 7). Перевод второй части трагедии Гете (М., 1883) Фет посвятил С.А.Толстой. В посвящении он писал: «Нескольким тонким указаниям Вашим на красоты 2-й части «Фауста» и совету испытать над ним мои силы, — перевод обязан своим появлением». О дружеских отношениях Фета с С.А.Толстой см.: Кузьмина И.А. (1). С. 133–149.

⁶ Фет действительно не хотел откладывать публикации перевода, считая, как он писал К.С.В.Энгельгардт 5 февраля 1881 г., что главное — «это тон целого и Фет в него попал <...> А что есть недорисовки — это я сам знаю, но знаю, что едва ли Фет найдет их в своей кладовой, т.е. найдет полное соответствующее, ибо и то, что он уже нашел, граничит с чудом <...> Я бы при жизни (мне 60 лет и мы все смертны) хотел видеть «Фауста» в печати общим достоянием. А между тем Страхов советует продержат его в портфеле год, два» (Фет. СПП. С. 388–389). 10 марта 1881 г. Соловьев также советовал Фету повременить с публикацией «Фауста» до осени и печатать перевод в Москве, обещая всяческую помощь в подготовке текста к печати, однако сделал оговорку: «Я совершенно понимаю вашу неохоту возиться с отделкою частных частей вашего перевода и думаю, что он в целом настолько хорош, что можно и должно его печатать во всяком случае» (Письма Соловьева. Т. III. С. 107). 27 марта 1881 г. Фет, имея в виду Соловьева

и Страхова, жаловался той же корреспондентке: «Связался я с петербуржцами и никакого толку не добьюсь» (Автограф. № 4. СПб., 1998. С. 10).

⁷ «Заметки сделал мне и сам Соловьев, — писал Фет С.В.Энгельгардт. — Понемногу я тоже исправил, признав их дельными. Одно замечание философское — капитальное, и я не мог с ним согласиться» (Фет. СПП. С. 388).

⁸ Об этой статье см. п. 59, прим. 3.

⁹ Ф.М.Достоевский умер 28 января 1881 г. «от болезни легочного кровотечения», открывшегося 26 января. (см.: Летопись жизни и творчества Ф.М.Достоевского. 1875–1881: В 3 т. Т. 3. СПб., 1995. С. 542–547). 3 февраля Страхов писал Толстому: «Чувство ужасной пустоты <...> не оставляет меня с той минуты, когда я узнал о смерти Достоевского. Как будто провалилось пол-Петербурга, или вымерло пол-литературы» (ТС. Т. II. С. 591).

¹⁰ Александр II назначил вдове Достоевского «нераздельно с детьми пенсию в размере двух тысяч рублей <...> во внимание заслуг, оказанных русской литературе» и распорядился предоставить две вакансии (в Пажеском корпусе и Смольном институте) для детей писателя.

¹¹ После вмешательства обер-прокурора Синода К.П.Победоносцева, митрополит Исидор, первоначально отказавшийся безвозмездно похоронить Достоевского в Александро-Невской лавре, дал искомое разрешение.

¹² Эккл. I. 2.

64. СТРАХОВ — ФЕТУ

<С.-Петербург. Первая половина марта 1881 г.>

Что написать Вам, дорогой Афанасий Афанасьевич? Ужасы, совершающиеся кругом, не дают ничего думать и делать ¹.

МЕСТО, ГДЕ 1 МАРТА 1881 г. БЫЛ УБИТ АЛЕКСАНДР II

С.-Петербург. Екатерининский канал. Оказание помощи раненым, пострадавшим при взрыве бомбы

Рисунок А.Бальдингера

«Всемирная иллюстрация». 1881. № 12. 14 марта

Я все досадовал на вас за «Фауста». Вы не хотите работать и все торопитесь. Между тем у меня решительно нет времени. Столько набралось и своих и чужих дел, и так я копаюсь в каждом деле, что хожу, как в сетях. Соловьев не возвращал мне рукописи — по-видимому, она переписывается². Скажу Вам твердо: половина Ваших стихов прекрасны, но другая половина — не то что дурны, а ничего не значат. Если Вы не хотите исправлять, то я считаю дело почти неудавшимся³. Печатать Вы можете, где хотите; я Вам устрою, если угодно, в той же типографии; она будет посылать Вам корректуры, и Вам не будет никакой надобности в посредниках.

Вероятно, Вы не знаете, что мне пришлось говорить речь о Достоевском в Славянском Комитете⁴. Потом звал Л.Н.Толстой, и я гостил у него 4 дня на масляной⁵. Все дни он писал, а я читал его рукопись⁶. Приехал туда и Соловьев, который до сих пор гостит в Москве; он тоже засел за рукопись, и я оставил их в самом разгаре спора, результатов которого до сих пор не знаю⁷. Вот отчего я так долго не отвечал Вам.

Шопенгауэр идет превосходно. Я думал сделать еще публикацию⁸, но потом раздумал — лишняя трата. У одного Стасюлевича продано 150 экземпляров. Я все ленюсь собирать деньги, но после похорон⁹ пошлю за ними.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич. Не сердитесь на меня, а лучше пожайте

Вашего искренно преданного

Н.Страхова

P.S. Всем мои усердные поклоны.

P.P.S. Прилагаю письмо, которое было в Вашей рукописи Шопенгауэра.

Письмо без даты. Датируется по содержанию (см. прим. 1 и 9). Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ 1 марта 1881 г. был убит император Александр II. Убийство подготовила группа народовольцев-террористов в исполнение смертного приговора, вынесенного «Исполнительным комитетом партии "Народная воля"» (предполагалось, что «казнь» самодержца «разбудит» народ и подвигнет его к восстанию). «Какой удар, — писал Страхов Толстому 6 марта, — <...> Я до сих пор не нахожу себе места и не знаю, что с собой делать. Бесчеловечно убили старика, который мечтал быть либеральнейшим и благодетельнейшим царем в мире. Теоретическое убийство, не по злобе, не по реальной надобности, а потому что в идее это очень хорошо» (ТС. Т. II. С. 594). Вслед за этим письмом Страхов приступил к работе над циклом статей «Письма о нигилизме» (первое письмо помечено: 19 марта), в котором анализировал истоки народовольчества и нравственную несостоятельность этого движения (об этих статьях см. п. 67, прим. 4). Позиция Фета после 1 марта 1881 г. наиболее ярко заявлена в стихотворении «1 марта 1881 года» («День искупительного чуда...» (первоначально: «В день искупительного чуда...»). О позиции Толстого см. п. 65, прим. 3.

² Рукопись «Фауста» в пер. Фета В.С.Соловьев взял у Страхова еще в январе (см. п. 63, прим. 4).

³ Восторги, которые высказывал Страхов по поводу начала перевода «Фауста» (см. п. 57 (прим. 6), 58, 59 и 61), после ознакомления с полным текстом сменились разочарованием — для него стала очевидной необходимость серьезной доработки перевода, на что Фет не соглашался (см. п. 63, прим. 6). В результате Страхов устранился от редактирования «Фауста», что едва не привело к серьезной размолвке между ними (см. п. 65, прим. 1).

⁴ Речь в память Достоевского Страхов произнес 14 февраля 1881 г. в Славянском благотворительном обществе. Она была напечатана дважды: Русь. 1881. 28 февраля. № 16; сб. «Первые 15 лет существования С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества». СПб. 1883. С. 653–658.

⁵ По приглашению супругов Толстых Страхов приехал в Ясную Поляну на именины Толстого 18 февраля 1881 г. (Толстая и Страхов. С. 156).

⁶ Рукопись, которую читал Страхов в Ясной Поляне, — «Соединение и перевод четырех Евангелий», работу над которой Толстой закончил вскоре после его отъезда (см.: ТС. Т. II. С. 615).

⁷ По-видимому, труд Толстого («Соединение и перевод четырех Евангелий») вызвал сочувствие В.С.Соловьева: «Когда он уезжал, — писал Толстой Страхову 2<...>3 апреля, — я сказал ему: дорого то, что мы согласны в главном, в нравственном учении, и будем дорожить этим согласием...» (ТС Т. 2. С. 588).

⁸ Подразумеваются объявления о выходе в свет книги Шопенгауэра в переводе Фета (см. п. 62).

⁹ Похороны Александра II состоялись 15 марта 1881 г.

65. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 6 апреля 1881 г.

Сегодня понедельник Страстной, дорогой Афанасий Афанасьевич, то есть я первый будень сижу дома и могу, наконец, написать к Вам. И то сейчас только ушел Майков, приносивший кипу своих стихов за последние годы: он нашел случай издать их и советовался о порядке и выборе пьес ¹.

А раньше: лекция Соловьева об отмене смертной казни ².

А раньше еще: письмо Льва Николаевича о том же ³.

А рядом — мои *письма об нигилизме*, печатающиеся в «Руси» ⁴ (да! пустился и я писать), корректуры Ланге ⁵, письма Н.Я.Данилевского о филлоксере ⁶, Публичная Библиотека ⁷, Ученый Комитет ⁸, представление министру ⁹, план новой газеты ¹⁰, комедия Ионина ¹¹, визиты, середы, покупка книг, посещение вдов, чтение и пр. и пр.

Нет, не перегнать меня Вам и на Вашем жеребце, не хотящем сесть на кобылу!

А время скверное: в городе смутно и беспокойно; была казнь, делаются деятельные розыски; как после шквала ходят волны и долго еще не успокоятся ¹².

Вы спрашиваете о стихах, не имеющих значения ¹³? Напр<имер>:

Ликует солнце
Свой голос в хор миров нести

Ликует нести — ничего не значит.

Свой голос нести — тоже.

Нести в хор миров — тоже.

(Уж лучше было бы *внести*, чем *нести*).

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич, но я не могу с этим помириться; я люблю такие стихи:

Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке ¹⁴

или такие:

Не уклонялся нимало
От громозвучного пути ¹⁵.

Соловьев до сих пор не возвратил мне рукописи; деньги же за переписку, 17 р. 50 к., от меня получил ¹⁶ (причтите их к Шопенгауэровским). Но я не выпускаю Соловьева из виду — он хочет исчезнуть: ему что-то не терпится в Петербурге, и он оттого, отчасти, и рискнул на свою лекцию. Ссылки, однако, не вышло ¹⁷.

Всего Шопенгауэра у меня остается около 250 экземпляров; остальные в магазинах, и к концу года, я думаю, из 700 не останется ни одной книжки. Не забудьте, что мы почти ничего не публиковали: в «Московских ведомостях» даже не было ¹⁸.

«Планы мои на лето до сих пор очень неопределенны: кажется, я проживу тут до августа и потом пушусь по холодку¹⁹. Здоровье мое почти в совершенстве, что меня ужасно радует: я уже боялся хронических недугов.

Графиня Толстая сегодня, должно быть, уехала уже. Она рассказывала мне о Вашем приглашении: я постарался стать за Вас горой и очень желаю, чтобы она навестила Вас²⁰. Этот сфинкс совершенно очарователен своею тонкостью, простотою и живостью. Впрочем я, как человек слепой по отношению к людям, не имею тут права на суждение. Меня поразила только удивительная сила и гибкость; а ей, должно быть, уже немало лет.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич; душевно желаю Вам здоровья и всякого успеха. Марье Петровне и Александру Ивановичу мое почтение.

Ваш

Н.Страхов

1881. 6 апр<еля>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹⁹ Речь идет о подготовке к печати «Полн. собрания сочинений А.Н.Майкова». В 3 т. СПб, 1884 (четвертое изд.).

²⁰ 28 марта 1880 г. В.С.Соловьев прочел в Петербурге, в зале Кредитного общества, публичную лекцию «О ходе русского просвещения в настоящем столетии». Один из основных тезисов его лекции — необходимость укрепления самодержавия, что невозможно при отсутствии взаимопонимания между властью и народом. В этой связи Соловьев обращается к событиям сегодняшнего дня — к суду над «первомартовцами», которым грозит смертная казнь. Он утверждает, что допустимость смертной казни противоречит народному сознанию и тем самым встает на пути власти к народу: «Настоящая минута представляет небывалый до того случай для государственной власти оправдать на деле свои притязания на верховное водительство над народом <...> Сегодня судятся и, вероятно, будут осуждены — на смерть убийцы царя. Царь может простить их и, если он действительно чувствует свою связь с народом, он должен простить. Народ русский не признает двух правд. Если он признает правду Божию за правду, то другой у него нет, а правда Божия говорит: «Не убий» <...> Скажем же решительно и громко заявим, что мы стоим под знаменем Христовым и служим единому Богу — Богу любви. Пусть народ узнает в нашей мысли свою душу и в нашем совете свой голос, тогда он услышит нас, и поймет нас, и пойдет с нами» (Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. I: Философская публицистика // Сост. и подг. текста Н.В.Котрелева; примеч. Н.В.Котрелева и Е.Б.Рашковского. М., 1989. С. 42 и 646–650). Государь повелел, чтобы Соловьеву «сделано было внушение за неуместные суждения, высказанные им в публичной лекции по поводу преступления 1 марта, и, независимо от сего, предложено было воздержаться на некоторое время <...> от публичных лекций» (Там же. С. 336).

³ В марте 1881 г. Толстой обратился к Александру III с письмом, в котором умолял его проявить христианское милосердие и не казнить «первомартовцев»: «Простите, воздайте добром за зло <...> и у тысяч, у миллионов дрогнет сердце от радости и умиления при виде примера добра с престола в такую страшную для сына убитого отца минуту...» (Толстой ЛСС Т. 63. С. 50). <16...17> марта он послал это письмо Страхову с просьбой передать его К.П.Победоносцеву для вручения императору. После отказа Победоносцева, Страхов опустил письмо Толстого в специальный ящик для прошений на Высочайшее имя, находившийся в одном из подъездов Зимнего дворца (ТС. Т. II. С. 599. Ср.: Бирюков Т. 2. С. 176–177). Письмо Толстого осталось без ответа, и 3 апреля казнь «первомартовцев» свершилась.

⁴ О цикле статей Страхова «Письма о нигилизме» см. п. 64 (прим. 1) и 67 (прим. 4).

⁵ См. п. 61, прим. 9.

⁶ С 1880 г. Н.Я.Данилевский возглавлял в Крыму, где он жил постоянно, комиссию по борьбе с опасным вредителем виноградников — филлоксерой. Ему принадлежит брошюра «Филлоксера на южном берегу Крыма и средство борьбы с нею» (Феодосия. 1880). В 1880-е гг. он не раз выступал со статьями по этому вопросу. Возможно, что Страхов помогал Данилевскому с печатанием его статей.

⁷ В Публичной библиотеке Страхов служил с августа 1873 г. в должности заведующего Юридическим отделением.

⁸ В сферу деятельности Ученого Комитета Мин-ва нар. просвещения, членом которого был Страхов, входило рассмотрение педагогических вопросов, учебных руководств и программ преподавания, учебной литературы, научных экспедиций, проектов различных обществ и др. дел, входящие в компетенцию Министерства.

⁹ Очевидно, в качестве члена Ученого Комитета Мин-ва нар. просвещения Страхов должен был представиться новому министру А.П. Николаю.

¹⁰ 4 мая Страхов писал Толстому: «...с новым царствованием начались затен новых журналов; меня уже звали в одну газету, имеющую возникнуть, да в один толстый журнал. Все это в наилучшем славянофильском духе, но я буду упираться всеми силами» (ТС. Т. II. С. 603). План издания «новой газеты» не осуществился (см. п. 74, прим. 5).

¹¹ Речь идет о комедии известного очеркиста, путешественника и дипломата Александра Семеновича *Ионина* (1837–1900) «Цветок папоротника».

¹² 4 мая Страхов писал Толстому: «Можно порадоваться, что не делается никаких резких перемен, и что ярость преобразования России находит некую остановку и несколько утихает» (ТС. Т. II. С. 603).

¹³ В п. 64 Страхов упрекнул Фета в том, что в переводе «Фауста» очень многие стихи «не то что дурны, а ничего не значат». Здесь он поясняет свою мысль на примере начальных строк монолога архангела Рафаила в их второй редакции (см. п. 61, прим. 4), доказывая неправомерность употребления в данном контексте глагола «нести». Как видно из л. 66 (прим. 2), в несохранившемся письме Фет исправил эти строки.

¹⁴ Пушкин А.С. Евгений Онегин. Гл. 5, II.

¹⁵ Приведенные строки — продолжение монолога архангела Рафаила. Поскольку Фет переделал две начальные его строки (см. выше прим. 13), ему пришлось изменить и эти строки, по мнению Страхова, удачные (см. п. 66, прим. 2).

¹⁶ Рукопись, которая находилась у В.С. Соловьева, — перевод «Фауста». Соловьев взял ее у Страхова, чтобы отдать в переписку и иметь свой текст для редактирования (см. п. 63, прим. 4, 5 и 7).

¹⁷ Страхов заподозрил Соловьева в желании искусственно навлечь на себя правительственные преследования (см. прим. 2 к наст. письму) и тем самым обратить на себя всеобщее внимание.

¹⁸ См. письмо 62.

¹⁹ О предстоящем путешествии Страхова см. п. 68 (прим. 1) и 69 (прим. 1).

²⁰ Софья Андреевна Толстая, вдова А.К. Толстого, приезжала в Воробьевку со своей племянницей С.П. Хитрово в июне 1881 г., однако они не застали хозяина дома и уехали. Это послужило поводом к написанию стихотворения «Я опоздал — и как жалею...» (ВО 1; под заглавием «С.П.Х-о»). Автограф его был послан С.А. Толстой в письме от 10 июня (без года, опубл.: ВЕ. 1908. № 1. С. 222), которое Б.Я. Бухштаб предположительно датировал 1882 годом (ВО 1979. С. 682). Посылая эти стихи, Фет писал: «Моего сожаления о том, что не застал ни вас, ни прелестной С.П. в Воробьевке, описывать нельзя, его надо петь, что я и делаю». Письмо Страхова позволяет отнести к 10 июня 1881 г. визит С.А. Толстой и Хитрово в Воробьевку, а также стихотворение Фета и его письмо.

66. СТРАХОВ — ФЕТУ

<Апрель, конец — май, до 4. 1881. С.-Петербург>

Наконец-то, дорогой Афанасий Афанасьевич, обнаружилось все Ваше коварство. Если бы я не знал, как Вы умны, добры, прямы, я бы мог рассердиться на увлечения Вашей фантазии¹. Ведь как Вы пишете? «Вызванный Вами, притащился зимой в Питер, — думая в 2 или 3 [часа] получить Ваши отметки и исправить». Но за какого же пустоголового человека Вы меня принимаете и выдаете, утверждая, что я Вас *вызвал*! На деле же было так, что Вы тщательно умалчивали о цели Вашего приезда в Петербург, умалчивали для того, чтобы я Вам не написал: не ездите. Но Вы, по Вашему обычаю, торопились, употребили маленькую хитрость, хотели взять работу приступом, — а теперь оказалось, что во всем этом виноваты не Вы, а я! Это я торопился, я Вас вызывал и пр.!

Затем, покорно Вас благодарю за все упреки моей лени и неспособности к труду. Теперь, когда мне вторую неделю нездоровится, я еще глубже сознаю свою копотливость и косность, и очень понимаю, как они должны раздражать такого лопатного человека, как Вы.

Но к делу. Стих

Свой голос в хор миров неся²

в тысячу раз лучше прежнего, и если вам *ничего не стоит*, как Вы пишете, делать такие замены, то удивляюсь, отчего Вы так неприветливо встречаете мои замечания. Право, у меня пропадает охота их делать.

Этот стих все-таки не идет (по искусственности своего оборота) и в сравнение с великолепным

In Brudersphären Weltgesang.

Вы неправильно говорите, что *tönt* у Гёте стало действительным, даже если предположить тут винительный падеж; действительный глагол требует прямо винительного падежа, без предлога *in*.

Я ликую надавать тебе пощечин

не потеряло бы приписываемого Вами смысла, если бы вместо *я ликую* пробормотать что-нибудь совершенно непонятное.

Лихорадка так бьет, что нет мочи больше писать. Душевно желаю Вам никогда не испытывать ни этой гадости, ни какой другой.

Мое почтение Марье Петровне и Александру Ивановичу.

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

P.S. Все хотелось шутить; но как раз стало не до шуток.

Письмо без даты. Ответ на несохранившееся письмо Фета. Датируется по содержанию (см. прим. 1).

¹ 4 мая Страхов жаловался Толстому: «С Фетом мы чуть ли не поссоримся из-за "Фауста", он прислал мне письмо с упреками прямыми, косвенными, скрытыми, вовсе непонятными и всякими, какие только возможно. Если бы я не знал его доброты и прямоты, меня бы огорчила эта игра фантазии. Но видно, что "Фаусту" неудача: если он упрямится и не хочет поправлять, то какая охота браться за работу, за которую я без того не взялся бы» (ТС. Т. II. С. 604).

² Эта строка, в третий раз исправленная Фетом (ср. п. 65, прим. 13), вошла в печатный текст перевода (*Фауст. Ч. I. Пер. Фета. 1882. С. 25*).

67. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 26 мая 1881 г.

Сегодня я должен считать себя совершенно здоровым, дорогой Афанасий Афанасьевич, потому что не чувствую уже никаких признаков болезни, а только одну слабость. Сегодня же и у нас началась весна, даже был гром; и на улицах водворилась поганая петербургская духота. Вот Вам главные новости. Слава Богу, других нет; несмотря на продолжающиеся перемены высоких лиц¹, стоит тишина. Петербург уже почти разбежался: улицы опустели; мало того — продаются дома и покидаются квартиры, — заметно некоторое выселение.

Живу я в совершенном уединении и думал очень этим воспользоваться, чтобы кончить разные работы; но чуть ли не ошибусь: типография тянет, по всегдашнему обыкновению типографий, да и самому пришлось тянуть вследствие болезни. — Во всяком случае, дело решено — я выеду только в начале августа; пробуду у Вас только день или два и уеду на юг, к Данилевскому и дальше². Может быть, глупо распоряжаюсь, но так я забрал себе в голову, и разве в следующем году поживу в Вашем флигеле³. Лев Николаевич давно мне ничего не пишет и, кажется, недо-

лен моими статьями в «Руси»⁴. — Слышал я, что он собирается на кумыс⁵. И у него пробуду дни два или три⁶.

Пишу Вам все про себя, как будто я очень интересная особа, и мои планы для Вас важны. А скажу Вам просто: мне скучно бездельничать, и хоть живу здесь не без тоски, но не хочу отрываться от дела, хотя бы и не особенно важного. Все-таки на душе будет спокойнее.

О Соловьеве ни слуху ни духу; увез Вашу рукопись и пропал. Его адрес: Брянск, Красный Рог, у гр. С.А.Толстой⁷. Попробую ему написать. Очень желаю, чтобы Толстая собралась к Вам — авось приедет вместе с ним⁸.

Пока простите. Усердно прошу, не меняйте Вашего доброго расположения ко мне, и верьте, что я Вам душевно благодарен за него и люблю Вас нелицемерно.

Ваш Н.Страхов

1881. 26 мая. СПб.

Р.С. Марье Петровне искреннее почтение, и Александру Ивановичу.

¹ Страхов имеет в виду прежде всего отставку министра внутренних дел гр. М.Т.Лорис-Меликова (1825–1888), последовавшую 4 мая 1881 г. (одновременно с ним в отставку подали А.А.Абаза и Д.А.Милютин). На его место был ненадолго назначен гр. Н.П.Игнатьев (30 мая его сменил гр. Д.А.Толстой). Значительные перемены происходили в правительственном аппарате, в министерстве народного просвещения, были произведены замены военных генерал-губернаторов и т.д. Весной 1881 г. под покровительством вел. кн. Владимира Александровича была создана тайная организация «Священная дружина», ставившая целью охрану царя и борьбу с революционным движением.

² О предстоящей поездке Страхова см. п. 69, прим. 1.

³ По-видимому, в недошедшем письме Фет приглашал Страхова погостить летом в Воробьевке и сообщал, что для него заново отделан флигель в парке.

⁴ Цикл статей Страхова «Письма о нигилизме» печатался в газ. И.С.Аксакова «Русь» (1881. Апрель–май. № 23, 24, 26, 27). <4...5> мая Толстой писал Страхову: «Мне не понравилась ни первая, ни вторая статья. Как и почему, — поговорим, когда увидимся» (ТС. Т. II. С. 602). В ответном письме Страхов пытался объяснить причины, побудившие его к написанию этих статей (Там же. С. 607). Суть разногласий между Толстым и Страховым, возникшая при обсуждении «Писем о нигилизме», была весьма существенной. В своей оценке «нигилизма», понимаемого обоими как синоним революционности, Толстой рассматривал его борьбу с правительством как противоборство «двух начал», предлагая определить, какое из них (правительство или революционеры) более отклоняется «от добра и истины». По поводу апелляции Страхова к понятию «народ» Толстой замечал, что это слово стало для него «так же отвратительно, как слова: — церковь, культура, прогресс и т.п.» (Там же. С. 609) и подверг жесточайшей критике основные категории, к которым апеллировали охранительные круги (самодержавие, православие, народность). При этом в оценке террористов-революционеров Толстой готов был признать их «единственно верующими и жертвующими жизнью плотской ради небесного, т.е. бесконечною» (Там же. С. 610). Из письма Страхова к Толстому от 12–13 июня 1881 г. следует, что Толстой читал Фету третье письмо из «Писем о нигилизме». Спор с Толстым возобновился в более резкой форме по поводу книги Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе», вышедшей в 1882 г. См. п. 74, прим. 2.

⁵ 13 июня 1881 г. Толстой уехал в свое Самарское имение, откуда возвратился 17 августа (Толстая и Страхов. С. 160–161).

⁶ См. п. 68, прим. 1.

⁷ 18 августа 1881 г. В.С.Соловьев сообщал Фету о высылке рукописи перевода «Фауста» и извинялся за задержку с редактированием ее (Письма Соловьева. Т. III. С. 108). См. также п. 65, прим. 16.

⁸ См. п. 65, прим. 20.

68. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 9 июля 1881 г.

Очень благодарю Вас, дорогой Афанасий Афанасьевич, за комплименты, хотя они у Вас всегда бывают *cum grano salis*¹: то я оказываюсь больным, то жалко беспомощным. Впрочем, я нынче очень расположен сам бранить себя — так глупо вышло мое лето. Я перемудрил, хотел насильно работать и только измучился в потугах и проскучал; от скуки и к Вам писать не мог, за что усердно прошу извинения. Теперь я немножко оживился и готовлюсь к своей поездке. 31 июля я, верно, тронусь и 1-го августа буду в Ясной; а там 4-го или 5-го у Вас; потом покачу в Крым, в Константинополь и Афины¹. Этим, я думаю, закончатся мои странствия, и затем останется мне спасать душу и готовиться к смерти.

То возражение против Толстого, которое Вы делаете, самое логичное из всех, и я не раз на нем останавливался². Но, кажется, оно просто разрешается: *делать добро* значит делать *добрые* действия (субъективно), а вовсе не *полезные* действия (объективно). Большая часть [этих] добрых действий состоит только в устранении зла, страданий, и вызываются состраданием. Но, я думаю, человек, не имеющий ни копейки, может делать множество добра, а богач, не имеющий сердца, ничего не сделает, если и раздаст все свое имение. Имущество — это мы сами, и как нужно отказываться от своего эгоизма, так нужно отказываться в каждом случае и от имущества. Когда мы увидимся с Вами, то, вероятно, поведем опять большие разговоры на эту тему³.

От Толстого давно я ничего не получаю; слышал от приезжих, что он ходил пешком в лаптях в Оптину Пустынь⁴. Как я люблю его и как мне жутко видеть то нравственное напряжение, в котором он живет! Но без этого он не был бы ни так высок, ни так дорог всем, кто его знает.

Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира
И мир был создан не для них⁵.

Пока простите, дорогой Афанасий Афанасьевич. Черкните мне словечко о том, как все идет у Вас и не сердитесь ли Вы на меня за все мои провинности. Марье Петровне и Александру Ивановичу мое почтение.

Вам душевно преданный

Н.Страхов

1881. 9 июля. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Страхов выехал из Петербурга 29 июля 1881 г. и 30-го прибыл в Ясную Поляну, но не застал там Толстого (см. п. 67, прим. 5). 2 августа он отправился из Ясной Поляны в Воробьевку, откуда 7 августа уехал в Мшатку — Крымское имение своего друга Н.Я.Данилевского (*Толстая и Страхов*. С. 163–164). О дальнейшем его путешествии см. п. 69, прим. 1.

² В не дошедшем до нас письме Фет, очевидно, повторял свои упреки Толстому в непоследовательности его учения и в относительности употребляемого им понятия добрых дел, поскольку таковые «добрые дела» способны приносить вред близким (в частности, семье, которая оставалась в представлении Фета одной из важнейших основ общественного устройства).

³ «Большие разговоры» по поводу толстовской теории «добрых дел», которые вел в Воробьевке Страхов, не встретили отклика со стороны Фета: «Афанасий Афанасьевич — такой же и то же и так же говорит», — писал Страхов С.А.Толстой 6 августа (*Толстая и Страхов*. С. 163). Однако, наблюдая жизнь Воробьевки, Страхов убедился, что в своей практической деятельности Фет фактически осуществляет на деле идеи «добрых дел», хотя вовсе не ставит себе

¹ с долей иронии (лат.; букв.: с крупинкой соли).

подобной цели: «...он здесь очень любим, уважаем и делает много добра соседним крестьянам» (Там же).

⁴ 10 июня 1881 г. Толстой отправился пешком в Оптину пустынь в сопровождении своего слуги С.П.Арбузова и учителя яснополянской школы Д.Ф.Виноградова. В Оптиной Толстой, несмотря на простое крестьянское одеяние, был узан, переведен в первоклассную гостиницу и принят архимандритом и старцем Амвросием, уговаривавшим его покаяться в антицерковности своего нынешнего направления. Толстой вступил в прения со старцем и вообще, как писал Бирюков, «от этого посещения пустыни <...> вынес более отрицательных впечатлений, чем в первый раз» (Бирюков. Кн. 2. С. 183; рассказ Арбузова об этом посещении, записанный, по мнению Бирюкова, «с достаточной <...> достоверностью и с наивным юмором», см. там же. С. 182–183).

⁵ Цитата из поэмы М.Ю.Лермонтова «Демон».

69. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 19 октября 1881 г.

Бесконечно виноват перед Вами, дорогой Афанасий Афанасьевич. Следовало бы писать к Вам еще из Константинополя или с Афона — но там стояла такая жара, а потом в Салониках настали такие холода, что я маялся все время своей поездки и ни разу не испытал той *прохлады*, на которую рассчитывал. Тем не менее я остался очень доволен, так любопытно было все, что я видел ¹.

23 сентября в сильный холод я приплыл, наконец, в Одессу; вечером сел в вагон и, прокатившись ночью мимо Будановки, был 25-го в Москве. Тут, после сорокадневного странствия по морям, меня одолела сладкая лень, потом я раскис, кислый приехал в Петербург и наконец-то оправляюсь. В Москве я нашел Л.Н.Толстого со всею семьею. Он в очень дурном настроении, хворает, тоскует, и ужасно мне стало его жаль ². А все у него благополучно; графиня была в последней степени беременности и теперь уже, конечно, разрешилась ³. Тут был и Вл.Соловьев, и мы пофилософствовали и поспорили.

Воспоминания поездки не стану Вам рассказывать: скажу только одно: когда из Турции я вдруг очутился в Москве, то меня очень поразила — во-первых, красота Москвы, а во-вторых, характер удивительного народа, который в ней живет. Жизни в этом народе — страх сколько; но, вглядываясь в эти лица, я видел какой-то хаос, какую-то зыбь, что-то неустановившееся и не созревшее, а порывающееся и на все готовое. Что будет из этих людей? Кто их знает! Может быть, ничего. Но это и противно и вместе очень привлекательно. Тут тысячи будущих. А у Турции, конечно, ни одной. Это не больной человек ⁴, а умирающий богач, вокруг которого полно чужих людей, здоровых и жадных.

Прошу Вас, дорогой Афанасий Афанасьевич, простите мне все мои вины; не забудьте только моего душевного расположения и смирения, которому я еще больше научился на Афоне. К Толстому я тоже не писал до сих пор и не знаю, что там. Предполагаю, что мы увидимся на праздниках, и от души желаю, чтобы все осталось по-прежнему, в том числе, чтобы Вы были здоровы и благополучны.

Марье Петровне и Александру Ивановичу мое почтение. Да — и Петру Ивановичу ⁵!

Ваш искренний

Н.Страхов

1881. 19 окт<ября>. СПб.

¹ 27 августа 1881 г. Страхов писал из Константинополя Н.Я.Данилевскому, что ходит «по турецким мечетям, харчевням и кофейням», посетил Софийский собор и др. достопримечательности и 28 августа выезжает на Афон (РВ. 1901. № 2. С. 453). По приезде в Петербург он писал ему же: «Посещение Афона потребовало почти четырех недель...» (Там же. С. 454). «Воспоминания о поездке на Афон (1881)» опубли.: РВ. 1889. № 10; затем: Страхов Н. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892.

² Толстой переехал в Москву вопреки своему желанию жить в Ясной Поляне. «Прошел месяц. Самый мучительный в моей жизни. Переезд в Москву», — записал он в своем дневнике 5 октября 1881 г. 14 октября того же года С.А.Толстая писала сестре: «...Первые две недели я ежедневно плакала, потому что Левочка впал не только в уныние, но даже в какую-то отчаянную апатию. Он не спал и не ел, сам à la lettre ^{1*} плакал иногда, и я думала просто, что я с ума сойду» (Бирюков. Кн. 2. С. 189).

³ Вскоре у Толстых родился сын Алексей (1881–1886).

⁴ «Больным человеком» аллегорически называла Турцию европейская пресса во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

⁵ Племянник Фета П.И.Борисов.

70. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 20 декабря 1881

Мне очень нездоровится, дорогой Афанасий Афанасьевич, и если мышьяк не поможет (меня кормят мышьяком), то не знаю, как устроится моя поездка в Москву, о которой я так мечтал все эти месяцы. Ваши поручения постараюсь исполнить в точности; у меня есть Ваши деньги — за Шопенгауэра — рублей до восьмидесяти; надеюсь, что привезу Вам все, что останется и наберется. Соловьев, по своей всегдашней неопытности, не знает, что жалованье перед Рождеством выдается 15-го числа (я, однако, еще его не брал); да и Вы забываете, что 24-го декабря я все еще должен быть в библиотеке и выдавать книги. В этот день вечером я и думал и даже до сих пор думаю выехать ¹.

Сейчас получил известие, что умер В.В.Григорьев ². Ужасно жаль! Это часть моей жизни, ушедшая навсегда (то есть на несколько лет?). Он любил меня больше, чем я того стоил, и я любил его настоящий характер, который был гораздо лучше того, какой он себе строил и каким многих вооружал против себя.

Лев Николаевич, верно, не в духе, и у меня сердце сжимается, как вспомню об нем ³; во что бы ни стало — поеду в Москву.

Простите. Вашим всем усердные поклоны.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

1881. 20 дек<абр>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Очевидно, Фет в не дошедших до нас письмах приглашал Страхова и Соловьева в Москву на Рождество. Об этой поездке см. п. 72.

² После смерти В.В.Григорьева, б. начальника Гл. управления по делам печати, Страхов писал Н.Я.Данилевскому: «осталось большое пустое место в жизни тех, кто знал его» (РВ 1901 № 2. С. 455).

³ См. п. 69, прим. 2.

71. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 21 декабря 1881 г.

Сегодня, дорогой Афанасий Афанасьевич, я истратил *девять* рублей на объявления в «Новом времени» ¹. Я просто объявил — *новая книга*, склад там-то. А Вы, 24-го числа, сейчас же пошлите сотню экземпляров в магазин «Нового времени» у Вас на Никольской; магазин тотчас же перешлет в Петербург. Пришлите также несколько сотен мне в Библиотеку (через Российское Общество транспор-

^{1*} буквально (франц.).

тирования кладей — можете обратиться по городской почте).

А мне все нездоровится; завтра нужно хоронить Григорьева². Всеми силами постараюсь не разболеться, чтобы поскорее повидать Вас.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

1881. 21 дек<абря>. СПб.

¹ Страхов дал объявление о выходе в свет книги: Фауст. Трагедия Гёте. Часть первая. Пер. А.Фета. М., 1882.

² См. п. 70, прим. 2.

Подписка на журнал
„Женское Образование“,
 см. въ объявленіяхъ.
„Родная Старина“, И. И. В. См. въ
 объявленіяхъ.
 А. 37839 2—3
Новая книга,
«ФАУСТЪ», трагедія Гете, переводъ Фета.
 Цена 1 р.
 Складъ: Москва, Плющиха, д. № 481, спр-
 сить Туглева, А. 38813 3—1

ОТДЕЛ ОБЪЯВЛЕНИЙ ГАЗЕТЫ «НОВОЕ ВРЕМЯ»

25 декабря 1881 г.

Фрагмент

72. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 16 января 1882 г.

Конечно, дорогой Афанасий Афанасьевич, я явился к Вам в Москву не в большом авантаже: больной и с тоскливым настроением; но теперь я уже знаю, что за это мне не следует бояться Ваших энергических выражений. Гораздо больше я виноват, что до сих пор не писал Вам, а еще больше, что не сделал никаких попыток против того маленького раздражения, которое завелось между Вами и Толстым¹. Я должен бы был передать Вам, с каким уважением он об Вас говорит и как сам сердится на себя за горячность в разговоре. Наконец-то я отдумался и вот пишу Вам (ругайте меня, пожалуйста!). Всю дорогу и до сих пор у меня оставалось чувство чего-то неладного, когда я думал о моей побывке в Москве. Это неладное — то, что мои чудесные знакомые, Толстой и Фет — разладили. Признаюсь, я их обоих считаю не совсем правыми, и несколько более неправым считаю Вас. Почему? не по Вашим мнениям, а потому, что у вас не столько терпимости, как у Толстого. Что же делать, дорогой Афанасий Афанасьевич, — невозможно сейчас переделать человека и внушить ему свои мнения; приходится терпеть в людях многое, ради других хороших качеств. Я, должно быть, так и рожден терпимым; для меня самое дикое мнение, если оно высказывается без вражды, прежде всего — любопытно, и я всегда стараюсь поставить себя на точку зрения собеседника и понять хорошенько, что он думает. Лев Николаевич для меня неисчерпаемая пища любопытства. Он всегда горяч, односторонен, но он в высшей степени искренен и прям; какие бы несообразности он ни говорил, я всегда заранее уверен, что в них есть зерно живой мысли, и потому я слушаю его просто с восхищением. Разумеется, я Вам не пример, и Вы имеете больше прав быть требовательным; но однако же! — такой чудный человек, так искренно Вас уважающий, всегда готовый первый на уступку — ужели и с ним нельзя ладить? Все это пишу вам отчасти и для объяснения моего собственного поведения; чтобы Вы не думали, что я перешел на противную сторону, утратил хотя частицу моего душевного расположения к Вам. Нет, Толстой не мешает мне нисколько любить по-прежнему Афанасия Афанасьевича.

Теперь новости и отчеты. Я разослал по магазинам «Фауста» — брали очень охотно². Собрал Вам еще рублей сорок денег³. Кончил печатание [одн<ой>] своей книги⁴. Выслушал новую поэму Случевского⁵. Видался с приятелями, Аверкиевым⁶, женой Боборыкина⁷, вдовой Ильина⁸, Голохвастовым⁹ и пр. Графини Толстой¹⁰ до сих пор не навестил. Читал начало новой поэмы Голенищева-Кутузова¹¹. Сары Бернар и Стрепетовой не видал¹². Обедом, вечерам и разговорам нет конца, и я, по правде, не очень виноват, что до сих пор не поблагодарил Вас за гостепри-

имство. К Толстому я все еще собираюсь писать, и именно^{1*} об искусстве¹³. Он доказывает своими речами, что творчество совершается бессознательно; а иначе как же он пришел в недоумение о деле, которое сам же делает?

Мое усердное почтение Марье Петровне, Терезе Ивановне и Александру Ивановичу.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

16 янв<аря>. 1882. СПб.

¹ «Маленьким раздражением» Страхов называет полное неприятие Фетом нового поворота в нравственно-религиозных поисках Толстого, его постоянные и безуспешные попытки вернуть писателя в лоно искусства (см., напр., *Толстой. Переписка*. Т. 2. С. 97–112 и наст. кн.: *Неизданные письма к Толстому*, п. 51). Несмотря на продолжение отношений с Толстым, их споры не утихали, и нередко Фет пытался воздействовать на Толстого косвенно — через Страхова.

² См. п. 71, прим. 1.

³ Деньги поступали за продажу книги: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление (пер. Фета), распространением которой Страхов занимался в Петербурге (см. п. 62 и 71).

⁴ Речь идет о книге: Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Кн. 1. СПб., 1882.

⁵ Очевидно, имеется в виду поэма К.К.Случевского «Без имени» (1881).

⁶ Об отношении Страхова к Д.В.Аверкиеву см. п. 11, прим. 2.

⁷ Софья Александровна *Боборыкина* (урожд. Зборжевская; 1845–1925) — жена изв. беллетриста П.Д.Боборыкина. Была актрисой; после замужества (1872) оставила сцену и посвятила себя литературе. Переводчица, автор мемуаров, этнографических очерков и др. произведений, была в дружеских отношениях и состояла в переписке с выдающимися деятелями русской и европейской культуры.

⁸ Лицо неустановленное.

⁹ О П.Д.Голохвастове см. п. 11, прим. 8.

¹⁰ Имеется в виду С.А.Толстая, вдова А.К.Толстого.

¹¹ Вероятно, речь идет о поэме Арсения Аркадьевича *Голенищева-Кутузова* (1848–1913) «Дед простил. Семейное предание» (окончена 14 октября 1881 г.). Впоследствии, 13 августа 1889 г. Страхов писал Толстому: «Голенищев-Кутузов, по-моему, есть настоящее сокровище — умный, добрый, скромный, истинный аристократ по простоте и изяществу, хотя фигура его простонародно-грубоватая. В Петербурге я никого так не люблю, как его. Он женат, имеет дочь лет десяти, пишет хорошие стихи, любит деревню, но не имеет состояния и потому служит в Банке» (ТС. Т. II. С. 798).

¹² С ноября 1881 года знаменитая франц. актриса Сара *Бернар* (1844–1923) несколько месяцев с огромным успехом гастролировала в Киеве, Москве и Петербурге. Пелагея Антильевна *Стрепетова* (1850–1903) с 1881 г. была принята в труппу Александринского театра. Сыграла много ролей в пьесах А.Н.Островского.

¹³ См. письмо Страхова Толстому от 6 февраля 1882 г. (ТС. Т. II. С. 627).

73. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 21 февраля 1882 г.

Посылаю Вам свою книжку¹, дорогой Афанасий Афанасьевич, и очень прошу внимания и снисхождения. История с этой книгой так меня занимала, что не успел до сих пор написать Вам. Цензура ее арестовала и употребляла усилия ее истребить; но, благодаря Н.П.Игнатьеву, выпустила из своих когтей². Очень меня огорчило подобное неразумие; зато имел случай видиться с Игнатьевым, и был совершенно очарован его умом и добротой. Если при этом да он еще славный дипломат и государственный человек, то это истинное сокровище. А в его патриотизме никто и сомневаться не станет.

^{1*} и именно — вписано над строкой.

Хотел и я повести речь о Л.Н.Толстом, но, кажется, лучше будет помолчать³. Скажите, не великая ли беда, что между им и Вами, между Вами и мною возникают такие неудовольствия? Что нам делать? И кому же быть дружными, как не нам? Когда-нибудь увидимся и поговоримте серьезно на эту тему. Я очень обижался на Вас за то, что Вы не верили моему расположению, и очень огорчился, что Вы так огорчились⁴. Но, повторяю, лучше оставим до личного свидания.

Петербургская кутерьма очень тормозит меня, но все-таки мне удастся уединиться и читать. Затеваается новый журнал⁵, но прежде чем придумали ему название и успели напечатать хоть одну строчку, между сотрудниками уже начались ссоры. Если дело удастся, будет хорошее, в прекрасном духе, с тонким вкусом. Открылось, что тут множество народа страстно занимаются литературой; есть несколько кружков, собирающихся, чтобы *читать стихи* — могли ли Вы это предполагать в наше время?

Простите меня — прошу Вас нелицемерно. Усердное почтение Марье Петровне, Терезе Ивановне, Александру Ивановичу.

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

1882. 21 февр<аля>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ См. об этой «книжке» п. 72, прим. 4.

² О цензурных затруднениях, связанных с упомянутой книгой, Страхов сообщал также Толстому (ТС Т. II. С. 626) и Н.Я.Данилевскому (РВ. 1901. № 2. С. 455; цит.: ТС Т. II. С. 628). Гр. Николай Павлович *Игнатьев* (1832–1908) — изв. дипломат, в мае 1881 г. был назначен министром внутренних дел вместо гр. М.Т.Лорис-Меликова.

³ См. п. 72, прим. 1.

⁴ 6 февраля 1882 г. Страхов писал Толстому: «Фет написал мне два сердитых письма, которые очень меня огорчили. Жалуюсь на то, что я его *презираю* и не хочу разделять его общества. Это за то, что я у него остановился! И грустно мне, и жалко его» (ТС Т. II. С. 626).

⁵ 7 февраля, за две недели до настоящего письма, Страхов сообщал Н.Я.Данилевскому об этом замысле, возлагая на будущий журнал самые радужные надежды (РВ. 1901. № 2. С. 455–456). Замысел этого издания не был осуществлен.

74. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 21 апреля 1882 г.

Мне скучно без Ваших писем, дорогой Афанасий Афанасьевич. Не хочу думать, что с Вами случилась или делается какая-нибудь беда; предполагаю одно — может быть, до Вас не дошло мое последнее письмо с выражениями моей благодарности¹. Дайте хоть маленькую весточку. Сам я после своей болезни все не могу хорошенько поправиться и кое-как тяну время. Дела и разговоры, какие вижу и слышу, очень меня печалят; не слышно веяния нового духа, а общество отвратительно по своему равнодушию и злорадству.

Впрочем, жизнь моя так однообразна, что новостей Вам не могу поднести, особенно при такой дурной голове, как теперь. Книга моя пошла превосходно², и даже я дождался печатных похвал не от одного Аксакова³. За Ваши книги, преимущественно за «Фауста», завтра внесу Боткиным 30 рублей⁴.

Простите мне краткость этого письма. Марье Петровне и сущим с Вами⁵ — усердно кланяюсь. Сейчас ушел от меня Майков и просил передать Вам поклон.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

1882. 21 апр<еля>. СПб.

¹ Это письмо Страхова, судя по всему, не сохранилось.

² О сборнике своих статей «Борьба с Западом в нашей литературе <...>» (см. о нем п. 72, прим. 4) Страхов писал Толстому 9 марта 1882 г.: «Книжка моя быстро расходуется. Это первая моя книга, имеющая успех» (ТС. Т. II. С. 632). «Борьба с Западом <...>» послужила поводом к возобновлению полемики между Толстым и Страховым, возникшей в 1881 г. в связи с «Письмами о нигилизме». Тогда Толстой отмечал ошибку Страхова, который обращал свое негодование на последствия явлений жизни, игнорируя эти явления по существу. Новая фаза этой полемики отразилась в письмах, которыми обменялись Толстой и Страхов в марте-апреле 1882 г. (ТС. Т. II. С. 629–636). На этот раз Толстой не смягчает свои формулировки: «Каким образом я оказался с вами вместе, не могу понять. Вы находите безобразие и я нахожу. Но вы находите его в том, что люди отрицают безобразие, а я в том, что есть безобразие. <...> Вы отрицаете то, что живёт, а я отрицаю то, что мешает жить <...>». Я отрицаю то, что противно смыслу жизни, открытому нам Христом, и этим занимается все человечество. До сих пор ужасилось безобразие рабства, неравенства людей и человечество освободилось от него, и теперь уясняется безобразие государственности, войн, судов, собственности, и человечество все работает, чтобы сознать и освободиться от этих обманов. Все это очень просто и ясно для того, кто усвоил себе истинны учения Христа; но очень неясно для того, для кого международное, государственное и гражданское право суть святые истины, а ученье Христа хорошие слова» (Там же. С. 634). В этом письме содержатся основные тезисы спора не только со Страховым, но и с Фетом, раньше других усмотревшим в новом учении Толстого черты, сближающие его с крайними выводами нигилистов и анархистов.

³ В передовице «Руси» И.С.Аксаков назвал книгу Страхова «прекрасной» (Русь. 1882. № 11. 13 марта. С. 2). 29 марта 1882 г. Страхов благодарил Н.Я.Данилевского за отзыв (нами не опубликованный) (РВ. 1901. № 2. С. 456).

⁴ Деньги, полученные за продажу книг Фета, Страхов переводил ему через контору Боткиных.

⁵ Подразумеваются жившие в Воробьевке управляющий Фета А.И.Иост и его мать Тереза Ивановна. П.И.Борисов был в это время за границей — слушал лекции в Йенском университете (МВ 2. С. 390).

75. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 13 мая 1882 г.

Надеюсь, дорогой Афанасий Афанасьевич, что я окажусь исправнее Соловьева, т.е. что он до сих пор не прислал Вам адреса¹. Не писал я Вам потому, что все нездоровилось, да нездоровится и теперь. Но вчера, наконец, решен срок моего отъезда, и вообще определилось, как я проведу лето. Выеду я 15 июня и, вероятно, дней через пять буду у Вас, в истинно-великолепной Воробьевке². Но чтобы не мыкаться и воспользоваться морским купаньем, я скоро от Вас поеду в Крым к Николаю Яковлевичу Данилевскому. Есть там и литературное дело³. Долго я носился с мыслью — поехать за границу и послушаться там музыки Вагнера⁴. Но болезнь отняла у меня всякую энергию; мне хочется одного — отдохнуть и отдохнуть. Простите, если у меня не хватает и малой доли той живости, которой у Вас так много.

Жду себе великого удовольствия от второй части «Фауста» и от предисловия к ней. Кто, кроме Вас, может понять всякие поэтические и всякие философские вольности⁵. Что до Л.Н.Толстого, то постараюсь хорошенько поговорить с этим бесценным человеком, и потом будем вместе с Вами разбирать⁶. — Но лучше отложить до личного свидания.

Еще раз, простите меня. Кислятина во всех отношениях!

Марье Петровне усердное почтение. А что Петр Иванович?? Александру Ивановичу, Терезе Ивановне мое почтение.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

1882. 13 мая. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ 21 января 1882 г. В.С.Соловьев начал читать в С.-Петербургском ун-те курс лекций по философии истории (одновременно он читал лекции на Высших женских курсах). В марте он

«вдруг все бросил и уехал из Петербурга, почему? — не мог дознаться», — писал Страхов Толстому 31 марта (ТС. Т. II. С. 632).

² В конце июня 1882 г. Страхов, направляясь в Крым (см. ниже, прим. 3), заехал в Ясную Поляну (см. п. 76, прим. 2), а затем в Воробьевку.

³ Страхов гостил у Н.Я. Данилевского в его крымском имении Мшатка, по-видимому, с конца июня до начала августа 1882 г. (см. его письмо к Данилевскому от 12 мая 1882 г. // *РВ*. 1901. № 2. С. 458). Возможно, что «литературным делом» Страхов называет обсуждение с Данилевским первого тома капитального труда «Дарвинизм. Критическое исследование», над которым в это время работал Данилевский (1-е изд. СПб., 1885). О Данилевском и его трудах см. п. 77, прим. 2.

⁴ Этот план Страхов реализовал летом 1884 г. (см. п. 105–106).

⁵ Очевидно, к лету 1882 г. Фет планировал завершить работу над переводом 2-й части «Фауста» с предисловием и комментариями к нему, в которых поэт высказал не только свое отношение к трагедии Гете, но и основы собственной эстетики (см.: А.А. Фет. Предисл. и коммент. ко II части «Фауста» Гете. Публ. Н.П. Генераловой // 175 лет со дня рождения А.А. Фета: Сб. научных трудов. Курск. 1996. С. 50–151).

⁶ По-видимому, Страхов намеревался говорить с Толстым о своих разногласиях с ним по поводу «Писем о нигилизме» (см. о них п. 68, прим. 4) и книги «Борьба с Западом <...>» (см. п. 74, прим. 2).

⁷ См. п. 74, прим. 5.

76. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 5 июня 1882 г.

Душевно благодарю Вас, дорогой Афанасий Афанасьевич, за Ваши милые письма. В Вас жизни, вероятно, в сто раз больше, чем во мне, и Ваши рассуждения, Ваши сердитые похвалы и ласковые упрёки очень меня оживляют. Вы всё возвращаетесь к одному предмету, и я собираюсь в Воробьевку на досуге побеседовать об нем¹. Жаль — я становлюсь все менее и менее речистым, а охота у меня большая. Очень желаю, чтобы удачно было предстоящее посещение Ясной Поляны — там тоже очень бы хотелось поговорить². А если еще застану у Вас Соловьева — то вышел бы полный букет³. В какое странное время мы живем; коренные, существенные вопросы подняты и мыслью и жизнью; не оказывается ничего твердого под ногами, все нужно снова перевертеть и установить.

Мне все кажется это предвестием великих бедствий; мы еще живем и авось умрем среди положения дел не такого страшного, какое будет потом.

Здоровье мое поправилось, но чувствую себя неспособным к работе, и очень тянет меня прогулка. От души желаю застать Вас в здравьи и благополучии. О Ваших опасениях насчет голода здесь вовсе не слышать, хотя недавно один сведущий человек и намекал, что что-то неладно. Состояние умов вообще не отрадное. Все чего-то ждут и толкуют большею частью ужасный вздор. Одному я дивлюсь, почему так мало боятся и не становятся серьезнее.

Простите меня, не поминайте лихом; перед отъездом еще напишу Вам. Марье Петровне, Терезе Ивановне, Александру Ивановичу — мое почтение. А что Петр Иванович⁴?

Ваш душевно

Н.Страхов

1882 5 июня. СПб.

Ответ на несохранившиеся письма Фета.

¹ Этим «предметом» был, очевидно, Лев Толстой.

² Беседы в Ясной Поляне, куда Страхов вскоре приехал, не оправдали его надежд. Через год, 5 июня 1883 г., он писал Толстому, вспоминая об этой встрече с ним: «Когда я уезжал от вас в Крым, я часто припоминал Ваши выражения о том, что "кто не со мною, тот против меня" <...> Ну, что же делать! Я ведь потому держусь своих мыслей, что не могу иначе, и не лукавлю перед

собою. Но пусть он отвергает меня, я останусь ему верен» (ТС. Т. II. С. 642). На обратном пути из Крыма Страхов снова заезжал в Ясную Поляну, однако не застал Толстого (см. п. 77, прим. 3).

³ Приезжал ли летом 1882 г. В.С.Соловьев в Воробьевку, установить не удалось.

⁴ В конце июня 1882 г. П.И.Борисов приехал из-за границы и поселился в Воробьевке (МВ 2. С. 390).

77. СТРАХОВ — ФЕТУ

<С.-Петербург. 6...8 сентября 1882 г.>

Простите, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, что до сих пор не писал Вам: я и ни к кому не писал, так неудачно сложилось лето. Только что я приехал на Южный Берег¹, как начались страшные жары, при которых можно было только сидеть неподвижно в тени, курая, глотая чай и разговаривая. В большой семье, состоящей из милых мне людей, это *far niente*^{1*} было удивительно приятно. Я купался в море, и, несмотря на чрезвычайную теплоту воды, простудился и схватил господствующую здесь дизентерию. Меня вылечили очень просто и спокойно, давно известным здесь способом, и я готов думать, что болезнь послужила впрок моему желудку. Сердечным занятием были только разговоры о Дарвине. Н.Я.Данилевский написал уже целый том, и теперь пишет другой, — в опровержение знаменитой теории². То, что он мне рассказывал и давал читать, неотразимо; от Дарвина ничего не остается, ни самого маленького клочка, и при этом выясняется настоящий ход дела; оказывается, он гораздо сложнее и глубже, чем в Дарвиновой теории. Когда одни виды происходят от других, то совершается некоторый правильный процесс, имеющий большую сложность, именно, зависящий не от одного организма, или одного поколения, а от *целого ряда поколений*. Ряды поколений подчинены некоторым таинственным законам; каждое поколение зависит от всего ряда предыдущих.

Но я напрасно берусь излагать содержание такого многосодержательного сочинения. Скоро, может быть, будете читать его, так как первый том почти готов к печати.

Затем я долго мыкался, заезжал в Алушту, потом в Полтаву, и уже из Полтавы направился по прямому пути в Питер³. В Полтаве я вспомнил изречение Шопенгауэра: «за то, что мы сами два или три года кричали, когда были младенцами, мы в наказание осуждены целую жизнь слушать детский крик: и это справедливое наказание». Мои внук и внучка три дни не давали отдохнуть моим ушам, хотя очень милы, а внучка даже очевидно будет добрейшим существом; теперь ей нет еще года⁴.

Приехав в Петербург, я разом попал в хлопоты; нужно писать критику⁵ и биографию⁶, издавать журнал⁷, печатать перевод⁸ — все сверх службы. Ах! жутко мне приходится. Но, кажется, я здоров, хоть и не весел; веселье совсем от меня ушло, и еще недавно Ученый Комитет хохотал всем собором, а я едва мог улыбнуться.

От всей души желаю, чтобы Вы были в лучшем настроении. Как прошли Ваши праздники? Что урожай? Что делает Борисов? Перемена в нем меня очень занимает⁹.

Еще раз простите за молчание и не забудьте меня Вашими вестями. О Петербурге скажу, что он, очевидно, тот же — присмиривший и скучающий. Впрочем, я мало еще кого видел. Сезон еще не начинался.

Да хранят Вас небеса! Марье Петровне, Терезе Ивановне и Александру Ивановичу усердный поклон.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

Шопенгауэр продолжает раскупаться¹⁰; «Борьбы с Западом» осталось из 1500 экземпляров только 400¹¹.

^{1*} ничегонеделанье (ит.).

Письмо без даты. Написано не позднее письма Страхова к Н.Я.Данилевскому от 9 сентября 1882 г., но не ранее 5 сентября — даты завершения работы над отзывом о поэме А.Н.Майкова (см. прим. 3 и 5 к наст. письму).

¹ См. п. 75, прим. 3.

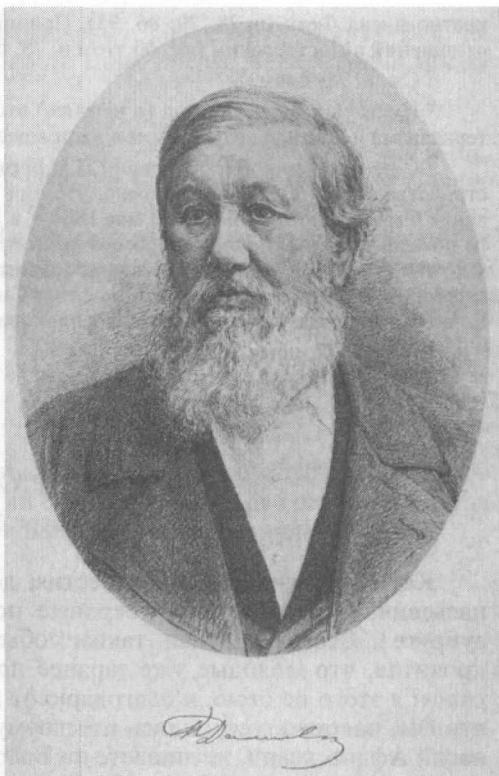
² Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) в молодости отдал дань фурьеризму, посещал собрания М.В.Буташевича-Петрашевского, был арестован и сослан. В ссылке успешно занимался проблемами рыбного хозяйства, климатологией и статистикой. В 1871 г. вышло в свет первое издание его книги «Россия и Европа». С 1870-х гг. Данилевский живет в своем крымском имении Мшатка, занимая различные должности в области сельского хозяйства Крыма, в основном же он занят работой над капитальным трудом «Дарвинизм. Критическое исследование», посвященным опровержению теории Дарвина. Первый том его вышел посмертно (СПб., 1886) заботами Страхова, который был другом Данилевского и взял на себя все труды по изданию. О полемике, развернувшейся вокруг «Дарвинизма», см. п. 125 (прим. 7), 140 (прим. 5). В 1885–1889 гг. Страхов выпустил три переиздания первого труда Данилевского — «Россия и Европа», автор которого выдвинул собственную теорию влияния славянства на развитие европейской культуры. Об этой теории, а также об ожесточенной полемике, возникшей по ее поводу между Страховым и В.С.Соловьевым, см. п. 159 (прим. 1, 2, 5–7), а также п. 160 (прим. 7), 162 (прим. 4), 168 (прим. 1).

³ В Алуште Страхов навестил соседа по петербургской квартире Д.И.Стахеера (см. о нем п. 96, прим. 4), в Полтаве — семью своей племянницы О.Д.Матченко. 9 сентября 1882 г. Страхов писал Данилевскому: «От вас я благополучно доехал вечером к Стахеера <...> Через два дня пустился в Полтаву <...> В Ясной не застал Толстого, ожидал его три дня и очень рад был, что он здоров и крепок совершенно. Но тем сильнее, кажется, он погружается в свое религиозное настроение. В Петербурге я очутился 19 августа <...>» (РВ. 1901. № 2. С. 459).

⁴ Дети О.Д.Матченко.

⁵ «Критика» — порученный Страхову Академией наук отзыв о поэме А.Н.Майкова «Два мира» (РВ. 1882. № 2), представленной на соискание Пушкинской премии в 1882 г. (это было первое присуждение Пушкинских премий, учрежденных в 1881 г.). 9 сентября 1882 г. Страхов писал Данилевскому, что, по возвращении в Петербург, «ужаснулся, увидев, что сроки разбора „Двух миров“ 1-е сентября. Принялся писать и с великим трудом кончил очень небольшую статью» (РВ. 1901. № 2. С. 459). На основании отзыва Страхова (датирован 5 сентября) за поэму, которую сам автор назвал в предисловии главным трудом своей жизни, Майков был удостоен первой учрежденной Академией наук Пушкинской премии (см.: Отчет о первом присуждении Пушкинских премий. СПб., 1882. С. 23–40).

⁶ Страхов начал работать над воспоминаниями о Достоевском, предназначенными для книги: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М.Достоевского (СПб., 1883). Посылая эту книгу Н.Я.Данилевскому, Страхов писал ему 29 ноября 1883 г.: «Весь нынешний год ушел на эту работу, почти навязанную и очень меня тяготившую» (РВ. 1901. № 3. С. 125). Книгу открывали «Материалы для жизнеописания Ф.М.Достоевского» (сост. О.Ф.Миллер) и обширные «Воспоминания» Страхова (23 главы, охватывающие два последних десятилетия жизни писателя, занимают 150 стр.). Страхов затруднялся в определении жанра своего труда, называя его то «биографией», то «воспоминаниями». О том, как тяжело давалась ему эта работа, он неодно-

Н.Я.ДАНИЛЕВСКИЙ

Фототипия

Из кн.: Данилевский Н.Я. Дарвинизм.
Т. II. СПб., 1889

кратко писал Фету (п. 78, 79, 86, 95). Причиной этих затруднений был сложный характер его отношений с Достоевским (см. об этом п. 79, прим. 9).

⁷ См. п. 78, прим. 3.

⁸ Имеется в виду перевод (с нем. яз.) второго тома исследования Ф.А.Ланге «История материализма и критика его значения в настоящее время» (СПб., 1883; первый том вышел в 1881 г.).

⁹ С некоторых пор в поведении П.И.Борисова стали проявляться признаки душевного расстройства (МВ 2. С. 394). Возможно, что они стали заметны уже летом 1882 г. во время пребывания Страхова в Воробьевке. В мае 1884 г. в Петербурге с Борисовым случился приступ буйного помешательства, после которого старый приятель Фета И.П.Новосильцов вынужден был поместить его в больницу для душевнобольных св. Николая Чудотворца в Петербурге, где он скончался 24 марта 1888 г. (похоронен на Смоленском кладбище). Подробности болезни Пети Борисова содержатся в письмах Новосильцова к Фету (*Новосильцов I*. С.199–206 и др.).

¹⁰ См. п. 72, прим. 3.

¹¹ См. п. 72 (прим. 4) и п. 74 (прим. 2).

78. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 25 сентября 1882 г.

Какие хорошие от Вас известия, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич. Передайте мои усердные поздравления Александру Ивановичу и его супруге¹. Всегда радуюсь таким событиям, а теперешнему особенно. А когда я прочитал, что молодые уже заранее предлагают мне комнату, то я просто растерялся: я этого не стою, и благодарю от всей души за такое внимание. Рад я и тому, что Вы, наконец, устроились по своему желанию, смотрите только, дорогой Афанасий Афанасьевич, не лишаете ли Вы себя занятия, без которого будете скучать?

Что до меня, то я так устроился, что кругом в занятиях и едва поспеваю. У меня есть способность так копаться, что все мне времени мало. Извольте видеть. 1) Каждый день в Библиотеку; это с прогулкой и умываньем поглощает от 10 ч. утра до 5 ч. пополудни. Продолжается это уже десятый год и стало, наконец, порядочно томить меня. 2) Нужно писать биографию Достоевского. Собрал материалы, читаю, соображаю, начал, наконец, писать². 3) Совет Славянского Комитета³. В праздничный день, когда думаешь: «вот посижу дома», является приглашение и нужно заседать. 4) «Известия Слав<янского> Благотв<орительного> Общества» имеют быть под моею редакцией, и я веду теперь пренеприятнейшие хлопоты с цензурой. 5) Корректуры 2-го тома Ланге «Истории материализма»; часов шесть непременно уйдет на каждый лист этой истории⁴. 6) *Ученый Комитет*⁵. В неделю одно заседание — битых четыре часа, да работы на дому, по крайности, один вечер в неделю.

Прибавьте к этому дни, оперы, обеды, газеты, приятелей и книги, которые я люблю покупать и читать, и Вы получите понятие о моей жизни. Она уходит понемногу без особого толку. 6-го сентября мы праздновали юбилей Грота, Я.К.⁶ Потом было еще два интересных события: поздравление Черногорского князя⁷ и проводы Черняева⁸. Вчера был <100>^{1*}-летний юбилей 1-го представления «Недоросля»⁹; я поленился и не попал в театр, так же как и к Черногорскому князю И, сидя дома, был я чрезвычайно огорчен принесенною мне книгою: «К вопросу о реформе логики» Н.Я.Грота, старшего сына юбиляра. Представьте, что это голый материализм. Автор с замечательною последовательностью доказывает, что никакой логики собственно не существует, а просто происходят некоторые процессы в организме, подлежащие исследованию физиологии. Он профессор в Нежине с 1877 года, и за эту книгу ему *дадут* в Киеве степень доктора философии. Разумеется, дадут. Пишет страх многословно и составляет много новых терминов¹⁰. Очень грустно.

^{1*} В автографе описка: 200.

Пока простите, дорогой Афанасий Афанасьевич. Не сгуйте, прошу Вас, на мое молчанье и на малую живость и толковость моих писем. Верьте лишь моему душевному расположению к Вам.

Ваш Н.Страхов

Р.С. Марье Петровне и Терезе Ивановне усердно кланяюсь. А об Петре Ивановиче Вы так мне ничего и не скажете?

«Сумерки» есть у Баратынского¹¹; «На закате» недавно издал Полонский¹²; «Вечерние тени» мне почему-то не вполне нравятся; не лучше ли «Вечерние огни»¹³?

А чудесная будет книга.

Ваш

Н.Страхов

1882. 25 сент<ября>. СПб.

Р.Р.С. Соловьев написал большую статью, в которой исповедует свою веру в церковь и ее учения. Явно, что он не хочет ни быть, ни считаться еретиком. Статья печатается в «Руси». Очень умна и в конце концов все-таки еретична¹⁴.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Летом 1882 г. управляющий имениями Фета А.И.Иост женился на племяннице М.П.Фет Ольге Ивановне Щукиной.

² См. п. 77, прим. 7.

³ Страхов был членом Совета С.-Петербургского Славянского благотворительного общества и редактором его органа («Известия С.-Петербургского Славянского благотв. об-ва», первый номер которого вышел в октябре 1883 г.).

⁴ См. п. 77, прим. 9.

⁵ О деятельности Ученого Комитета Мин-ва нар. образования см. п. 65, прим. 8.

⁶ 70-летний юбилей акад. Я.К.Грота, с которым Фет был лично знаком, праздновался 6 сентября 1882 г. Страхов писал Н.Я.Данилевскому 9 сентября: «...было очень тепло и искренно <...> Из этих юбилейных речей я вынес твердое убеждение в его высокой чистоте и благородстве» (РВ. 1901. № 2. С. 460).

⁷ В сентябре 1882 г. в Петербурге находился с визитом князь Черногории Никола. Члены Совета С.-Петербургского Славянского благотв. об-ва представлялись ему. Об этом событии Страхов писал Н.Я.Данилевскому 9 сентября: «Я к князю не поехал, сознаюсь прямо, поленился; между тем шесть членов Совета Славянского благотворительного общества, которые к нему явились, получили от него ордена. Ордена мне не жалко, но, говорят, сам князь очень стоит, чтобы на него посмотреть» (Там же. С. 459).

⁸ Проводы генерала М.Г.Черняева, в 1876 г. командовавшего сербской армией, состоялись по случаю его назначения генерал-губернатором Туркестана. Страхов писал Н.Я.Данилевскому: «Проводы Черняева были очень хороши, очень теплы, без фальши, без официальности и даже без перехода восторга на степень телячьего, что почти всегда у нас бывает в этих случаях» (Там же. С. 459).

⁹ Пьеса Д.И.Фонвизина «Недоросль» была представлена в Александринском театре 24 сентября 1882 г. в ознаменование столетия со дня первого представления комедии.

¹⁰ Первый период (до 1885 г.) творческой деятельности философа Николая Яковлевича Грота (1852-1899) был отмечен приверженностью позитивизму. В этом философском русле была написана и его докторская диссертация «К вопросу о реформе логики. Опыт новой теории умственных процессов» (Лейпциг, 1882; защищена в Киевском университете). Впоследствии Страхов переменял свое мнение о Гроте. Фет проявлял большой интерес к личности и творчеству Грота, обсуждая с ним, в частности, полемику Страхова с В.С.Соловьевым по поводу книги Н.Я.Данилевского «Россия и Европа». Работами Грота интересовался и Толстой. Письма к Гроту Страхова, Толстого, Соловьева и др. опубликованы в кн.: Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб., 1911.

¹¹ Начиная с этой фразы, письмо дописано на отдельном листе. Эта приписка помогает установить время, когда у Фета окончательно сформировалось решение издать сборник своих стихов. Среди вариантов заглавий, которые он предлагал Страхову в недошедшем до нас пись-

ме, очевидно были «Сумерки», «Вечерние тени» и «На закате» (на первой странице рабочей тетради стихотворений Фета есть, помимо двух первых названий, еще два: «Вечерние песни» и «Зазимки» — *ИРЛИ*. 14167. LXXIX.6.1). «Сумерки» — последний поэтический сборник Е.А.Баратынского (М., 1842).

¹² Сборник Я.П.Полонского «На закате. Стихотворения. 1877–1880» (М., 1881).

¹³ Это название, предложенное Страховым, было принято Фетом (см. п. 79, прим. 6).

¹⁴ Очевидно, имеется в виду статья В.С.Соловьева «Нравственность и политика. Исторические обязанности России» (Русь. 1883. № 1). Сходные мысли высказывал Страхов 5 ноября 1882 г. в письме к Н.Я.Данилевскому: «Бесподобные силы, хорошая натура; но я все думаю, что он идет ложным путем. Он все примиряет и объясняет. Я уже говорил ему, что это дело старое, что так делал Гегель <...> и что известно, к чему это ведет. В сущности его писания (то есть Соловьева) еретические; для меня это ничего, но для него очень дурно, потому что он не хочет быть еретиком. Мир Божественный для нас есть тайна, вот настоящее православное учение. Часть этой тайны нам открыта, и мы поэтому знаем то, что *своим умом* никогда не могли бы знать. А он все это хочет разгадать и привести в систему» (РВ. 1901. № 2. С. 461–462).

79. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 9 ноября 1882 г.

Один вид Вашего письма, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, кольнул меня прямо в сердце. Всю неделю собирался я к Вам писать, чувствовал себя виноватым и дождался того, что вина моя удвоилась.

Но когда подумаю, что я до сих пор не был у Кузьминских¹, у Праховых², Достоевской³ и пр. и пр., что через день мне приходится писать вечером записочки: «завтра, мол, к великому горю, не могу быть у Вас», что я написал только два письма к Л.Н.Толстому⁴, что мне предстоит двадцать дел, которые я все откладываю и откладываю, то я начинаю жалеть себя, а потом бранить: разве не верно, что *quisque suae fortunae faber*^{1*}?

Нужно быть умнее. Давно я решил, что эту зиму не тронусь из Питера и напишу-таки о Достоевском⁵, да и приведу все дела в порядок. Даже лето меня не манит на поездку. Когда сам скучаешь, то чувствуешь, что всюду приносишь с собою скуку и становится совестно хозяев.

С нетерпением жду «Вечерних огней» (я рад, что принялось мое заглавие⁶). В Вас еще полным ключом бьет поэзия. Какие прелестные стихи!

Только в сердечке поникнувших роз
Капли застыли младенческих слез —⁷

Это Фет, настоящий Фет!

Писал ли я Вам о присуждении *Пушкинской премии*? Я написал по приглашению Академии разбор «Двух миров» Майкова, и 16 октября ему присуждена полная премия⁸. Над разбором я очень старался — разумеется, его нельзя было писать просто, открыто; да и лгать я могу не иначе, как разве взявши очень большие деньги. Вот и приходилось вертеться. То же самое теперь и с Достоевским; нужно писать только то, что годится для полного собрания сочинений, — стеснение большое, а и без всякого-то стеснения писать не хочется⁹. Вместе с Майковым получил половинную премию *Полонский* за книгу «На закате»¹⁰.

В Библиотеке занятий у меня множество; мое отделение с годами становится все труднее и труднее, а философское отделение, на которое я точил зубы, ушло надолго — занял молодой человек, Радлов¹¹. Очень завидую на старости лет тем, у кого есть наследственное, как у Вл.С.Соловьева, или благоприобретенное, как у Вас. Соловьеву мой усердный поклон; Аксаков, бывший здесь для вербования сотрудников, в большом от него восторге, и справедливо¹².

^{1*} каждый делает свою судьбу (лат.).

Итак, я все жалуюсь и жалуюсь.

Мне самому, как скрип тюремной двери,
Противны стоны сердца моего¹³.

А Вы остаетесь все тем же вечноюным жрецом Аполлона.

Но нынче и уже дней пять у меня что-то скверное делается в кишках, и я имею законную причину недовольства миром.

Или я мало вижу людей или в самом деле все кругом затихло. Квартиры дешевеют в Петербурге, и множество стоит пустых. Я люблю затишье больше шума, но берет досада, когда подумаешь, что умы все-таки коснеют, что ничем на свете не заставишь людей думать.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич! Марье Петровне и молодым¹⁴ — усердное почтение. Не браните слишком Вашего преданного

Н.Страхова

1882. 9 ноября. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ С 1881 г. в Петербурге жила семья председателя Петербургской судебной палаты Александра Михайловича Кузминского (1845–1917), женатого на свояченице Толстого Т.А.Берс. Страхов познакомился и сблизился с Кузминскими в Ясной Поляне и вскоре стал своим человеком в их доме (ТС. Т. II. С. 660).

² Имеется в виду семья покойного М.В.Прахова (см. о нем в п. 18).

³ Анна Григорьевна Достоевская (1846–1918) — вдова писателя.

⁴ Эти два письма неизвестны. На одно из них С.А. и Л.Н.Толстые отвечали 24 ноября 1882 г. (ТС. Т. II. С. 640–641), о получении второго письма сведений нет.

⁵ См. п. 77, прим. 7.

⁶ Первый выпуск «Вечерних огней» (М., 1883) вышел в свет в первых числах января (ц.р. 28 декабря 1882 г.). О предложенном Страховым названии сборника см. п. 78, прим. 13.

⁷ Строки из стихотворения «Знаю, зачем ты, ребенок больной...» (очевидно, оно было при-
слано в письме, на которое отвечает Страхов). Впервые опубл.: *ВО I* (без заглавия), где открывало цикл «Romanzeto».

⁸ Об участии Страхова в этом событии см. п. 77, прим. 6.

⁹ В исповедальном письме к Толстому от 28 ноября 1883 г. (ТС. Т. II. С. 652–654) Страхов объяснял причины «стеснения», которое он испытывал, работая над «биографией» Достоевского (см. о ней п. 77, прим. 7). Это письмо, опубликованное уже после смерти обоих корреспондентов, содержало резкие оценки личности Достоевского и вызвало со стороны вдовы писателя обвинения в клевете (см.: Достоевская А.Г. Воспоминания. Вступит. ст., подг. текста и примеч. С.В.Белова и В.А.Туниманова. М., 1981. С. 394–405, 485–491). О сложных отношениях Достоевского и Страхова см.: Розенблюм Л.М. Творческие дневники Ф.М.Достоевского. М., 1981. С. 30–45.

¹⁰ См. п. 78, прим. 12.

¹¹ Эрнест Львович (Леопольдович) Радлов (1854–1928) с 1882 г. служил в Имп. Публичной библиотеке, с 1884 г. заведовал ее Философским отделом, в 1917–1924 гг. — директор библиотеки. Разделял религиозно-философские воззрения В.С.Соловьева, посвятил ему ряд работ. Автор «Очерка истории русской философии» (2-е изд.: Петербург. 1920). См. о нем: Грин Ц.И. Радлов Э.Л. // *Сотрудники РНБ*. Т. I. С. 433–439.

¹² И.С.Аксаков привлек В.С.Соловьева к активному участию в газ. «Русь». Впоследствии кратковременное сближение Соловьева со славянофилами прекратилось.

¹³ Строки из стихотворения Н.А.Некрасова «Замолкни, Муза мести и печали...» (1855).

¹⁴ «Молодые» — А.И. и О.И.Иост (см. п. 78, прим. 1).

80. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 16 декабря 1882 г.

Итак, я угадал, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, что Вы будете скучать. Но это наша общая судьба: все суета и нет ничего нового под солнцем. Признаюсь Вам, я однако же больше тоскую, чем скучаю; слишком дурно кругом, слышно что-то мертвенное и зловещее. Что мы живем накануне огромных войн и революций — это очевидно. В людях упали стремления к мирным целям; жизнь уже не наполняется религиею, наукою, искусством; осталось прибегнуть к последнему развлечению — к крови и железу.

Все время мне нездоровится; брожу вялый и тупой, сижу больше дома и ничего не могу сделать хорошего. Что Вы скажете о *Трунине*, об его переводе «Фауста»? В «Русской мысли» большие восторги, не совсем толковые²; но мне понравились приведенные отрывки и хотелось бы самому прочесть. С нетерпением жду новой «Руси» — там с 1883 должен развернуться Соловьев³. Перечитал я недавно «Новь» Тургенева — что за жалкое сочинение⁴! Лица сами не знают, что им делать и толкаются в разные стороны без всякой причины. Влюбляются на каждом шагу. Потом — ненужные и невозможные разговоры, ненужное похищение, ненужное самоубийство!

«Стихотворений в прозе» еще не читал, кроме двух-трех⁵, которые не дурны. Он боится смерти! Не странно ли, что мы никак не можем совладать с мыслью, которая для нас должна бы быть вполне ясна. Молодой человек считает себя умнее и милее всех на свете. Старик боится умереть, как будто это неожиданная случайность, от которой можно бы уйти. Странный обман вся наша жизнь! Как будто мы пропускаем мимо самое главное, самое существенное. — —

Ну, простите меня! Если есть что хорошего в жизни, так именно дружба и расположение, которое испытываешь к другим или которое тебе оказывают.

От души кланяюсь Марье Петровне и Александру Ивановичу с супругою⁶.

Ваш искренний

Н.Страхов

1882 г. 16 дек<абря>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Перевод первой части «Фауста» Гете, выполненный П.В.Труниным, вышел в Москве в 1882 г. Отзыв Фета об этом переводе неизвестен.

² Рецензию Е.С.Некрасовой на указанный перевод Трунина (за подписью: Е.Н.) см. Русская мысль 1882. № 12.

³ Страхов подразумевает статью Соловьева «Нравственность и политика Исторические обязанности России» (Русь. 1883. № 1). Об этой статье см. п. 78, прим. 14. В 1883 г. в газете И.С.Аксакова «Русь» был опубликован ряд статей В.С.Соловьева: «Об истинном деле (В память Достоевского)» (№ 6); «Заметка в защиту Достоевского от обвинения в “новом” христианстве (Против К.Леонтьева)» (№ 9); «На пути к истинной философии» (№ 20) и др.

⁴ В это время Страхов работал над статьей «Взгляд на текущую литературу» (Русь 1883 № 1, 2). Роман Тургенева «Новь» получил в ней крайне негативную оценку, мотивировки которой Страхов вспоминал в письме к Толстому от 26 октября 1885 г. (ТС. Т. II. С. 693–694) Об отношении Толстого и Фета к этому роману см. наст. том (кн. 1): Неизд. письма к Толстому, п. 26, прим. 18 и 19.

⁵ «Стихотворения в прозе» И.С.Тургенева впервые опублик. в декабре 1882 г. (ВЕ № 12)

⁶ А.И.Иост и его жена О.И.Иост.

81. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 16 января 1883 г.

Сегодня я заходил к хриstopродавцу, то бишь — к книгопродавцу Вольфу¹ и вот что узнал, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич. Он желал бы издать Вас (и с «Вечерними огнями») в двух томах в 12 долю, как Charpantier², и продавать по рублю, или по 1½ р. том, никак не дороже. 2000 экземпляров. Он хочет этими дешевыми и удобными изданиями *подновить* интерес к авторам и справедливо говорит, что читатели забывают тех, кого им редко предлагают. Мысль хорошая, и он великий мастер продавать книги. Но цены не сказал и срока не назначал. Если он начнет эти выпуски, то может быть дело состоится через год или два³. Он предлагал Майкову, но Майков только что продал свое новое издание (5 томов) за 3000 руб. Марксу⁴. Вот Вам и некоторая мерка; Вольф просит Вас самих назначить цену. Ваше имя ему хорошо известно, хоть он и не вникает сам в литературу.

Душевно благодарю Вас за письма — Толстой мне совсем не пишет, и я только от Вас имею вести из Москвы. Главное же не вести, а привет, который всегда отраден. С нетерпением жду «Вечерних огней»⁵ и еще жду — прочтите мою статью в «Руси» № 1 и № 2 и скажите, годится ли⁶. Я что-то разгорелся, и мне хочется писать и об Вас⁷, и об Жуковском⁸, и об Некрасове⁹ — но не придется, нужно писать об Достоевском¹⁰. Приходят последние сроки.

«Огни» пришлите мне для рассылки по магазинам; я все забываю Вам это написать. Из книг моих и Ваших идет только Шопенгауэр¹¹; нет-нет, да и купят 5 экземпляров. Пришлете «Огни», продажа, вероятно, оживится. А что же «Фауст»¹²?

Соловьев (обманщик! не заехал ко мне) расскажет Вам здешние литературные новости, поэму Голенищева¹³, свой спор с Бобринским¹⁴ и, верно, многое другое. Он мне понравился — здоровенно, и статья его крайне интересна¹⁵. Да напишите, или, лучше — дайте что-нибудь для «Руси», вроде

Не тем, Господь, велик, непостижим¹⁶,

Каких бы Вы имели читателей!

Конечно, Вы знаете, что Михайловского, *воротило* «Отеч. Записок», и Шелгунова (— «Дело») — сослали за глупые речи в Технологическом Институте, а главное, за направление¹⁷. Но зло злом не поправляется. Сослали, т.е. выслали из Петербурга. Если не возымеет силу лучшее направление, — то это не принесет пользы. Во всяком случае, гроза пошла, и, верно, литература притмирится.

Простите и не забывайте

Вашего душевно преданного

Н.Страхова

1883 16 янв<аря>. СПб

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Маврикий Осипович *Вольф* (1825–1883) — основатель петербургской книгоиздательской и книгопродавческой фирмы. Издания Вольфа славятся роскошными иллюстрациями и художественным оформлением

² Франц, издатель и книгопродавец Жерве *Шарпантье* (1805–1871) совершил переворот в издательском деле, введя в обиход небольшие по формату (в 18-ю долю листа; этот формат носит его имя) книжечки, продававшиеся по низкой цене. Его сын Жорж *Шарпантье* (1846–1905) продолжил дело отца

³ Замысел этого издания не был осуществлен.

⁴ «Полное собр. соч. А.Н.Майкова» (СПб., 1883) вышло не в 5-ти, а в 3-х томах. Это было четвертое издание сочинений Майкова.

⁵ Речь идет о первом выпуске «Вечерних огней» (см. о нем п. 79, прим. 6).

⁶ Страхов говорит о своей статье «Взгляд на текущую литературу» (Русь. 1883. № 1). Здесь критик обратился к анализу трех романов — «Новь», «Анна Каренина» и «Братья Карамазовы». Судя по п. 82, Фет остался доволен этой статьей.

⁷ Позднее Страхов откликнулся на первый выпуск «Вечерних огней» (Русь. 1883. № 24. 15 декабря).

⁸ Замысел статьи, посвященной творчеству В.А.Жуковского, был связан с предстоящим чествованием 100-летия со дня рождения поэта (см. п. 82, прим. 4). По-видимому, такая статья не была написана.

⁹ Замысел статьи о Некрасове не был осуществлен. Единственная статья Страхова, ему посвященная, — «Стихотворения Н.Некрасова. Издание пятое; "Мороз Красный нос", поэма Н.Некрасова» // Заря. 1870. № 9.

¹⁰ См. п. 77, прим. 7.

¹¹ См. п. 72, прим. 3.

¹² Страхов ждал выхода 2-й части «Фауста» в переводе Фета.

¹³ См. о нем п. 72, прим. 11.

¹⁴ Сведений о споре В.С.Соловьева с одним из графов Бобринских обнаружить не удалось.

¹⁵ О статье В.С.Соловьева см. п. 78, прим. 14.

¹⁶ Стихотворение «Не тем, Господь, могуч, непостижим...» (РР. 1879. № 10; затем: ВО I) Страхов находил «великолепным» и сообщал Фету, что первая публикация его возбудила «восторги и полемику» (см. п. 35). Сведения об этой полемике не обнаружены.

¹⁷ В декабре 1882 г. Н.К.Михайловский, член редакции «Отеч. записок» и ведущий критик этого журнала, а также редактор журнала «Дело» Н.В.Шелгунов были высланы из Петербурга. Предлогом для высылки стало присутствие обоих на студенческом балу в Технологическом институте и речь Михайловского, там произнесенная. 18 декабря М.Е.Салтыков-Щедрин предсказывал последствия этой акции для демократической журналистики: «Теперь выходит такое положение: "Дело" теряет официального редактора, ибо высланный Шелгунов едва ли может быть ответственным редактором. Будут представлять, конечно, других редакторов, но в утверждении будут отказывать. Таким образом, "Дело" помрет. Что касается до "Отеч. зап.", то за болезнью Елисеева и высылкой Михайловского, остаюсь я один» (Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 19. Кн. II. М., 1977. С. 159). Оба журнала — «Дело» и «Отеч. записки» были закрыты в 1884 г.

82. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 31 января 1883 г.

Не получил, не получил, дорогой Афанасий Афанасьевич, и очень сердился, не зная на кого¹. Теперь знаю: надпись ничего не значит; как и корректурные исправления. Это просто воровство, просто беспорядок, которыми мы так обильны!

Благодарю Вас за похвалы²; погодите, может быть, и мы будем писать!

В субботу хоронили Коссовича Каэтана Андреевича³, в воскресенье поминали Жуковского⁴, сегодня — и не говорите, как устал! Где ж тут писать?

Простите, простите Вашего искреннего

Н.Страхова

1883. 31 янв<аря>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Несомненно, что речь идет об утерянном почтой экземпляре первого выпуска «Вечерних огней», который Фет послал Страхову.

² Страхов благодарит Фета за благоприятный отзыв о его статье «Взгляд на текущую литературу» (см. о ней п. 81, прим. 6).

³ Известный эллинист и востоковед К.А.Коссович с 1850 г. до конца жизни состоял на службе в Имп. Публичной библиотеке. Умер 26 января 1883 г.

⁴ 29 января 1883 г. столетие со дня рождения В.А.Жуковского было отмечено заседанием Ученом Комитете М-ва нар. просвещения.

83. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 18 апреля 1883 г.

Спасибо Вам, большое спасибо, бесценный Афанасий Афанасьевич, за Ваше письмо. После Вашего отъезда¹ я совсем стосковался, не получая от Вас писем. Думал писать, посылать Вам свою книжку², и не знал, куда. Вдруг — повеяло Воробьевкой — и письмо и стихи, да какие! — совершенно медные³!

Решительно, Вы имеете успех. Буренин плут⁴; но ему нашептывал Д.В.Аверкиев⁵, и он прикинулся умницей. Пл.А.Кусков, которого Вы у меня видели и которого *вириши* оскорбили Вас своим соседством⁶, тоже понял Вашу прелесть и прибегал списывать у меня Ваши стихи. Д.И.Стахеев⁷ и его сын гимназист не налюбуются Вами, как чистым золотом поэзии. А граф Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов, самый даровитый и милый из молодых поэтов, — просто млел и не находил слов для восхищения от «Вечерних огней»⁸. Полонский написал Вам стихи не очень хорошие⁹, и хочет послать. Он как раз то, что Вы пишете, и не любить его нельзя.

Всем этим я очень доволен; я ведь сообщаю Вам те отзывы, в которых слышу понимание, действительный восторг, а не одни похвалы, хотя бы громкие, но бездумные.

Думаю, что приеду к Вам изучать Горация¹⁰, хотя до сих пор еще не решил ничего о своих двух месяцах. На мне лежит ужасная обуза — «Биография Достоевского»¹¹; я ее тяну изо всех сил, как бурлак лямку, и хочется снять эту лямку до поездки. Как ничто ясно мне помнится все, что когда-то волновало! Насилу могу принудить себя думать об этой минувшей жизни. А как грустно видеть, что изо всех ожиданий и усилий того времени (20 лет назад) ни одно не сбылось и не удалось, да и вперед на это нет надежды. История, впрочем, вообще есть рассказ о несбывшихся надеждах и неудавшихся начинаниях.

Ни от Соловьева, ни от Толстого ничего не имею и очень томлюсь своим одиночеством. Соловьева я начинаю понимать все яснее — спасибо ему — очень люблю людей, открывающих мне новые области, хотя бы и такие, где никак не хочу поселиться. Поэтому я и к Троицкому очень равнодушен, тогда как оба они слышать друг о друге не могут¹².

Стихи Ухтомского в «Руси»¹³ — прелестны, конечно, во сто раз выше, чем Кукова, где красноречие стремится стать поэзией.

Завтра pošлю Вам свою книжку — будьте снисходительны. А пока — пожелаю Вам только здоровья (судя по тону Вашего письма, оно не хуже — дай Бог!). Мое душевное почтение Марье Петровне. Не сетуйте на

Вашего преданного

Н.Страхова

А.А.ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

Фотография А.Пазетти. <1880-е гг.>

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

Р.С. Шопенгауэр всё раскупается; пошли и «Стихотворения» и «Фауст» немножко¹⁴.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Во второй половине февраля 1883 г. Фет приезжал в Петербург: 17 февраля И.П.Новосильцов приветствовал его как «прибывшего» (*Новосильцов* I С. 181).

² «Книжка» — второй том сборника статей Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки». Кн. II. СПб., 1883.

³ Среди посланных Страхову стихов были: «Только в мире и есть, что тенистый...» и, очевидно, «Говорили в древнем Риме...», оба с авторской датой: «3 апреля 1883» (*ВО* 1979 С. 706). 14 апреля 1883 г. Фет сообщил Соловьеву: «написал целых три новых стихотворения» (*Фет* 1982. Т. 2. С. 323). Эпитет «медные» отсылает к знаменитой XXX оде (кн. 4) Горация (в пер. Фета: «Воздвиг я памятник вечнее меди прочной...»).

⁴ Страхов имеет в виду рецензию В.П.Буренина на первый выпуск «Вечерних огней». 14 апреля 1883 г. Фет писал о ней В.С.Соловьеву: «...разбор мастерской, по-моему. В такой тесной рамке он растузил дураков на славу и указал на главнейшие черты моей музыки. Видно, что человек тонко понимает дело, хотя не могу понять, как тут же он восхищается прямолинейным Некрасовым» (*Фет*. 1982. Т. 2. С. 323–324). Объявляя Фета «лирическим певцом, которого вдохновляют лишь вечные и глубокие впечатления правды и человеческой души», Буренин писал: «Над его поэзией глумились и в стихах и прозе различные признанные и не признанные критики и рецензенты, либеральные “граждане” и “обличители”. И, однако же, результат всех этих бесчисленных стихотворных и прозаических глумлений сводится, если говорить правду, на решительный нуль. Стихи Фета не только для людей, понимающих истинное искусство, не только для жрецов и поклонников изящного, но даже и для большинства читателей вообще <...> всегда были и всегда останутся превосходными в своем роде стихами» (*НВ*. 1883. 25 марта. № 2540). Называя Буренина «плутом», который «прикинулся умницей», Страхов напоминал о том, что в 1860-х гг. Буренин, автор ряда ядовитых пародий на стихи Фета, сам принадлежал к числу ярых «обличителей», глумившихся над этими стихами. В недатированном письме В.С.Соловьев упрекал Страхова: «А Вы так и не написали ничего о Фете — очень жаль, неужели его оценит один Буренин? Если увидите Кутузова (Голенищева-Кутузова. — Н.Г.), скажите, чтобы хоть он написал, а то, право, стыдно» (*Письма Соловьева*. Т. I. С. 15). Небольшая рецензия Страхова на первый выпуск «Вечерних огней» появилась лишь 15 декабря 1883 г. (*Русь*. № 24) Соловьев откликнулся только на 4-й выпуск этого сборника, посвятив ему статью «О лирической поэзии» (*РО* 1890. № 12).

⁵ В нач. 1880-х гг. Аверкиев (см. о нем п. 11, прим. 2), переехав из Москвы в Петербург, активно сотрудничал в «Новом времени», на что и намекает Страхов.

⁶ Платон Александрович Кусков (1834–1909) — поэт, критик, переводчик. Осмеянный, как и Фет, пародистами 1860-х гг. (Д.Д.Минаевым, В.С.Курочкиным и др.), надолго оставил поэтическое творчество. В 1880-е гг. в периодической печати вновь стали появляться его стихи 15 марта 1883 г. в газ. «Русь» (№ 6) было напечатано стихотворение Фета «Ныне первый мы слышали гром...» и рядом с ним — три стихотворения Кускова. Обида Фета выразилась в том, что он более не предлагал свои стихи в газету Аксакова. В сохранившемся отрывке письма к неизвестному корреспонденту (очевидно, М.Н.Каткову), посылая ему стихотворения «Аваддон» и «Теперь» (первое из них опубл.: *РВ*. 1883. № 10; затем: *ВО* 2), Фет писал: «Если это дрянь — то да почтёт в моей книжке, но печатать я господам вроде Аксакова не дам, которые рядом с моими стихами печатают нечто вроде — как бы желая сказать: наши наборщики могут и стихи при случае набирать вам для образца» (*РГАЛИ*. Ф. 515. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1 об.).

⁷ О Д.И.Стахееве см. п. 96, прим. 4.

⁸ А.А.Голенищев-Кутузов позднее откликнется на три выпуска «Вечерних огней» и на та, и не разошедшиеся «Стихотворения» Фета, изданные в 1863 г. (см. п. 156, прим. 5).

⁹ Стихотворение Полонского «Вечерние огни. Посв. А.А.Фету» («Уходит пестрый день и теша смертных очи...») см.: *ВЕ*. 1883. № 5. Судя по данному письму, Полонский, прежде чем отдать это стихотворение в печать, послал его Страхову. В том же журнале Фет поместил ответные стихи — «Я.П.Полонскому. В ответ» («Спасибо! Лирой вдохновенной...» — *ВЕ* 1883 № 7; затем: *ВО* 2, под названием «Полонскому»). Этот обмен стихотворными посланиями был первым шагом к возобновлению дружеских отношений между Фетом и Полонским (см. нэт том (кн. I); Переписка с Полонским, п. 17).

¹⁰ По-видимому, в несохранившемся письме, на которое отвечает Страхов, Фет приглашал его на лето в Воробьевку и сообщал попутно, что работает над подготовкой нового, полного издания переводов Горация (первое изд. — «Оды» Горация в пер. Фета. СПб., 1856). 14 апрел

1883 г. он писал В.С.Соловьеву: «Я на всех парах работаю над Горацием, и дело весьма спорится. Я так боялся эпод — по причине их формы, но теперь они у меня все за спиной <...> Бью на то, чтобы иметь радость зимой отлично издать всего Горация с примечаниями, вновь просмотренного» (Фет. 1982. Т. 2. С. 323). В конце года книга вышла в свет (см. л. 97, прим. 2).

¹¹ См. л. 77, прим. 7.

¹² Матвей Михайлович Троицкий (1835-1899), проф. философии в Моск. ун-те, основатель Московского Психологического общества, автор фундаментального исследования «Немецкая психология в текущем столетии. Историческое и критическое исследование. С предварительным очерком успехов психологии со времен Бэкона и Локка» (М., 1867). Отзыв Страхова об этом труде см.: ОЗ. 1867. № 17, 24. В 1883 г. вышло его второе, пересмотренное автором, издание. Одновременно получившие места на кафедре философии в Московском университете (1875) В.С.Соловьев и М.М.Троицкий действительно не переносили друг друга (Лукьянов. Т. I-III).

¹³ Эспер Эсперович Ухтомский (1861-1921) — в то время начинающий поэт, на которого Страхов возлагал большие надежды.

¹⁴ Подразумеваются книги Фета: переводы труда Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (СПб., 1881) и «Фауста» Гете (Ч. II. М., 1883), а также экземпляры неразошедшегося издания «Стихотворения и переводы» (2 т. М., 1863), посланные Фетом Страхову в январе 1880 г. для распространения в Петербурге (см. л. 39, прим. 10).

84. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 11 мая 1883 г.

Ваше прелестное приветствие царю, конечно, следует напечатать, дорогой Афанасий Афанасьевич. Сейчас несу его в «Новое время»¹. Прямо скажу, что меня чуть-чуть смущает только одно выражение —

*взошел
на — престол.*

Это не выражает точно смысла *коронования*². Но так как я сам заметил эту неточность не вдруг, то понял, что оба смысла сливаются. А стихи истинно золотые. Но от чего я совершенно в восторге — это от Вашего

Только в мире и есть —³

Это выше всего Гейне⁴ и равняется всему Гафизу⁵.

*Влево бегущий*⁶ — что за ясность, что за нежность!

Простите, что я не тотчас Вас поблагодарил за эти прелести. И теперь так тороплюсь, что лучше отложить всякие другие речи до другого письма. Марье Петровне — мое усердное почтение. Нынче уж погощу я в Воробьевке⁷!

Ваш душевно

Н.Страхов

1883 г. 11 мая. СПб.

Я надписываю «15 мая 1883», а подпишу «А.Фет». Так ведь?⁸

¹ Стихотворение «Как солнце вешнее сия...» (в автографе — «Как солнце юное сия...») написано ко дню коронации Александра III, назначенной на 15 мая 1883 г. Дата в автографе отсутствует (ВО 1979. С. 709), но поскольку наст. письмо датировано 11-м мая, не подлежит сомнению, что стихотворение, о котором в нем идет речь, написано не позднее 8 или 9 мая. Об изменении в первой его строке, внесенном в печатный текст, см. л. 85, прим. 1 и 2.

² Неточность, которую заметил Страхов в строках «...ты взошел / Во дни живительного мая / На прародительский престол», состоит в том, что фактически Александр III вступил на престол сразу после смерти своего отца, о чем было объявлено в императорском манифесте, подписанном 29 апреля 1881 г.: «Повинуясь воле Провидения и Закону наследия Государствен-

ного, Мы приняли бремя сие в страшный час всенародной скорби и ужаса <...>» (ЛВ. 1881. 30 апреля). На это несоответствие обратил внимание и М.Н.Катков.

³ О стихотворении «Только в мире и есть, что тенистый...» см. п. 83, прим. 3.

⁴ Ср. суждение И.С.Тургенева, высказанное в отрывке из несохранившегося письма его к Фету: «Вы выше Гейне, потому что шире и свободнее его» (впервые опубликовано в мемуарах Фета: РВ. 1889. № 6. С. 106; затем: МВ I. С. 104; в обоих случаях без даты). Датируется предположительно: 8/20 февраля <...> 6/18 апреля 1855 г. (см.: Тургенев 2. Письма. Т. 3. С. 22 и 423–424; напечатано по МВ I).

⁵ Намек на то, что Фет переводил Гафиза и высоко оценивал его поэзию. На самом деле переводы «из Гафиза», выполненные Фетом в 1850-е гг. по совету И.С.Тургенева и одобренные им, являлись переводами стихов немецкого подражателя Гафиза Г.-Фр.Даумера (см.: Лукина В.А. Тургенев и Фет в работе над переводами из Гафиза (Несколько добавлений к академическому изданию И.С.Тургенева) // И.С.Тургенев: Новые материалы и исследования. Вып. 1. М.; СПб., 2009. С. 193–208).

⁶ Из стихотворения «Только в мире и есть, что тенистый...».

⁷ Страхов прибыл в Воробьевку 17 или 18 июня (см. п. 87, прим. 7) и гостил у Фета три недели; 12 июля он переехал в Ясную Поляну, где оставался до 27 июля (Толстая и Страхов С. 169; ТС. Т. II. С. 646 и 647, прим. 1).

⁸ Стихотворение «Как солнце вешнее сия...» опубли. в «Новом времени» под названием «15 мая 1883 г.», за подписью «А.Фет»; с правкой в первой строке (см. п. 85, прим. 1 и 2).

85. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 14 мая 1883 г.

Как хотите, дорогой Афанасий Афанасьевич, браните меня, ссорьтесь со мною, — а я сделал только одну поправку — *вешнее* вместо *юное*¹. Это настоящая поправка, исправление явной обмолвки; но поставить

И вокруг соборов и дворца

вместо

И вокруг священного дворца

сил моих нет²!

И вокруг соборов и дворца — это не стих, это проза и по звуку и по смыслу. Зачем раздвоение? Зачем перечисление?

Я понимаю, что *священный дворец* не совсем точно; но это отсутствие точности ничему не мешает, и стих выходит великолепный; а то ведь между солнцем и листьями выдвигаются соборы, дворец — еще нет ли чего? А единство пропадает, солнце заслоняется, короны дальше уходят. *Царь, дворец, священный* — сливаются очень хорошо, без малейшего диссонанса.

Ради царя — не поправлю!

Ваш Н.Страхов

1883. 14 мая. СПб.

¹ Это письмо — ответ на телеграмму Фета, черновик которой сохранился в РГБ: «Исправьте “вешнее сия” и “вокруг соборов и”» (см.: ВО 1979. С. 709).

² Страхов исправил в публикации «Нового времени» первую строку стихотворения «15 мая 1883 года», но строку шестую оставил без изменения (НВ. 1883. 15 мая). В той же редакции это стихотворение было перепечатано в «Московских ведомостях» (1883. 19 мая. № 137) с предисловием: «В день коронации известный поэт А.Фет поместил в *Новом времени* следующее стихотворение». Далее следует текст, полностью идентичный публикации «Нового времени». В следующей публикации были учтены обе предложенные Фетом поправки — в стихах 1 и 6 (РВ. 1883. № 5). В этой редакции стихотворение вошло в ВО 2.

86. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 26 мая 1883 г.

Верно, я сделал какую-нибудь великую глупость, дорогой Афанасий Афанасьевич, что до сих пор не получаю Вашего прощения¹. Но, во всяком случае, я ни на минуту не согрешил против моего душевного расположения к Вам. Стихи напечатаны в «Новом времени» от 15 мая. Перечитывая Ваше письмо, я увидел, что Вы посылаете их и в «Московские ведомости»². Сознаюсь, я сперва этого не понял, пропустил. Но в чем бы я ни провинился, прошу Вас, простите мне мою путаницу и упорство, которое нашло на меня, и скажите, что следует сказать.

Я совершенно замучен своею работою, но, кажется, здоров; конец этой работы мне представляется не то окончанием экзамена, не то выходом из каторги³.

Еще раз прошу простить меня и дать весточку об себе.

Ваш душевно

Н.Страхов

1883. 26 мая. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ По-видимому, Фет упрекнул Страхова в том, что тот не исправил в публикации «Нового времени» шестую строку стихотворения «Как солнце вешнее сияя...», в результате чего возникло разночтение в двух параллельных публикациях — в «Русском вестнике» и в «Новом времени».

² О публикации стихотворения «Как солнце вешнее сияя...» см. п. 84 (прим. 8) и п. 85 (прим. 2). Вероятно, в несохранившемся письме, на которое Страхов отвечал 11 мая (п. 84), Фет извещал его, что послал эти стихи М.Н.Каткову.

³ См. п. 77, прим. 7.

87. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 13 июня 1883 г.

Еду прямо к Вам, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и даже прямо прошу у Вас убежища на довольно долгое время¹. Дело в том, что я не кончил своей работы², что ее необходимо кончить, и потому у Вас если не каждый день, то через день придется мне утро проводить в своей комнате с пером в руках. Согласны ли Вы? Душевно благодарю Вас за повторное и настойчивое приглашение, но нередко дивлюсь Вашей охоте со мною возиться и очень опасаясь Вам наскучить. Ну, будь что будет!

Все время работаю, и потому не написал Вам нескольких писем уже вполне готовых в голове. Именно, не похвалил Вас за Ваши стихи, которыми восхищаюсь без меры.

Стою колениопреклоненный³

— да это восторг! Этого стиха не доставало русской литературе, и даже невероятно, что он так поздно явился — он давно должен был быть.

И только что я хотел предложить поправку — а Вы мне сами ее прислали. Я хотел

Давно покинутый в тени⁴.

Послание Ваше я сообщил Полонскому, и получил длинейшее письмо⁵, которое захвачу с собой — и покажу Вам. Затем — я при встрече сказал о стихах Стасюлевичу и отослал их в «Вестник Европы»⁶. Эта Европа, может быть, на сей раз не будет глупа.

Итак, до свиданья, и скорого! В понедельник или вторник буду, наверное, в Воробьевке⁷.

Марье Петровне усердное почтение. А больше не знаю, кто с Вами.
Ваш душевно

Н.Страхов

1883 г. 13 июня. СПб.

Ответ на несохранившиеся письма Фета.

¹ См. п. 84, прим. 7.

² См. п. 77, прим. 7.

³ Строка 8 из стихотворения Фета «Я.П.Полонскому. В ответ» (см. о нем п. 83, прим. 9).

⁴ Очевидно, сначала Фет прислал Страхову первую редакцию своего послания Полонскому, где строка 7 читалась: «Забыт, покинутый в тени» (ВО 1979 С. 468), а в следующем письме сообщил свою поправку: «Забытый, кинутый в тени». В этой окончательной редакции стихотворение опубликовано: ВЕ. 1883. № 7; затем: ВО 2.

⁵ Ни письмо Страхова Полонскому с приложением послания Фета, ни ответ на него Полонского не известны.

⁶ Публикация стихотворения «Я.П.Полонскому. В ответ» в июльском номере «Вестника Европы» положила начало недолгому сотрудничеству Фета с журналом Стасюлевича (см.: Кузьмина 2 120–126).

⁷ В 1883 г. понедельник и вторник приходились на 17 и 18 июня.

88. СТРАХОВ — ФЕТУ

Ясная Поляна. 19 июля 1883 г.

Дорогой и многоуважаемый
Афанасий Афанасьевич!

Сегодня Льва Николаевича нет дома; он уехал кое с кем к Сергею Николаевичу¹. Пользуюсь этим случаем, чтобы написать Вам. Марья Петровна угадала: я попал в большое общество, хотя кроме своих тут никого нет. Все живы, здоровы, веселы, и потому не только работать, но и написать к Вам некогда. Льва Николаевича я нашел совершенным богатырем, после кумыса². Но на другой же день он чуть-чуть прихворнул и обратился в Льва Николаевича последних лет. Теперь опять расцвел. Разумеется, сначала я говорил об Вас, я говорил, что Вы горюете об разногласии, а он очень сокрушался о том, что это так изменяет отношения, и просил передать Вам, что нисколько не изменился в своих чувствах, что личные отношения у него не зависят от того строя мыслей, который им овладел. И меня попрекал, что я предполагаю в нем охлаждение к себе, которого вовсе нет. И действительно мы наговорились с ним всласть, и вот целую неделю не было ни единого облачка раздражения. Я прочитал его новое изложение учения Христа, во многом очень замечательное, в других местах недоработанное³. Если прибавить сюда купанье, которому я подвергаю себя три раза, то вот и все, что я тут делал. Дух тут стоит прекрасный, и жизнь катится незаметно. Все усердно кланяются Вам и Марье Петровне. Неувядаемая графиня (эпитет, она говорит, принадлежит Вам⁴) и Татьяна Андреевна и Татьяна Львовна блистают как нельзя лучше⁵. Татьяна Андреевна просит Вас прислать ей для прочтения «Вечерние огни», где, как ей сказали, воспето и ее пение⁶. Книга Толстых осталась в Москве⁷. Хотя мне представилось множество возражений против такого обращения к автору, или с автором, но я не успел их высказать и обещал передать просьбу⁸.

Через неделю поеду отсюда — здесь работать невозможно. Душевно благодарю Вас за Ваше милое гостеприимство; я и отдохнул и наработал и выкупался в такой умственной атмосфере, которой недостаток чувствуется мне в Петербурге. Не поминайте меня лихом и простите от души Вашего искреннего и преданного

Н.Страхова

19 июля 1883 г. Ясная Поляна

Р.С. Придут письма — шлите сюда или в Петербург. Впрочем, мне совестно и говорить об этом, когда вспоминаю Вашу аккуратность.

¹ С.Н.Толстой — брат писателя.

² Толстой ездил в свое Самарское имение не только для того, чтобы пить кумыс, но и с целью ликвидации там хозяйства. Это была его последняя поездка туда.

³ В 1882–1884 гг. Толстой работал над трактатом «В чем моя вера?» (*Гусев 1* Т. 1. С. 557, 562, 567, 581).

⁴ Подразумевается дарств. надпись на книге Фета «Вечерние огни» (см. прим. 7 к наст. письму). См. также п. 89, где Фет использует эпитет «неувядаемые» по отношению к С.А.Толстой и ее сестре Т.А.Кузминской, которая почти каждое лето вместе семьей проводила в Ясной Поляне.

⁵ Речь идет о Т.А.Кузминской и Т.Л.Толстой.

⁶ В первом выпуске «Вечерних огней» (М., 1883) впервые опубликовано стихотворение «Сияла ночь. Луной был полон сад; лежали...». Историю его создания см.: *Мелкова 1*. С. 538–542; краткое изложение этой истории — *ВО 1979* С. 664–665.

⁷ В Яснополянской библиотеке Толстого сохранился экземпляр первого выпуска «Вечерних огней» (М., 1883) с дарств. надписью: «Неувядаемой графине Софье Андреевне Толстой. Автор» (*ЯПБ*. Т. 1. Ч. 2. С. 398–399).

⁸ Исполнить просьбу Т.А.Кузминской Фет не смог (см. п. 89).

89. ФЕТ — СТРАХОВУ

<Воробьевка. 25 или 26 июля 1883 г.>

<...> Спасибо Льву Николаевичу за его отзыв обо мне ¹. Вы хорошо знаете, как высоко я ценю его, как человека и художника. Но это мне мало помогает. У нас в настоящее время гостит знакомая ему M-lle, теперь M-me Amélie ² (пьянистка) и она-то вчера, без всякого с моей стороны вызова, начала распространяться о солидарности (бывшей) наших мыслей с Львом Николаевичем. То ли это теперь? Конечно, сущность (абстрактная) лиц от такой перемены не пострадала. Но где тот жгучий интерес взаимного ауканья? ³ <...>

Усердно поклонитесь от меня неувядаемым дамам ⁴ и скажите, что я только духом живу в мире невозможно-возможного, а телом, увы! прижат к земле. Я уже 2 раза выписывал через А<лександра> Ивановича из Москвы свои новые книги — и оба раза ни одной не осталось ⁵. И если б нужна справка, то и самому не по чем справиться <...>

Выдержки из несохранившегося письма Фета к Страхову от <25 или 26 июля 1883 г.> (оно пришло в Ясную Поляну, когда Страхов уже уехал оттуда).

Толстой переслал это письмо в Петербург. 16 августа Страхов писал ему: «Письмо Фета, пересланное от Вас, оказалось очень милым. Я выпишу то, что касается Ясной Поляны» (*ТС*. Т. II. С. 646). Далее следуют две приведенные выше выдержки из письма Фета, в заключение которых Страхов добавляет: «Все это писалось в том предположении, что будет читаться в Ясной Поляне» (Там же. С. 647).

Печатается по тексту письма Страхова к Толстому от 16 августа 1883 г. (Там же. С. 646–647). Датируется предположительно 25 или 26 июля, исходя из сообщения Страхова, что письмо Фета пришло в Ясную Поляну «28 июля, кажется» (см. п. 90).

¹ Подразумеваются слова Толстого о том, что он «нисколько не изменился в своих чувствах» к Фету (см. п. 88).

² По-видимому, речь идет о m-lle Оберлендер, бывшей гувернантке Оли Шеншиной, прекрасной пианистке, талантом которой восхищался Толстой в 1875 г., во время посещения Степановки (см. наст. кн.: Неизд. письма к Толстому, п. 17, прим. 10).

³ Далее Страхов прерывает цитату из письма Фета своим замечанием: «Последние слова — прелесть. Но дальше идет гораздо хуже, именно, что в полиции все спасение» (*ТС* Т. II. С. 646).

⁴ Речь идет о С.А.Толстой и Т.А.Кузминской.

⁵ Это сообщение — ответ на просьбу Т.А.Кузминской прислать ей «для прочтения» первый выпуск «Вечерних огней» (см. п. 88). Александр Иванович — А.И.Иост.

90. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 17 августа 1883 г.

Большое Вам спасибо, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, за Ваше милое письмо. И всего прелестнее в нем *жгучий интерес взаимного аука-нья* ¹! К сожалению, Ваше письмо пришло в Ясную, когда я уже уехал (28 июля, кажется), и я получил его уже здесь. Но всё, что касается до Ясной, я выписал буквально и посылаю туда с этою же почтою ². В Москве я провел три дни, и, кажется, в первый же навестил Ключникова (Виктора Петровича) ³. Он очень обрадовал меня, заявляя себя Вашим великим поклонником и особенно восхищаясь переводом 2-й части «Фауста», которую сам когда-то пытался переводить. Но в то же время жаловался на работу и сказал, что отвечал мне в Воробьевку только по большому уважению ко мне. Что за беда такая! Его, очевидно, затрясли, и он, как человек беспорядочный, рад, что его водят по струне, но остается, однако, беспорядочным. Однако он мне сказал, что всевозможный почет он будет оказывать Вашим стихотворениям, и открыл, что Катков пришел в затруднение от выражения

Во дни живительного мая
На прародительский престол.

Восшествие-де было раньше ⁴. И он даже думал, нельзя ли поправить домашними средствами, что тотчас же было решительно отвергнуто Ключниковым.

Аксакова мне не удалось видеть; я, впрочем, немножко боялся, что он сорвет с меня какое-нибудь обещание ⁵. Я все охотился за книгами. По приезде в Петербург я тоже продолжал это занятие, но главное — сел за работу, как намеревался, и с радостью вижу, что она действительно подходит к концу ⁶. В первый же день я купил новый стол, потом заказал три полки для книг, купил превосходную лампу и теперь благодушествую необыкновенно. Сижу дома, пишу и читаю. Из-за работы так долго и не отвечал Вам.

В Петербурге, кажется, великая тишь. Новое удовольствие — конские скачки в Ц<арском> Селе, и пари, которые держатся при этом, кажется, очень забавляют публику. Все еще на дачах, хотя вот уже четвертый день идет дождь, и, говорят, так прошло все лето, кроме первой недели августа.

Майков здоров — только сегодня его увидел, поклонился от Вас и получил поклон к Вам. Жалуетса, что от дождей дурно брала рыба ⁷.

Сегодня же — стал ходить на службу. Для меня это *атра суга* ^{1*}, и два свободных месяца были мне очень сладки. Но, кажется, именно потому, что была в них и работа, только более произвольная, чем в библиотеке. Скука — вопрос важный. Мне очень хочется написать Вам наставление, да совестно.

Впрочем, вот средство: не боритесь со скукою, признайте ее, отдайтесь ей до конца и беспрекословно — она пройдет за неимением пищи.

Простите меня. Марье Петровне мое усердное почтение и благодарность. Иостам низкий поклон и Петру Ивановичу, если он еще у Вас ⁸.

Ваш искренно преданный и благодарный

Н.Страхов

1883. 17 авг<уста>. СПб.

Ответ на п. 89.

¹ Слова из письма Фета, сказанные по поводу отношений его с Толстым (п. 89).

² См. п. 89.

^{1*} тяжкое бремя (*лат.*).

³ Виктор Петрович *Клюшников* (Ключников; 1841–1892) — автор на шумевшего антиингилистического романа «Марево» (1864), переводчик, издатель. В конце 1860-х гг. Клюшников активно участвовал в журнале «Заря» (где сотрудничал и Страхов), впоследствии редактировал журналы «Нива», «Кругозор» и др. периодические издания. В 1883–1886 гг. заведовал редакцией журнала «Русский вестник».

⁴ О причинах недоумения, которое вызывали эти строки стихотворения «15 мая 1883 года», см. п. 84, прим. 2.

⁵ По-видимому, Страхов опасался, что И.С. Аксаков возьмет с него обещание написать что-нибудь для его газеты «Русь». Именно в «Руси» в 1883 г. вышло 3 статьи Страхова — «Взгляд на текущую литературу» (№ 1, 2); «Поминки по Тургеневе» (№ 23) и рецензия на первый выпуск «Вечерних огней» Фета (№ 24).

⁶ См. п. 77, прим. 7.

⁷ А.Н. Майков был страстным рыболовом. Этому занятию посвящена его поэма «Рыбная ловля» (ОЗ. 1856. № 3).

⁸ В конце августа 1883 г. П.И. Борисов уехал из Воробьевки в Ромны, где отбывал воинскую повинность в Казанском драгунском полку (МВ 2. С. 393).

91. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 17 сентября 1883 г.

Ну что Вы скажете о Тургеневе, дорогой Афанасий Афанасьевич! Я все поджидал, что Вы не выдержите и что получу от Вас горячее письмо. Но если Вы читаете только «Моск<овские> Вед<омости>», то, может быть, не знаете, да и никак не можете знать, какая кутерьма теперь происходит из-за покойника. Выйдет что-то колоссальное, неслыханное. На этих похоронах сойдутся и красные, и либералы, и вся просвещенная публика². На Невском в десяти местах выставлены в окнах цветочные и *серебряные* венки, приготовленные на гроб и для процессии.

Но всего не расскажешь. Жаль бедного Тургенева — не люблю я ничего, что делается не от души, никакого шума ради шума. Разумеется, тут много и искреннего, но оно потонет в массе лжи.

По рассказам — его обобрали ужасно, и Спасского не успел продать только потому, что он умер в минуту продажи³. Незавидна была его жизнь, жизнь слабого человека, говорят, в последнее время привязанного и посредством *les dernières faveurs*⁴. Это отвратительно слышать.

Сам я все еще сижу за Достоевским⁴ — немного разыгрался; но вообще мы испечем претолстую книгу, которую трудно будет читать и даже держать в руках и в которой будет множество недопеченного.

Из Ясной Поляны есть маленькие известия — всё по-прежнему, т.е. очень благополучно⁵. Ваша мысль писать книгу о том, как нам жить — прекрасная⁶. Меня глубоко трогает Ваше беспокойство относительно этих вопросов. Вы настоящий, серьезный человек, который не хочет плыть по ветру и жить как придется. Но Вы отвергаете *отречение* — жду много верного и глубокого от Ваших рассуждений, хоть и предвижу, что в заключениях разойдемся. Да, этот вопрос теперь на очереди.

А что Гораций?? Что Ваши хозяйственные дела? Вы писали мне в самую интересную минуту этих дел; чем она разрешилась⁸?

Приведу Вам отрывочек из критики на мою последнюю книгу, помещенной в «Гражданине» (в приложениях, т.е. ежемесячных книгах).

«Книга его затрагивает вопросы первостепенной важности, обнаруживает много учености и остроумия у автора, но страдает такою небрежностью изложения и формы, что значительно уменьшает впечатление, производимое верностью основных взглядов автора»⁹.

^{1*} крайнее доказательство благосклонности женщины (франц.).

Это сказано о той самой книге, в которой все *compassé*^{1*}, как Вы выразились. Ужасно я удивился, но и порадовался, что кому-то да показался же я растрепанным и небрежным.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич. Душевно желаю Вам всего хорошего и прошу передать мой низкий поклон Марье Петровне.

Ваш преданный

Н.Страхов

1883. 17 сент<ября>. СПб.

¹ 22 августа (3 сентября) 1883 г. в Буживале под Парижем скончался И.С.Тургенев.

² Тургенев завещал похоронить себя в Петербурге на Волковском (Волковом) кладбище рядом с Белинским. Похороны состоялись 27 сентября и вылились в небывалую по масштабам демонстрацию (около 400 тысяч человек). См.: Последний путь. Отклики русской и зарубежной печати на смерть и похороны Тургенева. Обзор Л.Р.Ланского // *ЛН*. Т. 76. С. 633–701.

³ Тургенев действительно намеревался продать Спасское-Лутовиново незадолго до своей кончины. Об этом свидетельствуют документы: письмо Тургенева от 11 (23) августа 1883 г. управляющему Спасским Н.А.Щепкину, телеграмма ему же от 17 (29) августа и доверенность Д.Г.Гинцбургу на продажу или заклад имения от 16 (28) августа (заверить ее Тургенев, по-видимому, не успел) (*Тургенев I Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 184–185).

⁴ См. п. 77, прим. 7.

⁵ Страхов был дружен с семейством Кузминских и сведения о происходящем в Ясной Поляне мог получить от Т.А.Кузминской, только что возвратившейся оттуда.

⁶ Не ясно, о каком замысле Фета идет речь, однако можно предположить, что результатом именно этого замысла явилась анонимная брошюра «На распутии. Нашим гласным от негласного деревенского жителя» (М., 1884; см. п. 110, прим. 9 и п. 114, прим. 5 и 6).

⁷ Страхова интересует, как продвигается работа над переводами Горация, которую Фет принял еще весной, рассчитывая к зиме выпустить новое, полное издание переводов своего любимого римского поэта (см. п. 83, прим 9). Во время пребывания в Воробьевке, летом 1883 г. Страхов познакомился с этой работой Фета и с нетерпением ждал ее завершения (см. п. 92). Книга «Квинт Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А.Фета» вышла в свет в декабре 1883 г. (см. п. 95). Страхов высоко ценил фетовские переводы Горация, проникательно заметив близость мировосприятия обоих поэтов: «Недаром он питает такую великую любовь к Горацию и вообще к древним, он сам отличается совершенной античною здравостью и ясностью душевных движений» (Страхов Н.Н. «Вечерние огни». Собрание неизданных стихотворений А.Фета. М., 1883 // *Русь*. 1883. № 24. 15 декабря). О работе Фета над переводом Горация см. п. 83, прим. 9.

⁸ В июле 1883 г. А.И.Юст, бессменный управляющий имениями Фета, перешел на службу к П.Д. и С.Д.Боткиным (*Блок Г.П. Летопись*. С. 329). Это было для Фета тяжелым ударом — он терял опытного и энергичного помощника, к тому же в самый разгар полевых работ. Вероятно, в своем июльском письме (п. 89), в его несохранившейся части, он сообщил об этом Страхову.

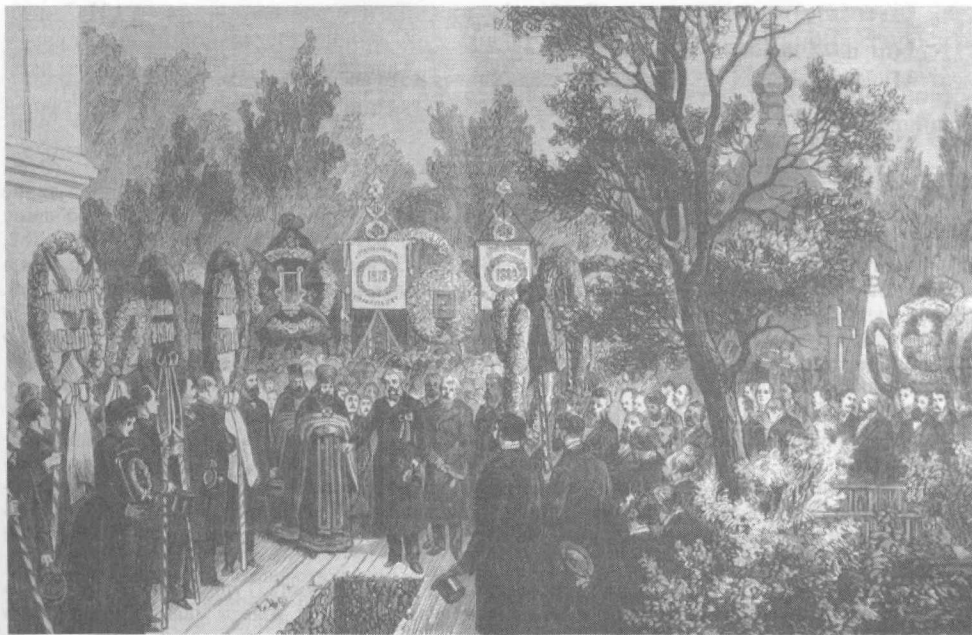
⁹ Речь идет о рецензии, подписанной криптонимом «К.»: Н.Страхов. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Книжка вторая. С.-Петербург, 1883 г. // *Гражданин. Литературные приложения*. 1883. Сентябрь. Раздел «Критика» (С. 15–22; приведенная цитата — С. 21).

92. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 12 ноября 1883 г.

Вы жестоки, дорогой Афанасий Афанасьевич, — считаетесь со мной письмами. А меня тут вертят и колотят разные заботы, так что я и службу запустил, не только переписку. Слава Богу! Завтра сдается в цензуру «Биография Достоевского»¹, и вот я принимаюсь за писание писем. От души Вам завидую, — не только Вашему досугу, но и Вашему обществу². С тех пор, как Владимира Сергеевича здесь нет, Петербург для меня очень опустел, — а то иногда все-таки казалось, что живешь в древних Афинах, или в Александрии, и забывал я о родимом болоте и его лягушках. Что-то он поделывает? С радостью увидел Вашего «Аваддона»

^{1*} равномерно, педантично, точно (*франц.*).

ПОХОРОНЫ И.С. ТУРГЕНЕВА НА ВОЛКОВОМ КЛАДБИЩЕ

С.-Петербург, 27 сентября 1883 г.

Рисунок К. Брожа

«Всемирная иллюстрация», 1883. № 770. 8 октября

«Русском вестнике»³ — и очень захотелось Ваших стихов. И помню я все, что виноват перед Вами. У меня теперь три неотложных темы: «Вечерние огни»⁴, *Тургенев*⁵ и *спиритизм*⁶ — и с несказанной досадой вижу, что дни уходят за днями, а написать ничего не удастся. Говорить об «Огнях» — значит проповедывать поэзию, о *спиритизме* — ратовать за философию. Темы чудные, но чувствую, до какой степени они несовременны. Русская публика ясно показывает, что в ней нет задатков для высшего образования. Поэзия и философия для нее остаются вздором, и она на них нападает, чувствуя в них авторитет и не желая ему подчиняться. Люди очень умные и хорошие обнаруживают это варварство — такова наша атмосфера, наш возраст.

Тургенева превозносят, как Бога, — разумеется, неправильно. Если бы он был более серьезное явление, то, конечно, его бы меньше любили. Но он — полный представитель нашего образования, жеманного, мелкого и притязательного. В этом духе мне хочется написать статейку⁷. После похорон здесь часто слышатся такие речи: «Ну что Достоевский! Что Толстой! — Вот Тургенев — он всех выше» и т.п.

Здоровье мое пошаталось, да и опять установилось, так что я даже доволен. Но берегусь и должен беречься. Самое здоровое, я знаю, — ничего не делать. Между тем постоянно приходится напрягаться и вывертываться.

Простите меня и пораруйте письмом. Что Гораций⁸? Я тоже жду его — буду читать и любоваться. Шопенгауэр все продолжает идти, — пора уже посылать по магазинам за деньгами. Вероятно, придется разослать и остальные экземпляры.

Простите. Марье Петровне мое усердное почтение.

Всегда душевно Ваш

Н. Страхов

1883 г. 12 ноября. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ См. п. 77, прим. 7.

² Подразумевается В.С.Соловьев, находившийся в это время в Москве.

³ Стихотворение «Аваддон» впервые опубл.: *РВ*. 1883. № 10.

⁴ См. п. 81, прим. 7.

⁵ Страхов откликнулся на смерть И.С.Тургенева статьей «Поминки по Тургеневе» (*Русь*. 1883. 1 декабря. № 23). Н.Я.Данилевскому он писал: «Я затеваю статейку, но составит ли, не знаю. Тургенев тип *слабого* человека и в жизни и в писании. Он не мог не поддаться общему настроению интеллигенции, а был Русским в тысячу раз больше других» (*РВ*. 1901. № 2. С. 469). Толстому Страхов писал 16 сентября 1883 г.: «Он был добродушный, мягкий сердцем и несчастный человек. Ему хотелось славы, и он постарался создать себе огромную известность. Но он мучился, не зная, чего держаться. В одно он верил, в прогресс, в молодое поколение — и рассорился с ним» (*ТС* Т. II. С. 650). 28 ноября Страхов сообщал ему же: «Написал несколько страниц об Тургеневе (для *Руси*), но неужели Вы ничего не напишете? Ведь во всем, что писано, такая фальшь, холод! А я с ним помирился — хоть и не имею права так говорить: не знал его почти вовсе» (Там же. С. 653).

⁶ Подразумевается статья Страхова «Еще письмо о спиритизме» (в редакцию «Нового времени») (*НВ*. 1884. 1 февраля. № 2848) — ответ на «Открытое письмо» Н.Вагнера к нему, напечатанное в той же газете. Полемичку о спиритизме, популярном в России 1870–1880-х гг., Страхов начал еще в 1876 г., опубликовав «Три письма о спиритизме» (*Гражданин*. № 41–42, 43 и 44 от 15, 22 и 29 ноября). Позднее они вошли в сборник статей Страхова «О вечных истинах (Мой спор о спиритизме)» (СПб., 1887).

⁷ В своей статье (см. прим. 5) Страхов объяснял популярность Тургенева его верностью духу определенного общественного слоя («Тургенев есть певец только нашего культурного слоя»), и отказывал писателю в звании «народного». Как художника Страхов поставил Тургенева ниже Льва Толстого, Гончарова и Островского, Достоевского и Писемского. «Его фигуры, обыкновенно, представляют довольно бледные очерки; черты их верны, проведены осторожно, изящно; композиция проста и опрятна; но выпуклости, плоти, душевной глубины нет в этих *акварелях*, как остроумно назвал кто-то писания Тургенева. <...> Было бы очень жаль, если бы понимание художества у нас стояло так низко, что мы Тургенева признавали бы за великого художника и серьезно сравнивали бы его произведения с Пушкиным или Гоголем» (цит. по: Страхов Н. Критические статьи об И.С.Тургеневе и Л.Н.Толстом (1862–1885). Изд. третье. СПб., 1895. С. 168–169).

⁸ См. п. 83 (прим. 9) и п. 71 (прим. 7).

93. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 8 декабря 1883 г.

Большое спасибо Вам, дорогой Афанасий Афанасьевич, за письма: в них и мысли родственные, и стихи чудесные, и даже похвалы моим писаниям. А я все-таки прав: у Вас в Москве лучше, чем здесь — вон какой у Вас составилась вечер! Здесь только подобие того, что у Вас в действительности.

Ваша «Осень» великолепна¹; я виноват, что тотчас же не откликнулся Вам похвалами. И по этим стихам и вообще по Вашим письмам вижу, что Ваша всегдашняя бодрость в полном цвету. А как я обрадовался «Аваддону»! Тут кто-то собирается его рисовать. Посмотрим! Дым клубами выходит из земли, и вершина клубов образует туманную голову Аваддона². Третьего дня был у меня Голенищев-Кутузов, он не опомнится от

*Только в мире и есть*³.

Кстати: он чуть-чуть не жаловался на мою статью о Тургеневе⁴ и обещал мне много врагов. Да жду еще врагов по поводу Достоевского. То, что я Вам прислал, есть только *моя доля* в Левиафане, почти пятая часть всей книги⁵.

С радостью готовлюсь встретить Вас в Петербурге⁶. Я приготовил Вам денег, рублей 80 или 90. Теперь вот как: идет «Фауст» и «Стихотворения», а Шопенгауэр

стал⁷. Но в свое время все эти книжки уйдут. «Да и мы уйдем», — отвечал мне, бывало, на подобные утешения Аполлон Григорьев. Кстати: нужно расспросить Вас о ссоре Толстого и Тургенева⁸. Тут напечатали всякие рассказы.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич. Марье Петровне усердное почтение. А Соловьеву я пошлю книжку⁹. Я всё болею; вчера как будто поправился, сегодня опять хуже.

Ваш душевно

Н.Страхов

1883 г. 8 дек<абра>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Стихотворение «Как грустны сумрачные дни...» впервые опублик.: *РВ*. 1884. № 1 (без заглавия); затем: *ВО* 2, под заглавием «Осень».

² См. п. 92, прим. 3. О каком рисунке идет речь, установить не удалось.

³ О стихотворении «Только в мире и есть, что тенистый...» см. п. 83 (прим. 3) и 84 (прим. 3).

⁴ См. п. 92, прим. 5.

⁵ См. п. 77, прим. 7.

⁶ В декабре 1883 г. Фет находился в Петербурге (см. п. 94). Точные сведения о причинах этой поездки неизвестны. Вероятно, она была вызвана хлопотами, связанными с получением разрешения поднести императору экземпляр только что вышедшего «Горация» в переводе Фета. 10 января 1884 г. министр нар. просвещения И.Д.Делянов сообщил И.П.Новосильцову: «На днях я поднесу Его Величеству перевод Горация» (*Новосильцов* I. С. 189). 26 января он же сообщил Фету благодарность Александра III за это подношение (*Блок Г.П. Летопись*. С. 329). Другой причиной могло быть желание повидать П.И.Борисова (в это время он находился в Петербурге), состояние психики которого внушало серьезные опасения. Найти его Фет пытался при помощи И.П.Новосильцова, но только 16 января Новосильцов сообщил ему уже в Москву, что сумел разыскать Борисова (*Новосильцов* I. С. 190).

⁷ Речь идет о продаже книг Фета — неразошедшей за 20 лет части тиража «Стихотворений» (М., 1863) и переводов: Гете. «Фауст» (Ч. I) и Шопенгауэр. «Мир как воля и представление» (СПб., 1881).

⁸ Ссора Тургенева с Толстым произошла 27 мая 1861 г. в имении Фета Степановке и едва не окончилась дуэлью. Описание этой ссоры см.: *МВ* I. С. 370–374, однако Фет тогда рассказал далеко не все, что произошло. Много лет спустя, 26 марта 1888 г. И.П.Новосильцов писал ему: «Помнишь ли ты историю ссоры Тургенева с Толстым? Началась перебранка от замечания Толстого, что человек порядочный не может выставлять описания своего отца или матери или близких, как то делал Тургенев в своей повести “Первая любовь”» (*ИРЛИ*. № 20288).

⁹ Речь идет о втором томе сборника статей Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе» (СПб., 1883).

94. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 16 декабря 1883 г.

В «Руси», № 24 появилась моя статейка о «Вечерних огнях»¹. Что Вы об ней скажете, дорогой Афанасий Афанасьевич?

А я и сегодня не выхожу, и завтра едва ли выйду. Не хуже, но и не вовсе хорошо.

Так погладьте же по головке

Вашего Н.Страхова

1883. 16 дек<абра>. СПб.

В это время Фет с женой находился в Петербурге и жили в гостинице «Европа» (туда адресована записка И.П.Новосильцова Фету от 15 декабря 1883 г. (*Новосильцов* I. С. 189).

¹ Эта рецензия (*Русь*. 1883. 15 декабря. № 24. Раздел «Критика и библиография») сильно запоздала — первый выпуск «Вечерних огней» вышел в свет в начале января (ц. р. 28 декабря

1882 г.). Назвав Фета «величайшим чародеем, несравненным поэтом», Страхов писал: «Вечерние огни» — чистая поэзия, — в том смысле, что тут ни в мысли, ни в образе, ни в самом звуке нет никакой примеси прозы <...> для понимающего он самый прямой и полный поэт» (С. 57-58). Отзыв Фета о рецензии Страхова до нас не дошел.

95. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 6 января 1884 г.

Спасибо Вам, дорогой Афанасий Афанасьевич, за всё, и за письма, и за мысли, и за стихи — это стихотворение — *искусственное*, но какой мастер слышен в каждом стихе!! А стихи Голенищева-Кутузова (в 1 № «Руси») хотя очень милы, но так вялы, что мне стало даже досадно на него².

Кстати о стихах: позвольте Ваши «Огни» представить на премию Пушкина. Для этого нужно два экземпляра: один Гроту, а другой А.Н.Майкову, который почти уговорился с Гротом, что примет разбор на себя³. Если не пришлете, то разрешите мне купить на Ваши деньги 2 экземпляра «Огней» — я раздам по принадлежности⁴.

От меня самого проку чрезвычайно мало. Глаза только теперь поправляются благодаря окулисту, к которому я наконец прибег.

Об Горации, разумеется, извещу Вас тотчас же; но с месяц еще ничего не будет, — уж простите, скорее нельзя⁵. Сомневаться, впрочем, Вам не в чем; одно прибавлю — рекомендация Ученого Комитета и на рынке и в учебных заведениях мало значит.

Сам я принимаюсь — за что бы Вы думали? — за *спиритизм*, не за чудеса, а за опровержение⁶. Но вообще — тоскую, как всякий человек, выбившийся из торной колеи, да еще в такое истинно тоскливое время. Когда вспоминаю Вашу бодрость, — мне всегда становится стыдно.

Спросите Соловьева — не побранит ли он меня за биографию⁷?

Мое искреннее почтение Марье Петровне, простите мою кислотину.

Ваш душевно

Н.Страхов

1884, 6 янв<аря>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Вероятно, Фет послал Страхову стихи «На книжке стихотворений Тютчева» (опубл.: ВО 2; датируется концом декабря 1883 г. — началом января 1884 г. — см.: ВО 1979. С. 702).

² Оценка, которую дал Страхов этим стихам, в развернутой форме повторена им в рецензии на «Стихотворения» (СПб., 1884) А.А.Голенищева-Кутузова (см. о ней п. 98, прим. 3).

³ Присуждение Пушкинской премии было прерогативой Пушкинской комиссии Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук, которую возглавлял председатель Отделения Я.К.Грот. 4 февраля 1884 г. он предложил включить в список выдвигаемых на премию сочинений «напечатанные недавно новые стихотворения и стихотворные переводы Фета (г. Шеншина)» (С.-Петербургское отделение Архива Академии наук. Ф. 9. Оп. 3. № 3. Дело Отделения рус. яз. и словесности Имп. Академии наук о втором присуждении премии имени А.С.Пушкина в 1884 г. Л. 2 об.). О присуждении премии Фету и о роли А.Н.Майкова в принятии этого решения см. «Дополнение» к наст. публикации (Три письма Страхова к Фету. 1884).

⁴ Страхов выполнил это намерение — см. п. 96.

⁵ Фет добивался (при содействии Страхова) решения Ученого Комитета Мин-ва нар. просвещения о рекомендации его перевода Горация в качестве учебного пособия для гимназий. Такое решение было принято 21 мая 1884 г. (см. п. 101 и 102).

⁶ Известный ученый-химик, академик Александр Михайлович Бутлеров (1828–1886) был убежденным приверженцем спиритизма. Начиная с 1870-х гг. в «Русском вестнике» публиковались его статьи, посвященные этому вопросу. В 1876 г. Страхов впервые выступил в печати по этому вопросу (Три письма о спиритизме // Гражданин. 1876. № 41–42, 43, 44). 1 февраля 1884 г. Страхов вступил в полемику с Бутлеровым, статьей «Еще письмо о спиритизме» (НВ

1884. № 2848). Poleмика длилась два года и прекратилась со смертью Бутлерова. Позднее Страхов собрал свои полемические статьи в сборнике: «О вечных истинах. (Мой спор о спиритизме)» (СПб., 1887).

⁷ Страхов называет «биографией» свои «Воспоминания» о Достоевском (см. о них п. 77, прим. 7). На его вопрос В.С.Соловьев отвечал 13 января 1884 г. «Что касается биографии, то сам я Вас за нее бранить не буду, так как прочел ее в одну ночь с большим удовольствием, но слышал, что многие ею недовольны якобы за сухость. Я этого не нахожу. Вообще же мне кажется несправедливым хватать людей за горло и требовать от них того, чего они вовсе не имеют в виду давать. Если бы Вы хотели свободно на досуге написать полную всестороннюю биографию Достоевского, тогда можно было бы от Вас требовать, чтобы Вы соблюдали должную пропорцию между внешнею жизнью и внутренним значением Достоевского в истории русской мысли и словесности, которое у Вас действительно не выступает с достаточной рельефностью. Но Вы хотели только собрать личные литературно-жизненные воспоминания (и должны были их собрать поскорее, к сроку) — с этой точки зрения я Вас и читал и остался доволен» (*Письма Соловьева*. Т. I. С. 16).

96. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 20 января 1884 г.

Ваши письма, дорогой Афанасий Афанасьевич, ни с чем не сравнимы — Вы присылаете стихи, и я вдруг поднимаюсь в Ваш волшебный мир. Какая прелесть оба стихотворения!¹ Но эти алмазы чистейшей воды, с бесподобно отшлифованными гранями, но — не всеми, или по крайней мере с пятнами и царапинами. Я сгоряча принялся даже дошлифовывать.

Зачем

И злей да злей за каждую минуту?

Нужно:

И злей да *злее* с каждой минутой.

Зачем:

Рвет ураган?

Не лучше ли:

Палит мороз последние листы².

Простите, простите! Но, кажется, творец алмазов может позволить другому их шлифовать.

Пишу только затем, чтобы похвалить Вас. Самому хвалиться нечем. Ваши «Огни» доставил и Майкову и Гроту³. Сожигатель мой послал Вам свою книжку и просит ее прочесть⁴. Уж очень Вы ему понравились.

Сам я и очень занят и очень бездействую. Телом почти здоров — мои глаза — о чудо! — поправились от новых капель. Но душа очень плоха.

Не сетуйте на меня, не забывают меня и передайте мое усердное почтение Марье Петровне.

Ваш Н.Страхов

1884, 20 янв<аря>.

¹ Одно из этих стихотворений — «Учись у них — у дуба, у березы...» (см. далее). Каково было другое — не ясно.

² Фет переработал эти строки стихотворения «Учись у них — у дуба, у березы...», но иначе, чем предлагал ему Страхов: «Все злей метель и с каждой минутой / Сердито рвет последние листы...». В этой окончательной редакции оно опублик.: *ВО* 2 (без даты).

³ См. п. 95, прим. 3.

⁴ В Петербурге Страхов с 1875 г. жил на одной квартире с семьей писателя-романиста и драматурга Дмитрия Ивановича *Стахеева* (1840–1918), в доме Стерлигова, у Торгового моста. Впоследствии Стахеев изобразил Страхова в рассказе «Пустынник» и оставил воспоминания о нем («Историч. вестник». 1907. Январь. С. 81–94). Вероятно, Стахеев послал Фету, с которым мог познакомиться в декабре 1883 г., один из своих романов — «Избранник сердца» (СПб., 1884) или «На закате» (СПб., 1882). Отзывы Фета о сочинениях Стахеева неизвестны.

97. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 22 февраля 1884 г.

Мочи моей нет, дорогой Афанасий Афанасьевич, — и утром и вечером не дают ни работать, ни думать. А Вы не пишете; да, кажется, пропало мое письмо, в котором я предлагал поставить *мороз* вместо *ураган*¹.

Между тем я распорядился вместо Вас: купил «Горация» для рецензии большого знатока, И.В.Помяловского — он ее напишет для «Журнала мин<истерства> нар<одного> прос<вещения>»².

Кроме того, советую Вам — послать прошение Обер-Прокурору Св. Синода, чтобы книгу рекомендовали в Учебном Комитете и одобрили для Духовных учебных заведений³. Две марки в 60 к.

Здоровье мое неважное. На Страстную замышляю побывать в Москве и немного рассеяться⁴. Что Вы? Я думаю, Вас тянет в деревню⁵?

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

1884. 22 февр<аля>. СПб.

¹ См. п. 96, прим. 2.

² Рецензия И.В.Помяловского на кн. «Квинт Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А.Фета» (М., 1883) в *ЖМНП* не появлялась. Отзыв об этой книге, представленный Помяловским в Комиссию по Пушкинским премиям, см.: Сб. *ОРЯС*. 1884. Т. XXXVI. № 4. С. 2–62 (Отд. оттиск: Отчет о присуждении Пушкинской премии в 1884 г. СПб., 1884). Отзыв Помяловского был послан Фету летом 1884 г., за что Фет благодарил автора гораздо позднее (см. п. 204, прим. 4).

³ Письмо Фета к обер-прокурору Святейшего Синода К.П.Победоносцеву с такой просьбой неизвестно, скорее всего, оно не было написано. Страхов выделяет в слове «учебный» букву «б», чтобы Фет не ошибся в названии ведомства — Учебный комитет св. Синода в огличие от Ученого Комитета Мин-ва нар. просвещения.

⁴ О поездке Страхова в Москву см. п. 99, прим. 1.

⁵ В начале марта Фет с женой обычно переезжал в Воробьевку.

98. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 18 марта 1884 г.

Наконец, могу писать к Вам, дорогой Афанасий Афанасьевич. Двенадцать дней просидел дома, но так был болен, что ничего не мог делать — да и до сих пор тяжело. Все бронхит, да доктор еще говорит: что-то инфекционное, гастрическая форма. Эти приятные греческие слова означают однако чисто петербургскую гадость.

Стихи Ваши я читаю всем посетителям, которые того стоят; некоторые заучиваю наизусть, напр<имер>, «Учись у них»¹, и читаю там, где сам бываю посетителем.

Вы мне пишете о важных вопросах, о христианстве и о нашей самобытности. С свойственной Вам энергиею Вы бросаетесь на них и рвете их в куски. Что же я отвечу Вам?

Бродя по городу, я часто слышу, как раздаются иногда звуки чисто звериные и слова, имеющие чисто звериный смысл. Я знаю эту сторону нашего народа. Но ведь во всяком человеке есть зверь (кроме Татьяны Андреевны², в которой не зверь, а птица). И мне известна другая сторона народа — господствующая, духовная сторона, о ней же движемся и есмь (я разумею Россию). Звериная сторона не есть и не может быть ничем зиждущим, развивающимся. Этот зверь взнуздан и стреножен духовною стороною, которая для меня так же ясна и несомненна, как Ясная Поляна или Воробьевка. Мы истинно-своеобразный народ, но мы не растем, не развиваемся — вот в чем наша беда. Долго ли это будет продолжаться, не знаю. Громадный эмбрион не хочет дифференцироваться. —

Простите. Все еще я чувствую слабость и во рту вкус бромокислого хинина, которого уже третий день не принимаю. Нынешний тип врачей меня порастил. Они вовсе не лечат болезней — а только поддерживают организм. Оно очень умно, но я осужден, значит, остаться навсегда со своими хворостями.

Вышла книжка стихов А.А.Голенищева-Кутузова. Хочется написать об ней³. А как хороши Ваши стихи: «Ко смерти»⁴! Вот философский поворот мысли!

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич! Желаю Вам никогда не хворать. Марье Петровне — мое усердное почтение.

Ваш Н.Страхов

P.S. Спрашивал у доктора, можно ли ехать в Москву. Конечно, очень можно. Думаю, что поеду, и тогда поговоримте основательно⁵.

1884. 18 марта. СПб.

P.P.S. Читаете ли Вы о Шпильгагене⁶? Во время моей болезни это было мне сущю потехою, комедиею, какой лучше и не придумать.

R.P.P.S. Всю Вашу переписку с Н.П.Семеновым знаю дословно⁷. Он милейший из людей.

Шопенгауэр совсем на исходе⁸. Деньги привезу, а если не приеду, внесу Боткиным.

¹ Об этом стихотворении см. п. 96, прим. 2.

² Имеется в виду Татьяна Андреевна Кузминская, свояченица Толстого.

³ Подразумевается второй поэтический сборник А.А.Голенищева-Кутузова (Стихотворения. СПб., 1884). В рецензии на него Страхов писал (Русь. 1884. № 9): «...Звук этих стихов несколько слаб, вял; повороты, переходы, заключения лирических излияний и рассказов — не имеют энергии, не звучат ясно и определению» (цит. по: Страхов Н. Гр. А.А.Голенищев-Кутузов // Страхов Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888. С. 225). Критик противопоставлял Голенищеву-Кутузову поэзию Фета, который «почти никогда не берет ходячей мелодии <...> Он очень богат своими звуками, и он до последнего времени запекает на новый, неслыханный прежде лад» (Там же. С. 226–227).

⁴ Стихотворение «Смерти» («Я в жизни обмирал и чувство это знаю...») впервые опубликовано в 1882 г.

⁵ Об этой поездке см. п. 99, прим. 1.

⁶ Страхов имеет в виду приезд в Петербург немецкого писателя, автора популярных социальных романов Фридриха Шпильгагена (1829–1911) и шумиху, поднятую вокруг этого события либеральными кругами. Был образован Комитет для приготовления чествований Шпильгагена, предполагалось встретить писателя хлебом-солью, поднести золотой венок и проч. 13 марта был дан обед в его честь по подписке в «Hôtel de France», 16 марта в зале Дворянского собрания состоялось чтение Шпильгагена в пользу Литературного Фонда и т.д. Эти события подробно освещала газ. «Новости и Биржевая газета» (1884. № 62–64, 67, 70–74; см. также: М.М.Ста-сюлевич и его современники в их переписке: В 3 т. / Под ред. М.К.Лемке. СПб., 1912. Т. 3. С. 573–574).

⁷ Николай Петрович Семенов (1823–1904), брат известного географа и путешественника П.П.Семенова-Тян-Шанского, сенатор, видный деятель крестьянской реформы 1861 г. и ее историк. По повелению Александра II Семеновым был написан 3-томный труд «Освобождение

крестьян в царствование имп. Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. СПб., 1889–1891». Сохранилось 12 писем Семенова к Фету (1884–1892; *ИРЛИ*. 20. 289; *РГБ*. Ф. 315. 11, 7), 23 письма (копии) Фета к нему (*РГБ*). (*Николаев*. С.47–49; Генералова Н.П. 25 лет спустя: Итоги крестьянской реформы 1861 года в переписке А.А.Фета с Н.П.Семеновым // *Фет и русская литература*. 2005). Подробнее о нем см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 48, прим. 2.

⁸ Страхов имеет в виду продажу 700 экземпляров перевода книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (п. 71, прим. 3).

99. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург 2 апреля 1884 г.

Если все пойдет так же — не знаю, сказать ли *хорошо*, или *дурно* — то в четверг, вероятно, увидимся¹, дорогой Афанасий Афанасьевич. Приеду к Вам кислятина-кислятиной, — так и ждите. Нарочно предупреждаю Вас обо всех этих неприятностях.

Самому-то мне, разумеется, очень хочется воскреснуть душой среди вас, московских.

Итак, до свидания!

Марье Петровне усердное почтение.

Ваш душевно

Н.Страхов

1884. 2 апр<еля>. СПб.

¹ В 1884 г. ближайший ко 2 апреля четверг приходился на 5 число. В Москве Страхов остановился у Фета, в его доме на Плющихе. 11 апреля Толстой записал в дневнике: «...ходил к Страхову. Хорошо говорил с ним и с Фетом» (*Толстой. ПСС*. Т. 49. С. 81). В Петербург Страхов вернулся 13 или 14 апреля (см. п. 100).

100. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 15 апреля 1884 г.

«Сейчас же, как приеду, — думал я, — напишу Афанасию Афанасьевичу и горячо поблагодарю его за любезное гостеприимство и столько часов житейских и поэтических бесед». Но приехал и бросился, по обыкновению, на свои книги, которые после разлуки всегда кажутся вкуснее. Вернулся я здоровее гораздо, чем уехал, и это меня очень утешило. Здесь видел Полонского, ковыляющего на своем костыле, но как всегда добродушного и беспечного. Видел своего председателя и узнал, что доклада о «Горации» еще не было, а поручен он Фоккову¹ — у которого я и попробую спросить завтра и что-нибудь сказать ему.

В Петербург я въехал при чудесной погоде, и она стоит до сих пор². Такая-то мне неудача в погоде; но в людях зато большая — я у Вас истинно освежился. Боюсь, что здесь скоро опять скисну. Теперь примусь за «Протулку в Константинополь и на Афон». Хочется написать небольшой рассказ об этой поездке³. Вообще думаю больше писать и меньше читать — не будет ли так веселее кончать свои дни. Первая книга, которую я начал — Ludwig'a Noire «Ursprung der Vernunft»⁴ — меня почти обманула — слишком легковесные и многословные рассуждения, хотя — порадитесь! — он следует Канту и Шопенгауэру!

Пока простите, дорогой Афанасий Афанасьевич! Вы меня учили писать хорошо; но я всегда чувствую себя виноватым перед Вами — и это почти мешает мне писать.

... ¹* «Происхождение разума» Людвигу Нуаре (нем.).

Марье Петровне мое усердное почтение и искренняя благодарность.
Ваш

Н.Страхов

1884. 15 апр<еля>. СПб.

¹ Страхов справлялся у А.И.Георгиевского, председателя Ученого комитета Мин-ва нар. просвещения, когда будет принято решение Комитета рекомендовать выполненный Фетом перевод Горация как учебное пособие для гимназий (Страхов начал хлопотать об этом в конце декабря 1883 г. — см. п. 95, прим. 5). О решении Комитета, принятом на основании доклада Н.Ф.Фоккова, см. п. 101 и 102.

² О поездке Страхова в Москву см. п. 99, прим. 1.

³ О поездке Страхова в Константинополь и на Афон летом 1881 г. см. п. 69, прим. 1. Замысел написать очерк об этой поездке осуществился только в 1889 г. (см. п. 184, прим. 2).

101. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 12 мая 1884 г.

Не столько виноват я перед Вами, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, как Вы, может быть, думаете. Я, тотчас как вернулся, послал Вам благодарственное письмо в Москву; но оно до Вас не дошло¹, как не дошло и письмо Аксакову² — писанное о разных литературных делах. Затем скоро сюда приехал Н.Я.Данилевский, и за разговорами и всякими свиданиями у меня вовсе не стало времени. Это чудесный человек, и по уму и по сердцу; мне истинная отрада его приезд. Книги его «Дарвинизм» уже набрано, листов 25³.

Об Вашем «Горации» отличные известия. В.И.Модестов написал 3 статьи в «Новостях»⁴, которых я, к сожалению, не вижу. Н.Ф.Фокков, член нашего Комитета, собирается *рекомендовать* ее для гимназий — это высшая степень одобрения⁵. И И.В.Помяловский, здешний профессор латыни, отзывался мне с великим почтением и радостью о Вашем труде. Он пишет рецензию⁶. Но скоро ли Фокков и Помяловский сделают свое дело — не могу сказать; они менее быстры, чем Вы — чему я мало удивляюсь.

Сам я, к удивлению своему, здоров; этому помогает мое ничего неделанье — самое здоровое занятие, когда оно не скучно. На руках у меня, однако, две работы — «Прогулка в Константинополь и на Афон»⁷ и «Опять о спиритизме», ответ на письма Вагнера и Бутлерова⁸. Их нужно кончить до отъезда.

Душевно рад, что Вам понравился мой «Спиритизм»⁹ — я его писал с любовью. И теперь постараюсь хорошенько обдумать тему.

Погода у нас стоит отвратительная, но я рад весне, — и светло очень, и можно ходить без шубы, и бывают тихие дни — моя большая радость.

Простите, что пишу Вам наскоро, в Библиотеке, и не сетуйте на
Вашего душевно

Н.Страхова

1884. 12 мая. СПб.

Марье Петровне усердное почтение. Как у Вас должно быть хорошо!

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Это письмо Фет получил (см. п. 100).

² Это письмо Страхова к И.С.Аксакову неизвестно.

³ Труд Н.Я.Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование» (Т. I. СПб., 1886) — «огромная книга (67 печатных листов)», печаталась под наблюдением Страхова (ТС. Т. II. С. 665). 3 марта 1884 г. он сообщил Данилевскому, что «с немалым удовольствием» держит корректуру первого тома и приглашал его приехать в Петербург «недели на две», чтобы ускорить печатанье книги (РВ 1901. № 3. С. 131). Данилевский приехал в Петербург в конце апреля, остановился у

Страхова и пробыл более месяца. Фет был знаком с трудом Данилевского и разделял критическое воззрение автора на учение Ч.Дарвина.

⁴ В 1884 г. газ. «Новости и Биржевая газета» опубликовала не три, а одну статью приват-доцента по кафедре римской литературы В.И.Модестова: «Гораций в русском переводе» (1884 24 января. № 24). Автор ее высоко оценил перевод Фета, назвав его «капитальным приобретением русской литературы, заслуживающим с нашей стороны полной признательности», и, отметив некоторые неточности, в целом поставил труд Фета наряду с трудом Н.И.Гнедича, переводчика «Илиады».

⁵ См. п. 102, прим. 2.

⁶ См. п. 97, прим. 3.

⁷ Об этом замысле см. п. 100, прим. 3.

⁸ Работа над этой статьей затянулась. Под заглавием «Физическая теория спиритизма (Письмо в редакцию)» она была опубликована только в следующем году (НВ. 1885. 26 февраля № 3232).

⁹ Страхов имеет в виду свою статью «Еще письмо о спиритизме (В редакцию "Нового времени")» (НВ 1884. 1 февраля. № 2848). Этой статьей он возобновлял старую полемику, которую вел с А.М.Бутлеровым и др. сторонниками спиритизма восемь лет тому назад (Страхов Н Н Три письма о спиритизме // Гражданин. 1876. № 41–42, 43, 44). Заглавие новой статьи отсылало читателя к давним «письмам о спиритизме», подчеркивая, что полемика возобновляется.

102. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 22 мая 1884 г.

Судя по тому, что давно не получаю от Вас писем, полагаю, дорогой Афанасий Афанасьевич, что мои письма до Вас не доходят. Я писал их Вам дважды — в Москву, тотчас по приезде сюда, и в деревню, в ответ на Ваше последнее письмо из Москвы¹. Надеюсь, что все у Вас благополучно, и живо представляю себе балкон Воробьевского дома и моря цветов.

Теперь пишу Вам по случаю вчерашнего заседания Ученого Комитета. Н.Ф.Фокков, *по настоянию министра*, ускорил дело и потому написал не так много, как думал, — эта рецензия явилась в «Журнале М<инистерства> нар<одного> просвещения»². Он, однако, воздал Вам все подобающие похвалы, и Ваша книга получила всякое одобрение, какое возможно: она будет *рекомендована* и как *учебное пособие*, и для библиотек и для раздачи в награду³.

Сам я всё в больших хлопотах. Уже месяц здесь живет Н.Я.Данилевский и я испытываю такое впечатление, как будто уехал из Петербурга и живу на Южном Берегу: ничего не делаю, болтаю и слушаю, или в гостях или принимаю гостей.

Что будет со мной дальше, не знаю — и это отчасти моя беда. Хочу поехать за границу — лечиться, слушать Вагнера и глазеть⁴. Но увы! Нет уже ни прежнего любопытства, ни отваги. Хотел бы сидеть на месте и — *киснуть*, Вы скажете? А что же мне другое делать? Нет, однако: прибодрюсь и напишу «Опять о спиритизме»⁵ и «Прогулку на Афон»⁶.

Душевно благодарю Вас за Ваши письма — и буду поджидать, не откликнетесь ли. Марье Петровне мое усердное почтение и благодарность. Не браните очень

Вашего душевно

Н.Страхова

1884 г. 22 мая. СПб.

¹ Оба письма Фет получил (см. п. 100 и 101).

² Рецензию Н.Ф.Фокова на кн. «Гораций. В переводе и с объяснениями А.Фета» (М 1883) см.: ЖМНП 1884. № 5. Министр — И.Д.Делянов.

³ Страхов сообщает о заседании Ученого комитета М-ва нар. просвещения 21 мая, на котором слушалось мнение члена Комитета Николая Федоровича Фокова (1838–1902) о книге

«Квинт Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А.Фета» (М., 1883). Было определено: «Соглашаясь с мнением члена Фоккова, рекомендовать означенную книгу как учебное пособие для гимназий, а также для фундаментальных и ученических библиотек мужских средних заведений и для награды учеников, о чем и представить на благоусмотрение Его Сиятельства г. товарища Министра Народного Просвещения» (Журнал Ученого комитета МНП // РГИА Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 49. Л. 836—837). Рецензию Фоккова см.: ЖМНП. 1884. № 5. Министр нар. просвещения — И.Д.Делянов.

⁴ О поездке Страхова за границу летом 1884 г. см. п. 103—106.

⁵ Об этой статье см. п. 101, прим. 8.

⁶ Об этом замысле см. п. 100, прим. 5.

103. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 20 июня 1884 г.

Боялся я Вашей строгости, дорогой Афанасий Афанасьевич, и потому не ска- зал Вам, что собираюсь за границу и что в Москву приезжал — повидать Вас пе- ред отъездом и попрощаться с Вами. В извинение свое скажу, что еду — в послед- ний раз и что есть у меня желание — упиться до конца музыкой Вагнера¹. Но есть и существенная причина — полечиться в Эмсе от бронхита. Зато на следующий год буду умнее — приеду к Вам весною², слушать соловьев.

Горе мое в том, что до сих пор я не чувствую надлежащей охоты к поездке, которую уже давно задумал. Да и всякая поездка — лотерея: какова-то будет пого- да? Кого-то встречу? Надеюсь на одно — пройдет моя усталость, а может быть пройдет и болезнь.

Большое Вам спасибо за Ваше стихотворение — такая прелесть³! Я читал его Соловьеву и другим, но виноват перед Вами — забыл захватить его в Пустын- ку, где провел сутки⁴. За это очень бранили меня графиня и Софья Петровна⁵. Софью Петровну я нашел на ногах и в таком расцвете здоровья, что лучше и не надо. Ездил я с Кутузовым (А. А.)⁶, гуляли, разговаривали, с Соловьевым спори- ли о пространстве и времени. Но что за бестолковщина это житье! Ночью под Ку- тузовым провалилась кровать, на балконе я запачкался об железное кресло, кото- рое мне преусердно подвинули, стулья у обеденного стола преопасно качаются, го- вядина жестка до безобразия и т.д. и т.д. А какие размеры роскошные, какая изящ- ная пышность! В силу моей трезвости эти противоречия мне сильно бросились в глаза. Местность же Пустынки, по-моему, вовсе не стоила, чтобы тут так строиться.

Самый интересный эпизод моего посещения Пустынки был, пожалуй, спор, который мы вели с Соловьевым о пространстве и времени. Публика была очень внимательна и мы оба чувствовали, что не мечем бисера.

Еду послезавтра. Не браните меня, пожалуйста. Может быть, я хорошо отдох- ну, поздоровею и наберусь мыслей. Мне приятно думать об удобстве и благоуст- роенности тамошней жизни. Это не то, что в Турции. Как раз перед отъездом задумал я написать свою «Прогулку в Константинополь и на Афон»⁷ и не успел! Я остановился на том месте, где собрался бранить Перу⁸. И письмо о спиритизме не написано⁹!

А всё, мне кажется, от моей службы, так что я готов хоть в отставку, благо за- велась тысяча рублей — в первый раз в жизни, а может быть и в последний!

Ваши книжки идут¹⁰! Рублей сорок pošлю Вам через Боткиных. Шопенгауэр уже весь разошелся.

Ну, простите и не поминайте лихом! Дай Вам Бог всего хорошего. Марье Пет- ровне мое усердное почтение.

Вам душевно преданный Н.Страхов

1884. 20 июня. СПб.

¹ Страхов был поклонником музыки Рихарда Вагнера. Во время своего пребывания в Германии он посетил Байрейт, где находился знаменитый вагнеровский театр. Здесь он трижды прослушал оперу «Парсифаль», в Мюнхене — два раза присутствовал на представлении тетралогии «Кольцо Нибелунга» и в Лейпциге — «Летучего Голландца» (см. письмо к Н.Я.Данилевскому от 1 ноября 1884 г. // РВ. 1901. № 3. С. 132. См. также п. 105 и 106).

² О пребывании Страхова в Воробьевке весной 1885 г. см. п. 118 (прим. 1) и 120 (прим. 2).

³ О каком стихотворении идет речь, не ясно.

⁴ Пустынька — именно гр. А.К.Толстого (1817–1875), расположено под Петербургом близ Саблино. Фет впервые познакомился с Толстыми в 1864 г. и посетил тогда Пустыньку (см.: МВ 2. С. 25). Воспоминаниями об этом посещении навеяно стихотворение «Гр. А.К.Т-у. В деревне Пустыньке», написанное, очевидно, в том же 1864 году. Пустынька здесь представлена в виде приюта муз, на которых в обществе существовало тогда гоненье («Пускай пришла пора иная, / Пора печальная, когда / Гетера гонит площадная / Царицу мысли и труда...»). В Пустыньке часто гостил В.С.Соловьев и посвятил ей несколько стихотворений.

⁵ Графиня — Софья Андреевна Толстая, вдова поэта А.К.Толстого (о ее отношениях с Фетом см. п. 63, прим. 5). Софья Петровна Хитрово (урожд. Бахметева, ум. в 1910 г.), племянница С.А.Толстой; жила в доме тетки. Фет посвятил ей поэму «Студент» и стихотворение («Я опоздал — и как жалею...»; см. о нем п. 65, прим. 20).

⁶ Страхов поехал в Пустыньку вместе с А.А.Голенищевым-Кутузовым. Там они застали В.С.Соловьева.

⁷ Об этом замысле см. п. 100, прим. 3.

⁸ Пера — район Константинополя, описанный Страховым в «Воспоминаниях об Афоне (1881 г.)» (см. п. 184, прим. 2).

⁹ О замысле этой статьи см. п. 101, прим. 8.

¹⁰ В это время в Петербурге находились в продаже следующие книги Фета: первый выпуск «Вечерних огней», перевод Горация, перевод обеих частей «Фауста» Гете и перевод книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление».

104. СТРАХОВ — ФЕТУ

Берлин. 5–6 (17–18) июля 1884 г.

Берлин, 17 (5) июля 1884

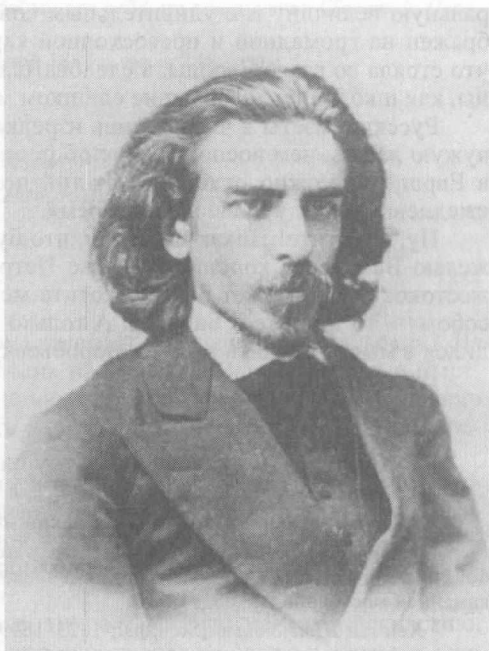
Перед Вами, дорогой Афанасий Афанасьевич, я провинился больше, чем перед кем-нибудь. Впопыхах перед отъездом я забыл многие вещи: набрюшник, путеводитель по Эмсу и т.д. Но всего хуже — я не занес Боткиным 40 или 45 рублей, Вам принадлежащих¹. Уж подождите до приезда домой; а теперь — хочу Вас наградить длинным письмом на тему: как хорош Берлин и какие чудные у немцев порядки! С 1875 года он сильно переменялся, и если так пойдет дело, то в 10 лет обратится в чудо, в новейший из Вавилонов. Мостовые — роскошь, асфальт или торц², так что колес не слышно, как будто все ездят на резиновых колесах. Новые кварталы — загляденье — ряды дворцов; тут на каждой улице два ряда лип, широкие тротуары и асфальт. Они задумали весь Thiergarten^{1*} оставить не тронутым, так что он со временем будет внутри города, и называют его Berlin's Lungen, Lorlogischer Garten^{2*} — удивительное гулянье; да гулянье здесь без конца и везде — какое множество народа, какой порядок, и, наконец, какое оживление! Люди в самом деле гуляют, а не совершают скучную церемонию. Правда, все это — сплошное мещанство, по виду, по манерам, по голосу; я не видел ни единого изящного человека. Все носят усы, как Бисмарк, вследствие чего открываются ужасные скулы.

К несчастью, жара стоит [ужасная] жестокая. 20 и 21 градус по Реомюру есть уже прохлада. Поэтому и я не могу иметь более живого слога. Посетил я универ-

^{1*} Зоологический сад (нем.).

^{2*} легкими Берлина, лорингологическим садом (нем.).

ситет, слушал Штейнталя³ и Гельмгольца⁴, и познакомился с молодым профессором Гижицким⁵ (он вполне немец). Новости вот какие: в Берлине Гартмана⁶ вовсе не читают, — что, разумеется, хорошо; но Шопенгауэра читают и ругают, — что очень дурно. Гижицкий недавно экстраординарный, читает этику и держится утилитарианизма, или, как здесь стали писать — *утилизма*. Книжка его была мне чрезвычайно противна⁷, а сам он — довольно приятен; он разбит на ноги и его возят на кафедру в кресле. Такой-то человек проповедует эпикурейство и получает премии за *основы морали*. Так как я не люблю Гельмгольца как ученого, — то всё вместе сделало на меня довольно грустное впечатление. Тут ведь изготавливается всякая наука, и я понял, как они ее делают. Они работают по частям даже и в философии, и, заняв господствующую позицию, ограничивают дело простейшими задачами. Гельмгольц — блестящий профессор и делал чудесные опыты на лекции, которую я слушал. Но недаром он перешел на физику — физиология оказалась ему недоступною.

В.С.СОЛОВЬЕВ

Фотография М.М.Панова. Москва, 1875

Литературный музей, Москва

Послезавтра еду в Байрейт. У меня есть уже [два] билет на два представления «Парсифаля»⁸; я встретил тут поклонников Вагнера и ожидаю величайшего наслаждения. Потом нужно будет ехать в Мюнхен, где будут исполняться «Нибелунги»⁹. Вы меня простите. Так как я с безмерным аппетитом вкушаю Вагнера, то я решил воспользоваться таким даром небес и насытиться досыта. Тут не будет ни обмана, ни разочарования, и, может быть, лучше я уже ничего не услышу. Здесь тоже беспрестанно слышу Вагнера, но больше всё знакомые вещи.

18 июля

Здоровье мое, конечно, очень не дурно, потому что нет ничего здоровее, как ничего не делать и много ходить; кажется, я даже начинаю полнеть. Если хотите очень потешить меня, то подарите меня Вашим письмом в Bayreuth (Baiern), poste restante^{1*}. Не забудьте написать, благополучно ли родила гр. Толстая¹⁰, а если Вы сами что-нибудь родили, то непременно пришлите мне в письме свое рождение — то-то будет радость! Переехавши границу, я вдруг почувствовал себя космополитом — и это приятное чувство. Я одинаково дружелюбно встречаюсь с немцем, жидом, поляком; нелепо и невозможно было бы жить на чужбине, не относясь ко всем просто как к людям, — разделение само собою исчезает, и отсутствие той непрерывной враждебности, которая отчасти всегда есть в патриотизме, дает душе более мягкое и спокойное настроение¹¹. Однако же Ваши стихи были бы мне манной небесной. Однако же память о Берлинском конгрессе меня огорчает. Берлинцы очень с ним носятся. В Panopticum он представлен в восковых фигурах в нату-

^{1*} Байрейт (Бавария), до востребования (франц.).

ральную величину и с удивительным совершенством. В чудесной Ратуше он изображен на громадной и превосходной картине. Очевидно, Пруссия гордится тем, что стояла во главе Европы, а следовательно всего мира, а мы тут были сконфужены, как школьники, забравшие слишком много воли¹².

Русские газеты я читаю лишь изредка — меня больше занимает погружение в чужую жизнь, чем воспоминание об родной. Впрочем, кажется, все тихо и у нас и в Европе, и можно отдохнуть от той политической горячки, которая составляет ежедневную пищу душе в наше время.

Ну, простите! Никак не думал, что буду говорить и о политике. От всей души желаю Вам всего хорошего. Марье Петровне мое усердное почтение. По Вашей жестокости Вы, может быть, захотите меня казнить повешением или другим способом — то пишите в Байрейт. А только я, раздумывая о будущем, совсем утвердился в мысли наехать к Вам в Воробьевку в апреле 1885¹³ — коли Бог даст.

Ваш душевно

Н.Страхов

P.S. В Байрейте я наверно пробуду числа до 5 авг<уста> нов. стиля.

¹ Речь идет о деньгах, полученных за книги Фета (см. п. 103, прим. 10).

² Торцевая мостовая, состоящая из октаэдрических кусков дерева, скрепленных между собой, не отличается прочностью, но обеспечивает мягкое передвижение для колес, в отличие от каменной мостовой.

³ Хейман Штейнталь (Steinthal; 1823–1899) — один из основателей психологического направления в языкознании и теории «психологии народов».

⁴ Герман Гельмгольц (von Helmholtz; 1821–1894) — выдающийся нем. физиолог, автор работ по биофизике, психологии, физике и др. наукам, член Петербургской Академии наук с 1868 г., проф. Берлинского ун-та (1871–1888). В 1884 г. им была обнародована теория аномальной дисперсии, основанная на предположении о взаимодействии материальных частиц и частиц эфира.

⁵ Георг Гижицкий (Giżycki; 1851–1895) — нем. философ, проф. Берлинского университета, разрабатывавший философию морали, независимую от религиозных верований. Основы морали, по Гижицкому, базируются на понимании нравственного блага как достижения всеобщего блаженства и признании стремления к этому высшему благу столь же естественным, как к самосохранению.

⁶ Эдуард Гартман (Hartmann; 1842–1896) — нем. философ, автор нашедшей книгу «Философия бессознательного» («Philosophie des Unbewussten». 1869). В основе философской системы Гартмана — положение А.Шопенгауэра о «воле» как подлинной сущности бытия, однако, в отличие от Шопенгауэра, считавшего «представление» производным от «воли», Гартман придает ему равное значение, выдвигая положение о «представляющей воле». Универсальная категория философии Гартмана — «бессознательное» («das Unbewusste») — относится им к явлениям, внеположным индивидуальному сознанию, но определяющим его на всех уровнях. Противоположение слепой, неразумной воли светлomu началу разумного сознания привело Гартмана к идее освобождения от неразумной воли посредством мирового сознания в акте коллективного самоубийства. Философия Гартмана подверглась в России критике в трудах В.С.Соловьева, Д.Н.Цертелева, Н.Н.Страхова и др.

⁷ Имеется в виду труд Гижицкого «Основы морали» («Grundzüge der Moral». Leipzig, 1883).

⁸ См. п. 103, прим. 1.

⁹ См. там же.

¹⁰ 18 июня 1884 г. у Толстых родилась дочь Александра.

¹¹ Ср. размышление о «космополитизме» в письме Страхова к Толстому от 1 ноября 1884 г. (ТС.Т. II. С. 673).

¹² Берлинский конгресс был созван по инициативе Великобритании и Австро-Венгрии, опасавшихся роста влияния России на Балканах после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Целью конгресса был пересмотр условий Сан-Стефанского мира, заключенного между Россией и Турцией 19 февраля (3 марта) 1878 г. Берлинский трактат, подписанный 13 (25) июля 1878 г., фактически аннулировал условия мирного договора и тем самым явился крупным поражением русской дипломатии. Отношение Страхова к этому событию перекликается с мнением Фета, высказанным в письме Толстому от 20 февраля 1878 г., через месяц после заключения Сан-

Стефанского мира «Нам не дадут никаких плодов, ни для себя, ни для других» (Толстой. Переписка Т. 2. С. 14–15)

¹³ О пребывании Страхова в Воробьевке весной 1885 г. см. п. 118, прим. 1.

105. СТРАХОВ — ФЕТУ

Эмс 26 июля (7 августа) 1884 г.

7 авг<уста>
Эмс, _____ 1884
26 июля

Что же это значит, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич? Из Берлина писал я Вам длинное письмо и очень надеялся на Вашу доброту и быстроту; но ни в Байрейте, ни здесь ничего не нахожу в *Poste restante*, куда исправно являюсь каждый день. Для пущей верности я послал письмо *заказным*, и это, вероятно, его погубило¹.

Вести о себе скажу такие: две недели в Берлине, потом почти столько же в Байрейте. Тут я три раза слушал «Парсифаля» и очень доволен, хотя и обманулся несколько и в опере и в своей музыкальной восприимчивости. Но сам Байрейт — какая прелесть! Жители его довольно безобразны, но так добры, просты, трудолюбивы и счастливы, что это чистая Аркадия.

В Эмсе также очень хорошо. Красивое, тихое и веселое место. К несчастью, воды действуют на меня сначала не очень хорошо; голова не свежа и желудок очевидно перемогается. Но глаза мои прелестны и, кажется, обнаруживается уже облегчение моих катарров.

Однако же я действительно поглупел (что, по мнению докторов, представляет наилучшее условие для здоровья). Молю Вас об одном: черкните мне несколько Ваших милых строчек. От Толстого я уже не надеюсь ничего получить и до сих пор не писал ему.

Коли виноват в чем — простите, — постараюсь исправиться.

Марье Петровне мое усердное почтение.

Ваш душевно

Н.Страхов

¹ Письмо это дошло по назначению (см. п. 104)

106. СТРАХОВ — ФЕТУ

Мюнхен 16 (28) августа 1884 г.

Мюнхен, 1884
28/16 авг<уста>

Оба Ваши послания я получил здесь, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и оба доставили мне великое наслаждение, за которое великое Вам спасибо. До чего, наконец, дошел Ваш стих! Он звенит и летает — и не знаю, как еще сказать!¹

Но Ваше известие о Воробьевке всему мешает. Как? Вы продаете Воробьевку²? Зачем? Таковую прелесть! Впрочем, это праздные речи. А только всякое непостоянство вещей действует грустно. Идеалом жизни мне всегда представлялось жить на одном месте, мне, который до последнего времени никогда более *двух лет* не жил на одной квартире, а *своего* места, конечно, не буду иметь — гроб уже недалеко (я ошибся — он-то и будет *мое* место) (и надолго!).

Да, кстати о моей интересной особе; я сочинил на нее стихи:

И осторожно, и небрежно
По жизненной тропе плетусь,
И всякой дряни я боюсь,
Но не того, что неизбежно³.

В Мюнхене я слушаю Вагнера⁴ и, наконец, дослушался до большего понимания и большего наслаждения. Не думайте, что я не вижу его недостатков: они так грубы, что режут глаза. Но первое правило критика — *брать, что дают*, и я стараюсь понять достоинства, связанные с этими недостатками. По музыке — это прелесть и сила, несмотря на крайнюю чувственность и грубость. Как драма — это недурно сочинено, хотя построено неловко и неискусно. Как идея — это та выпренняя путаница, до которой доходят только немцы. Притом идея воплощена в грубо реальные и вместе нескладно-реальные формы. Смешное — отвратительно, страшное — смешно. Из всего выходит нечто чудовищное и чреватое всякими зачатками, от самых божественных до самых пошлых, т.е. обыкновенных немецких.

Видите, как я увлечен и занят. С тех пор, как я в Мюнхене, я через день слушаю четыре-пять часов музыки, и потом звуки ее проносятся в голове, как Ваша ласточка⁵.

Разумеется, я, кроме того, смотрю картины, статуи, церкви. — Одна у меня беда — пиво мне вредно, и я не могу разделять всегдашнего удовольствия и времяпровождения немцев. Через два дни — последнее представление последней части трилогии — и затем я отправляюсь на Рейн, оттуда в Лейпциг и т.д., ближе к России. Теперь прощайте на целый месяц; напишу вам уже из Петербурга.

Здоровье мое недурно, а, главное, что меня утешает — глаза; я хотел даже отсюда послать Вам рецепт Донберга⁶; но пошлю, по крайней мере, наставление — не раздражать глаз холодной водой и т.п. Нужно умываться теплой, чтобы глаза не чувствовали перемены температуры.

Столичный город Баварии и грязноват и беспорядочен; жители его чуточку бестолковы, но они очень добродушны, и мне приятно здесь жить. Кроме того — люблю старые церкви и уважаю католицизм. После оперы случилось мне поговорить с одним немцем — архитектором Гуммелем — он пустился толковать о Шопенгауэре, Нитче и т.д. и об отношении к ним Вагнера⁷, и был очень удивлен, что я все это знаю. От него же я узнал тоже интересные вещи, напр., что Шопенгауэр имеет поклонников всего более между художниками, а не между профессорами. Но странно, что взгляд его самого на Шопенгауэра, по-моему, неверен — да это длинная история, о которой когда-нибудь поговорим с Вами на свободе.

Итак, простите до возвращения в Петербург! От всей души желаю Вам удачи в Ваших делах и главное — здоровья. Марье Петровне усердное почтение.

Бедный Борисов! Я ничего не знал. Такое завидное внешнее положение и такое ужасное внутреннее зло⁸!

Простите!

Ваш душевно

Н.Страхов

Ответ на два несохранившихся письма Фета.

¹ Намек на стихотворение «Ласточки» (см. прим. 5 к наст. письму).

² Первым, кому Фет написал о своем намерении продать Воробьевку, был И.П.Новосильцов. Письмо это не сохранилось, однако из двух ответных писем Новосильцова (20 и 31 июля 1884 г.) выясняется, что причиной столь неожиданного решения стал умышленный поджог хозяйственного строения в Грайворонке. Это событие так потрясло Фета, что он был готов немедленно прекратить хозяйственную деятельность и расстаться с Воробьевкой. 31 июля Новосильцов разубеждал его: «Ну, можно ли <...> из-за единичного случая, из-за мерзавца-поджигателя — бросать всё <...>. Вспылить, продать всё и удрать в Москву, Петербург и не знаю еще куда — малодушие и горячка» (Новосильцов I. С. 208, 209). Затем Фет поделился планами про-

дажи Воробьевки с С.В.Энгельгардт (письмо не сохранилось). Судя по ее ответу, он не назвал первопричину своего решения, объясняя его усталостью от хозяйственных забот, что вызвало полное сочувствие со стороны его корреспондентки: «Я нахожу, что чем скорей вы освободитесь от мучительных хозяйственных хлопот, — тем лучше будет. Вы *должны* жить спокойно и посвятить себя лишь тому труду, который улаживает жизнь» (письмо от 8 августа 1884 г. // *Энгельгардт III* С.115). Недоумение, с которым Страхов воспринял решение Фета, позволяет предположить, что Фет не вдавался в объяснение причин, которыми руководствовался, принимая его. По-видимому, к этому времени отчаяние, охватившее его вначале, уже улеглось, и вскоре от намерения расстаться с Воробьевкой Фет отказался.

³ Эти стихи Страхов включил в сб. «Воспоминания и отрывки» (СПб., 1892), с подзаголовком «Е.Е.» (адресат еще нескольких его стихотворений), с датой «1884» и с изменением во 2-й строке.

⁴ В Мюнхене Страхов два раза прослушал тетралогия Вагнера «Кольцо Нибелунга», исполнение которой занимало несколько вечеров подряд.

⁵ Это упоминание подтверждает, что Страхов только что получил от Фета стихотворение «Ласточки» (см. прим. 1 к наст. письму). Таким образом, наст. письмо позволяет сдвинуть датировку написания этого стихотворения с середины сентября 1884 г. (*ВО* 1979. С. 701) на середину августа того же года.

⁶ Герман Андреевич *Донберг* (1852–1900), изв. петербургский офтальмолог. Страхов консультировался у него в связи с заболеванием глаз.

⁷ Рихард Вагнер испытал значительное воздействие философии Шопенгауэра, познакомившись в 1854 г. с его главным трудом («Мир как воля и представление») и обнаружив в нем родственность своим философским представлениям. Знакомство и сближение Вагнера с Ницше произошло в Швейцарии. Здесь в 1870 г. была завершена его книга о Бетховене, повлиявшая на известный труд Ницше «Рождение трагедии из духа музыки». При помощи Людвиг II Вагнер выстроил в Байрейте (на севере Баварии) специальный театр для воплощения своих идей по поводу «музыки будущего». Здесь в 1876 г. состоялось представление тетралогии «Кольцо Нибелунга», а в 1882 г., незадолго до смерти композитора, — его последней оперы — «Парсифаль».

⁸ О тяжелой психической болезни П.И.Борисова см. п. 77, прим. 9.

107. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 24–28 сентября 1884 г.

Простите меня, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, что я вот уже шесть дней в Петербурге, а еще не отвечал на Ваше письмо, с великою радостью полученное мною, как только я вернулся. И стихи!! Прежде я переписал Ваши стихи и пустил их знакомым, а уж потом принимаюсь за ответ. «Добро и зло» — один из ваших перлов. Это смело до края, это гегелизм и мистика во всю высоту. Но Вы правы — форма еще несовершенна, если оставить только последние три куплета, противоположение не будет ясно. Нужно впереди еще куплет или два, которые бы яснее соответствовали концу — истинно великолепному.

Пари всезрящий и всеильный

1

— это бесподобно! Но первый куплет просто неудачен — говорю о 3-м и четвертом стихах, и не о смысле, а о форме².

«Вольный сокол» такое же золото, как и другие Ваши стихотворения, но не более³. «Певнице» — даже подражание самому себе, хотя стих

Я слышал твой сладко вздыхающий голос —

прелесть, до которой только Вы способны доходить⁴.

«Ласточки» — тоже чистая жемчужина⁵.

На умирающем дубу⁶.

Бывают же такие удивительные стихи! Или —

Дерзаю на запретный путь⁷ —

Душевная Вам благодарность за эти наслаждения, и вот Вам мои замечания.

Вы меня браните за легкомысленные суждения; но я хочу осудить Вас за нечто более важное. То беспокойство, та скука (говоря самым прозаическим выражением), которыми Вы страдаете, часто меня трогали и заставляли задумываться. В чем корень этого зла? Вы пишете, что от этого хотите даже бросить Воробьевку (как видите — я не увлекся самолюбием, что будто бы *именно меня* Вам недоставало)⁸. Но если Вам постоянно нужны люди для насыщения Вашей души, то людей везде много, от них уйти невозможно. Как ни совестно, а поставлю Вам себя в пример. Иногда и я бываю похож на человека. За границей часто приходилось попадать надолго в одиночество, и алкание людей пробуждалось во мне. Но я насыщался разговорами с хозяйкою, с служанкою, с первым встречным в пивной или в книжной лавке. Не все ли люди равны? Frau Lingel в Байрейте и Joseph Hiller, антиквар в Мюнхене, по-моему, принадлежат к прекрасным образчикам человеческой природы.

Нужно достигнуть равнодушия (не холодности), и тогда всё явится в гораздо лучшем свете, чем теперь, когда мы стремимся упорно к наилучшему. Общение с людьми, конечно, есть высшее из *живых* наслаждений. Сумели же люди так испакостить свои отношения, что встречаются обыкновенно с недоумением, с подозрением, едва могут смотреть друг на друга и даже старательно показывают, что они друг для друга ничего не значат. Они вечно сбиваются в кучу, но, по-видимому, только для того, чтобы смеяться друг над другом или высокомерничать, или кокетничать, но не для того, чтобы войти в хорошие человеческие отношения и, следовательно, получить истинное наслаждение. И так как от нас зависит, бросить все остальное и искать только этих отношений, — то каждый сможет добыть себе этой пищи столько, сколько пожелает. Она придет сама собой, стоит только отбросить пути и перегородки, в которых мы так усердно шеголяем.

Ну, простите, говорю я Вам все это не потому, чтобы уметь всегда исполнять эти правила, но потому, что действительно испытал на деле их верность. Скуки я не знаю — в силу равнодушия. Идеал этого состояния — дойти до того, чтобы было все равно, с кем жить, где жить, завтра ли, послезавтра умереть. Одного я еще не мог усвоить: мистики говорят, что можно заниматься какими угодно работами, жить в величайших хлопотах и однако вполне сохранять и спокойствие и внутреннюю деятельность духа. Верю, что так и должно быть, но сам пока все заболливо выгадываю себе свободное время, чтобы можно было почитать и подумать.

За границей я и читал мистиков, и покупал все их книги, какие мог достать. Эта дорога мне уясняется все больше и больше, но пожалуйста, не думайте, что настоящая мистика похожа на обыкновенное понятие, с которым употребляется это слово. И, например, не подумайте, что я объясняюсь Вам в равнодушии к Вам — нет, поэзия для меня священнее прежнего, а Вы мне дороги и милы не только потому, что Вы один из источников поэзии, но и прямо, лично, без всякого отношения ко мне, только потому, что я Вас знаю и отчасти понимаю.

Ну, простите, что наболтал Вам много, вероятно, лишнего и не написал нужного. Вот, впрочем, и нужное: посылаю Вам через Боткиных 50 руб. — покупают Ваши стихотворения⁹; будут еще рубли и копейки — но я тороплюсь и не свел счетов.

Еще раз, простите. Марье Петровне усердное почтение.

Ваш преданный почитатель

Н.Страхов

1884. 24 сент<ября>. СПб. ^{1*}

^{1*} Далее текст вписан на полях письма

Не 50 р. Вам посылаю, а 73 р. У меня осталось всего 7 экземпляров «Мира как воли», так что можно продавать их как драгоценность. Главное — следует печатать 2-е издание и, конечно, что-нибудь прибавить¹⁰.

Соловьев, по всем расчетам, должен быть у Вас в Москве — с тем мы простились, что он вернется через две недели¹¹.

Стахеева до сих пор нет и будет он только к 8 окт<ября>. Бедняжка жалуется на здоровье и все надеялся, что Крым поможет¹².

Видите, как я заторопился! И не досмотрел, что письмо нужно посылать к 1 окт<ября>¹³ (Приписку эту делаю 28 сент<ября>).

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Фет прислал Страхову стихи, вскоре опубликованные (ВО 2): «Добро и Зло», «Вольный сокол», «Я видел твой млечный, младенческий волос...» и «Ласточки».

² Страхов критикует первоначальную редакцию стихотворения «Добро и Зло», содержащуюся в утраченном письме Фета. Фет трижды (письма неизвестны) присылал Страхову новые редакции стихотворения, каждый раз подвергавшиеся критике Страхова. Письма Страхова, обнаруженные в результате разысканий, предпринятых редакцией «Литературного наследства», печатаются в «Дополнении» к наст. публикации («Три письма Страхова к Фету. 1884»). Два автографа стихотворения (ИРЛИ) подверглись значительной переработке по замечаниям Страхова и представляют собой четыре редакции, восстановленные Б.Я. Бухштабом в издании 1937 г. (Фет 1937 С. 635–637; 686–687).

³ Автограф стихотворения «Вольный сокол» имеет незначительную правку в двух последних строках (ВО 1979 С. 470), которая отражена в первой публикации (ВО 2). Была ли она учтена в автографе, посланном Страхову, неизвестно.

⁴ Страхов цитирует вторую строку стихотворения Фета «Я видел твой млечный, младенческий волос...». Ни в автографе (см. ВО 1979 С. 469), ни в первой публикации (ВО 2) это стихотворение не озаглавлено. Название «Певице», которое дает ему Страхов, намекает на одноименное стихотворение (1857), конкретизируя упрек в том, что Фет подражает «самому себе».

⁵ Стихотворение «Ласточки» было послано Страхову еще в Мюнхен (см. п. 106, прим. 1 и 5). Возможно, что при наст. письме он послал его вторично.

⁶ Строка из стихотворения «Вольный сокол» (см. о нем в прим. 3).

⁷ Строка из стихотворения «Ласточки» (см. о нем в прим. 5).

⁸ О намерении Фета продать Воробьевку см. п. 106, прим. 2.

⁹ Речь идет об успешной продаже первого выпуска «Вечерних огней».

¹⁰ Переведенный Фетом труд Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (СПб., 1881) выдержал четыре издания.

¹¹ В это время В.С. Соловьев находился в Москве и задержался там надолго. 19 октября 1884 г. он писал Страхову: «...я собираюсь в Петербург <...> В конце этой или начале будущей недели, Бог даст, увидимся». Далее он сообщает, что им написаны «стихи, внушенные Афанасием — не Александрийским, а Воробьевским и Плющихинским» (речь идет о стихотворении «Перелетев на крыльях лебединых...». — НГ), — и добавляет: «Это стихотворение мне самому, а также и другим показалось удачным, и если Вы, столь строгий (ко мне) критик, также одобрите мои стихи, то я должен буду согласиться с мнением Фета, что их “хоть сейчас в хрестоматию”» (Письма Соловьева. Т. I. С. 19). Это стихотворение Соловьев послал и Фету в дополнение к поздравительной телеграмме по поводу присуждения ему Пушкинской премии (Там же Т. III С. 110).

¹² О Д.И. Стахееве см. п. 96, прим. 4.

¹³ 1 октября Фет обычно переезжал из Воробьевки на зиму в Москву.

108. ФЕТ — СТРАХОВУ

<Москва. Середина ноября (до 16) 1884 г.>

<...> <когда> же выйдет Дарвин Данилевск<ого>¹ и Ваше de vanitate scientiarum². <Вот божествен<ая? тема?> и для <мести?> широкая масленица. Плюнь-те им погуше в рожу-то глупую и тупосамоуверенную. — Вчера юноша-поэт Ми-

хеев прислал мне книжку Сибирск<их> стихов. Владеет хорошо стихом, но совершенно по бесплодной для поэзии дороге³. Во всяком случае будьте здоровы. Пред<анный> Ва<м>

А.Шеншин

<...>

прилагаю⁴:

Солнца луч промеж лип бы<л и жгуч> и выс<ок,>
Под скамьей ты чертила блестящий п<есок,>
Я мечтам золотым отдавался вполне;
Ничего ты на все не ответила мне.

Я давно угадал, что мы сердцем родня,
Что ты счастье свое отдала за меня.
Я рвался, я твердил не о нашей вине;
Ничего ты на все не ответила мне.

Я молил, повторял, что нельзя нам любить,
Что минувшие дни мы должны позабыть,
Что в грядущем цветут все права красоты;
Мне и тут ничего не ответила ты.

Отрывок письма, разорванного, вероятно, по ошибке. Представляет собой полулист почтовой бумаги, верх которого (начало письма и на обороте — начало приписки к нему), утрачен. Датируется по содержанию (см. прим. 4).

¹ С февраля 1884 г. Страхов держал корректуры первого тома капитального труда Н.Я.Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование». Т. I. Ч. I и II. СПб., 1885 (см. п. 101, прим. 3).

² Эта латинская формула («о тщете науки») — намек на полемику Страхова с известным апологетом спиритизма проф. А.М.Бутлеровым (см. об этой полемике п. 101, прим. 8 и 9). Как видно из этого письма, Фет с нетерпением ожидал очередного полемического выступления Страхова, неоднократно им обещанного (см. п. 101, 102). Долгожданная статья появилась в феврале 1885 г. (см. п. 101, прим. 8).

³ Василий Михайлович Михеев (1859–1908), поэт, драматург и прозаик, уроженец Иркутска. Дебютировал стихотворным сборником «Песни о Сибири» (Иркутск, 1884). Оценка Фета связана с тем, что Михеев принадлежал к народническому направлению поэзии с его мотивами «гражданской скорби», интересом к участи декабристов и т.д.

⁴ 18 ноября 1884 г. Страхов обещал Фету послать только что полученное от него стихотворение (название не указано) М.М.Стасюлевичу, редактору «Вестника Европы» (см. п. 109). Первым стихотворением Фета, опубликованным в этом журнале после 18 ноября, было «Солнца луч промеж лип <...>» (ВЕ. 1885. № 2; затем ВО 3, без даты), а потому не подлежит сомнению, что именно о нем говорил Страхов в п. 109. Это дает основание датировать публикуемое здесь письмо Фета и, вместе с тем, стихотворение, в него включенное, серединой ноября (до 16) 1884 г.

109. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 18 ноября 1884 г.

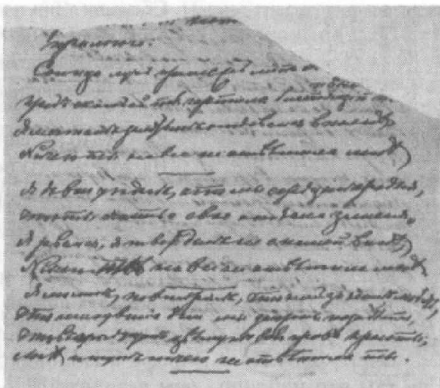
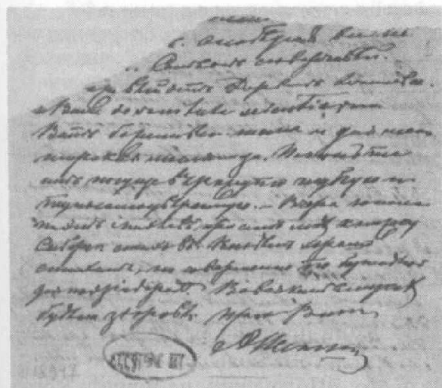
Жестоко Вы со мной поступаете, дорогой Афанасий Афанасьевич. Вчера ходил к Вольфу — нет ничего; дни два не придется и зайти, да и там не скажут ли завтра. Притом Вы не соблюдаете и своих выгод: если бы послали бандероль даже *заказную* (это можно), то обошлось бы дешевле, чем проценты с книги, которые Вы хотите доставить Вольфу¹.

Стихотворение Ваше пошлю Стасюлевичу²

Ваш обиженный почитатель

Н.Страхов

1884. 18 ноября. СПб.

ФРАГМЕНТЫ РАЗОРВАННОГО ПИСЬМА А.А.ФЕТА Н.Н.СТРАХОВУ

Автографы. <Москва. Середина ноября (до 16) 1884 г.>

Научная библиотека Украины. Институт рукописей, Киев

Ответ на п. 108.

¹ По-видимому, в утраченной части п. 108 содержалось сообщение, что Фет отправил Страхову через книгопродавческую фирму М.О.Вольфа экземпляр второго выпуска «Вечерних огней» (о получении которого см. п. 111, прим. 1).

² О публикации стихотворения «Солнца луч промеч лип был и жгуч и высок...» см. п. 108, прим. 4.

110. ФЕТ — СТРАХОВУ ¹

Москва. 21 ноября 1884 г.

21 ноября

Дорогой Николай Николаевич.

Спасибо, что надумили посылать под бандеролью страхованной. Авось получите «Веч^ерные^е огни» ¹, хотя не знакомого Вам там не найдете, а найдете исправленное по Вашим указаниям ². Так много и искренно приходится благодарить Вас, что лучше совсем не благодарить, так как обычная благодарность выходит несоизмеримо-мала. Я Вас спрашивал: не выслать ли новы^х «Веч^ерных^е огней»? а Вы промолчали; из чего я заключил, что это Вам надобно, а посылать посылками книги — это надо в главный почтамт на тот свет. —

Говорят: ты, т.е. я мнительный! «Печатайте Ювенала, не раздвигая на 20 цензурных листов. А я все подпишу». Печатаю и подаю, а тот отпечатанное марает, я чуть в обморок не упал, когда римскому льву начали выбивать зубы, превращая его в гнусявую шавку ³. — На каждом шагу, т.е. в каждый след Европа права, считая нас варварами. Чистые троглодиты! Мы даже не понимаем, что можно любить и чужой и свой труд. — Но начхать им всем на головы.

Сегодня написал ⁴:

Есть ночи зимней блеск и сила,
Есть непорочная краса,
Когда под снегом опочила
Вся степь — и кровли и леса.

¹ Печатается по копии, любезно предоставленной нам И.А.Кузьминой, установившей адресат этого письма (Н.Г.).

Сбежали тени ночи летней,
Тревожный ропот их исчез,
Но тем всевластней, тем заметней
Огни безоблачных небес.

Как будто волею всезрящей
На этот миг ты посвящен
Глядеть в лицо природы спящей
И понимать всемирный сон.

Когда получите это письмо, т.е. 23 ноября, мне стукнет полных 64 года и пойду в пятый. Право — пора и честь знать!

*Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano. Satira Juvenalis X. 356*⁵.

Вчера сунулся у Вольфа к Полонскому: тычут 4 тома большей частью прозы. Где там что найдешь, чем я дорожу?⁶ — Ведь это: «Полонский, не пиши!» Когда же появится Ваше желанное: *de vanitate*?⁷

Отдал в типографию свою настоятельную статью об общинном владении⁸. — Издаю и умою руки! Пожалуйста, радуйте — ст<ро>чками, ну хоть: я Н.Страхов.

Обе графини Толстых, мать и дочь, сейчас от нас ушли ц<в>етушие, собираются в Питер в январе. А когда меня пустит Ювенал, не знаю. Главное будьте здоровы, принимая наши общие с женой поклоны.

Меняю невозможную секретаршу — на возможную⁹.

Ваш А.Шеншин

Главное не очень ругайтесь! на меня, но чем более на заскорузлую, глупую и рутинную мнимую науку — тем лучше. Будете ругать не науку, а дураков.

¹ См. п. 109, прим. 1 и п. 111, прим. 1.

² Фет имеет в виду участие Страхова в редактировании его стихов во втором выпуске «Вечерних огней», многие из которых были исправлены по его указаниям.

³ Речь идет об изд.: Ювенал Д. Юний. Сатиры. В пер. и с объяснениями А.Фета М., 1885. Несмотря на заверения председателя Московского Комитета цензуры В.Я.Федорова, первоначально обещавшего Фету поддержку, а также вопреки цензурному разрешению, подписанному 9 ноября 1884 г., Московский цензурный комитет задержал выход книги, полагая, что нравственное чувство читателей оскорбят вольные выражения, присущие Ювеналу и сохраненные переводчиком. 20 ноября, стремясь защитить свой перевод от притязаний цензуры, Фет обратился за поддержкой к Е.М.Феокистову, возглавлявшему Главное управление по делам печати: «Ювенал, стихотворный перевод которого я, по обстоятельствам, тороплюсь отпечатать в количестве только 700 экземпляров, ценою по 3 руб., составляет частию смягченный перифраз Тацита, существующий уже более 10 лет в русском переводе. Я сам всюду уничтожал непечатные слова оригинала, но, к ужасу моему, Московская цензура налагает руку и на самые картины Ювенала, представляя римского льва беззубой шавкой <...> Смею думать, что взглянув на усидчивый труд мой снисходительно, Вы окажете помощь русской науке и просвещению» (ИРЛИ № 9089. Л. 5–5 об.). Отчасти проясняет цензурную историю Ювенала письмо К.Н.Леонтьева и Фету от 26 ноября 1884 г.: «Так как председатель заблагорассудил написать об Ювенале в Петербург и так как в новых гранках есть весьма непристойное место (об внуках), то не посетуйте на меня, Афанасий Афанасьевич, что я эти гранки продержу до Комитета (до среды)» (ИРЛИ № 20284. Л. 1). В свою очередь И.П.Новосильцов использовал свои связи, чтобы поддержать перед Феокистовым ходатайство Фета (Новосильцов I. С. 213). По-видимому, эти совместные действия сыграли свою роль: 1 января 1885 г. В.С.Соловьев поздравил Фета с выходом Ювенала в свет.

⁴ До сих пор это стихотворение датировалось предположительно второй половиной января 1885 г. (ВО 1979. С. 729). Данное письмо позволяет установить точную дату его создания — 21 ноября 1884 г. Впервые опубли.: ВЕ. 1885. № 2, перепечатано: РВ. 1887. № 11; затем: ВО J.

⁵ Следует просить о здоровом уме в теле здоровом. Сатира Ювенала X. 356 (лат.). Эта цитата из десятой сатиры Ювенала стала крылатым выражением.

⁶ Речь идет о четырехтомном «Собрании сочинений» Я.П.Полонского (СПб., 1869–1870)

⁷ О смысле этого вопроса см. п. 108, прим. 2.

⁸ Фет имеет в виду свою анонимную брошюру «На распутии. Нашим гласным от негласного деревенского жителя» М., 1885 (ц.р. 9 декабря 1884 г.). См. о ней: Генералова Н.П. «На распутии»: Фет об исторических судьбах России // *Фет и русская литература* 2006. С. 69–82. О том, что Фет намеревался подвести итоги своим выступлениям на экономические темы, прежде всего, по вопросам землевладения, общины, земства, самоуправления и т.д., свидетельствует п. 91 (прим. 6). Вопросу об общинном владении была посвящена отдельная глава брошюры «На распутии» (С. 9–26).

⁹ Имя «невозможной секретарши» неизвестно, «возможную» звали Анной Андреевной (фамилия ее неизвестна); в декабре 1886 г. ее сменила Е.В. Федорова, проработавшая у Фета до его кончины (см. *Кузьмина И.А. (2)*. С. 125, прим. 14).

III. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 4 декабря 1884 г.

Очень Вы добры, дорогой Афанасий Афанасьевич, и постараюсь я поставить Вас для себя образцом. Получил я милые «Вечерние огни» № 2¹, но слышал еще от Соловьева, что и с ним Вы прислали мне экземпляр². Он, как только приехал, в тот же день, через час после приезда, пришел в Библиотеку и сел за «Акты соборов»³. И так было каждый день, а потом, несмотря на опасность заражения оспой, уехал в Пустынку⁴. Не сегодня-завтра жду его назад — будет говеть. Мне он очень понравился, поздоровел, окреп.

Книжка Ваша имеет у понимающих дело успех; Кутузов⁵, Ухтомский⁶ и им подобные не находят слов для своего восхищения и очень огорчаются, когда слышат холодные или враждебные отзывы.

Вот Вам новость: Апухтин решился выступить в печати. Положительно говорят, что в начале года выйдет большою книгою собрание его стихотворений⁷. У него есть кружок поклонников, от которых я и слышал пять-шесть стихотворений, затверженных ими наизусть. По-моему — всё вздор; но жду книжки с любопытством.

Ах, Боже мой! Чего мне ждать? Чувствую такой упадок сил, такое пристрастие к молчанию, что до меня не могут касаться литературные новинки. Читали ли письма Тургенева⁸? Я до сих пор не читал, хотя обруган там несколько раз⁹.

Не браните хоть Вы меня. Сегодня мне так нездоровится, что я принужден сидеть дома и отказаться от вечера и бала, на которых очень нужно бы быть. Зато исполняю другие обязанности: пишу к Вам и к Толстому¹⁰.

А когда Вы в Питер? Будет очень приятно увидеть Вас с Вашею неистощимой энергиею¹¹. Декабрь здесь какой-то водоворотный месяц. Сегодня был у меня И.С. Аксаков, и всяких посещений и приглашений — нет конца.

Простите. Марье Петровне усердное почтение.

Ваш искренний

Н.Страхов

1884. 4 дек<абр>. СПб.

¹ Вечерние огни. Выпуск второй неизданных стихотворений А.Фета. М., 1885. Несмотря на то, что на титуле книги обозначен 1885 г., ценз. разр. от 25 октября 1884 г. свидетельствует, что она вышла в свет в начале ноября 1884 г.

² Ближайшее участие в подготовке первого выпуска «Вечерних огней» принимал В.С. Соловьев, о чем свидетельствует дарственная надпись на одном из его экземпляров: «Дорогому зодчему этой книги Владимиру Сергеевичу Соловьеву автор» (ВО 1979. С. 27). Несомненно, Фет советовался с Соловьевым и по поводу второго выпуска «Вечерних огней», как это было впоследствии при подготовке третьего выпуска.

³ С начала 1880-х гг. духовная эволюция В.С. Соловьева приводит философа к необходимости решения фундаментальных вопросов богословия: с особенной остротой он ставит вопрос о воссоединении Церкви — Западной, католической, и Восточной, православной. В 1883 г. в газете И.С. Аксакова «Русь» (№ 1–3, 14, 15, 18, 23) печатается первая принципиальная работа Соловьева на эту тему — «Великий спор и христианская политика»; трудность прохождения ее

«через внутреннюю цензуру» Аксакова (задержки в публикации, редакционные оговорки, ее сопровождающие, и т.п.) свидетельствует о резко нарастающем отталкивании Соловьева от идеалов его молодости: он «из славянофила делается западником» (Соловьев в С. Биография Владимира Сергеевича Соловьева // Соловьев Владимир. Стихотворения. Изд. 6-е. М., 1915. С. 13). Решения первых семи Вселенских соборов (созывались с IV в.) представляют собой фундамент богословия и церковного устройства как православной, так и католической Церквей (католические соборы, созывавшиеся после раскола Церквей, для православных никакого авторитета не имеют). Соловьев изучал Акты этих соборов (именно как основные документы неразделенной, единой Церкви) в связи с работой над капитальным трудом «История и будущность теократии. Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни. Т. I» (Загреб. 1887; духовной цензурой книга запрещена к обращению в России).

⁴ О Пустыньке см. п. 103, прим. 4.

⁵ Об А.А.Голенищеве-Кутузове см. п. 71, прим. 11.

⁶ Об Э.Э.Ухтомском см. п. 83, прим. 13.

⁷ Имя поэта Алексея Николаевича *Апухтина* (1840–1893) появилось в печати впервые в 1854 г., однако с 1862 г. он перестал печататься, оказавшись, как и Фет, не очень желанным гостем в литературном процессе 1860-х гг. В то же время имя его было довольно известно, некоторые его стихи стали популярными романсами. В 1858 г. он написал эпиграмму на стихотворение Фета «Летом мы шли по тропинке единственной...» (Тургенев и круг «Современника». Л., 1930. С. 356). Впоследствии Фет вспоминал свое посещение усадьбы Апухтиных в Болховском уезде (МВ 1. С. 256–258), где он впервые познакомился с молодым сыном хозяев. Апухтин стал снова печататься лишь с 1884 г.; его первый поэтический сборник вышел в свет в Петербурге в 1886 г.

⁸ В конце 1884 г. вышло подготовленное В.П.Гаевским «Первое собрание писем И.С.Тургенева. 1840–1883». Изд. Об-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884. На просьбу Гаевского передать для этого издания письма Тургенева к нему Фет ответил вежливым отказом, сославшись на то, что не смог отыскать их в Воробьевке (см. письмо к Гаевскому от 1 ноября 1883 г. // РНБ. Ф. 171. № 295. Л. 1 об.-2; сообщено М.Д.Эльзоном). Тем не менее через несколько лет большую часть этих писем Фет включил в свои воспоминания (МВ 2. Гл. II–IV, VI–XII, XIV).

⁹ Резкие отзывы Тургенева о Страхове содержатся в его письмах к Я.П.Полонскому, напр., в письме от 13 (25) января 1868 г.: «...авторитету Страхова я — виноват! не верю — и не потому, что он меня бранит, а потому, что он славянофил — а эти господа, быть может, в политике орлы, но в эстетике — тупицы № 1» (Первое собр. писем И.С.Тургенева. 1840–1883. СПб., 1884. С. 131); в письме от 16 (28) апреля 1869 г.: «Что касается до Страхова — то он, конечно, хороший и умный малый; но критического понимания у него менее чем у последнего чухонского будочника; — где только примешивается славянофильство — там этого добра — критического понимания — уже и не спрашивай!» (Там же. С. 157); см. также письмо от 24 декабря 1869 г. (5 января 1870 г.).

¹⁰ Письмо к Толстому от 1 ноября 1884 г. (ТС. Т. II. С. 673–675).

¹¹ Судя по декабрьским письмам И.П.Новосильцова, адресованным в Москву (Новосильцов I. С. 214–217), в декабре 1884 г. Фет в Петербург не приезжал.

112. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 9 декабря 1884 г.

Перечитывая Вашу прелесть, дорогой Афанасий Афанасьевич,

*Есть ночи зимней блеск и сила*¹,

я спохватился (о, простите), что и это нужно отправить к Стасюлевичу, и сегодня посылаю. —

Огни безоблачных небес

или

Глядеть в лицо природы спящей —

стихи бессмертные.

Итак, имейте в виду, что они *лежат* у Стасюлевича и могут *пойти*².

Читаю «Письма Тургенева» и очень дивлюсь тому, что там об Вас писано, будто Ваши стихи когда-то, и многие годы, были все слабые³.

Что это такое?

Простите Вашего душевно

Н.Страхова

1884. 9 дек<абр>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Это стихотворение (далее цитируются строки из него) Фет прислал Страхову 21 ноября 1884 г. (см. п. 110, прим. 2).

² Это и другое, посланное Стасюлевичу в ноябре 1884 г., стихотворение (см. письмо 108) были опубликованы одновременно (*ВЕ*. 1885. № 2). О кратковременном сотрудничестве Фета в «Вестнике Европы» см.: *Кузьмина И.А.* (2). С. 120–126.

³ Очевидно, Страхов имеет в виду строки из письма Тургенева к Я.П.Полонскому от 2 (14) января 1868 г.: «Фет очень умно поступит, если сдержит слово, данное тебе и бросит писать стихи: что за охота так плохо и дрябло повторять самого себя» (Первое собр. писем И.С.Тургенева. 1840–1883. СПб., 1884. С. 129). Это и др. подобные высказывания о Фете, объясняются тем, что отношения между ним и Тургеневым в течение 1860-х гг. становились все более напряженными.

113. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 2 января 1885 г.

С новым годом, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич! Я сидел у себя дома, совершенно один, и он пришел так незаметно, как будто ровно ничего не случилось.

Вчера узнал две новости, — Стасюлевич извещает, что Ваши два стихотворения будут напечатаны (верно, в февральской)¹, и у Кузминских² слышал от Сережи Толстого, что Вы выпустили Ювенала³. Вчера у Кузминских была прелесть, главное, разумеется, по милости хозяйки. Давали комедию ее сочинения⁴! Придете — расскажем Вам подробно.

Сам я — не имею права считать себя нездоровым; на праздниках трудился — написал отповедь Бутлерову по поводу спиритизма⁵. Может быть, Вы и похвалите.

Затем — простите меня и приезжайте непременно к Татьянину дню⁶.

Ваш душевно

Н.Страхов

1885. 2 янв<ар>. СПб.

¹ Об этих двух стихотворениях см. п. 108 (прим. 4) и п. 112 (прим. 2).

² О дружеских отношениях Страхова с А.М. и Т.А.Кузминскими см. п. 78, прим. 1.

³ О цензурных затруднениях, связанных с изданием «Сатир» Ювенала в переводе Фета, см. п. 110, прим. 3.

⁴ О какой комедии Т.А.Кузминской идет речь, выяснить не удалось; скорее всего, речь идет о ее переводе комедии Б.Бьернстерне «Перчатка».

⁵ Подразумевается статья «Физическая теория спиритизма (Письмо в редакцию)» (*НВ*. 1885. 26 февраля. № 3232) — очередное полемическое выступление Страхова, направленное против А.М.Бутлерова и др. защитников спиритизма — Н.П.Вагнера и Д.Н.Цертелева (об этой полемике см. п. 95, прим. 6).

⁶ Приезжал ли Фет в Петербург в январе 1885 г., неизвестно.

114. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 31 января 1885 г.

Дважды начинал я к Вам писать, дорогой Афанасий Афанасьевич, но не кончил за сутолокой, в которой живу. Наконец, я заболел и сделался (потому) лучше, то есть терпеливее, спокойнее, добрее, и не таскаюсь без толку по людям, не знающим, что с собой делать. Болезни моей второй день, и надеюсь, что третий будет последний. Право, я бы не берег себя, если бы можно было себя обмануть. Но мы обязаны что-то делать, искать чужой и своей пользы, заботиться о пище, платье, квартире, устраивать себе забавы, освещение, постель, водить себя гулять, являться в том или другом месте и т.д., словом, у нас множество неизбежных хлопот, составляющих однако не движение вперед, а кружение на одном месте. Движение совершается, именно к могиле; но мы об этом не думаем, а только вертимся, как будто дело делаем. Как бы хорошо было, если бы можно было остановиться! Мне кажется, я бы не скучал. По крайней мере, Эмс, где я нарочно не имел ни единого знакомого, есть одно из светлых моих воспоминаний¹. Вчера и сегодня у меня была только одна тоска — целый день здесь сумерки, и мрачные, желтые!

Сегодня зашел Соловьев, бодрый, веселый, так что я порадовался. Впрочем, он сидит рядом со мною каждый день в библиотеке — что мне очень приятно. Читает он акты Всел<енских> Соборов, к нему часто заходит католик Гезен — и все это мне представляется чем-то опасным². — Часто вспоминаем и об Вас, и читаем друг другу Ваши письма. Об романсе

Угадал — и я взволнован

мы поспорили; я говорил, что это шутка, а он не соглашался, видя тут только веселое волнение³. Вообще он к Вам пристрастен более моего и возражает на самые легкие мои замечания. Но это не значит, чтобы я питал к Вам меньше расположения, чем он.

Простите, что до сих пор не вник ни в Вашего Ювенала⁴, ни в «На распутьи»⁵. Ювенал, мне, впрочем, знаком; но гласные меня мало интересуют, вовсе не так, как гласные⁶. Мне стыдно это говорить, но что же делать! Глубокое равнодушие ко всему юридическому, экономическому, политическому — следствие нашего воспитания; славянофилы говорят, что это черта народного духа. Однако, и прочту, и спрошу других⁷. Н.П.Семенов хвалился, что Вы ему прислали брошюру.

Сам я изготовил статью о спиритизме (пятую по счету)⁸, да уже напечатана («Русь», № 2) статья о Л.Н.Толстом⁹. Если она не очень Вас рассердит (и конечно, если прочтаете), то скажите Ваше мнение¹⁰.

С тех пор, как я начал это письмо, сгорело *Кредитное общество*, выслан Гриневецкий¹¹, попечитель Новиков говорил речь в университете¹² и пр. и пр. Но я упорно остаюсь спокойным.

И вижу оборот во всем кругообразный. Особенно здесь, в Петербурге, можно бы питаться злословием всласть и в изобилии; но на меня нападает от этого такая тошнота, что я убегаю к своим книгам.

Простите меня, дорогой Афанасий Афанасьевич, за мою леность и утешьте Вашим письмом. Читатель я отличный, но писатель очень умеренный. Марье Петровне мое усердное почтение.

Ваш душевно

Н.Страхов

P.S. Получаете ли «Вестник Европы»? Там есть стихи *Ухтомского*. Что Вы скажете? У меня к нему большая слабость, но очень, очень, очень боюсь, что ничего не выйдет¹³. Таланта мало, нужен характер, добросовестность.

¹ О поездке Страхова в Эмс см. п. 105.

² Август Матвеевич Гезен (1817–1892) — член Совета Мин-ва нар. просвещения, автор книги «История славянского перевода “Символа веры”» (1884). Соловьев видел в нем сторонника соединения Церквей и либо не знал, что для католика Гезена это соединение означало подчинение православных Риму, либо считал это фактом второстепенным. Гезен активно способствовал распространению известности Соловьева среди католических деятелей, занимавшихся проблемами распространения католичества в России, и Страхов мог этого опасаться.

³ Возможно, Фет учел скрыто-негативную оценку стихотворения «Романс» («Угадал — и я взволнован...») и не включил его в очередной выпуск «Вечерних огней». Впервые опублик.: *Фет. 1901. Т. II. С. 90*.

⁴ См. п. 113, прим. 3.

⁵ Анонимная брошюра Фета «На распутии. Нашим гласным от негласного деревенского жителя» посвящена проблемам социально-экономического положения современной деревни (см. о ней п. 110, прим. 8).

⁶ Страхов обыгрывает подзаголовок этой брошюры: слова «гласные» и «гласныя», будучи однокоренными, писались по-разному («гласные» как выборная должность и «гласныя» как звуки (точнее буквы) языка.

⁷ Иначе отнеслись к брошюре «На распутии» другие корреспонденты Фета. С.В.Энгельгардт была потрясена «отчаянной и верной картиной современной России» (*Энгельгардт III. С. 140*). И.П.Новосильцов расценил брошюру Фета как важный документ, свидетельствующий о необходимости радикальных перемен в социально-экономической жизни русской деревни и, пользуясь своими придворными связями, предпринял шаги к тому, чтобы ознакомить с этим документом императора, а также круг влиятельных, облеченных властью лиц (*Новосильцов II. С. 444, 448*). Известный деятель крестьянской реформы Н.П.Семенов оценил в брошюре Фета «ясный и трезвый взгляд» человека, «видавшего жизнь как она есть», и готов был обсуждать с автором поставленные им проблемы общинного землевладения (*Николаев. С. 50*).

⁸ Об этой статье см. п. 113, прим. 5. Страхов называет ее «пятой по счету», подразумевая четыре предыдущие свои статьи на ту же тему: «Три письма о спиритизме» (Гражданин. 1876. № 41–42, 43 и 44) и «Еще письмо о спиритизме» (*НВ. 1884. 1 февраля*).

⁹ «Французская статья об Л.Н.Толстом» (Русь. 1885. № 2. 12 января) — полемический отклик Страхова на статью франц. критика Мельхиора де Вогюэ (Vogüé) «Les Ecrivains russes contemporains. Le Comte Léon Tolstoï»^{1*} (*Revue des Deux Mondes. 1884. 15 juillet*). Вогюэ развивал мысль о нигилизме и мистицизме как основах эволюции миросозерцания Толстого. «То, что Вогюэ называет нигилизмом, — писал Страхов, — есть не что иное, как полный практический скептицизм, не теория, а жизнь, не содержащая никаких твердых основ для мысли и деятельности, бессознательная духовная пустота. Это вовсе не то, что принято называть нигилизмом, не та болезнь, которую несколько анализировал Тургенев и который дал это название. Настоящий нигилист есть именно социалист и революционер <...> Итак, неправильно Л.Н.Толстой назвал себя нигилистом, и неправильно называет его так автор статьи, придавая этому слову слишком широкий смысл» (цит. по: *Страхов. Критич. статьи. С. 460–461*). Опровергал Страхов и тезис Вогюэ о близости взглядов Толстого к восточным религиям, в частности, к буддизму, что, по мнению французского критика, вредит художественной деятельности писателя.

¹⁰ В отличие от Страхова, Фет высоко оценил статью Вогюэ. 26 июня 1886 г. он писал С.В.Энгельгардт, что «готов двумя руками подписать его статью о Толстом, не исключая и едких замечаний насчет последней его деятельности» (*Фет. СПП. С. 391*). Сравнивая последние

И.П.НОВОСИЛЦОВ,
ШТАЛМЕЙСТЕР ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА
Рисунок с фотографии С.Л.Левицкого
«Всемирная иллюстрация». 1883. № 755. 25 июня

^{1*} «Русские современные писатели. Граф Лев Толстой» (франц.).

произведения Толстого с «уродливым младенчески несостоятельным мировоззрением» Гюго, явленным в его трактате «Вильям Шекспир», Фет утверждал, что «окончательное банкротство Гюго перед здравым смыслом» повторяется и «поэтически-чутким и могучим Толстым»: «Какой младенец, еще не умеющий ценить собственных слов, способен болтать тот вздор, которым Толстой за последнее время угощает своих читателей и почитателей» (Там же, с. 392). Поделится ли Фет со Страховым этими соображениями по поводу статьи Вогюз, неизвестно.

¹¹ Известный польский гос. деятель епископ вильнюсский Кароль *Гриневецкий* (1841–1929) активно сопротивлялся политике русификации Польши. В январе 1885 г. был сослан в Ярославль.

¹² Имеется в виду Иван Петрович *Новиков* (1824–1890), муж известной общественной деятельницы О.А.Новиковой, попечитель учебного округа Киева, с 1855 г. — Петербурга.

¹³ Очень скоро эти опасения начали сбываться (см. п. 128).

115. СТРАХОВ — ФЕТУ

<С.-Петербург, 17 или 18 февраля 1885>

Читаю и перечитываю Ваше письмо, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и, как всегда, дивлюсь серьезности и искренности, с которою Вы не отступаете от раз поднявшихся вопросов. По обыкновению, Вы, на манер Канта, разрубаете мир на несколько отдельных областей и строго запрещаете всякое единство¹. Это очень хороший прием для изучения, для логического исчерпывания известной точки зрения, но — не для жизни. В действительности все связано, и каким-нибудь приемом нужно же подняться над разделением. Нужна область, в которую человек может подняться над государством, над семьею, над политической экономией и даже над искусством. Впрочем, искусство принадлежит именно к этой области, но нужно лишь в самом искусстве держаться его настоящего смысла, и объяснение этого смысла и есть задача критики — на которую нередко фыркают художники, фыркаете и Вы, как урожденный поэт².

Конечно, критика бывает разная, и чаще всего она истинное *оскорбление величества* по отношению к искусству. Но подумайте: музыка есть необходимая принадлежность не только храма, но и борделя, и над каждым воротами у Вас в Москве, где продаются картинки, Вы найдете Богородицу и голую женщину. Большинство публики стихов терпеть не может, кроме подобных:

Упражненья совершает
Над Россией нынче Бунге;
Горбунов их называет
По-немецки: *убунген*³.

⁴ Позвольте же Вас спросить: почему Каратаев поставлен яснее, величавее, *красивее*, чем Безухов и сам Наполеон⁴. Я беру с этой стороны, со стороны красоты; по-моему, Мурильо есть первый в мире живописец именно оттого, что у него пастухи и овцы — восхитительны, и нищие — очевидно, вошли в царство небесное⁵. На всем свете, везде тот дух, который смиряет всякую страсть и заставляет нас стыдиться наших волнений, ничтожных в самой своей сущности.

Кстати о живописи. Репин написал изумительную картину, перед которою я чуть не заплакал⁶. Так меня захватило, что хочу писать к Льву Николаевичу⁷. Вот сила! Вот неотразимо, непобедимо! И все то же — в самой глубине души человека есть искра, которая одна имеет существенность; но чтобы искра эта блеснула, камень должен иногда разбиться вдребезги.

Простите, что не скоро отвечал Вам — я опять был болен и все еще не совсем поправился. Радуюсь одному — грудь моя в эту зиму доказала, что Эмс очень полезен⁸. Но кишки — шалят.

Соловьев пропал в Пустынке⁹ — две недели жду его и скучаю по нем.

Читали ли фельетон об Вас Буренина¹⁰? Писано против воли, но не глупо.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич. От души желаю Вам и Марье Петровне всего хорошего. Всегда мне радостно вспомнить Вас, Вашу бодрость и Вашу поэзию. Не изменяйтесь!

Ваш душевно

Н.Страхов

Письмо без даты. Датируется по почт. штемпелю на конверте: «С.-Петербург. 18 февраля 1885». Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ В философской системе Канта, на которого ссылается Страхов, проведена граница между «чистым» и «практическим разумом», определены пределы познания, за которыми остается мир «вещей в себе», не подлежащих рациональному познанию. К такого рода «вещам в себе» принадлежала, по Канту, и религиозная вера. В утраченном письме, на которое отвечает Страхов, Фет, в связи с обсуждением статьи М.де Вогио о Толстом и откликом Страхова на нее, без сомнения, в очередной раз подверг критике религиозно-философские взгляды Толстого (ср. п. 114, прим. 9).

² Страхов игнорирует положительное содержание аргументов Фета, не отрицавшего превосходства искусства над иными формами постижения мира, однако эта сфера в представлении Фета не исключала иных форм познания, а сосуществовала с ними, в том числе с практической, к которой относились и государство с любым общественным устройством, и семья, и политическая экономия.

³ Автор эпиграммы на Н.Х.Бунге, министра финансов, проводившего жесткую финансовую политику, неизвестен. Упоминаемый в эпиграмме Горбунов — очевидно, Иван Федорович (1831–1895), известный писатель и драматический актер, мастер устного рассказа. «Уебунген» — от нем. *Uebungen* (упражнения).

⁴ В своем споре с Вогио (см. п. 114, прим. 8) Страхов упрекнул его в непонимании образа Платона Каратаева из «Войны и мира»: «Каратаев, <...> по определению критика, <...> да, скажем прямо, как бессловесное животное (*la brute*). А между тем, он-то составляет для Пьера (а потому и для Толстого) пример человеческого достоинства, образец душевной красоты! Тут — граница понимания умного и глубоко просвещенного иностранного писателя...» (Страхов. *Критич. статьи*. С. 470).

⁵ Бартоломе Эстебан *Мурильо* (Murillo) (1618–1682), испанский художник, писавший на евангельские сюжеты, мастер колорита и светотени, создал немало картин из простонародной жизни.

⁶ Имеется в виду картина И.Е.Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» («Иван Грозный убивает своего сына Ивана»), выставленная тогда в Петербурге и позднее приобретенная П.М.Третьяковым для его галереи.

⁷ «Подходишь с ужасом и отвращением и уходишь с умилением», — писал Страхов Толстому 12 апреля 1885 г. — Так я слышал, и так было и со мною. Три раза я ходил смотреть картину; в первый раз впечатление поразительное; но потом выступило что-то мешающее — попробую при свидании с Вами сказать, какие тут недостатки» (ТС. Т. II. С. 681).

⁸ Летом 1884 г. Страхов пил в Эмсе целебные воды (см. п. 105).

⁹ Пустынька — имение С.А.Толстой, где часто гостил В.С.Соловьев.

¹⁰ Речь идет о статье В.Буренина «Сатиры Ювенала в переводе А.А.Фета» (НВ. 1885. № 3221. 15 февраля. С. 2). Высоко оценивая переводы Фета, критик призывает и других поэтов обратиться к этой «почтенной» деятельности. Упрекнув перевод «Сатир» Ювенала в излишнем буквализме, Буренин тем не менее утверждает: «...перевод выполнен так, как может это сделать глубокий знаток поэтических красот и стихотворной техники и крупный поэтический талант». Очевидно, Фет был доволен статьей Буренина, поскольку вскоре, посылая ему свой перевод «Превращений» Овидия (1887), писал: «Помня сочувственный отзыв Ваш о моем Ювенале, прошу Вас принять и настоящую книгу <...>» (ИРЛИ. 36.25032. Л. 1 об.).

116. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 14 марта 1885 г.

Соловьев здоровствует и благоденствует, читает каждый день за моим столом в Библиотеке Афанасия Великого¹, принимает визиты дам, спорит под моим приглядом со Стасовым² — и вообще мил как нельзя больше.

Мы даже очень мирно разногласим с ним по высшим вопросам.

Когда Вы в деревню, дорогой Афанасий Афанасьевич? Для соображения хотелось бы знать — наступает уже время соображений, а потом и решений³.

Здоровье мое — хорошо, хоть я и боюсь каждый раз, когда это говорю (sic!), боюсь, что завтра же это окажется вздором. Главное — грудь моя очевидно поправлена Эмсом⁴.

Будьте и Вы здоровы! Сейчас же промойте глаза *очень теплой* водою и не мочите их никогда холодной; с этим секретом я нынче перестал и думать о своих глазах.

Ваш душевно

Н.Страхов

1885. 14 марта. СПб.

¹ *Афанасий Великий* (293–373) — архиепископ Александрийский, один из отцов православной церкви. В.С.Соловьев читал его труды в Имп. Публичной библиотеке, на Юридическом отделении, которым заведовал Страхов.

² Изв. музыкальный и худож. критик Владимир Васильевич *Стасов* (1824–1906) начал работать в Имп. Публичной библиотеке с 1856 г., в 1880-е гг. возглавлял Отделение искусств и технологии (Голубева О.Д. Стасов В.В. // *Сотрудники РНБ*. Т. 1. С. 496–502).

³ 5 апреля 1885 г. Страхов писал Н.Я.Данилевскому: «План мой такой: выеду к 20 или к 21 и к 25 апреля буду в Воробьевке у Фета. Там проведу недели две <...> и <...> явлюсь к вам, значит числа 10 мая» (РВ. 1901. № 3. С. 136). О реализации этих планов см. в п. 117–118.

⁴ О пребывании Страхова в Эмсе см. п. 115, прим. 8.

117. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 15 апреля 1885 г.

Кажется, все идет благополучно, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и в воскресенье, 22 апреля, я могу тронуться в путь. От всей души благодарю Вас за предложение остановиться в Москве в Вашем доме¹: не то одно дорого, что меньше денег выйдет, а и то, что не будешь чувствовать себя так бесприютно, как в трактире. Зато, может быть, день или два лишних пробуду в Москве — но только в том случае, если застану Л<ьва> Н<иколаевича> в Москве². Он написал мне удивительную новость: в Крыму он заехал к Н.Я.Данилевскому, и они очень друг другу полюбились³. Мне это была истинная радость. Николай Яковлевич принадлежит тоже к очень и очень редким людям.

В Воробьевке думаю пресерьезно заняться Катуллом и Тибуллом⁴, и так разгорелся, что даже не страшит меня опасность ссориться с Вами, может быть, вплоть до примирения за вечерним чаем.

Наслаждения обещаю себе множество, больше, чем в Мюнхене и на Рейне⁵. От Вас проеду в Крым, к Данилевским, где думаю не шутя работать.

На здоровье мне жаловаться грех: недавно, по случаю празднования Кирилла и Мефодия, четыре дня сряду я ел торжественные обеды, которыми угощали здесь приезжих славян⁶, — и остался жив, и оправился очень скоро.

Соловьев писал мне, что ненадолго поедет во Владимир; было бы горе, если бы я не застал его⁷. А здесь его приятель Цертелев стал редактором «Дела»; не верю я в долгую будущность этого редакторства, но на первых порах он, конечно, потребует дани от Вас⁸. Хоть я почти безнадежен в этом отношении, но он и ко мне обращался за тем же⁹.

Но лучше отложить всякие планы и переговоры до свидания, которого жду с нетерпением.

Простите меня за всякие мои косности, передайте мое усердное почтение Марье Петровне и примите от меня самые искренние желания Вам обоим всего хорошего.

Вам преданный

Н.Страхов

1885. 15 апр<еля>. СПб.

¹ 22 апреля 1885 г. Страхов приехал в Москву и, по приглашению Фета, остановился в его доме на Плющихе (см. п. 118, прим. 1).

² О московской встрече Страхова с Толстым см. п. 118.

³ Об этом Толстой написал Страхову <30...31> марта 1885 г. (ТС. Т. II. С. 678), в ответ на что Страхов сообщил ему выдержку из письма Н.Я. Данилевского — исполненный восхищения рассказ о впечатлении, произведенном на него личностью Толстого (Там же. С. 679 и 681).

⁴ Речь идет о переводах «Стихотворений» Катулла и «Элегий» Тибулла, которыми в это время занимался Фет. О выходе этих изданий в свет см. п. 120 и 127.

⁵ Летом 1884 г. Страхов посетил Мюнхен, где слушал оперы Вагнера (см. п. 106), а затем совершил путешествие по Рейну (РВ. 1901. № 3. С. 132).

⁶ 6 апреля 1885 г.: «...вся Россия торжественно празднует тысячелетний юбилей славянских святых Кирилла и Мефодия, а в их лице и тысячелетний юбилей славянской письменности, просвещения, национального самосознания и их культуры» (РВ. 1885. 6 апреля № 74). В Петербурге празднества, организованные в честь этого юбилея Петербургским Славянским благотворительным обществом, продолжались четыре дня — 5–8 апреля (Там же), личное участие в этих торжествах принимал Александр III с семьей.

⁷ «Я сегодня уезжаю на несколько дней во Владимир, — сообщал Страхову В.С. Соловьев в недатированном письме, — а потом, может быть отправимся вместе к Фету или съедемся там» (Письма Соловьева. Т. I. С. 23; сообщение Страхова позволяет датировать письмо Соловьева первой половиной апреля 1885 г.). О московской встрече Страхова с Соловьевым см. п. 118.

⁸ В 1885 г. Д.Н. Цертелев возглавил демократический журнал «Дело», однако в том же году от этого поста отказался. Фет в этом журнале никогда не печатался (см.: Бенин М.А. Журнал «Дело»: 1866–1888. Указатель содержания. Вып. I и II. СПб., 1993).

⁹ Никаких выступлений Страхова в журнале «Дело» не зафиксировано (Там же).

118. СТРАХОВ — ФЕТУ

Москва. 23 апреля 1885 г.

23 апр<еля> 1885,
Москва, Плющиха, д. 481

По сказанному, как по писанному; 26-го апреля надеюсь и я обнять Вас, дорогой Афанасий Афанасьевич¹. Вчера приехал, нашел все готовым, получил и Ваше письмо. Когда я вечером стал^{1*} Толстым запрещать Вас бранить, то начали они ротиться и кляться², что никогда этого не делают. Софьи Андреевны нет — она в Ясной по хозяйству; Лев Николаевич очень бодр и весел, пишет вещи, которые с известной стороны очень тонки и глубоки³.

Сам я немного развинтился — стоят холода и солнце — так что не знаешь, как тут уберечься. Но надеюсь, все поправится. Соловьева видел — он вместе со мной не едет, а будет 5, 6-го мая⁴. И он молодцом и тоже пишет⁵. Один я — только делаю потуги — ну, поправлюсь как-нибудь.

Низкий мой поклон Марье Петровне. Скажите, что мне у Вас прекрасно.

Ваш душевно

Н. Страхов

Ответ на несохранившееся письмо, полученное Страховым по приезду в московский дом Фета.

¹ Страхов приехал в Воробьевку 26 апреля, провел там около двух недель, а затем выехал в Мшату, крымское имение Н.Я. Данилевского. «У Фета мы занимались Катуллом», — писал он 2 июня (ТС. Т. II. С. 684).

² Ротиться и кляться — божиться и клясться (церк. сл.).

³ В апреле 1885 г. Толстой работал над народными рассказами «Где любовь, там и Бог», «Упустишь огонь, не погасишь» и др. (Гусев Л. Т. I. С. 602–607).

⁴ О пребывании В.С. Соловьева в Воробьевке в мае 1885 г. см. п. 120, прим. 2.

⁵ В это время Соловьев работал над книгой «История и будущность теократии (Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни). Т. I» (см. об этой книге п. 111, прим. 3).

^{1*} Далее зачеркнуто: как.

119. СТРАХОВ — ФЕТУ

Мшатка. 17 мая 1885 г.

1885, 17 мая,

Мшатка

К Вам первым, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, пишу я из страны роз и кипарисов. Дорогу я совершил благополучно, совершенно так, как показано в «Спутнике», но когда проскакал на перекладной 45 верст, то оказался от всего вместе порядочно разбитым. Некоторые папиросы Марьи Петровны очень удивили меня: из них выскочила и вата и весь табак. Южный Берег я застал в полной красе: никогда еще я не видал на нем такой роскошной и светлой зелени. Очарование еще продолжается; не могу видеть равнодушно этого моря, этих гор и лунных ночей. Вопреки всем расчетам, Н.Я.Данилевского не было дома. Он расшиб себе ногу еще на пути в Тифлис¹ и в Симферополе остановился на обратном пути, чтобы выдержать операцию. Через несколько дней он с больною ногою явился домой; но он вполне здоров и бодр, и только обязан держать свою перевязанную ногу в горизонтальном положении. Беседуем мы всласть. Кажется, я поправляюсь и начинаю полнеть от всего этого милого времяпровождения, начавшегося с той минуты, как я выскочил из Петербурга. От всей души благодарю вас за Ваше милое гостеприимство и целую ручку Марьи Петровны.

Нет, не нужно мне делать этих поездок! Чувствую заранее тоску при мысли о возвращении в Петербург и почел бы величайшим счастьем, если бы год или два мог прожить в таком глухом месте, как эта Мшатка, даже и расставшись с моими милыми хозяевами и их семьею. Не поступить ли мне в монахи?

Поездка Данилевского на Кавказ принесла хорошие плоды; он там распорядился (т.е. взял в свои руки комиссию) и говорит, что дело пустое. Итак, наше виноделие процветет и укрепит². «Дарвинизм» появился, наконец, здесь в виде первой книги, еще не подлежащей продаже и служащей автору для справок, ссылок и изловления опечаток³. Вчера и сегодня идут ливни, которые, может быть, спасут Ю<жный> Берег от засухи. Все благополучно, светло, весело и красиво.

Но отчего же в вечном^{1*} хоре
 Душа не то поет, что море
 И ропшет мыслящий тростник⁴?

Простите
 Вашего душевно преданного

Н.Страхова

Мой адрес: Его П<ревосходительст>ву Николаю Яковл. Данилевскому, Таврич. губ. через Севастополь, станция Байдары.

¹ В апреле 1885 г. Н.Я.Данилевский был командирован в Тифлис на «филлоксерный съезд», посвященный борьбе с филлоксерой — опаснейшим вредителем виноградников, который был открыт Данилевским в 1880 г. (после своего открытия он был назначен председателем Крымской филлоксерной комиссии и успешно боролся с этим бедствием).

² На Кавказе филлоксера не была обнаружена.

³ О судьбе издания труда Н.Я.Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование» см. п. 125, прим. 7.

⁴ Неточная цитата из стихотворения Ф.И.Тютчева «Певучесть есть в морских волнах »

^{1*} Далее зачеркнуто: споре.

120. СТРАХОВ — ФЕТУ

Мшатка. 10 июня 1885 г.

10 июня 1885,

Мшатка

Завтра еду, только завтра¹, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич. Сегодня день рождения 16-тилетней дочери Николая Яковлевича, а вчера приехали его дети — из Одесской гимназии; нельзя было не остаться. Ваше письмо было мне очень радостно; когда я слышу Вашу бодрость и веселость, мне становится стыдно моей вялости. Не я пропустил Соловьева, а Соловьев пропустил меня, то есть не приехал в тот срок, который мне назначал². Все-таки и мне приятно, что он побывал в Воробьевке и поддержал

— сладостный союз³.

Если посвятите мне Шопенгауэра, то буду считать это большой честью⁴; душевно Вас благодарю. И все-таки скажу, что из трех куплетов посвящения Катулла — последний — прелесть, а два первые, несмотря на чудные стихи — неясны выше надлежащей меры неясности. «Дни напоминают» — что? Сами себя? Или: что напоминает дни⁵?

Насчет присылки Вам виноградных чубуков я все устроил, и осенью Вы их получите в свое время из *Никиты* (такая деревня с казенным садом⁶).

По моему почерку можете заключить, что жара здесь порядочная. Вообще однако же, сносно в этом отношении и очаровательно во всех других отношениях.

Простите! Марье Петровне целую ручку. От Толстого и из Питера напишу Вам⁷.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Выехав из Мшатки 11 июня и проведя в пути двое суток, Страхов прибыл в Ясную Поляну, где остановился на неделю (см. п. 121). 19 или 20 июня он выехал в Москву и, задержавшись там на 2 или 3 дня, проведенных в доме Фета, 23 июня отправился в Петербург (см. там же).

² В.С.Соловьев не сдержал своего обещания встретиться со Страховым в Воробьевке (см. п. 117, прим. 7) и приехал туда уже после его отъезда в Мшатку. Во время пребывания в Воробьевке Соловьев, вслед за Страховым, занимался просмотром и редактированием переводов «Стихотворений» Катулла, над которыми работал Фет — об этом свидетельствует стихотворение, обращенное к В.С.Соловьеву (см. о нем в прим. 5 к наст. письму).

³ Усеченная цитата из послания Пушкина «К Языкову» («Издrevле сладостный союз / Потоп меж собой связует...»).

⁴ В это время Фет работал над переводом «философского размышления» Шопенгауэра «О четверном корне достаточного основания». Об этом переводе и о намерении Фета посвятить его Страхову см. в п. 124.

⁵ По-видимому, в утраченном письме, на которое отвечает Страхов, Фет прислал раннюю редакцию стихотворения «Владимиру Сергеевичу Соловьеву» («Пусть не забудутся и пусть...»). Фет учел замечание Страхова: в исправленном виде стихотворение (с датой: «Воробьевка. 1885 года 17-го мая») было опубликовано в качестве посвящения в кн.: Катулл. Стихотворения. В пер. и с объяснениями А.А.Фета. М., 1886. С. V.

⁶ Никитский ботанический сад (в 1879—1880 гг. директором его был Н.Я.Данилевский).

⁷ Первое после отъезда из Мшатки письмо к Фету Страхов написал не из Ясной Поляны, а из Москвы, второе — из Петербурга (п. 119 и 120).

121. СТРАХОВ — ФЕТУ

Москва. 22 июня 1885 г.

22 июня 1885,
Москва, Плющиха, № 481

Завтра еду отсюда, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и, прощаясь с Вашим домом, хочу еще раз поблагодарить Вас. Переезд из Крыма в Ясную и мое проживание в Ясной были не совсем благополучны. Жара на дороге была такая ужасная, что эти двое суток я причисляю к самым тяжелым дням моей жизни. Явилась даже резь в животе, и только теперь, кажется, все в полном порядке. А в Ясной Поляне было что-то смутное. Л^{ев} Н^{иколаевич} был не совсем здоров, а в обеих людных семьях — все здоровы, но нет бывшего веселого духа¹. Прожил я там неделю и одному радовался: литературная деятельность Л.Н. кипит. Два народных рассказа (новых) напечатаны² и еще два были окончены при мне³. Графиня держит корректуры *полного собрания*⁴ — и я помогал. Кроме того, она переписывает все, что еще остается в рукописях, и благодаря этому я прочел несколько удивительных отрывков. Некоторые пойдут в *Собрание* и Л.Н. выправляет. Кроме того — большая корреспонденция. Извещают о переводе «Исповеди» и «Веры» и «Изложения Евангелия» — по-английски⁵. И т.д.

У Вас в доме — во всем порядок и благополучие. Иван Федорович достал мне 25 экз^{емпляров} 2-й части «Фауста», 10 — «Горация» и пр. — он Вам доложит⁶. В Москве я поохотился немножко за книгами, и все это вместе будет отправлено в Петербург.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич! Еду на службу и на работу и очень завидую тем, у кого нет — службы. Дай Бог Вам здоровья и вдохновения. Марье Петровне усердное почтение.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

¹ Подразумеваются семьи Толстых и Кузминских. «Ясную Поляну нашел я наполненную женщинами и детьми человек до 30 и среди них двое мужчин, Лев Николаевич и Кузминский, — писал Страхов Н.Я.Данилевскому 18 июня 1885 г. — Такова она была и 14 лет тому назад, когда я в первый раз в нее заехал, только моложе и не так многолюдна, много народилось с тех пор... Л.Н. был и нездоров, и не в духе, и до сих пор жалуется, хотя и поправился немного» (РВ 1901. № 3. С. 137).

² Два «новых» народных рассказа Толстого — «Упустишь огонь — не потушишь» и «Где любовь, там и Бог» (оба рассказа вышли в свет в июне 1885 г.). 28 июля Страхов писал о них Толстому: «...я всем и каждому их раздаю <...> Сам я не раз их перечитывал» (ТС Т II С. 690).

³ 28 июля 1885 г. Страхов писал Толстому по поводу его народных рассказов. «Наконец Вы нашли ту форму, в которой всего яснее и неотразимее выражаются Ваши мысли» (Там же С. 690). Однако два последних рассказа, оконченные в июне 1885 г., во время пребывания Страхова в Ясной Поляне («Два старика» и «Свечка, или как добрый мужик пересилил злого призрака»), он оценил весьма строго: «...я далеко не так доволен этими рассказами, как другие. Мне все мерещится первая половина *Чем люди живы*, и когда я сравниваю с этим Вашу новую работу, мне ясно, что она сделана с меньшим старанием, а по местам и вовсе небрежно. Если гл^{ос}сила должна содержаться в изображении души человеческой, то тут у Вас можно указать и пуски и большие пятна» (Там же. С. 690).

⁴ Речь идет о 5-м издании «Сочинений» Толстого (М., 1886). Подробнее о нем см. в изд. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 13, прим. 4.

⁵ В это время В.Г.Чертков готовил к изданию выполненные им английские переводы 17 сочинений Толстого: «Исповедь», «В чем моя вера?» и «Краткое изложение Евангелия». Все 17 сочинения были изданы в одной книге, под общим заглавием: «Christ's Christianity» («Христианство Христа»). London, 1885. Книга вышла в свет в конце ноября 1885 г. (Русев I С. 620).

⁶ Страхов намеревался предложить в книжные лавки Петербурга переводы Фета, изданные в Москве и не распроданные там (вторую часть «Фауста» и стихи Горация). Эти книги достались ему И.Ф.Туфлеву, московский управляющий Фета.

122. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 8-9 июля 1885 г.

Наконец, есть возможность дышать, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и вот я пишу к Вам. Мои глубокие расчеты ужасно не удались: тут приходилось много свободных дней (в Библиотеке), но стояли жары, каких давно не помнят в Петербурге, 25 и 26° по Реомюру. Я только маялся в своей поганой квартире, под самую крышею и с низкими потолками. А ехать на дачу — чистое мучение в вагоне. Ни чтение ни писанье не шло, и я все бросил. Нужно снова раскачиваться.

Вот собственно и вся моя история. Прочитал я «Nouvelles études d'histoire religieuse»¹ Ренана, да «Souvenirs»² его же перечел. Я собираюсь об нем писать для «Руси». Очень меня поразил глубокий скептицизм, господствующий ныне во Франции; они уже не знают, что такое история, что такое нравственность. Если взять Тэна и Ренана, то можно удивляться, зачем они пишут. Pour s'amuser et pour amuser les autres³, — так выражается Ренан. Но чтобы забавлять, нужно затрагивать что-нибудь интересное, хоть, напр<имер>, половые органы. И вот один берет христианство, другой революцию, и на всякие лады дразнят людей, для которых есть еще что-то важное, святое в этих предметах. Если бы хорошенько схватить эти контрасты, вышло бы, может быть, недурно¹.

Видел Майкова, кланялся от Вас и получил от них поклон Вам для передачи. Завелся у них пасьянс, о завлекательности которого и муж и жена не могут говорить хладнокровно². Сообщаю Вам об этом за неимением других новостей. В городе пусто и никто не чешет языков, собираясь по вечерам. Я сижу все время дома и тоскливо соображаю разные планы трудов, которым не суждено осуществиться.

Простите и не забывайте меня. Марье Петровне усердное почтение.

Ваш душевно

Н.Страхов

P.S. Где Соловьев? Здесь ни слуху ни духу.

Датируется по почтовому штемпелю на конверте «С.-Петербург, 9 июля 1885 г.».

¹ В статье «Историки без принципов. Заметки о Ренане и Тэне» (Русь. 1885. № 8 и 9) Страхов развивал мысль о бесплодности скептицизма, овладевшего «лучшими французскими писателями», к которым причислял историков Э.Ренана и И.Тэна. Источник этого скептицизма Страхов видел в истории Франции последнего столетия — от Великой Французской революции до франко-прусской войны и Третьей республики (1870).

² О пристрастии А.Н.Майкова и его жены к пасьянсам см. п. 12, прим. 3.

123. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 26-27 июля 1885 г.

26 июля, 1885, СПб.

Вчера, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, приехал сюда Соловьев. Вечером он сидел у меня, и я, между прочим, угостил его чтением Вашего последнего письма, при чем часто раздавался знакомый Вам заливающийся хохот, и я вторил. Пришли мы к заключению, что стыдно и грешно не писать Вам, что мы оба виноваты перед Марьей Петровной, пропустивши ее именины без поздравления¹. Эти благие мысли настолько во мне были сильны, что пишу к Вам сегодня, несмотря на все помехи. А кроме того, я все время после получения Вашего пись-

¹ «Новые опыты по изучению истории религии» (франц.).

² «Воспоминания» (франц.). Полное название: «Souvenirs d'enfance et de jeunesse» («Воспоминания детства и юности»).

³ Чтобы развлечься самому и развлечь других (франц.).

ма собирался с Вами спорить. Конечно, людей следует гонять на корде, как лошадей, и бить чем попало, когда они лезут в горящую конюшню. Но я не хочу только, чтобы со мной так обращались, да и Вам желал бы дать полную волю действовать по собственному усмотрению. Эти исключения очень важны. Мы, таким образом, разделяем род человеческий на две неравные части: одну объективную, другую субъективную. С объективной мы знаем, как поступать: вести ее ко благу страхом, нуждою, насилием и для этого поддерживать в ней мысли, по которым она предназначена быть руководимою, а мы — быть ее руководителями. Но как быть с субъективной частью? Признаюсь, так как к этой части принадлежим мы с Вами, то я этот вопрос эгоистически считаю самым интересным. Что мне делать не со скотами, а с моей благородною персоной? Каких мне благ искать для себя? Положим, другим хорошо будет, если их гонят на корде; но будет ли мне хорошо, если я буду заниматься этим гонимием? Пусть другим хорошо верить в то, во что я не верю; но во что же верить мне самому?

Вопросы эти трудны, так трудны, что есть много людей, по доброй воле отрекающихся от свободы, поступающих в монахи, в мормоны и т.д., то есть переходящих из субъективной части человечества в объективную. Между тем я для себя этого не хочу, считая великим благом принадлежать к субъективной, и думаю, что это хорошо и для других, так что нужно всячески стараться, чтобы люди из объективной части могли переходить в субъективную, бегать сами по себе, без узды и без корды.

Вот мои сомнения, дорогой Афанасий Афанасьевич. Что Вы скажете?

Веду я себя не совсем хорошо. Мало пишу, след<овательно>, мало тружусь, и много читаю, т.е. ленюсь напропалую. Затем — ничего нового; только я чувствую, что зима уже настала. Третьего дня я зажег свою лампу, вместо которой для избежания жара зажигал прежде свечи, и живо почувствовал, что лето кончено. Термометр в несколько часов понизился с 21° R. на 10° R.

Да хранят Вас боги! Поблагодарите от меня Анну Андреевну² за прекрасный почерк. Марье Петровне мое усердное почтение и извинение.

Ваш душевно

Н.Страхов

27 июля. 1885. СПб.

<Приписка В.С.Соловьева:>

Тысячу раз собирался писать Вам, дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и вот в тысячу первый приписываю. Часто, соединившись с Вами в духе, ругал иссушителей нашей земли, благодаря которым Россия скоро превратится в продолжение среднеазиатских пустынь³. Надеюсь, однако, что Воробьевка останется в числе немногих оазисов. А я все сижу над пустыней византийского богословия или многословия, которое наглядно доказывает, что и сухое может быть водянистым⁴. — В «Русском вестнике», не предупредивши меня, напечатали Гафиза, так что я не успел послать Вам на просмотр в рукописи. Не просмотрите ли в печати? Грехи стихосложения я, кажется, все исправил⁵. — Напишите мне, пожалуйста (по адресу Ник. Ник.). Сердечно кланяюсь Марье Петровне, которой хотел телеграфировать 22, но побоялся Вас рассердить.

Душевно преданный Вам

Влад. Соловьев

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Именины М.П.Фет приходились на 22 июля.

² Анна Андреевна (фамилия не установлена) была в 1885–1886 гг. (до появления Е.В.Федоровой) секретарем теряющего зрение Фета (см. о ней п. 110, прим. 9).

³ Позднее, в статье «Враг с Востока», посвященной проблеме катастрофических изменений климата (Сев. Вестник. 1892. № 7), Соловьев отсылал читателя к своим прежним статьям на ту

же тему (1884-1885), причем назвал ряд публицистов, чьи выступления были созвучны его собственным взглядам на поставленную проблему. Имя Фета не упомянуто, однако данная приписка свидетельствует, что Соловьев знал его брошюру «На распутии» (см. о ней л. 110, прим. 18), в одной из глав которой Фет касался причин истощения и обезвоживания земель.

⁴ В.С.Соловьев изучал труды византийских теологов в связи с работой над книгой «История и будущность теократии (Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни)» (см. л. 111, прим. 3).

⁵ Стихи Гафиза, переведенные Соловьевым с немецкого переложения Фр.Боденштедта, см.: РВ 1885. № 7. Из приписки Соловьева можно заключить, что в июне 1885 г., будучи в Воробьевке, он показывал свой перевод Фету, который сделал ему ряд критических замечаний.

124. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 21 августа 1885 г.

Очень восхищался я, дорогой Афанасий Афанасьевич, Вашими замечаниями, о Достоевском и Тургеневе. Так как художники творят людей по своему образу и подобию, то Тургенев не мог создать крепких и умных лиц, а Достоевский непременно должен был создавать умных, но искалеченных нравственно¹. Весьма утешило меня также, что Вы уличаете Шопенгауэра в непоследовательности — так это и есть, и ошибка его мыслей о каком-то обнаружении *воли самой в себе*, помимо мира явлений, коренится, как мне думается, в общем грехе его философии, в грехе, простирающемся и на Канта. Они положили границу для разума, не внутреннюю, а какую-то внешнюю; поэтому им и мечтается, что ее можно обойти, и сама сущность, Ding an sich^{1*}, может через нее прорваться². — Ну, это вопрос длинный; а я его тронул потому, что нельзя же осыпать Шопенгауэра *безусловными* похвалами, как, например, похвала в Вашем посвящении³.

За это посвящение прежде всего кланяюсь Вам с великой благодарностию. Очень долго я разбирал Ваши два проекта и решился, простите! предложить Вам свой. Марал, марал и, наконец, составил то, что Вы найдете здесь на отдельном листочке⁴. Кажется, канва, по крайней мере, готова.

Стихи ваши — прелесть, как всегда — и я их тут распространяю⁵.

Похвалюсь и я. Написал статью «Заметки об Ренане и Тэнне», и дни через четыре она уже явится в «Руси»⁶. Теперь настает уже осень с холодами и слякотью, и начинается городская жизнь, т.е. начинают меня тормозить и приятели, и неприятели. Жду на днях появления ответа Бутлерова на мое нападение на спиритизм⁷.

Вообще, по Вашему совету, стараюсь не солодеть, да и на здоровье нечего жаловаться.

Еще раз — за все душевно Вас благодарю. Марье Петровне усердное почтение.

Ваш искренний

Н.Страхов

1885. 21 авг<уста>. СПб.

<Приписка В.С.Соловьева:>

Относительно Шопенгауэровского комитета, дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, оба коринфянина согласны с Вами, что сие неосуществимо⁸. Если же Вы [в Москве] устроите неофициальный сбор в Москве, то я по приезде [в Москву] туда приму в оном участие своим дырявым карманом, а также карманом двух-трех друзей. — Я лично отдам «цену беззакония», а именно гонорар за два старые и никуда не годные стихотворения, которые у меня взял Берг в

^{1*} Вещь в себе (нем.).

свою «Ниву»⁹. Через месяц с небольшим надеюсь обнять Вас. На юг не еду. Сердечно кланяюсь Марье Петровне.

Преданный Вам

Влад. Сол<овьев>

Что же Вы меня не поблагодарите за «бесов», которых Вы и знать не хотели¹⁰?

<Приложено на отдельном листке (рукой Страхова):>

Н.Н.С-ву¹¹

В предисловии Вашем к переводу главного сочинения Шопенгауэра «Мир как воля и пр<едставление>» (ныне распроданному) есть указание, что читателю необходимо познакомиться и с предварительным сочинением философа — «О четверном корне» и пр.¹²

Предлагаю теперь читателям перевод и этого сочинения и посвящаю его Вам. К нему я присоединил и перевод «Воля в природе», где Шопенгауэр со всевозможных уместных поприщ собрал подтверждения своему «метафизическому открытию»¹³.

я [Зная] При Вашей любви к Шопенгауэру, уверен, что делаю Вам удовольствие, ставя Ваше имя на этой книге, которая притом явится перед русскими читателями в ту минуту, когда просвещенные люди всего света готовы воздвигнуть памятник мыслителю 19-го века в столетнюю годовщину его рождения¹⁴.

Часто и горячо мы с вами спорили, но <нрзб.> не всегда разноречили и вместе радовались свежему дыханию единой мировой мысли. Пусть эта книжка напоминает Вам наши беседы.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Суждение о Достоевском и Тургеневе, на которое отвечает Страхов, возникло у Фета в результате чтения романа «Бесы», где в пародийной форме был выведен Тургенев. Этим суждением Фет поделился и с С.В.Энгельгардт в письме, которое также не сохранилось. 11 сентября 1885 г. Энгельгардт отвечала ему: «Мне очень понравилось ваше оригинальное и меткое выражение: „я пролез через терновый куст романа Достоевского «Бесы»“. Его мог написать только человек, одержимый падучей болезнью, а какое было бы замечательное произведение, если бы оно вышло из-под пера здорового человека. Ивану Сергеевичу жутко было, когда он читал „Бесы“ и волей-неволей узнавал себя. И как эти люди не понимают, что популярность не дается заискиванием, и может ли человек добиться популярности унижением и отречением от своей собственной личности» (Энгельгардт III. С. 119). Оба ответа (Страхова и Энгельгардт) дают известное представление о смысле не дошедшего до нас суждения Фета.

² По Шопенгауэру мир в его непрерывном движении является проявлением некоей слепой, но всеисильной воли. Для человеческого разума эта воля непостижима, для него она — «вещь в себе» (по формуле Канта, пытавшегося установить пределы возможностей познания). Еще в 1880 г., работая над переводом книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление», Фет видел противоречие в этом утверждении философа.

³ Намереваясь посвятить Страхову свой перевод «рассуждения» Шопенгауэра «О четверном корне закона достаточного основания» (см. о нем п. 45, прим. 1), Фет прислал ему на суд проект своего посвящения в двух вариантах.

⁴ См. прим. 11 к наст. письму.

⁵ Из п. 126 следует, что Фет послал Страхову стихотворение «Светоч» (опубл. ВЕ 1886, затем: ВО 3, с датой: «16 августа 1885»). О том, что «Светоч» был в руках Страхова до появления его в печати, см. п. 126.

⁶ Об этой статье см. п. 122, прим. 1.

⁷ Страхов ожидал ответа А.М.Бутлерова на свою статью «Физическая теория спиритизма (Письмо в редакцию)» (НВ 1885. 26 февраля. № 3232). «А со мною какая беда! — писал он Н.Я.Данилевскому 29 июля. — Бутлеров написал мне ответ, но редакция Нового времени его потеряла. Хлопотал я, чтоб разыскали, но напрасно. Хочу обратиться к Бутлерову лично и просить восстановить, досада несказанная!» (РВ 1901. № 3. С. 141). Ответ Бутлерова был напечатан: «Медиумизм и умозрение без опыта. Ответ г. Страхову» (НВ. 1885. 27 августа).

⁸ Идея создания Комитета для сбора средств на возведение памятника Шопенгауэру возникла в связи с предстоящим в 1888 г. 100-летием со дня рождения немецкого философа, учение которого приобрело в России много сторонников. По-видимому, в несохранившемся письме, на которое отвечает Соловьев, Фет высказал сомнение в том, что эта идея найдет отклик в Петербурге, причем он каким-то образом обыгрывал те строки Посланий Св. Апостола Павла к коринфянам, где идет речь о денежных сборах для Иерусалимской церкви (1 Кор. 16. 1–3; 2 Кор. 8. 1–15). Возможно под двумя «коринфянами», разделяющими сомнения Фета, Соловьев подразумевает двух петербуржцев — Страхова и себя.

⁹ В «Ниве» за 1885 г. № 39. 28 сентября напечатаны два стихотворения В.С.Соловьева: «Вся в лазури сегодня явилась...» (1875) и «У царицы моей есть высокий дворец...» (1876).

¹⁰ Из этой приписки Соловьева становится очевидным, что именно по его настоятельному совету Фет прочел в 1885 г. роман «Бесы» (1871).

¹¹ Предложенный Страховым текст посвящения Фет принял, ничего в нем не изменив.

¹² О необходимости предварить чтение главного труда Шопенгауэра знакомством с его статьей «О четверном корне закона достаточного основания» Страхов писал в первых строках своего «Предисловия к переводу» (*Мир как воля и представление*. С. V).

¹³ Фет объединил в одной книге два переведенных им труда Шопенгауэра: «О четверном корне закона достаточного основания. Философское рассуждение» и «О воле в природе. Исследование подтверждений со стороны эмпирических наук, полученных философией со времени своего появления» (М., 1885).

¹⁴ Об установке памятника Шопенгауэру в Германии заговорили сразу после его смерти, однако бюст работы Фридриха Ширхольца был установлен во Франкфурте лишь в 1895 г. В России намерение поставить памятник немецкому мыслителю не осуществилось.

125. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 17 сентября 1885 г.

Вчера, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, получил я письмо от моей племянницы и ее мужа¹. Они в огорчении и не знают, что думать: с апреля не отвечаю на их письма и не даю о себе знать.

Таков, Фелица, я развратен²!

Однако, прежде чем отвечать им, отвечаю Вам. Права Ваши выше всяких других: два прелестных стихотворения, одно величественное³, другое трогательное⁴.

Слышу, как сердце в груди расцветает⁵!

Этакое диво! Но стих, оканчивающийся на *кто-нибудь*, необходимо переделать. Никто, никто! — как хотите, а вложите⁶.

Сам я завален всякою работою.

1. Корректуры «Дарвинизма». Он должен выйти в двух толстых книгах в начале октября⁷.

2. Корректуры моей книги о Тургеневе и Толстом. Тут очень достается Тургеневу — может быть, за это Вы меня простите. Все тут старое, но едва ли Вами читанное⁸.

3. Полемика с Бутлеровым о спиритизме⁹. Веду ее очень серьезно, хочется много сказать самого существенного.

Затем — именины, пятницы, служба, книги, штаны и пр. и пр.

Все хуже и хуже становится дух, который вокруг нас. Когда переберу все воспоминания, то на меня нападает тоска. За все тридцать лет — ни одной светлой эпохи, кроме разве беспутной *зари возрождения*, 1859–61¹⁰. Никогда не было возможности успокоиться духом, *глядеть вперед без боязни*¹¹. Но теперь хуже всего; я не вижу, в чем мы преуспели, а ясно вижу, что от нашей глупости и пошлости мы ничуть не исправились. Чего можно ждать от такого общества? Почему все семена, чуть распустятся, гложут среди родимого бурьяна? То, что говорят и пе-

чатают, иногда меня просто пугает. Нет охоты ничего делать, не видишь цели и возможности.

Вышел первый том «Сочинений Я.П.Полонского». Тут его лирика¹². Соловьев и восхищается и бранится, как Вы¹³. Полонский же требует, чтобы я написал что-нибудь. Не жаждет он похвал, а просто рекламы — у него нет денег. Меня же тянет душа к совершенно другим вещам и придется совершить над нею насилие¹⁴.

Еще раз, простите за замедление и за все. Марье Петровне усердное почтение, и Анне Андреевне — неизменная благодарность.

Ваш

Н.Страхов

17 сент<ября>. СПб. 1885.

<Приписка В.С.Соловьева:>

Не удивляйтесь и не порицайте меня, дорогой Афанасий Афанасьевич, за упорный коллективизм сих посланий. Это есть хороший способ ускорения движения для [того] таких медлителей, как мы с Н.Н. — Я говорю ему: Когда же Вы напишете Афанасию Афанасьевичу? Я бы приписал. — А он, написавши, дает мне листок, говоря: припишите поскорей: я сегодня и в ящик опущу.

Стихи Ваши читал и восхвалял, особенно второе¹⁵. Сам я упражняюсь в греко-латино-русской прозе:

Зову властительные тени
И их читаю письмена¹⁶. —

Это Ваши стихи, в эпиграфе к моей прозе. — Сегодня или, точнее, сегодня ночью здесь свирепствовала буря, способная, по выражению одного писателя, вырвать рога у несчастнейшего из супругов. По поводу рогов, хотя я и не могу их иметь, тем не менее пытаюсь бодать Каткова в «Руси» за его отрицание философии и унижение религии, а главное, за непрактичность его консервативного доктринерства¹⁷. Видите, я поверил Вашему убеждению в моей практичности.

Сегодня собираюсь в Пустыньку на неделю, обработать кое-что касательно моей *idée fixe*¹⁸, именно обзор полемики по вопросу о соединении церквей¹⁸. — А там, по малом времени — и в Москву, под родной и дружественный кров на Пречистенке и Плющихе.

Очень кланяюсь Марье Петровне и обнимаю Вас. — До скорого свидания.

Ваш Влад. Сол<овьев>

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ О супругах Матченко см. п. 26, прим. 2.

² Из оды Г.Р.Державина «Фелица». Эту строку часто повторял и Фет.

³ Под «величественным» стихотворением Страхов мог иметь в виду либо «Светоч» («Лювец, все дни отдавший лесу...»), где есть строка: «Горел мой факел величаво», — либо (что более вероятно) стихотворение «Я потрясен, когда кругом...» (авт. дата: «29 авг. 1885»). Оба стихотворения опубли.: ВЕ. 1886. № 1; затем ВО 3.

⁴ «Трогательное» стихотворение — «Я тебе ничего не скажу...» (опубл.: ВЕ. 1886. № 1; затем: ВО 3, под заглавием «Романс» и с датой: «2 сентября 1885»). Положено на музыку многими русскими композиторами, в том числе П.И.Чайковским.

⁵ Перифраз 8-й строки стихотворения «Я тебе ничего не скажу...» (у Фета: «И я слышу как сердце цветет...»).

⁶ Настоячивый совет Страхова убрать из стихотворения «Я тебе ничего не скажу...» слова «кто-нибудь» свидетельствует, что Фет послал ему эти стихи в одной из первоначальных редакций, где четвертая строка оканчивается словом «как-нибудь» (см.: ВО 1979. С. 474; у Страхова ошибка памяти — «кто-нибудь»). В окончательной редакции это слово отсутствует.

¹⁸ навязчивой идеи (франц.).

⁷ Последний незавершенный труд Н.Я.Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование» вышел в свет после смерти автора. Страхов держал корректуры его первого тома (СПб., 1886); позднее он выпустил второй том (СПб., 1889). Ему принадлежит также ряд статей, написанных в защиту этого труда Данилевского от нападок сторонников дарвинизма (Гражданин. 1886. № 25; РВ. 1887. № 1; РВ. 1889. № 4 и 12; НВ. 1890. 21 сентября и 20 октября).

⁸ 28 июля 1885 г. Страхов писал Толстому: «Я задумал издавать свои критические статьи. И так как оказалось, что я всего больше писал об Тургеневе и об Вас, то я решил сперва выпустить книжку под заглавием: *Критические статьи об И.С.Тургеневе и Л.Н.Толстом*». Упомянув о чувстве неудовлетворенности, испытанном им при пересмотре своих статей, Страхов продолжил: «Но когда дело дошло до статей об Вас, я почувствовал, что в них есть жизнь, что их нужно печатать, и во мне сильнее и сильнее заиграла моя любовь к Вам, глубокое сочувствие к образу Ваших чувств. Нужно служить по мере сил тому делу, которое Вы начали и ведете; это будет мне отрадою и опорой <...> Против Тургенева я почти все время (кроме первой статьи) враждовал — и то хорошо; не нужно, чтобы эта слава ослепляла, а то из-за восторгов уже ничего разобрать нельзя» (ТС. Т. II. С. 691). Книга Страхова «Критические статьи. Т. I. Об И.С.Тургеневе и Л.Н.Толстом (1862–1885)» (СПб., 1885) продолжения не имела — первый том остался единственным.

⁹ О продолжении полемики против спиритизма см. п. 128, прим. 3.

¹⁰ Страхов иронически называет «зарей возрождения» эпоху подготовки крестьянской реформы 1861 г. и надежд на возрождение страны, которые питали тогда многие.

¹¹ Перифраз строки из стихотворения Пушкина «Стансы» («В надежде славы и добра...»).

¹² Подразумевается первый том десятитомного «Полного собр. сочинений Я.П.Полонского» (СПб., 1885–1886). Содержание этого тома составляли «Стихотворения. 1841–1885».

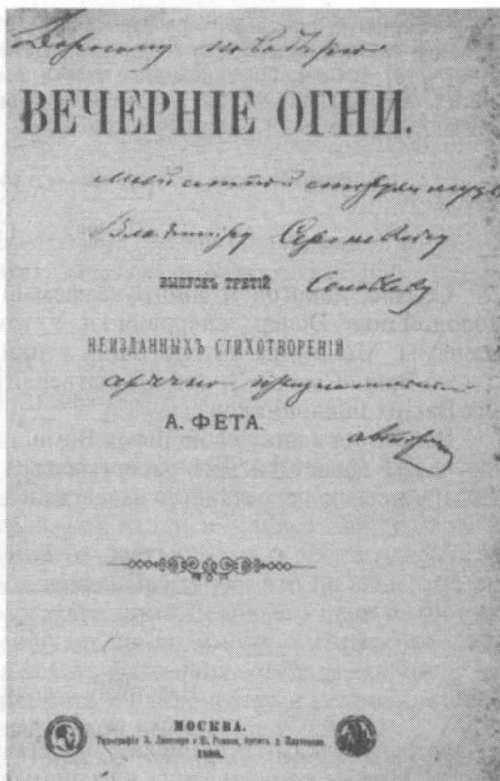
¹³ Мнения Соловьева и Фета именно о первом томе указанного собрания сочинений Полонского неизвестны. В 1890 г. Соловьев высоко оценил его творчество в статье «О лирической поэзии», написанной как отзыв на четвертый выпуск «Вечерних огней» Фета (РО. 1890. № 12. С. 626–654), а затем посвятил ему статью «Поэзия Я.П.Полонского» (Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива». 1896. № 2–6). Об отношении Фета к поэтическому творчеству Полонского см. наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 19, 21, 24, 25, 59, 61, 67 и мн. др.; см. также во вступ. ст. к этой публикации, с. 577–581.

¹⁴ Отзыв Страхова на первый том указанного собрания сочинений Полонского не был написан. Статьи его о лирике Полонского составляют особый раздел («Некрасов и Полонский») книги: Страхов Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888.

¹⁵ См. прим. 3 и 4 к настоящему письму.

¹⁶ Цитата из стихотворения Фета «Когда от хмелю преступлений...» (опубл.: РВ. 1866. № 1, без заглавия; затем ВО I, под заглавием «Сонет»).

¹⁷ Речь идет о статье В.С.Соловьева «Государственная философия в программе Министерства Народного Просвещения» (Русь. 1885. 14 сентября. № 11. С. 5–8. Подп.: П.Б.Д.). Ср. Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. II. М., 1989. С. 670–671. Упомянутый «один писатель» — А.К.Толстой (см.: Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1964. С. 299).

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ФЕТА В.С.СОЛОВЬЕВУ
НА ТИТУЛЬНОМ ЛИСТЕ ТРЕТЬЕГО ВЫПУСКА
«ВЕЧЕРНИХ ОГНЕЙ» (М., 1888):

«Дорогому поводырю моей слепой старухи музы
Владимиру Сергеевичу Соловьеву
сердечно признательный автор»
Литературный музей, Москва

¹⁸ Вероятно, речь идет о работе Соловьева над большой статьей «Догматическое развитие церкви в связи с вопросом о соединении Церквей» (Православное обозрение, 1885. Декабрь. С. 727–798). В переработанном виде статья включена в книгу Соловьева «История и будущность теократии» (Т. I. Загреб, 1887) как «вступление ко всему сочинению».

126. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 17 ноября 1885 г.

Сейчас, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, ушел от меня молодой поэт, Эспер Эсперович кн. Ухтомский (его знает Соловьев и даст Вам его оценку¹). Мы с ним читали Ваши стихи, от которых веет осенью и лесом, и он списал Ваш «Светоч»², «чтобы вытвердить его наизусть». Это один из самых жарких Ваших поклонников.

Вспомнил я вину свою перед Вами, но не знаю, что напишу Вам. Дни три уже, как слезы перестали мне навертываться на глаза, но рана, нанесенная смертью Н.Я.Данилевского, останется навсегда и хорошо будет, если ненадолго³.

Как грустно, полусонной тенью,
С изнеможением в кости,

брести не

Навстречу солнцу и движенью⁴,

а навстречу каким-то сумеркам, налегающим все больше и больше на Русскую землю. Мне не кончить, если я стану изливать Вам свое уныние. Скажу одно: теперь я уже отказался от всех надежд и расчетов, так точно, как если бы наверное знал, что завтра умру.

Все благо: бдения и сна
Приходит час определенный⁵.

Вот Вы недовольны моею книгой⁶. Как Вы меня ни шадите, а это видно из Вашего письма. Несправедливо, если Вы думаете, что художество, по моему мнению, должно поучать. Прежде всего оно должно быть художеством; а поучение выйдет само собою. То безразличие добра и зла, которое так Вам мило по Вашей художнической, т.е. языческой натуре, имеет и другой смысл, когда мы во всем видим добро, или еще лучше, когда из-за созерцания сущности забываем вовсе о категориях добра и зла⁷. Кто свободен и спокоен духом, тот счастлив и тот может видеть больше и яснее, чем люди, привязанные к чему бы то ни было.

Простите меня больного; утешьте Вашим ответом. Соберусь с силами, напишу Вам побольше.

Марье Петровне усердное почтение.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

1885. 17 ноября. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Сведений о том, сообщил ли В.С.Соловьев Фету свое мнение об Ухтомском, не обнаружено.

² О стихотворении Фета «Светоч» см. п. 124, прим. 5.

³ В статье, посвященной памяти Н.Я.Данилевского, Страхов характеризует его как «одного из замечательнейших людей в России» и рисует редкое обаяние его личности: «Но как ни много он сделал, <...> в нем самом было еще больше добра и света, чем в его трудах. Никто, знавший

покойного, не мог не почувствовать чистоты его души, прямоты и твердости его характера, поразительной силы и ясности его ума. <...> Не имея никаких притязаний, никакого желания выставиться, он всюду являлся однако, как человек, *власть имущий*, как скоро речь заходила о том, что он знал и любил. Патриотизм его был безграничный, но зоркий и неподкупный. Ум его соединял чрезвычайную теоретическую силу с быстротой и точностью практических планов» (ЖМНП 1885. Декабрь. Отд. IV. С. 206–207).

⁴ Заключительные строки стихотворения Тютчева «Как птичка, раннею зарей...».

⁵ Пушкин А.С. Евгений Онегин. Гл. 6, XXI.

⁶ Имеется в виду книга: *Страхов Критические статьи* (см. о ней п. 125, прим. 8).

⁷ Ср. стихотворение Фета «Добро и зло» (1884) и отклик на него Страхова (п. 107).

127. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 13 декабря 1885 г.

Не получил я от Вас ответа, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич (и от Соловьева не получил), но получил книжку Тибулла с лестной для меня надписью¹ (и от Соловьева два оттиска без всякой надписи²), и вот жажду Вашего письма и душою стремлюсь на Плющиху побеседовать с Вами и поблагодарить за приглашение в Москву. Тяжело мне подниматься! Чувствую, что не выдержу, по своей избалованности, и буду дней пять мотаться мимо Девичьего поля от Фета к Толстому и от Толстого к Фету³. Соловьев будет, по-видимому, в Петербурге. Но этого не нужно бы делать; не нужно бы искать рассеяния, откладывая труд; не нужно бы перемывать места — нужно привыкать к одиночеству и неизменной обстановке. Мне так грустно вспоминать теперь свои веселые поездки, и Воробьевку, и Ясную Поляну и Южный Берег. Все это может дурно кончиться, т.е. напрасно я буду туда тянуться душою, понемножку старея и умирая в этом противном Петербурге.

Впрочем, я, кажется, теперь совершенно здоров. Завтра я в последний раз отправляюсь в Публичную библиотеку, и затем — отставка и все мои утра свободны⁴. Мои казенные доходы уменьшатся рублей на 800; буду бережливее на деньги и буду беспощадно марать бумагу. Если эти планы и не сбудутся, все-таки не буду, как теперь, вертеться, как белка в колесе.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич. От души желаю Вам и Марье Петровне здоровья и всякого благополучия.

Ваш преданный

Н.Страхов

1885 13 дек<абр>. СПб.

P.S. Не браните меня ни за молчание, ни за мои безумные поступки, как выражается А.Ф.Бычков⁵.

¹ Речь идет о кн.: Тибулл. Элегии. В переводе и с объяснениями А.Фета. 1886. (ценз. разр. 22 ноября 1885 г.). В библиотеке Страхова, хранящейся в С.-Петербургском гос. университете, издания Тибулла с дарственной надписью Фета нет.

² Об оттисках каких статей В.С.Соловьева идет речь, установить не удалось.

³ Толстые в это время жили в Хамовниках, а Фет — на Плющихе. Девичье Поле находится между ними.

⁴ Как видно из этого сообщения, прошение об отставке, поданное Страховым 25 ноября 1885 г. (Михеева Г.В. Страхов Н.Н. // *Сотрудники РНБ* Т. 1. С. 507), было удовлетворено незамедлительно. О причинах, побудивших его к этому шагу см. в п. 129.

⁵ Афанасий Федорович Бычков (1818–1899), академик, известный библиограф, историк, в 1882–1899 директор Публичной библиотеки (см.: Голубева О.Д. Бычков А.Ф. // *Сотрудники РНБ* Т. 1. С. 115–123).

128. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 25 декабря 1885 г.

Итак, на праздники я к Вам не приеду, дорогой Афанасий Афанасьевич. Простите за неудавшееся навязывание или полуобещание. И доктор, кормящий меня мышьяком, не отпускает безусловно, и есть дрянные делишки, которые нужно исполнить. Но — я с каждым днем становлюсь свободнее с тех пор, как вышел в отставку, и мне *всегда* будет возможно приехать в Москву на неделю или две, — что я желаю сделать как можно скорее.

Не бойтесь за меня по поводу отставки: я так хорошо себя чувствую, что радуюсь своей решимости каждый день. А стеснения в деньгах у меня быть не может: мне нужно меньше того, что получаю теперь. Когда еще я был на *подножном корму*, и не было еще у меня *неразменного рубля*, то есть казенного жалования, то и тогда моим приятелям, пробивавшимся литературой, было известно, что у *Страхова всегда есть деньги*. Впрочем, помню два или три случая совершенного иссякания денег. Очень неприятно. Однажды меня выручил Менделеев¹. Я встретил его на Невском и попросил десять рублей взаймы.

Душевно благодарю Вас за Шопенгауэра, и за посвящение и за самую книгу². То, что я пробежал, отлично выходит по-русски. Перечту ее с немалым удовольствием.

Нужно послать Вам мои статьи против Бутлерова³; это тема, близкая к теме «Воли в природе»⁴, но я иду в другую сторону. Между тем Бутлеров читает теперь в университете блестящие лекции, в которых проповедует свои *спиритские* взгляды, оправдывается от моих возражений, и я слышал, что имя мое очень треплется его слушателями и что они больше на моей стороне. Досадно, что до сих пор не удалось услышать об этом подробных и толковых известий.

Уныние мое не проходит, и я не желаю, чтобы оно прошло. Если не хотите уныния, возьмите *печаль*. Когда я прихожу в то обыкновенное беспамятство, в котором мы всегда живем, то скоро становлюсь противен самому себе. Вот и сегодня — злословил, и притом, по своему обычаю, ясно и основательно. Попался на зубы Случевский⁵ (как человек). Он всякой брани достоин как поэт, имевший и даже еще имеющий дар и погубивший его почти без остатка, потопивший его в небрежном и бестолковом мараньи. Такая участь постигает на моих глазах Ухтомского⁶, да еще Цертелева⁷. Я уже потерял на них надежду. Между тем умный, добрый, милый и скромный Голенищев-Кутузов утешает меня все больше и больше. На днях он читал два отрывка из повестей в стихах — истинная прелесть⁸! Затем мы выслушали два маленьких стихотворения Майкова⁹, конечно в академическом стиле, но бесподобные по языку, стиху и течению речи.

Видите, мы занимаемся поэзией. Завтра Кутузов хочет у себя читать поэму, которую отправляет Каткову¹⁰, и настоятельно зовет. Поеду; я все жмусь к людям, все мне холодно, и чувствую, что сам виноват. Люди, превосходные по уму и по душе, оказывают ко мне расположение, которого я не стою; а я греюсь им и питаюсь. — За то и наказан: смерть Данилевского сделала меня сиротою¹¹.

Смотрите же, дорогой Афанасий Афанасьевич, не покидайте меня, не браните, не разыскивайте. Останусь до конца

Вашим душевно преданным

Н.Страховым

25 дек<абр>. 1885. СПб.

Марье Петровне усердное почтение.

¹ Со знаменитым химиком Дмитрием Ивановичем *Менделеевым* (1834–1907) Страхов был знаком давно — он был его однокашником по Главному Педагогическому институту.

² См. п. 124, прим. 3, 11 и 12.

³ Страхов отвечал на статью Бутлерова (см. о ней п. 124, прим. 7) обширной статьей «Закономерность стихий и понятий (Открытое письмо к А.М.Бутлерову)» (напечатана в два приема: *НВ*. 1885. 11 и 26 ноября. № 3487 и 3502).

⁴ «Воля в природе» — труд Шопенгауэра, переведенный Фетом (см. п. 124, прим. 12).

⁵ О К.К.Случевском см. п. 17, прим. 3.

⁶ За год до этого Страхов предвидел подобный итог творчества поэта Э.Э.Ухтомского (см. п. 114), хотя еще в 1883 г. возлагал на него надежды, отмечая, что стихи его «прелестны» (см. п. 83).

⁷ О кн. Д.Н.Цертелеве см. п. 38, прим. 4.

⁸ Об отношении Страхова к личности и творчеству А.А.Голенищева-Кутузова см. п. 71, прим. 11. В 1884 г. Страхов опубликовал развернутую рецензию «По поводу стихотворений графа А.А.Голенищева-Кутузова» (*Русь*. 9 мая. № 9), а в 1894 г. представлял 2 тома его стихотворений на Пушкинскую премию («Десятое присуждение Пушкинских премий». СПб., 1894. С. 2-14).

⁹ О каких стихотворениях А.Н.Майкова идет речь, установить не удалось.

¹⁰ Подразумевается поэма А.А.Голенищева-Кутузова «В тумане» (*РВ*. 1886. № 1. С. 289-294).

¹¹ См. п. 126, прим. 3.

129. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 13 января 1886 г.

Дело было так, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич. Начальство мое считало себя постоянно передо мною виноватым; а вина его была в том, что оно не исполняло моих желаний — переменить Отделение¹, дать мне повышение и т.п. Чтобы оправдаться передо мною и перед самим собою (оно ведь доброе!), оно давало мне кресты², а когда мне стало нестерпимо и я подал в отставку, думало совершенно утешить меня и снять грех с себя, давши мне превосходительный чин³. Все это я перенес терпеливо (не противясь злу⁴), особенно видя, что таким образом начальство сохраняет со мною наилучшие отношения. Ведь чины и кресты ему *ничего* не стоят (а с меня делались вычеты⁵!); но мне очень грустно, что войти в мои желания никто не хотел. Даже выпросить ничтожную пенсию, в 750 р., никак не хотели, а дали только половину, 375⁶. Так и вышло, что я считаю себя немножко обиженным, но не имею никакого права жаловаться. Я и не жалуюсь, и, правду сказать, очень доволен нынешним положением⁷, хотя чин мой неприлично громок. Вам я все это рассказываю ради откровенности; я ни о чем не хлопотал, ничего не просил, кроме отставки.

Ужасно верно Вы меня понимаете, когда пишете мне такие наставления: не солодейте, не кукситесь. Действительно, я очень часто солодею и кукшусь (так?). Но в последнее время меня стала очень сокрушать моя телесная слабость. Все праздники я перемогаюсь и наконец вполне заболел. Сажу дома и жду, когда поправлюсь.

Планы мои на лето такие — нужно непременно ехать на Южный Берег, к семье Н.Я.Данилевского⁸. Это и сердечная моя потребность, и долг. И вот меня очень пугает это путешествие! Пушусь, вероятно, в мае, пораньше; но больше двух месяцев проездить нельзя. Вы пишете, что я свободен. А Ученый комитет⁹? А Комитет иностранной цензуры¹⁰? В последнем моя работа будет падать на других, и мне неловко долго гулять.

А что всего хуже — у меня исчезла самая охота гулять. Я стал отвергать самый принцип гулянья. Нужно же когда-нибудь перестать мыкаться и искать рассеянья. А все-таки очень хочется к Вам в Москву. Выжду хорошего времени, когда буду себя чувствовать в силах, и прикачу к Вам дней на пять¹¹.

«Лунное сияние» — прелесть. Удивительно, как можно такими простыми словами так ясно выразить всю прелесть самого простого настроения. Все знакомо, и все чудесно! Но два стиха —

Можно ль не ныть и не жить
Нам в обаянии!

(кстати — непременно «в сиянии», а не «в сиянии»). Мне все кажется, что Вы хотели сказать — нам можно не ныть, а жить в обаянии.

Можно не ныть, можно жить
Нам в обаянии.

Это, как Вы чувствуете — проза; или так:

Можно ли ныть и не жить

Вы сами, впрочем, всё лучше разберете¹².

Ваши письма, дорогой Афанасий Афанасьевич, отличаются всегда бодростью и веселят и бодрят меня. Но ведь я знаю, что не всегда Вы бодры; у каждого из нас есть червяк, который его грызет. Конечно, Л.Н.Толстой живет тяжелее всех других, однако, что же проку, если мы только отгоняем от себя тяжелые мысли, если забавляем себя, на старости чем-нибудь, лишь бы провести время? Мне очень хотелось бы, например, вовсе перестать и писать и читать; да будет же, и скоро, время, когда ясно станет, что ничего хорошего я уже написать не могу. Но что же я буду делать? Как хорошо бы ходить к обедне и ко всенощной — так делает мой дядя, недавно приславший мне очень милое письмо¹³. Если же мы ничего подобного для себя не имеем, то мы несчастные люди, прожившие жизнь и осужденные на безвыходную тоску и скуку, — притом на долгие еще годы. Вот два дни, как я сижу один, совершенно один, потому что Стахеевы в Москве. И я положил, что ни скучать, ни роптать я не должен; недаром Стахеев называет меня иногда пустынножителем¹⁴; нехорошо было бы, если бы я визжал, как щенок взаперти. Впереди мне мерещатся целые годы такой жизни. Нужно мне учиться так жить.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич. Всегда я сверну на что-нибудь печальное. Самым счастливым человеком я считаю Майкова. Прекрасная семья, хорошее здоровье и хорошее настроение духа. Печального он не принимает, не хочет его видеть; а мало ли печального для такого патриота! Соловьев уехал в Пустынку и там один, с детьми Софьи Петровны, пишет свою «Теократию»¹⁵! Графини я не видал, но как выздоровею, отправлюсь к ней¹⁶.

Еще раз простите! Марье Петровне усердное почтение.
Ваш

Н.Страхов

1886. 13 янв<аря>. СПб.

Теократия — в Загребе¹⁷.

¹ В Имп. Публичной библиотеке Страхов заведовал Юридическим отделением, однако хотел возглавить Философское отделение. Тем не менее в 1884 г. на эту должность был назначен Э.Л.Радлов (см. п. 78, прим. 11).

² За время службы в Публичной библиотеке Страхов был награжден орденами — св. Владимира 3-й степени и св. Анны 2-й степени.

³ За 12-летнюю службу в Публичной библиотеке Страхов получил чин действительного статского советника (этот чин приравнивался к генеральскому и давал право на обращение «ваше превосходительство») и пенсию в 385 руб. (Отчет Имп. Публичной б-ки за 1885 г. СПб., 1888. С. 1).

⁴ Скрытая отсылка к учению Л.Н.Толстого о «непротивлении злу насилием».

⁵ Лица, награжденные орденами, были обязаны возместить их стоимость.

⁶ Помимо назначенной Страхову по выходе в отставку пенсии в 385 р., ему полагалась также пенсия за прежнюю службу в гимназии — 350 р. (Стахеев Д.И. Группы и портреты (Листочки воспоминаний) // Историч. вестник. 1907. № 1. С. 83). Вместе это составляло 735 р.

⁷ 8 декабря 1885 г. Страхов писал Толстому, что отставка освободила его от забот о служебной карьере и дала ему свободное время для осуществления его творческих замыслов (ТС. Т. II. С. 700).

⁸ О пребывании Страхова летом 1886 г. у вдовы Н.Я. Данилевского в крымском имении Мшатка см. п. 133, прим. 9 и п. 135.

⁹ С 1874 г. Страхов был членом Ученого Комитета Мин-ва нар. просвещения.

¹⁰ В Комитете иностранной цензуры Страхов служил несколько месяцев, после увольнения из Публичной библиотеки.

¹¹ Это намерение Страхов осуществил в феврале 1886 г. (см. п. 131, прим. 1).

¹² В несохранившемся письме Фет прислал Страхову первоначальную редакцию стихотворения «В лунном сиянии» («Выйдем с тобой побродить...»). Фет не воспользовался исправлениями, предложенными Страховым в строке 9, но учел его недовольство ею — в окончательной редакции этой строки «Можно ль не ныть и не жить» заменено на «Можно ль тужить и не жить»; кроме того, все рифмы на *-ны* заменены на *-нии*: *сиянии* — *молчании* и др. Опубл. в оконч. ред.: ВО 3, с датой «Декабрь 1885».

¹³ Дядя — лицо неустановленное.

¹⁴ С Д.И. Стахеевым Страхов долгое время жил под одной крышей в Петербурге (см. п. 95, прим. 4). Впоследствии, вспоминая, что Страхов был описан им в рассказе «Пустынник», но «без означения его фамилии», Стахеев писал: «Пользуясь сим случаем, еще раз скажу, что он был человек необычайно редкой душевной чистоты» (Стахеев Д.И. Группы и портреты (Листочки воспоминаний) // Историч. вестник, 1907. Январь. С. 81).

¹⁵ О Пустынке см. п. 103, прим. 4. Софья Петровна Хитрово (с нею был знаком и Фет), в которую был влюблен В.С. Соловьев, — племянница гр. С.А. Толстой, вдовы поэта А.К. Толстого. В это время Соловьев заканчивал работу над книгой «История и будущее теократии <...>» (см. о ней п. 111, прим. 3 и п. 116, прим. 5).

¹⁶ Графиня София Андреевна Толстая, вдова А.К. Толстого.

¹⁷ Очевидно, речь идет о решении печатать «Теократию» в Загребе (Хорватия).

130. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 21 января 1886 г.

Вчера, дорогой Афанасий Афанасьевич, неожиданно явился из Пустынки Соловьев, а с ним Кутузов. Разумеется, я угощал их Вашими стихами и «Лунным сиянием» и «Вечером»¹... Потом потребовалось от меня и прочтение Ваших писем. Праздник был необыкновенный! Каждая искра Вашего вдохновения была понята «восторгом пламенным и ясным»^{1-а}; каждая Ваша шутка была встречена задушевым хохотом. Из шуток всего веселее были приняты поэты *Тромбов* и *Бухтеров*²; из стихотворений «Вечеру» отдали решительное преимущество.

Травы в рыдании

(какой звук!), которые я понимал, оказались непонятными; зато

Можно ль не ныть и не жить³,

которого я не понимал, был одобрен и очень смакован Кутузовым.

Так было хорошо, что мне даже стало стыдно; они ценят Вас с таким восхищением!

Понемногу я поправляюсь, но, очевидно, еще не поправился. Соловьев, кажется, здоров; он устал, написав в Пустынке большую главу своей «Теократии»⁴. Кутузов прочитал очень милое стихотворение, несколько вялое по стиху, но по мысли вполне поэтическое. Он погружен по уши в банковские дела⁵. Я каждый день испытываю удовольствие, когда просыпаюсь: не нужно идти на службу! У графини⁶ еще не был; не был и на юбилее (40-летнем) Плещеева⁷. Кутузов говорил, что было казенно и много было сказано слов без содержания.

Простите, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич! Довольны ли Вы «Вестником Европы»?
Ваш душевно

Н.Стр<ахов>

1886. 21 янв<аря>. СПб.

¹ О стихотворении «В лунном сиянии» см. п. 129, прим. 12. Название «Вечер» относится, очевидно, к стихотворению «В вечер такой золотистый и ясный...» (впервые: *ВО* 3 с датой «Январь 1886»).

^{1-а} Заключительная строка стихотворения Аушкина «Жуковскому» (1818).

² Кого высмеивал Фет в не дошедшем до нас письме к Страхову, сказать затруднительно.

³ Строки из стихотворения «В лунном сиянии» (см. п. 129, прим. 12).

⁴ См. п. 129, прим. 15.

⁵ Вынужденный заботиться о материальном благополучии семьи, А.А. Голенищев-Кутузов сменил ряд административных должностей, служил в банке, а с 1889 г. стал управляющим Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками. Об отношении Страхова к нему см. п. 71, прим. 11.

⁶ Графиня — С.А.Толстая, вдова поэта А.К.Толстого.

⁷ 15 января 1886 г. литературная общественность широко отметила 60-летие А.Н.Плещеева (1825–1893) и 40-летие его литературной деятельности (см., напр.: Живописное обозрение, 1886. № 4 и др. издания).

⁸ Страхов имеет в виду публикацию подборки стихов Фета в «Вестнике Европы» — «Ты поминишь, что было тогда...», «Я потрясен, когда кругом...», «Светоч», «Я тебе ничего не скажу...» и переводов его из Гете — «Рыбак» и «Зимняя поездка на Гарц» (*ВЕ*. 1886. № 1; затем *ВО* 3). См.: Кузьмина И.А. (2).

131. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 10 февраля 1886 г.

Приехал я благополучно¹, дорогой Афанасий Афанасьевич, и когда взобрался в свой пустынножительный чердак², то на меня пахнуло тишикою и миром. Казалось мне, что в Москве я покинул какую-то лихорадку, какое-то тоскливое напряжение, что-то растерянное и ищущее. Может быть, это и есть нынешняя русская жизнь, выбитая из колеи; но я умею уйти от нее, мне возможно умереть, спокойно глядя вокруг себя, и провести последние годы в тихих и чистых созерцаниях. И мне казалось, я понял, чему Вы у меня завидуете; не лампе и не большой комнате, а тому, что мне ничего не нужно, кроме лампы и этой комнаты.

Эти сладкие и самодовольные мысли, однако, уже нынче были ниспровергнуты. Получил я требование явиться на чтение творений начинающего автора. Потом пришел молодой человек, который два часа настойчиво объяснял, что ему нужна литературная работа и вырвал у меня обещание переговорить с Авсеенко и Гр. Данилевским³. Какое удовольствие! В пятницу большое заседание в Славянском Комитете⁴, а завтра весь день нужно работать и ехать обедать... Словом — тенета уже раскинуты вокруг меня, и мне нужно каждый день заботливо обдумать, как ускользнуть и в какой петле придется застрять. И я сержусь, и всех обижаю, и рвусь и путаюсь.

Спасибо Вам великое за Ваше милое гостеприимство. Хотя Вы ужасно много дурного про себя говорите, но я Вас знаю не по Вашим словам. Правда, я менее несчастлив, чем Вы; но Вы лучше меня, — Вы сильный, чистый, твердый и одаренный высоким даром человек; чувствовать Вас возле себя — отрадно и ободрятельно. Душевно благодарю Вас за расположение, которое очень хочу заслужить. Передайте мою искреннюю благодарность и Марье Петровне, за ее беспримерную доброту и заботливость, кончившуюся моими очками. Кстати — спросите у Вашего Федора, сколько ему стоил проезд до железной дороги и обратно, и отдайте ему, а я припишу к своему счету. Нужно же такое затмение! Точно он из воробьевского дома принес мне очки во флигель!

Никого еще здесь не видал, но, кажется, простуженный глаз пройдет к завтраму, и начну свои похождения. Еще раз — душевное Вам спасибо! А Дм.Ив.Стахеев посит низко кланяться.

Ваш

Н.Страхов

1886. 10 фев<раля>.

¹ В конце января — начале февраля 1886 г. Страхов провел несколько дней в Москве у Фета. 22 февраля он писал Толстому (извиняясь за длительное молчание), что, приехав домой «поздно ночью», на следующий день не смог побывать у Черткова и только «во вторник» передал ему письмо Толстого (ТС. Т. II. С. 703). Поскольку ближайший к 10 февраля вторник приходился на 4 число, можно предположить, что Страхов возвратился в Петербург за два дня до этой даты, т.е. 2 февраля.

² «Пустынником» окрестил Страхова писатель Д.И.Стахеев (см. п. 129, прим. 14).

³ Василий Григорьевич *Авсеев* (1842–1913) — беллетрист и критик, близкий к журн. «Русский вестник», «Заря» и др.; с 1883 г. редактировал «С.-Петербургские ведомости». Прозаик Григорий Петрович *Данилевский* (1829–1890) в 1880-е гг. был редактором газ. «Правительственный вестник».

⁴ Страхов был членом Совета С.-Петербургского Славянского благотворительного общества, а также редактором его «Известий» (Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1883. № 1. С. 1). 8 декабря 1885 г., сообщая Толстому о своем решении выйти в отставку, он писал: «...от Славянского журнала я также отказался» (ТС Т. II. С. 700).

132. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 9 марта 1886 г.

Сегодня послали Вам, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, номер «Нового времени» от 7 марта, где моя статья об Аксакове¹. Эта статья будет отвечать Вам на многое; например, почему я долго не писал к Вам, почему стою за Аксакова, а также, почему не весел был и есмь. Сказал я, конечно, гораздо хуже, чем думал; но Вы мне простите слова, ради их смысла и желания.

В Вашем письме есть нечто язвительное, как будто так, что я в Москве скучал и имел для Вас скучный вид². Но, вероятно, Вы ошиблись в смысле моего прежнего письма. Я хотел сказать, что я в Москве тосковал — это правда. Чем приятнее было видеть Вас и Льва Николаевича, тем горше мне было, что тоска не уходит от такой приятности. В кружке, который *бродит* (в обоих смыслах) вокруг Л.Н., меня торжественно спрашивают: что такое Аксаков? — и я смущаюсь и не умею отвечать. А ведь там, кроме того, царит напряжение и колебание относительно мира и человека вообще. Я как потерянный среди этих лихорадочных и легкомысленных речей³.

Но, как бы то ни было, если Вы мною были недовольны, то простите и не обижайте меня мыслью, что я в чем-нибудь нарушил мое душевное расположение к Вам.

Здоровье мое недавно опять пошатнулось. Как досадно так дряхлеть! Анна Федоровна Аксакова зовет меня в Москву — разбирать бумаги Аксакова и печатать⁴. — Как бы это хорошо было, если бы 1) годов десять с плеч, 2) в десять раз больше здоровья, 3) в тысячу раз больше свободы и денег! Я бы и не заглянул в Петербург.

Кузминские составляют мое утешение. Прочитал я Ваши шесть строчек⁵. Что же? Пушкинский склад и Пушкинская красота!

Соловьев все просит Вам кланяться. Он едет в Ревель, через неделю вернется, потом в Москву, потом за границу⁶. Не без тоски я делаю свои планы на лето; всего бы лучше — дома сидеть, не писать никаких статей и умирать, никого не беспокоя.

Ваш

Н.Страхов

Марье Петровне мое усердное почтение и Анне Андреевне всегдашняя благодарность. Кутузова не видал ни разу — так мы живем?!

1886, 9 марта, СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

1 Статья Страхова «Поминки по И.С.Аксакову» была напечатана в сороковой день по смерти Аксакова (*НВ* 1886. 7 марта. № 3599): «Как писатель, как русский публицист, — писал Страхов, — он не имел себе равного, и его никто не заменит. Мы говорим здесь о внутреннем значении Аксакова, о нравственном складе, в нем воплощавшемся <...> Какое безукоризненное благородство! Какая искренняя чистота! А в силу этого, какая смелость и твердость!» В то же время Страхов признавал, что в современных исторических условиях деятельность Аксакова была столь затруднена, что нельзя не признать его смерть своевременной (статья начиналась с фразы «Вовремя умер И.С.Аксаков»), а дело, которому он служил, нельзя признать выполненным: «Ни одна из надежд, ни одно из душевных желаний Аксакова не имеет впереди себя ясного будущего <...> Что же должен был чувствовать этот Сизиф, столько раз лодымавший камень на гору и под конец увидавший, что камень опять скатился, но гораздо ниже прежнего?» Смерть Аксакова была воспринята как большая утрата представителями всех общественно-литературных направлений и вызвала множество печатных откликов, которые составили «Сборник статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И.С.Аксакова (27 января 1886 года)» (М., 1886). Здесь (С. 91–101) была перепечатана и статья Страхова. Впоследствии Страхов включил ее в свою книгу «Борьба с Западом в нашей литературе» (Т. I 2-е изд. СПб., 1887. С. 459–473).

2 Хотя Страхов во время своего пребывания в Москве остановился у Фета (см. п. 131), по возвращении в Петербург он признавался Толстому, что приезжал для него «больше, чем для кого-нибудь»: «Видеть других приятно, Вас — нужно» (*ТС*. Т. II. С. 703). Вероятно, Фет почувствовал эту разницу и высказал Страхову свое огорчение.

3 Страхов имеет в виду кружок «толстовцев», сложившийся вокруг Толстого после пережитого им нравственно-религиозного кризиса.

4 Страхов был вынужден отказаться от этого предложения, поскольку взял на себя обязательство разобрать оставшийся после смерти Н.Я.Данилевского архив и подготовить к печати его неопубликованные труды.

5 Очевидно, речь идет о стихотворении Фета «Т.А.Кузминской. При посылке портрета» («Пускай мой старческий портрет...»), записанном на обороте фотографии Фета, подаренной им адресату 12 февраля 1886 г. (опубл.: *Фет 1901*. Т. 2. С. 565; с датой: «12 февраля 1886 г.»). Страхов мог ознакомиться с ним у Кузминских.

6 О предстоящей заграничной поездке В.С.Соловьева см. п. 134, прим. 6.

133. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 14 апреля 1886 г.

Зачем же я Вам нужен, дорогой Афанасий Афанасьевич? Что Вы разумеете под этою грубостию? Что касается до меня, то я всегда пугаюсь, когда на меня возлагаются какие-нибудь надежды и часто думаю о том, как бы мне никого не отягощать своим существованием и ничем не надоедать добрым людям. На свете нет ничего лучше общения с людьми, и я жажду его, и у меня есть какие-то задатки, иногда привлекающие ко мне людей; но эти задатки растут криво и скудно, и я душевно благодарен всем тем, кто по добродушию принимает их за зрелые качества. Когда-то я написал

К САМОМУ СЕБЕ

Кто крепок и богат душою,
Тот меж людей царем глядит:
Одних любовью он дарит,
Других казнит своей враждою.

Но ты, несчастное создание,
 Душою скуден ты и хил,
 Сам у людей всю жизнь просил
 Ты крох любви, как подаянья,
 И, как огонь, тебе всегда
 Была страшна людей вражда¹.

Это я, дорогой Афанасий Афанасьевич! Так меня и возьмите.

Прежде, чем угощать Вас своими стихами (уж не взывайте!), мне следовало похвалить Ваши стихотворения. Большая прелесть! Я узнал перепелку, раздавленную ногой жующего вола; я видел эту даму и не мог не почувствовать какого-то обворожения². Кстати: Татьяна Андреевна, перечитывая Ваши стихи, при словах «тонкой красотой» провела двумя пальцами по спинке своего носа³. Но я постарался объяснить, что тут вообще выражен характер ее красоты.

В настоящую минуту в Академии рассматриваются на премию «Из Мицкевича» Н.П.Семенова⁴, «Стихотворения» Надсона⁵, первый том полного собрания Полонского⁶, и вероятно другие книги, которых не знаю. Надсон поручен Кутузову⁷. Кутузов, бедный, болен — завтра поеду к нему и угощу Вашими стихами — других я уже угощал, а его не довелось.

Сам я очень занят статьею, которая трудно пишется⁸. Когда кончу, стану собираться в дорогу и в половине мая, верно, выеду. План такой — ехать прямо в Крым, пробыть там недель пять и пуститься назад. Тогда позвольте завернуть к Вам⁹. Соловьев все мается между Петербургом и Ревелем. [Потом] Но скоро едет в Москву и за границу; а оттуда надеется заехать к Вам¹⁰. Следовательно, в конце июня или начале июля.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич. Очень желаю пригодиться Вам на то, на что я Вам нужен. А Вас прошу только не забывать меня своими письмами и верить душевной преданности

Вашего

Н.Страхова

Р.С. Марье Петровне мое усердное почтение, а Анне Андреевне усердная благодарность.

1886. 14 апр<еля>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Стихотворение это с заголовком «Е.Е.» и датой: «1878. Воробьевка» вошло в сборник: Страхов Н. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 306.

² Стихотворение «Он ест, — а ты цветешь напрасной красотой...» (авт. дата: «30 марта 1886»), при жизни Фета не публиковалось. (Впервые: *Фет 1901*. Т. 2. С. 182.) Адресат его не установлен.

³ В стихотворении, посвященном Т.А.Кузминской (см. о нем п. 132, прим. 5) есть строки: «Но что цветете вы душой, / Цветете тонкой красотой...».

⁴ Сборник: «Из Мицкевича. Переводы Н.П.Семенова». СПб., 1883; подлинная дата выхода его в свет — 1885 год (*Николаев*. С. 46; см. также п. 26, прим. 4). В 1886 г. сборник был удостоен Пушкинской премии (Грот Я.К. Отчет о третьем присуждении Пушкинских премий в 1886 году // Сборник *ОРЯС*. 1886. Т. 41. № 1. С. 11–20, 53–77).

⁵ Первый сборник стихотворений С.Я.Надсона вышел в 1885 г. и принес поэту большую известность. Небывалый успех его выразился в скором переиздании (в январе и марте 1886 г.), притом огромными по тому времени (тысячными) тиражами. В 1886 г. Надсону была присуждена половинная Пушкинская премия в 500 руб. Фет относился к поэзии Надсона резко отрицательно, объясняя его успех «стремлением публики к вожделенной для нее пошлости» (см. в наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 61).

⁶ Подразумевается первый том «Полного собр. сочинений Я.П.Полонского в 10-ти томах» — «Стихотворения 1841–1885» (СПб., 1885).

⁷ «Разбор стихотворений С.Я.Надсона», выполненный А.А.Голенищевым-Кутузовым по поручению II Отделения Академии Наук, опубли.: Сборник *ОРЯС*. СПб. 1886. Т. 41. № 1. С. 78–92.

⁸ В это время Страхов работал над статьей «Главная задача физиологии» (опубли.: *ЖМНП*. 1886. Август и сентябрь).

⁹ Около 18 мая Страхов приехал в Мшатку, крымское имение покойного Н.Я.Данилевского, где приступил к разбору его бумаг. На обратном пути, в последних числах июня, он заехал на несколько дней к Фету в Воробьевку, после чего провел около недели в Ясной Поляне и 16 июля возвратился в Петербург (см. п. 135–137).

¹⁰ Из своей заграничной поездки (см. о ней п. 134, прим. 6) В.С.Соловьев возвратился в сентябре, однако к Фету приехал только в нач. ноября 1886 г. (см. п. 140, прим. 6).

134. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 6 мая 1886 г.

Чтобы отвечать Вам, дорогой Афанасий Афанасьевич, делаю сегодня двойную невежливость: не пойду ни к Жандру¹, ни к Милюкову². Меня уже захватывают хлопоты, бывающие перед отъездом, и я употребляю некоторые усилия, чтобы не начать метаться, как угорелый. По-моему, это одно из бедствий, о которых сказано: суета сует³!

Теперь дело уже вполне уяснилось. Выеду я 15-го или 16-го, когда вам будет пора на Грайворонку⁴, и прямо проеду в Крым. Оттуда пушусь во второй половине июня, заеду на несколько дней к Вам и к Толстому, и без дальних проволочек, отложивши в сторону и Самусей, и Семеновых, и Межаковых — домой, в богопротивный Петербург⁵. Лучшей перспективы увы! не могу себе сочинить, так что начну за здоровье, но кончу непременно за упокой.

Соловьев, т.е. Владимир, просил Вам кланяться сколько можно усерднее. Он теперь в Москве, оттуда поедет за границу и вернется к июлю или около; тогда думает заехать к Вам⁶.

Самый жаркий из Ваших почитателей, Кутузов, просил меня также передать Вам и благодарность за Вашу память и самое нежное почтение. Стихи Ваши, разумеется, были читаны и перечитаны, и *общие* были приняты со всегдашним восхищением, а Ваши *личные* не без недоумения⁷. Вы такой лирик до конца ногтей, что для вас слушатели, очевидно, не существуют, и Вы часто поете то, что понятнo только Вам.

Как умолил тебя несчастный твой палач,

— это еще доступно; но для кого это можно назвать радостною минутою⁸? Если для палача, то он, значит, не был еще палачом, не сознавал себя палачом, а разве лишь сатиром.

Чувствую себя довольно бодро, так что поездка уже не так пугает меня. Да и отдохну — потому что, по обычаю, я так себя запряг, что с утра до вечера занят, и сколько у меня ни прибавилось времени, все уходит, да еще и недостает. Статью о *главной задаче физиологии*⁹ привел-таки почти к концу, так что уеду с спокойной совестью.

Итак, до свиданья, дорогой Афанасий Афанасьевич! Если уже очень хотите порадовать и побаловать меня, черкните что-нибудь по такому адресу: Таврич. губ. *Ялтинского уезда, станция Байдары*. В Мшатку «такому-то».

Марье Петровне мое величайшее почтение и Анне Андреевне неизменная благодарность.

Ваш душевно

Н.Страхов

¹ Николай Павлович *Жандр* (1818–1895) — поэт, переводчик, драматург, литературное творчество которого невысоко оценивалось современниками.

² Критик и очеркист Александр Петрович *Милоков* (1817–1897), давний знакомый Страхова.

³ Слова, неоднократно варьируемые в Кн. Экклезиаста (Ветхий Завет).

⁴ Грайворонка — имение Фета в Воронежской губ., где был конный завод, купленный им у брата П.А.Шеншина в 1874 г.

⁵ В основном эти планы были реализованы. От заезда в Полтаву, где жил Данила Иванович Самусь, муж покойной сестры Страхова, инспектор полтавской гимназии, а также от посещения Н.П.Семенова и Александра Александровича *Межакова*, брата О.А.Данилевской, Страхов отказался.

⁶ В июле 1886 г. В.С.Соловьев отправился в Кроацию (Хорватию) — в Загреб и в Дьяково. Цель поездки была двойная: в Загребе — издание первого тома его труда «История и будущность теократии» (на разрешение которого в России автор не надеялся), в Дьякове — знакомство с известным хорватским деятелем римско-католической церкви Иосепом *Штроссмайером* (1815–1905), который поставил объединение церквей главной задачей всей своей деятельности. В сентябре Соловьев возвратился в Россию. Однако свое обещание посетить Фета он исполнил только в ноябре (см. п. 140, прим. 6).

⁷ Вероятно, Фет послал Страхову стихи, написанные в апреле 1886 г.: «Ребенку» (опубл.: *ВО* 3), «На рассвете» (опубл.: *ВО* 3), «А.Л.Б<ржеск>ой» («Нет, лучше голосом, ласкательно приветным...»; опубл.: *РВ* 1888. № 1; затем *ВО* 3) и «Долго снились мне вопли рыданий твоих...» (опубл.: *ВО* 3), но лишь последнее из них Страхов упоминает конкретно. Пользуясь его определениями, два первых стихотворения можно назвать «общими», а два последних — «личными». Стихи «Ребенку» и «Долго снились мне вопли рыданий твоих...» сразу по их написанию Фет послал С.А.Толстой (см. в наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 13 и 15).

⁸ В стихотворении «Долго снились мне вопли рыданий твоих...» недоумение Страхова вызвали третья и четвертая его строки: «Долго, долго мне снился тот радостный миг, / Как тебя умилил твой несчастный палач» (Страхов цитирует, а точнее — пересказывает четвертую строку по ее первоначальной редакции — см.: *ВО* 1979. С. 474). Критику Страхова Фет во внимание не принял, ограничившись незначительной стилистической правкой в четвертой строке (Там же. С. 272).

⁹ Об этой статье Страхова см. п. 133, прим. 8.

135. СТРАХОВ — ФЕТУ

Мшатка. 18 июня 1886 г.

18 июня 1886. Мшатка

Когда я получил Ваше письмо, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, то я сам был совершенно похож на «изломанную тростинку на берегах Понта, не годную не только для свирели, но и для курения папироски»¹. Мне нездоровилось, да и теперь я молодцом себя не чувствую.

Живу я, как будто на кладбище, над свежеею могилою. Моя комната рядом с кабинетом Николае Яковлевича, где я разбираю его рукописи, письма, книги². Если читаю книгу, то на полях нахожу бесчисленные заметки, которые он любил делать. Если гуляю по саду, то на каждом шагу нахожу растения, которые он сажал, растил, и которыми так любовался. Если разговариваю, то вспоминаю о нем или слушаю нескончаемые воспоминания. В урочный час иду на его могилу; она в дальней части сада, среди широкой полянки, кругом обставленной кипарисами и заслоненной отовсюду возвышениями. Чудесное место для могилы! И так как это самое святое место в Мшатке, то сюда приходят те, кто захочет молиться. Там я нахожу Ольгу Александровну, и мы вместе возвращаемся домой, долго и медленно подымаясь зигзагами через весь сад.

Вот уже месяц, как я справляю эти поминки по Николае Яковлевиче. Лучшего человека я не знал на свете, и все, что я тут узнал, придало его образу почти святость³.

Странное впечатление! Собирая свои и чужие воспоминания, разбирая его письма и бумаги, я живо почувствовал, как будто какие-то волны топят и уносят

его жизнь со всеми его делами, мыслями, приключениями, а я упорно ловлю какие-то обрывки, лоскутки, всплывающие на поверхность. Напрасные усилия! Все погибнет, несмотря ни на какие старания. Обратить временное в вечное невозможно. Вечность доступна человеку только при его жизни, а не по смерти, когда все, что он был, делается временным.

Попробую написать его биографический очерк; едва ли сумею так сделать, как хочется, но писать буду с любовью и радостью⁴.

Собираюсь уже и ехать, но не могу еще верно сказать, когда буду у Вас. Вероятно, 26 или 27-го. Во всяком случае, если Вы разрешаете, накануне телеграфирую Вам⁵. От всей души желаю Вам всего хорошего. Марье Петровне мое усердное почтение и заранее всякая благодарность за ее заботы.

Ваш душевно

Н.Страхов

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Очевидно, цитата из упомянутого письма Фета.

² Эту работу Страхов делал по просьбе вдовы Н.Я.Данилевского Ольги Александровны.

³ Вероятно, стихотворение Фета «Памяти Н.Я.Данилевского» (впервые: *РВ*. 1888. № 1; затем *ВО* 3, с датой: «5 июля 1886») было написано под впечатлением этого письма Страхова.

⁴ Очерк жизни Н.Я.Данилевского был напечатан в виде предисловия к 3-му изданию труда Данилевского «Россия и Европа» (СПб., 1888. С. V–XXXII); затем (под заглавием «Жизнь и труды Н.Я.Данилевского»): «Россия и Европа». Изд. 4-е. СПб., 1889; изд. 5-е. СПб., 1895.

⁵ Страхов побывал в Воробьевке в последних числах июня 1886 г., затем посетил Ясную Поляну (см. п. 136).

136. СТРАХОВ — ФЕТУ

Москва. 13–15 июля 1886 г.

13 июля

Исполненный благодарности за Ваше милое гостеприимство, дорогой Афанасий Афанасьевич, тороплюсь рассказать Вам мои впечатления; знаю, как Вас интересует Ясная Поляна. Из Ясенков я нанял тарантасик, но доехал на нем не без приключений. Мужик взял проселком, но вдруг мы подъехали вплоть к разоренному дрянному мостику. Нужно было повернуть назад; я слез, но все-таки при повороте тарантас был опрокинут, поклажа моя вывалилась и шкворень выскочил. Прибавьте к этому дождь и грязь. Впрочем, мужик ловко все уладил, но получил приказание уже ни за что не сворачивать с шоссе. Из этого я вывел заключение, что казенные дороги есть вообще благодеяние для всех обитателей России.

В Ясной я нашел всех дома и еще спящих. Оказалось, что Лев Николаевич порезал себе ногу на косьбе, вздумав косить в одних калошах, а Софья Андреевна уже с неделю больна, надорвалась на той же косьбе, которую она принялась было делать со свойственной ей энергиею и поспешностию. Она явилась в залу только вечером, и потом хвалилась, что в первый день своей работы вызвала у мужиков похвалы своей красоте, а во второй своей ловкости и силе. Мужики и говорят, что графиню сглазили и предлагают ей пить с уголька и т.д. Сперва я порадовался, что эти случайности засадили их дома как раз во время моего приезда, но потом эти эгоистические соображения меня уже не тешили: когда я уезжал, графине было хуже и она собиралась даже ехать к своему доктору Чиркову в Москву; я и не простился с нею в день отъезда.

Пожалуйста, однако, не берите ни слишком строгой, ни насмешливой точки зрения. Молодые парни, Сережа и Ильяша¹ тоже участвовали в этом сельском развлечении и не нахвалятся, как это приятно и полезно. Дело шло так, что Толстые, когда выходили на косьбу, просили принять их в какую-нибудь из артелей,

на которые разделялись мужики и бабы; значит, те артели, в которые вступал кто-нибудь из этих работников, только скорее оканчивали свое дело.

Вообще, я застал всех в хорошем, мирном настроении, и это было мне необыкновенно приятно. Со Львом Николаевичем были у нас длинные разговоры и даже споры, но ни разу он не горячился, хотя по-прежнему кипит чувствами и мыслями. Это пламя, которое горит в нем так неугасимо, производит удивительно оживляющее впечатление, хотя бы [Вы] слушатель не соглашался с ним ни в чем. Что же странного, что есть люди, которые, как солома, загораются от этого пламени? Такой человек тут и был, некто Фейнерман², из киевских студентов, живущий на деревне *тем, что ему дают*. Оказалось, к сожалению, что всего больше дают ему на барском дворе, куда он частенько приходит и ест с прислугой. Юноша не глупый, но очень фанатичный. Еврей. Видел и жену его; она не выдержала, приехала к нему. Плохо бы ей пришлось, если бы не помогали ей обе Андреевны³.

Все здоровы (кроме графини); особенно я любовался на Сережу и Ильюшу; Ильюша ведет себя по-новому, скромен, учится, все потому, что, кончив гимназию, решил жениться на одной любимой девушке. Графиня согласна. Она вообще несколько в грустном настроении, но энергия и деятельность ее ничуть не упали. Издание, ею сделанное, уже почти *распродано*, и она сейчас же начала новое⁴, хотя публика четыре-пять месяцев все-таки останется без возможности купить Толстого. Новое издание будет меньше форматом, мельче шрифтом и будет стоить всего 8 р. Так хочет Лев Николаевич; он хотел бы вовсе без барыша, но барыша все-таки будет 25–30 тысяч. Затем в этом году с имений получено всего 1 1/5 тысячи.

Графиня хвалилась своею перепискою с Вами и поручила сказать Вам, что удивляется, почему Вы ее прекратили⁵. Значит, дело только за Вами.

Вот, кажется, все главное, что я видел и узнал. Вообще, я предвижу только хорошее и всей душою радуюсь. Как бы только не разболелась графиня!

15 июля

Через час еду. Вчера заезжал к Ключникову⁶, который весь переполошился и обещал всяческое внимание и к Вашей статье⁷ и к моей (я задумал о «Дарвинизме»⁸). По его мнению, Катков не будет привязываться (я дал понятие о затруднениях Вашей статьи), но затем он, Ключников, не может ни в чем поручиться за своего грозного патрона. Немножко противно. Простите меня, дорогой Афанасий Афанасьевич. Марье Петровне большое почтение и благодарность.

Н.Стр<ахов>

Анне Андреевне очень кланяюсь и заранее благодарю^{1*}.

^{1*} Фраза вписана на полях письма.

ТОЛСТОЙ НА КОСЬБЕ

Рисунок И.Е.Репина (карандаш). Ясная Поляна, 1887
Русский музей, С.-Петербург

¹ Сыновья Толстого — Сергей Львович (1863–1947) и Илья Львович (1866–1933).

² Исаак Борисович *Файнерман* (1863–1925) — учитель, последователь Толстого, впоследствии журналист, писавший под псевдонимом И. Генеромо.

³ Имеются в виду Софья Андреевна Толстая и Татьяна Андреевна Кузминская.

⁴ Об этих изданиях см. в наст. кн.: *Переписка с С.А. Толстой*, п. 13–15, 18 и 19.

⁵ В январе-мае 1886 г. переписка Фета с С.А. Толстой носила весьма интенсивный характер (см. наст. кн.: *Переписка с С.А. Толстой*, п. 12–18); однако в июне-июле она прервалась и возобновилась только 11 августа (там же, п. 19).

⁶ Виктор Петрович *Клюшников* (Ключников) (1841–1892) — автор нашумевшего антиинигилистического романа «Марево» (1864), переводчик, издатель; в конце 1860-х гг. активно участвовал в журнале «Заря» (где сотрудничал и Страхов), в 1883–1886 гг. заведовал редакцией журнала «Русский вестник».

⁷ Речь идет о затерявшейся статье Фета «Наше тягло», написанной, как свидетельствует переписка поэта с Н.П. Семеновым, в феврале-апреле 1886 г. Задуманная под впечатлением беседы с Семеновым, имевшей место в начале 1886 г., статья была написана и передана, по рекомендации Семенова, в «Русский вестник». 5 июля 1886 г. Фет сообщил, что вручил второй экземпляр статьи В.П. Клюшникову, однако статья так и не была опубликована (об истории написания и о судьбе этой статьи см.: Генералова Н.П. 25 лет спустя: Итоги крестьянской реформы 1861 года в переписке А.А. Фета с Н.П. Семеновым // *Фет и русская литература*. 2005 С. 81–89).

⁸ О статье Страхова см. п. 140, прим. 5.

137. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 2 августа 1886 г.

Наконец, дело становится серьезным, многоуважаемый и дорогой Афанасий Афанасьевич. Из Москвы (правильнее, из Клина — я заторопился и только там опустил письмо) писал я Вам известия о Толстых и мои благодарности¹. В Петербурге я очутился 16-го и думал: нет-нет, а, пожалуй, получу от Вас письмо. Но потом собрался сам еще раз писать, да заболел. Мой проклятый бронхит не забыл-таки меня после бани — явился даже на девятый день. И вот сижу безвыходно дома один-одинешенек, и вдруг получаю письмо от Н.П. Семенова, наполненное сокрушениями². 1). Пропало его длинное письмо к Вам от 14 июня³. 2). Он отвечал на Ваш запрос Вам 14 июля и не получает никакого отзыва, и беспокоится. Что же все это означает? Неужели нелепое отсутствие твердой связи между почтою и железными дорогами? Вы меня корили, что посылаю заказными. Теперь видите, что у меня был резон.

Н<иколай> П<етрович> спрашивает, не ошибся ли он в адресе? Но прежде чем ему отвечать, пишу Вам.

Если бы не болезнь, жизнь моя была бы идеалом отшельнической жизни. Сразу по приезде я с головой ушел в свою статью «Главная задача физиологии»⁴, и с большим напряжением кончил ее, но только вчера. Видел у себя счетом четырех человек. Из них гр. Кутузов объявил, что рад непомерно, что потому сейчас и приехал, что хочет мне читать начало новой поэмы⁵. Уговорились, поцеловались — но он с тех пор точно сгинул. Он, увы, принадлежит к людям, которые не господ над самими собою.

Вот и вся моя жизнь. Утешьте меня, черкните, что Вы здоровы и все у Вас благополучно. Марье Петровне мои особенные благодарности за Воробьевку и всегдашнее почтение. А Анну Андреевну поблагодарю только тогда, когда опять увижу ее почерк.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

1886. 2 авг<уста>. СПб.

¹ См. п. 134.

² Это письмо Н.П. Семенова к Страхову неизвестно.

³ Это письмо Н.П. Семенова к Фету до нас не дошло. Очевидно, в нем шла речь о судьбе статьи Фета «Наше тягло» (см. п. 136, прим. 7).

⁴ См. письмо 133, примеч. 8.

⁵ Очевидно, речь идет о поэме А.А. Голенищева-Кутузова «Яромир и Предслав» (РВ. 1888, № 2).

138. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 28 августа 1886 г.

Пропало Ваше первое письмо, дорогой Афанасий Афанасьевич, и очень я об нем жалею. А когда пришло второе, подписанное — *в кислоте пребывающий*, то был я порядочно болен катаром дыхательного горла. Так пропала у меня вторая половина лета: не мог ни окон раскрыть, ни на балконе посидеть, ни побродить по улицам — великое мое удовольствие. По целым неделям я просиживал один со своими книгами; никто не заходил, и я не решался на поездки. С Кутузовым вышло что-то странное — пропал вместе со своею поэмою¹. А между тем дни становились короче и короче, и не успел я расставить своих книг, как уже после обеда стали скоро наступать сумерки, и приходит осень, мрачная, безотрадная петербургская осень. Никогда я не помирюсь с тем, что судьба привела меня жить в Петербурге. Вы безмерно счастливы в Вашей бесподобной Воробьевке!

Пишу я все предисловия, к трем книгам, которые, вероятно, издам зимою². Третья книга — мои «Критические статьи»; она почти разошлась, и от меня желают второго издания. В магазине с удивлением рассказывали, что с половины мая по август, значит, в самое глухое время, продано *пятьдесят* экземпляров! И за то спасибо!

Припоминая свои книжные дела, невольно вспомнил я и Ваши книги, и хочу покаяться перед Вами. Дурно очень я их продавал и продаю³; если чем могу извиняться, то разве тем, что и свои собственные книги я точь-в-точь так же дурно продавал. Уж простите! Что до меня, то это я не считаю важным; мне больше всего хотелось бы написать книгу, которою бы я сам был доволен, а публика — пусть как знает. И ужасная у меня нынче охота писать; рассчитываю, что с октября уже примусь, разделившись со всем старым, за новое, уже серьезное писание.

Вот Вам мои новости, дорогой Афанасий Афанасьевич! Откликнитесь Вашу всегда вдохновенною прозой, а если стихами — то будет истинный праздник! Дай Бог Вам здоровья и бодрости!

Марье Петровне усердное почтение, и Анне Андреевне поклон и благодарность.

Ваш душевно

Н.Страхов

1886 28 авг<уста>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ См. п. 137, прим. 5.

² В это время Страхов держал корректуру издания своего нового труда «Основные понятия психологии и физиологии» (СПб., 1886) и писал предисловие к нему. Кроме того, он готовился к переизданию двух своих книг: «Критические статьи. Т. I. Об И.С.Тургеневе и Л.Н.Толстом (1862–1885)» (СПб., 1885; 2-е изд.: СПб., 1887) и «Борьба с Западом в нашей литературе. История и критич. очерки» (Кн. I. СПб., 1882; 2-е изд.: СПб., 1887).

³ В июне 1885 г. Страхов позаботился о том, чтобы ему были пересланы из Москвы нераспроданные экземпляры изданных там книг Фета, намереваясь предложить их в книжные лавки Петербурга (см. п. 121, прим. 6). Еще раньше Фет прислал в Петербург нераспроданные экземпляры своих «Стихотворений» (Т. I–II. М., 1863).

139. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 27 сентября 1886 г.

Несмотря на сивиллинскую¹ загадочность многих мест, очень меня утешили и насытили Ваши письма, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и Ваши похвалы, и Ваши возражения, и чудесные стихи! В тот же день, как пришли стихи, пришел ко мне и Кутузов, и мы с ним смаковали всласть каждый стих.

У ног твоих, как дым кадилый,
Вияся тают облака².

О, как хорошо! Но во втором стихотворении неясно:

В игре зарниц
И я красой твоей украшен.

Не лучше ли сказать в таком роде:

Твоих зарниц
Сияньем я согрет, украшен.

Вы сделаете это лучше. А что значит

со стороны иной
Заблещет взор неблагосклонный?

Если он пугается *всякого* взора, то он мало горит; нельзя ли яснее сказать, в чем дело³?

Видите, как я Вас решительно критикую. Из Вашей же критики, очень для меня лестной, главное, кажется, я понял; это — *заусеницы* (по академическому словарю заусеница, а не *заусенец*). Так как Вы язычник и, кроме того, считаете, что жизнь и поэзия различны по существу (они, однако, не расходились у древних?), то Вы спокойно выкидываете из счета восемнадцать веков с половиною. Но я не могу этого сделать, и, как Вы видите, не смог и Толстой⁴. В одной из своих двух комнат я ведь иногда говорю: мое дело сторона; не мое дело растить желуди или яблоки, а мое дело только определять: вот это дуб, а это яблоня. Но яблоня говорит: я — яблоня, я — яблоня, все остальное вздор; и каждое дерево думает про себя то же самое. Это — их дело.

Но в другой своей комнате я решительно становлюсь на сторону того, что Вы называете заусеницами. *Не о хлебе едином жив будет человек*⁵. Тут ведь нет порицания хлеба. Когда человечество раз дошло до этой мысли, то уже дело конечно; поворотить назад оно уже никогда не может. Вы указываете, что заусеницы могут быть настоящими заусеницами, т.е. эгоистическими. Но ведь *все* может быть эгоистическим, и Нерон был самым пламенным поклонником греческого искусства.

Впрочем, я, кажется, могу отослать Вас к Шопенгауэру, к третьей книге. Если мир есть зло, то так или иначе это должно сказаться и в искусстве⁶.

Ну, я развоевался! Поздравляю Вас с приездом⁷. Столичные новости Вы сами узнаете. Толстой, как пишут, поправляется, что меня очень порадовало. Переживать других, убедился я, гораздо тяжелее, чем самому умереть. Я чувствую себя очень недурно. Половина моей книги напечатана⁸, и я за корректурами то прихожу в восторг от своего писания, то в отчаяние. Сажу дома и не участвую в волнениях мирских⁹ — что не всегда похвально.

Простите меня и будьте здоровы! Усердное мое почтение Марье Петровне. Не браните меня, что опоздал письмом.

Ваш душевно

Н.Страхов

1886. 27 сент<ября>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Сивиллы — легендарные прорицательницы, упоминаемые в произведениях античных авторов. Предсказания их отличались загадочностью и допускали различные толкования.

² Страхов цитирует заключительные строки стихотворения «Горная высь», присланного в утраченном письме Фета (опубл.: *РВ* 1887. № 10; затем *ВО* 3, с датой «Июля 1886»). 4 октября 1886 г. Фет послал «Горную высь» С.А.Толстой и получил в ответ ее восторженный отзыв, к которому присоединился и Толстой (см. наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 24 и 25).

³ Страхов критикует утраченную раннюю редакцию стихотворения «Ты вся в огнях. Твоих зарниц...», присланную в письме, на которое он отвечает; в этой редакции стихотворение называлось «Опасение». 4 октября 1886 г. Фет послал «Опасение» С.А.Толстой, уже в новой редакции, где были учтены замечания Страхова (см. наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 24). В этой новой редакции, но с дополнительным исправлением строк 7–8, опубл. (без заглавия, с датой «3 августа 1886»): *РВ*. 1887. № 10; затем *ВО* 3.

⁴ Упоминание в этом контексте о Толстом позволяет предположить, что Страхов отвечает на стремление Фета противопоставить нравственно-религиозным исканиям Толстого свою позицию адепта «чистого искусства». Отсюда упреки в «язычестве», которые Страхов адресует Фету (см., напр., п. 126, прим. 8). 2 ноября 1886 г. Страхов сетовал в письме Толстому: «Художество до сих пор заражено язычеством. Фет и Майков в моих глазах наполовину, нет, больше, язычники. Но Вы теперь, если будете писать, дадите нам христианское художество» (*ТС*. Т. II. С. 719). Несомненно, что с упреками в «язычестве» связана дарств. надпись Фета на книге «Стихотворения Катюлла в пер. и с объяснениями А.Фета» (М., 1886): «Графу Льву Николаевичу Толстому языческий переводчик» (*ЯПБ*. Т. I. Ч. I. М., 1972. С. 346).

⁵ Втор. 8:3.

⁶ По-видимому, Страхов имеет в виду следующее суждение Шопенгауэра: «Есть еще отрицательно-прелестное, которое еще непозволительнее только что рассмотренного положительно-прелестного: это *отвратительное*. Так же, как и собственно прелестное, оно возбуждает волю зрителя и тем разрушает чисто эстетическое лицезрение. Но им возбуждается сильное нежелание, противодействие; оно возбуждает волю, становя перед ней предметы ее отвращения. Поэтому исконно признано, что оно в искусстве отнюдь нетерпимо, хотя даже безобразное в нем, пока оно не отвратительно, может быть сносно в надлежащем месте...» (*Мир как воля и представление* Кн. третья. § 40).

⁷ Т.е. с приездом Фетов из Воробьевки в Москву, в собственный дом на Плющихе, где они обычно проживали зимой.

⁸ Об этой книге см. п. 138, прим. 2.

⁹ Перифраз строки из стихотворения Пушкина «К вельможе» (1830). У Пушкина: «Ты, не участвуя в волнениях мирских», / Порой насмешливо в окно глядишь на них...».

140. СТРАХОВ — ФЕТУ
С.-Петербург. 25 ноября 1886 г.

«Самолюбие грубое довольствуется *немою* похвалою: она нема, когда не изменяет своего предмета; но самолюбие нежное требует хвалы *красноречивой*: она красноречива, когда изображает хвалимое»¹.

Это слова Карамзина, и я хочу Вам сказать, дорогой Афанасий Афанасьевич, что у меня самолюбие *нежное*, а потому мне были восхитительны именно Ваши похвалы, в которых Вы указываете как раз на то, что всего важнее в моей книге и что мне самому стоило наибольшего умственного усилия². Душевно благодарю Вас!

Доставила мне также удовольствие статья *Эльне* в «Нов<ом> времени»³. Он обратил внимание на *метод*, и очевидно, очень поражен им. По моей книжке, известные познания оказываются и ограниченными, и твердыми. Значение их уменьшено, но вместе им дано больше твердости.

Увы! Нет у меня энергии, чтобы дальше и дальше идти по этому пути; вероятно, это мое последнее сочинение *по наукам*⁴.

Теперь упорно сижу над «Дарвинизмом», и восхищаюсь и бьюсь, чтобы статья была достойна книги и предмета⁵. Когда от книги Данилевского я перехожу к другим книгам по этому вопросу, то мне кажется, что я вдруг с яркого света попадаю в сумерки или потемки.

Сейчас был у меня Николай Петрович Семенов; он с неделю как оправился от своей болезни. Я передавал Ваш поклон и получил такой же усердный. Сам я третью неделю чувствую себя не в порядке, но, кажется, дело опять наладилось. И Майков выдержал довольно сильный припадок своей болезни, — что меня испугало, после того, как он, казалось, вовсе от нее был свободен.

Одним словом, осень дала себя знать.

Спасибо Владимиру Сергеевичу за приписку к Вашему письму. Я сейчас же послал ему книгу; спросите его, что он об ней скажет⁶. К нему пока не пишу, хотя он мне любезен и любопытен в высшей степени, и еще вчера, да тоже и сегодня, я защищал его от тех речей против него, которые он знает. Какая досада, что так трудно добиться от него письма!

Кутузов, каждый раз, как встретимся, спрашивает, не получил ли я от Вас стихов? Большой он лакомка! Теперь он с головою погружен в банковые дела и говорит об них с таким жаром, что мне жаль слушать⁷. А писать, поэтому, — ничего не пишет.

Простите меня. Дай Вам Бог всего хорошего! Марье Петровне усердное почтение.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

1886. 25 ноября. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Речь, произнесенная на торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 года // Карамзин Н.М. Избр. сочинения: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1964. С. 237. (Сообщено Н.Д.Кочетковой.)

² Похвалы Фета относились к книге Страхова «Об основных понятиях психологии и физиологии» (СПб., 1886). 11 декабря 1886 г. Страхов писал Толстому: «Афанасий Афанасьевич очень хвалит и с особенным упором передавал и Ваши похвалы» (ТС. Т. II. С. 725).

³ Имеется в виду рецензия Л.К.Попова на книгу Страхова «Об основных понятиях психологии и физиологии» (НВ. 1886. 12 ноября; подпись: Эльпе). «Несмотря на кажущуюся разобщенность всех <...> отделов названного труда, — писал рецензент, — последний проникнут одной идеей, столь же глубоко философской, сколь и в высшей степени ценной по своему научному значению». Эльпе поддержал возражения Страхова против механического (только с точки зрения физики и химии) подхода к явлениям физиологии и психологии, в частности, остановился на тезисе Страхова о развитии как об одном из основных понятий физиологии и о необходимости различать начала субъективное и объективное в применении к психологии.

⁴ Это предвидение Страхова не оправдалось. В последующие годы появился ряд статей его по естественнонаучным вопросам.

⁵ Развернутая рецензия Страхова на книгу Н.Я.Данилевского («Дарвинизм. Критическое исследование» (Т. I. Ч. 1, II. СПб., 1885) была завершена 9 декабря 1886 г. Опубликована под названием «Полное опровержение дарвинизма» (РВ. 1887 № 1). Статья эта имеет вполне самостоятельное значение. Впоследствии она вошла во 2-й том сборника статей Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе» (2-е изд. СПб., 1890). До этого Страхов подготовил издание: Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Т. II. СПб., 1889 (одна посмертная глава, портрет и указатели ко всему сочинению).

⁶ В.С.Соловьев приехал к Фету в Москву в начале ноября 1886 г. и прожил у него более месяца, помогая ему в работе над переводами Овидия (см. Олсуфьев 50. С. 226, 228, 229). Книга вышла в январе 1887 г. — см. п. 143, прим. 1. По-видимому в утраченной приписке его к письму Фета содержалась просьба прислать экземпляр книги Страхова «Об основных понятиях психологии и физиологии» (СПб., 1886).

⁷ О службе А.А.Голенищева-Кутузова в банке см. п. 130, прим. 5.

141. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 21 декабря 1886 г.

Ваши письма, дорогой Афанасий Афанасьевич, конечно, составляют утешение моей жизни. Вижусь я со множеством народа, хотя и стараюсь тормозиться как можно меньше; но иногда нападает на меня, даже среди людей, такое жестокое чувство одиночества, что я тоскую и унываю. И никто чаще Вас не утешает меня в такие минуты. Я начинаю думать, что, если Вы так твердо держите меня в своей памяти, то не потому лишь, что это для Вас нужно, а отчасти и потому, что это Вам приятно. А нет ничего в мире дороже и слаще взаимного расположения.

Последнюю неделю я очень скушал от гордости, лени и недосуга. Кончил я, наконец, статью о «Дарвинизме» и сдал ее лично Каткову, так что имею все поводы надеяться, что она явится в январской книжке, следовательно, 1 февраля¹. Работою своею на этот раз я доволен; удалось огромный материал уложить ясно в небольшие рамки, и когда я кончил, то сам обрадовался. Теперь, думал я, нужно предписать по империи, чтобы мою статью учили в школах наизусть! И, кажется, я еще долго буду такого мнения.

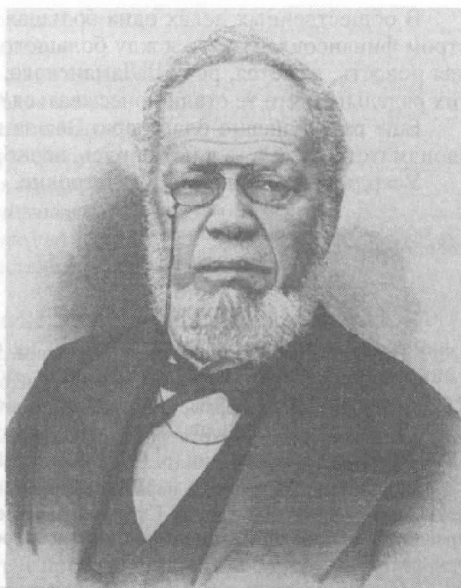
Между тем пришлось очищать запущенные из-за статьи дела, и вот отчего я не сейчас Вам отвечал даже на Ваши стихи, хотя Вы стихами всегда окончательно меня поражаете. Какая прелесть! Разумеется, «Жду я, тревогой объят»² — чудесный Фет, один из самых лучших! Но «Тебя любили»³ — этим я недоволен. *Кругом и сон* — какая это рифма? Да и затем — Фета тут нет, кроме, пожалуй, первых двух стихов и всей второй строфы. А остальное — как у *ординарных стихотворцев*, по выражению Державина⁴. Во второй строфе вместо *уже* не поставит ли когда?

Но будет; я чувствую припадок критики, который вовсе неуместен в отношении к Вам. Уже прежде я удивлялся, как это Вы, называющий себя Иовом⁵, все пишете про любовь:

Amorem canat aetas prima^{1*} 6,

но оказывается, что не только prima, а и ultima^{2*}. Право, этот вопрос меня беспокоит, и если Вы мне его разрешите, поклонюсь Вам.

Кутузов, злодей, мало видим. А когда вижу его, то с изумлением смотрю, как он по целым часам с великим жаром слушает и рассуждает о финансовых вопросах. Майков стал похварывать, но становится милее с каждым днем. Семеновы⁷ благоденствуют и хлопочут по-прежнему. Все Вам просят усердно кланяться.

Н.П.СЕМЕНОВ

Гравюра Ю.А.Шюблера с фотографии В.А.Классена
«Нива». 1888. № 17. 23 апреля

^{1*} Юный возраст воспевают любовь (лат.).

^{2*} юный (лат.); поздний, пожилой (лат.).

В общественных делах одна большая новость — Вышнеградский будет министром финансов⁸, от чего я жду большого добра. Относительно же Болгарии главная новость, кажется, речь В.Ламанского, где он так уязвил немцев и разных других радельцев, что те стали почесываться⁹.

Еще раз, душевно благодарю Вас за все, за все. А меня простите без всякого злопамятства. С места я не тронусь, верно, до июля или августа.

Усердное почтение Марье Петровне.

Ваш Н.Страхов

1886. 21 дек<абря>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Об этой статье Страхова см. п. 140, прим. 5.

² 27 декабря 1886 г. Фет послал это стихотворение К.Р. (см. наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 4, прим. 27). Впервые: *РВ*. 1887. № 9; затем: *ВО* 3, с датой: «13 декабря 1886».

³ Так начинается стихотворение «На смерть М.Б-на» (впервые: *ВО* 4, с датой: «15 декабря 1886. Москва»). Митя Боткин (р. 1877), сын Д.П.Боткина, скончался в декабре 1886 г.

⁴ Единственная правка в первой публикации стихотворения «На смерть М.Б-на» (*ВО* 4) — неудачная рифма, отмеченная Страховым, изменена (*кругом* — *сном* вместо *кругом* — *сон*), предложение Страхова заменить во второй строфе слово *уже* на *когда* — Фет во внимание не принял.

⁵ Иов многострадальный — имя ветхозаветного праведника, которого Бог подверг испытаниям, лишив его всего, чем он владел. Повествованию о его долготерпении посвящена «Книга Иова» в Ветхом Завете.

⁶ Приведенная цитата, ставшая крылатым выражением, принадлежит Августу Проперцию («Элегии», II. 10, 7), сочинения которого переводил Фет.

⁷ Подразумевается семья Н.П.Семенова.

⁸ Иван Алексеевич *Вышнеградский* (1830–1890), товарищ Страхова по Главному педагогическому институту, проф. механики в Технологическом институте, затем директор его. С 1886 г. член Государственного Совета по Департаменту государственной экономики, в 1887 — управляющий Мин-вом финансов, с 1888 г. — министр финансов. Страхов считал Вышнеградского «одним из умнейших людей России» (*РВ*. 1901. № 3. С. 126) и высоко ценил его нравственные качества: «сердце у него чистое и высокое» (*Розанов*. С. 174).

⁹ В декабре 1886 г. известный славист Владимир Иванович *Ламанский* (1833–1913) произнес на заседании С.-Петербургского Славянского благотворительного общества речь: «О положении болгарских и славянских дел с точки зрения историка и слависта» («Изв. С.-Петербургского Славянского благотворительного общества». 1886. № 12. С. 556–564), в которой сказалось некоторое разочарование части русского общества в славянском движении после Берлинского конгресса (см. о нем п. 104, прим. 12). Это и другие выступления Ламанского вызвали многочисленные отклики в славянской и западноевропейской печати.

142. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 14 января 1887 г.

Знаете ли Вы, дорогой Афанасий Афанасьевич, последние стихи Кутузова? Вот они:

Счастливым день! Под деревенский кров
Вернулся я, беглец столицы шумной;
Движение, блеск и крик толпы безумной
Забыто все. — Зимы немой покров
Недвижную, бесстрастную белизною
Со всех сторон мой облегает дом.
Гляжу в окно: безлюдье, *снег кругом*;

Лишь в доме жизнь, но тихою волною
 Течет она, ее спокойный шум
 Не заглушат ни чувств живых волненья,
 Ни мимолетных песен вдохновенья,
 Ни зреющих в тиши заветных дум
 Медлительно, свой мерный круг свершая,
 Плывут часы — ложится ночи тень
И, о грядущем дне не помышляя,
В таинственное царство сна вступая,
 Я говорю «прости, счастливый день!»

Два предпоследние стиха поразили меня таким звуком прозы, что я взгрустнул. Нет, у него нет своих звуков, да он не умеет выдерживать и чужого звука. А ведь поэзия есть. Но как неточно, слабо, вяло все сказано! Это стихотворение ведь совершенно в Вашем роде, только Вы, верно, не говорили бы о *живых волнениях чувств* среди жизни, *текущей тихою волною*¹. Эх, то ли дело —

Когда ж под тучею, прозрачна и чиста,
 Поведает заря — — —²

Поведает — что за звук! Он сам чист и прозрачен, как эта заря. Это волшебство! Второй куплет весь — граненый алмаз. Но первый — дурно обрезан. Как *месяц молодой* и пр. Было бы хорошо, если бы примыкало к *ты*, или к *забуди*; но оно примыкает к *час*. Что такое *час*, как *месяц молодой*? Две остальные строки нескладны потому, что тут два творительных падежа, тянущие, однако, в разные стороны³.

Да что же Вы мне не отвечаете на вопрос: почему у Вас на старости является такая неподобная молодость в стихах?

Вчера слышал я, наконец, «Власть тьмы» Толстого; читал очень хорошо А.А. Стахович⁴. Дело было у Кузминских; разряженные дамы и девицы; мужчины во фраках и в белых перчатках. Очевидно, все дело делалось из любопытства и никто не полагал, что должен вынести определенное чувство или суждение. А странно! Ведь они должны бы почувствовать ужасный контраст между своими вкусами и жизнью и этою драмою. Как все это у нас рядом уживается!

В драме — первостепенное, неслыханное мастерство в языке, в подробностях; но в характерах, в душах, — мало живого, низменность, не дающая заинтересоваться этими лицами, ни злыми, ни добрыми. Преступления совершаются, как во сне или в угаре. Всё вместе производит тяжелое и отталкивающее впечатление, притом неясное. Впрочем, я еще обдумаю и напишу Вам⁵. Драматизм разрешили печатать, но на сцену не пускают, не понимаю почему⁶. А.Ф. Кони говорил, потому, что нервы публики не выдержат и явятся болезненные припадки. Следовательно, с гигиенической точки зрения. А вот оперетки — те допускаются, хотя и опасны с венерической стороны.

Простите, Бога ради. Марье Петровне усердное почтение.
 Ваш душевно

Н.Страхов

1887 14 янв<аря> СПб

¹ Ср. эту характеристику поэзии А.А. Голенищева-Кутузова с оценкой, которую дал ей Страхов в 1884 г. «Струны этой лиры как будто слабо натянуты. Не только вечный ямб утомителен, но и напев этого ямба не звучит живо и своеобразно, а ограничивается очень простою мелодиею и иногда падает до совершенно беззвучной прозы» («По поводу стихотворений графа А.А. Голенищева-Кутузова» — Русь 1884 № 9 Цит. по кн. Страхов Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888. С. 228). Здесь же Страхов противопоставлял поэзии Голенищева-Кутузова стихи Фета, который «почти никогда не берет ходячей мелодии < > Он очень богат

своими звуками, и до последнего времени запевает на новый, неслыханный прежде лад» (Там же. С. 226–227).

² Начало второй строфы стихотворения «Прости — и все забудь в безоблачный ты час...», присланного в утраченном письме Фета.

³ Посланный Страхову автограф стихотворения «Прости — и все забудь...» утрачен вместе с письмом. Однако реакция Фета на критику Страхова просматривается с полной очевидностью. Первые две строки он оставил без изменения, объяснив свое решение в ответном письме, также утраченном (см. о нем п. 143); третья и четвертая строки были изменены в редакции, посланной Фетом К.Р. 25 января: здесь второй творительный падеж отсутствует (см. наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 5. В этой окончательной редакции стихотворение опубликовано: *РВ*. 1887. № 9; затем: *ВО* 3. № XXVII).

⁴ Александр Александрович Стахович (1830–1913), орловский помещик и друг Толстого, в октябре 1886 г. гостил в Ясной Поляне и прочитал семье Толстого пьесу А.Н.Островского «Не так живи, как хочется», а также несколько произведений Гоголя. Толстой признался Стаховичу, что своим чтением он «расшевелил» его и побудил к написанию «Власти тьмы» (Стахович А. Ключки воспоминаний // Толстовский ежегодник. М., 1912. С. 27). Воспоминания Стаховича подтверждаются дневниковой записью дочери Толстого Татьяны (Сухотина-Толстая. С. 178).

⁵ По-видимому, это намерение не было осуществлено. Свои первые впечатления от «Власти тьмы» Страхов высказал в письме к Толстому 27 января, через две недели после чтения драмы у Кузминских. Первый акт привел его «в совершенное восхищение», однако в целом драма его не удовлетворила: «в следующих актах интерес не развивается», а преступления Никиты «не оправдываются его страстностью, или чем другим, и его покаяние не имеет силы. Как зло увлекает — неясно, нет изображения этого увлечения; и как в человеке просыпается и побеждает совесть — не видно или мало видно». Страхов не видит в драме единства — в ней «нет цельности, нет одного узла, постепенно развязывающегося». Это «ряд сцен», который «пугает не потому, что сцены ужасны, а потому, что они низменны, отвратительны, и в такой степени, которая превосходит их ужас» (*ТС*. Т. II. С. 726–727). Позднее, после прочтения печатного текста, Страхов резко изменил свое мнение: «Боже мой, как хорошо! Как это живо, правдиво, точно, как просто и глубоко захватывает дело! То, что я говорил о первом акте, я скажу теперь обо всей драме — она отодвигает на задний план всех Островских, Писемских, Потехинных» (Там же. С. 729).

⁶ О запрещении ставить «Власть тьмы» на театральной сцене см. в наст. кн.: Переписка с С.А. Толстой, п. 24, прим. 6.

143. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 29 января 1887 г.

Получил я Вашего Овидия¹, дорогой Афанасий Афанасьевич, и успел только полюбоваться прекрасным изданием, шрифтом, бумагой, да мысленно поблагодарить Вас за подарок. Эту книгу я, наверное, прочту всю и со вниманием и с наслаждением. Получил и Вашу розу, и не раз ее нюхал². Прелесть!

И в стихе умиленном найдешь
Эту вечно душистую розу.

Жаль, что есть тут маленький червяк — *грозу* вместо *грозу*; оно не хорошо особенно, что приходится на рифму. В *стихе умиленном* — бесподобно; но нужно, чтобы впереди был этот стих, хотя бы и без розы, но *умиленный*. Как будто недостает вступительного куплета³.

Пожалуйста, не смотрите строго на мои замечания. Вы им придаете столько важности, что наделали мне хлопот. Получаю вдруг приглашение к Вел. Кн. Константину Константиновичу. Он дарит мне свою книгу и, ссылаясь на Вас, просит написать ему свое мнение⁴. Очень он мил, и в книге есть кое-что, стоящее похвалы. Но все это — беспокойство и работа, притом работа критическая, от которой я всегда удаляюсь, сколько можно. Вот вторая неделя, как я был в Мраморном дворце⁵, и до сих пор моя критика не готова. Кроме Вас, тут виноват и Аполлон

Николаевич, который давно имеет свидания с Вел. князем и рассуждает с ним о поэзии⁶. Жаль мне стало, что молодой человек, как оказалось, внимательно читает Надсона, Фруга, Трамбова, Бухтерова, Апухтина⁷. В разговоре, когда попался Апухтин, я очень резко отозвался, назвав его *мыльным пузырем* (в сущности, он *сальный шар*⁸) и подробно развил свое мнение.

А.Н.Майков болен, т.е. стал похварывать; да и я дни три, как не выхожу, из-за желудка. Кутузов был у меня и упился донельзя Вашими стихами. Но *розы* он еще не знает⁹. Старший сын Семенова Н.П.¹⁰ сделан камер-юнкером.

Вообще, значит, мы чуть-чуть подвинулись к солнцу.

Я еще не поздравлял Вас с званием корреспондента Академии¹¹. Экая она скулая да медлительная! Догадалась, наконец!

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич! Дай Вам Бог здоровья и сил! И не оставьте обычая радовать меня Вашими письмами. Л.Н.Толстому я написал довольно подробный разбор его драмы¹². Но от него я заранее не жду отзыва. Кузминские говорят, что он бодр и поздоровел, чему я от души радуюсь.

Усердное почтение Марье Петровне.

Ваш душевно Н.Страхов

1887. 29 янв<аря>. СПб.

P.S. Ваше объяснение стиха

Как месяц молодой и пр.

так твердо и ясно, что я его понял и согласился с ним вполне¹³. Не поставить ли стих в скобки?

Да я ведь Ваши стихи люблю, даже люблю, когда Вы ломаете язык и сочиняете небывалые и не имеющие быть слова —

Но — есть всему граница, и то, что вошло в границу, понятнее.

Нет, с Вами ничего не сделаешь! Не будь Вы Фетом, не торопись Вы и не прыгай из седьмого этажа¹⁴ — не было бы у нас тех сокровищ, какие Вы натворили.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Имеется в виду издание: «Публия Овидия Назона XV книг Превращений в пер. и с объяснениями А.Фета» (М., 1887), с параллельными текстами на русском и латинском языках.

² Фет прислал Страхову стихотворение «Если радуется утро тебя...», строки из которого он приводит далее (опубл.: *РВ*. 1887. № 11, без даты; затем: *ВО* 3, с датой: «10 января 1887»).

³ Страхов критикует вторую строфу упомянутого стихотворения, в частности, 6-й его стих: «снесешь / Не одну ты житейскую грёзу». Фет оставил замечания Страхова без внимания. В первой публикации эта строка была изменена: *прозу* вместо *грёзу*. Вероятно, это было сделано по ошибке, поскольку в *ВО* 3 Фет восстановил первоначальное прочтение (*грёзу*). 25 января стихотворение было послано вел. князю Константину Константиновичу (см. наст. кн.: *Переписка с К.Р.*, п. 5), а 6 марта — С.А.Толстой (см. наст. кн.: *Переписка с С.А.Толстой*, п. 27).

⁴ Вел. кн. Константин Константинович подарил Страхову первый сборник своих стихов («Стихотворения К.Р. 1879–1885». СПб., 1886). Ссылка на Фета относится к его характеристике Страхова как критика, не пропускающего «ни малейшего изъяна» (см. наст. кн.: *Переписка с К.Р.*, п. 4).

⁵ В Мраморном дворце в Петербурге находилась резиденция вел. кн. Константина Константиновича.

⁶ А.Н.Майков был одним из литературных советчиков вел. кн. Константина Константиновича. Их переписка сохранилась (*ИРЛИ*) и частично опубликована (*КР Переписка*. С. 171–238).

⁷ Из перечисленных имен, помимо Апухтина и Надсона, подлинным является лишь имя второстепенного поэта и прозаика Семена Григорьевича *Фруга* (1860–1916). Имена Бухтерева и Трамбова взяты из шуточного письма Фета. Об отношении Фета к поэзии Надсона см. п. 211, прим. 8; об Апухтине — п. 11, прим. 7.

⁸ А.Н.Апухтин страдал излишним весом.

⁹ Подразумевается стихотворение «Если радует утро тебя...» (см. прим. 2 к наст. письму).

¹⁰ Об Н.П.Семенове см. п. 98, прим. 7.

¹¹ 29 декабря 1886 г. Фет был избран членом-корреспондентом Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности.

¹² Об этом письме Страхова Толстому см. п. 142, прим. 5.

¹³ См. п. 142, прим. 2 и 3.

¹⁴ Страхов цитирует слова Фета из его программной статьи «О стихотворениях Тютчева» (1859): «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик» (цит. по: *Фет 1982* Т. 2. С. 156).

144. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 18 февраля 1887 г.

Сегодняшнее утро было назначено на письмо к Вам, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич; но пришло утро неблагоприятное — ночью лихорадочный жар, а утром головная боль. Увы — *трахеит*! Уж Вы не взыскивайте с меня.

Дни три назад был Кутузов и ужасно лакомился Вашими стихами.

Но в стихе умиленном найдешь
Эту вечно душистую розу¹

конечно, божественно сказано. Из второй серии Кутузов взвизгнул от восторга при стихах

твой кроткий зрачок
*Затомится сердечной травой*²

или еще

И, содрогаясь, я пою³.

Но эти три стихотворения не равняются другим — так мы порешили на этом стихотворном пире.

А что Вы скажете о стихах самого Кутузова?⁴ Как у него видно напряжение для того, чтобы высказать свою мысль; но как идет это напряжение к самым мыслям, как оно передает его душу! Я очень доволен, в первый раз вполне доволен его стихами.

Между тем моя книжка *о вечных истинах* напечатана и через неделю будет у Вас на столе⁵. Думаю, что тут Вы не ограничитесь одними похвалами, а будете, пожалуй, и бранить меня. Вообще, эту книжку выпускаю не совсем покойно. Пожалуй, найдутся такие, что обидятся за Бутлерова, а другие за самих себя. Пожалуй, найдут книгу неясною и неполною; и действительно, дело не доведено до конца. Со своею мешкотностью я дотянул до того, что Бутлеров умер⁶.

Перечитываю Пушкина, о котором, к нашему стыду, не было сказано ни слова, его сколько-нибудь достойного, по случаю пятидесятилетия⁷. Можете считать меня гордецом, но я считаю *почти* долгом написать об Пушкине⁸, об Шопенгауэре⁹, об Л.Н.Толстом¹⁰ — и это меня тяготит.

Идеал Пушкина:

все блага жизни сей:
Веселье, мир души, беспечные досуги¹¹.

Конечно, это наилучший из всех идеалов, и увя! мы всегда так себя испортим,

что он становится нам недоступен. *Беспечные досуги* — ведь нужны для них чистота и спокойствие души!

Шопенгауэра жадно читают, потому что он верно изображает эгоизм, и то, что жизнь есть зло вследствие эгоизма. Но ведь он же указывает и на то, что есть выход из эгоизма — этого не хотят замечать, как будто это малость, второстепенное дело. Доброе впечатление поэтому не достигает до полноты.

Что касается до Толстого, то, как об нем ни судите, нельзя же его трактовать с тою ненавистью, которая встретила его отовсюду. Не говорю о его личных отношениях и поступках; но влияние его мыслей и писаний я нахожу только полезным, только освежающею струею среди духоты, в которой мы живем.

Простите меня! Дай Вам Бог всякой бодрости и не браните меня за мою мешкотность и унылость, а лучше — пожалейте. Марье Петровне — усердное почтение.

Ваш И.И.Страхов

1887 18 февр<аля>. СПб.

Р.С. Вел. Князю К<онстантину> К<онстантиновичу> я написал краткую критику и получил от него очень милое письмо¹².

¹ Строки из стихотворения «Если радуется утро тебя..» (см. п. 143, прим. 2 и 3).

² Заключительные строки третьей строфы стихотворения «Как богат я в безумных стихах!» (впервые: *РВ*. 1888. № 1; затем: *ВО* 3, с датой: «1 февраля 1887»).

³ Заключительная строка стихотворения «Нет, я не изменил. До старости глубокой...» (впервые: *РВ*. 1888. № 1; затем: *ВО* 3, с датой: «2 февраля 1887»).

⁴ Очевидно, Страхов имел в виду стихи А.А.Голенищева-Кутузова (*РВ*. 1887. № 1): «Прощальным заревом горит закат багряный...», «Как странник под гневом горящих лучей...», «О, верю я: никто не виноват!...». Отзыв Фета о них неизвестен.

⁵ Со смертью А.М.Бутлерова (5 августа 1886 г.) оборвалась полемика, которую Страхов вел с ним и его сторонниками, трактовавшими спиритизм как явление вполне реальное, не противоречащее достижениям современной науки (об этой полемике см. п. 95, прим. 6). С целью подвести итоги этой полемике Страхов издал сборник своих статей по этому вопросу — «О вечных истинах (Мой спор о спиритизме)» (СПб., 1887). В этом сборнике он, отдавая должное памяти ученого, перепечатал две статьи Бутлерова: «Умствование и опыт» (*НВ* 1884. 7 февраля) и «Медиумизм и умозрение. Ответ г. Страхову (А.М.Бутлерова)» (*НВ* 1885. 17 августа). Позднее его противники выпустили «Сборник статей А.М.Бутлерова по медиумизму» (СПб., 1889).

⁶ «Бутлеров умер <...>, — писал Страхов Толстому 22 августа 1886 г. — Значит наш спор кончен; а для меня он имеет огромное значение, которое я и объясню в большом введении. Эта книга — уже выход на новую дорогу, на путь мистицизма, как я его понимаю» (*ТС* Т. II. С. 712).

⁷ 29 января 1887 г. отмечалось 50-летие со дня смерти Пушкина.

⁸ Вскоре Страхов издал сборник своих статей «Заметки о Пушкине и других поэтах» (СПб., 1888), куда помимо шести статей о Пушкине, вошли также статьи о Я.П.Полонском, Н.А.Некрасове, Фете, А.Н.Майкове, А.А.Голенищева-Кутузове и др. Новая статья о Пушкине написана не была.

⁹ Специального труда о Шопенгауэре Страхов не написал.

¹⁰ В 1887 г. Страхов выпустил второе издание своей книги «Критические статьи. Т. I. Об И.С.Тургеневе и Л.Н.Толстом. 1862–1885». Через четыре года была опубликована его статья «Толки об Л.Н.Толстом (Психологический этюд)» (Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 9).

¹¹ Неточная цитата из стихотворения Пушкина «К ***» («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...»)

¹² 3 февраля 1887 г. Страхов послал вел. кн. Константину Константиновичу свой отзыв на первый сборник его стихов, за что тот 4 февраля благодарил его за критику (*КР Переписка* С. 395–397; на с. 395 в подзаголовке письма опечатка: 8 февраля вместо 3 февраля).

145. ФЕТ — СТРАХОВ.

<Москва. 7-8 марта 1887 г.>

<...> Часто посещавшие нас в Москве В.Соловьев и Грот, по инициативе первого, вскипели негодованием от Вашей книги¹, как воды кузнеца от раскаленного железа, и собираются соборно писать Вам дружеские нарекания. Все, что я пишу Вам, я испросил на это разрешение Соловьева. Соловьев прямо говорит, что это лживая, лукавая книга, прикрывающаяся девизом — philosophari — Deum amare² — и проповедывающая чистейший материализм³. Если она преднамеренно в этом смысле лукава, то тем сильнее мне хочется обнять Вас, как умницу, умеющего защитить свое чадло. <...>

Отрывок из утраченного письма Фета. Прочитирован в письме Страхова к Толстому от 12 марта 1887 г. Печатается по тексту этого письма (ТС. Т. II. С. 733). Датируется по сообщению Страхова о получении письма Фета (см. прим. 1).

¹ Книга Страхова «О вечных истинах (Мой спор о спиритизме)» (СПб., 1887) вызвала категорическое неприятие со стороны В.С.Соловьева и Н.Я.Грота. «Вчера пришло письмо от Фета, в котором восторги и восхищения от *Вечных истин*, — писал Страхов Толстому 12 марта 1887 г., — и не единого слова о том, почему и что ему нравится. Зато в заключение такое известие, которое не могу переварить» (ТС. Т. II. С. 733). Далее следует приведенный выше отрывок из письма Фета. Свое мнение о книге «Вечные истины», которое он «не успел написать Страхову, а хотелось передать Льву Николаевичу», Фет сообщил С.А.Толстой, не сомневаясь, что она доведет это мнение до сведения мужа (см. наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 28).

² Слова из эпиграфа к книге Страхова «О вечных истинах <...>». Полный его текст «Philosophari nihil est quam Deum amare» («Философствование — не что иное, как любовь к Богу» (лат.).

³ В полемике Страхова против сторонников спиритизма В.С.Соловьев видит проповедь материализма, поскольку по сути своей она направлена не только против «спиритических чудес», но и «против всяких чудес и против самого существования невидимых духовных деятелей — т.е. против всякой религии» (Письма Соловьева. Т. I. С. 31). В глазах Соловьева религиозный «девиз», поставленный в эпиграф, — лишь прикрытие материалистической направленности книги Страхова. Это обвинение в неискренности и лицемерии больно задело Страхова, и он горько жаловался Толстому: «Стыдно Соловьеву подумать, что я лгу, да стыдно и Фету поверить такой мысли <...> Первое мое желание было — разорвать всякие отношения с ними, — так мне было обидно <...>. Такого огорчения и недоумения я еще не испытывал в жизни» (Там же. С. 733-734).

146. СТРАХОВ — ФЕТУ

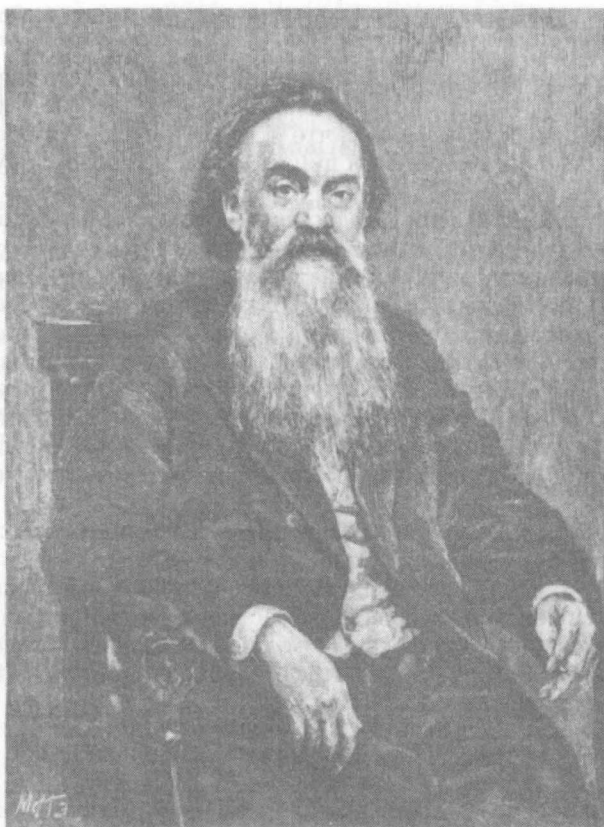
<С.-Петербург. <18>-20 апреля 1887 г.

Должен перед Вами покаяться, дорогой Афанасий Афанасьевич; не писал я к Вам оттого, что на Вас сердился¹. Молчание — золото! Вот я теперь образумился и являюсь к Вам с повинною². Кажется, я могу теперь рассказать всю историю так.

1887. 20 апр<еля>. СПб.

Эти строки были написаны дни три назад; Вы видите, что я уже до Вашего письма собрался каяться. Но я все время болен и уже неделю не выхожу из комнаты; голова не свежа для писанья, и я, чтобы себя побаловать, напускался на свои книги, выбирая лакомые кусочки, на которые давно точил зубы. Сегодня полегче и я принимаюсь рассказывать.

Когда я кончил свои «Вечные истины»³ и сдал их в магазин, я испытывал очень благодушное настроение. Беспреданно мне приходила мысль о *возвышении к Богу*, и я раздумывал о том, какие есть для этого пути, и как их себе уяснить и

Н.Н.СТРАХОВ

Гравюра В.В.Матз с портрета работы И.Е.Репина

«Исторический вестник». 1888. № 11

определить. Но, верно, было в моей душе что-нибудь дурное, и вот послано мне было искушение. Два приятеля прислали мне отзывы о моей книге⁴, от которых я стал жестоко волноваться. Я знал заранее, что книга моя ни тому, ни другому вполне не понравится; один будет недоволен, что я слишком часто говорю о Боге, а другой, что слишком усердно держусь за физику. Для обоих в моей книге должно представляться некоторое внутреннее противоречие. И вот я думал: что они на это скажут? Верно, они никак не согласятся со мною, что в действительности тут нет никакого противоречия.

Но того, что случилось, я никак не ожидал. Оба приятеля решили просто: все, что я говорю о духе и Боге, все это лукавство, притворство, ничего этого я сам не думаю. Один готов меня за это хвалить, а другой протестует против употребления имени Божия всеу и кричит: караул⁵!

Я написал Владимиру Сергеевичу горячие уверения в своей искренности⁶; но он и слышать не хочет. Он пишет, будто я сам признаюсь (не признаю, а признаюсь), что «употребляю без оговорок обычные религиозные выражения для мыслей иного рода»⁷. Подлинные его слова. Я ему писал, что все мои слова я употребляю в точном смысле, что если не могу употребить религиозных выражений в их точном смысле, то я молчу, никаких слов не употребляю. А он говорит, что я говорю одно, а у меня мысли *иного рода*! И хоть бы он привел единое слово, единую фра-

зу, где бы видно было, что слово есть маска для мысли! Нет, меня обвиняют голо-
словно.

И вот, я принялся обижаться. Как! Они не хотят признать меня добросовест-
ным, правдивым, искренним писателем? Почему они так обо мне думают? Эти
самолюбивые мысли так разыгрались, что я забыл все знаки расположения, кото-
рыми осыпают меня приятели, и стал думать, что они, верно, ничуть меня не лю-
бят. Вот в какой грех я впал!

Конечно, дорогой Афанасий Афанасьевич, я должен бы подумать, что вся ви-
на ни в чем ином, как в моей книге. Если кто находит разлад между ее выраже-
ниями и ее мыслями, если кому не ясна связь между ее положениями, то значит
книга дурно написана, неубедительна, не затягивает туда, куда хочет затянуть.

Ну, будет об этом. Из долгого опыта я знаю, что спор в письмах есть дело
почти невозможное. Уж нужно будет приехать самому в Воробьевку, если задат-
ся мыслью спорить о «Вечных истинах». Без сомнения, я и не миную Вашего сада,
хотя заеду не за спором. Но мои планы до сих пор не установились. Май месяц,
конечно, останусь здесь. Должен быть в Киеве и в Крыму⁸, а между тем перегово-
ры еще продолжаются. Можете ли Вы сомневаться в том, что меня тянет в Во-
робьевку?

На Страстной был я у графини Толстой, познакомился там с княгиней Вол-
конской, в первый раз слышал ее голос и видел ее жесты⁹. Там же Д.Цертелев
прочитал мне целую индийскую буддистскую поэму¹⁰. Я был терпелив и внимате-
лен. На юбилей Полонского я пошел уже больной, но все же могу оценить, что
праздник был очень мил, вопреки моим положительным ожиданиям¹¹. Стихи
Майкова по тону очень милы¹². Это страничка из истории литературы за 50 лет,
комментарий на знаменитый стих:

Майков, Полонский и Фет¹³.

Ваши стихи в письме — удивительная прелесть, хотя непонятная. Звук описан
так, что никто другой не опишет; чувство ночи охватывает, но почему вдруг

И не нужно огней¹⁴?

Нежность и минута этой нежности ясны; но перехода нет.
Простите грешного

Н.Страхова

Марье Петровне всегдашнее усердное почтение. Владимиру Сергеевичу —
душевное приветствие. Когда увидимся, мы, я думаю, яснее будет понимать друг
друга, и очень радуюсь, что есть надежда его увидеть.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ См. п. 145.

² Несомненно, что это примирительное письмо, адресованное Фету, было рассчитано на
В.С.Соловьева, который в это время жил в Воробьевке.

³ Об этой книге см. п. 145, прим. 1.

⁴ «Два приятеля» — В.С.Соловьев и Фет (см. п. 145, прим. 3).

⁵ См. п. 145.

⁶ Это письмо Страхова неизвестно. Два письма Соловьева к нему (9 и 12 апреля 1887 г.)
см.: *Письма Соловьева* Т. I. С. 31–34.

⁷ Эта фраза содержится в письме Соловьева к Страхову от 12 апреля 1887 г. (Там же. С. 32).

⁸ В Крыму (Мшатка) и в Киеве Страхов побывал в июле–августе 1887 г. (см. п. 150 и 147,
прим. 7).

⁹ В салоне С.А.Толстой (вдовы А.К.Толстого) Страхов познакомился с кн. Е.Г.Волконской,
автором ряда богословских сочинений, в том числе книги «О церкви. Исторический очерк»

(Берлин, 1888). Сообщение о знакомстве с ней могло заинтересовать находившегося в Воробьевке Соловьева, которого связывала с Волконской общность религиозных воззрений. Подробнее о Волконской см. в наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 19, прим. 14.

¹⁰ Поэма Д.Н.Цертелева «Царевич (Буддийское предание)» опубли.: *РВ* 1889. № 1.

¹¹ 10 апреля 1887 г. в Петербурге отмечалось 50-летие литературной деятельности Я.П.Полонского. Описание этого торжества см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 56 и прим. 2–4 к нему.

¹² А.Н.Майков читал на торжествах стихотворение «Я.П.Полонскому» («Тому уж больше чем полвека...»); опубли.: *НВ* 12 апреля. № 3392). В нем поэт упомянул о «тройственном союзе» (Майков, Полонский и Фет): «Те трое были... милый мой, / Ты понял?... Фет и мы с тобой...».

¹³ Строка из эпиграммы Н.А.Некрасова в «Свистке» (см. о ней п. 20, прим. 5).

¹⁴ Строка из стихотворения «Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть! ...». Текст его, полученный Страховым, не сохранился, но, по-видимому, замечание Страхова Фет не принял во внимание — в окончательной редакции «огни» сохранены: «И не нужно речей, ни огней, ни очей — / Мне дыхание скажет, где ты» (впервые: *ВО* 3, с датой «10 апреля 1887»). 12 июня 1887 г. Фет послал это стихотворение С.А.Толстой, а 6 июля — К.Р. (см. в наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 35 и Переписка с К.Р., п. 23).

147. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 3 июня 1887 г.

Вероятно, дорогой Афанасий Афанасьевич, Вам передал Владимир Сергеевич, как мы с Кутузовым лакомились Вашими стихами¹. Что за прелесть!

Широко раскидалась лазурная высь
И огни золотые горят;
Эти звезды кругом точно все собрались
Не мигая глядеть в этот сад².

Кутузов мне показывал потом стихи, которые он Вам написал³; мне показалось, что в них слышно усилие, — видно, что подобные вещи не совсем в его роде. Ими нужно *стрелять*, как Вы выражаетесь про свое писание стихотворений.

Однако поэзия не составляет предмета моих занятий; я только радуюсь, когда на меня пахнет светом и теплом из этой области, и потом опять погружаюсь в более отвлеченные мысли. Теперь прибавилась еще забота — изучаю статью *Тимирязева*: «Опровергнут ли дарвинизм?», коей первая половина явилась в «Русской мысли»⁴. И жалко, и странно! Человек с горячкой и самоуверенностью наскочил на книгу Данилевского, — и оборвался! Статья очень горяча по тону и удивительно слаба по содержанию. Но вот мне тема для размышлений на нынешнее лето⁵. Планы мои все еще колеблются. Кажется, мне нельзя будет к Вам заехать иначе, как в августе, на обратном пути из Крыма⁶. Вы легко представите, дорогой Афанасий Афанасьевич, что Воробьевка имеет для меня великую прелесть; и чего бы лучше, — поселиться у Вас, да и проводить дни в прогулках и умных беседах. Но в Крым ехать *необходимо*; но навестить родных в Киеве *необходимо*⁷; но побывать у Л.Н.Толстого нужно даже по некоторому умственному делу⁸. Наконец, нельзя надолго отлучаться из Петербурга и нельзя обратиться в простого коптителя неба, хотя я часто жалею о том, что потерял возможность стать таким коптителем. Прибавьте к этому мою *косность*, и Вы пожалеете о моих затруднениях. Меня так тянет в разные стороны, что я всего охотнее остался бы сидеть на месте.

Выеду, я думаю, недели через три. Слава Богу, я чувствую себя так хорошо, как давно не чувствовал.

Простите меня. Хорошо ли Вы сделали Вашу поездку? Владимир Сергеевич написал мне много и очень хорошего¹⁰, но об Вас ни слова, а я воображал при этом, что Вас вовсе нет в Воробьевке.

От души желаю Вам всякого добра. Мое усердное почтение Марье Петровне.
Ваш преданный

Н.Страхов

1887. 3 июня.

Р.С. Майков всегда просит Вам кланяться. Он теперь осиротел: два сына, с ним жившие, отправились жить в Константинополь.

¹ Письмо Страхова к В.С.Соловьеву, в котором содержалось это сообщение, неизвестно.

² 2-я строфа стихотворения «Благовонная ночь, благодатная ночь...» (впервые: *ВО* 3, с датой: 28 апреля 1887). 20 мая Фет послал его С.А.Толстой, а 26 мая — К.Р. (см. в наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 33; Переписка с К.Р., п. 17).

³ Речь идет о стихотворении А.А.Голенищева-Кутузова «А.А.Фету» («Словно голос листы, словно лепет ручья...») (впервые опубли.: *РВ* 1887. № 12). 20 мая 1887 г. В.С.Соловьев писал Страхову из Воробьевки: «Гр. Кутузов обрадовал меня довольно обширным письмом с прелестным осмыслением Фету. И я, и А.А. отвечаем сегодня Вашему и моему другу» (*Письма Соловьева*. Т. I. С. 36). О реакции Фета на это стихотворение см. в наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 17 и 38.

⁴ 22 апреля 1887 г. проф. Московского ун-та Климентий Аркадьевич Тимирязев (1843–1920) прочел в Московском Политехническом музее лекцию на тему «Опровергнут ли дарвинизм?» (опубл.: *Русская мысль*. 1887. № 5 и 6). Тимирязев полемизировал в ней с книгой Н.Я.Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование». Т. I (СПб., 1885) и со статьей Страхова «Полное опровержение дарвинизма» (*РВ*. 1887. № 1).

⁵ Летом 1887 г. Страхов изучал статью Тимирязева, обдумывая свой ответ на нее (см. п. 150). Этим ответом явилась статья «Всегдашняя ошибка дарвинистов (По поводу статьи профессора Тимирязева “Опровергнут ли дарвинизм?”)» (*РВ*. 1887. № 11, 12). Затем полемика прервалась и возобновилась лишь в 1889 г. (см. п. 179, прим. 4 и 5).

⁶ О двукратном пребывании Страхова в Воробьевке летом 1887 г. см. п. 149 (прим. 3) и п. 150 (прим. 7).

⁷ В Крыму Страхов должен был навестить семью покойного Н.Я.Данилевского, в Киеве — семью своей племянницы О.Д.Матченко.

⁸ Летом 1887 г. Страхов дважды побывал в Ясной Поляне: с 26 июня по 2 июля и с 23 по 29 августа (см. п. 149 и 150, прим. 7).

⁹ С 10 по 14 мая Фет совершил поездку во Мценск на мировой съезд, где присутствовал в качестве почетного мирового судьи, а оттуда — в Орел (см. в наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 17).

¹⁰ Страхов имеет в виду письмо В.С.Соловьева от 20 мая 1887 г. (*Письма Соловьева*. Т. I. С. 35–37).

148. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 19 июня 1887 г.

Опять, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, мы с Кутузовым устроили себе лакомый пир из Ваших стихов. Мы и восторгались, и горевали; потому что

Прилетел бы со стоном сюда, как пчела¹

или

Что счастья взрыв мы промолчали оба²

и другие подобные стихи — конечно, бесценные алмазы самой чистой воды; но

Злая старость чего бы^{1*} на век ни взяла

^{1*} Слово зачеркнуто Фетом и вписано карандашом: хоть всё бы

или

Истомлюсь этой жизни избытком и *лоском*

такие стихи — это трещины, бурые пятна, бородавки, бельма — на сияющих красотою формах¹.

Приеду к Вам, и будемте перечитывать все Ваши грехи и прелести. Решил я захватить к вам на прямом пути дни на два на три; это будет в первых числах июля⁴. Ведь мне очень хочется быть в Воробьевке и, как только я почувствовал себя немножко бодрее, я решился на это и сам обрадовался своему решению.

Теперь я в наилучших хлопотах по отъезду, и потому пишу к Вам наскоро. Дай Бог Вам быть здоровым, дай Бог счастливо свидеться.

О Боге и еще кой о чем должен черкнуть несколько слов Соловьеву⁵.

Марье Петровне мое усердное почтение.

Простите, простите меня. —

Ваш

Н. Страхов

1887. 19 июня. СПб.

¹ Строка из ранней редакции стихотворения «Моего тот безумства желал, кто смежал...».

² Стихотворение «Светил нам день, будя огонь в крови.» (опубл. *ВО* 3, с датой: «9 июня 1887»). Авторизованный текст стихотворения был послан в письмах к С. А. Толстой от 12 июня 1887 и к К. Р. — от 20 июля 1887 г. (см. наст. кн.: Переписка с С. А. Толстой, п. 35; Переписка с К. Р., п. 23).

³ Страхов критикует 5-ю и 10-ю строки ранней редакции стихотворения «Моего тот безумства желал, кто смежал...», впоследствии переработанные Фетом: «Злая старость хотя бы всю радость взяла», и «Стану буйства я жизни живым отголоском» (опубл. *ВО* 3, с датой: «25 апреля 1887»). В этой новой редакции стихотворение было послано К. Р. 6 июля 1887 г. (см. в наст. кн.: Переписка с К. Р., п. 23). Полонский весьма резко критиковал первую его строфу за неясность (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 20).

⁴ См. п. 149, прим. 3.

⁵ Очевидно, Страхов намеревался отвечать на письмо Соловьева от 20 мая 1887 г., однако этот ответ неизвестен (см. п. 149).

149. СТРАХОВ — ФЕТУ

Ясная Поляна. 29 июня 1887 г.

29 июня, 1887. Ясная Поляна

Из Петербурга я послал по письму и Вам¹, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и Владимиру Сергеевичу². Но наклеил, *кажется*, не те марки! Вот досада, если, по нашим порядкам, письма не дошли! Хорош аккуратный человек, считающий почти всех других людей *угорелыми*.

Явлюсь к Вам лично, и тогда можете мне намылить голову. Выеду отсюда никак не позже 2-го, и на этот раз загляну к Вам только на сутки или на двое³; Вы успеете, я полагаю, наказать меня за все мои провинности, а я успею излить все свои жалобы.

Здесь все здоровы и благополучны и все Вам кланяются. Пятнадцать лет назад все это были мальчики и девочки, теперь — здоровенные молодцы и зрелые невесты. А шалят все так же.

Много Вам расскажу, когда приеду, а теперь тороплюсь только сказать, что здоров лучше обыкновенного и что жду свидания с Вами, как великого лакомства.

Простите меня, передайте мое усердное почтение Марье Петровне и Владимиру Сергеевичу.

Ваш негодный корреспондент, но жаркий почитатель

Н. Страхов

¹ См. письмо 148.

² Это письмо неизвестно.

³ Страхов приехал в Воробьевку 2 июля и провел там три дня, в течение которых просмотрел 45 стихотворений Фета, предназначенных для третьего выпуска «Вечерних огней» (см. в наст. кн.: Переписка с К. Р., п. 23 и прим. 4 к нему).

150. СТРАХОВ — ФЕТУ

Мшатка. 28 июля 1887 г.

Мшатка, 28 июля 1887

Благополучно и вовремя добрался я сюда, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, хотя только по чистой случайности попал на поезд, идущий прямо в Севастополь (такие поезда ходят не каждый день, как мне воображалось). И здесь все хорошо; все здоровы, кроме тех случаев, когда кто-нибудь из молодой прислуги, или из так называемой *команды* (шесть человек девушек и мальчиков, состоящих под начальством самого младшего десятилетнего Вани) вдруг обьестся фруктами донельзя. И море, и небо и сад — бесподобны.

Die unbegreiflich hohen Werke
Sind herrlich wie am ersten Tag !!

Но для стариков нет здесь прежнего веселья; бывший хозяин унес его в могилу².

Работал я мало; большею частью было так жарко, до 25° и 27°, что мы только разговаривали, и я мог читать только две вещи — статью Тимирязева, возбуждающую во мне негодование и смех³, и «Войну и мир», восхищающую меня *более* прежнего. Я теперь нашел гораздо яснее и слабые и сильные стороны этого удивительного произведения⁴.

Дни три назад стало вдруг прохладно, и я принялся за письма. Настоящую работу я, конечно, откладываю до Петербурга, а тут только думаю.

Известие о смерти Каткова пришло к нам только 23-го и было отчасти неожиданно⁵. «Новое время», которое здесь получается, начиная с 10 июля, не давало никаких известий о болезни, так что я стал надеяться, что беда минует. Событие самых крупных размеров! Но у меня такой мрачный взгляд на наши дела, и внешние и внутренние, что новые опасения не могут увеличить этой мрачности. Катков — блистательный пример того, что может сделать частный человек, — пример, который должен нас ободрять, должен каждому показывать, что нечего жаловаться на невозможность действовать⁶.

2-го августа, по всем вероятностям, сяду я на пароход в Севастополе, 3-го буду в Одессе и пушусь в Киев, где придется пробыть дней десять, а там и к Вам⁷. От души желаю найти Вас в добром здравьи, — хотел прибавить: и в бодром духе, но подумал, что бодрость Вам никогда не изменяет, и на нее можно рассчитывать наверное. Усердное мое почтение Марье Петровне. С Владимиром Сергеевичем у нас завелись такие интересные разговоры, что я жажду их продолжения. Но не только для себя, а и для него самого от всей души желаю ему поправиться. Надеюсь, в этот раз увижу и его книгу⁸. Подумаешь — какая славная работа идет и в Ясной Поляне и в Воробьевке, и (позвольте прибавить) у странствующего философа Страхова; но странно, что все это делается, очевидно, вне литературы, чуть не вопреки литературе⁹. После смерти Каткова можно даже смело спросить: да разве существует Русская Литература?

Но я разболтался, против своего ожидания, а ждут дела и хлопоты, которые я запустил до невозможности. Простите

Вашего душевно преданного

Н. Страхова

¹ Слова архангела Рафаила из «Пролога на небе» «Фауста» Гете. В переводе Фета: «Краса для всех непостижима, / И все как в первый день светла» (Фауст. Трагедия Гёте. Часть первая. Перевод А.Фета. М., 1882. С. 25). Ср. в пер. Б.Пастернака: «Как в первый день, так и сегодня / Безмерна слава божьих дел».

² Речь идет о Н.Я.Данилевском.

³ О статье К.А.Тимирязева см. п. 147, прим. 4 и 5.

⁴ Перечитывая «Войну и мир», Страхов пришел к выводу, что религиозно-нравственные воззрения Толстого сформировались уже в пору его работы над этим романом и определили его направленность. 27 июля 1887 г. он писал об этом Толстому: «Вы уже тогда выступили мыслителем и правоучителем, с полным мировоззрением, — так точно, как выступаете теперь <...> Вы показали, как растет и живет в душе религия, и какую силу она дает людям. Несравненная книга! До сих пор я не умел ценить ее как следует, да и Вы не умеете — так мне кажется» (ТС. Т. II. С. 747). Возможно, что желание вновь обратиться к роману Толстого возникло у Страхова вследствие «споров по поводу философских мировоззрений», которые он вел в Воробьевке с В.С.Соловьевым и Фетом (об этих спорах см. в наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 23), — естественно, что такие споры не могли обойти вниманием столь острый для них вопрос, как мировоззрение Толстого.

⁵ М.Н.Катков скончался 20 июля 1887 г.

⁶ Как реагировал Фет на это суждение Страхова, неизвестно (его ответное письмо не сохранилось). Однако из других источников можно заключить, что Фет видел в публицистической деятельности Каткова противовес овладевающей страной «нигилизму» (т.е. революционным, разрушительным тенденциям). 4 августа 1887 г. он высказал А.В.Олсуфьеву свои опасения: «Чтобы ни говорили, смерть Каткова есть капитальнейшая утрата для консервативной России, на которую, того и гляди, вновь набросятся голодные нигилисты...» (Олсуфьев 50 С. 235).

⁷ 15 августа 1887 г. Страхов прибыл в Воробьевку (см. п. 151, прим. 2), 23 августа переехал в Ясную Поляну (ТС. Т. II. С. 750), отсюда 29 августа отправился в Москву (см. п. 152).

⁸ Страхов имеет в виду только что изданную за границей книгу Соловьева «История и будущность теократии. (Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни). Т. I». Загреб, 1887.

⁹ Это напоминание о напряженной умственной работе, которая царит в Ясной Поляне и в Воробьевке, перекликается с мыслью Страхова об «уединенных светилах», о «светляках русской мысли, разбросанных по нашим деревням» (см. п. 157, прим. 3 и п. 167).

151. СТРАХОВ — ФЕТУ

Киев. 12 августа 1887 г.

Киев, 12 августа 1887

Со 2-го августа, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, я уже пустился в обратный путь: на пароходе «Пушкин» приплыл в Одессу, пообедал в знакомом семействе, вечером сел в вагон и на другой день увидел своих родных, и тех, которых знал прежде, и двух новых, народившихся в мое отсутствие.

Киев бесподобен; профессор А.Прахов¹, много ездивший по свету, справедливо причисляет его к первому разряду по красоте, и ко второму по древности.

Через два дни, т.е. в пятницу, выеду отсюда, и значит в субботу, часов в 7 вечера обниму Вас². Теперь не хочется пускаться в рассказы и рассуждения, которые с такою радостью предчувствую в Воробьевке. Главное, что меня занимало, конечно — Катков³; но и статья Л.Н.⁴, и затмение⁵, и здешние новые и реставрированные храмы, и т.д. — все меня заняло гораздо больше, чем я ожидал; если бы я был не так хил душевно, то нынешняя поездка была бы для меня очень радостною.

Все зависит не от того, что вокруг нас, а от того, что в нас самих, как говорит Эпиктет⁶. И внутри меня не хорошо. Стараюсь, однако, исправиться и надеюсь, что разговоры с Вами и Ваши энергические укоризны очень мне помогут. От всей души желаю Вам здоровья. Усердный поклон мой Марье Петровне и Владимиру Сергеевичу.

Простите
Вашего сердечно преданного

Н. Страхова

¹ Адриан Викторович *Прахов* (1846–1916), историк искусств, археолог. В 1880-е гг. жил в Киеве, уделяя много времени реставрации архитектурных памятников.

² Суббота в 1887 г. приходилась на 15 августа.

³ Об отношении Страхова к смерти М.Н. Каткова см. п. 150.

⁴ Летом 1887 г. Толстой заканчивал работу над трактатом «О жизни и смерти» (окончательное заглавие «О жизни») 3 августа книга была отправлена в печать (*Толстая Дневники*, Т. I. С. 123).

⁵ Полное солнечное затмение наблюдалось 7 августа (ст. ст.) 1887 г.

⁶ Согласно представлениям греческого философа-стоика Эпиктета (ок. 50 — ок. 140), близкого христианскому миропониманию, человек в любых условиях способен сохранять внутреннюю независимость и свободу.

152. СТРАХОВ — ФЕТУ

Москва. 29 августа 1887 г.

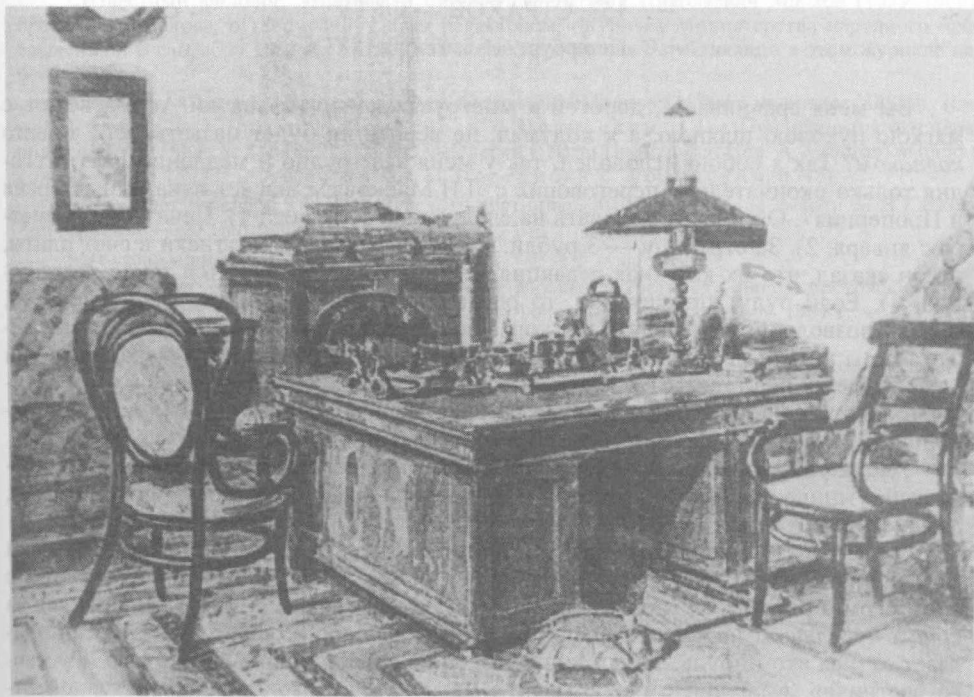
29 авг<уста> 1887

Водворившись в Вашем кабинете, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, почувствовал я большое удовольствие от совершенной тишины, от совершенной сухости и от отсутствия не только кусающих мух, но и обыкновенных (*Musca domestica*); а равно и представителей класса паукообразных (*Atachnoidea*) и класса многоногих (*Myriapoda*). Вы догадываетесь, что я сегодня только покинул Ясную Поляну и перенесся сюда. Нужно послать Вам обратным путем поклоны от графини и Льва Николаевича и Татьяны Андреевны, и нужно дать Вам понятие о текущем моменте тамошней жизни. Ясная Поляна была в полном сборе; не доставало только Ильюши¹, но зато явился Степан Андреич с женою². 9 лет он отсутствовал и теперь наслаждался яснополянскою жизнью с удивительным восторгом. Жена его — маленькая еврейка, милое и доброе существо, вполне примкнувшее к общему хору. Из чужих были, или бывали только свои же, — две молодые девушки, родственницы Александра Михайловича³, да дочь Сергея Николаевича⁴. Народу, однако же, выходило пропасть, и часто смех раздавался с утра до вечера. Но представьте, что это население должно скоро увеличиться. Обе дамы⁵ находятся в интересном положении. Вопреки всякому пессимизму, я чувствовал какое-то умиление от этого обилия жизни —

Все растет и рвется вон из меры⁶.

Л<ев>Н<иколаевич> до сих пор перерабатывает свое сочинение «О жизни и смерти», наполовину уже по гранкам корректур⁷. Здоровье его не хорошо; все бо- ли в желчном пузыре, пьет воды, но неправильно; расположение духа, однако, спокойное и добродушное. День 23-го сентября предполагается проводить в Ясной Поляне, но вовсе не праздновать и никого не приглашать. Графиня говорила, что она надеется, как всегда, увидеть Вас и Марью Петровну при Вашем проезде в Москву, и *только в этом смысле* будет рада, если доведется видеть Вас раньше⁸. 28-е августа было отпраздновано только обедом на открытом воздухе и двумя буткетами на обеденном столе⁹. До самого этого дня погода стояла томительно жаркая — 23°, 24° по Реомюру! Просто я истосковался по холоду; только сегодня похолодело, и я был этому немало рад. Мое здоровье по-прежнему: толстею и недо- могаю.

Это — первое мое письмо в Воробьевку и содержит оно то, что интересно для Вас. Побываю в «Русском вестнике», в Лоскутной¹⁰ и пр. и напишу второе, более

РАБОЧИЙ КАБИНЕТ ФЕТА В МОСКОВСКОМ ДОМЕ НА ПЛЮЩИХЕ

Рисунок К.А.Савицкого, 1892

«Всемирная иллюстрация». 1892. № 1247 (с ошибочной подписью: «Кабинет Ф.М.Достоевского»)

интересное для Владимира Сергеевича. Усердно ему кланяюсь. Желаю Вам всякого благополучия. Марье Петровне низкий поклон и сердечная благодарность.

Ваш

Н.Страхов

¹ Сын Толстых Илья отбывал в это время воинскую повинность.

² Степан Андреевич *Берс* (1855–1910) — брат С.А.Толстой, юрист, служивший в Закавказье. Его жена — Мария Петровна *Берс*, актриса провинциальных театров.

³ А.М.Кузминский — муж Т.А.Кузминской.

⁴ Вера Сергеевна *Толстая* (1865–1923) — дочь С.Н.Толстого.

⁵ Обе дамы — С.А.Толстая и Т.А.Кузминская.

⁶ Строка из стихотворения Фета «Мы одни; из сада в стекла окон...» (ок. 1850), впервые опублик. под заглавием «Фантазия» (*Фет 1850*).

⁷ Во время пребывания в Ясной Поляне Страхов ознакомился с корректурой трактата «О жизни», которую держал Толстой. «С нетерпением жду появления Вашей книги, — писал он Толстому 13 сентября 1887 г., — хотелось бы перечесть те чудесные страницы, которые я читал в Ясной Поляне» (*ТС. Т. II. С. 751–752*).

⁸ 29 сентября 1887 г. Фет с женой приехали в Ясную Поляну, откуда выехали 1 октября и в тот же день прибыли в Москву (см. в наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 40–42).

⁹ 28 августа — день рождения Толстого.

¹⁰ В это время в гостинице «Лоскутная» (Тверская ул., близ Красной площади) жил Д.Н.Цертелев (см. п. 154), который редактировал первые четыре книжки «Русского вестника», вышедшие после смерти М.Н.Каткова (1887. № 7–10). Перед отъездом из Москвы Страхов познакомился с ним (см. п. 153, прим. 5).

153. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 16 сентября 1887 г.

Вы меня сравниваете, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, с мягкой пуховой шляпою, а я подумал, не вернее ли будет назвать меня просто *колпаком*? Так я собою недоволен, так у меня все трудно и медленно идет. Сегодня только окончательно переговорил с Л.Н.Майковым: насчет печатания Персия и Проперция¹. Он просит прислать на следующих условиях: 1). Печатание начнется с января, 2). За страницу — 3 рубли. Я предлагал сделать оттиски в счет платы, но он сказал, что их казенная редакция не имеет права вступать в такие соглашения, 3). Если будут примечания, то редакция, в силу своей глубокой учености, просит позволения исправлять их, когда то понадобится. На это я сказал, что, кажется, Вы хотите ограничиться только самыми необходимыми примечаниями или даже вовсе их не ставить. Простите, я забыл немножко наш разговор об этом, помню только хорошо, что разговор был. Итак, теперь дело за Вами, — посылайте рукопись в редакцию².

Плохие вести сюда приходят об Аполлоне Н.Майкове; его младший сын, любимый, умница, ради которого отец и мать пустились в Турцию, не поправляется, а гаснет на их глазах.

У нас же здесь все благополучно. Кутузов просил передать большой поклон и Вам и Владимиру Сергеевичу. Я нашел его похудевшим, и он говорит об этом с восторгом, приписывая свою легкость бесподобной диете: он два месяца сидел на *ершах и телячьих ножках*! Теперь он уехал в деревню и, верно, через месяц привезет оттуда что-нибудь. Забыл за что, но он не совсем доволен книжкою «Русского вестника», вышедшею после смерти Каткова³, недоволен в литературном отношении.

Полонский здравствует и пишет и даже меньше прежнего хромает. Завтра я в первый раз собираюсь навестить его.

Наконец, я продолжаю толстеть, но так как ничуть не становлюсь бодрее, то готов видеть в этом какую-то беду.

Кажется мне, что в Петербурге тихо-тихо. Или это только тихо в моих комнатах? Увы! моя лампа и мои книги не приносят мне пока прежнего наслаждения! Работаю мало, а дома сижу очень много. Уже началась темнота днем, которая будет продолжаться пять месяцев, и при которой я всегда чувствую затруднение в своих странствиях по моей библиотеке.

При сем прилагаю письмо на имя Владимира Сергеевича, найденное мною у себя⁴. Он желает от меня рассказа о московских беседах⁵; соберусь и напишу ему. Теперь же прошу Вас сказать ему, что Феоктистов или только что приехал или еще не приезжал⁶. Книга у него, и, по всем моим соображениям, он отправит ее в духовную цензуру⁷. Буду следить через Л.Н.Майкова. Свой экземпляр я получил.

Во всяком случае, прошу Вас и его простить меня. От души желаю Вам здравствовать. Марье Петровне мое усердное почтение. Не забывайте

Вашего душевно преданного

Н.Стрхова

1887. 16 сент<ября>. СПб.

¹ P.S. Писал я Вам о совете Льва Николаевича? Он думает, что в Ваших «Воспоминаниях» всего любопытнее могут быть воспоминания о Вашем детстве и о том быте, среди которого Вы росли⁸. Вы знаете, что он вообще не ласково смотрит на литературу и литераторов. «Да это уже так избито!», — говорил он. Живые сферы он предпочитает отвлеченным людям, каковы Тургенев и всякие писатели. А я вспоминаю слова Евангелия: *и то нужно делать и этого не оставлять*⁹.

¹ Известный филолог, этнограф и библиограф Леонид Николаевич *Майков* (1839–1900), брат Ап.Н.Майкова, в 1883–1890 гг. был редактором «Журнала Министерства народного просвещения». В сентябре 1887 г. Страхов вел с ним переговоры о публикации в этом журнале переводов Фета.

² Перевод «Элегий» Проперция Фет послал Л.Н.Майкову только в январе 1888 г. (см. п. 157, а также наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 19). Публикации этого перевода: *ЖМНП* 1888. № 5, 6, 8, 9; отд. изд. («Элегии Секста Проперция. Пер. А.А.Фета») вышло в конце октября 1888 г. (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 48).

³ Речь идет о первой книжке «Русского вестника», вышедшей после смерти М.Н.Каткова под редакцией Д.Н.Цертелева (1887. № 7).

⁴ Это письмо неизвестно.

⁵ В конце августа 1887 г. Страхов, будучи в Москве, встретился с рядом московских литераторов (имена их перечислены в его письме к Толстому от 13 сентября 1887 г. — *ТС*. Т. II. С. 751; там же отмечен и факт встречи его с Д.Н.Цертелевым).

⁶ Евгений Михайлович *Феоктистов* (1829–1898) с 1883 г. возглавлял Главное управление по делам печати. 6 сентября 1887 г. В.С.Соловьев просил Страхова справиться у Феоктистова, допустимо ли издание в России только что выпущенного за границей (Загреб) первого тома его труда «История теократии <...>» (*Письма Соловьева*, т. I. С. 38).

⁷ Страхов оказался прав. Светская цензура, признав свою некомпетентность, передала книгу Соловьева в цензуру духовную, которая и запретила ее издание в России.

⁸ В предисловии к последней книге своих воспоминаний, изданной посмертно («Ранние годы моей жизни». М., 1893), Фет писал: «Надеюсь, что в деле критики литературного интереса едва ли можно отыскать более надежного судью, чем гр. Л.Н.Толстой. Он-то, когда я перед ним заговорил по окончании моих гвардейских воспоминаний о намерении начать мой рассказ с детства, сказал: “это будет гораздо интереснее позднейших воспоминаний, так как поведет в среду мало известную и невозвратно исчезнувшую”» (С. 1–2).

⁹ Перифраз евангельского текста: «Но горе вам, фарисеям, что даете десятину с мяты, руты и всяких овощей, и не радите о суде и любви Божией: сие надлежало делать, и того не оставлять» (Лк 11, 42).

154. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 5 ноября 1887 г.

Я болен, Офелия, милый мой друг,
Ни в слухе, ни в охе нет силы !!

Но я почти рад, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, что немножко заболел — грипп — и успею теперь, сидя дома, исполнить разные обязанности. Одна из самых важных — поблагодарить Вас за Ваши письма, и за ласку и за критику. Злодей Тимирязев, наконец, поражен и лежит у ног моих разбитый вдребезги². Я до того дошел, что мне даже жалко его; но авось этот случай пробудит внимание наших ученых.

«Русский вестник», как Вы знаете, переселяется в Петербург³. Не очень он был хорош в Москве, но в Петербурге едва ли будет лучше. По секрету скажу Вам, что руки, в которые он переходит, не очень мне по душе. Во-первых, кадет Вороневского корпуса, хотя и учился на родине Кольцова у известного Де Пуле, почему и получил страсть к литературе, но далеко не доучился до полной грамотности, а потом вовсе не думал о своем образовании⁴. Суворин⁵, его товарищ, другое дело; тот пристрастен к книгам и никогда их не покидал. Так что видеть лучший русский журнал под ведением недоучки вовсе не весело, и это обстоятельство должно так или иначе отражаться в каждой книжке. Пожалуйста, когда увидите Цертелева — он, верно, еще месяц-другой проживет в Лоскутной — сделайте ему строгий выговор, что он выпустил дело из рук; его редакция была бы бесконечно лучше, а приятнее более чем бесконечно⁶. Во-вторых, мнения и вкусы Берга мне известны; это — самое грубое ретроградство, известное давно под именем *мракобесия*. Очень боюсь, что оно выступит в первой же книжке. С будущего года они хотят печат-

тать роман Вс. Крестовского «Жид идет»⁷. Его не хотел печатать покойный Катков, как, я думаю, не стал бы печатать романа, основанного на обличении поляков или немцев. Ведь это значит — возбуждать вражду одной части населения против другой — что запрещено законом. Другое дело статьи, факты, рассуждения — это все равно, что документы и следственные показания в процессе; а роман — это ведь адвокатская речь, это бьет на возбуждение чувства, а не на уяснение дела. И потом — в религиозном, в научном и в политическом отношении, вероятно, скоро обнаружится злующая нетерпимость, которой Катков никогда не выражал в принципе, поддаваясь ей только в частных случаях, на основании частных причин.

Все это грустно. Когда я просматриваю нынешний «Гражданин»⁸, когда слышу о подвигах Владиславлева⁹, об изгнании Ореста Миллера¹⁰ и т.д., то я, чтобы хоть немножко усмирить себя, говорю себе: «А зачем вы царя на улице убили? Вы думаете, это вам легко пройдет? Будет вам еще не то; власть теперь может спокойно разгуливать и капризничать, как угодно. Кто смеет заговорить в пользу цареубийц? Как можно жаловаться на власть, когда против этой власти всенародно совершены такие преступления? Поделом вору и мука». И вот я предвижу все большие и большие отступления к Николаевскому времени. А затем, конечно, начнется реакция и наступит новое Александровское время. И мы опять будем проделывать ту же историю, ничему не выучиваясь и ничего не забывая. И на это пойдут лучшие наши силы, а наука, образованность, добрые нравы — по-прежнему не будут делать никаких успехов.

В возражениях Ваших на мою книжку Вы являетесь, по Вашему обыкновению, большим нечестивцем и человеком, жестоким до свирепости¹¹. Но, несомненно, мне нужно принять их к сведению, и, если позволит судьба, мы с Вами побеседуем об них лицом к лицу. Душевно благодарю Вас. Покамест, отвечу на одно. Вы пишете: «образ Его субъективен, соответственно идеалу каждого» Но ведь *ничей* образ не бывает иначе, как субъективным. Из всех великих исторических лиц нет ни одного более ясного по внутреннему настроению, более привлекающего^{1*} любовь^{2*} людей^{3*}, более потрясавшего умы и сердца. А что есть вовсе не понимающие, или криво толкующие, что есть в понимании тысяча оттенков — это естественно, неизбежно и было бы странно говорить против этого. Сколько веков люди главною целью жизни ставили *подражание Христу*; нет в истории примера большей любви к человеку, более распространенного понимания этого человека. Историк как-нибудь да нужно на основании этого составить свое понимание.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич. Марье Петровне мое усердное почтение и Екатерине Владимировне искренняя благодарность. Будьте здоровы и не забывайте

Вашего душевно преданного

Н. Страхова

1887. 5 ноября. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Шутливая перефразировка начальных строк стихотворения Фета из цикла «К Офелии» «Я болен, Офелия, милый мой друг! / Ни в сердце, ни в оке нет силы...» (Москвитянин 1842 Ч. 1. № 2).

² Страхов закончил первую часть своего ответа на выступление К. А. Тимирязева в защиту дарвинизма (см. п. 147, прим. 5).

³ С ноября 1887 г. редактором «Русского вестника» стал Ф. Н. Берг, который перевел издание журнала в Петербург (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 30, прим. 11).

⁴ 16 ноября 1887 г. Страхов писал Толстому: «...Ф. Берга я знаю больше двадцати пяти лет, это человек очень узкий умом, полуграмотный и недобросовестный» (ТС Т. II. С. 765).

^{1*} Вписано вместо зачеркнутого: увлекшего

^{2*} любовь — вписано,

^{3*} далее зачеркнуто: любовью.

⁵ Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912), влиятельный публицист, издатель газеты «Новое время», был одновременно предпринимчивым книгоиздателем. Страхов поддерживал отношения с Сувориным и печатался в его газете.

⁶ Предполагалось, что Д.Н.Цертелев, редактировавший первые четыре книжки «Русского вестника», вышедшие после смерти М.Н.Каткова, возглавит этот журнал и в дальнейшем. Эти надежды не оправдались.

⁷ «Жид идет!» — трилогия известного писателя Всеволода Владимировича Крестовского (1839–1895), состоявшая из романов «Тьма египетская», «Тамара Бендавид» и «Торжество Ваала». В 1881 г. «Русский вестник» (№ 1, 2) начал публикацию романа «Тьма египетская», однако Катков приостановил ее, имея в виду возможность нежелательного воздействия романа на межнациональные отношения в России. Берг, став редактором «Русского вестника», принял решение напечатать трилогию целиком, что и было сделано в 1888–1892 гг. Тогда же трилогия была напечатана отдельными книгами (последний роман трилогии не был завершен).

⁸ С 1887 г. газета-журнал «Гражданин» (ред. В.П.Мещерский) обрел крайне реакционное направление. Страхов, в 1870-е годы активно сотрудничавший в «Гражданине», внимательно следил за эволюцией этого периодического органа. Особенное возмущение Страхова вызвал предпринятый «Гражданином» «поход» против Толстого (ТС Т. II. С. 759).

⁹ Осенью 1887 г. в С.-Петербургском ун-те происходили студенческие волнения, которые были жестоко подавлены. Новым ректором ун-та был назначен проф. Михаил Иванович Владиславцев (1840–1890). «Он начал усердную чистку в Университете, исключил, без объяснения причин, несколько сот студентов, — всех, которые были хоть сколько-нибудь на примете у полиции» (Вересаев В.В. Воспоминания. М., 1982. С. 328).

¹⁰ Проф. Орест Федорович Миллер (1833–1889), историк литературы и фольклорист, основатель студенческого Научно-литературного об-ва, был уволен из С.-Петербургского ун-та за публикацию лекции «Славянофильство и Катков» (Русский курьер. 1887. 29 сентября), в которой он подверг критике направление газеты Каткова «Московские ведомости». Министр нар. просвещения И.Д.Делянов так объяснял увольнение Миллера: «...профессор присваивает себе ничем не ограниченное право свободы слова на кафедре», а в его лекции содержится «резкое осуждение деятельности публициста, высокая оценка которого <...> сделана совершенно в ином смысле с высоты Престола».

¹¹ Страхов не согласен с возражениями Фета на его книгу «О вечных истинах (Мой спор о спиритизме)» (СПб., 1887). Далее он отвечает на одно из этих возражений и попутно формулирует его. Остальные возражения Фета неизвестны (письмо, их содержащее, утрачено).

155. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 16 ноября 1887 г.

Ваши стихотворения удивительны, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич! Каким образом старые темы у Вас получают свежесть и жизненность, как будто они только что явились на свет.

Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам¹

Вы действительно умеете. Но

Смолкает зарей отрезвленная птица²

Этакой золотой звук! Не прикажете ли отдать Ваши стихи для декабрьской книжки Ф. Бергу? Замечу только, что все же слышится Ваша небрежность. Напр.:

Единой своей нераздельной любовью
Дозволь мне блаженством дышать.

Два творительных, и ясно, что блаженством слово нужное, но не там стоит, в нужно³.

Что касается до адреса Л.Н.Майкова, то их два; общий — Редакция «Журн<а> мин<истерства> нар<одного> просвещения» и частный — Большая Мастер-

ская, д. 11. Когда я отдавал ему Ваше письмо, он говорил, что будет писать Вам, но что теперь уже дело вполне выяснилось и доведено до конца⁴.

Вы предостерегаете меня, чтобы я не закрывался маской, а недавно В.Модестов печатно и пространно упрекал меня в недостатке *откровенности*⁵. Но что же я такое? Зачем мною заниматься? Будемте говорить о чем-нибудь другом, более интересном.

Цертелев был у меня. Он предрекает «Р<усскому> вестнику» падение, и я готов с ним согласиться⁶. Сперва произойдет литературное и нравственное падение, а потом и денежное.

Первая большая часть статьи о Тимирязеве уже в печати; последняя, меньшая, должна быть еще кончена; сейчас за нее сяду⁷.

От души желаю вам здоровья и стихов, больше стихов! Марье Петровне мое усердное почтение.

Ваш душевно Н.Страхов

1887. 16 ноября. СПб.

¹ Строка из утраченной ранней редакции стихотворения «Одним толчком согнать ладью живую...». 9 декабря 1887 г. стихотворение послано вел. кн. Константину Константиновичу (см. наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 34). Впервые (окончательная редакция): *РВ*. 1888. № 1; затем *ВО* 4, с датой: «28 октября 1887. Москва».

² Эта строка, а также две строки, приведенные ниже, — из утраченной ранней редакции стихотворения «Не нужно, не нужно мне проблесков счастья...». Впервые (окончат. редакция): *РО*. 1890. № 11, с датой: «4 ноября 1887. Москва», затем: *ВО* 4.

³ Фет переработал эти строки в окончат. редакции: «Позволь мне моей нераздельной любовью, / Забыв все на свете, дышать!»

⁴ Очевидно, речь идет о публикации «Элегий» Проперция в пер. Фета (см. п. 153, прим. 1 и 2).

⁵ Страхов имеет в виду фельетон приват-доцента С.-Петербургского ун-та и публициста Василия Ивановича *Модестова* (1839–1907) (Новости и Биржевая газета. 1887. 20 октября). «Пантеист ли он, — писал Модестов о Страхове, — деист ли, исповедует ли он положительную религию, материалист ли он, идеалист ли он, либерал ли он, консерватор ли он, — одним словом, кто г. Страхов в области философии и политики, для меня осталось и до сих пор остается неизвестным».

⁶ Это пророчество не оправдалось. «Русский вестник» просуществовал до 1917 г., хотя никогда не достигал той степени популярности, которую создал ему М.Н.Катков.

⁷ Об этой статье см. п. 145, прим. 4 и 5.

156. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 13 декабря 1887 г.

Живо представляю себе, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, такую восхитительную картину: я читаю про себя и перечитываю приходящим гостям Ваши стихи в «Русском вестнике», а в это самое время Вы в Москве читаете мою статью¹. Федор Николаевич (впрочем, он непременно хочет быть Федором, т.е. лучше *фертом*, чем *фитой*) человек не без вкуса; если он выбирал стихотворения, то попал на действительные драгоценности, на действительные украшения русской литературы²; нужно будет только наставить его, что в оглавлении должен быть выставлен первый стих каждого стихотворения. Эти чуть заметные знаки безграмотности иногда очень меня раздражают. Да еще, скажите, опечатка это или нет:

Хоть полюбишь другого, снесешь
Не одну ты житейскую прозу.

Проза тут очень кстати, потому что дело идет дальше о стихах; но мне кажется, тогда следует переделать оба стиха³. Вообще, если бы я обладал такими громадами алмазов и жемчугов, как Вы, то я, кажется, только и делал бы, что перебирал

свои сокровища и сдувал с них каждую пылинку, стирал каждое пятнышко. Так делал Жуковский, вечно выправлявший свои стихи.

Что касается до Берга, то его выдумка недурна⁴; предполагаю, что Ваши стихи будут и в декабрьской и в январской книжке. Декабрьская уже спешно печатается, и я уже держал корректуру второй, меньшей, последней и лучшей части моей статьи⁵. Январская книга должна поспеть к 10 января, но если опоздает и до 15-го, не беда.

Очень я рад, что свалил с себя бремя дарвинизма; не поздоровится Тимирязеву, но я уже буду теперь иметь право отвечать короткими и резкими статьями⁶. Но — да мимо идет чаша сия! У меня до сих пор нет того, что у Вас в таком изобилии: полного досуга и свободы рыться в своих книгах и думать о том, о чем хочется думать. Еще одно усилие — написать биографический очерк Н.Я. Данилевского⁷ — и буду свободен!

До сих пор почти нигде не бываю, да и нет охоты видеть людей, ничему не научающихся и ничего не забывающих⁸.

Слава Богу, я здоров так, как давно не бывал, и, ничего не надеясь и ничего не желая, могу довольствоваться одним — свободой души от всяких тревог и свободой ума от всяких мраков и призраков.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич! От души желаю Вам всего хорошего и сердечно благодарю за именинное поздравление.

Марье Петровне мое усердное почтение.

Ваш душевно

Н.Страхов

1887. 13 дек<абра>. СПб.

P.S. Если увидите Владимира Сергеевича, скажите, что скорехонько отвечу ему и что <я> в восторге и от ректора и от Л.Н. Толстого⁹.

¹ В ноябрьской книжке «Русского вестника» (1887. № 11) были напечатаны начало статьи Страхова «Всегдашняя ошибка дарвинистов (По поводу статьи профессора Тимирязева «Опровергнут ли дарвинизм?»)» и три стихотворения Фета: «Если радуется утро тебя...», «Осенняя роза» («Осыпал лес свои вершины...») и «Есть зимней ночи блеск и сила...» (последнее стихотворение напечатано повторно — см. п. 110).

² 23 ноября 1887 г. Ф.Н. Берг, новый редактор «Русского вестника», прочел на заседании Литературно-драматического общества стихи Фета, отобранные для публикации в его журнале (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 18, прим. 7). В январе 1888 г. эти стихи были опубликованы под общим заглавием «Восемь стихотворений А.А. Фета» (РВ 1888. № 1): «Одним толчком согнать ладью живую...», «Все, как бывало, веселый, счастливый...», «Ее величеству королеве Эллинов» («Всю жизнь душа моя алкала...»), «Нет, я не изменил. До старости глубокой...», «А.Л.Б-ой» («Нет, лучше голосом ласкательно обычным...»), «Памяти Н.Я. Данилевского» («Если жить суждено, и на свет не родиться нельзя...»), «Сегодня день твой просветленья...», «Как богат я в безумных стихах...».

³ Речь идет об опечатке в стихотворении «Если радуется утро тебя...», которую Фет исправил в дальнейшем (см. п. 143, прим. 3).

⁴ «Выдумка» Берга — публичное чтение стихов Фета, предварившее их публикацию в «Русском вестнике» (см. прим. 2). Этот шаг, предпринятый в разгар журнальной подписки, послужил своего рода рекламой для журнала Берга.

⁵ Окончание статьи «Всегдашняя ошибка дарвинистов <...>» было опубликовано в декабре 1887 г. (РВ. № 12).

⁶ О возобновлении полемики с защитниками дарвинизма см. п. 179, прим. 4 и 5.

⁷ Написанный Страховым «биографический очерк» опубликован в качестве предисловия к 3-му изданию книги Данилевского «Россия и Европа» (СПб., 1888); затем (под заглавием «Жизнь и труды Н.Я. Данилевского») в изд. 4-м (СПб., 1889) и 5-м (СПб., 1895).

⁸ Отсылка к франц. выражению «Люди, которые ничему не научились и ничего не забыли» («Gens qui n'ont rien appris, ni rien oublié»). Восходит к письму (1796) адмирала де Пана к Малле дю Пану; слова относились к роялистам, которые надеялись на скорое восстановление королевской власти в период Директории (после 1794 г.).

⁹ Имеется в виду письмо В.С.Соловьева к Страхову от 5 декабря 1887 г. В нем описаны студенческие беспорядки в Московском ун-те, а также нелепое обращение ректора ун-та Иванова к студентам (*Письма Соловьева*. Т. I. С. 43). Здесь же Соловьев сообщал о том, что «вполне примирился с Л.Н.Толстым», который пришел к нему «объяснить некоторые свои странные поступки» (Там же. С. 44).

157. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 10 января 1888 г.

Вы прислали мне, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, похвалы, которыми может удовлетвориться самое *нежное* самолюбие¹. Там, где я чувствовал вдохновение (осмелюсь так выразиться), за те места Вы меня и похвалили. Но Вы правы в рассуждении результатов; ко мне от Вас же, из Москвы, пришли такие речи: «Страхов превосходный человек, но Бог знает, что делает; разве можно спорить против такого светила, как Тимирязев?» (Это говорил Стороженко²). Тут нужно быть терпеливым. Шопенгауэр, по-моему, не прав, жалуясь на невнимание. На кой черт ему так нужно одобрение людей, которых он презирает? А если захотелось, то нужно было бы употребить и надлежащие средства. Кант и Фихте, и Шеллинг, и Гегель были профессорами, почему пользовались вниманием всех других профессоров, следовательно, всей массы студентов — вот дорога к славе; если бы я читал рефераты в здешнем Обществе естествоиспытателей что-то, писал в его «Трудах» и т.п., то меня бы знали натуралисты. А теперь они не признают меня не только собратом, а даже не хотят признать и противником. Я очень доволен только тем, что могу, однако, печататься. Кто-нибудь да разберет же.

Говоря об *уединенных светилах*, я вспомнил, как я в первый раз забрался к Вам в *Степановку* и застал Вас за чтением «Критики чист<ого> разума»³. В Петербурге я не рискую застать за таким чтением ни единого из поэтов и романистов. Здесь меньше читают, чем на всех остальных точках России, если под чтением не разуместь газет и романов.

Покорно Вас благодарю за «Энеиду»⁴; Майкову я занес его долю⁵ (адрес его *Большая Садовая*, д. 47, против Юсупова сада). Слышал я, что уже написал об Вашем переводе проф. Кулаковский, для «Русского вестника», целую статью⁶. А Майков разлакомился — уверяет, что не получил от Вас Катуллы или Тибуллы⁷. Полонский уже не раз благодарил меня за мое удачное посредничество — ему очень утешительно переписываться с Вами⁸.

Очень виноват я перед Вл.Серг.Соловьевым — до сих пор не отвечал ему. Прошу Вас, дорогой Афанасий Афанасьевич, когда вздумаете мне писать, напишите, что он делает? Уж, верно, он объявится к Вам, как только вернется из Сергиева Посада⁹. Очень досадно, что не придется ему, кажется, блистать в «Вестнике Европы». Там они свою дребедень считают куда важнее и интереснее и — главное! — полезнее его статей¹⁰. Между тем именно об них сказано, что взыщется с [них] человека всякое слово праздное¹¹.

Простите меня. Марье Петровне усердное почтение и Катерине Владимировне¹² большая благодарность. Боги Олимпа к Вам, видимо, благосклонны — пусть удвоят свою благодать!

Ваш

Н.Страхов

1888. 10 янв<аря>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Страхов вспоминает слова Н.М.Карамзина о «нежном самолюбии» (см. п. 140, прим. 1) «Похвалы» Фета относились к статье Страхова «Всегдашняя ошибка дарвинистов <...>» (см. п. 147, прим. 4 и 5). Что именно одобрил в этой статье Фет, неизвестно (письмо, в котором содержалась оценка статьи, утрачено).

² Николай Ильич *Стороженко* (1836–1896) — проф. российской словесности в Московском ун-те.

³ Письмо Страхова об «усединных светилах» русской мысли, рассеянных в провинции, неизвестно. Смысл этого образа раскрывается из контекста, в котором он упомянут в наст. письме, и из сопоставления его с письмом Фета к Страхову от 19 августа 1888 г. (см. п. 167; см. также п. 150, прим. 9).

⁴ Страхов благодарит за первую часть «Энеиды» Вергилия в пер. Фета (М., 1888; книга вышла в последних числах декабря 1887 г. — см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 17). Над переводом этой поэмы Фет работал летом 1887 г. при активном участии В.С.Соловьева. Об их совместной работе и ее результатах см. наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 19, прим. 12.

⁵ По-видимому, Фет прислал Страхову еще один экземпляр «Энеиды» для передачи его А.Н.Майкову.

⁶ Известный специалист по истории Древнего Рима и Византии, профессор Киевского ун-та Ю.А.Кулаковский высоко ценил переводческую деятельность Фета. По предположению С.А.Ипатовой, его перу принадлежит анонимная хвалебная рецензия в «Русском вестнике» (1888, Т. 194. Январь. С. 289–293. Отдел «Новости литературы») (см. текст рецензии и атрибуцию: Переписка А.А.Фета с Д.И.Нагуевским / Публ. С.А.Ипатовой // А.А.Фет. Материалы и исследования / Ред. Н.П.Генералова, В.А.Лукина. Вып. I. М.: СПб., 2010. С. 377). Год спустя он выступил с обширной статьей «К юбилею А.А.Фета» (Киевлянин. 1889. № 24 и 25), в которой уделил особое внимание его переводам из латинской поэзии. Сохранилось 8 писем Кулаковского к Фету (РГБ). О знакомстве Фета с Кулаковским см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 32 и прим. 2 к нему).

⁷ Имеются в виду издания: Стихотворения Катулла в пер. и с объяснениями А.Фета (М., 1886) и Тибуллы. Элегии. В пер. и с объяснениями А.Фета (М., 1886).

⁸ Дружеские отношения Фета с Я.П.Полонским были восстановлены благодаря посредничеству Страхова (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 17 и прим. 4 к нему).

⁹ В Сергиевом Посаде В.С.Соловьев жил у А.Ф.Аксаковой с 25 декабря 1887 по 15 января 1888 г. (Письма Соловьева. Т. 1. С. 48).

¹⁰ Страхов оказался неправ: в ближайшее время в этом журнале появилась статья Соловьева «Россия и Европа» (1888. № 2 и 4).

¹¹ Ср.: Мф 12, 36.

¹² В конце 1886 г. Екатерина Владимировна Федорова (в замуж. Кудрявцева) становится секретарем Фета. С этого времени все его письма, в основном, написаны ею под его диктовку.

Ю.А.КУЛАКОВСКИЙ

Фотография И.Левитского. Киев, <1880-е гг.>
Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

158. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 24 января 1888 г.

Сожитель мой, Дмитрий Иванович Стахеев, усердно Вам кланяется, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич. Он живехонек, хотя не может похвалиться здоровьем. Он сын Ивана Ивановича, знаменитого богача Стахеева; у Ивана Ивановича был брат, Дмитрий Иванович, который недавно и умер в Елабуге¹.

Покойнику шел восьмой десяток и был он человек высоких нравственных качеств и вел огромные дела; в Москве живет его сын Николай, большой богач и приятель моего сожителя.

Не могу скрыть от Вас большой слабости: Ваш рассказ об Гроде опечалил меня². Мне так живо представилось это тупое упорство, с которым многие встретят мои рассуждения. Но не все ли равно? Разве я ждал успеха? Однако у меня вот какая мечта: если Тимирязев или кто другой отзовется, то я попробую еще упростить формы и дать, так сказать, правильную и годную для всех случаев методу опровержения. Может быть, кому-нибудь пригодится.

О Соловьеве Вы ничего не пишете. Разве он не бранил меня за молчание? Разве молчал при Вашем споре с Гротом? Большая радость, если он сюда придет. Если он еще в Москве, скажите, что я пред ним виноват и что написал бы ему, если бы был уверен, что письмо его еще застанет.

³ Вместо двух — четыре стихотворения³! Но чем больше, тем лучше. Я уповаюсь 3-м выпуском «Огней»⁴, — мне кажется, он лучше первых двух. С нетерпением буду ждать статьи Кутузова и буду его подталкивать⁵. Из новых Ваших стихов всего лучше, конечно, первые, которых, однако, я не могу понять. Не хорошо *Жертвоя для смертного*; дело идет о богах и, по-моему, слово *жертвовать* нельзя употреблять в переносном смысле⁶.

И лишь надменные глухие красоты,
Не зная милости и битвы —

этого я не понимаю.

Во втором мне бы хотелось изменить *все слышит*; перед «слышит» нужно поставить слово, которое ясно отделялось бы⁷. В третьем особенно неудачен третий куплет⁸, да и все слабо.

Может ли трезвый то высказать силой ума

Не лучше ли так? И вместо *я расскажу* — «я лишь скажу».

Но это прелесть, это восторг, хоть тут и действует муза! —

Вчера, 23-го, был я на бале у Кузминских — девочки танцевали преусердно⁹. Нарядно, светло, тесно, а хозяин подходит и спрашивает: «что скажете? пожалуй — *темное безобразие?*»

Татьяна Андреевна¹⁰ в очень интересном положении, но сделала для дочерей и была довольна, ибо добродетель сама себе награда.

Простите меня! Вы загадываете о лете; душевно Вас благодарю за приглашение, но мне все хочется остаться здесь, в Петербурге. Однако, думать еще, кажется, рано. Выеду, вероятно, поздно, к осени. Но еще раз благодарю и Вас и Марию Петровну. Вы неотразимы Вашей добротой, которой, пожалуй, и не всегда стоишь.

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

1888. 24 янв<аря>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Не только Фет принял елабугского Стахеева за того, с кем под одной крышей жил Страхов (см.: *Письма Соловьева*. Т. I. С. 50).

² Рассказ Фета «об Гроде» неизвестен (письмо, в котором он содержался, утрачено). Однако из дальнейшего содержания письма Страхова следует, что Фет писал ему о своем споре с Н.Я.Гротом по поводу статьи «Всегдашняя ошибка дарвинистов <...>», в которой Страхов, вслед за Н.Я.Данилевским, опровергал теорию Дарвина. В этом споре Грот выступал в защиту дарвинизма, тогда как Фет решительно ему возражал. Подобное предположение подтверждается категорическим утверждением Фета в его письме к Гроту от 26 июня 1888 г.: «вся теория Дарвина — за волосы притянутая чепуха...» (*ИРЛИ. Р. III. Оп. I. Ед. хр. 2072. Л. 13-13 об., цит*

наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 32, прим. 7). Об упомянутой статье Страхова см. п. 147, прим. 4 и 5.

³ В утраченном письме Фета содержались ранние редакции стихотворений: «В полуночной тиши бессонницы моей...» (впервые: *РО*. 1890. № 11; затем: *ВО* 4, с датой: «3 января 1888. Москва»), «Полуразрушенный, полужилец могилы...» (впервые: *РО* 1890. № 6; затем: *ВО* 4, с датой: «4 января 1888. Москва»), «Е.Д.Д-ъ» («Если захочешь ты душу мою разгадать...») (впервые: *Нива*. 1890. № 44, без заглавия; затем, *ВО* 4, с датой: «17 января 1888. Москва») и, вероятно, «Прости! во мгле воспоминаний...» (впервые: *РО*. 1890. № 6; затем: *ВО* 4, с датой: «22 января 1888. Москва»).

⁴ Третий выпуск «Вечерних огней» (М., 1888) был разрешен цензурой 14 ноября 1887 г., однако вышел в свет 15 января 1888 г.

⁵ 21 марта 1888 г. А.А.Голенищев-Кутузов прочел в собрании Литературно-драматического общества реферат «О поэзии Фета». Реферат опубликован под заглавием: «Вечерние огни (Стихотворения А.А.Фета, 2 части, издание К.Солдатенкова. Москва, 1863; Вечерние огни. Собрание неизданных стихотворений А.А.Фета. 3 выпуска. 1883, 1885, 1888 г.)» (*РВ*. 1888. № 4). См. об этой статье в наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 46, прим. 2.

⁶ Здесь и далее Страхов критикует строки 15 и 17–18 ранней редакции стихотворения «В полуночной тиши бессонницы моей...». В окончательной редакции его замечания были учтены: «Как будто, смертному потворствуя, оне...» (строка 15), а также «И лишь надменные назвали живой мечте...» (строка 17).

⁷ В окончательной редакции стихотворения «Полуразрушенный, полужилец могилы...» строка 7-я была исправлена в соответствии с советом Страхова: «...Ах, слышишь, разумеешь!».

⁸ Вероятно, описка Страхова — следует читать: «неудачна третья строка» (в стихотворении «Е.Д.Д-ъ» нет «третьего куплета», оно все состоит из 8-ми строк; далее Страхов отметил как неудачную именно третью строку, которая была исправлена в окончательной редакции: «Можно ли трезвой то выразить силой ума». 7-ю строку, вызвавшую возражение Страхова («...я лишь скажу...»), Фет оставил без изменений.

⁹ Девочки — дочери А.М. и Т.А.Кузминских — Мария (в зам. Эрдели; 1869–1923) и Вера (1871— <1940-е гг.>).

¹⁰ В 1888 г. у А.М. и Т.А.Кузминских родился сын Дмитрий.

159. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 20 февраля 1888 г.

20 февр<аля>. 1888. СПб.

Вчера подписал последнюю корректуру «России и Европы»¹ и сегодня могу и должен на свободе писать к Вам. Вы во всем неправы и совершенно ошибаетесь², кроме Ваших стихов. Что прелесть — то прелесть! Ваши последние три стихотворения сразу вонзились в душу мне, и я не могу их начитать³. Прощаю Вам и некоторые трещинки и бугорки на этих алмазах — сейчас видно, что Вы владелец богатейших алмазных копей, но не *ювелир*, как назвал себя в одном стихотворении Майков^{3-а}.

С Вами Бог и Бог с Вами! Если мы — *один из полудиких народов Востока, хотя Россия — европейская нация* (там же), как пишет Вл<адимир> С<ергеевич>⁴, и если Вы признаете у нас неизгладимые особенности, то мое дело выиграно, хотя бы Вам удалось истолочь в ступе всех западников и славянофилов⁵. Тогда будем ждать нового славянофильства, и только оно укажет нам правильные отношения к Западу.

Никак не собрался еще написать Соловьеву; все не найду тона. Вот уж не ожидал, что он напишет в таком явно враждебном тоне⁶. Что ж? И отвечать следует враждебно? Потешил он беса; Скабичевский пришел в восхищение⁷, а Стасюлевич — то-то, я думаю, радовался⁸! Но подождем следующих статей; тогда дело будет виднее.

Не правы Вы и в том, что аскетизм, по Шопенгауэру, не обязателен. Вольному воля! Но если это единственный выход из мешка, то им следует воспользоваться, хотя, конечно, есть полная возможность остаться в мешке навсегда.

Были Вы на Шопенгауэровском юбилее? Я так уединенно живу, что этот юбилей подкрался совершенно неожиданно и разбудил во мне разные мысли. Нужно будет, рано или поздно, писать о Шопенгауэре¹⁰. Он так много значит в моей жизни, что, кажется, я могу сказать кое-что об нем.

Сегодня мой первый свободный день. Мне предстоит выбирать работу — лучше сказать: мне можно отдаться давно задуманной работе. Не раз благословляю свое решение — оставить Библиотеку и все прочее. Здоровье мое — очень удовлетворительно, а скуки вовсе не полагается — вот я и счастливее Члена Государственного Совета!

Майков уже месяца полтора сидит дома — экзема на глазу мешает ему много читать, поэтому он принялся писать — и пребоольшую поэму¹¹. Теперь совсем поправляется. Готовятся праздновать его юбилей, и, вероятно, это состоится в Великом Посту¹². А Ваш когда? Ведь уже, верно, скоро¹³? Не сообщите ли Вы мне каких соображений по этому предмету?

Поэма Кутузова обманула меня¹⁴. Есть чудесные стихи и описания, но целое так нескладно, что нельзя прогнать чувства недоумения.

Все-таки Вам мы обязаны лучшими и удивительными наслаждениями — да хранит Вас Аполлон!

Марье Петровне мое усердное почтение и Екатерине Владимировне всегдашняя благодарность. Во всяком случае, не забудьте простить меня и верьте душевной преданности

Вашего Н.Страхова

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Страхов подготовил к печати 3-е издание книги покойного Н.Я.Данилевского «Россия и Европа» (СПб., 1888; с предисловием Страхова).

² Этот упрек относится к реакции Фета на полемическую статью В.С.Соловьева «Россия и Европа» (ВЕ. 1888. № 2 — начало; окончание последовало в апреле — там же. № 4). Объектом полемики явилась концепция культурного развития человечества, разработанная Н.Я.Данилевским в его книге «Россия и Европа» (СПб., 1871; 2-е изд.: СПб., 1887). Данилевский отвергает представление об истории как о едином процессе и признает «лишь историю относительно замкнутых культурно-исторических типов» — «самобытных цивилизаций, проходящих, подобно живым организмам, полный витальный цикл <...>. Каждая из прежних цивилизаций реализовала себя в четырех сферах: в религии, культуре (наука, философия, искусство), политике, общественно-экономической организации, но проявилась самобытно лишь в одной из них (напр., еврейская — в религии, греческая — в искусстве, европейская — в науке). Славянский мир во главе с Россией — нарождающийся тип культуры: преемник европейской цивилизации. Только славянству предстоит, по мнению Данилевского, впервые выработать синтетический четырехосновный культурно-исторический тип» (Гумеров Ш.А. Данилевский Н.Я. // Рус писатели Т. 2. С. 84). Соловьев, в глазах которого человечество являло единый «живой организм», а его развитие — единый духовно-исторический процесс, не мог принять теории Данилевского. Более того, для него эта теория была несовместима с «историческим фактом христианства как религии универсальной, всемирно-исторической, которую никак нельзя приспособить к какому-нибудь особому культурному типу» (Соловьев В. Россия и Европа // ВЕ 1888. № 4. С. 753). Указанный Данилевским «особый, внеевропейский русско-славянский тип», обладающий «своей особенной наукой, философией, литературой и искусством», Соловьев считал «примером провольных чаяний и гаданий, ибо никаких положительных задатков новой самобытной культуры наша действительность не представляет» (ВЕ 1888. № 4. С. 757). Между Соловьевым и Страховым возникла длительная полемика, возобновившая на новой основе извечный спор западников и славянофилов (см.: Соловьев В. Национальный вопрос в России. Вып. 2. СПб., 1891). Что касается Фета, то он, сочувственно отзывавшись о «культурных типах отдельных народностей», с их «общей сокровищницей печатной грамотности, сохраняющей предания отдельных культур», не видел в этих типах «органического поступательного прироста, какой мы видим в деревьях» (письмо к Н.Я.Гроту от 26 июня 1888 г. — см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 32, прим. 7), т.е. не рассматривал эти типы как взаимосвязанные звенья единой цепи развития всеобщей культуры человечества. Что же касается споров об особых судьбах «внеевропейского русско-славянского типа», то к этой проблеме Фет относился весьма скептически — так же, как к спорам славянофилов и западников в целом (см. ниже, прим. 5).

³ Какие именно стихи послал Фет в утраченном письме Страхову, неизвестно.

3-а Из стихотворения А.Н. Майкова «Гр. А.А. Голенищеву-Кутузову» (1887).

4 Страхов упрекал Соловьева за противоречивость и неясность изложения: «Какой зыбкий ум! — пишет он Толстому 5 февраля 1888 г., — <...> он (Соловьев) написал такую bestолковщину», — и в качестве примера Страхов приводит взаимоисключающие суждения, расположенные на соседних страницах статьи: «Русские — европейская нация» — в одном месте, а в другом: «Русские — один из полудиких народов Востока»» (ТС. Т. II. С. 768).

5 Что именно говорил об этом Фет в утраченном письме к Страхову, неизвестно, однако смысл сказанного им позволяют восстановить другие его суждения. Так, о «неизгладимых особенностях» России, расположенной между Западом и Востоком, Фет писал: «По географическому положению и по основному строю мы Восток. Славянофилы правы: мы не только одною ногою твердо стоим на Востоке, но волею судеб еще все далее отодвигаем эту ногу к Востоку. Никакие западные моды, никакое обезьянство не в силах искоренить нашего природного склада, выветрить нашей восточной сути. Переставши быть Востоком, мы перестанем быть русскими» (На распутии. Нашим гласным от негласного Деревенского жителя. М., 1884. С. 8). Крайне резкое суждение о споре западников и славянофилов содержится в письме Фета Н.Я. Гроту от 29 мая 1888 г.: «По-моему, и наши славянофилы, и наши западники ряженые маски, которым приличествуют заученные слова их ролей» (ИРЛИ. Р. III. Оп. I. Ед. хр. 2072. Л. 13 об.).

6 Соловьев сам чувствовал, что крайне резкий тон его полемики выходит за пределы дозволенного, а потому хотел познакомить Страхова с корректурой своей статьи, предоставляя ему право вычеркивать все с его точки зрения «неприятное». Однако редактор «Вестника Европы» М.М. Стасюлевич воспротивился посредничеству «постороннего лица». 5 февраля Страхов писал Толстому, что если бы знал статью Соловьева заранее, то «может быть, и помешал бы хотя немножко ее безобразию» (ТС. Т. II. С. 768).

7 А.М. Скабичевский считал славянофильство реакционным направлением; к позднейшим представителям этого «мрачного учения» он причислял в первую очередь Данилевского и Страхова (Скабичевский А.М. История новейшей рус. литературы (1848–1890). СПб., 1891. С. 40). Он первый откликнулся на статью Соловьева, посвятив ей два очерка своей еженедельной «Литературной хроники» (Новости и Биржевая газета. 1888. 11 и 18 февраля. № 42 и 49). Первый очерк озаглавлен: «Г. Вл. Соловьев, произносящий роковой приговор над всеми нами и в том числе над самим собою в статье своей “Россия и Европа” (В. Евр. № 2)», второй (продолжение): «Нечто о полярных противоположностях в общественной жизни. — Общие полярности, и частные и исторические. — Образец таких частных полярностей в борьбе западников с славянофилами. — Пессимистические крайности статьи г. Вл. Соловьева» (сообщено Ю.Г. Ереминым. — Н.Г.).

8 Страхов писал Толстому о взаимной неприязни, возникшей между ним и Стасюлевичем, обвиняя в этом отчасти и себя, свое «высокомерие» (ТС. Т. II. С. 768). Вероятно, эта неприязнь была причиной предположения Страхова, что Стасюлевич будет «радоваться» резкой статье Соловьева.

9 100-летний юбилей Артура Шопенгауэра (1788–1860) был организован по инициативе председателя Московского психологического общества Н.Я. Грота, большого поклонника Шопенгауэра. 14 февраля 1888 г. состоялось публичное заседание Психологического общества, а 10 марта решено было напечатать отдельной книгой произнесенные на заседании речи, «и тем было положено начало издательской деятельности Общества» (Ивановский В.Н. Очерк жизни и деятельности Н.Я. Грота // Грот С. 85). Сам Грот выступил на заседании с докладом «О значении философии Шопенгауэра» (Труды Московского Психологического общества. Вып. 1. М., 1888). 17 марта на заседании Общества Фет был избран его действительным членом.

10 Специальной статьи о Шопенгауэре Страхов так и не написал.

11 Подразумевается поэма Майкова «Брингильда» (РВ. 1888. № 6).

12 О праздновании 50-летия литературной деятельности А.Н. Майкова см. п. 162, прим. 1–3.

13 Юбилей 50-летней литературной деятельности Фета отмечался 28–29 января 1889 г.

14 Речь идет о поэме А.А. Голенищева-Кутузова «Яромир и Предслав» (РВ. 1888. № 2).

160. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 18 марта 1888 г.

Если я иногда не скоро отвечаю Вам, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, то Вы, прежде всего, пожалейте обо мне. Я часто так противно собою¹, что становлюсь неспособен к обращению с людьми и стараюсь только не открывать другим своего позорного состояния.

Теперь пишу Вам, не дожидаясь никаких разрешений. Повесть Вашу и я и Стахеев прочли с великим удовольствием хотя это очень мало и очень небрежно. Я передал ее Ключникову и сказал Ваши условия². Вероятно, Вы уже знаете все насчет «Фауста», т.е., что они желают *обе* части и никогда другого желания не имели. Я сказал Вашу цену; они уже порешили дело насчет рисунков. Теперь от них Вы получите уведомление³.

Удивил меня Ключников; он точь-в-точь такой, как в 1869 году. Вот как долго продолжается юность! А сам я, кажется, чувствую, что в каждый месяц старею на целый год.

По Вашей живости и привычке торопиться, Вы уже приготовили стихотворение⁴ и спрашиваете адрес. Но Комитет еще не успел объявить адреса, и, вероятно, недели за две до праздника будет о нем громко публиковать. Стихи, каюсь, нахожу не вполне достойными такого волшебного поэта, каким Вы являетесь среди современной прозы и к полной радости всех смыслящих толк в этих делах. Первые два куплета хороши; но третий прозаичен, а четвертый непонятен. Если

не вечно земному и жить,
во прахе нас скоро забудут,

то и конец всему, и обещать больше нечего.

Но его (кого?) в небесах уносить
Лебединые крылья все будут.

Последний стих — фетовская прелесть! Но что же это значит? В небесах? Где и куда⁵?

Ну, простите мне мою непонятливость. Я-то еще чувствую, как умею, красоту Ваших созданий; но меня искренно и глубоко огорчает, что эти зарницы, алмазы, остатки великолепных видений — непонятны и недоступны для большинства и теряют свое благотворное действие.

Но что тут поделаешь? Сказано:

Он высшую силу признал над собой:
Минута — ему повелитель⁶.

Виделся я, наконец, с Соловьевым, и даже он прочел мне то, что явится в апрельской книжке. Это уже дело серьезное, не то, что было в февральской⁷. Но, в конце концов, я теряю веру в Соловьева. Когда человек добровольно откажется от умственной свободы, он уже не может рассуждать вполне разумно и ясно. Придется мне отвечать; он и против меня пишет, доходит до того, что называет меня материалистом и западником⁸. О Боже мой! Если он меня не понял, то что же другие? Как же плохо написано все, что я писал!

Майков не выходит еще, но болезнь его на исходе⁹. Я схватил флюс (или правильное, как это Вы заметили, флюс схватил меня) и сижу дома, конечно, ненадолго. Литературно-драматическое общество очень шумно, и шум в нем поднимает Полонский¹⁰.

Простите меня. Верно у Вас уже чудные дни. Да хранят Вас музы и Аполлон Марье Петровне мое усердное почтение и Катерине Владимировне благодарность.

Ваш душевно

Н. Страхов

1888. 18 марта. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Согласно В. Далу, «солодетъ» (*исковск*) — кинуть от жары, сна и лени.

² В 1887–1892 гг. В.П.Клюшников редактировал «Ниву» — еженедельный журнал для семейного чтения (изд. А.Ф.Маркса). Страхов предложил ему автобиографический рассказ Фета «Вне моды», в главных героях которого легко узнать черты Фета и его жены (опубл.: Нива. 1889. № 1).

³ В декабре 1888 г. книгоиздательство Маркса выпустило роскошное подарочное издание «Фауста» Гете в пер. Фета (Ч. 1 и 2) с иллюстрациями немецкого гравера Энгельберта Зейбертса (на тит. листе: СПб., 1889). Об этом издании см. п. 174.

⁴ В утраченном письме Фета, на которое отвечает Страхов, содержалась ранняя редакция стихотворения «На юбилей А.Н.Майкова» («Пятьдесят лебедей пронесли...»). Это стихотворение давалось Фету с большим трудом, как это бывало всегда, когда ему приходилось писать стихи «на случай». Историю создания и публикации этого стихотворения см.: Бухштаб Б.Я. Примечания // *Фет* 1959 С. 787–788 (То же: *Фет* 1986 С. 683–684; *ВО* 1979 С. 745–746).

⁵ Страхов критикует четвертую строфу упомянутого стихотворения. Фет учел его замечания и в следующей редакции переработал почти всю эту строфу, за исключением последней строки, одобренной Страховым (см. п. 161, прим. 2).

⁶ Цитата из баллады В.А.Жуковского «Кубок».

⁷ В.С.Соловьев прочел Страхову заключительную часть своей статьи «Россия и Европа» (*ВЕ*. 1888. № 4; начало ее см.: *ВЕ*. 1888. № 2). В этой части объектом полемики автора становится не только Н.Я.Данилевский, но и Страхов с его книгой «Борьба с Западом в нашей литературе» Кн. 1 (СПб., 1882; изд. 2-е: СПб., 1887).

⁸ Об ответе Страхова на статью Соловьева см. п. 162, прим. 4.

⁹ О болезни Майкова см. п. 159.

¹⁰ Возможно, в связи с 50-летним юбилеем творческой деятельности Майкова в апреле 1888 г.; Полонский был председателем Юбилейного комитета.

161. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 3 апреля 1888 г.

Времени еще много, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич. Предлагаю Вам еще две маленьких перемены¹.

Вместо *громозвучных стихов* не лучше ли *драгоценных стихов*²?

Громозвучный — очень избитое и чересчур громкое слово.

Вместо: *Нам умолкнуть, отстать, замолчать* не сказать ли яснее:

Наш восторг не дает нам молчать,
Но восторженных скоро забудут

или так:

Пусть в восторге не можем молчать

—

Хоть в восторге нет силы молчать³

Ну, Вы придумаете лучше моего, сколько бы я ни тужился.

Простите, Феба ради, мою дерзость. Вы сами, впрочем, написали мне столько вольнодумств и ересей самых дерзких, что я собираюсь воевать с Вами на письмах. Но простите, что откладываю. Теперь весь поглощен статьею Соловьева, появившеюся в апреле «Вестника» Евр<опы>⁴. Нужно будет отвечать, и зло меня разбирает большое. Очень уж развязно и бессвязно сплетена эта статья.

Пока, простите меня. Мое усердное почтение Марье Петровне и благодарность Катерине Владимировне.

Ваш

Н.Страхов

1888 3 апр<еля>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ В утраченном письме, на которое отвечает Страхов, содержалась новая редакция стихотворения «На юбилей А.Н.Майкова 30 апреля 1888 года», возникшая в результате советов Страхова (см. п. 160). Эта редакция (с датой «25 марта 1888 г.») сохранилась в письме Фета к вел. кн. Константину Константиновичу от 2 апреля 1888 г. (см. в наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 44). К ней относятся «перемены», которые далее предлагает Страхов.

² Фет согласился с этой «переменной» и внес ее в окончательный текст стихотворения.

³ Страхов не принял новую редакцию начала заключительной фразы: «Нам умолкнуть, отстать, замолчать / И восторженных скоро не будет». Фет согласился с редакцией Страхова и внес ее в окончательный текст с мелкой правкой («Хоть» вместо «Нам»). Окончательная редакция (включающая обе правки Страхова) опублик.: *Моск. вед.* 1888. 4 мая. № 122, затем: *ВО* 4 (с датой: «25 марта 1888. Воробьевка»).

⁴ О статье В.С.Соловьева «Россия и Европа» см. п. 159, прим. 2 и п. 160, прим. 7.

И

162. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 10 мая 1888 г.

Кончился юбилей¹, многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, но попризводство до сих пор продолжается. Ваши стихи были очень недурно прочитаны профессором Незеленовым² и вызвали более оживленные рукоплескания, чем другие стихотворения. И то сказать — Полонский прочел чуть не сотню стихов, но публика не могла ничего понять, не мог понять и сам Майков, перед самым носом которого читал Полонский, не мог и я понять и теперь собираюсь изучать это произведение и растолковать его Майкову³. Разумеется, на юбилей было много всякого вздору, мишуры и чепухи. Но вообще праздник удался чрезвычайно. Всего лучше и истинно прекрасен был сам герой. Он был так спокоен, бодр и оживлен, так хорошо читал свои стихи, так искренно пускался в разглагольствия, как будто дело было у него в кабинете в хорошую минуту. Я все время на него любовался, да и говорил он иные вещи превосходные.

—

Вот уже дней пять, как написаны предыдущие строки; но я так был поглощен статьею против Соловьева⁴, что не мог оторваться. Да и нужно было торопиться. Сегодня, 10-го, вижу, что осталось дописать всего две страницы, и я отложил работу, чтобы вздохнуть немножко и кончить письмо к Вам.

Наш друг Соловьев будет в моей статье осмеян и растрепан по заслугам. С тяжелым чувством писал я, но Вы увидите, что иначе нельзя было, и по мере того, как подвигалась работа, я все больше убеждался, что действую справедливо, даже, что следовало быть гораздо строже⁵. Но

Я голубь мужеством, во мне нет желчи⁶.

Воображаю, как у Вас теперь хорошо стало; а у нас вчера еще была *восьмая зима*, как выражается Мецкерский⁷. Событий, кажется, никаких нет; жизнь укладывается все ровнее и ровнее в будничную колею — скучную, пошлую, грубую, но зато спокойную. А покой великое дело — в покое зреют духовные силы. Что буду делать с собою, не знаю; вернее всего, что приеду на месяц к Н.П.Семенову⁸, у которого был лет десять или двенадцать назад. Здоровье мое — цветущее, во моей хворости.

От души желаю Вам всего хорошего и прошу передать Марье Петровне усердный поклон.

Ваш искренний Н.Страхов

P.S. Из магазина «Нов<ого> врем<ени>» получил 21 р. за Ваши *Стихотворения*⁹, а до сих пор ничего не было.

Р.Р.С. Знаете ли Вы об успехе книги «Россия и Европа»¹⁰? В первый месяц — 400 или больше экземпляров! Вот истинное событие, о котором я забыл написать. Проклятая публика! С тобою ничего не сообразишь. Я ведь напечатал всего 1000 экземпляров.

Н.С.

1888. 10 мая. СПб.

Р.Р.С. Другое событие забытое — «Севастиан» проходил через мои руки¹¹. Очень милы письма Конст. Конст., но все эти сношения престеснительные.

¹ 20 апреля 1888 г. В Петербурге торжественно отмечалось 50-летие литературной деятельности А.Н. Майкова. Описание этого торжества см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 27, прим. 4–6 и 11.

² На торжественном заседании 30 апреля стихотворение Фета «На юбилей А.Н. Майкова <...>» прочел историк литературы и критик, проф. С.-Петербургского ун-та Александр Ильич Незеленов (1845–1896).

³ О поздравительном стихотворении Я.П. Полонского, прочитанном на юбилейном торжестве 30 апреля, см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 24, прим. 6 и п. 27, прим. 11.

⁴ Страхов отвечал В.С. Соловьеву статьей «Наша культура и всемирное единство (Замечания на статью г. Влад. Соловьева “Россия и Европа” (Вестник Европы. 1888. Февраль и апрель)» (РВ. 1888. № 6).

⁵ В.В. Розанов вспоминал: «...в полемике со Страховым “торжествующий” Соловьев со своим тоном “всегдашнего победителя” был мучителем. Страхов — спорил, строил аргументы; Соловьев <...> не опровергая или слегка опровергая аргументы, обжигал противника смехом, остроумием и намеками на “ретроградность” и “прислужничество правительству” как покойного Данилевского, так и “недалекого уже до могилы” Страхова» (Розанов В.В. Литературные изгнанники. С. 102).

⁶ Шекспир В. Гамлет. Пер. А. Кронеберга. М., 1861.

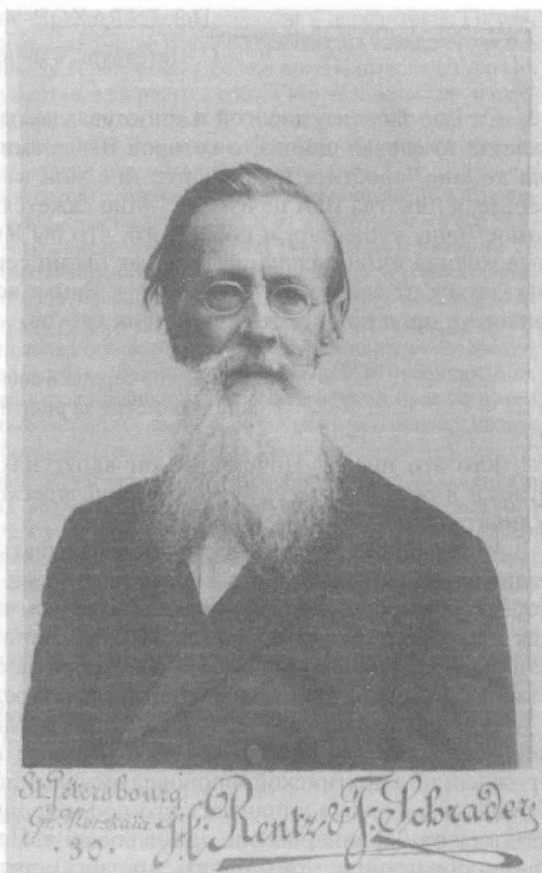
⁷ Владимир Петрович Мецкерский (1839–1914) — редактор «Гражданина», знакомый Страхова.

⁸ Намерение Страхова навестить Н.П. Семенова в его рязанском имении не осуществилось.

⁹ Страхов взял на себя заботу о распространении через петербургские книжные магазины разошедшегося тиража «Стихотворений» Фета (М., 1863).

¹⁰ Страхов сообщает об успехе выпущенного им 3-го издания книги Данилевского «Россия и Европа» (см. п. 159, прим. 1).

¹¹ 28 февраля вел. кн. Константин Константинович послал свою поэму «Севастиан-мученик» на отзыв Страхову, который отвечал ему 9 апреля (К.Р. Переписка. С. 397–399). Поэма опубликована: РВ. 1888. № 5; отд. изд.: СПб., 1888.

А.Н. МАЙКОВ

Фотография Г. Рентца и Ф. Шрадера.
С.-Петербург, <1890-е гг.>

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

163. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 4 июня 1888 г.

От Вас зависит, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, чтобы не залезла та еловая шишка, о которой Вы упоминаете. Будьте только снисходительны ко мне, простите и прощайте мне мои замедления и неисправности — и поверьте, я никогда Вам не изменю. Мне кажется, что мне удалось как-то заглянуть в самое Ваше существо, и после того, что бы Вы ни говорили, какие бы кровожадные мнения ни выражали и даже как бы ни сердились на меня лично — я не могу отказаться от своего расположения к Вам и все Вам прощу, и Гоголя, и славянофилов¹ и пр. и пр., все тысячи Ваших грехов.

Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где, как месяц за рошей, печаль².

Кто это писал? Почему же он вдруг находит чудовищным выражение *окупаться в жизнь со всей ее беззвучной трескотней и бубенчиками?* Бесподобно! Удивительно³!

Как нарочно, недавно я стал перечитывать Гоголя и меня поразила его удивительная способность делать *верные и точные гиперболы*. Разве Хлестаков и Подколесин — не гиперболы? А все-таки верно, что, например, Петербург до сих пор так и остается городом Хлестаковых. Недавно имел громадный успех Кони; в месяц было распродано более 1000 экземпляров его речей⁴. Этот Кони есть вид Хлестакова, может быть, в более блистательной редакции, чем сам Валуев⁵.

Ну что-то Вы скажете о моей статье⁶? Меня все еще занимают мысли о Соловьеве. В газетах пишут, что он в Париже и что в салоне Саун-Витгенштейн, урожденной Бяргинской, проповедует соединение церквей⁷.

А я все больше удивляюсь его *подавторитетности*. Ведь он не решается отказать от Дарвина, он мне прямо говорил. Почему же? Потому что у него не хватает соображения, чтобы обнять всю аргументацию, а Дарвин давит своим авторитетом⁸.

Данилевский все больше и больше растет в моих глазах. Знаете, когда вчитываешься, то начинаешь яснее видеть. После него я иногда с негодованием бросаю иную ученую и знаменитую книгу — такое жалкое плетение!

Относительно Вашего пятидесятилетия мне обещали навести точные справки; но теперь все уже рвутся из Петербурга и откладывают дела до осени. Вас ведь все помнят, но положились на Ваши слова, что Вы выступили в 1840 г.⁹

Не могу похвалиться своим здоровьем; иногда бываю, как Вы выразились, более похож на разбитое яйцо, чем на человека. Погода у нас холодная; всего было три-четыре дни теплых, и, например, сегодня только 10° тепла.

Ехать мне до сих пор никуда не хочется. Да и работа есть — корректуры 2-го тома «Дарвинизма»¹⁰.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич. Марье Петровне мое усердное почтение.

Ваш

Н.Страхов

1888. 4 июня. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Об отношении Фета к славянофилам см. п. 159, прим. 5. О Гоголе см. прим. 3 к наст. письму.

² Первые строки стихотворения «Певице» (опубл.: *РВ*. 1857. № 10).

³ 23 мая 1888 г., т.е. за 10–11 дней до утраченного письма, на которое отвечает Страхов, Фет писал С.В.Энгельгардт: «В настоящее время мне по вечерам перечитывают Гоголя, и я пе-

рехожу от раздражения к раздражению. Я не отрицаю великой зоркости и даровитости Гоголя, но его ничтожное умственное развитие, убогое знакомство с жизнью равняется только его ребяческой отваге. “Забирайте (говорит он по поводу Плюшкина) с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, — не подымете потом”, как будто возможно в этом смысле забрать то, чего не получил от природы. Все истинные мыслители и поэты утверждают противное, вместе с народом: “каков в колыбельку, таков и в могилку”» (цит.: *Фет Соч. и письма*. Т. 3 С. 403). Как видим, раздражение Фета вызвали главным образом заключительные страницы шестой главы первого тома «Мертвых душ», хотя не забыт был и «Тарас Бульба» с его эпилогом («Кто видал, чтобы конница с каменного обрыва скакала в реку?») (Там же). Указание на эту последнюю «несообразность» прямо противоречит главному принципу эстетики Фета: «правда художественная <...> заключает в себе большую внутреннюю истину», чем правда «будничная» (*Фет. Предисловие к «Фаусту»*. С. 75). В письме к Страхову Фет с раздражением говорит о тех же страницах шестой главы поэмы Гоголя: он находит «чудовишным» авторский призыв к читателю «окунуться в жизнь со всей ее беззвучной трескотней и бубенчиками». Страхов поражен тем, что Фет, с его способностью добиваться художественной правды путем «несообразностей», т.е. самых необычайных сочетаний слов и образов (на это намекает цитата из стихотворения «Певице»), оказывается абсолютно глух к поэтике Гоголя.

⁴ Известный юрист Анатолий Федорович Кони (1844–1927) приобрел большое влияние в либеральных кругах после вынесения, под воздействием его выступления, оправдательного приговора В.И. Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова (1878). Репутация «тонкого юриста-психолога» привлекала на судебные заседания с участием Кони множество слушателей, а его «Судебные речи» (СПб., 1888) имели небывалый успех. Однако позиция Кони в политических процессах вызвала недовольство консервативных кругов, где за ним утвердилась и другая репутация — человека беспринципного, который, пользуясь своим даром красноречия, способен убедить слушателей в чем угодно. Отсюда наименование (Хлестаков), которым Страхов характеризует Кони.

⁵ Петр Александрович Валуев (1814–1890) — известный государственный деятель либерального направления: министр внутр. дел (1861–1868), министр гос. имуществ (1872), председатель «Особого совещания для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности Империи» (1878), председатель Комитета министров (1879), член Гос. Совета. После отставки (1881) занялся публицистикой и литературой. Заслужил репутацию «эквилибриста», ловко маневрирующего среди хитросплетений государственной политики, готового менять свои воззрения при любом удобном случае. Отсюда характеристика (Хлестаков), которую дает ему Страхов.

⁶ См. п. 165, прим. 1.

⁷ В мае 1888 г. в парижском салоне кн. Л.Н. Витгенштейн (урожд. Барятинской) Соловьев прочел свой доклад «L'Idée russe» («Русская идея»). В том же году доклад был издан в Париже отдельной брошюрой под тем же заглавием.

⁸ Речь идет об отношении Соловьева к начавшейся в 1886 г. полемике вокруг труда Н.Я. Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование» (Т. I. СПб., 1885).

⁹ 23 мая 1888 г. Фет сообщил Я.П. Полонскому: «...как я писал на днях Н.Н. Страхову, основанье к пятидесятилетнему поминанию моей музы с полным правом наступит в декабре этого года или в январе 1889 г., когда желтая тетрадь моих стихов, одобренных Гоголем, стала ходить по рукам университетских товарищей, и несколько стихотворений из нее перешли в “Лирический Пантеон”, напечатанный в сороковом году» (см. наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 30). По-видимому, на сообщение Фета о первой публикации его стихов в «Лирическом Пантеоне» (1840) опирался Страхов, считая, что дата первого выступления Фета в печати — 1840 г. (см. также п. 163, прим. 7).

¹⁰ В это время Страхов готовил к печати второй том незавершенного труда Н.Я. Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование» (СПб., 1889); первый том был издан Страховым в 1885 г.

164. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 22 июня 1888 г.

Покорно Вас благодарю, дорогой Афанасий Афанасьевич, за доброе письмо и за стихи¹ — хотя стихи Ваши — истинно грешное лакомство, особенно для пустынножителя, как я. В настоящую минуту Петербург — пустыня, и я по целым

дням никого не вижу и живу истинным молчальником. Вчера зашел я в редакцию «Нивы» и там услышал просьбу, которая Вас касается. В.П.Клюшников находится в большом затруднении. С одной стороны, он чувствует, что он перед Вами *мальчишка* (это его слово, и скромность, кажется, у него в крови), с другой, он мучится редакторским зудом при печатании Вашего «Фауста». Некоторые поправки кажутся ему до полной ясности необходимыми, очень редкие и самые крошечные. Так как он очень грамотный человек, со вкусом и знанием дела, то его предложения, конечно, стоят внимания. Но он не смеет ничего сделать без Вашего разрешения и на свой страх, поэтому он просит позволения показывать свои поправки мне и делать их только в том случае, если и я буду согласен. Разрешите ли Вы мне заступиться Вас? В аккуратности Клюшникова я уверен; но доверите ли Вы моей аккуратности? Я обещал ему попросить Вашего разрешения — пересылать корректуры к Вам было бы чересчур мешкотно².

Сам я все раскачиваюсь — хочу писать о *познании*³. Вообще же недоволен и своею головою и своим сердцем. Одно для меня спасение — писать, притом что-нибудь серьезное, важное. В августе, вероятно, я поеду — куда-нибудь и, если придется по Курской дороге, то, конечно, не миную Воробьевки⁴. Но пока я ничего не решил.

Статья против Соловьева имеет большой успех у знакомых, но в печати — кажется, ни единого звука⁵!

От души желаю Вам здоровья. Вы все не курите? Как это подействовало? А какая у Вас там, должно быть, прелесть! Мое усердное почтение Марье Петровне и постоянная благодарность Екатерине Владимировне.

Ваш

Н.Страхов

1888. 22 июня. СПб. 1*

Видел я вчера несуразного, но милого Полонского. Он в восхищении от Вас и от своего посещения Воробьевки⁶. Какая жалость, что я не видел Вас с ним!

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Какие стихи послал Фет Страхову, неизвестно.

² Об издании «Фауста» в пер. Фета (изд-во А.Ф.Маркса) см. п. 160, прим. 3. Фет согласился на предложение Клюшникова и Страхова (см. п. 165).

³ Очевидно, намерение писать «о познании» возникло у Страхова при чтении труда В.В.Розанова «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» (М., 1886), которую критик оценил очень высоко, представлял ее в Ученом комитете и написал рецензию (ЖМНП 1889. № 9). 19 июня 1888 г. Страхов писал Розанову, что находится «в потугах рождения новой статьи — «О времени, числе и пространстве» (Розанов С. 97). Статья опубликована посмертно (РВ 1897. № 1–2).

⁴ Намерение это Страхов не осуществил, проведя все лето в Петербурге.

⁵ О том же писал Страхов Толстому 17 июля 1888 г.: «Несколько человек, особенно мне дорогих, были *чрезвычайно* довольны. Вижу, что и Вы нашли наказание Соловьеву и справедливым и вполне удачным; благодарю Вас от души» (ТС. Т. II. С. 778). Среди лиц, «чрезвычайно» довольных статьей Страхова был, в частности, Я.Л.Полонский: «Какой прекрасный язык, какая ясность и какая образцовая полемика! Быть до такой степени прилично-злым и добродушно-беспощадным в наше время могут немногие» (наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 32).

⁶ Я.Л.Полонский навещил Фета в Воробьевке в первых числах июня 1888 г. (см. наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 32).

1* Далее окончание письма вписано на полях.

165. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург 15 июля 1888 г.

Простите, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, что поздно отвечаю на Вашу внимательную и добрую оценку и моей статьи¹ и моего портрета². Все время меня поглощала мысль моей новой статьи³, и до сих пор я все еще не успел наладить дело, как следует. Благодарю Вас за похвалы моей полемике, но в печати и в публике, кажется, я не имел успеха⁴. *Mundus vult decipi*⁵. Вот и Вы, когда говорите об Соловьеве, то сравниваете его с Эвфорионом⁶ — невозможно лучше опозитизировать его угорелость; а когда возражаете мне, то готовы сравнить меня с жидом, который двойным мелком пишет счет. Такова уж участь трезвых людей, к которым себя причисляю; как Вы знаете, я считаю вообще людей — угорелыми и исключение нашел пока в себе и в Анне Ивановне Майковой⁶.

И вот Вам доказательство моей трезвости: никаких пророчеств я не делаю. Может быть, из славян ничего большого не будет; может быть, они пропадут, как Петруша Борисов, подававший такие надежды⁷. Но об мальчике всегда должно думать, что со временем он будет и юношею и мужем — *если все пойдет благополучно*. Так я сужу и о славянах⁸.

На тему, что нужно стоять *на своих ногах* можно сказать многое; всю жизнь мне было противно *рабское* умственное подчинение, которое у нас так обыкновенно, и я умею, кажется, отличить его от *сознательного* уважения авторитета. Соловьев очень отважен, но у него нет сознания почвы под ногами, нет внутри точек опоры, и он ищет их вне — в догматах, в Риме.

Ах, если любит кто кого,
Зачем искать и ездить так далеко⁹?

Право, тяжело и мучительно жить среди такого умственного разлада, а ведь и умереть придется при этом разладе. Нынче я стал так одинок, что меня берет тоска. Спасибо Вам, что ободряете меня Вашим вниманием, и тонким и добрым.

Теперь о делах. По справке оказалось, что «Марья Александровна уже Великой Княжной и Цесаревной посетила Москву впервые в 1841 году и приехала туда с мужем 26 мая». По всем приметам мы будем праздновать Ваш юбилей в 1890 году¹⁰.

Полонского я видел раза два на Елагином, на обедах Вышнеградского¹¹, но — признаюсь, и он и я забыли об Ваших деньгах, и передачи еще не совершилось.

У нас с Ключниковым уже состоялось одно заседание, и мы изменили шесть или восемь стихов. Он так добросовестен и так хорошо понимает Ваш перевод, терпим к его недостаткам и восхищается его достоинствами, что лучше его для этого дела желать невозможно¹².

Исакова зовут Петром Николаевичем¹³.

Автор статьи обо мне — мой добрый знакомый, Дмитрий Никол. Михайлов¹⁴, года четыре тому назад явившийся ко мне с изъявлениями уважения и требованиями советов. Он кончает курс в университете, хотя считает себе уже лет 28. Таких юных последователей у меня несколько, человек пять, удивляющих меня жаром своего расположения ко мне. Есть чудесные юноши; Михайлов, которого очень люблю, к сожалению, страдает каким-то неврозом, который, пожалуй, не даст ему дойти до хорошего успеха.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич! Между прочим, простите и за эту бумагу. Всегда покупал я французскую; но дернуло же меня на этот раз купить русской!

^{1*} Мир желает быть обманутым (лат.).

Марье Петровне усердное почтение, Екатерине Владимировне неизменная благодарность. Оставляя в стороне бороду, я все-таки доволен портретом «Нивы» хотя бы за то, что лицо мое, а не чужое, как у П.П.Семенова и Н.П.Семенова.

Ваш душевно

Н.Страхов

1888. 15 июля. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ «Внимательная и добрая оценка» полемической статьи Страхова «Наша культура и всемирное единство» (см. об этой статье п. 162, прим. 4), которую дал Фет в утраченном письме, неизвестна. Однако судить о характере этой оценки позволяют два кратких отзыва в других письмах Фета. 22 июня 1888 г. он писал Я.П.Полонскому: «Статья Страхова бесподобна, избличая преднамеренное со стороны Соловьева принижение почтенного труда Данилевского. А между тем Соловьев в некоторых отношениях инстинктивно прав» (наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 33). И через несколько дней, 26 июня, в письме к Н.Я.Гроту: «Хотя <я> за тезис Соловьева в известном смысле против Страхова, но должен сказать, что статья Соловьева написана пристрастно и с софистическими прорехами, а статья Страхова выдержана с обычным его мастерством» (Там же, п. 32, прим. 7).

² Одобренный Фетом портрет Страхова (гравюра Ю.К.Шюблера с фотографии А.А.Елкина) воспроизведен при статье Д.Н.Михайлова (подп.: Д.М.-ов) «Николай Николаевич Страхов» (Нива. 1888. № 26. 25 июня).

³ О замысле этой статьи см. п. 164, прим. 3.

⁴ См. об этом п. 164, прим. 5.

⁵ Эвфорион — герой второй части трагедии Гете «Фауст», сын Фауста и Елены, воплощающий поэзию. Поднявшись на скалы, он пытается лететь, но падает на землю и разбивается.

⁶ Жена Ап.Н.Майкова — Анна Ивановна (ур. Штеммер; 1830–1911).

⁷ О судьбе племянника Фета П.И.Борисова см. п. 77, прим. 9.

⁸ Этот абзац — осторожная реплика в ответ на один из важнейших вопросов, явившихся предметом полемики Страхова с Соловьевым, а именно на вопрос об особой роли, предназначенной славянству на пути дальнейшего развития человечества.

⁹ Неточная цитата из комедии Грибоедова «Горе от ума» (реплика Софьи. — Д. I. Явл. 5).

¹⁰ См. п. 163, прим. 7.

¹¹ См. п. 141, прим. 11.

¹² См. п. 160, прим. 2.

¹³ П.Н.Исаков — председатель петербургского Литературно-драматического общества (см. о нем наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 34, прим. 15).

¹⁴ Автор статьи о Страхове — Дмитрий Николаевич Михайлов, в то время начинающий историк литературы, впоследствии автор исследования «Аполлон Григорьев, жизнь в связи с характером литературной деятельности» (СПб., 1900).

166. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. <2 или 3 августа 1888 г.>

Когда пишу к Вам, дорогой Афанасий Афанасьевич, то всегда бывает у меня минута тоски: я вспоминаю Вашу Воробьевку и желал бы вдруг перенестись на берег Тускари¹. Как там хорошо! Не понимаю, каким образом Вы нашли повод думать, что я отношу Вас в разряд угорелых: это какое-нибудь недоразумение. Когда бывал у Вас, я всегда чувствовал тот спокойный, твердый порядок во всем, который мне так любезен; напротив, в Ясной Поляне — чувство зыбкости и хаоса во всем окружающем быте отравляло мне часто самые прекрасные дни. Как бы то ни было, просидел я в Петербурге до осени, без радости, но и без горя — все время было прохладно, и когда случалось выезжать на дачу, то часто вечером приходилось и зябнуть. А радости не было потому, что ничего не писалось. А что как и вперед ничего не напишется? — думаю я иногда.

В Ваших воспоминаниях Вы говорите о *Видерте*², — он последние пятнадцать лет был моим сочленом в Ученом Комитете и умер недавно, кажется, в мае; он ехал с бумагами в Уч^{еный} Ком^{итет} в вагоне конно-железной дороги и как будто заснул; но когда вагон пришел на место, спящий оказался мертвым. Осталась вдова и дети. Он был очень наивный и довольно смешной человек, но его любили и уважали за чистоту души.

Получил я письмо от К.Н. Леонтьева и не могу удержаться, чтобы не сообщить Вам одного отрывка³. Он пишет, что не согласен со мною по вопросу о душе.

«В мешке сидит душа (как Вы сердито выразились) — так в мешке! — От Декарта мне ничуть не легче. — А от веры в христианский мистический материализм — мне легче и жить и умирать. — Без воскресения плоти я бы религию и не понимал, и не имел бы тогда страха Божия, не страшась за свою бедную плоть и в будущей жизни, я не стал бы молиться и т.д.»

Плохое благочестие — по моему мнению. Да и философия не лучше. Но слушайте:

«Богословская метафизика легче — там понял не понял что-нибудь — не беда... Надо запомнить и слушаться, а понимание [само] придет само собою позднее... А не придет, так и то не беда: не мой грех! — Поэтому, относясь к богословию аскетически (т.е. покорно и с любовью), к метафизике я отношусь эпикурейски: дается — приятно, не дается — ну и по боку ее; из-за чего я буду над ней биться?»

Вот Вы и справьтесь с ним: за что тут ухватиться? Это он пишет по поводу спора с Соловьевым; моих аргументов он, разумеется, и не думает разбирать.

Пока, простите меня. От души желаю Вам всякой благодати. Марье Петровне усердное почтение и Катерине Владимировне большая благодарность (какая жалость, что пропал для меня случай так часто видеть Офросимову⁴!).

Ваш душевно

Н.Страхов

P.S. Ящик Пандоры⁵ — очень меня занимает. Буду слушаться и всем твердить о Вашем юбилее.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Тускарь — река, на которой стояла усадьба Фета Воробьевка.

² Подразумевается публикация начала мемуаров Фета (РВ. 1888. № 8, под заглавием «Из моих воспоминаний», впоследствии эта публикация составила первую главу книги «Мои воспоминания» — МВ I С. 1–69). Август Федорович Видерт (1825–1888), о котором упоминает здесь Фет (С 35), — переводчик и педагог. Он первый перевел на немецкий язык «Ревизора», «Записки охотника», стихи А.В. Кольцова и ряд других произведений русской литературы. Фет встречался с ним в 1850-е гг., в кругу сотрудников «Современника», Страхов знал Видерта в последние годы его жизни — по совместной службе в Ученом комитете Мин-ва нар. просвещения.

³ С Константином Николаевичем Леонтьевым (1831–1891) Страхов познакомился еще в 1860-х гг. Об отношении его к Леонтьеву см. п. 197, прим. 7.

⁴ Любовь Ильинична Офросимова — дочь приятеля Фета генерал-лейтенанта, коннозаводчика И.Ф. Офросимова. Адресат стихотворения «Л.И.О-й. При посылке портрета» (впервые: Нива 1890. № 41, затем: ВО 4, с датой: «8 февраля 1888 г. Москва»).

⁵ Пандора — в греч. мифологии первая женщина, созданная Афиной и Гефестом. Боги одарили ее сосудом, содержащим человеческие грехи и пороки. Когда Пандора открыла сосуд, все несчастья распространились по земле, а в сосуде осталась одна надежда, которой оказались лишены люди. Что имел в виду Фет под «ящиком Пандоры», неясно.

167. ФЕТ — СТРАХОВУ

Воробьевка. <19> августа 1888 г.

Помните ли Ваши слова о светляках русской мысли, разбросанных по нашим деревням¹? Вот они, эти светочи, в самом наивном проявлении, без всякого козыряния перед публикой. Самый тупой человек увидит в этих письмах не сдачу экзамена по заграничному тексту, а действительные родники всех самобытных мыслей, какими питается до сих пор наша русская умственная жизнь во всех своих проявлениях.

Отрывок из несохранившегося письма Фета к Страхову. Прочитирован в письме Фета к С.А.Толстой от 19 августа 1888 г. (см. наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 53), в контексте сообщения о работе над продолжением мемуаров: «Дошедши в моих воспоминаниях до своих появлений в Ясной Поляне, Никольском и Спасском, — пишет Фет, — я <...> попал в целое море самых задушевных и разнообразных писем Боткина, Тургенева и, в особенности, Льва Николаевича. Боже мой, как это молодо, могуче, самобытно и гениально правдиво! <...> По поводу этих бесценных писем я пишу Страхову», — и далее, непосредственно за этими словами, следует приведенная выше выдержка из еще не отосланного, по-видимому, письма.

¹ Ср. п. 150 (прим. 9) и п. 157 (прим. 3).

168. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 22 августа 1888 г.

Хотя Соловьев печатно назвал меня *таким проницательным*¹, однако, я несколько раз перечитывал Ваше письмо и до сих пор не уверен, что понял его как следует. Наконец, я решил съездить к Бергу и написать записочку к Ключникову. Берга я, конечно, не застал, но написал ему несколько строк, именно, что я заключил из Вашего письма, что Вы беспокоитесь об гонораре, и потому он хорошо бы сделал, если бы тотчас написал Вам об этом деле². К Ключникову я выпишу Ваши собственные слова и буду ждать его ответа. К несчастью, завтра мне невозможно заглянуть к нему в редакцию. Вероятно, и он сам Вам напишет³.

Теперь вот что имею Вам сказать от себя. Деньги в «Р<усском> в<естнике>» верные; расплатами заведывает не Берг, а *Товарищество*⁴, и дело идет на чистоту и без запинки. Если Ваши воспоминания обширны, то для них «Р<усский> в<естник>» самое удобное место; в «Ниве» нельзя много поместить, да и заранее уже занято место. Но «Нива» может дать дороже, чем «Р<усский> в<естник>». Итак, посмотрим, что скажет Ключников⁵. Что касается цены, то она должна быть меньше, чем за рассказы, [или] вообще за беллетристику.

Вы пишете: «Для Вас, конечно, не новость гонорар, получаемый Григоровичем за свои повести». Нет, я решительно ничего не знаю. А вот что мне рассказывал сам Григорович:

«“Русская” мысль» предложила мне за “Акробатов” 300 р. за лист; я отказался и заявил, что не желаю больше 200 р. Когда дело дошло до расчета, мне прислали по 250 р. за лист. Ну, я уж не стал назад отсылать».

Вообще, дорогой Афанасий Афанасьевич, не вижу, чем бы я мог содействовать Вам в этих делах⁶. Берг и Ключников оба Вас уважают гораздо более, чем меня, и не думаю, чтобы в чем-нибудь не захотели угодить Вам.

К Ключникову напишу:

«Не найдет ли он возможным продолжать печатанье воспоминаний (А.А.Фета) в “Ниве”?».

Это Ваши подлинные слова, и я их не совсем понимаю.

Продолжать печатание? Но ведь никакого печатания еще не было; Вы, кажется, хотите прекратить печатание в «Р<усском> в<естнике>» и *начать* печатать в «Ниве»?

И вот Вам мой совет: печатать и там, и там, разумеется, разное. С «Р<усского> вестника» брать поменьше, с «Нивы» побольше; но для «Нивы» приготовить статьи меньшего размера и печатать их не сряду, а с перерывами⁷.

Дай Вам Бог здоровья! Мое не дурно. Марье Петровне усердное почтение и Екатерине Владимировне искренняя благодарность.

Ваш

Н.Страхов

1888. 22 авг<уста>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ В статье «Россия и Европа» В.С.Соловьев, упрекая Страхова в противоречивом отношении к славянофильству, писал: «Вот странное недоразумение, которого мы не ожидали от такого проницательного ума» (ВЕ 1888. № 4. С. 765).

² Речь идет о гонораре за публикацию отрывка из воспоминаний Фета (см. п. 166, прим. 2). Письмо Ф.Н.Берга к Фету по этому поводу нами не обнаружено.

³ Письмо В.П.Клюшникова к Фету неизвестно.

⁴ С ноября 1887 г. редактором «Русского вестника» стал Ф.Н.Берг, но при этом собственность на издание журнала перешла от С.П.Катковой (вдовы М.Н.Каткова) Товариществу «Общественная польза».

⁵ Ввиду неясности пожеланий Фета относительно места публикации его воспоминаний, Страхов рассматривает возможность публикации их в двух журналах — у Ф.Н.Берга в «Русском вестнике» и в «Ниве» (ред. В.П.Клюшников, издатель А.Ф.Маркс).

⁶ Страхов явно уклоняется от исполнения неприятного ему поручения по устройству публикации воспоминаний Фета (ср.: *Страхов и Толстая* С. 214).

⁷ Ввиду неопределенности указаний Фета, Страхов выбирает в своих переговорах с издателями именно этот путь (см. п. 169, прим. 1).

169. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 27 августа 1888 г.

Сегодня, наконец, дорогой Афанасий Афанасьевич, я застал Клюшникова, который четвертого дня, вопреки своей аккуратности не был в редакции и, несмотря на мою просьбу, не шел ко мне, будучи, как он говорит, очень занят. Но и сегодняшнее свидание не дало ничего решительного, потому что он ничего не может сделать без Маркса, а Маркс явится только в среду, т.е. 31 августа. Вот как протянулось и затянулось простое дело. Однако, кой-что мы обговорили, именно: в нынешнем году нечего и думать о помещении чего-нибудь в «Ниве» — все место занято. Зато на следующий год было бы очень лестно иметь Ваше обещание, и всего дороже было бы, если бы Вы дали отрывок в 2–3 листа печатн<ых> в начале года и потом такой же отрывок в конце. Об этом тогда было бы опубликовано при начале подписки¹. Если Вы не сделали каких-нибудь препятствующих этому условий с «Русским вестником», то я думаю, что так всего удобнее поступить. Конечно, Берг только в том случае мог бы на Вас сетовать, если бы отрывки в «Ниве» были несравненно интереснее того, что будет печататься в «Р<усском> вестнике». Но этого, разумеется, не будет.

Что сказать Вам об Ваших «Воспоминаниях»²? Тон, в котором они писаны, чудесный; я слышал большие похвалы этому простому, беспристрастному, искреннему тону. И интерес фактов несомненный. Но мне кажется, иногда недостает ясности — недостаток, мешающий выступать самым высоким достоинствам.

Вот Вам моя критика!

От души желаю Вам здоровья! Марье Петровне усердное почтение и Екатерине Владимировне, сверх поклона, благодарность за *будущее* письмо³.

Ваш душевно

Н.Страхов

1888. 27 авг<уста>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ В ожидании возвращения в Петербург А.Ф.Маркса, от которого зависело решение вопроса о содержании номеров «Нивы», Страхов и Ключников подготовили для него предварительные условия публикации воспоминаний Фета в этом журнале.

² По-видимому, в утраченном письме, на которое отвечает Страхов, Фет спрашивал его мнения об отрывке «Из моих воспоминаний» (РВ. 1888. № 8).

³ Намек на то, что «будущее» письмо Фета будет написано рукой Е.В.Федоровой.

170. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 8 сентября 1888 г.

Когда Берг зашел ко мне, дорогой Афанасий Афанасьевич, то он не дал мне рта раскрыть, а с того и начал, что все дело улажено и покончено, а недоразумение вышло только из-за *Коренной Пустыни*, не дающей возможности пересылать через нее деньги¹. Так что я, приготовившись с ним торговаться, должен был однако молчать, не имел повода даже для каких-нибудь вопросов. Это первый пункт, для меня представляющийся не вполне ясным².

Второй пункт. Ключников вчера заходил с просьбой — написать Вам, что «Нива» (т.е. не один Ключников, а и Маркс) усердно Вас просит об отрывках из Ваших воспоминаний — одним в начале года, другим в конце, объемом не более 3-х печатных листов каждый³.

При этом Виктор Петрович рассказал мне о тех чуточных переправках, которые он сделал в «Фаусте» и для которых не считал нужным сноситься со мною. Дело идет прекрасно, и Вы можете быть покойны⁴.

Теперь Ваш упрек: почему я не определил сам гонорара, который Вам следует? Потому, что это определение совершенно от Вас зависит, и Вы имеете больше данных для него, так как не раз печатались в «Русском вестнике». Мне кажется, что цифра 200–150 как раз настоящая, и за нее можно стоять крепко.

С Бергом, вообще, я вовсе не выдаюсь, но дело это легкое и потому я всегда к Вашим услугам.

Начинается осень. Рамы вставлены, печи протоплены, все вернулись с дач, и я уже дважды побывал в Опере. Но итог прошлого лета для меня неутешительный: июнь, июль и август прошли в одних колебаниях мысли. Чувствую, однако, освежение, которое приносится осенью, и надеюсь, что дело пойдет лучше. Начал печатание своих «Заметок о Пушкине»⁵ — в октябре надеюсь прислать Вам.

Будьте же здоровы! Марье Петровне усердное почтение и всегдашняя благодарность Катерине Владимировне.

Ваш

Н.Страхов

1888. 8 сент<ября>. СПб.

P.S. Сегодня видел Полонского и подивился: вот кто изменяется меньше всех! А со мной все перемены: придется, кажется, расставлять платье!

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Гонорар за публикацию отрывка «Из моих воспоминаний» задержался из-за почтовых осложнений на ж.д. станции Коренная пустынь.

² Страхов готовился обсудить с Ф.Н.Бергом условия публикации воспоминаний Фета в «Русском вестнике». Явное стремление Берга уклониться от этого разговора ставило Страхова в неловкое положение. В результате переговоры с Бергом были отложены почти на месяц, а в отношениях Страхова с Фетом возникло напряжение. 4 октября Фет жаловался: «Не могу понять, почему всегда любезный и снисходительный Страхов не отвечает на мои убедительные письма, хотя знает о важности для меня его ответа» (см. наст. том (кн. I): Переписка с По-

донским, п. 45). В свою очередь, Страхов недоумевал, подозревая Фета в двойной игре (см.: *Страхов и Толстая*. С. 214).

³ Несмотря на согласие А.Ф.Маркса печатать в «Ниве» мемуары Фета в форме, предложенной Страховым и Ключниковым, эта публикация не состоялась. В 1889 г. мемуары печатались в «Русском вестнике» (№ 1, 6, 7 и 11), в 1890 — в «Русском обозрении» (№ 1–5, 7, 8). Сразу по окончании журнальной публикации «Мои воспоминания» Фета вышли отдельным изданием (Ч 1–2. М., 1890).

⁴ О подготовке к печати в изд-ве А.Ф.Маркса «Фауста» Гете в переводе Фета см. п. 160, прим. 3. О роли В.П.Ключникова в этой работе см. п. 164, прим. 2.

⁵ Подразумевается сб. статей Страхова «Заметки о Пушкине и других поэтах» (СПб., 1888).

171. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 4 октября 1888 г.

С приездом, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Получивши Ваше письмо, отправился я к Бергу. Но как только я произнес Ваше имя, так он начал «ротиться и клястися», что он завтра же высылает Вам деньги, что делает все возможное, чтобы угодить Вам и что *мне нет ни малейшей надобности беспокоиться*¹. Так как Вы ему писали, что «просили меня переговорить с ним о цене», то я с тех пор все ждал от него вопроса, а [теперь] сегодня уже наверное рассчитывал на вопрос — однако он ничего не спросил, и я не захотел наступать на него с предложением Ваших воспоминаний. А еще меньше я был расположен ко всяким полубовным с ним сделкам потому, что был возмущен поганой статьею об Аксакове² и постарался высказать ему свое возмущение. Скажу по совести, не охотник я до Берга, и избегаю по возможности дел с ним. Получивши Ваше письмо из Воробьевки, я все примеривался, как бы начать с ним разговор, поджидал, что в октябрьской книжке появится одна статья, о которой придется непременно с ним говорить. Но статья не появилась, а появилась другая, после которой я почувствовал сильное желание вовсе бросить «Р<усский> вестник». Так я и дотянул до сегодняшнего дня.

Прошу очень извинить меня. Хотелось Вам услужить, да никак не сумел. Впрочем, с Бергом мы все-таки не разошлись, и я готов быть Вашим посредником. Думаю только, что он как человек подозрительный и обидчивый, будет этим тяготиться. Напишите ему сами, а если он ко мне обратится, я постараюсь, сколько могу, наладить дело.

Если же хотите доказать, что вовсе на меня не сердитесь, то напишите мне побольше и о себе и об Ясной Поляне. Есть на свете разные люди; есть такие, о которых все их знакомые всегда говорят и не могут наговориться. Это бывают [иногда] большею частию плутоватые и лгушие, но неутомимые молодцы. Но бывают и хорошие, и первый из них Л.Н.Толстой. Трудно представить более интересного человека!

А от Соловьева я опять получил письмо. Он пишет, что сперва издаст «La Russie et l'église universelle», потом проедет в Австрию, потом в Петербург и заключает: до свидания³! Да притом жалуется, что очень мучит геморрой и что денег нет.

Хорошо Вы сказали: бедный и тщетный Владимир Сергеевич!

Простите! Тороплюсь и ничего не пишу о себе; да, кажется, и нечего писать.

Марье Петровне всегдашнее почтение и Екатерине Владимировне благодарственный поклон.

Ваш душевно

Н.Страхов

1888 4 окт<ября>. СПб.

P.S. Вот новость: «Россия и Европа» раскуплена, так что в 7 месяцев из 1000 экз<емпляров> осталось только 170. Нужно готовить новое издание⁴.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Эта фраза еще раз убедила Страхова в том, что Ф.Н.Берг не хочет обсуждать с ним вопрос о публикации воспоминаний Фета в «Русском вестнике».

² Возмущение Страхова вызвала только что опубликованная в «Русском вестнике» (1888 № 10; подпись: «М.А.») статья об издании: «И.С.Аксаков в его письмах» (М., 1888). К этому времени Страхов мог ознакомиться только с частью статьи, окончание которой появилось в ноябре (РВ № 11).

³ См.: *Письма Соловьева*. Т. I. С. 53.

⁴ Поскольку подготовленное Страховым 3-е издание книги Н.Я.Данилевского «Россия и Европа» почти полностью разошлось, Страхов незамедлительно принялся за подготовку 4-го издания (см. п. 174).

172. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 7 ноября 1888 г.

Совість меня очень мучит, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич; а в последнее время к ней присоединился желудок, заставивший меня сидеть дома и принимать микстуру. Таким образом, моя «закоренелость» и «косность» были, наконец, сломлены, и я приношу Вам свои искренние извинения. Что я делал? Во-первых, кончал печатание своих «Заметок»¹, которые через неделю будут Вам посланы, как бы в ответ на Вашего Проперция². Потом — не делал ничего, был очень занят, как это случается в Петербурге, и старыми и новыми знакомыми, неизбежными посещениями Литературного Общества, неизбежною поездкою к черту на кулички — я хотел сказать в Шпалерную улицу и к Калинкину мосту — последние кулички, впрочем, не далеко.

Очень болит у меня голова, но все-таки напишу Вам о двух вещах — о Ваших стихах и о том повороте умов, о котором Вы пишете. В стихах, истинно прелестных, меньше всего мне нравится первый куплет. *Проходила и преклонялись* не стоит ли вместо *прошла* и *были преклонены*? Проходила — многократный вид. И во втором куплете *не напрасно, недаром* стоят, мне кажется, вместо каких-то других слов. Впрочем, может быть, я не понимаю³.

Что касается до превращений умов, происходящих у нас и превосходящих все переведенные вами Овидиевы метаморфозы⁴, то я перестал, наконец, им удивляться. Моя теория, что люди вообще угорелые и не столько [живут] рассуждают и действуют, сколько тыкаются куда попало, как сонные мухи — подтверждается блистательно. Искать связи в мыслях и последовательности в действиях ни у кого не следует; существует только одно последовательное правило, которому следуют люди, да и то не всегда: люди исповедуют то, что в каждую минуту им удобнее и приятнее. Если они рассуждают, то только для того, чтобы оправдывать себя, чтобы находить основания сегодня называть белым, а завтра черным тот же самый предмет. Люди вообще добрее и лучше своих слов и даже своих действий. Поэтому лучше с ними не рассуждать, а прямо обращаться к их сердцу; притом не нужно ничего от них добиваться. В свою жизнь я видал, как изменяются нравы и понятия: эти изменения всегда идут очень медленно; всякие перевороты и быстрая кутерьма — почти одна видимость. Сущность остается та же.

Ну простите меня! Пора заклеивать письмо. Марье Петровне мое неизменное почтение и Екатерине Владимировне искренняя благодарность.

Ваш

Н.Страхов

1888. 7 ноября. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Об этой книге см. п. 170, прим. 5.

² В конце октября 1888 г. Фет рассылал друзьям только что вышедшую книгу: Пропер-

ций С. Элегий (в переводе А.А.Фета с его же предисловием и комментариями). СПб., 1888 (см., напр., наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 48; Переписка с К.Р., п. 63).

³ Речь идет об одной из ранних редакций стихотворения «Сегодня все звезды так пышно...», присланной в утраченном письме Фета, на которое отвечает Страхов. Известны пять редакций этого стихотворения (ВО 1879. С. 484–485 и 341, а также С. 741–742): три ранних (датируются предположительно: «27 октября 1888 г.») и две поздних — «четвертая» (опубл.: РВ. 1889. № 2, с датой: «26 ноября 1888») и «пятая», окончательная (опубл.: ВО 4, с той же датой). Предполагается, что Фет послал Страхову «вторую» редакцию (ВО 1979. С. 742). Однако и в «первой», и во «второй» редакциях отсутствуют забракованные Страховым слова («прошла» и «были преклонены»). Из этого можно заключить, что существовала еще одна ранняя редакция, и именно она была получена Страховым. Фет внес изменение в первую строфу и, стремясь заменить неуместные с точки зрения Страхова слова («недаром» и «не напрасно»), предложил совершенно новый вариант второй строфы: «Зачем же все в мире забыто / И меркнет на это мгновенье, / Недаром и теплой зари-то / Я слышу в лицо дуновенье». Эта новая, «третья», редакция (Там же. С. 485) вызвала категорическое возражение Страхова (см. п. 173), после чего последовала редакция «четвертая» (ВО 1879. С. 485) и наконец «пятая», окончательная, редакция (Там же. С. 341).

⁴ «Овидиевы метаморфозы» — «Публия Овидия Назона XV книг Превращений в пер. и с объяснениями А.Фета». М., 1887.

173. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 20 ноября 1888 г.

Посетовал я на Вас, дорогой Афанасий Афанасьевич, что Вы не останавливаетесь на том, в чем со мною согласны, но зато горячо принимаетесь ратовать против того, в чем чувствуете наше разногласие. Думаю, что это происходит от Вашей чуткости, т.е. от сознания, что Вы едва ли правы в своих взглядах; Вам сейчас хочется защищать эти взгляды, хотя никто на них не нападал. Так было у Вас с Толстым, так теперь и со мною. Меня всегда поражала эта Ваша совестливость, по которой Вам непременно нужно оправдывать и доказывать Ваши мнения, когда Вы замечаете, что не можете их согласить с тем, что слышите и читаете. Но Вы поднимаете слишком крупные вопросы, о которых в письме много не наговоришь. Мне кажется, я понимаю Ваши мнения и скажу прямо — отвергаю их совершенно. Пожалуйста, взгляните на меня как на человека частного и на принадлежащего к государству, и подумайте, как я себя чувствую в том и другом отношении. Не могу я принять мыслей, противных тому, чем я сам живу. Не толкуйте мне о чувствах студентов; я об них сужу по своим чувствам¹. Не доказывайте мне бессмысленности христианской морали; я только то и считаю в себе хорошим, что согласно с этой моралью². Помните?

Движенья нет, сказал мудрец брадатый;
Другой смолчал и стал пред ним ходить³.

Вы не можете доказать мне несуществование того, что мне известно в действительности. Но то, что одному известно, может быть вовсе неизвестно другому, и на своем веку я столько видел примеров слепоты и глухоты, что уже перестал им удивляться. Вы знаете правила:

Ab esse ad posse — valet consequentia.
Ab non-esse ad non-posse non valet consequentia^{1*}.

Примените эти правила к *чувствам*, и Вы увидите, что очень мудро доказывать, что такие-то чувства не существуют, ибо не могут-де существовать.

А мир управляется чувствами и мыслями, вытекающими из этих чувств. Другие

^{1*} По действительному можно заключать о возможном.

По возможному еще не следует заключать действительное (лат.).

«ФАУСТ» ГЕТЕ В ПЕРЕВОДЕ ФЕТА,
С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ Э.ЗЕЙБЕРТЦА

Издание А.Ф.Маркса. Части I и II. СПб., 1889

Авантитул

силы действуют и часто господствуют, но в них нет ничего *зигдительно*-го. Говорить, что мир стоит на эгоизме и на силе, значит все равно, что считать чернила главным содержанием письма или книги. Чернила необходимы, но сила не в них; а однако, если страница будет залита чернилами, то в ней не окажется никакого смысла.

Но у Вас есть еще *теория лжи*. Вы ее применяете, например, к своей поэзии⁴. Об этой теории тоже придется поспорить.

Ну, словом, мы расходимся с Вами далеко, и если не будем друг к другу снисходительны, то, пожалуй, крепко рассоримся.

Выберемте лучше мир. Новые две строфы мне показались слабее старых и я начинаю мириться с прежним их видом. *Зари-то* — непозволительно⁵! Нет, трудно предлагать перемены в письмах, не в живом разговоре. Итак, оставим эту прелестную ложь в ее прежней форме.

Простите меня. Передайте усердное почтение Марье Петровне и большую благодарность Катерине Владимировне.

Ваш преданный

Н.Страхов

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Очевидно, в утраченном письме, на которое отвечает Страхов, содержались резкие оценки студенческого движения.

² Возможно, Фет вновь возвращался к своим спорам с Толстым по поводу тезиса «о непротивлении злу насилием».

³ Начальные строки стихотворения А.С.Пушкина «Движение» (1825).

⁴ Страхов оспаривает один из важнейших тезисов эстетики Фета, согласно которому художественная правда не совпадает с правдой действительности. Ср. в предисловии к переводу II части «Фауста» Гете: «Мы не хотим сказать, что художественная правда преимущественно состоит в неправде, а лишь, что, независимо от будничной, она заключает в себе большую внутреннюю истинность, чем первая» (Фет. Предисловие к «Фаусту». С. 75).

⁵ Речь идет о присланной Фетом третьей редакции стихотворения «Сегодня все звезды так пышно...», исправленной по замечаниям Страхова (см. п. 172, прим. 3).

174. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 10 декабря 1888 г.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич, что так долго не отвечал на Ваше длинное письмо; но меня одолели и болезни, и именины¹ и стихи. Болезни и именины благополучно миновали, и хотя стихи остались, но я лучше сперва примусь за прозу. Прошу Вас, не подумайте, что я испытываю хотя бы малейшее раздражение от того, что мы не сходимся в мнениях. Что делать! В каждом сидит глубоко

известная закваска, и нужно с этим мириться и ладить. Во-вторых, мы едва ли понимаем друг друга, когда переписываемся. Мне, по крайней мере, большая часть Вашего письма осталась непонятною, и я не возьмусь отвечать на него. В письме так трудно высказать свою мысль точно и ясно! Вспоминая свое собственное письмо, думаю, что оно тоже очень отрывочно и неопределенно. Не лучше ли нам оставить эту прю?

Пожалуюсь Вам на поэтов. Меня завалили стихами с просьбою их читать и ценить. Случевский принес три тома своих стихов², П.А.Козлов — два с половиною³, и В. Кн. Константин Константинович сегодня прислал тетрадь⁴. Козлов принес перевод «Дон-Жуана» Байрона; тогда я вспомнил, что на моей душе лежат еще два тома стихов Н.П.Жандра до сих пор нечитанные. И вот какая ожидала меня радость. Я стал сравнивать перевод Козлова с переводом первой песни «Дон-Жуана», который есть у Жандра⁵. Оказалось, что этот жандровский перевод *просто прелесть* в сравнении с Козловским. Ну, слава Богу! С чистым сердцем утешу старичка своими похвалами! Пусть это хорошо только *по сравнению*, но ведь все сравнительно — не правда ли?

Что Вы скажете об издании «Фауста»? Маркс был так любезен, что прислал мне это великолепие⁶. Мне кажется, что рисунки могли бы быть выбраны лучше. Да едва ли был выбор, должно быть, было просто предложение за границею по дешевой цене. Покойный Вольф издал первую часть «Фауста» в переводе Струговщикова с рисунками Лицен-Майера⁷ — они гораздо лучше и, кажется, вообще имеют репутацию *наилучших*.

По долгом раздумье, сам я принимаюсь писать о новых философских книгах — статью для февральской книжки «Р<усского> вестника»⁸. Между тем держу корректуры нового издания «России и Европы»⁹ и три листа уже подписал к печати. Надеюсь, выйдет тоже около 1 февраля. Да на днях выпустил 2-й том «Дарвинизма»¹⁰.

У меня явилась новая болезнь — пухнет и болит селезенка. Теперь, однако, это затихло и чувствую себя недурно. Майков и Семенов — оба очень здоровы и Вам кланяются. От души желаю Вам всякого добра. Марье Петровне мое усердное почтение и Катерине Владимировне большая благодарность.

Ваш душевно

Н.Страхов

1888. 10 дек<абря>. СПб.

P.S. Недели три назад Соловьев писал мне, что едет в Петербург¹¹. Увы! Нет до сих пор, и я уже перестал ждать.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

«ФАУСТ» ГЕТЕ В ПЕРЕВОДЕ ФЕТА,
С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ Э.ЗЕЙБЕРТЦА
Издание А.Ф.Маркса. Части I и II. СПб., 1889
Фауст и Мефистофель

¹ 6 декабря церковь празднует память св. Николая Мирликийского (Никола зимний). По поверью, в этот день Николай угодник спускается с небес и обходит русскую землю из конца в конец за один день, и разбегаются от него духи тьмы.

² Вероятно, К.К.Случевский принес Страхову три сборника своих стихов («Стихотворения». СПб., 1880; «Стихотворения. 2-я книжка». СПб., 1881; «Поэмы, хроники, стихотворения. 3-я книжка». СПб., 1883).

³ Поэт П.А.Козлов принес Страхову двухтомное издание своих «Стихотворений» (М., 1883), в первый том которого вошел перевод трех первых песен поэмы Байрона «Дон Жуан». Вероятно, под «половиной» тома подразумевается рукописное продолжение перевода поэмы, которое, как это видно из дальнейшего текста письма Страхова, также принес ему автор (полностью перевод «Дон-Жуана» вскоре был напечатан во 2-м издании «Стихотворений» Козлова (М., 1889)).

⁴ 9 декабря 1888 г., посылая Страхову рукопись нового сборника своих стихов, вел. кн. Константин Константинович писал ему: «Скоро будет два года, что вы так сочувственно отзывались о книжке моих стихотворений. Теперь я собираюсь издать вторую и думаю поступить осмотрительнее, вручив вам эти стихи до напечатания» (*КР Переписка*. С. 401). Посылая ему же только что вышедшую из печати книгу «Новые стихотворения К.Р. (1886–1888)» (СПб., 1889), автор благодарил Страхова за «добрые советы», многие из которых он учел (Там же. С. 405).

⁵ Во второй том «Полного собр. сочинений» Н.П.Жандра (СПб., 1888) вошел перевод начала поэмы Байрона «Дон-Жуан» (песнь первая и отрывок песни второй).

⁶ О роскошном издании «Фауста» Гете в пер. Фета (СПб., 1889; изд. А.Ф.Маркса) см. п. 160, прим. 3.

⁷ Известный книгоиздатель Маврикий Осипович *Вольф* (1826–1883) предпринял ряд богато иллюстрированных изданий. Среди них был «Фауст» Гете в пер. Александра Николаевича *Струговицкого* (1808–1878) с илл. А.Лизен Майера (СПб., б.г.).

⁸ О какой статье Страхова идет здесь речь, неизвестно. Это не могла быть статья «Последний ответ Соловьеву» (*РВ*. 1889. № 2), поскольку замысел ее не мог возникнуть ранее января (см. п. 175, прим. 5). Возможно, что мысль написать «о новых философских книжках» была реализована в одной из посмертно опубликованных статей Страхова: «Воспоминания о ходе философской литературы» (*Ист. вестник*. 1897. № 5) или «Письма о философии» (*ВФП*. 1902. Кн. 1).

⁹ Речь идет о 4-м издании труда Н.Я.Данилевского «Россия и Европа» (СПб., 1889). Издание подготовлено Страховым, ему же принадлежит вводная статья «Жизнь и труды Н.Я.Данилевского». Книга вышла в свет 15 февраля 1889 г. (см. п. 179).

¹⁰ См. п. 125, прим. 7.

¹¹ Очевидно, Страхов имеет в виду письмо В.С.Соловьева из Загреба от 12 (24) ноября 1888 г., в котором тот сообщал, что рассчитывает «быть в Петербурге недели через две» (*Письма Соловьева*. Т. 1. С. 54). 8 (20) декабря он обещал приехать к Рождеству (Там же. С. 55–56).

175. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 10 января 1889 г.

Сегодня, дорогой Афанасий Афанасьевич, зашел ко мне Дм.Ник.Михайлов¹ и передал Ваши поклоны и упреки, а также рассказал о том, как Вы живете-можете. Вчера меня напугали газеты рассказом о Вашей простуде и о переломленной руке Марьи Петровны², так что Михайлов истинно утешил меня, подробно описывая свое посещение, и Ваши энергические разговоры, и неистощимую доброту Марьи Петровны. Желаю от души, чтобы прошли и последние следы Ваших бед.

Сам я, если и виноват перед Вами, то стою немалого сожаления. Во-первых, я болен, хотя и на исходе болезни — все простуда некоторых из не вполне приличных частей тела. Во-вторых, я был и есмь очень занят. К величайшей моей досаде, мне вздумали дать звезду к празднику³. Все бы я простил — и визиты, и денежный вычет, но никак не могу простить одного, — добрые люди вообразили, что этим вздором могут доставить мне удовольствие. Впрочем, министр⁴, когда я явился благодарить его, утешил меня: «Конечно, для вас, — сказал он, — как для философа это украшение ничего не значит; но — что же делать? — куда вода течет, туда и щепу несет». Хорошее изречение! Но мне стало очень жаль иных служащих, которым до смерти хотелось звезды и которым она не досталась, потому что досталась мне, получившему от нее только досаду!

Во-вторых^{1*}, я был взволнован и занят статьею Соловьева в № 1 «Вестн<ика> Евр<опы>». Даже я почти кончил ответ на нее, который должен явиться в «Русск<ом> вестнике»². Прочтите, дорогой Афанасий Афанасьевич, как сердится и издевается Соловьев! Впрочем, все-таки видна его доброта и благородство, так что никакого раздражения я не почувствовал и искренно обниму его, когда он вздумает сюда явиться³.

Итак, простите меня, приняв во внимание эти смягчающие обстоятельства.

Самое важное — конечно Ваши стихи. «Гаснет заря» — имеет все Ваши прелести и все ваши недостатки⁴. Но «На пятидесятилетие», по-моему, чересчур мрачно и недовольно тепло. Сравнить юбилей с *отпеванием* и отвечать на приветствия *молчанием* — на что это похоже⁵! Это вовсе не скромность; скромность благодарит и уверяет, что помолодела от похвал. И если кто может быть назван вечно юным, то подавно Вы с Вашими нестареющими стихами.

Итак, 28 января⁶! Здесь, я слышал, готовятся праздновать в Р. Литер. Обществе¹⁰. Софья Андреевна, Ваша, московская, подзывает меня в Москву по этому случаю¹¹. Очень приятна показалась мне эта мысль, но когда здоровье расстроилось и стал я думать, что и без того одолевают меня всякие заботы, не дающие ничего прочесть и приняться за давно начатые работы, то мне взгрустнулось. Прошу у вас заранее извинения, если ничего не напишу к Вашему юбилею¹², точно так, как ничего не писал ни к юбилею Полонского, ни к юбилею Майкова.

Кстати — бедный Майков болен, у него опять рожа, не дающая ему выходить из дому. В таких случаях он, осиротелый (без своих детей), обыкновенно погружается в стихотворство. Полонский же написал поэму, очень длинную, прелестную по теме, но довольно слабую по выполнению¹³.

Простите! Марье Петровне усердное мое почтение и желание выздороветь, и Катерине Владимировне всегдашняя благодарность.

Ваш преданный

Н.Страхов

1889. 10 янв<аря>. СПб.

¹ О Д.Н.Михайлове см. п. 165, прим. 14.

² 9 января 1889 г. газ. «Новое время» (№ 4621) извещала: «А.А.Фет (Шеншин), как нам сообщают из Москвы, сильно простудился и не мог, в первый день нового года, выехать на семейный обед, с которого его жена, вечером того же дня, возвратилась с левою рукою, переломанною наехавшим на ее сани извозчиком. К 28-му января, к пятидесятилетнему юбилею лирической музыки А.А.Фета, его ждали в Петербурге; теперь вряд ли он приедет сюда».

³ Страхов был награжден орденом Станислава 1-й степени. О болезненной реакции его на это награждение см.: Розанов. С. 516–517; см. также: Толстая и Страхов. С. 215.

⁴ В 1882–1897 гг. пост министра нар. просвещения занимал И.Д.Делянов.

⁵ Статья В.С.Соловьева «О грехах и болезнях» (ВЕ. 1889. № 1) — ответ на полемическую статью Страхова «Наша культура и всемирное единство. (Замечания на статью г. Влад.Соловьева "Россия и Европа". "Вестник Европы", 1888, февраль и апрель)» (РВ. 1888. № 6). 4 января 1889 г. Страхов писал С.А.Толстой: «Вчера наконец я прочитал статью и был очень удивлен. Она чрезвычайно резка по тону и слаба по содержанию. Я остаюсь полным и несомненным победителем <...> Отвечать едва ли нужно» (Толстая и Страхов. С. 216). Тем не менее Страхов незамедлительно откликнулся на эту статью, уверенный, что дальнейшая полемика уже бесполезна: «Последний ответ Вл.С.Соловьеву» (РВ. 1889. № 2).

⁶ О том же Страхов писал и С.А.Толстой, сравнив свою июньскую статью со статьей Соловьева: «...я как-то почувствовал, что Соловьев добрее меня. Моя статья мне показалась злою в сравнении с его статьею, хотя у него насмешек и резкостей больше, и он беспрерывно упрекает меня в недобросовестности» (Толстая и Страхов. С. 216).

⁷ Более требовательно отнесся к стихотворению «Гаснет заря, в забытн, в полусне...» Я.П.Полонский, находя, что некоторые слова «слишком тяжелы для такой воздушной и тонкой формы» (см. наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 60). Фет согласился с этим

^{1*} Так в тексте.

замечанием и внес соответствующие исправления (Там же, п. 61). Впервые опубли. «Гусляр» 1889. № 3, без даты; затем: *ВО* 4 (с датой: «29 декабря 1888. Москва»).

⁸ Стихотворение «На пятидесятилетие музы» («Нас отпевают. В этот день...») было задумано как ответ Фета на приветствия в день предстоящего юбилея; его предполагалось «напечатать на отдельных листках» и «раздавать его на память желающим» (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 61). Прислушавшись к мнению Страхова, Фет заменил это стихотворение другим (см. п. 176, прим. 1). Тем не менее оно было опубликовано среди материалов, посвященных описанию юбилейных торжеств в честь Фета («Гусляр». 1889. № 3, без даты; затем: *ВО* 4, с датой «20 декабря 1889. Москва»).

⁹ Торжественное празднование 50-летия литературной деятельности Фета состоялось в Москве 28 и 29 января 1889 г. В первый день Фет принимал поздравления в своем доме на Плющихе, на следующий день состоялся подписной обед в ресторане «Эрмитаж», устроенный Московским Психологическим обществом (подробное описание этих торжеств см.: *Летоход* С. 187–192). См. также. *Моск. вед.* 1889. № 30. 30 января; «Гусляр». 1889. № 4. С. 59.

¹⁰ По-видимому, под этой странной аббревиатурой подразумевается петербургское Литературно-драматическое общество. Действительно, планы отпраздновать юбилей Фета в Петербурге существовали, но дальше разговоров дело не пошло (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 54 и 55; наст. кн.: Переписка с К. Р., п. 72, прим. 6).

¹¹ 28 декабря 1888 г. С.А.Толстая, принимавшая самое деятельное участие в организации юбилея Фета, просила Страхова «содействовать празднованию старика», приехать в Москву самому, а также «подговорить еще кое-кого от литературы приехать поздравить и отпраздновать Фета» (*Толстая и Страхов*. С. 210). Однако Страхов не только категорически отказался принимать участие в организации предстоящих торжеств, но и сам на юбилей не приехал. Свой отказ он мотивировал обидой, которую нанес ему Фет. «С начала осени он понемногу так меня обозлил своим поведением, что сказать не могу, — писал Страхов С.А.Толстой 4 января 1889 г. — Он засыпал меня своими поручениями по делам с редакциями. Я принялся усердно услуживать и ездил, и писал, и вел всякие переговоры <...> И что же? <...> Он скрыл от меня свой уговор с «Русским вестником», вздумал нарушить этот уговор и хотел сделать это через меня, не давая мне понятия о настоящем ходе дела. Он поставил меня в такое фальшивое положение, что я с этих пор уже не возьмусь ни за какие его поручения» (*Толстая и Страхов*. С. 214).

¹² В цитированном выше письме С.А.Толстая просила Страхова написать «хоть короткую оценку» литературной деятельности Фета: «Ведь Вы — и больше никто не сумеет этого сделать» (*Толстая и Страхов*. С. 211). Статья Страхова «Юбилей поэзии Фета» появилась в печати в первый день празднования юбилейных торжеств (*НВ*. 1889. № 4640. 28 января). Позднее С.А.Толстая благодарила Страхова за эту статью: «Когда я ее прочла, мне стало весело за то, как Вы, почти из озлобления, перешли к слишком мягкой и доброй критике, и даже хвале. Вот что значит переработать в сердце дурное на доброе, и это меня тогда привело в восторг» (*Толстая и Страхов*. С. 219).

¹³ 15 декабря 1888 г. Я.П.Полонский читал Страхову свою новую поэму «Анна и Мартынь» (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 54). Страхов посоветовал дать ей другое заглавие — «Анна Галдина» (Там же, п. 62), под которым она и была опубликована в сб. стихов Полонского «Вечерний звон» (СПб., 1890).

176. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 18 января 1889 г.

Письмо Ваше, дорогой Афанасий Афанасьевич, я получил, когда больной сидел за своей лампой; недели две не могу выходить, или, когда выйду, возвращаюсь домой больнее прежнего. И вот, погружаясь в чтение Вашего стихотворения, я с моей смутной головой, предаюсь странному и непозволительному занятию: я стал выправлять Ваши стихи, принялся сам стирать пятнышки и бугорки на этом алмазе, который Вы, по Вашему обычаю, очень небрежно отшлифовали¹. Над Вашими стихами подобные упражнения делал иногда про себя мой покойный друг Мстислав Прахов, один из глубочайших людей, каких я знал, и один из величайших Ваших поклонников². Я узнал об этом из того экземпляра Ваших стихотворений, который ему принадлежал и в котором были нанесены поправки его удивительным по красоте почерком. Тогда я удивился, а теперь и сам поддаюсь тому же искушению.

Посмотрите теперь, что из этого вышло, и не сердитесь на мою дерзость, а просто бросьте прилагаемый листок в печь. В третьем Вашем стихе *вдруг* мне показалось вставкой; *рой* — *понесли* хоть и не вполне правильно, но очень терпимо. *Божим* противоречит *моим*, хотя это противоречие и совершенно фетовское. Ну — Вы сами увидите, что там сделано и почему³.

Грустный тон Вашего письма очень меня тронул. Часто-таки я Вас браню, если замечая, что Вас что-нибудь тревожит или задевает. Вот, думаю, человек, обладающий всеми условиями счастья. Он богат и не может ни бояться расстройства своего богатства, ни добиваться его приращения. Он имеет все удобства, каких захочет. Он прошел блестящую литературную карьеру, так что ему нечего хлопотать о большем блеске своего имени, нечего уже торопиться или усиливаться. Наконец, кроме того, что с ним старая голубка, Марья Петровна, он может всегда окружить себя почитателями в том числе, в каком пожелает. Невозможно придумать лучших условий для полнейшего спокойствия и благодушия — особенно когда подумаю о Вашей бодрости и природном благодушии. Одним словом — все у Вас есть и ничего Вам не нужно, — не лучшее ли это положение в мире?

Пишу и думаю: ишь как я разумничался, а и забыл —

Чужую беду руками разведу,
К своей ума не приложу.

Впрочем, на меня напало теперь такое спокойствие, что я бы очень себя похвалил, если бы не знал, что легко нападает на меня и тоска и раздражение. Как доказательство моего спокойствия — возьмите мою статью: «Последний ответ Вл.С.Соловьеву». Я только что продержал корректуру — это будет в «Р<усском> вестнике» 1-го февраля⁴.

Будьте здоровы, дорогой Афанасий Афанасьевич! Или я очень ошибаюсь, или завтра мне можно будет считать себя поправившимся. Марье Петровне мое усердное почтение и Екатерине Владимировне неизменная благодарность.

Ваш душевно

Н.Страхов

P.S. Соловьев не является. Недавно я виделся с К.П.Победоносцевым и слышал от него, что ничто не угрожает Влад. Сергеичу⁵.

1889 18 янв<аря>. СПб

<Далее стихотворение Фета воспроизводится в редакции Страхова, записанной им на отдельном листе. Для наглядности правка, произведенная Страховым, выделена нами курсивом (Н.Г.)>

На утре дней все ярче и чудесней
Мечты и сны в груди моей росли,
И песен рой^{1*} вослед за первой песней
Мой тайный пыл^{2*} на волю понесли.

И трепетным от счастья и муки
Хотелось птичкам *реюшим*^{3*} моим
Чтобы в толпе их налетали звуки
На чуткий слух, внимать готовый им.

^{1*} У Фета было: И песни вдруг

^{2*} У Фета было: Весь сердца пыл

^{3*} У Фета было: Божим. В этом случае Фет правку Страхова не принял и сохранил прежнее написание

Полвека ждал друзей я этих песен
Гадал о тех, кто им^{1*} живой приют.
 О как мой день сегодняшний чудесен
 Со всех сторон те песни мне несут.

Тут нет чужих, тут все родной и кровный,
 Тут нет врагов, кругом одни друзья,
 И всей душой, за *ваш* привет любовный^{2*},
 К своей груди вас прижимаю я.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Речь идет о стихотворении «На пятидесятилетие Музы. 29 января 1889» («На утре дней все ярче и чудесней...») — втором варианте ответа Фета на поздравления в день предстоящего юбилея (о первом варианте см. п. 175, прим. 8). Авторизованный текст его, включенный в утраченное письмо Фета, на которое отвечает Страхов, не сохранился. Он восстанавливается по тексту в письме Фета к Я.П. Полонскому (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 61): отправленные одновременно (16 января 1889 г.), оба текста несомненно идентичны. Опубл.: *ВО* 4 (с датой: «14 января 1889. Москва»).

² О М.В. Прахове см. п. 18, прим. 10.

³ К данному письму приложен отдельный листок, на котором рукой Страхова записана предложенная им редакция стихотворения Фета. Фет принял все поправки Страхова за исключением одной (в строке 6-й), и в этой редакции стихотворение было отпечатано на отдельных листах (под заглавием: «На пятидесятилетие моей Музы» и с датой: «28 января 1889 года»). Они раздавались всем присутствовавшим на юбилейном обеде, а также рассылались в ответ на письменные поздравления (подробнее см.: Соколова М.А., Грамолина Н.Н. Примечания // *ВО* 1979 С. 482, 735–736; см. также илл. на с. 745). Эта редакция перепечатана в *ВО* 4 (под заглавием «На пятидесятилетие Музы» и с датой «14 января 1889. Москва»).

⁴ Об этой статье см. п. 175, прим. 5.

⁵ Зарубежные выступления Соловьева (см., напр., п. 163, прим. 7) не вписывались в рамки сознания консервативной части общества и государственной политики, а потому вызвали резкую критику в печати и пересуды. Соловьев в письмах неоднократно предрекал себе по крайней мере ссылку в качестве наказания. Никаких карательных мер по отношению к Соловьеву принято не было.

177. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 26 января 1889 г.

Дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Хоть я и написал Вашей великой почитательнице, несравненной графине Софье Андреевне, что не приеду в Москву к вашему юбилею¹, но все питал тайную надежду, что авось здоровье мое поправится и я неожиданно покачу в Москву и явлюсь перед Вами. Увы! До сих пор я должен с большими предосторожностями и опасениями показывать свой нос на улицу; вот три недели, как не был даже у Кузминских! Сегодня чувствую наконец, что дело решено, что невозможно мне пускаться в дорогу, и, значит, не поздравлять мне Вас на Плющихе в субботу и не обедать мне в воскресенье в Эрмитаже²! Остается принести Вам свои пожелания в письме. Скажу, что говорил столько раз: Ваши стихи — алмазы самой чистой воды; поравняться с ними можно, превзойти их нельзя. И я люблю их всею любовью к словесному художеству, какая только у меня есть. И Вас лично люблю — на Вас лежит печать Вашей поэзии; Ваши дружественные отношения ко мне были и есть для меня большая отрада: Вы бодры, тверды, далеки от всякой мелочности, теплы душой и ясны.

^{1*} У Фета было: И вот они нашли

^{2*} У Фета было: всей силою любовной

От всего сердца благодарю Вас за все, за все, и желаю Вам нового и долгого прилива сил тела и души.

Ваш преданный и неизменный почитатель

Н.Страхов

P.S. Благодарю за двестишше из Марциала в последнем письме: какая прелесть³! От всего сердца поздравляю и добрейшую Марию Петровну и Екатерину Владимировну.

1889. 26 янв<аря>. СПб.

P.P.S. Хоть и не кстати, но, наконец, я вспомнил! По крайней мере в пятнадцати последних моих письмах я *хотел* и *забывал* написать Вам, что у меня набралось Ваших денег 51 р. 80 коп., именно, от Полонского 25 р. и за проданные Ваши книги 26 р. 80 коп. Как прикажете мне поступить?

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Свою обиду на Фета и отказ приехать на его юбилей Страхов высказал С.А.Толстой в письме от 4 января 1889 г. (*Толстой и Страхов*. С. 214–215).

² О праздновании юбилея Фета см. п. 175, прим. 9. Подлинная причина отсутствия Страхова на этом юбилее — его обида на Фета (см. там же, прим. 11).

³ О каком двестишши из Марциала, переводом которого занимался Фет, идет речь, сказать затруднительно.

178. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 11 марта 1889 г.

Конечно, я очень виноват перед Вами, дорогой Афанасий Афанасьевич, но Вы никак не представите, сколько у меня смягчающих обстоятельств. В два месяца я написал три статьи и издал одну книгу¹! И дважды был болен, и до сих пор еще не совсем оправился, и выслушал уже один цикл «Нибелунгов»²!

Слышу я от Полонского, что Вы сюда едете³, и тогда надеюсь вполне похвастаться своими трудами. В настоящую минуту сладко вздыхаю, кончивши к сроку свою статью против Фаминцына⁴; но через несколько дней придется опять надеть лямку до первых чисел апреля.

Когда приедете, то и поспорим с Вами. Вы ведь великий спорщик, так и тянет Вас сцепиться со мною. Не раз Вы мне писали, что имеете право свободно судить обо всем; да разве я когда-нибудь это отвергал? Все имеют право думать, говорить и молчать. Но, пользуясь этими правами, мы часто делаем так, что не выходит никакого разговора, никакого общения в мыслях. Вот горе великое!

Простите меня! (я ведь держусь правил о христианском прощении друг другу). Желаю Вам благополучно сюда добраться; жду этой радости с нетерпением. Усердное почтение Марье Петровне и Катерине Владимировне.

Ваш душевно

Н.Страхов

1889. 11 марта. СПб.

¹ Страхов имеет в виду свои статьи «Последний ответ Вл.С.Соловьеву» (РВ. 1889. № 2), «А.С.Фаминцын о “Дарвинизме” Н.Я.Данилевского» (Там же. № 4; с датой «9 марта 1889 г.») и «Юбилей поэзии Фета» (НВ. 1889. № 4640. 28 января). «Книга» — 4-е издание труда Н.Я.Данилевского «Россия и Европа» (см. о нем п. 174, прим. 9).

² Тетралогия Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунга» («Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов») была впервые исполнена в Байрейте в 1876 году. После смерти композитора (1883) байрейтская традиция постановок опер Вагнера продолжала жить на европейской сцене. В феврале–марте 1889 г. вагнеровская труппа Анжело Неймана, ставившая в разных го-

родах Европы исключительно оперы из цикла «Кольцо Нибелунга», исполнила на сцене Мариинского театра все 16 опер этого цикла при полном сборе (Станиславский М.В. Вагнер в России. СПб., 1910. С. 45–46, 49).

³ 26 февраля 1889 г. Фет был удостоен звания камергера. Согласно придворному регламенту, лица, удостоенные придворного звания, должны были пройти церемонию представления императору. Эту обязанность Фет исполнил 15 марта. Об этом событии, а также связанном с ним шестидневном пребывании Фета в Петербурге см. в наст. кн.: Переписка с К.Р., п 78 (прим. 6 и 7) и 81 (прим. 1).

⁴ Об этой статье см. п. 179, прим. 4 и 5.

179. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 13 апреля 1889 г.

Наконец голова моя настолько посветлела, что могу приняться за письма, и, во-первых, к Вам, дорогой Афанасий Афанасьевич. Вашего поручения я не исполнил, не узнал адреса Н.М.Благовещенского¹, которого имею удовольствие лично знать. В тот день, как я собирался ехать в дом, где наверное добыл бы этот адрес, неожиданно явились ко мне Соловьев и Кутузов. (Это было в субботу на пятой неделе поста; удивительно быстро идет время для стариков!). Стал я упрекать Соловьева, стали мы спорить, и это было последнее явление комедии нашего препирательства². Ну, что же сказать? Внутреннего значения в этой полемике мало; я убедился, что Соловьев менее кого бы то ни было способен к пониманию чужих мыслей и не способен выйти из отвлеченностей. Ну, это не беда! Новое издание «России и Европы»³, вышедшее 15 февраля, раскупается даже лучше предыдущего; к 25 марта было продано 500 экземпляров.

Другая моя затея идет тоже хорошо. Я отвечал Фаминцыну (верно, Вы заметили в апрельской кн. «Р<усского> Вестника»⁴). Но всего лучше то, что в то же время напал на Фаминцына и Тимирязев. Ох, умный человек! Он прямо обижается, как это смеют разбирать «Дарвинизм», после того, как он уже сказал все, что нужно! Теперь, я думаю, дело сделано, и не нужно уже мне будет ни строки писать об Дарвине. Наш ученый мир непременно должен почувствовать, что нужно основательно изучить книгу Данилевского и составить ей основательную оценку. Не будь Тимирязева, пожалуй, не скоро можно бы было этого добиться⁵.

Собственно я стал свободным только с 2-го апреля. А 9-го я заболел, а пишу Вам 13-го. Вот смягчающие обстоятельства, чтобы извинить мое долгое молчание.

Пропаду от тоски я и лени!
Одинокая жизнь не мила;
Сердце ноет, слабеют колени...⁶

Это Вы именно про меня написали; теперь я болен, Стахеевы уже уехали, я один-одинехонек со своими книгами — но книги не помогают, когда голова тяжела и ни читать ни писать нет охоты. —

Итак, пожалейте меня, простите и дайте о себе весточку. Бедный Майков болеет еще чаще моего, но вчера был у меня и между прочим допрашивал, в каких словах я Вам хвалил Анну Ивановну. «Все люди — угорелые, кроме меня и Анны Ивановны Майковой»⁷. В этой формуле начинаю я слегка сомневаться, но лишь относительно одного слова: *меня*. Анна Ивановна случайно навестила меня третьего дня, и я, больше чем когда-нибудь, твердо признаю, что она заслуживает указанной оговорки.

Мое усердное почтение Марье Петровне и благодарность Екатерине Владимировне.

Ваш преданный

Н.Страхов

¹ Николай Михайлович *Благовещенский* (1821–1892) — проф. Петербургского ун-та (1852–1872), ректор Варшавского ун-та (1872–1882); переводчик и историк древнеримской литературы, автор книги «Гораций и его время» (СПб., 1864). Вероятно, Фет намеревался обратиться к нему в связи со своей работой над переводами латинских авторов.

² О том же Страхов писал Толстому (ТС Т. II. С. 784). Этот спор подтвердил убеждение Страхова в тщетности дальнейшей полемики с Соловьевым, — убеждение, выраженное в заглавии его последней статьи (см. п. 175, прим. 5 и 6).

³ О новом издании книги Н.Я.Данилевского «Россия и Европа» см. п. 174, прим. 9.

⁴ Андрей Сергеевич *Фаминцын* (1835–1918) — основатель петербургской школы растениеводства, проф. Петербургского ун-та, академик. Выступил с полемической статьей «Н.Я.Данилевский и дарвинизм. Опровергнут ли дарвинизм Данилевским?» (ВЕ. 1889. № 2). Страхов отвечал ему в статье «А.С.Фаминцын о “Дарвинизме” Н.Я.Данилевского» (РВ. 1889. № 4).

⁵ Страхов писал свой ответ Фаминцыну, еще не зная, что Тимирязев, давний его оппонент, выступил с резкой критикой статьи Фаминцына (Тимирязев К.А. Странный обиход научной критики // Рус. мысль. 1889. № 3).

⁶ Первые строки стихотворения Фета «Пчелы» (впервые: Современник. 1854. № 2).

⁷ Страхов с глубоким уважением относился к жене А.Н.Майкова Анне Ивановне. Приведенная им цитата — его собственные слова (см. п. 165).

180. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 17 мая 1889 г.

Сто сорок два рубли, 80 копеек, — вот плоды Вашего юбилея, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, явившиеся в магазине «Нового времени»¹; эти плоды я перенес в магазин Боткиных, в чем и получил расписку. Приятно мне это было, но — простите моему эгоизму — еще больше радости и даже изумления возбудил у меня успех «России и Европы». Представьте, с небольшим в два месяца продано было 670 экземпляров²! Итак, это дело совершенно выиграно. Другое дело, «Дарвинизм»³, двигается ту же, но я вполне надеюсь на победу. Тимирязев написал тоже статью против Фаминцына⁴, в которой наивно обижается, как тот смел писать после него и требует от него ответа по всем своим суждениям. Говорят, Фаминцын не будет отвечать, но я радуюсь, что вопрос о книге Данилевского поставлен теперь очень громко. Я уже теперь ни строки не напишу об Дарвине; молодые натуралисты, как я слышал, в большом недоумении и принимаются уже сами за «Дарвинизм».

А я, между тем, печатаю новую книгу Данилевского, «Сборник статей»⁵.

Но теперь — все валится из рук. У нас стоит ужасная духота, 23° по Реомюру среди петербургской болотной сырости. Представьте себе, что я стал полнеть, так что приходится платье расставлять, и жар мне вдвое тяжелее!

Покорно благодарю Вас за любезное приглашение в Воробьевку. Не знаю, как мне придется располагать своим летом; думаю, во всяком случае, навестить Ясную Поляну — я так давно не видал Льва Николаевича⁶. Кузминские уже там, и он туда ушел⁷; не знаю, там ли и когда там будет графиня. Когда это решится, я, конечно, Вам напишу.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич! Майков Вам кланяется. Он все похварывает, но очень слегка, главное — экземою, против которой, оказалось, ему всего больше помогло какое-то *симпатическое*⁸ средство.

Мое усердное почтение Марье Петровне и великая благодарность Екатерине Владимировне. Дмитрию Петровичу⁹ нижайший поклон.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

1889. 17 мая. СПб.

P.S. Добрейший Дм.Ник.Михайлов¹⁰ просит напомнить Ваше обещание —

написать воспоминания об Аполлоне Григорьеве. Да, я думаю, Вы многое могли бы рассказать...

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ В связи с прошедшим в январе 1889 г. юбилеем Фета увеличилась продажа его книг в книжных лавках Петербурга.

² О 4-м издании книги Н.Я.Данилевского «Россия и Европа» (СПб., 1889) см. п. 174 (прим. 9).

³ Имеется в виду подготовленный к изданию Страховым второй том незавершенного труда Н.Я.Данилевского «Дарвинизм» (СПб., 1889).

⁴ Об этой статье К.А.Тимирязева см. п. 179, прим. 5.

⁵ В это время Страхов готовил к печати «Сборник политических и экономических статей» Н.Я.Данилевского (СПб., 1890). Статьи эти развивали идеи, изложенные Данилевским в его книге «Россия и Европа».

⁶ О пребывании Страхова в Ясной Поляне летом 1889 г. см. п. 181, прим. 1.

⁷ В мае 1889 г. Толстой отправился из Москвы в Ясную Поляну пешком, как делал это уже неоднократно.

⁸ «Симпатическое лечение (Cura Sympathetica) производится посредством таинственной силы некоторых веществ или тел <...> Большую роль в этом лечении играют: амулеты, талисманы, заговаривание и т.п. процедуры, действующие на воображение больного» (Настольный словарь для справок по всем отраслям знания, в трех томах. Том III. СПб., 1864. С. 457).

⁹ В это время Фет и его жена гостили у Д.П.Боткина в его харьковском имении Тихий хутор (туда адресовано письмо Страхова).

¹⁰ О Д.Н.Михайлове см. п. 165, прим. 14. Вероятно, в исполнение данного ему обещания была написана статья Страхова «Поминки по Аполлону Александровичу Григорьеву» (см. о ней п. 182, прим. 1). Впоследствии Фет посвятил воспоминаниям о Григорьеве ряд страниц в своих мемуарах «Ранние годы моей жизни», вышедших посмертно (М., 1893; см. гл. XVII, XVIII, XX, XXII, XXIII, XXV, XXVI, XLI).

181. СТРАХОВ — ФЕТУ

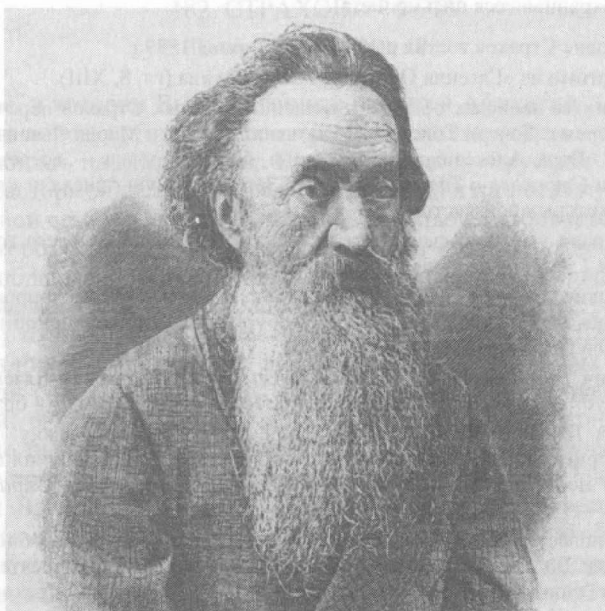
С.-Петербург. 21 июня 1889 г.

21 июня 1889 СПб

Пишу к Вам, дорогой Афанасий Афанасьевич, опять среди своих книг, на другой день после длиннейшего заседания Ученого Комитета, на четвертый день после приезда из Ясной Поляны. В Ясной я провел 15 дней¹; там получил я и Ваше письмо, но — простите! — так был занят, что только теперь отвечаю. Душевно благодарю за Ваше приглашение; конечно, я исполнил бы его с радостью, если бы вздумал повторить свои прежние прогулки на Юг. Но на меня нашло расположение духа, которое противится всякой

охоте к перемене мест².

С большим насилием над собою я пустился в дорогу, чтобы увидеться с Львом Николаевичем; я его не видал без малого два года. Меня самого удивило равнодушие, с каким я взглянул на Москву и потом на все места Ясной Поляны, когда-то мне очень милые. «От себя никуда не уйдешь, — подумал я, — и значит, нужно сперва искать внутренней радости, а не гоняться за внешними впечатлениями. А Ясная Поляна кипела жизнью; сперва было четыре барышни, две Толстых и две Кузминских, а потом из Петербурга приехали еще две³, тоже не достигшие еще 20 лет, и непрерывный смех раздавался в этой молодой компании. Все благополучно; Ваничка Толстой и Митя Кузминский утешают своих матерей и любимы больше всех остальных детей⁴. Сережа⁵ в Петербурге, Ильяша в Никольском⁶, а Лева приехал при мне в студентской фуражке: он получил аттестат зрелости и мечтает о медицинском факультете: очень умный молодой человек⁷.

Н.Н.СТРАХОВ

Гравюра Ю.К.Шюблера с фотографии А.А.Елкина

«Нива». 1888. № 26. 25 июня

«...я все-таки доволен портретом "Нивы" хотя бы за то, что лицо мое, а не чужое»
(Страхов — Фету. 15 июля 1888 г.)

Л.Н.Толстой, на мой взгляд, очень хорош: бодр и переполнен мыслями. Я стал его больным, но уже на другой день он поправился. За сельские работы он не принимался, да верно уже и не будет приниматься, разве шутя, для отдыха. Так мы раза четыре ходили вырубать колья, т.е. вырубал-то Л.Н., а я оттаскивал прутья, или сидел на них, покуривая папироску и отмахиваясь от комаров. Сам Л.Н. не курит, не пьет вина, не ест мяса и ничего сладкого. Софья Андреевна говорила, что весною он был удивительно свеж и здоров, но испортил себя, прошедши пешком в Ясную Поляну. Теперь он весь в писании, именно отделяет свою «Сонатку», от которой я жду больших художественных чудес⁸.

Сам я засел за корректуры и за свое давнишнее писанье⁹, которое надеюсь подвинуть вперед нынешним летом. Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич, и не сетуйте на меня за мое домоседство. Сладкого для меня в нем мало.

Марье Петровне усердное почтение и Катерине Владимировне всяческая благодарность.

Увы! Нет Дмитрия Петровича¹⁰, которому я слал поклон в прошлом письме! Известие о его смерти очень огорчило меня и за него и за Вас. В Москве 30 мая я заезжал в Ваш дом, думая, что, может быть, Вы приехали на погребение¹¹. Туглев¹² объяснил мне, что этого нельзя ждать, и мы вместе погоревали о печальной судьбе мужа и жены¹³, которым «только бы жить», а они ушли из жизни далеко до срока. В Петербурге тоже неожиданная смерть Ореста Миллера¹⁴ была для меня большим огорчением. Ведь он был «один из десяти тысяч», как выразился Гамлет¹⁵, а пожалуй и из ста или из десяти сотен тысяч.

Смерть жатву жизни косит, косит¹⁶!

Ваш неизменный Н.Страхов

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ В Ясной Поляне Страхов гостил с 30 мая по 14 июня 1889 г.

² Усеченная цитата из «Евгения Онегина» А.С.Пушкина (гл. 8, XIII).

³ В сохранившихся записках об этом посещении Толстых Страхов перечислил гостей Ясной Поляны в это время. Дочери Толстого — Татьяна Львовна и Мария Львовна, а также дочери Т.А.Кузминской — Вера Александровна и Мария Александровна — встретили Страхова на Козловке (*Заметки Страхова о Толстом*. С. 208). Затем в Ясную приехали «две петербургские барышни», имена которых неизвестны (Там же. С. 210).

⁴ Ванюша — рано умерший сын Толстых; в это время ему был всего год. Митя Кузминский — сын А.М. и Т.А.Кузминских — ровесник Ванюши.

⁵ Сергей Львович Толстой (1863–1947) в 1888 г. был назначен делопроизводителем Центрального правления Крестьянского банка в Петербурге. Живя в столице, он навещал Страхова (Толстой С.Л. Очерки былого. М., 1956. С. 175).

⁶ Илья Львович Толстой (1866–1933) жил с семьей в Никольском-Вяземском (Черниговский у. Тульской губ.) — имении, доставшемся Л.Н.Толстому после смерти брата Николая.

⁷ Лев Львович Толстой (Лёля; 1869–1945) приезжал в Ясную Поляну 7 июня: «7. среда. В 7-м часу вчера приезжал Лев Львович. Голова обрита и борода. Получил аттестат зрелости и заявил желание поступить на медицинский факультет» (*Заметки Страхова о Толстом* С. 209).

⁸ Речь идет о повести «Крейцера соната», над которой Толстой возобновил работу после годичного перерыва. Во время пребывания Страхова в Ясной Поляне писатель делился с ним своим замыслом. «Топлю свою фабрику в рассуждениях», — записал Страхов слова Толстого, сказанные по поводу «Крейцеровой сонаты» (Там же). О «Крейцеровой сонате» Страхов спорил с Фетом в последующих письмах.

⁹ Возможно, Страхов имеет в виду очерк «Воспоминания о поездке на Афон» (см. о нем п. 184, прим. 2).

¹⁰ 26 мая 1889 г. Д.П.Боткин скончался в своем имении Тихий хутор, когда там гостил Фет с женой. Фет откликнулся на эту смерть своеобразным некрологом, напоминающим скорее публицистическую статью (*Моск. вед.* 1889. 3 июня. № 151). «Скончавшийся 26 мая в своем имении близ города Волчанска, Тихом Хуторе, — Дмитрий Петрович Боткин, — писал Фет, — был одним из оставшихся в живых четырех братьев московских Боткиных, в числе коих находится известный лейб-медик Сергей Петрович и академик Михаил Петрович. Сам же Дмитрий Петрович стоял нераздельно с меньшим братом Петром Петровичем во главе торговой фирмы «Петра Боткина сыновей». В 1882 году Боткины купили сначала продававшийся в Белгородском уезде старый сахарный завод г. Жуковского, который им пришлось сломать и выстроить вновь, а вслед за тем Дмитрий Петрович купил в пятнадцати верстах уже в личное владение имение Тихий Хутор на берегу реки Волчьей». Рассказывая о беспримерном проявлении скорби окрестных крестьян в связи со смертью Д.П.Боткина, Фет на этом примере показал, каковы должны быть истинные отношения имущих классов к народу. При этом особо подчеркивалось, что помимо возрождения сахарного завода, принесшего благосостояние окрестным крестьянам, Боткин устроил больницу и церковно-приходскую школу.

¹¹ Фет сопровождал тело Д.П.Боткина до Белгорода, откуда оно было отправлено в Москву. Из Белгорода он вернулся в Воробьевку.

¹² И.Ф.Туллев — управляющий московским домом Фета на Плющихе.

¹³ Жена Д.П.Боткина — Софья Сергеевна скончалась незадолго до своего супруга, 7 марта 1889 г. Памяти С.С.Боткиной Фет посвятил стихотворение «Ужель на вопль и зов молебный. », помеченное днем ее смерти. За два года до этого умер сын Д.П. и С.С.Боткиных Дмитрий, кончину которого Фет оплакал в стихотворении «На смерть М.Б-а» («Тебя любили мы за резвость молодую...») (авт. дата: 15 декабря 1886 г.). Оба стихотворения вошли в *ВО* 4.

¹⁴ Известный фольклорист, историк литературы Орест Федорович Миллер умер 1 июня 1889 г. Страхов тесно сотрудничал с Миллером в Славянском благотворительном комитете, в газете И.С.Аксакова «Русь» и при подготовке первого тома «Полного собрания сочинений» Ф.М.Достоевского (СПб., 1882–1883).

¹⁵ Страхов вспоминает реплику Гамлета: «Да, сударь, быть честным, значит, как ведется на этом свете, быть избранным из десяти тысяч» (Шекспир В. Гамлет. Пер. А.Кронеберга. М., 1861 (Д. II. Ст. 2. С. 78).

¹⁶ Первая строка стихотворения П.А.Вяземского (без заглавия; 1840).

182. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 13 июля 1889 г.

Раскисание, в котором Вы меня вините, дорогой Афанасий Афанасьевич, действительно есть порок, которому я подвержен; но поэтому-то я и предпочел сидеть дома, а не раскисать на глазах у Вас. Вы жалуетесь на «грустное сиротство нашей современной расторженности», и в самом деле, куда я ни погляжу, нигде нет никакой литературной семьи — все разбилось и все больше разбивается. Нет ни одного журнала, в котором хотелось бы участвовать. Или время кружков прошло и литература стала общераспространенным ремеслом? Сегодня я почему-то вспомнил людей, которые показали мне большое внимание, когда я выступал на писательское поприще; то были: Ап.Григорьев¹, Ф.Достоевский², Вл.Ламанский³ и Катков⁴. Трех из них я уже схоронил, а с Ламанским не в больших ладах. И торчу я одинокий среди своих книг и пишу, ожидая молчаливого сочувствия таинственных читателей, о которых догадываюсь только потому, что они покупают мои книги. Недавно был очень обрадован. Книга «Мир как целое» совсем на исходе; осенью нужно приготовить новое издание⁵. Очень я был обрадован за Вас: недавно узнал двух Ваших поклонников, *Лароша*⁶, бывшего профессора Московской консерватории, и *В.И.Сафонова*⁷, нынешнего директора этой консерватории. Я давно уже их знаю, но недавно случилось разговаривать с ними об Вас; они люди умные, с большим вкусом и с любовью к искусству, и почитатели Ваши самые восторженные. Вообще Вы способны возбуждать совершенную *страсть* к своим стихам, чего не могут достигнуть другие поэты.

Майков похварывает, и я его уже давно не видал. Лето у нас препротивное, сырое, дождливое. В городе это легче переносится, но уж лучше бы я согласился на жару. А у Вас в Воробьевке то-то, должно быть, хорошо!

От всей души желаю Вам здоровья. Сам я растолстел и желудок мой преисправно одолевает всякие летние соблазны — ботвиньи, ягоды и пр. Но — не о хлебе едином будет жив человек, и я вовсе не прочь пожелать себе какой-нибудь болезни.

Простите! Марье Петровне усердное мое почтение, и Екатерине Владимировне неизменная благодарность.

Ваш душевно

Н.Страхов

1889. 13 июля. СПб.

Р.С. Соловьев был у меня не раз и подолгу мы с ним говорили; видимо, ему хотелось бы загладить свои проказы⁸. Здоров он недурно. Уехал в Москву и оттуда, кажется, в Подольск.

Сожители мои давно в Крыму⁹, проживают в своем доме в Алуште; но поклон Ваш я посылаю им сегодня же в письме — душевно благодарю Вас.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Страхов сблизился с Ап.Григорьевым, по его собственным словам, «в последние шесть лет его жизни». В статье «Поминки по Аполлоне Александровиче Григорьеве (1822–1864)» (НВ. 1889. 25 сентября. № 4876), написанной к 25-летию смерти критика, он утверждал, что «Аполлон Григорьев есть писатель, значению которого <...> суждено возрастать вместе с развитием нашего литературного сознания». В 1876 г. Страхов издал 1-й том «Сочинений» Ап.Григорьева со своим предисловием.

² Об отношении Страхова к Ф.М.Достоевскому см. п. 77 (прим. 7) и п. 79 (прим. 9).

³ О В.И.Ламанском см. п. 141, прим. 9.

⁴ М.Н.Катков — редактор журнала «Русский вестник».

⁵ «На исходе» в книжных магазинах было первое издание философского труда Страхова «Мир как целое» (СПб., 1872). Второе издание вышло в 1892 г. Фет высоко ценил этот труд Страхова. В ответ на замечание сына Я.П.Полонского Александра о «фельетонном характере

изложения» Фет писал ему 10 октября 1890 г.: «Легкость изложения и популярность я считаю в числе достоинств пера Страхова. Нужно быть Кантом, чтобы иметь право ковырять людям мозги» (Медынцева. С. 74).

⁶ Герман Августович Ларош (1845–1904) — известный музыкальный критик, профессор Московской и С.-Петербургской консерваторий.

⁷ Василий Иванович Сафонов (1852–1918) — создатель русской пианистической школы, с 1885 г. профессор Московской консерватории, в 1889 г. стал ее директором.

⁸ Страхов имеет в виду статьи В.С.Соловьева против него и Н.Я.Данилевского.

⁹ Сожители — Д.И.Стахеев и его жена. См. п. 96, прим. 4.

183. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 5 августа 1889 г.

Что это значит, дорогой Афанасий Афанасьевич? Я так привык к питанию Вашими письмами, что начинаю без них голодать, и так уверен в Вашей быстроте и энергии, что, не получая отклика на мое последнее письмо, готов предполагать все дурное, но только не Вашу мешкотность. Рассердиться на меня Вы не имеете права, ибо я, говоря словами Николая Петровича Семенова, остаюсь «неизменным к Вам в своих чувствах»¹, как то не раз доказывал. Не дай того Аполлон, чтобы Вы расхворались! Прошу Вас, выведите меня из недоумения, отзовитесь словечком.

Завтра я отнесу к Боткиным 31 р. 50 коп. за 15 экз<емпляров> «Фауста» I ч. и 15 экз<емпляров> «Стихотворений»². Ваш юбилей, как видите, продолжается. Мои дела за эти три месяца недурны; получил за 250 экз<емпляров> «России и Европы»³. И другие книжки идут; но что меня приводит в досаду — «Основных понятий»⁴ в целый год не продано ни единого экземпляра!

Ну уж публика! Однако можно порадоваться, как чествуют Полонского в Казани⁵ — вероятно, он Вам писал. Здесь у нас стоит недурная погода; я, как молодой человек, иногда мыкаюсь по дачам, а потом, как старый человек, чувствую недомоганье во всем теле и должен два-три дня отдыхать. Вечера отвратительны и сыростью и белесоватостью, холодным свинцово-голубоватым сумраком. Не раз приходилось вспоминать о Воробьевке и завидовать Вам.

Наконец, Тимирязев кончил свою статью против меня. Три месяца он ратовал против меня в «Русской мысли» с ужасной яростью. Впрочем, он пишет в последней книжке, что моя статья «Ошибка дарвинистов» «переполнена потоками брани и оскорблений»⁶. Как Вам это покажется?

Работаю я плохо, но все-таки работаю понемножку и утешаюсь тем, что и здоров и не скучаю.

Бедный Майков сильно похварывает своею старою болезнью, печеночными камнями. Просит Вам кланяться.

От души желаю Вам здоровья. Простите меня и передайте Марье Петровне мое почтение, также Катерине Владимировне, твердого и ясного почерка которой я, к сожалению, так давно не видал.

Ваш преданный

Н.Страхов

1889. 5 авг<уста>. СПб.

¹ Так обычно заканчивал свои письма Н.П.Семенов.

² «Стихотворения» — два выпуска «Вечерних огней» (М., 1883 и 1885) и нераспроданные «Стихотворения» Фета (М., 1863).

³ Речь идет о 4-м издании книги Данилевского «Россия и Европа» (СПб., 1889).

⁴ Книга Страхова «Об основных понятиях психологии и физиологии» (СПб., 1886).

⁵ Я.Полонский провел лето в Сарепте и на обратном пути остановился в Казани. Здесь ему был оказан чрезвычайно теплый прием.

⁶ Статья К. А. Тимирязева «Бессильная злоба антидарвиниста (По поводу статьи г. Страхова: "Всегдашняя ошибка дарвинистов")» (Рус. мысль 1889. № 5, 6 и 7) не отличалась сдержанным тоном.

184. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 5 сентября 1889 г.

Виноват, тысячу раз виноват перед Вами, дорогой Афанасий Афанасьевич! Когда я получил Ваше письмо с радостною вестью, что Вы будете в Петербурге, то хотел сейчас писать Вам, что я весь к Вашим услугам, что теперь у меня службы нет, и погому я готов слушать Ваши «Воспоминания»¹ не два часа в сутки, а с утра до вечера. Но у меня теперь на плечах статья, которую нужно изготовить к сроку, «Воспоминание об Афоне»², и я так в нее закопался, что до сих пор не собрался отвечать Вам. А к этому присоединился еще бронхит, который вовсе не металл³, а очень неприятная болезнь, заставлявшая меня бросать перо и кое-как пробавляться чтением Золя⁴, поистине утомительным — так он дурно пишет, беспреестанно обрывая рассказ и пускаясь в описания, будто бы реальные, а в сущности фантастически размазанные и преувеличенные. Но предметы он берет серьезные и изучает их очень умно и очень подробно.

Стихи Ваши гораздо лучше; впечатление осени схвачено удивительно⁵. Но отчего Вы пишете: «стихов я больше не пишу»? Не имеете никакого права на подобные решения; а если это не решение, а простой факт, то он ничего не значит: завтра же что-нибудь напишете, и все скажут:

Вот таких людей бы сечь-то,
Да приговаривать: писать, писать, писать!⁶

Шутки в сторону: Вы исповедуете свою полную неменяемость в деле писания, а я думаю, что такое исповедание Вам много вредит. Ну, да что с Вами поделаешь? Я же держусь твердо первого критического правила: бери, что дают! И свое восхищение я Вам высказал печатно⁷. Иные говорили мне, будто бы я преувеличил Ваши прелести; но я остаюсь твердо уверенным, что все выразил совершенно точно.

Появился мираж большой литературной новости: кн. Цертелев затевает издавать в Москве «Русское обозрение»⁸. Я не уверен ни в чем, даже в том, что дело пойдет не на словах только, а дойдет до печатного объявления. Жаль во всяком случае, что это дело, возможное и даже надобное, не обещает ни малейшей прочности.

Да хранят Вас Музы и Аполлон! К 25 сентября придется мне написать несколько слов об Аполлоне Григорьеве⁹. Поминки идут за поминками — ушли Орест Миллер¹⁰, Анна Федоровна Аксакова¹¹, Вл. Павл. Безобразов¹². —

От души желаю Вам здоровья! Мое почтение Марье Петровне и великая благодарность Катерине Владимировне.

Ваш

Н. Страхов

1889 5 сент<ября>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Параллельно с журнальной публикацией Фет начал готовить отдельное издание своих воспоминаний. В этой связи он намеревался приехать в Петербург, чтобы прочесть Страхову всю неопубликованную их часть и обсудить ее с ним. Однако состояние здоровья не позволило Фету осуществить этот план. 17 ноября 1889 г. он писал об этом вел. кн. Константину Константиновичу. «...я окончательно убедился в несостоятельности моей груди для зимнего переезда в напленном и накурном вагоне» (см. наст. кн.: Переписка с К. Р., п. 99).

² Замысел очерка о поездке на Афон возник у Страхова сразу по его возвращении оттуда, однако был отложен. Возвращение к этому сюжету было вызвано известием о смерти отца Макария, игумена Афонского монастыря (ТС. Т. II. С. 795). Первоначально очерк назывался «Воспоминание об Афоне и об о. Макарии» (Розанов С. 131). Опубл. под названием «Воспоминания о поездке на Афон (1881 г.)» (РВ. 1889. № 10, с авт. датой: «9 сентября 1889 г.»; затем: Страхов Н.Н. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892).

³ Выражение Л.Н.Толстого, примененное по отношению к Тургеневу (см. МВ I. С. 107).

⁴ Прочитав «на досуге» романы Э.Золя «Земля» и «Нана», Страхов писал Толстому 31 августа 1889 г.: «Предметы очень серьезные; но как наляпано и сколько фантастических преувеличений и сочиненных эффектов!» (ТС. Т. II. С. 802).

⁵ Какое стихотворение прислал Фет в утраченном письме, на которое отвечает Страхов, неизвестно. Суждение Страхова: «впечатление осени схвачено удивительно», — позволяет предположить, что это было стихотворение «Устало все кругом, устал и цвет небес...». Авторская дата: «24 августа 1889. Воробьевка» (ВО 4), — подтверждает это предположение.

⁶ Грибоедов А.С. Горе от ума. Д. 4. Явл. 4 (монолог Репетилова).

⁷ Страхов напоминает о своей статье «Юбилей поэзии Фета» (НВ 1889, 28 января № 4640).

⁸ Ежемесячный литературно-политический и научный журнал «Русское обозрение» (М, 1890–1898). Д.Н.Цертелев был его редактором лишь до 1892 г. Фет печатал здесь свои стихи и воспоминания.

⁹ См. п. 182, прим. 1.

¹⁰ См. п. 181, прим. 14.

¹¹ Дочь Ф.И.Тютчева Анна Федоровна (в замуж. Аксакова) скончалась 11 августа 1889 г. После смерти мужа (И.С.Аксакова) посвятила себя изданию его наследия.

¹² Известный экономист, публицист Владимир Павлович Безобразов (1828–1889) умер 29 августа 1889 г.

185. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 10 ноября 1889 г.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич, что не скоро отвечал Вам; я по самую макушку был погружен в свою статью: «Спор о книгах Н.Я.Данилевского»¹, которую вчера благополучно сдал в редакцию. Это моя последняя статья по этим делам, и я, наконец, могу обратиться к исполнению давно задуманных планов. Теперь, когда новых мыслей уже не приходит, нужно писать на старые, давно обдуманные темы.

Ваши воспоминания я стремился прочесть, но до сих пор успел только увидеть папку, в которой они заключены. Цертелев решил для спеху отдать их в набор и прислать мне в корректуре². Нужно правду сказать: он ни с чем не торопится и я не очень уверен, что первая книга его журнала выйдет в январе, а не в половине февраля. Состав сотрудников и очень небольшой, и странный в том отношении, что из 36 имен 20 — те же, что в «Русском вестнике»³, а остальные имена — не имеют имени, кроме разве угорелейших Н.П.Вагнера⁴ и Вл.Соловьева. Что Соловьев один из замечательнейших образчиков угорелости, в этом я все больше убеждаюсь, и нахожу в этом превосходное объяснение всех его статей⁵. То, что он пишет в «Вестнике» Европы и в «Вопросах философии», показывает, что угорелость вполне развилась и, очевидно, более его не покинет⁶. Без сомнения — он милый человек; он был у меня раза два и тронул меня своим искренним желанием мира; без сомнения, он очень даровитый человек, — но он погубит свои дары — Как это грустно!

Читали мы тут и повесть Льва Николаевича⁷. Это так сильно и мрачно, как ни одно из его писаний. Жаль, что много голых рассуждений, хотя и изумительных по меткости; вообще жаль, что построение все и небрежно и неловко. Но вещь — первой степени.

«Афон» мой пришелся Вам не по мыслям⁸, и Полонскому тоже. Но Вы едва ли имеете право обвинять меня. Я рассказываю факты и подтверждаю надежными ссылками. А советов я не даю.

Начались заседания нашей *Литературки*⁹, и там спорили о Некрасове. Я еще ни разу не был.

Стахеевы, наконец, оба приехали и просят передать Вам усердный поклон. Были тут у нас переговоры, из которых вышло взаимное обещание — жить на Стерлиговских верхах¹⁰ до смерти, и как должно похоронить того, кто первый умрет.

Здоровье мое так хорошо, как я и не ожидал. А работы все-таки больше, чем сил.

От души желаю Вам всего хорошего. Мое почтение Марье Петровне, Екатерине Владимировне всегдашняя благодарность.

Ваш

Н.Страхов

P.S. Разбор стихов К.Р. не я писал, не знаю кто¹¹. Я бы не называл романтизмом того, что вообще принадлежит поэзии. А написано недурно.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ В этой статье (точное название: «Спор из-за книг Н.Я.Данилевского») (РВ. 1889. № 12) Страхов подвел итоги своей полемики с К.А.Тимирязевым и В.С.Соловьевым по поводу книг Н.Я.Данилевского «Дарвинизм» и «Россия и Европа».

² После конфликта с редактором «Русского вестника» (см. наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 94, прим. 4) Фет передал неопубликованную часть своих воспоминаний в журнал «Русское обозрение», который с января 1890 г. начал издавать в Москве Д.Н.Цертелев. Не имея возможности прочитать Страхову эту часть и обсудить ее с ним лично, Фет просил Цертелева предоставить Страхову журнальные корректуры.

³ Среди объявленных авторов нового журнала числились А.Н.Майков, Я.П.Полонский, Фет, Е.А.Салиас, А.А.Голенищев-Кутузов и др. постоянные авторы «Русского вестника».

⁴ Николай Петрович Вагнер (1829–1907) — зоолог и писатель, автор популярного сборника «Сказки Кота Мурлыки» (1872). Был убежденным спиритом и другом А.М.Бутлерова, вместе с ним защищал спиритизм в полемике со Страховым.

⁵ «Угорелость» или, др. словами, одержимость, была присуща В.С.Соловьеву и особенно проявлялась в полемике, когда он, увлеченный спором, выходил за пределы дозволенного. Это свое определение Страхов считал применимым ко всем людям, утверждая в шутку, что есть лишь два человека, свободных от «угорелости», — он сам и А.И.Майкова, жена поэта (см. п. 179).

⁶ Страхов имеет в виду антиславянофильский цикл статей Соловьева «Очерки из истории русского сознания» (ВВ. 1889. № 5, 6, 11 и 12), а также статью «О красоте в природе» (ВФП. 1889. № 1). Об «Очерках <...>» Соловьева и отношении к ним Фета см. в наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 75, прим. 5.

⁷ 28 октября 1889 г. у Кузминских состоялось чтение «Крейцеровой сонаты» по рукописи, доставленной из Москвы (Там же, п. 75, прим. 2). 6 ноября Страхов, присутствовавший на этом чтении, поделился с Толстым размышлениями, которые вызвала у него эта повесть (ТС. Т. II. С. 809–811). В конце 1889 — нач. 1890 гг. в Петербурге, как и в Москве, были широко распространены литографированные копии этой повести, которая бурно обсуждалась в среде столичной интеллигенции (см. также в наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 75, прим. 2).

⁸ Об очерке Страхова «Воспоминания о поездке на Афон (1881 г.)» см. п. 184, прим. 2.

⁹ С наступлением зимы возобновились еженедельные собрания («беседы») Литературно-драматического общества. На этих «беседах» заслушивались новые произведения русских писателей и публицистов, а также рефераты и статьи о русской литературе и ее истории.

¹⁰ «Стерлиговские верха» — пятый этаж дома Стерлигова у Торгового моста — там в одной квартире жили супруги Стахеевы и Страхов.

¹¹ Об этой анонимной рецензии см. в наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 96 и прим. 3 к нему.

186. ФЕТ — СТРАХОВУ

Москва. 8 декабря <1889 г.>

8 декабря 18<8>9

Дорогой Николай Николаевич!

Вчера вечером из письма Полонского я узнал, что прозевал поздравить Вас с днем Вашего ангела¹, и публично (читай: перед единственною лампой: Екатерина Владимировна была в «Волшебной флейте»²) назвал себя телятиной³, прибавив: лучше поздно, чем никогда. Зато сегодня на опыте узнаю, как трудно писать письма, когда хочется сказать все разом. Когда говоришь лицом к лицу, то глаза, углы рта, руки и даже концы сапог поясняют связь между видимо бессвязными мыслями, а на бумаге то же самое выходит желтый дом. Если бы я стал издавать журнал, то озаглавил бы его словом «Жизнь», указывая тем на *primum vivere*⁴. Я этим никак не хочу сказать, что отрицаю спекулятивные или опытные науки, с помощью которых потом слагается гражданственность, но только говорю, что науки ежеминутно отвергают сегодня с пеною у рта свою вчерашнюю несомненную истину, а земля без снега в Курской и Воронежской губернии трескается от мороза в декабре точно так же, как трескалась при Годунове. И этот ингредиент жизни для меня несомненное всякой науки. Что такое щетка? — Это группа волос, стоящая своими концами в противоположном направлении с обыкновенными естественными группами волос, а потому и впивающаяся в последние, приводя их насильственно в порядок и притом очищая от случайно попавшего сора. Что такое бык, насильно увлекаемый Каком⁵, среди прочих нормально стоящих быков, за хвост в пещеру? При трении с быками такой попятный бык есть щетка. Такою щеткой несомненно является и попятная жизнь Льва Николаевича. Что таким ходом можно протянуть только несколько десятков шагов, — это другой вопрос; но что, захватывая нас против нашей будничной и несомненно грязной шерсти, такие попятные быки нас очищают — для меня менее несомненно. Вот чем-то прочистит нас любезный кн. Цертелев — другой вопрос. Взял он мою рукопись, чтобы сдать ее на прочтение Вам⁶, и сказал, что через две недели он явится ко мне. Вот-вот типографии прекратят работу и прибежит 15 января⁶, а когда прибежит Цертелев? — единому Богу известно.

Владимира Сергеевича тоже нет как нет, так что о костяке книжки и переговорить не с кем⁷. У нас здесь, в Москве, пожалуй, найдешь и портных, и сапожников, и перчаточниц; а как все это надеть прилично? — спросить не у кого.

В последнее время я чувствовал себя, благодаря приливу кашля и удушья, весьма дурно и тяжело. 23 ноября, в день моего рождения, с которого начался мой 70-й год, обедала у нас несравненная Софья Андреевна и Татьяна Львовна⁸. В Петербурге все читали новый рассказ Льва Николаевича⁹, я же до сих пор его не вижу. Настоящее искусство есть *настоящий* проповедник и моралист.

Мой Марциал, коего перевод мною окончен¹⁰ и в 4-й, 5-й и 8-й книге окончательно отполирован, без сомнения, чересчур развязен даже для времени Доминиана¹¹, но *правдив и жизнен* до умиления. Не знаю, когда увижу его во всеоружии в печати¹².

Марья Петровна спрашивает, можно ли Вас ждать летом в Воробьевку.

Искренно преданный Вам

А.Шеншин

Год написания письма определяется по содержанию (см. прим. 1, 6, 8, 10).

¹ День именин Страхова — 6 декабря ст.ст. (день святителя и чудотворца Николая) Я.П.Полонский писал Фету 5 декабря 1889 г.: «Пишу к тебе накануне Николина дня» (см. наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 95).

^{1*} прежде всего жить (лат.).

² Секретарь Фета Е.В. Федорова была в Большом театре на представлении оперы Моцарта «Волшебная флейта».

³ Реминисценция из «Мертвых душ»: «телятиной» назвал себя «публично при всех» почт-лейстер, когда ему указали на несостоятельность его попытки отождествить Чичикова с «капианом Копейкиным» (Гоголь Н.В. Мертвые души. Ч. I. Гл. 10).

⁴ Как, Какус — в римской мифологии сын Вулкана, чудовище, изрыгавшее огонь и опустошавшее поля.

⁵ О рукописи воспоминаний Фета см. п. 185, прим. 2.

⁶ 15 января 1890 г. — срок выхода в свет первого номера журнала Д.Н.Цертелева «Русское обозрение». Фет опасался, что в связи с предстоящими Рождественскими праздниками задержится выход этого номера, в котором должно было появиться продолжение его воспоминаний.

⁷ Задуманная Фетом «книжка» — отдельное издание его воспоминаний (см. наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 99).

⁸ 23 ноября 1889 г. Фету исполнилось 69 лет, и он вступил в 70-й год своей жизни. В этот день его посетили жена и дочь Толстого.

⁹ О каком рассказе Толстого идет речь, неизвестно.

¹⁰ В октябре 1889 г. Фет завершил перевод «Эпиграмм» Марциала, работу над которым начал летом 1888 г. (см. наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 78 (прим. 3) и 91 (прим. 3)).

¹¹ Домициан (51–96 н.э.) — римский император с 81 г.

¹² «Эпиграммы» Марциала (в пер. и с объяснениями Фета и с предисловием А.В.Олсуфьева) вышли в свет в 1891 г.

187. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 21 декабря 1889 г.

О, не браните меня, дорогой Афанасий Афанасьевич, если не успеваю отвечать на каждое Ваше письмо; все-таки — каждое Ваше письмо для меня истинное наслаждение, и всегда я старательно вникаю в смысл писанного, как Вы это знаете, хотя и не всегда Вы правы, полагаясь слишком на мою проницательность. Однако я понимаю то главное, почему Вы остались недовольны Вл.Соловьевым¹. Я уже давно почти не в состоянии выносить его угорелости, и теперь дивлюсь, что, будучи, казалось бы, довольно трезвым человеком, так долго ее не замечал. Она всегда у него была, только разыгралась теперь до самого края. Слышал я, что он чрезвычайно теперь доволен: «Вестнику Евр<опы>» дано за него предостережение². И в самом деле, теперь

по всей Руси безбрежной³

весь читающий люд, должно быть, сидит над его статьями, вникает, потеет, думает: «это на царя? а это, должно быть, на синод?» и т.д. Ну можно ли было сделать подобную рекламу?

Не знаю, что Вы скажете на мою статейку: «Спор из-за книг и пр.»⁴, но вот Соловьев что-то не идет — а визит за ним — мы нынче считаемся.

Цертелева я видел перед отъездом его в Москву, и, судя по его решительному тону, начинаю надеяться, что первая книжка «Русского обозрения» все-таки выйдет; но дальше будущее этого журнала покрыто в моих глазах туманом⁵. А кстати: вероятно, Вы еще до сих пор не знакомы с первой книжкою «Вопросов философии»⁶? Там есть статья Соловьева «О красоте в природе»⁷, которая может дать большую пищу для удивления. Между тем я уверен, что журнал пойдет — так он занимателен по предметам, и такой имеет красивый и солидный вид.

Ну, теперь я, вероятно, долго не буду ничего писать. Теперь, по давно положенному плану, стану я размышлять о единстве вещества и об общей формуле химического соединения⁸. Не знаю, что мне принесет съезд натуралистов, который будет в Петербурге на праздниках. Неужели не будет там речи об Данилевском и

об его «Дарвинизме»? Тогда, по-моему, зачем же они съедутся, если не будут говорить о подобных предметах? Конечно, я мог бы сам пойти и поднять этот вопрос. Но теперь уже не прежние у меня силы, и хочется, чтобы за меня сделали другие.

Беда, что мне нездоровится вот уже скоро две недели. Простудился на концерте, в который понесла меня нелегкая слушать *русскую музыку*. Музыка хороша, но проклятая зала отличается сквозным ветром — чтоб ей пусто было! А и точно было в ней пустынько, и поверьте, совершенно несправедливо. Какой оркестр! И «Гамлет» Чайковского, «Садко» Римского-Корсакова — прекрасные вещи¹⁰.

Сожители мои¹¹ посылают вам большое почтение. Майков также — он нынче, к моей радости, поправился. За Полонского очень досадую, — Цертелев не берет его «Мартына и Анну»¹². И как странно! — там есть стишок о *грудах*, и князь скандализируется!

Еще раз душевно благодарю за Ваши письма и прошу для себя прощения. Марье Петровне усерднейшее почтение, Катерине Владимировне искренняя благодарность. А, кажется, летом не миновать мне Воробьевки¹³.

Ваш душевно

Н.Страхов

1889. 21 дек<абря>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ По-видимому, в утраченном письме Фет выразил недовольство по поводу цикла статей В.С.Соловьева «Очерки из истории русского сознания» (ВЕ. 1889, № 5, 6, 11, 12).

² 15 декабря 1889 г. распоряжением министра внутренних дел было объявлено «предупреждение» журналу «Вестник Европы» за публикацию «Очерков <...>» В.С.Соловьева (текст «предупреждения» см.: п. 190, прим. 7).

³ Искаженная цитата из стихотворения А.С.Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836), У Пушкина: «...по всей Руси великой...».

⁴ См. п. 185, прим. 1.

⁵ О журнале «Русское обозрение» см. п. 184, прим. 8.

⁶ Журнал «Вопросы философии и психологии» был основан членами Психологического общества, созданного при Московском университете в 1885 г. Начало издательской деятельности общества положили изданные в 1888 г. отдельным изданием речи, произнесенные на публичном заседании памяти А.Шопенгауэра. Журнал начал выходить с конца 1889 года. Инициатором, основателем (вместе с А.А.Абрикосовым) и редактором его в первые шесть лет был Н.Я.Грот.

⁷ В этой статье, которой открывался журнал «Вопросы философии и психологии» (1889. Кн. I), В.С.Соловьев сформулировал основы своей эстетики. Фету он писал (в недатированном письме): «Определяю красоту с отрицательного конца как *чистую бесполезность*, а с положительного как *духовную телесность*» (*Письма Соловьева*. Т. III. С. 121). Попытка В.В.Розанова полемизировать со статьей Соловьева не нашла поддержки у Страхова (см.: *Розанов*. С. 147–148).

⁸ Очевидно, этот замысел реализовался в статье «О законе сохранения энергии» (ВФП. 1891 № 6).

⁹ VIII съезд Общества естествоиспытателей и врачей проходил в Петербурге с 28 декабря 1889 г. по 7 января 1890 г. Вопрос о полемике по поводу книги Н.Я.Данилевского «Дарвинизм» был затронут лишь на последнем его заседании (см. п. 189).

¹⁰ «Гамлет» — «увертюра-фантазия» П.И.Чайковского на темы трагедии Шекспира (1888) «Садко» — «симфоническая картина» Н.А.Римского-Корсакова, одно из ранних произведений композитора.

¹¹ Семья Д.И.Стахеева.

¹² «Анна и Мартын» — поэма Я.П.Полонского. Окончена 10 декабря 1888 г.; 15 декабря автор читал ее Страхову и получил его одобрение, причем Страхов предложил дать поэме другое заглавие — «Анна Галдина». После года тщетных попыток напечатать поэму в одном из толстых журналов Полонский включил ее (под названием, которое предложил Страхов) в свой стихотворный сборник «Вечерний звон» (СПб., 1890). Подробнее изложение замысла поэмы, а также сведения о знакомстве с ней Страхова и попытках автора ее напечатать см. наст том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 52, 62, 65, 119.

¹³ Страхов посетил Воробьевку в июле 1890 г. (см. п. 192, прим. 6).

188. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 22 декабря 1889 г.

Сейчас только получил, дорогой Афанасий Афанасьевич, корректуры Ваших «Воспоминаний» для «Русского обозрения»¹ и сейчас же прочитал с большим вниманием и с немалым удовольствием. Ну что ж! Это большею частью сырой материал, но очень любопытный, и если много остается неясного за давностию времени, то приходится с этим помириться. А как любопытно все, что относится к ссоре Тургенева с Толстым и Толстого с Вами²! Все кончилось, как следует, но я понимаю, что Толстой, получивший оскорбление, не мог сейчас же удовольствоваться извинением. Не прибавите ли Вы для ясности две строки, что Толстой в 1880 сам написал Тургеневу, что нужно забыть прошлое³.

Интересны также отзывы В.П.Боткина о Толстом⁴. Да и мало ли другого любопытного. Например, смерть Н.Н.Толстого⁵! Перемену хочу предложить Вам только одну — выпустить несколько строк на 35-й гранке, именно, начиная со слов «заглянувши в этом году» и пр. и кончая словами: «оставили в трактире за долг»⁶. Ведь Вы нигде не говорите о безобразиях и распутстве, которого немало, конечно, попадалось Вам на жизненном пути; между тем у Григорьева живы два сына, один в Москве, другой в Петербурге⁷. Зачем их огорчать? Дружинин, В.П.Боткин, Н.Н.Толстой умерли, как я слышал, от жестоких излишеств, которым предавались; но все это было шито и крыто, а Ап.Григорьев с свойственною ему прямою не скрывал своих безобразий. За что карать его преждевременно? Если писать об этих безобразиях, то нужно уж взять полную картину и его умственных блужданий и порывов, и тогда выйдет картина не с одними тенями, а и с светлыми пятнами и яркими проблесками.

Мне все нездоровится, и невесело я встречаю праздники. От души желаю, чтобы Вы их встретили лучше.

Ваш душевно

Н.Страхов

1889. 22 дек<абр>. СПб.

¹ О публикации в «Русском обозрении» продолжения воспоминаний Фета см. п. 185, прим. 2.

² О ссоре Тургенева с Толстым, которая произошла в имении Фета Степановка 27 мая 1861 г., см. *МВ I*. С. 370–374.

³ Толстой действительно написал Тургеневу примирительное письмо, но не в 1880, а 6 (18) апреля 1878 г. (*Толстой ПСС*. Т. 62. С. 406–407). Тургенев ответил ему 8 (20) мая того же года: «Душевно радуюсь прекращению возникших между нами недоразумений» (*Тургенев I*. Письма. Т. XII. Кн. I. С. 323). Фет не воспользовался советом Страхова.

⁴ По-видимому, имеется в виду письмо В.П.Боткина от 9 июля н.ст. 1861 г., написанное по поводу ссоры Тургенева с Толстым: «...в сущности у Толстого страстно любящая душа, и он хотел бы любить Тургенева со всею горячностью, но к несчастью, его порывчатое чувство встречает одно кроткое, добродушное равнодушие. С этим он никак не может помириться. А потом, к несчастью, ум его находится в каком-то хаосе представлений, т.е. я хочу сказать, что в нем еще не выработалось определенного воззрения на жизнь и дела мира сего. От этого так меняются его убеждения, так падок он на крайности. В душе его кипит ненасыщаемая жажда < > что вчера насытило его, нынче разбивается его анализом. <...> А не имея под ногами какой-нибудь твердой почвы, невозможно писать» (*МВ I*. С. 378).

⁵ Подразумевается письмо Толстого от 17 октября 1860 г. — рассказ о смерти его брата Николая (ум. 20 сентября н.ст. в Гиере) и размышления о жизни и смерти (см. *МВ I*. С. 350–351).

⁶ О компрометирующем память Ап.А.Григорьева эпизоде см. в п. 189, прим. 3.

⁷ Сыновья А.А.Григорьева Петр (1850 — середина 1890-х) и Федор.

189. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 24 января 1890 г.

Очень живо я представил себе, дорогой Афанасий Афанасьевич, как Аполлон Григорьев декламировал (может быть и очень нетрезвый):

«Я для себя хочу лишь воли!»¹

Но ведь разные бывают люди. Он был отчасти актер, как все почти писатели; он любил иногда ломаться и выступать

Космополигом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнуть иной².

А очень часто он щеголял цинизмом, и к этому щегольству принадлежит и восклицание

Я для себя хочу лишь воли!

Одного только я не замечал у него — *мелочности и злобности*, и, должно быть, поэтому, несмотря на все его безобразия, я ни на минуту не чувствовал его противным. Есть ведь люди, которые в точном смысле *для себя хотят лишь воли*, но никому об этом не говорят, хотя руководятся этим правилом всю жизнь. В нем было что-то совершенно другое.

Насчет отцовской шубы, которую он пропил, я уже слышал рассказ от Я.П.Полонского³; к этому я мог бы прибавить, что он у меня пропил несколько книг. Но разве же этим определяется человек? Мне очень досадно, что ни Я.П.Полонский, ни Вы ничего не хотите сказать об его душе, об его энтузиазме, об его уме, а вспоминаете о чужой пропитой им шубе. Никогда я не встречал человека, который до такой степени увлекался искусством, как Григорьев. Молодые люди, которых всегда было много вокруг него, ужасно его любили: он их согревал своею восторженностью, он был неистощим в мыслях и речах, и подымался до всяких высот и круч.

Но не будем спорить; может быть, в Воробьевке нам удастся лучше переговорить об этом.

Что Вы скажете о «Русском обозрении» и почему там нет ни одного Вашего стихотворения? Мне книжка показалась каким-то продолжением неизвестно чего. Хуже всего статья *Гартмана*⁴ — педантство и пустословие. Лучше всего статья *Стеда*⁵, да очень трогательны стихи К.Р. Этакое простодушие и теплота! А как стихи — неловко и шатко, и не ново⁶.

Послал я Вам книгу Н.Я.Данилевского, — прочтите о *нигилизме*⁷.

Здесь был съезд Натуралистов; я пошел на последнее заседание, когда последнюю речь читал *Тимирязев* — «Факторы органического развития». Оказалось, что он делает уступку, видоизменяет чистую теорию Дарвина. Разумеется, он сам это очень смутно сознает и ссылается не на Данилевского, а на Спенсера; но в существе дела — все-таки уступка, и если хорошенько посмотреть, то от теории ничего не останется⁸. Однако, трудно дела идут! И победа выходит каким-то поражением. Так, я помню, покойный Ценковский пренебрежительно отзывался о *метаморфозе растений* Гете⁹. Чудаки эти ученые! И добро бы владели какою-нибудь строгою методою, — нет, гордятся, а сами истинно лапти плетут.

Простите меня! Желаю Вам от души и здоровья и всякого благополучия. Марье Петровне мое почтение, а Катерине Владимировне всегдашняя благодарность — приятно думать, что скоро увижу опять ее почерк.

Ваш искренно преданный Н.Страхов

1890. 24 янв<аря>. СПб.

P.S. Здоровье мое не ахти какое.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Страхов повторяет рассказанный в утраченном письме Фета эпизод, характеризующий эгоцентризм Ал.А. Григорьева и его распушенность. Григорьев перефразировал стих из поэмы Пушкина «Цыганы»: «Ты для себя лишь хочешь воли» (слова старого цыгана, обращенные к Алеко).

² Измененная цитата из «Евгения Онегина». У Пушкина: «Иль маской щегольнуть иной...» (гл. 8, VIII).

³ В незавершенном черновике письма к Фету (ноябрь 1889 г.) Я.П. Полонский вспоминал об этом поступке Ал.А. Григорьева по отношению к отцу: «...помнишь рассказ, как он нашел его в постели умирающим — снял тулуп (или что-то вроде тулупа), которым он прикрывался, продал его, а деньги пропил» (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 93, черновик). Фет включил этот эпизод в свои воспоминания (см. п. 188), однако, по совету Страхова, вычеркнул его из корректуры. Эпизод этот воспроизведен только со слов Полонского, других подтверждений ему найти не удалось.

⁴ В № 1 нового журнала «Русское обозрение» была напечатана статья немецкого философа Эдуарда фон Гартмана «Пессимизм и педагогика» (перевод В.С. Соловьева).

⁵ В первом номере «Русского обозрения» было помещено «Письмо из Лондона» Уильяма Стэда (Stead; 1849–1912), английского писателя, социолога и общественного деятеля, главного редактора журнала «Pall Mall Gazette», автора книги «The Truth about Russia» («Правда о России», 1888). В своем «Письме» Стэд комментировал последние события (эпидемия инфлуэнцы, выкуп железных дорог государством, введение электричества и др.). Страхова могла привлечь в нем характеристика консула Джонстона — «дарвиниста, русофила и германофоба».

⁶ Первый номер «Русского обозрения» открывался двумя стихотворениями К.Р.: «Любовью ль сердце разгорится...» и «Осень» («Как пленительно тихо в отцветших полях!...»). «Не ново» — очевидный намек на подражание автора поэтической манере Фета.

⁷ Речь идет о книге: Данилевский Н.Я. Сборник политических и экономических статей. (Издание Н.Страхова. СПб., 1890). В первом разделе Страхов собрал все, что было написано Данилевским по политическим вопросам («Россия и франко-германская война», «Война за Балгарию», «Горе победителям!», «Несколько слов по поводу конституционных возможностей нашей "либеральной прессы"» и др.), во втором разделе были напечатаны разные статьи — по финансовым вопросам, рыболовству, борьбе с филлоксерой. Книга сопровождалась библиографическим списком сочинений и переводов Данилевского. В первый раздел была включена и статья Данилевского «Происхождение нашего нигилизма» (1884), с приложением статьи «Г. Владимир Соловьев о православии и католицизме» (1885). Отклик Фета на эту книгу неизвестен.

⁸ О съезде см. п. 187, прим. 9. О полемике Страхова с К.А. Тимирязевым см. п. 147 (прим. 4, 5), 179 (прим. 4, 5), 183 (прим. 6), 185 (прим. 1).

⁹ И.В. Гете много занимался естественнонаучными проблемами и посвятил им немало работ. В труде «Метаморфоза растений» (1790) он, следуя своей излюбленной мысли о существовании протеноменов как в животном, так и в растительном мире, уподоблял всякое растение листу с его изменчивыми функциями. Лев Семенович *Ценковский* (1822–1887) — ботаник, член-корресп. Имп. Академии наук (с 1881), проф. Петербургского ун-та.

190. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 16 февраля 1890 г.

Отчего же, дорогой Афанасий Афанасьевич, Вы не зовете меня с собой в Афины¹? Это меня ужасно беспокоит. Ведь если Вы побываете там, а я их не увижу, то меня замучит зависть и я могу умереть раньше срока. Что бы могло помешать этому, т.е. тому, чтобы нам ехать вместе? Мне представляются разные соображения, например, что мы можем жестоко поссориться из-за того, что я захочу гулять пешком, а Вы ездить в коляске, что мне захочется оставаться на месте, а Вам ехать дальше, и т.д. Но нельзя ли предварительно заключить договор, подробно установить условия и выговорить все пункты, [когда] в силу коих мы можем мирно и любезно разойтись на любой точке нашего пути?

Прошу Вашего внимания к этим моим мыслям. Прибавьте, что я чувствую себя все здоровее и здоровее, и надеюсь никак не заболеть на дороге. Впрочем, Вы

затеваете что-то безмерно длинное, а моя цель собственно Афины. Тогда я уже не буду твердить с грустью

Мне не сойти в Пирее с корабля²!

Простите, что не скоро отвечал Вам. Только сегодня снес большую работу в министерство³, и вот принялся писать к вам. Увы! Хотя я и не болею, но с каждым годом все дольше *копаюсь* с каждой работой. Книга, которую Вы получили⁴, должна бы, по-настоящему, выйти в начале октября, а теперь уже следовало бы издать другую, а она еще сидит на десятом месте. Это — второе издание второй книжки «Борьбы с Западом»⁵.

Теперь у нас после замолкающей болтовни о «Сонате Крейцера»⁶, только и речей, что о Соловьеве. Думаю, что он доволен, наделавши треску гораздо больше, чем сам ожидал⁷. Уже месяц или полтора, как я его не видал; патриоты его ошибали и освистали и теперь все бранят, конечно, не без основания. К кому он пристал? На кого он работает? Нужна неутолимая жажда шума, чтобы не видеть, что, затеявши поход против «народного самочувствия» и соединившись для этого с Стасюлевичем, Пыпиным и Спасовичем⁸, он только подливает масла в огонь, так точно, как, порицая православие, он [только] содействует не соединению церквей, а пушечному ожесточению их друг против друга⁹.

Лев Николаевич — удивительный человек и писатель. Он субъективен до последней крайности, и то, чем он сам полон — предписывает [всем] и приписывает всем¹⁰. Но какая сила! И какая объективность неотразимая! А отчего? Да оттого же самого; он не сочиняет, а душу свою отдает читателям. Кто другой может так писать? Сегодня я истинно утешился мыслью, что цензура и разные его противники делают, очевидно, все возможное для того, чтобы придать особенный вес и занимательность каждому его произведению. А как смешно говорят! «Помилуйте, он проповедует прекращение рода человеческого!»¹¹. — Да не бойтесь, говорю я, не прекратится. «Нет, это опасно; есть у нас *бракоборы* — это как раз им на руку».

Майков и Полонский здравствуют, к моему утешению, и продолжают очень хорошо писать. Полонский написал «Кассандру» отличными стихами¹², а Майков — «Поэта»¹³; давно мне так не нравились его стихи, как эти.

Сожитель мой здоров, и 1 марта в «Русском» вестнике» явится начало его повести «Отшельник»¹⁴. Что-то Вы скажете? Вам от него усердный поклон.

От души желаю Вам здоровья. Марье Петровне сердечное почтение и Катерине Владимировне всякие благожелания.

Ваш душевно

Н.Страхов

1890. 16 февр<аля>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Поездка Фета в Афины не состоялась.

² Вторая строка из стихотворения Н.Ф.Щербины «Путешествие в Грецию» («В слезах любви на жребий свой ропщу...», 1853).

³ Какую «большую работу», видимо, предназначенную для «Журнала Мин-ва нар просвещения», представил Страхов в Министерство 15 февраля 1890 г., неизвестно. Этой датой помечена только одна его статья — рецензия на двухтомный труд Д.Ф.Щеглова «История социальных систем от древности до наших дней» (СПб., 1889–1890). Однако эта рецензия была опубликована не в ЖМНП, а в «Русском вестнике» (1890. № 5).

⁴ См. п. 189, прим. 7.

⁵ Страхов готовил к печати второе, дополненное издание сборника своих статей «Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки». Книга II (СПб., 1890). В это издание вошли полемические статьи Страхова, написанные в защиту книг Н.Я.Данилевского «Россия и Европа» и «Дарвинизм». Об этой полемике см. п. 140 (прим. 5), п. 156 (прим. 1 и 5).

п. 162 (прим. 4), п. 175 (прим. 5), п. 179 (прим. 4, 5), п. 185 (прим. 1), п. 197 (прим. 2 и 3). О реакции Фета на книгу Страхова см. п. 193.

⁶ О чтении литографированных копий «Крейцеровой сонаты» в Петербурге и о страстных дебатах по поводу этой повести см. в наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 75.

⁷ Страхов имеет в виду распоряжение министра внутренних дел от 15 декабря 1889 года, которым открывался январский выпуск «Вестника Европы» за 1890 год: «Принимая в соображение, что журнал *Вестник Европы* в целом ряде статей относится не иначе как с осуждением к важнейшим мероприятиям Правительства, а статьи В.Соловьева: “Очерки из истории русского сознания”, появившиеся на страницах этого издания, раздражительною критикой, направленною против русской Церкви и Государства в историческом их развитии внушают ложные о них представления и колеблют уважение к основам их, и вообще к принципу русской национальности, Министр Внутренних Дел, на основании статьи 144 Уст. Ценз. Св. Зак. т. XIV (изд. 1886 г.) и согласно заключению Совета Главного управления по делам печати, *определил*: объявить этому журналу *первое* предупреждение, в лице издателя-редактора, действительного статского советника Михаила Стасюлевича». Несмотря на это «предупреждение» сотрудничество Соловьева в «Вестнике Европы» продолжалось, а его «Очерки...» (ВЕ. 1889. № 5, 6, 11 и 12), заслужившие столь суровую оценку, вошли (под общим заглавием «Славянофильство и его вырождение», без указания места первой публикации) во второй том сборника статей Соловьева «Национальный вопрос в России» (СПб., 1891).

⁸ А.Н.Пыпин и В.Д.Спасович, занимавшие твердые антиславянофильские позиции, неоднократно выступали на страницах «Вестника Европы». Страхов обвинял Соловьева в солидарности с ними, повторяя упрек, высказанный им в письме к Толстому от 6 ноября 1889 г.: «...он опирается на мнения *Пыпина*, пишет, что стал его продолжателем» (ТС. Т. II. С. 810). В обоих случаях подразумевается следующее заявление Соловьева, сделанное в VII главе его «Очерков из истории русского сознания»: «В предыдущих статьях (май и июнь) я считал излишним подробно излагать и разбирать славянофильские мнения, имея в виду критику славянофильства в известном труде А.Н.Пыпина (“Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов”), с оценками и замечаниями которого я в большинстве случаев совершенно согласен» (ВЕ. 1889. № 11. С. 363, примечание; то же: Соловьев В. Национальный вопрос в России. Вып. 2. СПб., 1891. С. 47. Здесь «Очерки <...>» напечатаны под измененным заглавием: «Славянофильство и его вырождение»).

⁹ Страхов имеет в виду выпады Соловьева против православной церкви в ряде его статей и его излюбленную идею о соединении церквей (см. примеч. 7 к настоящему письму).

¹⁰ Ср. суждение Страхова о субъективности Толстого: «Всего неправильнее именно отрицательная сторона, резкое, решительное отвержение того, что вне круга Вашей мысли и Вашего чувства. *Кто не с нами, тот против нас <...>*» (ТС. Т. II. С. 820).

¹¹ Возможно, что в утраченном письме, на которое отвечает Страхов, Фет прислал ему стихотворение «Чужа внушенный другими ответ...» (дата: «30 января 1890»), которое сам автор рассматривал как возражение «на протест и вражду, объявленную Толстым взаимному влечению полов в его “Крейцеровой сонате”» (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 105). Возможно также, что именно в связи с этим стихотворением Страхов сообщил Фету

«ВЛАД.С.СОЛОВЬЕВ, НАШ РУССКИЙ
ДОМОРОЩЕННЫЙ ФИЛОСОФ ИЗ ФИЛОСОФОВ»

Карикатура М.М.Далькевича

«Осколки». 1891. № 31. 3 августа

анекдотическое суждение некоторых читателей «Крейцеровой сонаты» (подобное мнение высказала ему А.А.Толстая — см.: *ТС* Т. II. С. 814).

¹² Поэма Я.П.Полонского «Кассандра» (окончена 12 февраля 1890 г.; опубли.: *РВ*. 1890. № 4).

¹³ Очевидно, имеется в виду стихотворение А.Н.Майкова «Мы выросли в суровой школе...» (*РВ*. 1890. № 3), посвященное судьбе поэта, бросающего перчатку «веку Астарты и Ваала».

¹⁴ Повесть Дм.И.Стахеева, о которой говорит Страхов, была опубликована под названием «Пустынник» (с подзаголовком «Повесть о книгах и книжниках») (*РВ*. 1890. № 3 и 4). Прототипом главного героя повести был Страхов. Одна из характерных черт героя состояла в том, что «он отличался необыкновенной осторожностью в своих суждениях и отзывах обо всем, даже о предметах и событиях хорошо ему известных...» (*РВ*. 1890. № 3. С. 115).

191. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 30 марта 1890 г.

«Кислятина во всех отношениях», — так нередко называл я себя в этот месяц, дорогой Афанасий Афанасьевич! Угрозила меня нелегкая поехать смотреть «Христа перед Пилатом» Гэ¹ и понадеялся я на свою шубу, но вернулся очень огорченный картиной и простуженный жестоким ветром. Картина сочинена превосходно: нельзя забыть этих фигур, их поз и яркой выразительности. Но этот талант затоптан в грязь; это не написано, а наляпано, притом без знания анатомии, без самого элементарного умения изображать человеческие фигуры. В портрете Екатерины, стоящем в Публичной библиотеке², — помните?

Одежда белая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главе корона,
Сиял при персях пояс злат;
Из черно-огненна виссона
Подобный радуге наряд
С плеча десного половою
Висел на левую бедру —³

всегда я дивился, что, несмотря на крайнюю ширину и пышность платья, фигура всего тела чувствуется совершенно ясно. А у Ге не разберешь, откуда выросла эта рука, и тела у Христа вовсе нет. О, какое нестерпимое безобразие! Срам!

Между тем, мне пришлось гнать и в хвост и в голову печатание 2-го издания 2-ой книжки «Борьбы с Западом»⁴. И не успел! Вчера не удалось сдать в цензуру, — теперь это можно сделать только через неделю. Сколько раз собирался писать Вам, а корректуры наплывут и оторвут меня от письма. Особенно виноват, что не заявил Вам восторга от стихов — я всегда живо чувствую Ваш полет, даже когда не понимаю смысла этих бесподобно-певучих строчек. «*Quasi una fantasia*», впрочем, прозрачно, как кристалл⁵; остальные два стихотворения не довольно ясны⁶. Ох! Если бы у Вас была ясность, Вы покорили бы мир! Читали ли Вы, что об Вас написал Бауэр? Это выписано вчера в «Новом времени»⁷. Много очень верно, тогда как об А.Толстом и Ап.Майкове — беспутная болтовня и вранье. Вот — там пекут книги не по-нашему, и как горячо подают! Но отзыв об Вас удивил меня — тут есть вполне осмысленные и верные похвалы. Булгаков — бестолковый и несведущий человек, так что по его статье нельзя разобрать, что такое Бауэр и его книга⁸.

Ну что же? Вы все-таки не берете меня с собой в Афины⁹? Вы что-то отмалчиваетесь. Во всяком случае, с радостью думаю об Воробьевке; два лета, проведенные мною в Петербурге, научили меня ценить повыше курский климат и избегать ингерманландского болота¹⁰. Полонского давно не видал, но, разумеется, буду очень радоваться такому милому человеку. Тайное горе, и горе жестокое — вот

что открыла «Крейцерову сонату», вот в чем ее громадный, неслыханный успех, далеко превосходящий ее художественные достоинства¹¹. Поверьте, что это самая сильная струна в человеческих сердцах, и кто в нее ударит, всегда найдет отклик. Но Вы отворачиваетесь от страданий и хотите быть язычником. Что же? Я готов идти за Вами, лишь бы только Вы меня не обижали и позволили бы потом вернуться из гостей домой.

Когда же я напишу свою статью об Л.Н.Толстом? Сколько лет я ее обдумываю, но нет подходящего повода; может быть, цензура разрешит наконец напечатать «Сонату» и тогда будет кстати¹².

Итак, надеюсь, что Вы простите меня по Вашей доброте. Хотя я и поправился, и недели две, как выхожу, а все еще полного здоровья нет.

От всей души желаю Вам и здоровья и всякого добра. Марье Петровне усердное почтение и Катерине Владимировне неизменная благодарность.

Ваш душевно

Н.Страхов

P.S. «Русское обозрение» я мало читаю; однако нахожу его очень интересным, лучше «Русского вестника». А статья Вогюэ плоха¹³; неужели нельзя было о французских делах сказать яснее и живее?

1890. 30 марта. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Картина Н.Н.Ге «Христос перед лицом Пилата» (позднейшее название «Что есть истина?») 11 февраля 1890 г. была выставлена на XVIII выставке передвижников в Петербурге, но через несколько дней снята по требованию Синода. После этого Ге перевез картину в Ясную Поляну. Толстой принял живое участие в судьбе картины, убеждая приобрести ее для галереи Третьякова, затем он содействовал показу картины в Америке. См. также наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 114, прим. 4.

² Речь идет о портрете Екатерины II (1783) работы Д.Г.Левицкого.

³ Цитата из стихотворения Г.Р.Державина «Видение мурзы» (1791).

⁴ См. об этом издании п. 190, прим. 5.

⁵ Стихотворение «*Quasi una fantasia*» («Сновиденье / Пробуждение...») было послано Страхову во второй его редакции, после доработки по замечаниям Я.П.Полонского (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 102 и 103). Оpubл.: Нива. 1890. № 13. 31 марта; без даты; затем: *ВО* 4, с датой: «31 декабря 1889. Москва».

⁶ Очевидно, «неясными» показались Страхову стихи («Где, среди иного поколенья...» и «Пора! по влаге кругосветной...») (опубл.: «Нива». 1890. № 30. 28 июля; без даты, под общим, ошибочным, заглавием: «Гр. С.А.Толстой»). В действительности стихи обращены к двум разным лицам: первое — к вдове А.К.Толстого, второе — к жене Л.Н.Толстого. Фет исправил эту ошибку в *ВО* 4, где первое стихотворение озаглавлено «Графине С.А.Толстой (Алексей)» (с датой: «24 декабря 1889. Москва»), а второе напечатано под заглавием «Графине С.А.Т-ой (во время моего 50-летнего юбилея)» (с датой: «19 февраля 1889. Москва»). Подробнее см.: *ВО* 1979. С. 741 и 749. См. также: наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 102–103 и наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 61.

⁷ Имеется в виду статья Ф.И.Булгакова «Немецкая критика русской литературы» (*НВ*. 1890. 29 марта. № 5058), посвященная разбору книги немецкого критика Э.Бауэра «Натурализм, нигилизм, идеализм в русской литературе». Бауэр писал, что «в России нет такого течения, которое могло бы считать Фета “своим” <...>. Лавры его достались ему труднее, чем многим другим. Он тем более может гордиться своим успехом, что он добился его, не поступаясь своими убеждениями ради вкусов времени». По поводу этого суждения Бауэра Фет писал 31 марта А.В.Олсуфьеву, который прислал ему статью Булгакова: «Единственное, что нахожу неоспоримым в статье Бауэра, это то, что я стараюсь не принадлежать, и не принадлежу, ни к какой партии — литературной или политической — и не считаю всеобщего расслабления за прогресс, и уверен, что государственные и народные основы могут держаться только там, где, как в Китае, их шатать воспрещается. Не менее справедливо и то, что я никогда не добивался популярности» (Фет *СПП* С. 411; Олсуфьев 51. С. 261).

⁸ Федор Ильич *Булгаков* (1852–1908) — сотрудник «Нового времени», историк литературы, художественный критик, выступавший по самым разным вопросам текущей литературно-общественной жизни.

⁹ См. п. 190, прим. 1.

¹⁰ Ингерманландия (от шведск. *Ingermanland*), одно из названий Ижорской земли — территории по берегам Невы; зд.: петербургский климат, Петербург.

¹¹ Очевидно, в утраченном письме, на которое отвечает Страхов, Фет резко отзывался о «Крейцеровой сонате».

¹² Статья «Толки об Л.Н.Толстом» была написана в марте 1891 г. и опубликована в сентябре (*ВФП*, 1891, № 9).

¹³ Речь идет о статье Мельхиора де Вогюз «Письма о современном положении Франции» (*РО* 1890. № 3). В 1891 г. Страхов сочувственно процитировал то место из нее, где говорилось о возрождении идеализма и возрастающем интересе к религиозным вопросам во Франции, а также о роли в этом процесс русской литературы, в частности, романа Толстого «Война и мир» («Толки об Л.Н.Толстом». Цит. по кн.: Страхов Н. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 178–179).

192. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 22 апреля 1890 г.

Средь веревок, натянутых туго —

или

*И стали видны содроганья
Струи бегущей подо льдом.*

Такие стихи — алмазы поэзии, и только Вы их можете создавать, дорогой Афанасий Афанасьевич. Но стих

И мне зарей раскроет влага²

кажется не ясен. *Зарей* очень звучно, но не точно — купаться можно во все часы дня. Впрочем, я вовсе не хочу вдаваться в разбор; я только мимоходом хочу выразить свое восхищение и удивление. Нет, Вы вечно юны! Что касается до Вашего язычества, то нечего с Вами делать³; скажите только спасибо народу и государству, которые дают нам возможность предаваться нашим фантазиям. В Афинах нас бы заставили участвовать в общественных делах, и кой-кого, пожалуй, попотчевали бы цикутой. Кто ж виноват, что Греция так скоро отцвела, а Рим хоть и долго держался, но наконец развалился? Они же сами виноваты. Новая жизнь, влитая христианством, оказывается гораздо более крепкою.

Соловьев, конечно, очень мил, как мил ребенок, который нашалил и потом ласкается⁴. Но ведь он действительно шалит, действительно играет очень серьезными вещами. При всей его удивительной даровитости, я не нахожу у него одного — настоящего убеждения, настоящей серьезной мысли. Когда пишет Лев Николаевич, то, что бы он ни писал, Вы чувствуете его душу — и это всегда интересно, и есть одно интересное в писаниях. В «Крейцеровой сонате» разве не прямо кровь его сердца? Когда же пишет Соловьев, то это — игра ума, именно *игра*, потому что настоящей умственной работы нет никакой. Конечно, я буду очень рад быть с ним⁵. Понемногу я утешаюсь тем, что его задиранья только нарушают нашу спячку и потому полезны.

Мне все нездоровится — горло. Думаю, что придется ехать в Эмс; но, так или иначе, а Воробьевки не миную. Стихами Вашими я готов заниматься сколько угодно, но не иначе как при Вас, и не сделаем ли мы этого летом⁶?

От души желаю Вам всякого процветания. Марье Петровне усердное почтение и Катерине Владимировне искренняя благодарность.

Ваш

Н.Страхов

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Вторая строка стихотворения Фета «На качелях» («И опять в полусвете ночном...»). 31 марта Фет послал это стихотворение Я.П.Полонскому, который посоветовал дать ему заглавие — «На качелях» (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 115 и 116). 26 апреля Фет послал его вел. князю Константину Константиновичу уже под этим заглавием (см. наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 114). Опубл.: Моск. иллюстр. газета. 1890. № 1. 8 апреля (без заглавия); затем: *ВО* 4 (под заглавием «На качелях», с датой: «26 марта 1890. Москва»).

² Речь идет о стихотворении Фета «Была пора, и лед потока...». 26 апреля Фет послал его вел. кн. Константину Константиновичу (см. наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 114). Опубл.: *ВО* 4 (с датой: «1 апреля. 1890. Москва»). Предпоследнюю строку, на которую указал Страхов, Фет не переделал.

³ Вопрос о «язычестве» Фета, т.е. о его неприятии того пути религиозно-нравственных исканий, по которому шел Толстой, постоянно присутствует в письмах Страхова. Однако благожелательно-снисходительный тон, которого до сих пор придерживался Страхов, порицая «язычество» своего корреспондента, вскоре изменился категорическим неприятием и его мировоззрения, и его жизненной позиции (см. п. 195, прим. 9).

⁴ Poleмика между В.С.Соловьевым и Страховым по поводу теории Н.Я.Данилевского, начавшаяся еще в 1888 г., привела к охлаждению в их отношениях, причиной которого была крайняя резкость полемических выпадов Соловьева. По-видимому, Соловьев стремился загладить свою бестактность, однако дальнейшая полемика привела их к еще большему отчуждению (см. п. 197, прим. 4).

⁵ Очевидно, в утраченном письме, на которое отвечает Страхов, Фет приглашал его приехать в Воробьевку в то время, когда там будет находиться Соловьев. Однако оба посетили Фета в разное время, но дважды встретились в Москве — в июне и в августе (см. п. 194 и 195).

⁶ Страхов приехал в Воробьевку 14 июля 1890 г. (см. п. 193, прим. 3) и пробыл там до 7 августа (см. наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 127 и 129). 8 августа Фет сообщал вел. кн. Константину Константиновичу: «Несмотря на обуявшую Страхова лень, я принудил его рассмотреть пятьдесят моих стихотворений, предназначенных в 4-й выпуск «Вечерних огней»» (там же, п. 129). В том же письме Фет указал на некоторые изменения, которые он внес в свои стихотворения по рекомендации Страхова.

193. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 5 июня 1890 г.

Еду, еду, наконец, дорогой Афанасий Афанасьевич, хотя мне это и странно, и, если бы не понукания милых людей, подобные Вашим, то я остался бы, по обыкновению, сидеть в доме Стерлигова и надоедать своим знакомым лишь на самое короткое, совершенно простительное время.

Сперва остановлюсь дни на два в Москве, причем испробую новый кофейник на Плющихе¹ и повидаясь кой с кем в «Музеях»².

Потом застряну в Ясной³. Татьяна Андреевна пишет, что «Льву Николаевичу лучше, но он все еще очень слаб»⁴. Какая жалость! Душевно жажду его видеть.

А потом, разумеется, в Воробьевку. Я воображаю, что это будет чудесно, весело и поучительно. Когда Вы увидите с одной стороны такого негодного слушателя, как Яков Петрович⁵, а с другой, такого образцово-внимательного, как я, то Вы непременно одушевитесь, и трио выйдет восхитительное.

Тут останавливаются мои планы, и уже в Воробьевке я примусь размышлять о том, не поехать ли за границу, в Эмс⁶.

Полонский, которого я видел неделю назад, показался мне взаправду «вечно-юным» — так он свободен от всякой дряхлости. Предполагаю, что в Воробьевке он еще помолодеет и будет очень мил.

Майков процветает удивительно. Совсем другой, чем прошлое лето.

Итак, до свидания! Нет, Впрочем, я Вам, конечно, напишу еще из Ясной Поляны, да и не раз⁷.

Марье Петровне мое усердное почтение! Как я буду рад, ее увидевши! Катерине Владимировне искренняя благодарность.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

P.S. Неужели я не благодарил еще Вас за отзыв о «Борьбе с Западом»⁸? Ваши похвалы окрыляют меня. Вы ведь не всегда гладите по шерсти, а иногда и прямо напротив.

1890. 5 июня. СПб.

¹ По пути в Ясную Поляну Страхов остановился на несколько дней в Москве, в доме Фета на Плющихе, где встречался с Д.Н.Цертелевым и В.С.Соловьевым (см. п. 194).

² По-видимому, речь идет о Румянцевском музее, где служил библиотекарем философ Н.Ф.Федоров.

³ Страхов приехал в Ясную Поляну 11 июня, пробыл там до 13 июля, а затем отправился на две недели к Фету в Воробьевку; с 8 по 10 августа он вновь гостил в Ясной Поляне по пути в Москву (см. п. 194, а также: Сухотина-Толстая Т.Л. *Дневник*. М., 1987. С. 185–186).

⁴ Это письмо Т.А.Кузминской к Страхову неизвестно.

⁵ Летом 1890 г. Я.П.Полонский с семьей гостил в Воробьевке с начала июня. 8 августа Фет сообщал вел. кн. Константину Константиновичу, что Полонский уезжает «завтра», т.е. 9 августа, тогда как его жена с двумя детьми оставалась в Воробьевке до конца августа (см. наст. кн. *Переписка с К.Р.*, п. 129).

⁶ Эта поездка не состоялась. В Эмс Страхов выбрался только летом 1893 г.

⁷ Известно лишь одно письмо Страхова Фету из Ясной Поляны (п. 194).

⁸ См. п. 190, прим. 5.

194. СТРАХОВ — ФЕТУ

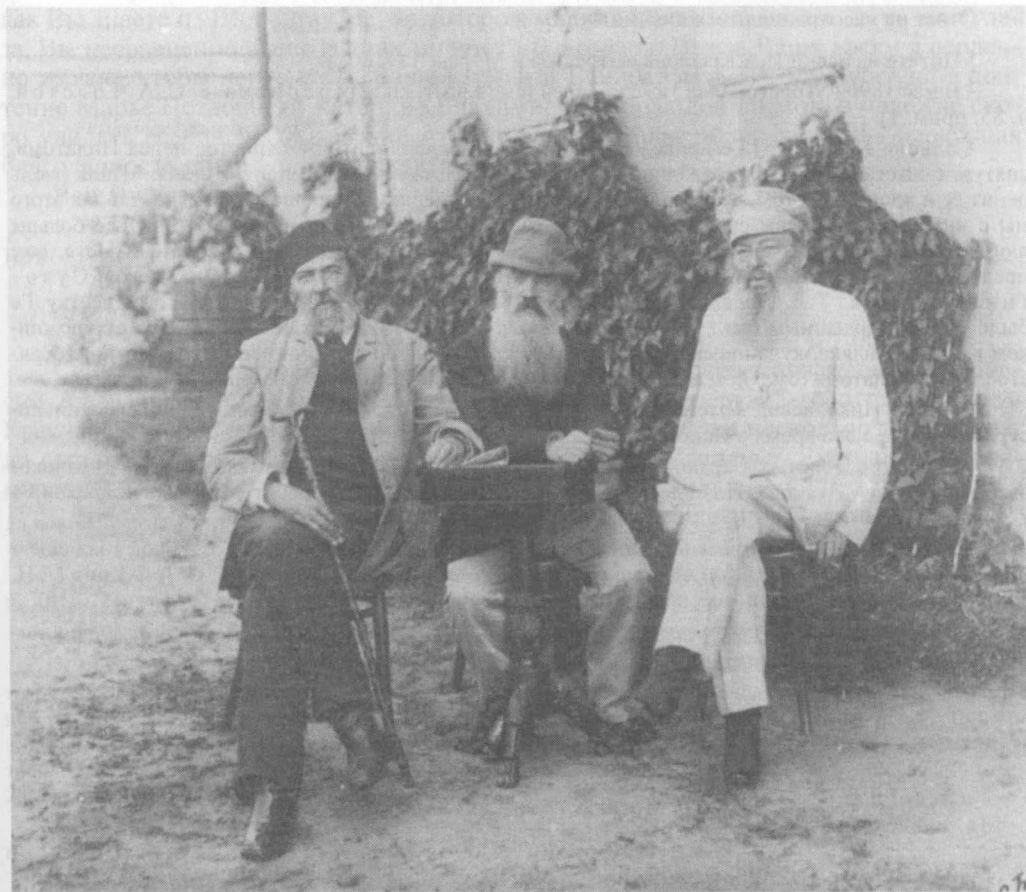
Ясная Поляна. 24 июня 1890 г.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич, что до сих пор не отвечал на милые письма — Ваше и Якова Петровича.

До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость каждый час,
Так что голову вскружило¹!

Льва Николаевича я застал очень худым и еще слабым, но здоровым; а теперь, можно сказать, он совсем поправился². Когда я приехал, гостил здесь живописец Ге³ и М.Н.Толстая⁴ и потом, *каждый день*, без исключения наезжали и уезжали новые гости, родные, знакомые, чужие, известные и вовсе неизвестные⁵. Обо всем этом надеюсь подробнее рассказать Вам в Воробьевке, о всяких разговорах, спорах и пр. Л.Н. принялся косить и сел за новую повесть, которую скрывает ото всех. Тему к этой повести дал ему Кони, рассказавши какое-то уголовное дело⁶.

Я написал бы Вам раньше, если бы скоро после приезда (11 июня) не наступила страшная жара (до 25° в тени), притом духота и гроза каждый день. Я изнемогал и не мог ничего делать. Для поправления Л.Н.-ча здесь заведен кумыс, и я его усердно пью. На опушке сада поселилась в круглой плетушке башкирская семья, муж, жена и двое маленьких детей, и готовит кумыс, который можно пить во всякий час дня.

Я.П.ПОЛОНСКИЙ, Н.Н.СТРАХОВ И А.А.ФЕТ В ВОРОБЬЕВКЕ

Фотография С.Д.Боткина, 1890, июль

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

В Москве я останавливался на два дни у Вас на Плющихе, и принимал там Цертелева и Соловьева. Владимир Сергеевич прочел мне свою статью, в которой и мне сказан большой упрек⁷, но, вообще, был очень мил и провожал меня на железную дорогу. Он почему-то застрял в Москве и будущее ему являлось в тумане; но он вздохнул и по Воробьевке, хотя не мог наверное обещать, что будет у Вас.

Здесь я пробуду еще недели две, а потом направлюсь к Вам. Здоровье мое немножко повихнулось в самый вечер приезда, но теперь, благодаря кумысу и деревенскому воздуху, выправилось совершенно и, надеюсь, больше мне не изменит, хоть бы на нынешнее лето.

Скажите Якову Петровичу мой поцелуй и объятия, и усердные поклоны его семье⁸. И ему и Вам Лев Николаевич и Софья Андреевна очень кланяются. Марье Петровне мое усердное почтение; я заранее благодарю ее за ее заботливость, в которой уверен, как в солнечном свете. Екатерине Владимировне поклон и благодарность.

От души желаю всякого процветания милой Воробьевке!

Ваш преданный

Н.Страхов

1890. 24 июня. Ясная Поляна.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Цитата из басни И.А.Крылова «Стрекоза и Муравей» (1808).

² В мае 1890 г. Толстой был тяжело болен (см. в наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 85, прим. 1).

³ В июне 1890 г. Н.Н.Ге привез в Ясную Поляну свою картину «Христос перед Пилатом», снятую с выставки по распоряжению Синода. Т.Л.Толстая писала о ней 11 июня: «Папá очень ценит ее и хлопочет о том, чтобы она была послана в Америку и хорошо принята там, и для этого мы с ним пишем многим своим знакомым в разные города Соединенных Штатов. Я ее больше люблю после того, как сжилась с ней. Раз даже, стоя с Ге перед ней и говоря о Христе, мне представилось, что он живой, и я не удивилась этому, а, глядя ему в глаза, поняла его» (Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1987. С. 185). Отношение С.А.Толстой к творчеству Ге было более сдержанным (см.: Толстая. Дневники: Т. 1. С. 155). Страхов встретился с художником в Ясной Поляне, куда приехал 11 июня 1890 г. 12 июня он вторично осмотрел картину «Христос перед Пилатом» (см.: Заметки Страхова о Толстом. С. 210). См. также п. 191 и прим. 1.

⁴ Мария Николаевна Толстая (1830–1912), сестра Толстого, принявшая монашеский постриг, гостила в это время в Ясной Поляне.

⁵ Из гостей Толстых Страхов, помимо Н.Н.Ге и М.Н.Толстой, называл в своих дневниковых записях Д.А.Дьякова, И.И.Раевского, Т.А.Кузминскую, Н.Д.Гельбинг (Заметки Страхова о Толстом. С. 210).

⁶ О сюжете будущего романа «Воскресение», подсказанном А.Ф.Кони, Страхов знал еще в июне 1889 года, когда записал: «Кроме Сонаты есть еще сюжет, слышанный от А.Ф.Кони (Л.Н.советовал ему написать, а потом просил уступить себе)» (Заметки Страхова о Толстом. С. 210).

⁷ О какой статье идет речь, установить не удалось.

⁸ Семья Я.П.Полонского гостила в это время в Воробьевке (см. п. 193, прим. 5).

195. СТРАХОВ — ФЕТУ

Москва. 13 августа 1890 г.

Скажите Жозефине Антоновне¹, дорогой Афанасий Афанасьевич, что в Понырях я перебрался в 1-й класс, в котором и спал благополучно до Ясенков. Какое утро! Все еще спали в Ясной Поляне²; на террасе я нашел следы вчерашнего ужина, лампу на столе, фуражку под столом и т.д. К несчастью, среда и четверг стояла в Ясной такая жара, какой не было и в Воробьевке. Но Лев Николаевич был истинно великолепен; он поздоровел и повеселел удивительно. И он и графиня посылают Вам и Марье Петровне большие поклоны. Хвалил я Ваш бюст³ и услышал, что Ге собирается приехать в сентябре и лепить Льва Николаевича⁴ — он де не только живописец, но и скульптор. Вечером в четверг, 9-го, пошел большой дождь, и во втором часу ночи в страшную темноту явился М.А.Стахович с Сережей⁵, который выезжал ему навстречу. А в пятницу мы большой гурьбой уехали на катки, приехали в Ясенки и сели в вагон. Графиня с Андрюшей и Мишей⁶ остались в Туле, чтобы там говеть и приобщаться, а мы трое, то есть Сережа, Стахович и я покатались в Москву.

Кончен праздник! — сказал я, прощаясь со своими спутниками, и направился на Плющиху, т.е. в уединение.

В субботу день был пасмурный, а к вечеру дождливый; температура вдруг упала до 10° и настала наконец прохлада, которой не знал я все лето. Вечером навестили меня Цертелев и Соловьев. С радостью узнал я, что Соловьев собирается к Вам, хоть не надолго⁷. Вчера мы вместе обедали с прибавкою братьев Стаховичей⁸, а сегодня я еду в богопротивный Петербург.

Не знаю, как благодарить Вас и Марью Петровну за Ваше милое гостеприимство. Чувствую, что это лето, в которое я ровно ничего не сделал, было очень полезно для моего здоровья. Мы с Вами расходимся в мнениях, но есть Standpunkt!¹,

¹ Точка зрения (нем.).

как Вы знаете из Шопенгауэра, на котором мнения ничего не значат, и, на мои глаза, Вы несравненно выше Ваших мнений⁹. Благодарю Вас за Вашу ласку и сердечно желаю, чтобы легче стало Вашей груди и Вашим глазам¹⁰. Мое усердное почтение Марье Петровне, а Катерине Владимировне большой поклон, в надежде скоро увидеть ее почерк. Жозефине Антоновне и Наталье Яковлевне¹¹ — живейшая благодарность и наилучшие пожелания.

Ваш душевно

Н.Страхов

1890. 13 авг<уста>. Москва

<Приписка В.С.Соловьева:>

Сейчас был обрадован Вашим письмом, дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич. А я все-таки еду в Воробьевку. В среду 15-го отправляюсь в Красный Рог¹² на несколько дней, а оттуда к Вам также на несколько дней. Итак, до скорого свидания. Целую руки Марье Петровне. Кланяюсь Екатерине Владимировне.

Ваш Владимир <Соловьев>

¹ Вторая жена Я.П.Полонского, Ж.А.Полонская (урожд. Рюльман), гостила в это время в Воробьевке.

² Вторым раз за лето 1890 г. Страхов приехал в Ясную Поляну 8 августа 1890 г.

³ Ж.А.Полонская была талантливым скульптором. Во время пребывания в Воробьевке летом 1890 г. она выполнила скульптурный портрет Фета (бюст) и начала работу над скульптурной группой, изображающей Фета, Майкова и Полонского (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 130 (прим. 11), 134 (прим. 5), 135 (прим. 3), 154 (прим. 13). Характеристику творчества Полонской см.: Фонакова Н.Н. Скульптор Ж.А.Полонская // *Тург. сб.* III. С. 279–293.

⁴ О скульптурном портрете Толстого работы Н.Н.Ге (бюст, бронза) см. в наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 93, прим. 4.

⁵ Михаил Александрович Стахович (1861–1923), один из многочисленной семьи орловских помещиков, друживших с Толстыми. Впоследствии основатель Общества Толстовского музея и председатель его совета. О его приезде с Сережей (сыном Толстого) в Ясную Поляну см.: Сухотина-Толстая Т.Л. *Дневник*. М., 1987. С. 186. С.Л.Толстой уехал в Москву для того, чтобы «готовиться быть земским начальником» (Там же).

⁶ С.А.Толстая с сыновьями Андреем (1877–1916) и Михаилом (1879–1944).

⁷ См. п. 197, прим. 8.

⁸ М.А.Стахович и, возможно, его брат Павел.

⁹ Эта фраза — напоминание о непримиримых спорах, которые Фет вел со Страховым во время его летнего пребывания в Воробьевке. Предметом споров было учение Толстого и нравственно-этические проблемы, с ним связанные. «Конечно Афанасий Афанасьевич продолжает ратовать против христианских начал», — пишет Страхов Толстому из Воробьевки и рассказывает: «Сейчас был у меня предлинный разговор с Фетом, и мне яснее прежнего стала удивительная уродливость его умственного настроения. Ну можно ли дожить до старости с этим исповеданием эгоизма, дворянства, распутства стихотворства и всякого другого язычества! <...> В сущности он всеми силами старается оправдать себя, то есть ту жизнь, которую вел и до сих пор ведет. Какое безобразие мыслей!» (ТС. Т. II. С. 823–824). Казалось бы приговор произнесен и спор окончен. Но Страхов тут же ищет компромисс, который позволил бы ему проявить снисходительность к своему оппоненту, и находит его: «Если бы люди не были лучше своих мыслей и действий, то от Фета нужно бы отвернуться с презрением» (Там же. С. 824).

¹⁰ Фет часто жаловался в это время на приступы удушья и стремительную потерю зрения.

¹¹ Н.Я.Полонская (в замуж. Еланич; 1870–1929) — дочь Я.П. и Ж.А.Полонских.

¹² Красный Рог — имение С.А.Толстой, вдовы А.К.Толстого, где нередко гостил В.С.Соловьев.

196. ФЕТ — СТРАХОВУ

<Воробьевка. Середина августа 1890 г.>

...я прокормил в голодный год сотни голодающих, вылечил другие сотни от сифилиса, выстроил на вечные времена больницу, водворил в разных местах порядок в крестьянском землевладении и подарил крестьянам на 16 тысяч собственной земли.

Отрывок из несохранившегося письма Фета, написанного в ответ на письмо Страхова от 13 августа 1890 г. (п. 195) Прочитрован в письме Страхова к Толстому от 22 августа 1890 г в контексте сообщения: «Фет прислал мне письмо (я писал ему из Москвы), в котором продолжает споры, начатые в Воробьевке. Очень радуюсь, что письмо толково и настойчиво» (ТС. Т. II С. 827). Печатается и датируется по этому источнику

197. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 7 сентября 1890 г.

Напрасно Вы, дорогой Афанасий Афанасьевич, нарушили скромность и похвалились передо мною Вашими добрыми делами; я и без того твердо знал, что Вы хороший человек, и говорил, и писал Вам об этом. Но я восставал против Ваших мнений и буду продолжать свое противоречие¹. Какая у Вас ярость вольнодумства и нигилизма! Вы без стыда и зазрения выставляете в самом эпиграфе лозунг софистов: *человек есть мера вещей!* Да ведь это значит, что никакой меры не существует, а что каждый может слушаться своего пупка! Однако Вы ведь хорошо знаете, чем следует хвалиться, знаете, что высшую цену имеет добро, а не что другое. Проповедь Христа, значит, и до Вас дошла, и Вы ее признали. Неправильно также хватаетесь Вы за то, что согласно с Вашим вольнодумством, и тотчас отворачиваетесь от того, что его ниспровергает. Признать 3/4 Шопенгауэра и откинуть последнюю четверть — это ведь то же, что признать посылки и отвергнуть заключение. Это женская логика, «бабьи звяки». Не оправдывает Вас и то рассуждение, что есть люди, принимающие Шопенгауэра целиком и однако не имеющие Ваших достоинств и добрых дел. Что это за доказательство? Есть превосходная пословица: *чужими грехами свят не будешь*. И наоборот, если я не могу похвалиться добродетелью, то еще не значит, что вздор та добродетель, о которой я говорю. Правда, мне тогда не годится проповедывать, да Вы меня задираете, Вы продолжаете воробьевские споры. Часто я думал, что Вы живете как раз так, как описал Шопенгауэр: «сначала человек очень занят тем, чтобы собрать средства к жизни, а когда собрал, не знает сам, что с собою делать. И в первую половину жизни мучится, и во вторую тоже». И это с Вашим умом, с Вашим удивительным талантом! Но для Вас ваш ум и талант, — только средства к удовольствию, только забава; а все, что мы делаем несерьезно, рано или поздно приводит к одному, к скуке, так что скука есть непрменный спутник так называемых развлечений. А впрочем, — Бог Вас знает! Не играй Вы Вашим поэтическим даром, пожалуй, не было бы в Ваших стихах этой волшебной эфирности?

Ну, Бог с Вами! Пожалуйста, не браните меня и верьте, что во мне говорит душевное к Вам расположение. Или нет: браните меня, сколько хотите, но не сердитесь и не думайте, что я сержусь.

Расскажу Вам историю. В Москве зашел я в контору «Р<усского> обозрения» и оставил карточку. Вечером являются на Плющиху и Цертелев и Соловьев, — и мы сладко беседуем. На другой день — все вместе обедаем в Славянском Базаре, с прибавкою Стаховичей. На третий день Соловьев заезжает и провожает меня на вокзал Николаевской дороги. Тут мы обедаем, он ставит бутылку дорогого вина — я хоть почти не пил, но за меня пил мой знакомый, который тут подвернулся.

Прощаемся, лобызаемся. Соловьев заходит в вагон, слышен звонок, еще раз прощаемся, а он и говорит: «Я Вам напишу, Н.Н.!». «А, — отвечаю, — как это мило! Пожалуйста, напишите!».

Дни через два после приезда, вдруг узнаю, что в «Р<усской> мысли» есть статья Соловьева против меня². Достал, читаю — презлющая статья! Вот Иуда! — подумал я. Еще проходит дни два, получаю письмо от Соловьева, которое начинается так: «Я хотел, но не успел сказать Вам, что в “Р<усской> мысли” явится моя статья» и пр. Он объясняет, что самые высокие соображения руководили его³. О злодей! Так вот как ты заработал деньги, на которые угощал меня! А совесть, видимо, не чиста: не хватило духа признаться в Москве⁴. *Не успел!*

Теперь я, конечно, *пылаю гневом*, т. е. обдумываю опять, как утереть ему нос⁵. Надеюсь, что это второе его нападение будет и последним⁶.

Письмо его — из Красного Рога; но я знаю, что его в Москве ждет К.Н. Леонтьев, с которым они очень сдружились и который зачем-то приехал из Оптиной⁷.

Может быть, однако, Соловьев заедет и к Вам⁸. Тогда скажите, что я его считаю лукавцем и очень распаден на его статью.

Сегодня получил письмо от Льва Николаевича⁹. У них все благополучно и он пишет, что засуха кончилась.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич! Марье Петровне усердное почтение. Полонского я до сих пор и не видал! Вот что значит Петербург!

Ваш душевно

Н.Страхов

1890. 7 сент<ября>. СПб.

Ответ на п. 196.

¹ Получив письмо Фета, Страхов писал Толстому: «Буду отвечать ему, что он, значит, понимает, чем следует хвалиться, что я, как человека, и ценю его, а что мнения его все-таки богомерзкие и приводят его к скуке и пустоте» (ТС Т. II. С. 827).

² Статья В.С.Соловьева «Мнимая борьба с Западом» — рецензия на второе издание сборника статей Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе». Кн. 2. СПб., 1890 (Русская мысль 1890. № 8; затем в кн.: Соловьев В. Национальный вопрос в России. Вып. 2. СПб., 1891).

³ 23 августа 1890 г. В.С.Соловьев писал Страхову из Красного Рога: «Я хотел и не успел перед Вашим отъездом сказать Вам о своей полемической статье, которая на этих днях должна появиться (или уже появилась) в “Русской мысли”, если только не вмешалась цензура. Хотя мне пришлось многое у Вас одобрить, а за кое-что и горячо похвалить, но в общем, конечно, Вы будете недовольны. <...> Книга Данилевского всегда была для меня ungeniessbar!^{*} <...> в прежнее время я из дружбы к Вам даже похваливал мимоходом эту книгу <...>. Но вот эта невинная книга, составлявшая прежде лишь предмет непонятной слабости Николая Николаевича Страхова, а чрез то бывшая и мне до некоторой степени любезною, — вдруг становится специальным кораном всех мерзавцев и глупцов, желающих погубить Россию и уготовить путь грядущему антихристу <...> надеюсь, Вы мне поверите на слово, что поддерживать свою позицию в этом споре есть для меня обязанность» (Письма Соловьева. Т. I. С. 59–60).

⁴ Поведение Соловьева, связанное с появлением его статьи (см. прим. 2), Страхов рассматривал как трусость и предательство. В.В.Розанов передал выразительный разговор с ним по этому поводу: «Книжка *Русской Мысли* лежала у Страхова на столике, придвинутом к чайному <...>. Беря эту книжку со статьей Соловьева, он (мне и другим) говорил: “Вот — *видите?* Книжка вышла (такого-то) числа, а следовательно *печаталась* (такого-то) числа. Вы читали? Нет? Я вам прочту только несколько выражений (унизительные, ругательные). А та-ко-го-то числа (слышите!!!) он со мной пил чай и вино на Курском вокзале, был до приторности любезен, и я, не подозревая ничего, говорил с ним если не как с другом, но и не как с врагом. О-и ни-че-го об статье не сказал, а она *пе-ча-та-лась*”. И он бросил книгу на стол. <...> Именно после этого (вот “питья на вокзале чая”) Страхов совершенно перестал выносить Соловьева, выбросил его из сознания своего...» (Розанов. С. 163).

^{*} невыносима — (нем.)

⁵ В письме от 3 сентября 1890 г. Толстой советовал Страхову оставить рецензию Соловьева без ответа (ТС. Т. II. С. 833), однако Страхов, считая, что его «объяснения очень важны» (Там же. С. 835), отвечал Соловьеву статьей «Новая выходка против книги Н.Я. Данилевского» (НВ 1890. № 5231 и 5242. 21 сентября и 2 октября; затем вошла в сб. статей Страхова «Борьба с западом в нашей литературе» Кн. 3. СПб., 1896). 20 сентября, отправив свою статью в печать, Страхов пообещал Толстому «вперед» не писать ничего подобного (ТС. Т. II. С. 835).

⁶ Оно не было последним (см. п. 199, прим. 5).

⁷ В Оптиной Пустыни К.Н. Леонтьев поселился в 1887 г., выйдя в отставку и получив значительную пенсию от правительства. Лишь перед смертью он принял тайный постриг. Отношения В.С. Соловьева с К.Н. Леонтьевым, завязавшиеся в 1878 г., к концу 1880-х годов претерпели существенную эволюцию. От увлечения личностью и творчеством Соловьева (впрочем, по-видимому, изначально Леонтьев видел в Соловьеве антагониста и в этом находил даже своеобразную привлекательность его) Леонтьев перешел к крайнему отрицанию его увлечения католицизмом, а после доклада Соловьева «Об упадке средневекового миросозерцания» (октябрь 1891 г.) Леонтьев даже высказывал пожелание, чтобы философ был выслан за границу. 27 сентября 1890 г. Соловьев писал Т.И. Филиппову: «Недавно имел удовольствие после четырехлетней разлуки свидеться с К.Н. Леонтьевым <...>. Он признавался, что из злобы на меня однажды разорвал мою фотографию; при этом он продолжает вводить меня в искушение гордости преувеличенным представлением о моих способностях и сожалением о том, что я не нахожу равносильных противников в литературе для обличения моих заблуждений» (Письма Соловьева Т. III. С. 16–17). После смерти Леонтьева Соловьев написал статью о нем для энциклопедического словаря Брокгауза-Эфрона. В письме к В.В. Розанову от 12 декабря 1890 г. Страхов, дав высокую оценку книге Леонтьева «Восток, Россия и славянство», в постскриптуме добавил «Леонтьева я давно знаю, но не описываю Вам его, чтобы не согрешить; он очень недурен был собою и великий волокита; несчастным он быть не способен; живет в Оптиной Пустыне и получает пенсию по месту цензора» (Розанов. С. 172).

⁸ Соловьев был у Фета в конце августа — начале сентября 1890 г. (Асланова. С. 343).

⁹ Это письмо Толстого от 3 сентября 1890 г. (ТС. Т. II. С. 833).

198. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 25 октября 1890 г.

Вы пишете, дорогой Афанасий Афанасьевич, что славянофильство состоит в желании возвратиться к Рюрику и проявляется в ломке дорогих молотилок¹. При таком взгляде на дело, конечно, нужно оставить всякую мысль не только о водворении единомыслия в России², на которое я никогда не рассчитывал, но и о том, чтобы мы с Вами понимали друг друга, на что я иногда питал сладкие надежды.

Несмотря на то, я очень желаю иметь вести об Вас, а потому хочу вам сообщить что-нибудь об Петербурге и о себе. В Петербурге тишина чрезвычайная; в последнее время нас занимали две совершенно мирные вещи: юбилей Бычкова³ и опера Бородина⁴. И то и другое были очень приятные явления. Афанасия Федоровича Бычкова Вы знаете, все его так любят, что его юбилей вышел блистательным, какого не бывало, и награда от Государя необыкновенная — Бычков сделан членом Государственного Совета. Он сам был лучше всех — так радостен и неутомим в ответах. Я у него завтракал, и вместе с другими давал ему обед у Контана.

А 23 октября шла опера Бородина «Игорь», на тему «Слова о полку Игоревом». Либретто написано жалким образом, и никакой драмы в этой опере нет — вроде того, как в «Руслане»⁵. Но музыка чудесная, и оперу нужно поставить выше серовских⁶, почти рядом с Глинкою. Там есть балет в Половецком стане, до того оригинальный и прелестный по музыке, что я признаю его лучшим, первым из всех балетов. Да много и других бесподобных номеров.

Увы! Только дважды я и был в опере, в «Лоэнгрине»⁷, да в «Игоре» — до того трудно доставать билеты.

Да и вообще я редко показываюсь на свет и не был еще ни разу на пятницах Полонского⁸. Видел его последний раз в «Игоре» — во фраке, в галстухе, дорогих запонках, <каж>ется, завитым. Что Вы это? — спрашиваю его. — Мне сказали,

говорит, что Государь будет, и я подумал — — Уж что он подумал, право, не знаю; сам я думаю, что ему просто захотелось нарядиться по-великосветски. Поэты любят блеск.

Сию я у себя дома в совершенной тишине: Стахеевых еще нет, и иногда я чувствую себя как будто в одиночном заключении. Но книги — моя радость и утеха — веселят меня, и столько я их набрал, что конца нет интересному чтению. В начале октября с недельку нездоровилось — не надел вовремя фуфайку; но теперь все прошло, кроме старости, которая дает-таки себя знать.

От души желаю Вам и Марье Петровне, чтобы жилось Вам легко и ясно. Усердный поклон Катерине Владимировне.

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

1890. 25 окт<ября>. СПб.

P.S. Недели через две получите мою книгу: «Из истории литературного нигилизма»⁹.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ В утраченном письме, на которое отвечает Страхов, Фет, очевидно, в заостренной форме высказался против славянофильских воззрений на историю России, о чем неоднократно говорил и писал в своих публицистических статьях.

² Намек на известный «Проект о введении единомыслия в России» Козьмы Прутков.

³ В октябре 1890 г. отмечалось 50-летие пребывания на государственной службе директора Имп. публичной библиотеки Афанасия Федоровича Бычкова (1818–1899), см. п. 127, прим. 5.

⁴ 23 октября 1890 г. в Мариинском театре состоялась премьера оперы А.П.Бородина «Князь Игорь», завершенной после смерти композитора А.К.Глазуновым и инструментованной Н.А.Римским-Корсаковым.

⁵ Либретто оперы было написано, по совету В.В.Стасова, самим композитором. Либретто оперы «Руслан и Людмила» М.И.Глинки (1842) создавалось несколькими либреттистами, которые подвергли переделке сюжет поэмы, состав действующих лиц и т.д.

⁶ Известный музыкальный критик и композитор Александр Николаевич Серов (1820–1871) — автор опер «Юдифь» (1863), «Рогнеда» (1865) и «Вражья сила», которую не успел завершить. Опера была дописана после смерти Серова его женой В.С.Серовой и Н.Ф.Соловьевым.

⁷ Опера Р.Вагнера «Лоэнгрин» шла на сцене Мариинского театра в исполнении немецкой труппы.

⁸ О знаменитых «пятницах» Я.П.Полонского см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 72, прим. 4.

⁹ В книге Страхова «Из истории литературного нигилизма. 1861–1865. Письма Н.Косицы. — Заметки Летописца, и пр.» (СПб., 1890) были собраны статьи критика, печатавшиеся в первой половине 1860-х годов в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха». В предисловии, помеченном 23 октября 1890 г., Страхов писал: «Господствующую силу у нас имеют только два крайних направления, — фанатический радикализм и фанатическое староверство; оба они ревностно исповедуют правило: „кто не с нами, тот против нас“». Намекая на собственное положение в литературе, он отмечал: «...писатель у нас связан по рукам и ногам; что бы он ни сказал, его тянут или в одну, или в другую сторону и не дают ему остаться самим собою» (С. XII).

199. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 14 декабря 1890 г.

Усердно прошу извинения, дорогой Афанасий Афанасьевич, и усердно благодарю Вас и за книжку «Вечерних огней»¹ и за Ваши письма, в которых не только много задора, но и много дружбы. Занят я был чрезвычайно. Во-первых, оканчивал свою статью для «Вопросов философии»², потом хоронил очень близкого человека³, до срока ушедшего в могилу, потом был болен, простудившись на этих

самых похоронах, потом справлял свои именины⁴, — что для меня тоже труд при моем холостом хозяйстве. Прибавьте в промежутках две статьи Соловьева против меня в «Вестнике» Европы⁵ и подсыпьте немножко дел Ученого Комитета и посещений добрых знакомых, — и вот Вам картина моей жизни. Бедный Полонский страдает припадками, которые гораздо поважнее моей коротенькой простуды; нынешнюю осень и до сих пор у меня не было ни бронхита, ни трахеита, так что я должен считать себя здоровее прежнего — верно помог мне кумыс.

Что же касается до упрямства, которое Вы мне приписываете, то это как раз то самое, что называется *с больной головы на здоровую*. Бывало в Воробьевке я сидел в самом мирном духе за Ваш вкусный обед, но Вы очень скоро начинали возражать против мыслей, которых я не высказывал и против чувств, о которых я хранил совершенное молчание. Это тем более удивительно, что если следовать принципу — *человек есть мера вещей*, то Вы должны бы быть самым терпимым человеком в мире и с совершенным спокойствием взирать на то, что я думаю и что люблю, и не находить ничего странного в моем непонимании.

Но что это? Кажется, я принялся с Вами спорить, чего никак не хотел. Примите мои слова за желание убедить Вас к миру. Читали ли Вы фельетон «Московских ведомостей» 1-го декабря⁶? Как все точно и верно понято! Я поблагодарил Говоруху письмом и получил от него длинный ответ, который очень растрогал меня⁷. Это очень хороший человек, которого нужно поддерживать всячески. Здесь у нас вошло уже в обычай прочитывать все его фельетоны⁸. Н.П.Семенов, Майков, Кутузов, Стахеев, я — всегда читаем и обсуждаем.

Майков и Кутузов должны явиться со сборничками стихов — в новом году, но эти сборнички выйдут не отдельно, а будут помещены в «Русском вестнике»⁹. Об Ваших «Огнях» не говорю, — мы так много говорили об них в Воробьевке¹⁰. Дай Бог Вам еще писать и писать.

Кроме Полонского, Ваши знакомые здоровы; Майков и Стахеевы очень просили кланяться Вам. Передайте и мой усердный поклон Марье Петровне, и всегдашнюю благодарность Катерине Владимировне. От души желаю Вам здравствовать, и еще раз прошу извинить

Вашего искренно преданного

Н.Страхова

1890. 14 дек<абря>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Речь идет о четвертом, последнем прижизненном выпуске сборника «Вечерние огни» (М., 1891), вышедшем из печати в ноябре 1890 г. (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 140, прим. 5).

² Очевидно, статью «О законе сохранения энергии» (ВФП 1891. № 6. Январь).

³ О смерти какого близкого Страхову человека идет речь, установить не удалось.

⁴ См. п. 186, прим. 1.

⁵ См. статьи В.С.Соловьева — «Счастливые мысли Н.Н.Страхова. Письмо в редакцию» (ВЕ. 1890. № 11) и «Немецкий подлинник и русский список» (Там же. № 12). Впоследствии обе статьи вошли в кн. Соловьева «Национальный вопрос в России» (Вып. 2. СПб., 1891). В этих статьях Соловьев пытался доказать, что основные положения теории Н.Я.Данилевского заимствованы у немецкого философа Генриха Рюккерта, автора книги «Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung» (Leipzig, 1857). Этот упрек был высказан им уже в статье «Минимая борьба с Западом» (Русская мысль. 1890. № 8; см. о ней: п. 197, прим. 2). На очередные нападки Соловьева Страхов отвечал в обширной статье «Исторические взгляды г. Рюккерта и Н.Я.Данилевского», напечатанной лишь спустя 4 года (РВ. 1894. № 10); затем она вошла в сборник статей Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе». Книга 3. (СПб., 1896). Возможно, что такое запоздание с ответом Соловьеву было вызвано тем, что Страхов прислушался к совету Толстого, который еще в сентябре 1890 г. советовал ему прекратить полемику (п. 197, прим. 5) 13 июля 1891 г. Страхов писал Толстому: «Соловьев недавно напечатал, что он победил меня, заставил молчать. Это уже третья его статья, в которой он на меня нападает и не слышит от меня ответа. Вы видите, я Вас слушаюсь» (ТС. Т. II. С. 873).

⁶ 1 декабря 1890 г. в газ. «Моск. ведомости» (№ 332, рубрика «Литературные заметки») была опубликована статья Ю.Н. Говорухи-Отрока (псевд.: Ю. Николаев) «Великие традиции» — рецензия на книгу Страхова «Из истории литературного нигилизма» (см. о ней п. 198, прим. 9).

⁷ Эти письма неизвестны.

⁸ «Литературные заметки», которые Говоруха-Отрок вел в «Моск. ведомостях» с ноября 1889 г., быстро завоевали популярность, а их автор приобрел репутацию одного из лучших литературных критиков. Фет, лично знакомый с Говорухой, был высокого мнения о его «сильном эстетическом чутье», в его глазах это был «самый чуткий и глубокомысленный критик» (см. наст. кн.: Переписка с К. Р., п. 184 и 187). В.В. Розанов вспоминал: «Едва ли это не был наш лучший критик за 80-ые и 90-ые годы, обстоятельные, умные и хорошо написанные статьи которого погребены в забытых листах газет и никогда не были собраны и изданы» (Розанов. С. 173).

⁹ В «Русском вестнике» публиковались иногда значительные подборки стихотворений современных поэтов, выпускавшиеся как приложения. Отдельные оттиски этих приложений играли роль поэтического сборника. Подборка стихотворений А.А. Голенищева-Кутузова была напечатана в апрельском номере журнала за 1891 г. Подборка стихотворений Майкова в «Русском вестнике» не появлялась.

¹⁰ См. выше, прим. 1.

200. ФЕТ — СТРАХОВУ

<С.-Петербург. Конец декабря (до 29) 1890 г.>

<...> Люди не хотят понять, как мне скучно и как я пугаюсь лета! Если б мне хватило сил, поехал бы в Японию. Это хоть ново и ненанюхано <...>

Отрывок из несохранившегося письма Фета к Страхову. Прочитирован в письме Страхова к Толстому от 2 января 1891 г. (ТС. Т. II. С. 849). Печатается и датируется по этому источнику. В указанном письме Страхов сопровождает этот отрывок следующим размышлением: «Не ужасно ли это? Он в декабре уже чувствует тоску будущего мая. Он бранит людей, что они не понимают его страдания, — например, редко пишут письма; но какая же охота писать только ради его минутного облегчения? Мне очень его жаль, но теперь, кажется, спасти его невозможно» (Там же).

201. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 29 декабря 1890 г. — 2 января 1891 г.

Очень виноват перед Вами, дорогой Афанасий Афанасьевич, что долго не отвечал Вам, не отвечал даже на Ваши стихи — что большое преступление. Но мне все нездоровится, хоть и не тяжело; по-моему, самое несносное положение, когда не можешь считать себя ни больным, ни здоровым. Постараюсь поправиться.

Стихи Ваши по-прежнему фетовские, и по-прежнему не довольно ясны и кое-где неисправны. Стих

За моей дрожащей песней¹

очень хорош, но предлог *За* тут стоит вместо другого, более точного слова. Ведь Вы хотите просто сказать: *Когда я пою или От моей дрожащей песни*. Так ли я вас понял?

Осенний цвет зари на небесах как есть —²

дело невозможное. Это ведь вместо *точь-в-точь*? Да и нужно бы яснее сказать, что это, мерещится ли на потолке или Вам виднеется в окно?

Ну, простите. Еще вчера мне на Вас жаловались на неясность и отрывочность, но ведь и на читателей можно жаловаться за неумение понимать звучность и образность. «На кресле отвалилась» очень хорошо.

Читал я статью Соловьева³; но как же Вы допустили его утверждать, что

Стамбул гяуры нынче славят

или

Я люблю его жарко: он тигром в бою

суть настоящие лирические стихотворения⁴? Если так, то все романы и драмы будут состоять из сшивки многих лирических пьес.

Куда, мой конь лихой?
Чего боишься? Что с тобой?
Не мы ли здесь вчера скакали,
Усердной местню горя?
Не мы ли яростно топтали
Лихих изменников царя⁵?

и пр. Лирика это или нет? Впрочем, я пустился толковать о том, чего в письмо не уложишь.

Сегодня, *т.е. 29 декабря*, я был на заседании Академии и видел Константина Константиновича⁶. Смотреть на него — истинное удовольствие, и оно одно усаждало скучнейшую церемонию. По окончании ее он поздоровался со мною — есть у него непростительная слабость ко мне⁷. Но я искренно радовался, что дело Академии в таких руках, а Бестужев, Конст<антин> Ник<олаевич>, к которому В<еликий> Князь заехал после заседания, чтобы навестить больного, с большой похвалою отзывался о его образованности и начитанности.

С новым годом! Я встречаю его что-то кисло, и это меня удивляет после здоровой и приятной осени. Но

Все мгновенно, все пройдет, —⁸

будут еще светлые дни, а когда и мы пройдем, — Бог останется.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич. Марье Петровне усердное почтение и Катерине Владимировне искренняя благодарность.

Ваш преданный

Н.Страхов

P.S. 26-го декабря у Полонского был, по обычаю, большой пир⁹; там я видел и С.А.Толстую и чету Хитрово¹⁰. Варвара Петровна¹¹ спрашивала меня, когда я был в первый раз влюблен и чем это кончилось. Хотя Полонский равнодушен к музыке, но для гостей был исполнен чудесный квинтет, Венгеров¹² пожал мне руку, Победоносцев советовал не отвечать Соловьеву¹³, а Кайгородов¹⁴ с восхищением и большим знанием дела говорил об опере «Игорь»¹⁵. Словом, было пестро илюдно на славу.

1891. 2 янв<аря>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Строка из стихотворения «Я не знаю, не скажу я...». Отмеченный Страховым стих Фет оставил без изменения. Впервые: *РВ*. 1891. № 3. Включено в ВО 5 с датой: «11 декабря 1890» (*Фет* 1894. С. 179).

² Строка из стихотворения «На кресле отваясь, гляжу на потолок...». 21 декабря это стихотворение было послано Я.П.Полонскому, который на него не откликнулся (см. наст. том (кн. I): *Переписка с Полонским*, п. 150). В окончательной редакции Фет исправил ука-

занную Страховым строку, воспользовавшись уточнением, которое предложил ему И.С.Остроухов (Там же, п. 150, прим. 4).

³ Имеется в виду статья В.С.Соловьева «О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского» (РО. 1890. № 12). В действительности большая часть статьи посвящена творчеству Фета, что хорошо почувствовал Полонский: «...я очень благодарен Соловьеву за то, что он хоть отчасти ставит меня около Фета. Для меня это немалая честь...» (см. наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 152). В то же время статья Соловьева содержит ряд важнейших положений, в которых просматривается близость эстетических воззрений философа с эстетикой Фета (в частности, со статьей Фета «О поэзии Тютчева», опубликованной еще в 1859 г. в «Русском слове»). Отзыв Фета о статье Соловьева см. там же, п. 153. Изложение основных положений этой статьи см. там же, п. 152, прим. 14, 15 и 21. О том, что Соловьев пишет свою статью, Фет был извещен самим автором, который просил прислать ему книгу Страхова «Заметки о Пушкине и других поэтах» (СПб., 1888): «Хотя у нас со Страховым совершенно различный образ мыслей, но именно по части поэзии есть общие вкусы, а потому может произойти совпадение и в суждениях, чего я желал бы избежать» (Письма Соловьева. Т. III. С. 128).

⁴ Возражая против гегелевского определения лирики как «поэзии субъективности», Соловьев в статье «О лирической поэзии» утверждал: «...предметом поэтического изображения могут быть не переживаемые в данный момент душевные состояния, а пережитые и представляемые <...> Разве свою субъективность изображает, например Пушкин в великолепном стихотворении: «Стамбул гяуры нынче славят<...>». И не только Пушкину, но и такому чистому лирику, как Фет, нередко удавалось прекрасно воспроизводить чужую, и во всех отношениях от него далекую, субъективность, например, любовь арабской девушки тысячу лет назад: «Я люблю его жарко: он тигром в бою <...>»» (Цит. по: Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика / Сост. и вступит. статья Р.Гальцевой и И.Роднянской. М., 1991. С. 399–400). Стихотворение Фета «Я люблю его жарко: он тигром в бою...» (из цикла «Подражание восточному») было впервые опубликовано в раннем сборнике его стихов (Фет 1850).

⁵ Цитата из незавершенного стихотворения А.С.Пушкина «Какая ночь! Мороз трескучий...» (1827).

⁶ В мае 1889 г. вел. кн. Константин Константинович был назначен президентом Имп. Академии наук.

⁷ Отношения Страхова и вел. кн. Константина Константиновича («К. Р.») завязались после того, как К.Р. послал ему свой первый сборник стихотворений, на что 3 февраля 1887 г. Страхов ответил обстоятельным письмом. Краткие сведения об отношениях К.Р. со Страховым см. в наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 8, прим. 13. Переписку их см.: К.Р. Переписка. С. 395–440 (публ. Л.И.Кузьминой). После смерти А.А. Фета К.Р. предложил Страхову издать совместно его стихотворения, что и было осуществлено в 1894 г. (Лирические стихотворения А.Фета: В 2 частях).

⁸ Цитата из стихотворения А.С.Пушкина «Если жизнь тебя обманет...» (1825).

⁹ В семье Полонских было принято праздновать именины Якова Петровича (26 декабря) с приглашением большого количества гостей. Описание этого праздника, на котором 26 декабря 1889 г. присутствовало «около 200 человек», см. наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 152.

¹⁰ С.А.Толстая — вдова А.К.Толстого; чета Хитрово — Софья Петровна и Михаил Александрович Хитрово (1837–1896).

¹¹ Лицо неустановленное.

¹² Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920) — изв. историк литературы, библиограф; составитель многотомных био- и библиографических словарей по русской литературе.

¹³ К.П.Победоносцев рекомендовал Страхову воздержаться от полемики с В.С.Соловьевым по поводу двух его последних статей — «Счастливые мысли Н.Н.Страхова. Письмо в редакцию» и «Немецкий подлинник и русский список» (ВЕ. 1890. № 11 и 12). См. об этих статьях и реакцию на них Страхова п. 199, прим. 5.

¹⁴ Дмитрий Никифорович Кайгородов (1846–1924) — ботаник, орнитолог, педагог, автор многочисленных популярных книг о лесах, растениях, птицах, грибах и др. Вел в «Новом времени» и «Правительственном вестнике» обзоры петербургской погоды.

¹⁵ О премьеры оперы А.П.Бородина см. п. 198, прим. 4.

202. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 1 февраля 1891 г.

Вижу, дорогой Афанасий Афанасьевич, что долготерпение Ваше истощилось и что Вы не хотите больше писать к такому ленивому корреспонденту, как я. Ну, так я напишу первый. По-видимому, много есть о чем писать. Так как я теперь здоров, дела у меня мало, стоит прекрасный санный путь и не холодно, то я решился пуститься в свет, и стал посещать вечера Я.П.Полонского¹, И.П.Корнилова², Л.Н.Майкова³, П.А.Ефремова⁴, нашего Литературного общества и пр. Кроме того, совсем не обедаю дома; а обедаю у Кузминских, у Семеновых, у Бестужевых, у Вышнеградских, у Зверевых⁵ и пр. и пр. Увы! Все напрасно. Я не узнал больше того, что узнал бы и сидя дома. Главный литературный интерес, кажется, состоит в эту минуту в книге Бильбасова «История Екатерины II»⁶. Первый том так разошелся, что теперь стоит уже 35 рублей, а второй задержан и будет уничтожен. Писатель этот не обладает никакими достоинствами, кроме фельетонной бойкости и фельетонного либерализма; но он сообщает множество не попадавших еще в исторический рассказ фактов, — и вот весь Петербург бросился на эти полуразоблачения и погрузился в созерцание событий, происходивших полтора-два года тому назад, или немного менее. Между тем я не чувствую ни малейшего желания читать эту книгу, и, таким образом, вполне расхожусь с современностью. Разумеется, гонение на книгу только подняло ее значение, сделало из нее событие. А говорят, второй том, которого не хотят пропустить, гораздо невиннее первого. На меня, конечно, и этот промах, и это гонение — ничуть не действуют. Мне кажется, что во всем этом нет ничего ни интересного, ни важного для кого бы то ни было, что все это повторение давнишних происшествий, которые и в свое-то время имели лишь фальшивую значительность.

Еще вот что узнал: Соловьев обращался к Государю с письмом, в котором изображал, как чиновники мешают проявлению самодержавия и жаловался на цензурные стеснения⁷. Государь отдал письмо Министру вн<утренних> д<ел>, а тот Феофистову, и по докладу их приказал *оставить без последствий*, — что и было объявлено Соловьеву⁸.

Впрочем, может быть, Вы об этом лучше моего знаете?

Вот Вам, пока, мои новости. От души желаю Вам здоровья и всякого благополучия.

Марье Петровне усердное почтение и Катерине Владимировне искренняя благодарность.

Ваш преданный

Н.Страхов

1891. 1 февр<аля>. СПб.

Р.С. Полонский с величайшим страхом переживает 2-е число февраля. Было ему какое-то зловещее предсказание⁹.

¹ О «пятницах» Полонского см. п. 197, прим. 8.

² Об И.П.Корнилове см. п. 11, прим. 10.

³ Леонид Николаевич Майков (1839–1900), брат Ап.Н.Майкова, библиограф и историк литературы, с 1891 г. действ. член Петербургской Академии наук, впоследствии ее вице-президент. Страхов поддерживал дружеские отношения с Л.Н.Майковым

⁴ Петр Александрович Ефремов (1830–1908), изв. публикатор и комментатор сочинений русских классиков (Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Грибоедова и др.). Страхова сближала с Ефремовым страсть к книгам. Уникальная коллекция Ефремова была частично приобретена Пушкинским Домом.

⁵ Страхов упоминает семьи своих близких знакомых — Т.А.Кузминской, Н.П.Семенова, К.Н.Бестужева-Рюмина, И.А.Вышнеградского. Семью Зверевых Страхов считал среди лиц, связи с которыми «разорвать нельзя» (ТС Т. I. С. 224). Возможно, что это была семья Николая Ан-

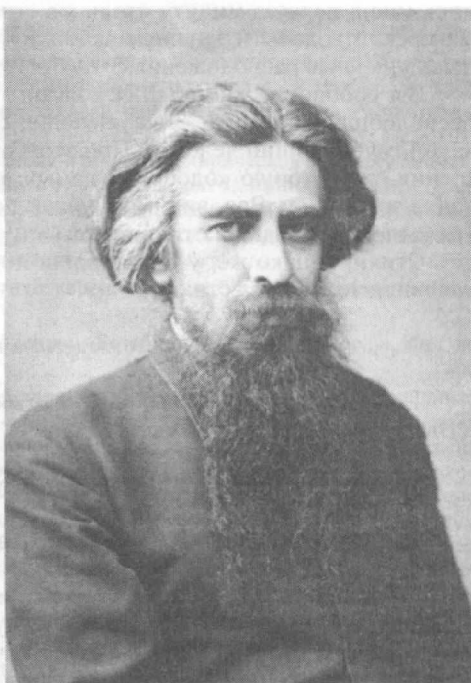
дреевича *Зверева* (1850–1917) — в недавнем прошлом ректора Московского ун-та, затем товарища министра нар. просвещения, впоследствии (1902–1904) начальника Главного управления по делам печати.

⁶ Историческое сочинение Василия Алексеевича *Бильбасова* (1837–1904) было задумано в 12-ти томах, из которых опубликованы были лишь три: 1-й (1890), 2-й (1891 — уничтожен цензурой), и 12-й (1896). В 1891 г. два первые тома, доведенные до воцарения Екатерины II, вышли в Берлине на немецком языке.

⁷ 14 ноября 1890 г. В.С.Соловьев обратился к Александру III с письмом, в котором просил защитить от произвола цензуры (Соловьев Вл. Письмо императору Александру III // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. II. М., 1989. С. 283–285). Возможно, что это письмо, оставленное, по высочайшему распоряжению, «без последствий», все же сыграло свою роль: цикл статей Соловьева («Очерки из истории русского сознания»), за публикацию которых редактор «Вестника Европы» получил предостережение, а сам автор их обвинялся в том, что его критика «русской Церкви и Государства в историческом их развитии» колеблет уважение «к принципу русской национальности» (см. п. 189, прим. 7), — эти «Очерки» были менее чем через год беспрепятственно перепечатаны (правда, под другим заглавием) в книге Соловьева «Национальный вопрос в России» (Вып. 2. СПб., 1891). 9 августа 1891 г. Соловьев писал об этом Н.Я.Гроту: «...цензура укротилась: второй выпуск “Национального вопроса” с разными колочими статьями, между прочим, с теми, за которые “Вестник Европы” получил предостережение, вышел беспрепятственно» (Письма Соловьева. Т. I. С. 71).

⁸ В 1889–1895 гг. министром внутренних дел был Иван Николаевич *Дурново* (1830–1903); Евгений Михайлович *Феоктистов* (1829–1898) был начальником Главного управления по делам печати (1883–1896). В воспоминаниях Феоктистова («За кулисами политики и литературы») эпизод с письмом Соловьева Александру III не отражен.

⁹ О причине этих страхов Полонский рассказал Фету (см. наст. кн.: Переписка с Полонским, п. 65).

В.С.СОЛОВЬЕВ

Фотография, <начало 1890-х гг.>

Частное собрание, Москва

203. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 27 февраля — 1 марта 1891 г.

Вчера, т.е. 26 февраля, на обед к Вышнеградскому, происходивший в маленьком кругу самых близких людей, Яков Петрович Полонский явился во фраке, в белом галстуке, с открытой грудью, блиставшей крупными золотыми запонками, завитой и раздушенный. Когда его спрашивали, зачем он так прифрантился, он отвечал, что сегодня царский день и что к министру он считал нужным явиться в полном параде. При этом он грациозно вытягивался во весь свой рост и медлил садиться, очевидно красуясь собою. На все это другие мало обратили внимание, но я был поражен душевной юностью старого поэта.

Нечто подобное испытал я, дорогой Афанасий Афанасьевич, читая Ваши новые стихотворения. Эти уста, ланиты, ручки, волосы, глазки, а потом счастье, безумство, восторг и так далее (хотя далее уже, кажется, нет следствий), показав-

лись мне в первую минуту столь же странными и чуждыми, как завитые в парикмахерской волосы и крупные запонки Полонского¹. Бывают, как Вы знаете, разные душевные расположения.

Вы сообщили мне об Л.Н.Толстом факт, который я нахожу удивительным и бесподобным, помните — «сближение с женщиной похоже на мясничество»². О, какой глубочайший человек! При этом он, конечно, отлично понимает Вашу точку зрения, ту, которую «одобрили дамы», начиная с Евы (по Шопенгауэру³). Но его точка зрения для Вас, видимо, чужда; потому Вы можете найти странными и мои впечатления от Ваших стихов.

Стихи, однако же, у Вас хороши по-прежнему и даже менее темны. Меня ознакомили только два стиха

1). А глядеть на тебя я и лгать не могу⁴.

Тут я всему мешаю; выходит, что «я не могу на тебя глядеть и не могу лгать», а Вы совсем не то хотите сказать.

2). К ней прильнуть трепещут крылья⁵.

Трепещут прильнуть — оборот невозможный, хотя это Ваша обыкновенная манера.

Вы, конечно, имеете право бранить меня за поздний ответ; но в извинение могу сослаться на то, что я по самую макушку был погружен в статью об Л.Н.Толстом⁶, которую писал с таким трудом, что приходил почти в отчаяние. Увы! Кажется, приходит пора совсем отказаться от писания. Эта мысль начинает меня сильно преследовать.

Здоровье мое так удовлетворительно, что лучшего я и не мог ожидать. На дворе у нас весна, — пока я только радуюсь, что свету уже много.

Теперь у меня поднялось новое дело — книга Трубецкого⁷. В Ученом Комитете я предложил рекомендовать ее для учителей. Между тем Амвросий, Буткевич⁸ и т.п. стали ее обвинять в кощунстве и вольнодумстве. Нужно быть настоящим.

Ваших стихов в магазине продано еще на 21 рубль⁹.

Простите! Марье Петровне мое почтение и Катерине Владимировне привет и благодарность.

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

1891. 1 марта. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Толстому Страхов писал 21 февраля 1891 г. гораздо резче: «Фет пишет мне бесстыдные письма и прислал шесть любовных стихотворений для замечаний, чтобы было больше порядка и ясности в этих излияниях. Уже три недели — не успеваю этим заняться» (ТС. Т. II. С. 859) «Шесть стихотворений» — стихи, написанные в период с 15 по 25 января 1891 г. «Опавший лист дрожит от нашего движения...» (15 января 1891 г.), «Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал...» (18 января), «Весь вешний день среди стремленья...» (21 января), «Безобидней всех я прощу...» (22 января), «Графине Наталье Михайловне Соллогуб» («Тобой привычный восхищаться...» — 24 января) и «Завтра — я не различаю...» (25 января). О том, что Фет прислал Страхову именно эти стихи, свидетельствуют не только их даты, но и содержание: в каждом из них присутствуют те или иные слова, шокировавшие Страхова и перечисленные в его письме. Инвектива Страхова, очевидно, взволновала Фета. Вполне возможно, что ответом на нее явилось стихотворение «Кляните нас! Нам дорога свобода...», написанное 2 марта, т.е. в день получения комментируемого письма, и явно обращенное к «порицающему скептицизму» Страхова (см. п. 206, прим. 6). Возможно также, что именно это стихотворение было послано Фетом Толстому и заслужило его одобрение (Там же).

² Письмо Фета с подобным сообщением о Толстом неизвестно.

³ По-видимому, в утраченном письме, на которое отвечает Страхов, Фет «защищал» любовь от «нападок» Толстого и Страхова, ссылаясь на тезис Шопенгауэра: «Как о решительном сильнейшем подтверждении жизни, половое стремление свидетельствует о себе и тем, что оно человеку природы, как и животному, является высшей целью его жизни <...> И природа, коей внутреннее существо есть сама воля к жизни, гонит, со всей своей силой, человека и животное к расплощению» (Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Пер. А.Фета. Изд. 4-е. СПб., б.г. С. 343). В то же время он мог напомнить Страхову и апологию лирической поэзии у Шопенгауэра. Считая поэта «всеобщим человеком», Шопенгауэр утверждал: «...никто не должен предписывать поэту быть благородным или высоким, моральным, благочестивым, христианским, таким или сяким, а еще менее упрекать его, зачем он то, а не это. Он зеркало человечества и доводит до его сознания то, что оно чувствует и делает» (Там же. С. 258).

⁴ Это замечание Страхова, относящееся к стихотворению «Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал...», не было учтено Фетом.

⁵ Замечание Страхова относится к стихотворению «Безобидней всех и проще...». Фет не принял его во внимание.

⁶ В статье «Толки об Л.Н.Толстом» Страхов характеризовал Толстого как «проповедника не какой-нибудь теории, а *практического христианства*, учителя нравственности». Публикация статьи предполагалась в мартовском номере «Русского обозрения», однако она была запрещена цензурой. Толстой, прочитав оттиск этой несостоявшейся публикации, нашел, что Страхов слишком преувеличил значение его деятельности, но в то же время признавался автору: «...статья ваша поразила меня своей задушевностью, своей любовью и глубоким пониманием того христианского духа, к^оторый вы мне приписываете» (ТС. Т. II. С. 865). Фет, узнав об этой статье, отнесся к этому известию с иронией. 7 июня 1891 г. он писал С.В.Энгельгардт: «Говорят, Страхов гордится своей статьей (не пропущенной цензурой), в которой он выставляет Толстого высочайшим христианином в смысле последователя евангельского учения. Правда, Толстой не ест из аскетизма никаких животных, даже рыб (хотя Христос ел их), и сам он ходит в башмаках на босу ногу, а 13-летние мальчики бегают босиком, равно как и дочь его — барышня-крестьянка. Но он сам служит наилучшим доказательством того, что идеалов нельзя воплощать в будничной жизни. Я бы по крайней мере не желал свое семейство довести до того разлада, каким веет их домашний быт» (Фет СПП С. 400). Статья Страхова была опубликована в сентябре (ВФП. 1891. Кн. 9) с подзаголовком «Психологический этюд», который дал ему редактор журнала Н.Я.Грот.

⁷ Речь идет о магистерской диссертации С.Н.Трубецкого «Метафизика в древней Греции» (М., 1890). Страхов писал Толстому, что «основательно» познакомился с этой книгой и нашел ее превосходной: «Например, мысль, что философия греков стоит в связи с их религиею; также мысль, что религия греков была подготовлением к христианству, — подобные мысли тут доказываются с большою ясностью и твердостью. Это настоящий историк <...>» (ТС. Т. II. С. 824). Страхов рекомендовал эту книгу В.В.Розанову и советовал написать о ней для «Русского вестника» или «Русского обозрения» (Розанов. С. 160–161).

⁸ Имеется в виду преосвященный *Амвросий* (1821–1901), архиепископ Харьковский и Ахтырский, издававший журнал «Вера и Разум», где была опубликована рецензия на книгу Трубецкого, написанная протоиереем Тимофеем Ивановичем *Буткевичем* (1854–?), профессором богословия Харьковского ун-та, членом Государственного совета. Об этой рецензии Трубецкой писал Н.Я.Гроту: «Я очень желал бы, чтобы моя книга распространилась именно в среде духовных академий; теперь, пожалуй, глупая рецензия Буткевича в “Вере и Разуме” этому помешает. Он утверждает, что я слепой гегельянец, последователь Фейербаха, причем опровергает Гегеля моими же аргументами. Затем он говорит, что в религии я вижу *только* доисторическую метафизику, что я отвергаю откровение, вражду с христианством подобно богоотступнику Юлиану и тому подобный вздор, который я мог бы опровергнуть, приводя параллельно места из моей книги» (Грот С. 297–298).

⁹ Страхов взял на себя обязанность следить за продажей книг Фета в книжных лавках Петербурга и пересылать ему вырученные деньги через контору Боткиных.

204. СТРАХОВ — ФЕТУ
С.-Петербург. 20 апреля 1891 г.

Что хорошо, то хорошо, дорогой Афанасий Афанасьевич. Когда я развернул Вашего Марциала и увидел, что Вы приложили текст¹, как это я советовал Вам в

Воробьевке, то я пришел в умиление от Вашего прекрасного издания и смягчилось мое негодование на этого гнусного поэта за то вредное нравственное влияние, которое он на Вас производил. Очень понравилось мне предисловие Олсуфьева тем, что он так энергически ругнул Марциала². Ваше посвящение написано с Марциаловским искусством, но меня покорило сопоставление имен *Горация, Марциала и Пушкина*³. Расскажу Вам интересный случай. Профессор Василий Модестов написал «Историю Римской литературы», и об этой книге у нас в Комитете делал доклад И.В.Помяловский⁴, глава и царь всех наших латинистов. В числе недостатков «Истории» он поставил и то, что Модестов сопоставляет Горация с Пушкиным. «Это два совершенно различные явления», — говорил Помяловский; «Гораций — искусственное стихотворство, а Пушкин — настоящая поэзия». Конечно, я очень обрадовался.

С большим любопытством слежу я за насаждением у нас классицизма или *язычества*, как выражается Менделеев⁵. Происходит то, что и всегда: размножение учебников и учебных изданий классиков (появились теперь превосходные), диссертаций и переводов, делаемых не литераторами, а доцентами, магистрантами, разными учеными людьми, лишенными писательского таланта. Все это совершается и вращается в учебном мире и не переходит в мир писателей и читателей. Вы, Олсуфьев⁶ и немногие другие (может быть, кроме Мережковского⁷ некого больше и назвать) составляете яркое исключение. Вот Вы пишете, что Гораций не расходится⁸. Что мудреного? Ренан в 1848 году жаловался, что во Франции изучение древнего мира составляет только *педагогическое* средство, и что окончив учебное заведение, ученики выбрасывают классиков и из головы и из библиотеки («L'avenir de la science»⁹). Так и у нас, да, несколько в меньшей степени, и везде. Сила вещей берет свое; действует и великий авторитет древних, действует и дух современной науки и литературы.

В настоящую минуту я весь наполнен новостью, которую, может быть, Вы знаете: неувядаемая графиня являлась Государю и почти час говорила с ним и с Государыней, говорила в пользу Льва Николаевича и получила разрешение напечатать «Крейцерову сонату» в полном собрании сочинений и обещание, что впредь сам Государь будет цензором Льва Николаевича¹⁰. Худой мир лучше доброй ссоры; любезность, с которою была принята графиня, авось, подействует на слишком рьяных угодников и хранителей отечества.

Стихотворение Ваше

Мы встретились вновь после долгой разлуки

очень мне нравится, но есть неясность относительно последовательности времени. Сначала *встретились*, потом *часто в глаза глядели*, наконец, *сидели под ивой плакучей*. Тут нет большого порядка, и я подозреваю, что воспоминания смешиваются с минутою встречи¹¹. Так ли я понимаю?

Для берегов чужбины дальней
Ты покидала край родной¹²

И пр.

Вот это ясно и все видно насквозь. Простите меня, но я так люблю ясность, что сам дивлюсь себе: отчего же у меня такое пристрастие к Вашим стихотворениям?

Простите меня! Душевно желаю Вам и Марье Петровне здоровья и бодрости, и всегда чувствую благодарность, увидев почерк Катерины Владимировны.

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

¹ «Эпиграммы» Марциала в переводе и с объяснениями Фета (Ч. I–II. М., 1891) были изданы с параллельным латинским текстом и с предисловием А.В.Олсуфьева. Свой труд переводчик посвятил вел. кн. Константину Константиновичу.

² В предисловии к «Эпиграммам» Марциала А.В.Олсуфьев охарактеризовал поэта как «бесстыдного льстеца кровожадного Домициана, друга и наперсника презренного доносчика Регула», «неблагодарного сына, развратного циника, гнусного паразита», который «не должен надеяться в конце XIX столетия на снисходительный приговор». В своем кратком введении к книге (см. прим. 3) Фет назвал такой взгляд «самобытным, хотя и накладным для нашего поэта воззрением»; далее он воздал должное участию Олсуфьева в подготовке книги к печати: «Пользуясь для нашей книжки предисловием и ученым исследованием жизни Марциала, заимствованным в сокращении из отдельного издания графа А.В.Олсуфьева, было бы недобросовестно умолчать о критической проверке графом нашего перевода из стиха в стих. Без этой твердой руки на руле легкая лодка переводчика могла бы появиться с многочисленными пробоинами, выйдя из опасных шхер Марциала».

³ Фет предварил свой перевод и предисловие Олсуфьева к нему собственным введением (без заглавия), начав его заявлением, что «счастлив посвятить» свой труд вел. князю Константину Константиновичу (тем самым указывая на посвящение, которым открывалась книга). Дезориентированный этими словами, Страхов назвал введение Фета «посвящением». Неудовольствие с его стороны вызвало сделанное Фетом сопоставление имени Пушкина с именами Горация и Марциала: «...за исключением Горация, Марциала и Пушкина, поэты в своих произведениях не представляют выдающихся похвальных стихотворений своим покровителям»; Фет объясняет этот факт «не столько независимостью духа, сколько неумением войти в гостиную», т.е. неумением придать своей хвале форму, не нарушающую достоинство хвалителя.

⁴ Трехтомная «История римской литературы» профессора Новороссийского ун-та В.И.Модестова была, по представлению И.В.Помяловского, рекомендована в качестве учебного пособия для университетов. В 1884 г. на основании отзыва Помяловского Фет был удостоен Пушкинской премии за книгу «Гораций. В переводе и с объяснениями А.Фета». М., 1883 (см. п. 97, прим. 2, а также п. 101). 18 апреля 1891 г. Фет послал Помяловскому свой перевод «Эпиграмм» Марциала в сопровождении следующего письма: «Только совершенным неведением моим в области научной иерархии возможно объяснить, что по получении в 1883 году от Я.К.Грота в деревне критического и подробного разбора Вашего моего Горация я за все лето не сумел сообразить надлежащего адреса Вашего и потому не собрался благодарить Вас за Ваш почтенный труд. Впоследствии мне было совестно являться с запоздалою признательностью и я выжидал подходящего случая. Случай этот наконец представился мне при появлении в свет эпиграмм Марциала, над которыми я провел три года усидчивого, ежедневного труда, но в данную минуту мой Марциал радуется появившейся возможностью выразить Вам то искреннее и глубочайшее уважение, с которыми прошу считать меня Ваш^{ему} Пре^{вос}ходительству^у сердечно признательным А.Шеншиным» (Медынцева С. 69–70; опубли. по черновику, сохранившемуся в РГБ. По сообщению М.Д.Эльзона, беловой автограф этого письма хранится в РНБ). 24 апреля 1891 г. Помяловский отвечал Фету: «Переводом этим Вы оказали истинную услугу нашей, не владеющей латинским языком, но интересующейся древней литературой публике и вплели новую ветвь в венок, украшающий Вас как переводчика латинских поэтов. На летних каникулах займусь внимательным штудированием труда Вашего» (Там же. С. 70).

⁵ Это выражение в подобном контексте Страхов мог слышать от Д.И.Менделеева в личной беседе (они были знакомы со студенческих лет).

⁶ Генерал от кавалерии, участник военных походов граф Алексей Васильевич Олсуфьев (1831–1915) был эрудированным филологом-дилетантом, знатоком классической литературы. В РГБ сохранилось издание Горация в переводе Фета (М., 1883), испещренное пометами Олсуфьева (см. об этом: Фет. СПП С. 444–445. Примечания Г.Д.Аслановой). Ему принадлежит разбор изданного Фетом перевода Ювенала (ЖМНП. 1886. № 2, 3, 5, 8). Знакомство Фета с Олсуфьевым состоялось 4 октября 1886 г. (см. наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 24), и с тех пор Олсуфьев постоянно помогал Фету в его переводах из латинских поэтов (Овидия, Проперция, Марциала и др.). В 1890 г. Олсуфьев опубликовал биографию Марциала (ЖМНП. № 1–4. Издание: Марциал. Биографический очерк графа Олсуфьева. М., 1891). Поклонник поэзии Фета, он в 1903 г. установил в своем подмосковном имении Ершово, внутри церкви, первую памятную доску, посвященную поэту. Обширная переписка Фета с Олсуфьевым опубликована Г.Д.Аслановой (Олсуфьев 50–52).

⁷ Страхов имеет, очевидно, в виду перевод трагедии Эсхила «Скованный Прометей» (ВЕ. 1891. № 1), выполненный Д.С.Мережковским. В 1890-е гг. Мережковский перевел ряд трагедий Софокла и Еврипида, которые, после журнальных публикаций, неоднократно выходили отдельными изданиями.

⁸ Имеется в виду перевод Горация, выполненный Фетом (см. прим. 4 к данному письму).

⁹ «Будущее науки» (франц.) — название книги Э.Ренана (1-е изд.: 1849 г.). О втором издании этой книги (1890) Толстой писал Страхову 14 января 1891 г.: «...по-моему никогда Ренан не писал ничего умнее», его книга «вся блещит умом и тонкими, верными, глубокими замечаниями о самых важных предметах <...>» (ТС. Т. II. С. 852). Страхов откликнулся на этот труд Ренана большой статьей — «Итоги современного знания (По поводу книги Ренана "L'avenir de la science")» (РВ. 1892. № 1).

¹⁰ С.А.Толстая подробно описала свою беседу с Александром III и ее результаты (Толстая Дневники. Т. 1. С.168–180).

¹¹ Текст этого стихотворения Фет оставил без изменений.

¹² Страхов цитирует первоначальный вариант двух первых строк стихотворения А.С.Пушкина, которое в окончательном тексте звучало так: «Для берегов отчизны дальней / Ты покидала край чужой...» (1830). Первая публикация этого варианта: Анненков П.В. Материалы для биографии А.С.Пушкина. СПб., 1855.

205. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 6 мая 1891 г.

1891. 6 мая. СПб.

Сегодня утром у нас была гроза, и стало так жарко, что я невольно вспомнил о деревне, а затем и о том, что Вы уже скоро оставите Москву, дорогой Афанасий Афанасьевич¹. У Кузминских, где я обедал, тоже идут сборы для переселения в Ясную Поляну, и отъезд назначен на 11-е. Между тем оттуда нет никаких вестей, и это затишье наводит беспокойство.

А у меня нет перемен. Все те же книги и то же одиночество. Недавно я узнал, что стихи

Боже мой, Боже,
Всякий день то же!

принадлежат *Сковороде*², и это меня немного утешило, потому что они нет-нет, да и приходят мне на ум, — за что я имею обыкновение себя бранить. Ибо нужно работать, и работа у меня есть, и я знаю, что нет ничего радостнее страницы, написанной *sunt continuo animae motu*^{1*}. Отчасти я доволен своею статьею об Л.Н.Толстом³, Графиня Александра Андреевна Толстая нашла в ней столько хорошего, что *motu proprio*^{2*} передала ее Государю, уверяя, что тут сказана правда в пользу Толстого⁴. Она меня удивила своим широким пониманием, и это событие радует меня безмерно, — я ведь открылся ей, да и из статьи видно, что я вольнодумствую кое в чем, а она сама — строго ортодоксальна в своей вере.

Между тем у Вас в Москве гвалт, который доносится и до Петербурга, а здесь своя история — несчастные похороны Шелгунова⁵, из-за которых немало поплатилось молодых, да и старых людей. Эта вечная закваска все еще производит брожение, которое, однако, едва ли опасно. Мне все представляется, что период революций и кроворазлитий кончился. Парижская Коммуна и 1-е марта⁶ навсегда отрезвили и общество, и самих революционеров. Во Франции возможны всякие социальные реформы, но социальный бунт сейчас будет задушен, ибо все знают, что это такое. И у нас анархизм навсегда себя скомпрометировал и не может встретить поправки. А главное — сами верхние классы уже вполне готовы к возможным уступкам и делают их, как только станет ясно видна эта возможность. Говорят, что никто так не распространяется всюду по земному шару, как немцы, что они стали превосходить в этом и англичан. Все сводится на мирное сотрудни-

^{1*} с неотступным душевным трепетом (лат.).

^{2*} по собственному почину (лат.).

чество и на развитие промышленности и благосостояния, так что национальные распри и соперничества должны понемногу заглохнуть и люди будут думать об одном — о мирном сожителстве. Лет через пятьдесят Россия будет так могуча, что без ее соизволения никому нельзя будет драться, и тогда, если будет у нас такой же миролюбивый Государь, мир водворится на планете, называемой Землею⁷.

Все это прекрасно, но не воцарится ли понемногу плоскость и скука? Откуда взять резко разграниченные сословия, красивые одежды, рыцарские нравы и пр. — словом, все, что так нужно К.Н. Леонтьеву? Он бы, кажется, сейчас согласился, чтобы его казнили, лишь бы это совершилось с эффектной церемонией и палач был бы в красивой одежде и с позолоченным топором. Увы! Нужно поискать чего-нибудь нового, а не цепляться за то, что умирает⁸. Какие два чудные стиха у Жуковского:

Не умерло очарованье,
Былое сбудется опять⁹!

Однако, я заболтался. Не поминайте меня лихом, верьте моему душевному расположению к Вам и не забывайте письмами
Вашего преданного

Н. Страхова

Р.С. Марье Петровне усердное почтение, Катерине Владимировне неизменная благодарность и поклон.

¹ Обычно Феты переезжали в Воробьевку в первых числах марта, однако в 1891 г. они выехали из Москвы лишь 19 мая и по пути посетили Ясную Поляну (см. наст. кн.: Переписка с С.А. Толстой, п. 102, прим. 1).

² Григорий Саввич Сковорода (1722–1794) — украинский поэт и философ.

³ Об этой статье см. п. 203, прим. 6.

⁴ Об этом Страхов сообщал Толстому 14 июня 1891 г. (ТС. Т. III. С. 867).

⁵ Похороны известного публициста революционно-демократического направления Николая Васильевича Шелгунова (1824–1891), скончавшегося 13 апреля, вылились в демонстрацию, получившую название «шелгуновской». В день похорон участники демонстрации решили пронести гроб с прахом Шелгунова на руках до кладбища, однако полиция потребовала поставить его на катафалк. Участники демонстрации отказались выполнить это распоряжение, и возле гроба завязалась потасовка, которую удалось прекратить лишь вдове покойного. Затем участники похорон (их было несколько тысяч) подняли над головой венки и торжественно проводили гроб на Волково кладбище, где состоялась гражданская панихида, причем около дома К.П. Победоносцева (на Литейном) толпа остановилась и несколько раз пропела «Со святыми упокой» (см.: Гешин Е.В. Шелгуновская демонстрация (Воспоминания современника) // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания: В 2 т. Т. I. М., 1967. С. 399–407; см. также наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 167, прим. 8).

⁶ 1 марта 1881 г. — день убийства императора Александра II.

⁷ Сходные размышления содержатся в письме Страхова к Толстому от 2 января 1891 г.: «Но не чувствуете ли Вы, что вообще озлобление смягчается, и что мы идем к мирному времени? Прежде, социальный переворот казался неизбежным; но теперь, после Коммуны, после убийства Александра II-го, после ряда злодейств, не только верхние классы, но и главная масса народа стала бояться потрясений и мириться с властями; с другой стороны, принимаются всякие меры к облегчению бедствий, и неимущие сами убеждаются, что от резни и переворотов легче не станет. Таким образом, все смягчается, все начинают понимать, что худой мир лучше доброй ссоры. Как-нибудь ужиться, — вот пока цель человечества, и ради нее оно готово отказаться от других целей. Объединение Германии было последним великим политическим делом; другого подобного ждать нельзя, и политика должна теперь отойти на второй план. Даже предсказание Данилевского, что Европа вздумает задавить Россию, теперь не кажется мне таким вероятным» (ТС. Т. II. С. 850). Фет был принципиально не согласен с подобным взглядом, который высказывал, помимо Страхова, и Ю.Н. Говоруха-Отрок (см. наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 187).

⁸ Об отношении Страхова к К.Н.Леонтьеву см. п. 197, прим. 7. Вскоре после смерти Леонтьева Страхов писал В.В.Розанову: «Вот он Вас обольстил своим умом и своею эстетичностью; между тем это одно из отвратительных явлений. Религия, искусство, наука, патриотизм, — самые высокие предметы вдруг подчиняются самым низменным стремлениям, развратной жажде наслаждения и услаждения себя» (Розанов. С. 209–210).

⁹ Заключительные строки стихотворения В.А.Жуковского «Я Музу юную, бывало...» (1822–1824?).

206. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 9 июля 1891 г.

Неотступно и непрерывно какие-то дела являются у меня, дорогой Афанасий Афанасьевич, и отнимают от меня значительную долю даже того огромного свободного времени, которым я пользуюсь. Иногда я пишу по два по три письма в день, что для меня ужасно много. И вот почему я до сих пор не писал к Вам; для этой беседы нужна свободная голова. Вы уже знаете, что смерть очень больно поразила две знакомые семьи, — Семенова¹ и Стахеева². Стахеев пишет письма, дышащие глубоким отчаянием; он так тесно сжился со своею Любовью Константиновною, что, потеряв ее, сам потерялся. Какая жалость, что не могу его видеть и говорить с ним; ехать к нему невозможно, а дожидаться его долго. Зато я решил, что мне непременно нужно поехать к Николаю Петровичу, и, следовательно, отложить всякие думы о Юге вообще и о Крыме в частности.

Сидя в Петербурге, думал я много сделать, а сделал очень мало. Летнее время в городе всего ужаснее по непрерывному шуму, — по крайней мере, у Торгового моста, если не на Плющихе. Грохот колес не прекращается ни на минуту и иногда невыносимо раздражает ухо. Этот грохот затихает только в 3-м или 4-м часу утра.

Ну чем же я похваюсь перед Вами? Читано много, писано мало. Перечитывал я Писемского и очень удивился, как все это побледнело и потеряло звук — конечно, в моих глазах и ушах. Теперь, как Вы знаете, русские юноши и европейские читают Достоевского и Толстого, — и они правы³. Прочел я полтома «L'argent»⁴ — и соскучился; Золя изображает афериста, бойкого, страстного игрока (не в карты и даже не на бирже) и рассказывает, как он имел большой успех, а потом разорился. И все это в размерах и скачками, доведенными до фантастичности. А лиц почти нет. А по местам самая дешевая сентиментальность. А грязи множество, и только тут некоторая художественность и очевидное знание дела. Кой-где сценки недурны, но интереса, право, нет.

Вот Вам стихи молодой девушки⁵:

Если б счастье мое было вольным орлом,
Если б гордо он в небе парил голубом,
Натянула б я лук мой певучей стрелой,
И, живой или мертвый, а был бы он мой!

Если б счастье мое было чудным цветком,
Если б рос тот цветок на утесе крутом,
Я б достала его, не боясь ничего,
Сорвала и упиалась дыханьем его!

Если б счастье мое было редким кольцом,
И зарыто в реке под сыпучим песком,
Я б русалкой за ним опустилась на дно, —
На руке у меня заблестало б оно!

Если б счастье мое было в сердце твоём,
День и ночь я бы жгла его тайным огнем,

Чтобы мне без раздела на век отдано,
Только мной трепетало и билось оно!

Вы мне пишете, что Льву Николаевичу понравилось «стихотворение, в котором Вы обращаетесь к моему порицающему скептицизму»⁶. Простите, — я не помню; что это за стихотворение?

Еще Вы пишете, что «нет самобытного добра и зла, а оно только историческое»⁷; но это ведь все равно, что сказать — «нет ни неизменной истины, ни лжи, а есть только истина и ложь историческая».

Напротив, и истина и нравственность от века те же и от века доступны человеку. И вспомните, кто старался это доказать? Старался Кант, на которого Вы так любите ссылаться. Он нашел в уме твердые законы и в совести *категорический императив*. Но Вы берете Канта только с одной стороны, как берете и его последователя Шопенгауэра.

Ну, простите. Не будем философствовать, если философия нас приводит к спорам. И без того Вы уже давно мне не пишете. Не сердитесь ли? Но, может быть, еще хуже — здоровы ли?

Что до меня, то редко я чувствовал такое ровное здоровье, как теперь. От души желаю и Вам того же.

Мое усердное почтение Марье Петровне и всякое благожелание Катерине Владимировне.

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

1891 9 июля. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ О смерти дочери Н.П.Семенова Маргариты см. п. 207.

² Жена Д.И.Стахеева скончалась летом 1891 г. в Крыму. 14 июня 1891 г. Страхов писал Толстому: «Стахеева, несмотря на женскую бестолковость, упрямство и прихоти, была, однако, очень хорошая женщина и даже довольно развитая. Мы с нею очень дружили» (ТС. Т. II. С. 866).

³ Очевидно, Страхов опирается на мнение М.де Воюэ, в статье которого о русской литературе сообщались также сведения о распространении ее во Франции. См. п. 190, прим. 13.

⁴ «Деньги» (*франц*) — роман Э.Золя, писателя, чрезвычайно популярного в России в конце 1880-х — начале 1890-х гг.; роман печатался в это время сразу в трех журналах — «Труд», «Всемирная библиотека» и «Вестник иностранной литературы».

⁵ Стихотворение Мирры Лохвицкой (Север. 1891. № 3).

⁶ Можно предположить, что Фет обращался к «порицающему скептицизму» Страхова в стихотворении «Кляните нас! Нам дорога свобода...» (см. п. 203, прим. 1).

⁷ Ср. заключительную строфу стихотворения Фета «Добро и зло» (1884): «Пари всезрящий и всеильный, / И с незапятнанных высот / Добро и зло, как прах могильный, / В толпы людские упадет».

207. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 17 июля 1891 г.

Тороплюсь, дорогой Афанасий Афанасьевич, вывести Вас из недоразумения, из которого, пожалуй, выйдет путаница. Николай Петрович¹ потерял свою маленькую дочь Маргариту; ей шел 12-й год. Она была сокровищем и утешением всей семьи, была необыкновенно красивое, умное и кроткое существо. Уже за два года до смерти она совершенно правильно писала по-русски и по-французски. Мать, Надежда Павловна [была] очень набожна, и Маргарита стала очень набожною, читала Евангелие, знала все церковные службы и т.п. Ее подкосил тиф, — язвы в кишках, она изошла кровью.

Пишу к Вам второпях, приходится готовиться к отъезду. Нужно хоть разок взглянуть к здешним знакомым на даче. Ибо дача и деревня — рай и наслаждение, но вместе непременно и скука.

Ваш душевно

Н.Страхов

1891. 17 июля. СПб.

Если напишете в *Рязжск* (Рязанск. губ.) в село *Урусово* на имя Ник. Петр. Семенова, то очень меня утешите, а теперь, на неделю — в *Ясную*².

¹ 14

¹ Н.П.Семенов.

² 13 июля Страхов сообщал Толстому: «Я и задумал выехать после 23 июля, по дороге заехать к Вам на несколько дней, потом в Рязжск, к Семенову, погостить у него недели три и опять заехать к Вам и вернуться в Петербург к 1 сентября» (ТС Т. II. С. 872). Этот план был осуществлен (см. п. 208).

208. СТРАХОВ — ФЕТУ

Ясная Поляна. 27 августа 1891 г.

Пишу к Вам, дорогой Афанасий Афанасьевич, из Ясной Поляны. Вот я уже на обратном пути к своему противному Крюкову каналу. В конце июля я уже провел у Льва Николаевича четыре дни, а потом всё время до 21 августа проживал в Рязанке, у Николая Петровича¹. Что Вам сказать о нем? Он видимо постарел после смерти дочери. Все у них потускло с тех пор, как гроб Маргариты стоит в родовом их склепе у церкви села Урусова. На нем много венков и цветочных и металлических, и к нему каждое воскресенье прикладываются, как к мошам. При мне приехали оба сына, сперва Михаил, потом Петр, славные, бойкие молодые люди. Приезжал и Н.Грот с Л.М.Лопатыным². Пустились мы ездить по обедам — к Я.К.Гроту³, к П.П.Семенову⁴, к Н.Я.Гроту. Тут поблизости живут четыре семьи — и в каждой по 6, по 7 человек от самых маленьких до зрелых и заслуженных. Благословение, произносимое при венчании, исполнилось, и старики супруги видят сыны сынов своих. Мне приятно было видеть и это плодородие и чувствовать, однако, отсутствие того хаоса, который для меня несносен. Особенно я любовался на Н.Грота. Вот *живчик*, как говорит его мать. Чего только не успевает он сделать! Тут я видел, как он ездит верхом, и слышал, как он играет на скрипке.

Благодарю Вас за письмо, которое получил в Рязанке⁵. Отвечать на него не было возможности — такие хлопоты поднялись и по случаю приезда сыновей, и по случаю отъезда их матери в Петербург для переборки на новую квартиру, и по занятиям корректурами книги Николая Петровича, теперь по уши погружающегося в печатание своей книги, — второй половины ее третьего и последнего тома⁶.

Вообще, было грустно; но скучно не было и было постоянное оживление. После моего отъезда Николай Петрович остался один — так странно случилось, что всем пришлось его покинуть. Он очень просил Вам кланяться.

Сюда, в Ясную, я приехал 22-го, в день рождения графини. 23 и 24-е происходили веселые хлопоты — обе семьи готовились к свадьбе, а жених и невеста ворковали между собою⁷. Все шло и прошло радостно и благополучно. 25-го в два часа пополудни двадцать экипажей составили поезд в Кочаки, за три версты, где церковь. Деревня высыпала на улицу и собралась у церкви. Было пыльно, но солнце ярко светило. Из церкви вернулись почти прямо к столу, который был накрыт на крокет-гроунде. Своих, конечно, тут было больше, чем чужих; парад был большой, особенно нарядны были четыре гусара, в том числе и жених. Но было душевно и мило, как всегда у Толстых. Был Фигнер с Медеею⁸ и пел романсы, а она

В.С. СОЛОВЬЕВ, С.Н. ТРУБЕЦКОЙ, Н.Я. ГРОТ, Л.М. ЛОПАТИН

Фотография. 1890-е гг.

Литературный музей, Москва

не могла — простудилась и тешила нас только своей красотой и брильянтами. Были танцы, фейерверк, крестьянские песни и пляски и т.д. Всего не опишешь, но, видимо, всем было весело; один из лучших элементов этого праздника — две мастерские балалайки (Леся Толстой и Миша Кузминский)⁹ и гитара — сам жених. И накануне и в день свадьбы несколько номеров было исполнено восхитительно. Новобрачный, добродушный мальчик, чудесно проплясал трепака.

Вчера разъехались последние гости, остававшиеся ночевать, и в 6 часов вечера мы проводили молодых на железную дорогу.

Лев Николаевич (что самое главное, то я оставил к концу) был нездоров и в тот мой приезд, и в этот. Однако он скоро оправился, и вообще я нашел, что с прошлого года он стал крепче и свежее. Он в полных своих силах, но ему приходится соблюдать очень трудное, даже мучительное воздержание, чтобы сохранять себя здоровым. Уже при мне он очень усердно писал, оканчивая свою статью на тему о *воздержании*, разумеется, в смысле не одной пищи¹⁰. Тема, то есть главная мысль, — превосходна, именно, что хорошие душевные настроения находятся в тесной связи и одно обуславливает другое. Я еще не прочитал всей статьи, но, хотя бы не вполне согласился с развитием, удивляюсь этой жизненности мыслей, идущих так прямо к цели и потому непременно будящих всякого, в ком не иссякло нравственное чувство.

Вот вам краткий отчет о моих похождениях и впечатлениях. Сам я выехал из Петербурга больной (трахеит), но в Рязанке совершенно поправился при теплой погоде. Жар был не велик — 24, 25°R. среди дня. Здесь гораздо прохладнее, даже вчера было свежо, но я уже не боюсь, совершенно окреп.

Завтра день рождения Льва Николаевича, а послезавтра я еду в Москву. Мне нужно пробыть там дни два и я прошу позволения остановиться у Вас на Плющи-

хе — порядок у Вас примерный, и я надеюсь никого слишком не беспокоить. И графиня и Кузминский к 1-му сентябрю уезжают отсюда. Льву Николаевичу придется остаться в Ясной с двумя старшими дочерьми¹¹, и они, если только выдержат, будут проводить здесь зиму.

Простите! Вездесущая Воля, которой Вы все приписываете¹², да сохранит Ваше здоровье. Марье Петровне мое усердное почтение и Катерине Владимировне искренняя благодарность.

Ваш неизменно преданный

Н.Страхов

1891. 27 авг<уста>. Ясная Поляна.

Р.С. Лев Николаевич и Софья Андреевна просят Вам кланяться.

¹ Рязанка — имение Н.П.Семенова в Рязанской губ.

² Философ Николай Яковлевич Грот (1852–1899) — проф. Московского ун-та, основатель Московского психологического об-ва и его председатель, основатель и редактор журнала «Вопросы философии и психологии». Страхов познакомился с ним в 1887 г. Между ними завязались дружеские отношения. Страхов много печатался в журнале Грота, рекомендовал к печати статьи других авторов (напр., В.В.Розанова), давал советы. Сохранилось 25 писем Страхова к Гроту (Грот. С. 236–260). Лев Михайлович Лопатин (1855–1920) — религиозный философ, автор работ о Декарте, Канте, Шопенгауэре и др. Друг В.С.Соловьева, один из основателей Московского психологического общества, активный сотрудник журнала «Вопросы философии и психологии».

³ Филолог Я.К.Грот — отец Н.Я.Грота.

⁴ Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский (до 1827–1914) — брат Н.П.Семенова, известный географ и путешественник. Семеновы и Гроты состояли в родстве: жена Я.К.Грота Наталья Петровна была сестрой Н.П. и П.П.Семеновых.

⁵ Это письмо не сохранилось.

⁶ О книге, над которой работал Н.П.Семенов, см. п. 98, прим. 7.

⁷ 25 августа 1891 г. в Ясной Поляне состоялась свадьба Марии Александровны Кузминской (1869–1923) и Ивана Егоровича Эрдели (р. 1870). Описание этой свадьбы см.: Толстая Дневники. Т. 1. С. 208.

⁸ Известный оперный певец Николай Николаевич Фигнер (1857–1918) и его жена Медея Ивановна (урожд. Мей, 1859–1952).

⁹ Леля — сын Толстых Лев, Миша — сын А.М. и Т.А.Кузминских.

¹⁰ В это время Толстой работал над статьей «Первая ступень» (опубл.: ВФП 1892. Кн. 13, май). Статья была задумана как предисловие к русскому переводу книги Хауарда Уильямса «Этика пищи» (Howard Williams. The Ethics of Diet. London. 1883). Перевод этой книги (выполненный С.А., Т.Л. и М.Л. Толстыми) вышел, по рекомендации Толстого, в изд-ве «Посредник» (1893) со статьей Толстого «Первая ступень» в качестве предисловия. Проповедуя воздержание, которое, как писал Толстой, «есть освобождение человека от похотей» (С. 129), писатель выступил проповедником вегетарианства и сам отказался от употребления мяса.

¹¹ С.А.Толстая уехала в конце августа в Москву, чтобы отдать сыновей Андрея и Михаила в учебные заведения, в то время как Толстой с дочерьми Татьяной и Марией оставались в Ясной Поляне. В середине сентября она вернулась в Ясную Поляну (см.: Толстая. Дневники. Т. 1. С. 208–210), однако 22 октября вместе с младшими детьми переехала в Москву.

¹² Страхов иронизирует над постоянными ссылками Фета на «Волю», учение о которой составляет основу книги А.Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (в основе всего сущего лежит некая слепая Воля, которая бессознательно приводит к бесконечному движению (а следовательно, к бесконечному развитию) все процессы, происходящие в мире).

209. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 16 сентября 1891 г.

На этот раз, дорогой Афанасий Афанасьевич, я запоздал письмом, но на то были и некоторые уважительные причины. Во-первых, я приехал домой только

1-го сентября. В Москве я провел два дня, причем Туфлев¹ исполнил долг Вашего гостеприимного дома в полном совершенстве. Он все помнит и предупреждал даже мои желания; я был как дома, лучше, чем дома — покорно Вас благодарю и добрейшую Марью Петровну. Водился я там все с философами, с Гротом, с Лопатиным, с Говорухою-Отроком². С Говорухою, наконец, я познакомился, проговорил с ним с глаза на глаз часов шесть, весь вечер. Мне нравится его очевидная энергия и то, что в нем что-то постоянно кипит, — чего никак нельзя сказать, например, о нашем общем друге, поэте и философе, Цертелеве. Лопатин нравится мне чрезвычайно своею простотою, добротою и какою-то московскою распушенностию. Однако, когда я стал читать его диссертацию (получил ее уже здесь), то понемногу застрял в беспорядке изложения и теперь только боязливо на нее поглядываю³. Грот истинно любезный и энергичный человек без малейшей распушенности. Однако он прибавил к моей статье другое заглавие: *психологический этюд*⁴, чем огорчил меня. Надеюсь, Вы получили его журнал и там нашли мою статью «Толки об Л.Н.Толстом»⁵. На стр. 117 в 6-й строчке снизу пожалуйста вместо *исповедного* поставьте *известного*.

В Петербурге я нашел все в порядке, разобрал свои вещи, все устроил, вовремя улегся спать и встал бодрым и здоровым, но первое же движение, которое я сделал, чтобы поднять горшок, — испортило мне указательный палец правой руки. Растянулись связки, так что в Комитет я отправился с подвязанной рукою и целую неделю не мог ничего писать. Предосадный случай! Отчего это? — спрашиваю у доктора. Да Ваши молодые лета виноваты, — отвечает он.

Между тем — меня покинул мой сожитель⁶ и я остался совершенно один. Тишина у меня водворилась восхитительная, и если бы она не обходилась мне немножко дорого, то я не стал бы искать нового сожителя, а теперь, хотя и лениво, а нишу. Со Стахеевым мы совершенно помирились, однако не на первый день, а на второй. Он переехал недалеко, и кажется начал теперь успокаиваться. Трогательно он рассказывал об смерти жены. «В последние годы мы были так счастливы, что иногда нас брал страх, — слишком хорошо, как бы не наступила перемена!». Несмотря на то, он спокойно сидел у постели больной тридцать дней и спокойно видел, как она умерла. Через несколько минут он лег спать, проспал 12 или 15 часов сряду, и когда проснулся, был ужасно охвачен горем, горюет и до сих пор, не один раз в день заливается слезами.

Сам я бодрюсь и дивлюсь своему здоровью. Петербург меня давит своею отвратительною погодою. Уже наступает мрак, да если и показывается ненадолго солнце, то оно так бледно и желто, что я тоскую по другим небесам.

То, что Вы написали мне о *порозности*⁷ (по поводу Лукреция), заставило меня развести руками и положить в рот палец удивления. Охотно примусь Вам помогать; пришлите, что у Вас готово — но только боюсь, что мы поссоримся. На Лукреция нужно бы употребить лет пять; я был бы в восхищении, если бы у нас был хороший его перевод⁸. Но ведь Вы будете торопиться; Вы способны сделать перевод бесподобный, диво человеческой речи, а по торопливости сделаете что-нибудь небрежное и не всегда удобное для чтения. Простите меня; кажется, я заговорил слишком резко — но *amicus Plato, sed magis amica veritas*⁹.

От души желаю Вам здоровья. Марье Петровне усердное почтение и Катерине Владимировне привет и благодарность.

Ваш душевно

Н.Страхов

1891 16 сент<ября>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Иван Федорович Туфлев, управляющий домом Фета на Плющихе.

⁹ Платон — друг, но истина — больший друг (*лат*)

² О молодых философах Н.Я.Гроте и Л.М.Лопатине см. п. 208, прим. 2. О Ю.Н.Говорухо-Отроке см. п. 199, прим. 6. 5 сентября 1891 г. Страхов писал Толстому: «В Москве я повидался с Лопатиным, который мне все больше нравится, и познакомился с Говорухою-Отроком, провел с ними целый день, но к удивлению нашел в нем что-то загадочное, и симпатия, которую возбуждали во мне его писания, едва ли не уменьшилась» (ТС Т. II. С. 874).

³ Имеется в виду вторая часть исследования Л.М.Лопатина «Положительные задачи философии» (М., 1891). Первая часть вышла в Москве в 1886 г.

⁴ Об этом подзаголовке к статье Страхова «Толки об Л.Н.Толстом» см. п. 203, прим. 6.

⁵ См. там же.

⁶ Д.И.Стахеев, проживший вместе с женой 16 лет в одной квартире со Страховым, после ее смерти (см. п. 206, прим. 2) сменил место своего жительства.

⁷ Смысл этого высказывания непонятен.

⁸ О работе Фета над переводом поэмы Лукреция «О природе вещей» см. наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 175, прим. 6, а также п. 178, прим. 9. Этот последний труд Фета остался незавершенным (от него сохранились только черновики первых двух глав поэмы — РГБ Ф. 315. 1, 43).

210. СТРАХОВ — ФЕТУ

Мшатка. 10 октября 1891 г.

1891. 10 окт<ября>

Мшатка

Видите, дорогой Афанасий Афанасьевич, откуда я Вам пишу. Неожиданно устроилась эта поездка. Аполлон Николаевич задумал повидаться со своими детьми, Володей и Аполлошей, живущими, как Вам известно, в Константинополе¹. Местом свидания назначена Мшатка. И вот мы с ним и с Анной Ивановной² пустились 2-го октября из Петербурга. 5-го мы утром приехали в Севастополь, и нас уже встретил Аполлоша. 6-го мы все переехали в Мшатку и здесь наслаждаемся солнцем, морем, бесподобными видами и прохладой (13°–15° R), которая позволяет нам делать длинные прогулки. Сегодня или завтра должен приехать сюда Володя и — Но будущее неизвестно и лучше обратиться к прошедшему.

Дело о квитанции на книги я устроил перед своим отъездом, т.е. зашел в магазин и нажаловался Зандроку³, дав ему для памяти точную выписку из Вашего письма. Он удивился, сказал, что для книжных квитанций никакой давности не полагается, но что московский магазин давно у них в беспорядке и безначалии, чем все и объясняется. Он обещал в тот же вечер написать в Москву строгий выговор, так что теперь можно уже, не боясь отказа, зайти туда за деньгами. Конечно, я виноват, что так долго задержал у себя квитанцию, но, надеюсь, теперь это дело поправлено.

И сладко и грустно мне в этих местах, где я провел чуть ли не самые светлые свои дни в разговорах с Николаем Яковлевичем⁴. На этот раз Мшатка необыкновенно мне нравится, и я очень жадно ею любуюсь, вероятно, в последний раз. Дней через десять, должно быть, я пушусь назад уже один. Майковы скоро уедут отсюда в Ялту, и как они закончат свою поездку, не знаю хорошенько. Возвращаясь назад, конечно, я остановлюсь в Москве на день или на два, и, если позволите, остановлюсь у Вас. Кстати, поговорим и об Лукреции, и с Толстыми повидаться⁵.

Здесь на свободе попробовал я писать, но что-то туго идет. В Ваших стихах есть удивительный кленовый лист⁶, но рядом — чаща каких-то перепутавшихся растений, в которой я не успел ничего разобрать. Простите — я их не взял с собою, а то написал бы Вам подробнее. Вообще, я ожидаю от нашего свидания больших разговоров и споров.

Здоровье мое чуть-чуть нехорошо. Но надеюсь, что совсем поправлюсь на здешнем воздухе. От души желаю Вам и Марье Петровне благополучной осени

Знаете ли Вы здешний адрес? Ольге Александр<овне> Данилевской⁷ на станцию *Байдары*. Катерине Владимировне усердный поклон.

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

Р.С. Майковы просят Вам низко кланяться.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Старший сын А.Н.Майкова Владимир служил в русском посольстве в Константинополе, младший — Аполлон — был художником.

² Жена А.Н.Майкова.

³ Николай Филиппович *Зандрок* — управляющий книжным магазином «Нового времени».

⁴ При жизни Н.Я.Данилевского Страхов неоднократно навещал его в Мшатке.

⁵ О работе Фета над переводом Лукреция см. п. 209, прим. 8. Толстого Страхов в Москве не застал — 26 октября он уехал в имение И.И.Раевского Бегичевка (Данковский у. Рязанской губ.), где занимался устройством столовых для голодающих крестьян (см. наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 105, прим. 3). О визите Страхова к Фетам 30 сентября и чтении там статьи Толстого о голоде («Страшный вопрос») см. там же, п. 106, прим. 3.

⁶ В утраченном письме Фета, на которое отвечал Страхов, находилось стихотворение «Опять осенний блеск денницы...» (впервые: *Фет 1894*. Т. I. С. 323), с датой «7 сентября 1891». Страхов вспоминает его заключительные строки: «И в ночь краснеет лист кленовый, / Что, жизнь любя, не в силах жить».

⁷ Ольга Александровна *Данилевская* (урожд. Межакова, 1838-1909) — вдова Н.Я.Данилевского, с которой Страхов поддерживал отношения и после смерти ее мужа.

211. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 5-6 ноября 1891 г.

Как сон, как сладкая мечта¹,

пронеслась моя поездка в Крым² и свидание с Вами³, дорогой Афанасий Афанасьевич, пронеслись и исчезли, и очутился я в своем петербургском уединении. В один день воротилось ко мне то чувство хворости, которое я здесь испытываю и которое совершенно пропадало в Мшатке. И голова болит и желудок не в порядке, — словом, всё что приносит с собою петербургский воздух. Вчера утром я был в Комитете, а вечером в Литературном Обществе — значит, совершенно вошел в здешнюю колею. Сегодня были у меня Д.Ф.Щеглов⁴ и А.А.Киреев⁵.

Предыдущее писано во вторник, 5-го. Остановлюсь только на Литер<атурном> Обществе: там читал Андреевский, известный адвокат, критик и поэт — восторженную статью об *Тургеневе*⁶. Похвалам в ней нет числа; но по прочтении оказались возражатели (и первый П.Д.Боборыкин⁷) и до такой степени напали на критика, что наконец он походил на птицу, у которой выщипали все перья. Он очень бойкий человек, но пришлось сдаться и молчать. По его мнению, на прозу Тургенева нужно смотреть, как на стихи, как на перевод каких-то стихов. Удивительно! Мне пришло в голову, что в литературе второстепенное и фальшивое часто имеет более пламенных поклонников, чем перворазрядное и настоящее. Так многие ставят Тургенева далеко выше Толстого, упиваются Надсоном⁸ гораздо больше, чем Фетом, и т.п. Второстепенное им больше по плечу, доступнее.

Вчера не дописал Вам письма, потому что нужно было ехать к Семеновым и Вышнеградским. Слава Богу! Все благополучно. Пожалуйста, наплюйте тому в глаза, кто станет говорить, что Вышнеградский болен или что он делает что-нибудь нечестное. О, людишки! Они и понятия не имеют о возможности такой добросовестности и такого самоотвержения, с каким он ведет дело⁹. Я только все боюсь, что

он умрет на этом деле; для него это будет завидный конец; но для государства это будет гораздо большая беда, чем голод.

Сожителя у меня до сих пор нет, а искать непременно нужно — три комнаты стоят пустые, и хотя в них

Возлюбленная тишина¹⁰,

но ведь за них нужно платить.

Простите меня! Душевно благодарю Вас и Марию Петровну за милое московское гостеприимство: бесподобны у Вас порядок, чистота, удобство, но всего дороже внимание. Не посетуйте, если чем надоед Вам. Пожалуйста, не хворайте. Мое усердное почтение Марье Петровне и неизменная благодарность Катерине Владимировне, почерк которой всегда так меня радует.

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

1891. 6 ноября. СПб.

¹ Цитата из стихотворения Г.Р.Державина «На смерть князя Мещерского».

² О пребывании Страхова в Крыму см. п. 210.

³ О визите Страхова к Фетам в Москве см. п. 209, прим. 6.

⁴ Дмитрий Федорович Щеглов (1830–1902) — автор книги «История социальных систем от древности до настоящих дней» (Т. 1. СПб., 1870; Т. 2. СПб., 1889), на которую Страхов написал рецензию (РВ 1890. № 5, затем: Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 3. СПб., 1896). В исследовании Щеглова рассматривались социальные, или, точнее, социалистические учения от Платона и Т.Мора до П.Леру и Э.Литтре. В целом Страхов положительно оценил этот труд. На рецензию Страхова откликнулся полемической статьей В.С.Соловьев: «Запоздалая вылазка из одного литературного лагеря (по поводу книги Д.Щеглова “История социальных систем”）」 (ВЕ 1891. № 7).

⁵ Александр Алексеевич Киреев (1838–1910) — писатель, генерал от инфантерии; писал по национальному и религиозному вопросам. В ноябре 1891 г. прислал Фету свою брошюру «О папской непогрешимости. Из переписки католического ученого с русским генералом» (М., 1892), на что Фет откликнулся 4 ноября 1891 г. письмом, в котором признавал, что его «сердечно тронула» присылка этой брошюры. «Хотя бывший командир Гродненского полка граф Олсуфьев и работает со мною вместе над римскими классиками, тем не менее я с крайним недоверием к собственным глазам вижу в Вас военного генерала, свободно владеющего многими новейшими языками, не исключая и латинского. В этом знании коренится и то логическое мышление, которого образчиком может служить настоящая брошюра. С своей стороны смею заметить, что так как папская непогрешимость представляет предмет веры, то, подобно всем другим предметам той же области, для логики неуязвима. *Credo quia absurdum*!» (РНБ). 1 декабря Фет писал вел. кн. Константину Константиновичу о своем «безусловном» согласии со взглядами, выраженными в брошюре Киреева (см. наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 180).

⁶ Сергей Аркадьевич Андреевский (1847–1918) — поэт, переводчик, литературный критик, видный петербургский адвокат (будучи обвинителем в петербургском окружном суде, отказался выступать по делу В.Засулич в апреле 1878 г.), друг А.Ф.Кони. В 1878 г. Андреевский переложил стихами повесть Тургенева «Довольно» и просил у Тургенева разрешения напечатать это переложение. Писатель решительно возразил против подобной публикации, похвалив, однако, поэтическое дарование Андреевского (Тургенев 1. Письма. Т. XII. Кн. 1. С. 322, 327). После смерти Тургенева стихотворение Андреевского было опубликовано (ВЕ. 1884. № 1). Статья «Тургенев. Его индивидуальность и поэзия» опубликована в сб. статей С.А.Андреевского «Литературные чтения» (СПб., 1891), позднее вошла в его книгу «Литературные очерки» (СПб., 1913).

⁷ Андреевский был одно время близок с П.Д.Боборыкиным, изобразившим его в повести «Изменник» (см.: Русские писатели. 1800–1917. Т. 1. С. 72. Статья И.И.Подольской и К.М.Черного). В чем была суть возражений Боборыкина, установить не удалось.

⁸ Об исключительной популярности поэзии С.Я.Надсона см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 142, прим. 5.

¹⁰ Верую, потому что невероятно (лат.).

⁹ Об отношении Страхова к деятельности И.А.Вышнеградского см. п. 141, прим. 8.

¹⁰ Строка из «Оды на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» М.В.Ломоносова.

212. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 7 ноября 1891 г.

Покорно Вас благодарю за хлопоты, дорогой Афанасий Афанасьевич. Мы можем сделать очень просто: из 6 р. 75 коп. следует дать Ивану Федоровичу¹, что он издержал на извозчика и сверх того рубль, что ли, за труды. Остальные деньги я удержу из тех, которые получу за Ваши книги², а получу я их не позже 13 ноября — магазин обещал сделать расчет к этому числу по всем книгам, которые у него продаются от меня.

А «Мир как целое»³ нужно разделить и половину экземпляров отдать в склад «Вопросов философии» (Чистые Пруды, д. Мейнгард, (Николаю Яковлевичу Колубовскому⁴)), а другую половину в магазин «Нового времени» с просьбой переслать их в петербургский магазин, о чем я дам знать здесь, в этом магазине.

Пожалуйста, извините меня за эти хлопоты; я сам виноват, что запустил это дело. «Мир как целое» давно бы был распродан, если бы продавался здесь — в магазинах здесь давно нет ни одного экземпляра. Думаю, что к февралю или марту нужно приготовить новое издание⁵.

Итак, простите! Еще раз благодарю за Ваши ласки. Здоровье мое еще держится и Вам от души желаю успеха в борьбе с простудой. Марье Петровне и Катерине Владимировне — искренние мои приветствия.

Ваш преданный

Н.Страхов

1891 7 ноября. СПб.

<На обороте запись карандашом (рукой Фета?)⁶>

Мир к<ак> цел<ое> — 6

О методе ест<ественных> наук — 8

Из ист<ории> нигилиз<ма> — 8

¹ Подразумевается И.Ф.Туфлев, управляющий московским домом Фета.

² См. п. 203, прим. 9

³ Речь идет о нераспроданных экземплярах первого издания книги Страхова «Мир как целое. Черты из науки о природе» (СПб., 1872).

⁴ Очевидно, подразумевается Яков Николаевич Колубовский (1863–1930), автор труда «Материалы для истории философии в России (1855–1888)», IX глава которого посвящена деятельности Страхова, в том числе истории его полемики с В.С.Соловьевым (ВФП. 1891. Кн. 7. Март. Приложение, с. 89–121).

⁵ Второе издание книги Страхова «Мир как целое. Черты из науки о природе» вышло в Петербурге 20 марта 1892 г. (см. п. 217).

⁶ По-видимому, эти записи содержат сведения о количестве нераспроданных экземпляров книг Страхова. «Мир как целое. Черты из науки о природе». СПб., 1872; «О методе естественных наук и о значении их в общем образовании». СПб., 1865; «Из истории литературного нигилизма». СПб., 1890.

213. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 10 декабря 1891 г.

Не очень для меня ясно, дорогой Афанасий Афанасьевич, что значат Ваши слова, что был-де я у Вас в Москве *контрабандой*. А также, каких это добрых людей Вы обвиняете в *сознательно лживых доносах*?

Из долголетней литературной практики я твердо знаю, что самое обвинение в доносе есть не что иное, как злостный донос. Кому донос? Публике. Для чего донос? Чтобы погубить противника в общем мнении. Но Вы подумайте, — даже отвратительные статьи «Московских Ведомостей», где они вопияли об оскорблении православия² и о том, что Л.Толстой и Вл.Соловьев делают политическую агитацию³ (о, как глупо!), больше писаны из нелепого усердия, чем из желания повредить Л.Толстому и Вл.Соловьеву; тогда как жалобы на донос даже не сопровождаются никакими личными опасениями, а только желанием опозорить противников. Под покровом этих жалоб, под угрозой обвинить всякого возражателя в доносе, проповедывался и процветал наш нигилизм и принес, как Вам известно, не одни цветки, но и ягоды. Я считаю недобросовестным, если кто пишет в надежде на защиту и поддержку властей; но считаю столько же недобросовестным, если кто пишет в расчете, что ему не посмеют возражать, что можно натравить публику на противника, выставив его доносчиком.

Увы! Я не вижу истинной преданности делу, настоящей религиозности ни в Вл.Соловьеве, ни в его противниках. Статью его, по любезности милого Н.Я.Грота, я читал⁴; — в ней все правда и, по обыкновению, все очень громко и очень неопределенно, все очень зажигательно и нет ничего искреннего, теплого. Возражать на смысл ее — нечего, до того он расплывается в общеейшее место; возражать против изложения можно бы на каждой строчке, до того оно не точно, ходульно и фантазмагорично. Это писал не мыслитель, а агитатор; если же кто пустился в агитацию, то не должен жаловаться, что против него восстанут другие агитаторы, именно присяжные агитаторы, газетчики. Живо воображаю себе, что Соловьев доволен очень треском, вокруг него раздающимся. Он бы не прочь и от ссылки, для пушего гвалта, да ведь не все так глупы, как иные из деятелей «Московских ведомостей», и я сам слышал от Победоносцева, что личность Вл.Сергеича ни за что не будет подвергнута какому-нибудь притеснению⁵.

Вы можете подумать, что во мне говорит черная зависть, и тут есть правда, в том смысле, что ему удастся то, чего он желает, а не в том, что я желаю того, что ему удастся. Он в высшей степени полезен тем, что будит умы, а немало вреден тем, что большею частию только «взбалтывает мозги», а не проясняет.

Вот как я разболтался! Но у меня и дело есть. Получил я из книжного магазина на Вашу долю 11 р. 90 коп., следовательно, за вычетом 6 р. 75 коп., должен отнести к Боткиным не менее 5 р. 15 к. На этот раз очень скудный доход дали и Ваши и мои книги! Не тем занята публика. Извините, что до сих пор эти деньги остаются у меня. Тут было мне много неотложных хлопот. Приехала сюда О.А.Данилевская и остановилась у меня, в помещении Стахеевых.

Неволью я позавидовал и Бергу. Он дал мне прочесть Ваших два стихотворения для январской книжки⁶. Такая прелесть! Но знаю, я провинился перед Вами и Вы вместе с Катериной Владимировной меня наказываете. Однако, я остаюсь столь же горячим Вашим почитателем.

Усердное почтение Марье Петровне и неизменная благодарность Катерине Владимировне.

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

1891. 10 дек<абря>. СПб.

¹ Несомненно, что в утраченном письме, на которое отвечает Страхов, Фет выразил свое негодование по поводу нападок «Московских ведомостей» на Соловьева и Толстого (см. ниже, прим. 2 и 3).

² 19 декабря 1891 г. В.С.Соловьев прочитал на заседании Московского психологического общества свой реферат «Об упадке средневекового миросозерцания», в котором рассматривалась роль церкви в новое время. По окончании чтения возникли ожесточенные прения, которые продолжались в печати. Инициатором полемики выступили «Московские ведомости», обвинившие Соловьева в глумлении над православной церковью (1891. № 291–300. 21–30 октября). Это обвинение подхватила широкая пресса, несмотря на то, что реферат не был напечатан (он предназначался к публикации в «Вопросах философии и психологии», но был запрещен цензурой). Стремясь защитить Соловьева от клеветы, на него обрушенной, а вместе с тем защитить и свой журнал, Н.Я.Грот обратился к К.П.Победоносцеву с просьбой разрешить публикацию реферата; не получив ответа, он обратился к нему вторично, в связи с опасной болезнью Соловьева, утверждая, что если эта болезнь приведет к смерти философа, то вина за нее «падет на голову „мошенников пера“ и „разбойников слова“, которые приютились в редакции „Московских ведомостей“» (Тайный правитель России К.П.Победоносцев и его корреспонденты. М., 2001. С. 297–299). Поскольку просьба Грота не была удовлетворена, в 1892 г. реферат Соловьева был отпечатан в Москве на гектографе в виде брошюры, без цензурного разрешения, и распространялся нелегально. 18 января 1892 г. Соловьев сам обратился к Победоносцеву, обвиняя его в насаждении казенного православия и в политике религиозных преследований, при этом он приводил в пример себя, Н.Я.Грота и Толстого (Там же. С. 300–301). О реферате Соловьева см. в наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 179, прим. 2 и 3. Об отношении Фета к нему см. там же, п. 180, прим. 8.

³ 6 ноября 1891 г. Толстой выступил в печати со статьей «Страшный вопрос» — о голоде, наступающем в центральных губерниях России (Русские ведомости. 1891. № 306). «Московские ведомости», постоянно критиковавшие общественную деятельность Толстого, немедленно откликнулись на эту статью, истолковав ее как призыв к социальной революции (Моск. вед. 1891. № 308, 310, 312 от 7, 9 и 11 ноября). «Они намекают слабоумным революционерам, что они могут считать себя солидарными с Толстым и Соловьевым, — записала С.А.Толстая в своем дневнике 12 ноября 1891 г., — и это, по-моему, есть та искра, которая бросается в их кружок и которая поможет им подняться духом. Что за подлая, ужасная газета!» (Толстая. Дневники. Т. 1. С. 218).

⁴ По-видимому, Н.Я.Грот, редактор журнала «Вопросы философии и психологии», предоставил Страхову гранки запрещенного к публикации в его журнале реферата Соловьева «Об упадке средневекового миросозерцания».

⁵ Можно предположить, что секрет «неприкосновенности» Соловьева заключался в резолюции Александра III на докладе К.П.Победоносцева о его попытках организовать протест «против мер, принимаемых относительно евреев» (6 декабря 1890 г.): «Я уже слышал об этом. Чистейший психопат» (Тайный правитель России К.П.Победоносцев и его корреспонденты. М., 2001. С. 292). Император «уже слышал об этом» от министра внутр. дел И.Н.Дурново (Соловьев В.С.: Соч: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 648).

⁶ В январской книжке «Русского вестника» было опубликовано лишь одно стихотворение Фета: «Ель рукавом мне тропинку завесила...», датированное 4 ноября 1891 г. Каково было второе стихотворение, установить не удалось.

Н.Я.ГРОТ

Редактор журнала «Вопросы философии и психологии»

Фотография фирмы «Шерер, Наболиц и К°». Москва, 1879

Из кн.: Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников. СПб., 1911

214. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 7 января 1892 г.

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич, что не скоро отвечаю на Ваши письма; у меня теперь были и есть особенные хлопоты. О.А.Данилевская с дочерью и сыном поселились у меня в комнатах, покинутых Стахеевым. Кроме того, как Вы видите, я отличился в литературе: разом появился в двух журналах¹, что для меня несравненно труднее, чем для Вас. Стихи Ваши читал и в «Русск<ом> Вести<нке>» и в «Русск<ом> обозрении»² с обыкновенным восхищением.

Ель рукавом мне дорогу завесила —

большая прелесть уже этот один стих. Но

Блажен кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов³!

Мне хочется Вам возразить; никто не клянет тех, кто воспевает любовь, но только нужно, чтобы это была *любовь*, а не другое чувство, которое так часто и так легко возбуждает отвращение⁴. Половой орган сидит на нашем теле, как слепой и беспокойный паразит, и мы чувствуем стыд, когда ему подчиняемся. Впрочем, Шопенгауэр очень хорошо об этом говорит. Он под любовью понимает именно то, что не стоит воспевать, почему и нашел, что женщины существа презренные, и наши отношения к ним — только обман хитрой природы. Одна искра истинной любви, истинной нежности, если бы он ее почувствовал, могла бы убедить его, что он глубоко ошибается.

А Говоруха — молодец! Я просто не могу надивиться его плодовитости и его уму. Он всюду очень умен, иногда даже глубок; ведь его заключение насчет того, что казенное жалование способствует у нас развитию философии, совершенно верно⁵. Философия бывает трех родов: 1) настоящая, 2) профессорская и 3) популярная. Эти три философии почти независимы и существуют в одно и то же время. Самая дурная, конечно, профессорская; она состоит из курсов, которые читаются профессорами. Эти авторы поддерживают авторитет друг друга, пишут солидно, учено и таким образом загромождают собою все поприще философской литературы, так что до настоящей философии трудно и пробраться, трудно даже узнать, где она. Популярная философия обыкновенно мелка и освободиться от нее довольно легко.

Но будет философствовать! Очень жалею, что вас мучит одышка; так я оставил Вас в Москве, и до сих пор не лучше? Что касается меня, то вот чуть ли не полгода я ни разу не чувствовал себя больным, и это меня немало удивляет. Здоровый человек обязан трудиться, и потому я стараюсь победить свою лень и не слишком зарываться в книгах. Начал печатать 2-е издание «Мира как целое» и теперь обдумываю предисловие, из которого, вероятно, составлю особую статью — «Успехи нового естествознания» — что-нибудь в этом роде⁶. Майков Вам кланяется, Полонский что-то хиреет, но по-прежнему неутомимо пишет. Его именины, 26 декабря, были блистательны, по обыкновению.

Простите! Марье Петровне низкий мой поклон и Екатерине Владимировне великая благодарность.

Ваш искренно

Н.Страхов

1892. 7 янв<аря>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Речь идет о двух статьях Страхова: «Итоги современного знания (По поводу книги Рена-

на "L'avenir de la science" ^{1*})» (РВ. 1892. № 1) и «Ответ на письмо неизвестного» (ВФП 1892. Кн. II (январь)).

² В январской книжке «Русского вестника» было опубликовано стихотворение Фета «Ель рукавом мне тропинку завесила...» (ниже первая строка его приведена неточно). В первом номере «Русского обозрения» были напечатаны: «Нет, даже не тогда, когда стопой воздушной...», «Я слышу — и судьбе я покоряюсь грозной...», «Мы встретились вновь после долгой разлуки...» и «В К. Константину Константиновичу» («Не сетуй, будто бы увяла...»). К.Р. откликнулся на публикацию стихов в «Русском обозрении» восторженным отзывом (см. наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 191, прим. 1).

³ Строки из стихотворения Пушкина «Жуковскому» (1818).

⁴ Эта фраза — напоминание о стихотворении «Кляните нас! Нам дорога свобода...», которым Фет ответил на «порицающий скептицизм» Страхова в отношении его любовных стихов (см. п. 203, прим. 1 и п. 206, прим. 6).

⁵ Этот отрывок из письма Страхова, касающийся Ю.Н. Говорухи-Отрока, Фет процитировал в письме к вел. кн. Константиновичу от 10 января 1892 г. (см. наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 187).

⁶ В статье «Ход и характер современного естествознания» (авт. дата «7 февраля 1892 г.») подводились итоги современного естествознания за последние двадцать лет (РВ. 1892. № 3).

215. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 27 января 1892 г.

Виделся я, дорогой Афанасий Афанасьевич, с Василием Григорьевичем Васильевским ¹, человеком очень замечательным. Говорят, что его исследования по истории Византии и византийской литературы достаточно были бы для громкой славы десяти ученых. К несчастью, как он сам мне однажды сказал, что бы ни делал византист, какие бы ученые чудеса ни совершал, все-таки он никогда не получит общей известности. Академия наук, конечно, знает Васильевского и недавно сделала его своим членом; но все-таки можно сказать, что его никто не знает. Этот неизвестный человек есть в то же время милейшее существо по бесконечному благодушию и детской ясности души. Он десятию годами моложе меня, и мы с ним большие приятели.

Итак, насчет «Tristia» он сказал мне, что, конечно, для журнала честь и удовольствие поместить труд, подписанный Вашим именем ². Но уже с полгода назад редакция объявила своим сотрудникам, что она не будет помещать переводов поэтических вещей. Дело в том, что такие переводы стали появляться все в большем и большем числе; между тем умножились и оригинальные исследования по части древнего мира, и исследователи возроптали на переводчиков, отнимавших у них место, и настаивали на своем праве печатать свои статьи в журнале, который один только и может их принять. Так и состоялся отказ всем переводчикам. Все-таки Васильевский хотел бы напечатать Ваш перевод и придумал пустить его (в виде исключения) в приложениях к журналу. Приложения теперь все поглощены Н.А. Любимовым ³, и место в них опростается не раньше летних месяцев, — если Вы согласны подождать до того времени, то дело и может сладиться.

О себе не могу сказать Вам ничего хорошего, кроме того, что здоров и что пищеварение мое совершается правильно. Право, это даже скучно. Петербург очень серьезен, но ничуть не грустит. По всему видно, что все меры против голода приняты ⁴. Однако купцы жалуются на дурную торговлю и банкротства у мелких торговцев беспрестанные. Слышал я, что подписка в «Неделе» очень хороша ⁵, а в «Вестнике Европы» порядочно упала. Наше Литературное Общество из рук вон плохо собирается; в понедельник было 10 человек, и двое из них ушло до конца чтения.

^{1*} «Будущее науки» (франц.).

Простите, не поминайте меня лихом. Марье Петровне усердное почтение, а Катерине Владимировне благодарность не без маленького упрека: верно она сердится, что не получаю я Ваших стихотворений раньше печати. Одно из них я недавно победоносно объяснил по книге у И.П.Корнилова⁶. Душевно желаю Вам здоровья и всякого благополучия.

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

1892. 27 янв<аря>. СПб.

Портрет мой, писанный Репиным и бывший на его выставке, имел большой успех, но не полный; самые милые мне особы находили, что не вполне схвачено выражение⁷.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Василий Григорьевич *Васильевский* (1838–1899), историк, византолог, проф. Петербургского ун-та, член Имп. Академии наук. Состоял, как и Страхов, членом Ученого комитета Мин-ва нар. просвещения.

² Фет спрашивал о возможности опубликовать свой перевод «Скорбей» («Скорбных элегий») Овидия в «Журнале Мин-ва нар. просвещения». 7 февраля 1892 г. он сообщал А.В.Олсуфьеву, что «почти что устроил печатание “Скорбей”» в этом журнале, начиная с июня месяца (*Олсуфьев* 52. С. 118). 3 мая 1892 г. Фет сообщал Полонскому, что окончил примечания к переводу (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 216). Перевод этот вышел в свет уже после смерти поэта в Москве отдельным изданием.

³ В приложениях к «Журналу Мин-ва нар. просвещения» (1892. № 1–8) печатался труд Н.А.Любимова «История физики».

⁴ 1889–1891 гг. были неурожайными и вызвали голод во многих губерниях. Фет, как и Толстой, написал несколько статей о формах помощи голодающим и принял участие в благотворительных акциях.

⁵ «Неделя» — еженедельная политическая и литературная газета, выходившая в Петербурге с 1866 г. В 1876–1893 гг. редактором ее был П.А.Гайдебуров.

⁶ Об И.П.Корнилове см. п. 11, прим. 10.

⁷ Портрет Страхова работы И.Е.Репина (гравюра В.Матэ) см. на с. 433.

216. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 21 февраля 1892 г.

Почти всегда, дорогой Афанасий Афанасьевич, во мне возбуждается великая зависть, когда случится встретиться с Вашим поклонником, еще мне неизвестным. Не трудно услышать похвалу тому или другому писателю; но Вас никогда просто не хвалят, а непременно Вами восхищаются до изумления и самозабвения. Недавно сошелся я с юношею *Никольским*¹, студентом университета, и каждый раз, когда говорю с ним, удивляюсь его уму и тонкому пониманию. Он мне разбирал в прошлую пятницу у Полонского некоторые Ваши стихотворения и ценил их превосходно. Все, что для других непонятно и бледно, для него оказывается и полным смысла, и ярким. Дай Бог, чтобы нарастало это молодое поколение; я уверен, что оно подыметься выше не только нынешних молодых писателей (это — не мудрено, не очень большая высота), но и выше знаменитых западников и славянофилов.

Что касается до Бога, о котором Вы завели речь, то мне очень понравилась одна случайно приобретенная книга Густава Каруса «*Natur und Idee*»^{1*}, она начинается так:

^{1*} «Природа и Идея» (нем.).

Vorbegriffe.

Alle Philosophie setzt Gott voraus und ist nur möglich unter dieser Voraussetzung!¹.

Очень хорошо рассуждает в этом роде Аристотель в своей «Метафизике», Спиноза и другие подобные. Беда в том, что Шопенгауэр видел в Боге седого старика еврея, а потому никак не хотел ему поклоняться. Но ведь это большое заблуждение. И что же вышло хорошего? Его собственный Бог, *воля*, — ужасно похож на того черта, которому гностики приписывали создание мира.

Читаете ли Вы статьи Розанова об К.Н.Леонтьеве²? Вторая статья, которая будет в марте, удивительно хороша. В марте же будет и моя статья: «Ход и характер современного естествознания»³. Прошу Вашего внимания и снисхождения.

До сих пор я все здоров, чему немало дивлюсь. Грустно мне вспомнить Вашу хворость, которую я так хорошо знаю, несмотря на Ваше нежелание ее показывать. От души желаю вам ободрения и освежения. Марье Петровне усердно кланяюсь и Катерину Владимировну очень благодарю. Простите

Вашего искренно преданного

Н.Страхова

1892. 21 февр<аля>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Борис Владимирович *Никольский* (1870–1919) — поэт, публицист и переводчик, будущий редактор первого Полного собрания сочинений Фета в 3-х т. (СПб., 1901), при подготовке которого располагал рабочими тетрадями Фета, ныне утраченными. В 1892 г. Никольский — студент юридического отделения Петербургского ун-та, посетитель «пятниц» Я.П.Полонского, приятель его сына Александра, который 8 октября 1890 г. переслал Фету посвященное ему стихотворение Никольского («Как солнце ярче звезд пыласт...») (*Медведева*. С. 72) и представил своего товарища как «страстного обожателя» поэзии Фета, знающего наизусть почти все его стихи. Как переводчик Никольский считал себя продолжателем Фета, расценивая его переводы как «наши национальные черновики», по которым «легче работать» (Там же. С. 73. Прим. 1). Позднее, в 1900-е гг., будучи приват-доцентом историко-филологического факультета Петербургского ун-та, Никольский читал лекции о лирике Пушкина, Фета и др. поэтов, преподавал русскую словесность и римское право детям вел. кн. Константина Константиновича Олега и Игорю. В 1919 г. расстрелян большевиками, и его уникальная библиотека была конфискована. См. о нем: *Русские писатели. XX век: В 2 т. Т. 2. М., 1998* (ст. М.П.Лепехина).

² Имеются в виду три части статьи В.В.Розанова, посвященной взглядам К.Н.Леонтьева: «Эстетическое понимание истории. I–VI» (*РВ* 1892. № 1), «Теория исторического прогресса и упадка. VII–VIII» (Там же. № 2) и, под тем же названием, окончание (Там же. № 3).

³ См. п. 214, прим. 6.

217. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 21 марта 1892 г.

Несмотря на мое желание, дорогой Афанасий Афанасьевич, спорить с Вами об абсолюте, который Вы отвергаете, опираясь на авторитет буддистов вообще и китайцев в частности, а также о том, что больше способствует размягчению мозгов, философия или поцелун (стихи Ваши — прелесть! могу возразить только против одной строчки: «Без рассветных туч»¹ и пр. — тут первые два слова сливаются в *безрассветный* — кажется, этого легко избежать?) не мог я писать к Вам, поглощенный руками рождения моей книги, 2-го издания «Мира как целого», которое пришло Вам немедленно². Оно во многих отношениях лучше прежнего, между прочим и в том, что исправлено и дополнено. Вышло только вчера. Прошу Вас хоть немножко извинить меня. Потом, время вообще было хлопотливое. Лев Николаевич задал такую работу языкам (перьям не дает работать цензура), что нельзя не удивиться³. На него вооружились все, чиновники, светские люди, духовные,

¹ Предупреждение. Всякая философия выносит Бога за свои пределы и может существовать только при таком условии (*нем*).

литераторы и пр. и никто уже не думает разбирать дела, никто не задает простого вопроса: да что же он такое ужасное наделал? — а все бранятся с ожесточением, с неистовством. Конечно, во всякое время необходим какой-нибудь предмет для излияния того злословия, которое кипит в груди всех людей; но однако!.. В нем видят какое-то чудовище лицемерия, рассказывают, напр<имер>, что он получает 60 тысяч в год и ни копейки не тратит на бедных, что свои блузы ежегодно заказывает у *Aйе*^{3-а} (есть у Вас такой?), а вегетарианскую пищу выписывает из Парижа и тратит на нее много денег и т.п. Все это высказывается с благороднейшим негодованием на такое нарушение правил истинной добродетели. А чем виноват Лев Николаевич? Разве тем, что разные Диллоны запрашивают у него статьи, письма — для собственных прибытков и других целей, а он их потом старается выгородить, когда свирепые люди на них нападают⁴. «Daily Telegraph», говорят, постоянно с ненавистью нападает на Россию, притом — это в самой Англии одна из самых неуважаемых [английских] газет. «Московские ведомости» — если бы там не было Говорухи — не имели бы и права называть себя литературным органом. Вся повадка — не литературная; уж не думают ли они, что они орган православия? О, как мы падаем! Вот наследство, оставленное Катковым⁵ — ни единого принципа, никакой идеи, а чистый оппортунизм!

Кстати о Говорухе. Здесь есть несколько человек (напр., Суворин), которые по его фельетонам следят за литературой, так как сами не имеют времени читать книги и журналы. Деятельности его я искренно удивляюсь; жаль только, что сам он не дает ей настоящей цели. Если бы он понял, что может занять место руководителя, то стал бы, вероятно, усерднее трудиться и меньше бы был недоволен своим делом.

Мои статьи «Итоги» и «Ход» Вам известны⁶; Вы правы, что *Вогюэ* излагает именно Ваше мировоззрение⁷. Не правда ли, умен?

Простите меня за все. На Вашу долю получил я еще 7 рублей, итого с прежними 12, которые постараюсь поскорее доставить Боткиным⁸.

От души желаю Вам здоровья. Сам я все себе удивляюсь — все здоров. Прошу Вас передать мое почтение Марье Петровне и мою благодарность Катерине Владимировне, почерк которой всегда меня так радует.

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

1892. 21 марта. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Эту строку из стихотворения «Не могу я слышать этой птички...» (авт. дата: 16 февраля 1892 г.) Фет неоднократно переделывал, следуя замечанию Страхова (*ВО* 1979. С. 492 и 767). Ее окончательная редакция: Нива. 1893. № 4. Вероятно, вместе с этим стихотворением Фет послал Страхову и другое, написанное 15 февраля, — «Не отнеси к холодному бесстрастью...» (оба стихотворения были тогда же отправлены Я.П.Полонскому (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 205) и вел. кн. Константину Константиновичу (см. наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 194)).

² Экземпляр этой книги, подаренный Фету, не сохранился.

³ В начале 1890-х годов Толстой вызвал немало нападков в связи с публикацией писем об отказе от собственности на свои произведения, о вегетарианстве, о помощи голодающим. Особенно жестко критиковали общественную деятельность Толстого «Московские ведомости» (см. п. 113, прим. 3).

^{3-а} См. наст. кн.: Переписка с С.А.Толстой, п. 15, прим. 8.

⁴ Речь идет о статье Толстого «О голоде», предназначенной в журнал «Вопросы философии и психологии». Цензура запретила статью, и Толстой передал ее корреспонденту английской газеты «Daily Telegraph» Эмилию Михайловичу Диллону (1854–1930), который опубликовал ее на английском языке в нескольких номерах газеты (12–30 января ст. ст. 1892 г.) в виде писем под заглавием «Почему русские крестьяне голодают?». В редакционной статье «Московских ведомостей» «Граф Толстой о голодающих крестьянах» (№ 22 от 22 января) была напечатана с неточностями часть статьи Толстого в обратном переводе с английского языка и сделан вывод: «Письма гр. Толстого <...> являются открытой пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя». 8 февраля С.А.Толстая послала в

правительственные инстанции (министру И.Н.Дурново и др.) протест, который не был опубликован. 12 февраля Толстому пришлось самому написать письмо в «Правительственный вестник», которое также не было опубликовано. Тогда, по совету Н.Я.Грота, его письмо было размножено на гектографе и разослано в периодические издания и частным лицам. В первой декаде марта 1892 г. несколько газет опубликовали это письмо («Новое время», «Новости», «Санкт-Петербургские ведомости» и др.). См. об этом эпизоде также наст. том (кн. I): Переписка с Полонским, п. 207, прим. 4.

⁵ М.Н.Катков до своей смерти был редактором не только «Русского вестника», но и правительственной газеты «Московские ведомости».

⁶ О статьях Страхова «Итоги современного знания» и «Ход и характер современного естествознания» см. п. 204, прим. 9 и п. 214, прим. 6.

⁷ Очевидно, статья М. де Вогюз по поводу «Крейцеровой сонаты», опубликованная в переводе Вл.Соловьева в журнале «Русское обозрение» (1890. Кн. 12), где высказана мысль, что Толстой является «жертвой недуга *анализирования*» (с. 516).

⁸ См. п. 203, прим. 9.

218. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 5 мая 1892 г.

Покорно Вас благодарю, дорогой Афанасий Афанасьевич, за *собачность*, которую Вы открыли в моих писаниях. Это — тонкое замечание, и в нем угадано мое тайное стремление. Об этой собачности я невольно вспомнил потому, что только вчера прочитал статью Вл.Соловьева «Отрицательный идеал нравственности»¹, в которой мой приятель обнаруживает собачность уже в прямом смысле этого слова. Вот прочитайте и узнаете, в чем настоящая святость, а по дороге и то, что я не смею называться христианином и блистаю отсутствием чистосердечия и ясности ума. Однако, не думал я, что он такой злой. В первый день Пасхи вдруг я получаю телеграмму: «Христос воскрес! Владимир Соловьев». Неужели это братский поцелуй? — подумал я, но не мог поверить. И оказалось, что это действительно поцелуй Иуды, что он в это время пишет против меня довольно нахальную и лукавую выходку.

Вы на это посмотрите иначе, чем я смотрю, и, пожалуй, в ином с ним согласитесь; но я ни за что не соглашусь, что кто не верит в дьявола с рогами и хвостом, тот и не христианин и не может понимать святости.

Простите, что долго не писал к Вам — меня что-то так опутало, что вот уже два месяца собираюсь навестить знакомых, живущих в десяти шагах и никак не выберу времени. Услышал я, что Полонский нездоров, и вчера навестил его в его дальних от меня странах. Ничего! Очень исхудал и еще слаб. Но состояние умственное и душевное обыкновенное. От него я узнал, что Вы уже в Воробьевке.

Она ему образ мгновенный

чудесно. А что Вы скажете об «Лепте»²? Когда я вижу такую свежесть и деятельность ума, как у Вас и Полонского, то всегда вывожу для себя нравоучение: Вот и ты так должен работать, а не складывать руки.

Да мудрено и складывать: без работы берет тоска невыносимая. Нынешнюю зиму я, впрочем, заслужил, чтобы Вы меня погладили по головке.

С тех пор как уехал Вышнеградский³, мне все кажется, что Петербург затих и нет в нем больших новостей. Болезнь его — горе немалое; трудно думать, что это не предвестие, хотя бы и далекое, что деятельности его наступает замедление и должен наступить конец. Из Крыма приходят от А.Н.Майкова вести недурные, но редкие⁴. Сам я никуда еще не собираюсь и до десятых чисел июня останусь еще на месте. Здоровье мое не дурно.

От души желаю и Вам всякой бодрости. Марье Петровне мое усердное почтение и Катерине Владимировне искренняя благодарность. Душевно преданный

Н.Страхов

Р.С. Встретил я здесь Ф.Е.Корша, приехавшего для экзаменов в университете. Какой умница! Жаль, что мало пришлось поговорить с ним. Он, я слышал, возвращается в Московский университет⁶.

1892. 5 мая. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Статья В.С.Соловьева «Отрицательный идеал нравственности» (РО 1892, № 4; авторская дата «7 апреля 1892 г.») была ответом на статью Страхова «Справедливость, Милосердие и Святость» (НВ 1892, № 5784, 5 апреля). Заметив, что Страхову не удалось показать справедливость и милосердие как ступени к достижению святости, Соловьев упрекал Страхова в том, что святость у него оказывается «не полнотой и завершением правды любви, а каким-то отрешением от них, вследствие разочарования в осуществлении их задач» (С. 804). Приписывая Страхову трактовку Христа как человека бесстрастного, Соловьев опровергал своего оппонента ссылками на Евангелия, утверждая, что «бесстрастие или невозмутимость <...> вовсе не входит в христианский идеал совершенной святости» (С. 806). Надеясь на то, что взгляды Страхова совпадают со взглядами Шопенгауэра, Соловьев противопоставлял их воззрения народным идеалам, где вера в милосердие соседствует с верой в сильную молитву и чудеса (С. 811). Опровергая Страхова, Соловьев, без сомнения, метил в Толстого: в свою очередь, Страхов косвенным образом еще раз выступил апологетом учения Толстого, хотя Толстой не во всем с ним согласился (ТС. Т. II. С. 901). Откликнулся на статью Страхова и Ю.Н.Говоруха-Отрок — «Литературные заметки Любовь и страх» (Моск. вед. 1892, № 99).

² «Она ему — образ мгновенный...» — первая строка стихотворения Фета (без заглавия) Опубл. посмертно: Нива. 1893, № 1 (с датой: «3 апреля 1892»).

³ Речь идет о поэтическом сборнике Я.П.Полонского «Лепта в пользу нуждающихся. Несколько стихотворений» (СПб., 1892). В него вошли стихи, ранее печатавшиеся в периодической печати (см. наст. том (кн. 1): Переписка с Полонским, п. 212, прим. 4). Фет высоко оценил этот сборник (Там же, п. 216).

⁴ Вследствие болезни И.А.Вышнеградский вынужден был уехать на лечение в Крым, а затем в августе 1892 г. он вышел в отставку (см. письмо 223). Вопреки слухам, болезнь его оказалась не смертельной.

⁵ А.Н.Майков находился в Крыму вместе с И.А.Вышнеградским. Они вернулись в Петербург в первой половине июня 1892 г.

⁶ Федор Евгеньевич Корш (1843–1915), филолог-классик, с 1893 г. чл.-корр., с 1900 академик, был знаком с Фетом и помогал ему в переводах римских поэтов.

219. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 13 июня 1892 г.

Да откуда же Вы берете, дорогой Афанасий Афанасьевич, что я считаю Христа — квиетистом¹? И откуда взял добрейший и прямодушный Соловьев, что я проповедую *бесстрастие*²? По своему обычаю, он подменил одно слово другим; он делает это по прирожденному ему лукавству, т.е. у него всегда мысли путаются, и он не в силах разобрать, лжет ли он или правду говорит. Оттого-то он так крепко хватается за авторитет церкви, хотя вечно впадает в ересь. Очень понятно, что я человек неудобный и для него, и для Вас. Он стоит за церковь, Вы против нее, и оба крепко держитесь в своих позициях; один говорит «да», другой «нет», и оба полагают, что порешили дело. Но по-моему весь вопрос не так поставлен, и ни его «да», ни Ваше «нет» ничего не решают; Вы оба не правы, а потому оба против меня.

Очень бы хотел явиться в Воробьевку для продолжения или лучше продления споров, и может быть, мне удастся завернуть к Вам хоть ненадолго. Но Вы видите, я до сих пор в Петербурге — держит меня комиссия, в которой я должен докончить некоторое дело³. Вероятно, скоро я освобожусь и тогда поскорее двинусь в Ясную⁴, куда меня требуют; что буду делать потом, еще сам не знаю, хотя чувствую надобность подольше отдохнуть и хорошенько прогуляться. Если хотите порадовать меня своим письмом, то направьте его в Ясную Поляну.

Поверьте, я не питаю никакой злобы к Соловьеву, которого Вы так мило защищаете. Скорее же в нем можно подозревать злобу; не могу удержаться от этого предположения. В этом человеке всего много, и хорошего и дурного.

Ну, Бог с ним! У нас все время стоит отвратительная погода. Весны не было, и лета еще нет — дожди и холодные вечера. А у Вас, должно быть, посевы поправились?

От души желаю Вам здоровья. Мое усердное почтение Марье Петровне и неизменная благодарность Катерине Владимировне. Своему здоровью я удивляюсь, хотя и чувствую, что дряхлость потихоньку-потихоньку наступает на меня. Майков вернулся из Крыма здоровый⁵ и велел Вам кланяться. Полонский поправился, но я потерял его из виду. Петербург все еще очень люден, из-за погоды не едут на дачи. Однако знакомые мои разъехались и мне приходится, наконец, дома обедать и жить одному в шести комнатах.

Простите. Ваш искренно преданный

Н.Страхов

1892. 13 июня. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Квиетизм — религиозное учение XVII века, согласно которому человек должен безвольно подчиняться Богу, не заботясь о собственном спасении.

² В не дошедшем до нас письме Фет, по-видимому, защищал точку зрения В.С.Соловьева, высказанную им в статье «Отрицательный идеал нравственности» (см. п. 218, прим. 1).

³ О каком деле идет речь, установить не удалось.

⁴ После посещения Ясной Поляны Страхов 6 июля приехал на несколько дней к Фету в Воробьевку (см. п. 220).

⁵ См. п. 218, прим. 5.

220. СТРАХОВ — ФЕТУ

Ясная Поляна. 4 июля 1892 г.

Кажется, наконец, дело решено, дорогой Афанасий Афанасьевич. Завтра, то есть 5-го^{1*} я вечером сяду в вагон на Козловке, а 6-го к завтраку буду у Вас в Воробьевке. Так я думаю, а наверное сказать не могу при том коловращении, которое здесь происходит. Стремлюсь я в Киев, на именины своей племянницы¹ и потому недолго погощу у Вас. Но очень приятно будет повидать Вас и приняться за продолжение споров. Здесь все благополучно и столько новостей, что не хочу и приниматься Вам рассказывать. Вам и Марье Петровне хозяева просят кланяться. Итак, до свидания! Будьте здоровы и простите Вашего душевно преданного

Н.Страхова

1892. 4 июля. Ясная Поляна.

¹ О.Д.Матченко (см. о ней п. 221).

221. СТРАХОВ — ФЕТУ

Киев. 25-26 июля 1892 г.

Киев. 25 июля

Простите, дорогой Афанасий Афанасьевич, что до сих пор не написал Вам и не поблагодарил Вас и Марью Петровну за гостеприимство, сладость которого, поверьте, я тонко чувствую. Уехавши от Вас, я подвергся и подвергаюсь до сих

^{1*} Вписано вместо зачеркнутого: 6-го

пор величайшему рассеянию ума и сердца. Очень приятно было мне увидеть свою племянницу и ее четверых детей; сама она, старшая девочка Нина и младший мальчик Коля, по моему убеждению, составляют даже замечательные образчики человеческой природы. Но их счастливая квартира очень невелика, и я живу *среди* этой семьи, в буквальном смысле слова *среди*. Кроме того, нужно было навещать Самусей¹, Алексеевых², Праховых³ и пр. Нужно было присутствовать на праздниках и навещать гулянья. Я видел удивительную церемонию 15-го июля, был на Трухановом острове, на Минеральных водах и т.д. Нужно было осматривать древности и новости: монастырь Великой Княгини, собор Св. Владимира, Софийский собор и пр. А Прахов, здешний профессор искусства и главный реставратор, уговорил меня не ограничиваться Киевом. Мы вместе с ним поехали в Чернигов, где я никогда прежде не бывал. С удивительною энергиею Прахов принялся за работу и отрыл в пяти местах фрески, да сверх того место гробницы неизвестного Великого Князя. Осматривали пещеры и старые храмы, познакомились с архиереями, Вениамином и Сергием; у Сергия мы даже жили два дня в его архиерейских покоях, вместе с ним ездили купаться в Десне, в рощу пить чай и т.д. На все это ушло меньше недели. Когда мы вернулись, оказалось, что уже заезжал ко мне Говоруха, и на следующий день начались у меня с ним литературные разговоры. Признаюсь, эти разговоры вовсе меня не привлекают. Говоруха по макушку сидит в литературных своих делах, а я так приятно отдыхал в Киеве от всяких мыслей, связанных с писательством. Кормят меня здесь на убой и с величайшей настойчивостью. Но желудок мой, благодарение Создателю, хоть и с усилием, а справляется с бременем родственного усердия. Холеры здесь не было, но она мне сильно помешала: я собирался ехать в Байрейт на оперы Вагнера⁴, как вдруг появилось известие, что на нашей границе учрежден пятидневный карантин. Уже я решился высидеть эти дни и все-таки добраться до Байрейта; но подоспело приглашение в Чернигов, и я отказался от своей мечты, которую питал втайне и не без угрызения совести. Слава Богу, холера ослабевает и все скоро придет в обыкновенный порядок. Послезавтра пускаюсь в обратный путь и прежде всего в Орел, на свидание с очень милым человеком⁵; оттуда или заеду к Вам, или напишу, или сделаю и то и другое. К 15 августа мне нужно быть в Петербурге.

Еще раз прошу извинить меня. От души желаю Вам всякого благополучия; не поминайте меня лихом, даже если будет у Вас мой приятель Соловьев⁶. Марье Петровне мое усердное почтение, а также Засекину⁷ и Катерине Владимировне. Не утешите ли меня несколькими строками в Орел, *poste restante*?

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

1892. 26 июля. Киев.

¹ Данила Иванович Самусь — муж покойной сестры Страхова Антонины Николаевны, жил, как и его дочь О.Д.Матченко, сначала в Полтаве, где был инспектором полтавской гимназии. У него Страхов останавливался в Полтаве. Затем он, очевидно, переехал в Киев, вслед за семьей Матченко.

² О каких Алексеевых идет речь, установить не удалось.

³ Семья киевского профессора искусств А.В.Прахова (см. п. 148, прим. 1).

⁴ Это намерение Страхов отчасти осуществил в следующем году. Во время своего лечения в Эмсе летом 1893 г. он ездил в Мюнхен, чтобы слушать Вагнера (см.: ТС Т. II. С. 919).

⁵ Подразумевается И.В.Павлов (см. о нем п. 222, прим. 1).

⁶ Несомненно, ирония Страхова, который, не желая встречаться с Соловьевым в Воробьевке, избегал поездки туда.

⁷ Подразумевается художник и скульптор Н.В.Досекин, с которым Страхов познакомился благодаря Фету (О Досекине см. п. 225, прим. 1).

222. СТРАХОВ — ФЕТУ

Орел — Ясная Поляна. 31 июля — 2 августа 1892 г.

31 июля. 1892. Орел

1.

Каждый день хожу на почту, дорогой Афанасий Афанасьевич, и справляюсь, нет ли от Вас письма. Не знаю, чему приписать, тому ли, что меня окормливали, или еще более внутренней причине, но Киев мало помог моему отдыху. Хорошо я сделал, что поспешил сюда: я захватил Ивана Васильевича Павлова¹ на самом отъезде. Он собрался ехать в отпуск, в дальнее имение; однако мы провели вместе последние два дня и успели вспомнить старину. Павлов товарищ по лицу Н.Я.Данилевского и очень близкий его друг; отличается большою любознательностью, большими познаниями и остроумием.

Увы! Наш круг час от часу редееет;
Судьба глядит — мы вянем, дни бегут².

2.

Сегодня мне пришлось провести здесь день одному; я принялся размышлять и читать Ренана «Feuilles détachées»³, книгу, которую взял с собою. Какая прелесть и какая гнусность! Прелесть по мастерству писания и потому, что он вечно ходит на самом краю бездны, на черте, отделяющей добро от зла. Гнусность в том, что он этим забавляет себя и читателей, что он пишет пакости и непотребства не столько по любви к ним (что еще можно извинить), сколько для красоты слога, чтобы подразнить читателей. Не могу не бранить этой

забавы,
Достойной старых обезьян⁴,

и в то же время не могу бросить книги — так много в ней тонкого, умного, возбудительного, suggestif⁵. Леметр справедливо говорит, что Ренан самый возбудительный из современных писателей⁶. Как ни бейся, а придется мне, кажется, опять писать об Ренане⁶.

Но зачем писать? Литературная страсть есть самая жестокая и неизлечимая. Однако же я чувствую, что она у меня совершенно простывает. Книги уже не манят меня, не обещают нового поворота мыслей; круг моей любознательности замкнулся. Задуманных тем у меня много, но не таких, как у Льва Николаевича, который считает свое писание *самым важным и нужным* делом в мире. Оттого и несравненная сила и свежесть в его писаниях. Глядя на свои статьи, я иногда думаю, не выпустить ли сборник под заглавием «И мои безделки», или: «И то, и сё», наконец: «Ни то, ни сё». Когда-то такие скромные заглавия были в ходу; но нынче скромность вышла из моды, и чем больше кто выступает пророком, тем считается лучше.

Конечно, в основе такой взгляд на дело писательства правильнее. Но почему такое множество пишущих не выводит из него следствия, что им нужно вовсе оставить писание?

Простите, я заболтался. Пора собираться в дорогу. Очень досадую, что уже не могу попасть в Воробьевку. От души желаю Вам здоровья и прошу передать Марье Петровне мое усердное почтение. Катерину Владимировну приветствую и благодарю — за прошлое и за будущее.

Ваш душевно преданный

Н.Страхов

1892. 31 июля. Орел.

¹ суггестивного (франц.).

3.

P.S. Пишу Вам уже из Ясной Поляны. Итак, мои дипломатические подходы не удались. Я все надеялся, что Вы мне напишете в Орел, и я узнаю, гостит у Вас Соловьев или нет⁷. В случае нет, я сейчас бы к Вам приехал, хоть на день или на два. До последней минуты, т.е. до 8-ми часов утра 1-го августа, я ждал Вашего письма, не дождался и пустился сюда. Прошу вас, соберите все Ваше великодушие и простите меня. Я не чувствовал себя в таком настроении, чтобы повидаться с моим лукавым противником. Для этого нужно было известное напряжение, которое, может быть, при встрече пришло бы само собою, но к которому я теперь не имею расположения. Мне не говорится и даже как будто нездоровится. Сделайте мне милость, не будьте ко мне строги.

Здесь, в Ясной, я застал все то же непрерывное кипение, но не совсем благополучное. Лев Николаевич несколько дней назад вернулся из Бегичевки с простуженными ушами, и теперь так ими мучится, что не может хорошенько спать. Несмотря на то, он продолжает сидеть за своим писаньем⁸. В ту минуту, как я приехал, Ясная Поляна была довольно пуста. Кузминских здесь только дети. По известиям от Татьяны Андреевны из Царского, роды ее дочери были очень мучительные, продолжались двое суток. Родился мальчик⁹. Кроме того, в Ясной нет никого из старших детей, и все учителя тоже куда-то отлучились. Гостит здесь только Марья Петровна, жена Степана Берса, и есть человека три так называемых *темных*. Один из них, Попов¹⁰, переписывающий черняки Льва Николаевича, такой писанный красавец, что я не могу на него насмотреться. В другом роде, но не менее великолепен был и тот швед¹¹, которого я застал здесь в прошлый раз — совершенная фигура ветхозаветного пророка, — лучше и Васнецову не выдумать¹².

Лев Николаевич, несмотря на свою болезнь, в хорошем духе и даже бывает необыкновенно мил в своей веселости. На Софью Андреевну напала новая страсть — приводить в порядок сад (по предположению, он достанется младшему, Ване¹³). Она велела вырубать кусты, подсаживать деревья, собирается чистить пруды, строить беседку и т.д. Все это началось вдруг, и кроме того, она, конечно, по уши во всяких заботах.

Приказывают они написать поклоны Вам и Марье Петровне.

И я еще раз кланяюсь и прошу прощения. Пробуду здесь дней пять. Слышно уже дыхание осени. Простите!

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

2 авг<уста>. 1892. Ясная Поляна. - -

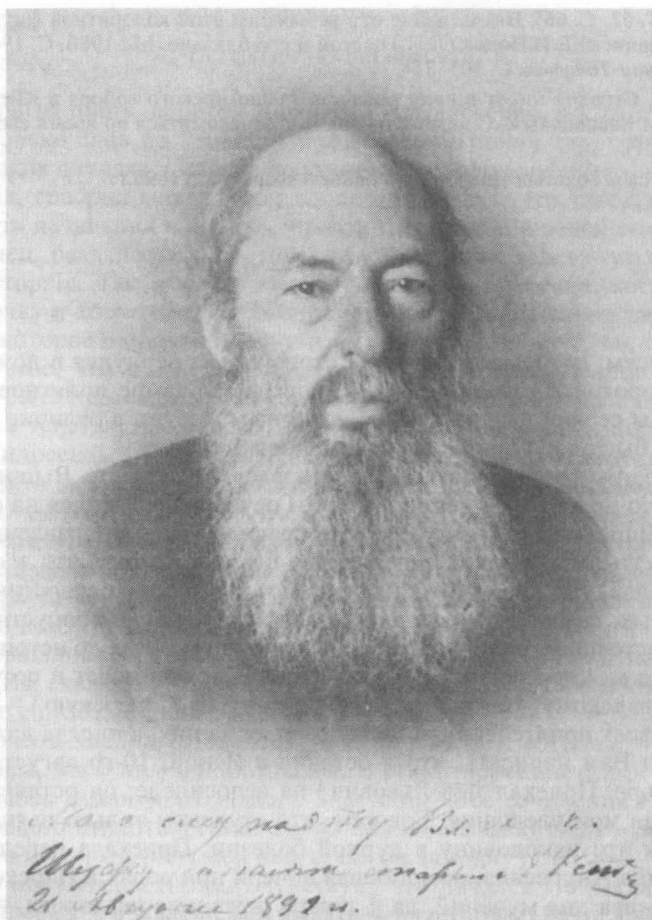
¹ Мценский помещик Иван Васильевич Павлов (1823–1904) учился в 1838–1842 гг. в Александровском лицее, где познакомился с М.В.Буташиным-Петрашевским, затем был исключен и продолжил учение в Московском ун-те, сначала на естественнонаучном отделении философского факультета, затем на медицинском. Увлечение передовыми идеями сблизило его с кружком Т.Н.Грановского, с А.И.Герценом и др., затем с кругом журнала «Современник», с И.С.Тургеневым. После службы в качестве врача в Оренбургском крае, в 1850-е гг. сблизается с И.С.Аксаковым, П.В.Киреевским и др. Павлов был фактическим редактором журнала «Московский вестник», в котором широко обсуждались проблемы отмены крепостного права. С 1890 г. был управляющим контрольной палаты в Орле.

² Усеченная цитата из стихотворения А.С.Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...», 1825). Пропущен стих: «Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет».

³ Книга Э.Ренана «*Feuilles détachées*» («Разрозненные листы») вышла в Париже в 1890 г. и вызвала бурное обсуждение, поскольку здесь Ренан рассуждал о гибели различных религиозных воззрений (см.: Вельшингер. Письма из Парижа (РО. 1890. № 3)).

⁴ Усеченная цитата из «Евгения Онегина» (гл. 4, VII).

⁵ Страхов использовал выражение «возбуждающие рассуждения» по отношению к Ренану в статье о нем, без ссылки на Леметра (см.: Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе Кн. 3. СПб., 1896. С. 74).

А.А. ФЕТ

Фотография. <Москва, конец 1880-х гг.> с дарственной надписью:
«Молодому поэту Вл. Алекс. Шуфу старик А.Фет. 21 Августа 1892-го»

Литературный музей, Москва

⁶ Анализу книги Ренана «Будущее науки» посвящена статья Страхова «Итоги современного знания» (РВ. 1892. № 1; см. об этой статье п. 204, прим. 9). Страхов вновь обратился к творчеству французского мыслителя в статье «Несколько слов о Ренане» (РВ. 1892. № 11). Позднее эта статья, выполнившая роль своеобразного некролога (Ренан умер в 1892 г.), вошла в книгу: Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 3. СПб., 1896.

⁷ В.С. Соловьев действительно приезжал к Фету, который, возможно, хотел помирить его со Страховым.

⁸ В это время Толстой работал над трактатом «Царство Божие внутри вас».

⁹ Сын И.Е. и М.А. Эрдели (урожд. Кузминской).

¹⁰ Евгений Иванович Попов (1864–1938) — последователь Толстого, из тех, кого в Ясной Поляне называли «темными». В «Дневнике» С.А. Толстой содержится ряд неодобрительных отзывов о нем. Состоял в переписке с Толстым, оставил воспоминания (См.: Летописи Государственного Литературного музея. М., 1938. Кн. 2. С. 363–369; Попов Е.И. Двадцать лет вблизи Л.Н. Толстого (Из воспоминаний) // Л.Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 181–212).

¹¹ Имеется в виду Абраам Смит, точнее, Абраам Бонде (или Бунде) — швед, разбогатевший в Америке, но потом отказавшийся от своего состояния. Толстой записал в дневнике 26 мая 1892 г.: «Явился швед Абрагам. Моя тень. Те же мысли, то же настроение, минус чуткость»

(Толстой. ПСС. Т. 52. С. 66). Впечатление от пребывания этой колоритной фигуры в Бегичевке и Ясной Поляне записал Е.И.Попов (Л.Н.Толстой и его близкие. М., 1986. С. 194–197). Подробнее о нем: *Сухотина-Толстая*. С. 305–314.

¹² Очевидно, Страхов имеет в виду росписи Владимирского собора в Киеве, сделанные в 1885–1896 гг. В.М.Васнецовым. С ними Страхов мог ознакомиться во время своего пребывания в Киеве (См. п. 221).

¹³ Младший сын Толстых Иван умер в раннем возрасте, в 1895 г.

223. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 20 августа 1892 г.

Из всех писем, которые я нашел на столе, когда вернулся в дом Яцны¹, конечно Ваше, дорогой Афанасий Афанасьевич, было самое приятное, несмотря на то, что в нем Вы себя объявляете моим истинным врагом, в отличие от Соловьева, который будто бы только прикидывается таковым.

Первым делом после приезда — постарался я повидать Вышнеградского, и узнал печальную новость: в пятницу, 14-го, Государь согласился на его отставку². До сих пор В<ышнеградский> не совсем поправился, хотя поправление идет заметно. Но продолжать занятия он не решился, во-первых, потому, что, в случае нужды, был бы не [в силах] уверен в своих силах, не мог бы со всею ревностью погружаться в дело, во-вторых, потому, что вечно бы боялся что-нибудь пропустить или недосмотреть. Вот настоящий герой — в тяжелое время он работал до истощения сил.

Майкова до сих пор не видел — он, бедняга, похварывает и потому не приезжал к Вышнеградскому. Сегодня я, наконец, еду на Сиверскую³ — оказывается, что я здоровее всех приятелей, что меня огорчает за них, а иногда даже за себя.

Но я забыл Вам написать, что я оставил в Ясной, 10-го августа. Тут многие уже были в сборе. Приехал Лев Львович⁴ на велосипеде; он оставляет университет, несмотря на мои увещания. Говорит, что студенты только пьянствуют и распутничают, так что наполовину в дурной болезни. Приехала перед самым моим отъездом Татьяна Андреевна, помогавшая дочери при родах в Царском⁵. Роды были жестокие — два дня мучений, да и теперь роженица нездорова, не может сама кормить. Но и муж и жена вели себя превосходно, твердо. Родился мальчик. Приехали Попов и Буткевич⁶ — темные, очень интересные. Попов — красавец писанный в белой рубашке, довольно вялый и смирный; Буткевич — очень серьезный и умный человек.

Дух был, по обыкновению, светлый и живой. Особенно Татьяна Львовна⁷ — одна прелесть.

Простите меня и примите мои сердечные пожелания всякого добра. Марье Петровне усердное почтение и Катерине Владимировне великая благодарность.

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

1892. 20 авг<уста>. СПб.

Ответ на несохранившееся письмо Фета.

¹ Новый владелец дома Стерлигова, где снимал квартиру Страхов.

² Об отношении Страхова к министру финансов И.А.Вышнеградскому см. письмо 138 и примеч. 11 к нему.

³ В Сиверской находилась дача А.Н.Майкова.

⁴ Сын Л.Н. и С.А.Толстых.

⁵ См. п. 222.

⁶ Очевидно, Анатолий Степанович Буткевич (1869–1942) — так же, как Е.И.Попов, последователь Толстого.

⁷ Дочь Л.Н. и С.А.Толстых (в замуж. Сухотина).

224. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 19 октября 1892 г.

К Вам первым пишу, дорогой Афанасий Афанасьевич, после того, как кончил статью «Несколько слов об Ренане»¹ и вчера сам отнес в типографию последние листочки. В таких случаях я иногда вспоминаю молодого офицера, который, много лет тому назад, говорил мне, что он вполне понимает, что такое *восторг*. За какую-то шалость начальник в корпусе призвал его к себе и велел его при себе сечь. «Когда, наконец, раздалось: довольно! и я от него вырвался, тут я почувствовал истинный восторг!». Так и я всегда чувствую радость жизни, когда допишу последнюю строчку и кончится напряжение, страх за каждое слово, за дерзкое порывание мысли, которое и приятно и жутко.

Простите мне, что я так поздно отвечаю Вам. Проще и однообразнее моей жизни ничего быть не может, но я всегда сумею так запутать свое дело и безделье, что хожу, как в тенетах, из которых нужно вырываться. До сих пор не видел я даже Татьяны Андреевны («Ты пела до зари в слезах изнемогая»² — не могу забыть этого стиха). Зато выправлял и носил к цензору «Воспоминания об Л.Н.Т.» Степана Андр. Берса³ — это очень слабо, но, я думаю, интересно.

Как там хотите, а, кажется, не проходит ни одного письма, чтобы мы не помнили все то же имя. «Первая ступень»⁴, может быть, неверно указана; но, что нужно указать первую ступень, и почему нужно, — и вообще, весь дух и порыв — удивительны и возбуждательны. Это все равно, что Ваши стихи: иногда неясно, неправильно, неряшливо, но поэзия так и пышет от них. Бауэра постараюсь прочесть⁵. А что Вы скажете о моих стихах в сентябре «Русского обозрения»⁶? Прошу Вас, будьте снисходительны — очень Вас боюсь.

Кутузов очень хвалил «Извинение», «Эстетику» и «Дума», да не бранил и других. Впрочем, мы с ним одной школы. В стихотворении «Е.Е.» есть опечатка: вместо *прав любви* нужно *крох любви*⁷. Знаете ли? Все сочинения Ренана не стоят одного *настоящего* стихотворения. Скоро пришлю Вам книжку «Воспоминания и отрывки»⁸. Это *предпоследняя* моя книга; потом замолчу⁹.

Сегодня я поравнялся с Вами: чувствую, что начался у меня *трахеит*, не какой-нибудь минерал¹⁰, а воспаление дыхательного горла. Очень я уж зачванился и выдумал гулять пешком по той неизобразимой слякоти, которая тут стоит в воздухе. Всегда завидую живущим в Москве, Туле, Киеве...

От души желаю Вам поправиться! Я всегда беру с Вас пример неутомимой, неугасимой бодрости. Усердное почтение Марье Петровне и благодарность Катерине Владимировне.

Ваш искренно преданный

Н.Страхов

1892 19 окт<ября>. СПб.

P.S. Читаете ли *Говоруху* и *Розанова* в «Моск<овских> ведомостях»¹¹? Право, это стоит читать. Они всё поднимаются. Посмотрите, какой у Розанова тон и какое изящное движение мысли! Очень жаль — оба не умеют справиться со своим умом и талантом, и не доводят своих писаний до законченности и опрятности.

Н. С.

P.P.S. Ну вот увидите на Ренане, точно ли я умею понимать других — как Вы определили мою специальность.

Ответ на несохранившееся письмо Фета

¹ О статье «Несколько слов об Ренане» см. п. 222, прим. 6.² Речь идет о стихотворении, посвященном Т.А.Кузминской (см. п. 86, прим. 7).³ С.А.Берс — брат С.А.Толстой. См. о нем п. 149, прим. 2.

⁴ «Первая ступень» — статья Толстого. См. о ней п. 208, прим. 10.

⁵ О статье Бауэра см. п. 187, прим. 6 и 7.

⁶ В сентябрьском номере «Русского обозрения» (1892. № 9) были напечатаны 9 стихотворений Страхова: «Воспоминание» (Все помню: звук морских зыбей...), «Извинение» («Душа моя еще звучна...»), «Е.Е.» («Кто крепок и богат душою...»), «Воробьевский парк», «Эстетику» (Не мир хорош, а хороша...), Это стихотворение явно полемично фетовскому: «Кому венец богине красоты...»), «Поэту» («Коль уж поэтом стать решился...»), «Е.Е.» («И осторожно, и небрежно...»), «Жалоба» («Как смутный сон уходят дни...») и «Дума» («Покой и свет вокруг меня...»). Все они были включены в книгу: Страхов Н. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892.

⁷ В книге «Воспоминания и отрывки» эта опечатка была исправлена.

⁸ В названную книгу вошли, помимо стихотворений, статьи об Афоне и других путешествиях Страхова, о Толстом (в том числе вызвавшая полемику с Соловьевым статья «Справедливость, милосердие и святость»), «Поминки по Аллоппе Григорьеве» и «отрывок из ненаписанной повести» — «Последний из идеалистов».

⁹ После упомянутой книги Страхов напечатал еще «Философские очерки» (СПб., 1895) и третью книгу сборника статей «Борьба с Западом в нашей литературе» (СПб., 1896), которая действительно оказалась последней.

¹⁰ Шутка Фета, позаимствованная им у Толстого (см. об этом МВ 1 С. 107).

¹¹ В это время Ю.Н.Говоруха-Отрок и В.В.Розанов часто печатались в «Московских ведомостях»

225. СТРАХОВ — ФЕТУ

С.-Петербург. 17 ноября 1892 г.

Сейчас только, дорогой Афанасий Афанасьевич, ушел от меня Досекин¹. Он уже третий раз навещает меня, и с каждым разом нравится мне больше и больше. Он чистый, простой и в то же время глубоко воодушевленный своим делом молодой человек. С нетерпением жду, когда увижу Ваш бюст². Очень Вам благодарен за открытие такого милого и умного художника.

Слышу, что Вы не в шутку захворали: пишет Говоруха, а вчера писала Софья Андреевна³. Нечего вам советовать переносить с твердостью болезнь, — Вашу твердость я знаю. Но попрошу о другом: берегите себя, ничем не рискуйте — в такие годы этого нельзя. Сам я недавно заплатил за удовольствие прогуляться пешком в тихую погоду: катар горла заставил неделю сидеть дома.

В области поэзии у нас тут были события — маленькие, но курьезные. Поэт Мережковский читал свою прозу «Об упадке литературы»⁴ и пр. Что за пафос! Что за парение! Он делал и предвещения, говорил, что будущая литература наша представит следующие три свойства:

- 1) импрессионизм (зачатки у Тургенева)
- 2) символизм (зачатки у Гончарова)
- 3) мистицизм (зачатки у Достоевского)⁵.

Слушал я сперва с негодованием, которое всегда у меня возбуждается напыщенностью и фразерством. Но юный и маленький поэт сам так увлекался, что под конец ему дружно хлопали — и сам я принялся хлопать, хоть и чувствовал, что все ужасная фальшь.

Другое событие — полемика из-за перевода «Ромео и Юлии» сделанного Пл.А.Кусковым⁶. Его забраковали в Академии, и Бестужев (Конст. Ник.) решился для своего оправдания напечатать рецензию (где бы Вы думали? в «Журнале мин<истерства> нар<одного> просвещения»!)⁷. Вышло очень слабо, и Кусков торжествует. Бестужев, видите ли, терпеть не может низкого слога, и потому восхищается переводом Каткова⁸. А Кусков, по страсти к низкому слогу, передал очень круто все вульгарности Шекспира.

Послал к Вам свою книжку «Воспоминания»⁹, и, кроме того, надеялся, что попадут Вам на глаза мои «Несколько слов о Ренане»¹⁰. Горько жаль мне слы-

шать, что Вы больны; но к этой большой горечи примешивается и маленькая — что не скоро я прочитаю Ваш отзыв об моих писаниях. Сердитый или ласковый — все равно, но Ваше внимание для меня очень дорого стоит.

Простите меня. Не имею права называть себя больным, хоть и не очень-то здоров. От всей души желаю Вам поскорее поправиться. Марье Петровне мое усердное почтение и Катерине Владимировне всякая благодарность.

Ваш Н.Страхов

P.S. Иду сейчас обедать к Вышнеградскому¹¹. Он теперь совершенно поправился, и стал даже лучше, так как не имеет вида человека, раздавленного заботами.

1892. 17 ноября. СПб.

¹ Художник и скульптор Николай Васильевич Досекин (1863–1935) сначала хотел написать портрет Фета, однако из-за того, что таковой уже был сделан в 1882 году И.Е.Репиным, он решил вылепить бюст поэта, что и осуществил в январе 1892.

² Скульптурный портрет Фета работы Н.В.Досекина (гипс) был экспонирован на 20-й выставке «Товарищества передвижных художественных выставок» в январе 1892 г. (подробно см. в наст. кн.: Переписка с К.Р., п. 193, прим. 4. Ныне находится в Гос. Русском музее (С.-Петербург)).

³ Это письмо С.А.Толстой не сохранилось.

⁴ Д.С.Мережковский (1865–1941) в 1892 г. дважды в Литературном обществе прочитал в Петербурге лекцию «О причинах упадка русской литературы». Позднее лекция легла в основу книги «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы» (СПб., 1893), которую многие восприняли как манифест нового литературного движения — символизма. Критиками народнического лагеря (А.М.Скабический, Н.К.Михайловский и др.) эта декларация была воспринята как измена идеалам русской литературы, но Ю.Н.Говоруха-Отрок положительно оценил провозглашенный Мережковским отход от утилитаризма (*Моск. вед.* 1893. 29 апреля). Утверждая, что в лучших своих проявлениях русская литература (в том числе и Н.А.Некрасов) была овеяна светом евангельской истины, Мережковский выступил против позитивизма современных критиков, и прежде всего Михайловского. Вместе с тем Мережковский выступил и против проповедников так называемого чистого искусства, которые «назло народникам до небес превозносили весьма поверхностные, эпикурейские вдохновения Фета». Вместе с тем Мережковский не отказывал Фету в народности, ибо «народ поет весну и цветы, и красные зори, и даже ласку милой — все, что в жизни сладко, все дары Божьи, поет не хуже, а гораздо лучше, сильнее и музыкальнее, чем, например, Фет...» (Цит. по кн.: Дмитрий Мережковский. Акрополь. Избр. литературно-критические статьи. М., 1991. С. 166, 160).

⁵ 6 ноября 1892 г. Толстой сообщал жене, что получил от Страхова «очень интересное письмо о чтении поэта Мережковского» (*Толстой ПСС* Т. 66. С. 273). Упомянутое письмо Страхова неизвестно.

⁶ С поэтом Пл.А.Кусковым Страхов был дружен и весьма высоко ценил его поэтические и критические опыты (см. о нем п. 83, прим. 6). Судя по письму, он положительно оценил и перевод шекспировской драмы «Ромео и Джульетта».

⁷ Статью Н.К.Бестужева-Рюмина см.: *ЖМНП* 1892. № 11.

⁸ Перевод «Ромео и Юлия» был выполнен М.Н.Катковым еще в 1830-е годы (полностью опубликован в сб.: Пантеон, 1841. Ч. 1. Кн. 1). «Изящество слога, — писал в своей рецензии Бестужев-Рюмин, — дает его переводу до сих пор преобладающее значение» (*ЖМНП*. 1892. № 11 С. 202).

⁹ См. п. 224, прим. 8.

¹⁰ См. п. 222, прим. 6.

¹¹ О Вышнеградском см. п. 223, прим. 2.

ДОПОЛНЕНИЕ

ТРИ ПИСЬМА Н.Н.СТРАХОВА К А.А.ФЕТУ (1880)

Публикация и комментарии редакции «Литературного наследства»

В 1937 г. Б.Я.Бухштаб, комментируя стихотворение Фета «Добро и Зло», установил четыре его редакции, предваряющие редакцию пятую, окончательную, опубликованную во втором выпуске «Вечерних огней» (*Фет 1937* С. 686–687; то же: *Фет 1959*). К этому выводу исследователь пришел, опираясь на четыре неопубликованных письма Страхова к Фету, соответствующие выдержки из которых привел в своем комментарии. Одно из этих писем ныне хранится в ИРЛИ, и полный текст его вошел в публикацию Н.П.Генераловой «Переписка А.А.Фета с Н.Н.Страховым» (п. 107). Местонахождение остальных писем доныне оставалось неизвестным.

Поскольку эти письма не были обнаружены ни в архивохранилищах, где в основном сосредоточена переписка Фета со Страховым (ИРЛИ, РГБ), ни в РГАЛИ, естественно было предположить, что их следует искать в личном архиве Бухштаба, который хранится в Российской Национальной библиотеке. Приносим глубокую благодарность заведующей Отделом рукописей Библиотеки М.Ю.Любимовой и старшему научному сотруднику М.К.Свиценской, которые живо откликнулись на просьбу редакции «Литературного наследства» о проверке этого предположения. Они обнаружили эти три письма в архиве Б.Я.Бухштаба (РНБ Ф. 1341. Ед. хр. 477. Л. 37–37 об., 38, 39) и любезно предоставили ксерокопии их для публикации в «Литературном наследстве». Письма эти сохранились в копиях, сделанных неуставленным лицом в начале 1930-х гг. (о чем свидетельствует их почерк и чернила). Местонахождение автографов нам по-прежнему неизвестно.

Результаты этих разысканий были получены тогда, когда публикация Н.П.Генераловой была полностью подготовлена к печати и передана в издательство. На этом этапе включать в нее вновь найденные письма на соответствующее им место не представлялось возможным. Поэтому они публикуются в качестве «Дополнения» к «Переписке А.А.Фета с Н.Н.Страховым».

I

С.-Петербург. 12 октября 1884 г.

Сегодня, дорогой Афанасий Афанасьевич, Вам присуждена Академиею за Горация Пушкинская большая премия, 1000 рублей. Майков (конечно, Аполлон), который и <д>в<и>гал это дело, и был приглашен в комиссию как эксперт, очень усердствовал в заседании и находился в большой радости от успеха¹. Насплетничаю Вам: восемь человек подавали голоса и оказался один черный шарик. Мы тут делали догадки, но Вам знать о них незачем.

Майков просит взятки или, как он поправил меня, *благодарности*, т.е. и *Стихотворений*, и *Вечерних огней*, и *Горация*, и *Фауста*. Кстати сообщу Вам, что сегодня я продал последние 7 экземпляров Шопенгауэра и что книготорговцы требуют нового издания².

Ну что Вам сказать о Вашей переделке³? Простите, скажу что думаю — последние два куплета так великолепны, что начальные кажутся вялыми и бледными⁴. Беда с поэтами! Они не владыки над собою. Жизнь, воля на жизнь, требующая различения добра и зла, не обрисованы ясно⁵.

Против познания — деятельность
Против святыни — земляность
(сочинил слово!)

Тревоги — против *спокойствия*
 Невольничьи — против *свободы*
 Толпы — против одиночества
 Ограниченный горизонт — против *всезрения*.

Простите за помарки! Но я так люблю это стихотворение, что может быть уже выхожу из роли ювелира, смеющего подшлифовывать Ваши алмазы.

Соловьеву от души поклон. Получил Salvador'a⁶ и вздыхаю немножко о других книжках.

Сижу больше дома; но меня тащат и, как ни упираюсь, приходится многое видеть и слышать. Напр<имер> Каткова, с которым обедал. Прихожу домой и чуть не упрекаю себя за измену одиночеству и молчанию.

Простите!

Ваш душевно

Н.Страхов

1884, 12 окт<ября>. СПб.

¹ О решении присудить Фету «большую» (первую) Пушкинскую премию см. в наст. кн.: «Переписка А.А.Фета с Н.Н.Страховым», п. 95 (прим. 3) и 97 (прим. 2). Публикуемое письмо Страхова проясняет роль А.Н.Майкова в принятии этого решения.

² Речь идет о втором издании труда А.Шопенгауэра «Мир как воля и представление» в переводе Фета (М., 1888). Первое издание вышло в 1881 г., третье — в 1892 г.

³ В утраченном письме Фета, на которое отвечает Страхов, содержалась вторая редакция стихотворения «Добро и Зло», значительно переработанная, как установил Бухштаб, в соответствии с советами Страхова, высказанными в его предыдущем письме (Фет 1937 С. 686; см. также в наст. кн.: «Переписка А.А.Фета с Н.Н.Страховым», п. 107).

⁴ «Последние два куплета» — заключительные фразы стихотворения «Добро и Зло», которые сохранились во всех редакциях от первой до последней, опубликованной во втором выпуске «Вечерних огней» (см.: ВО 1979. С. 191–192). «Начальные» строфы этого стихотворения Фет неоднократно переделывал (Там же. С. 465–466).

⁵ Далее Страхов намечает присущие жизни противоречия, которые по его мнению следует отметить в стихах о противостоянии Добра и Зла. Фет не последовал его совету.

⁶ О какой книге идет речь, установить не удалось.

2

С.-Петербург. 18 октября 1884 г.

Конечно, дорогой Афанасий Афанасьевич, *Вечерние огни*, выпуск второй — самое лучшее¹. Я сам задумывался над заглавием для Вашей новой книжки, но такого хорошего не придумал.

Что до *Добра и Зла*, то я немножко жалею о первой редакции. Только неудачные стихи —

Один вмещает человека,
 В другом познать желаю я —

следовало бы поправить². А потом как хорошо:

И как в росинке чуть заметной
 Весь солнца лик ты узнаешь,
 Так слитно в глубине заветной
 Все мирозданье ты найдешь³.

Это чудесно. Но простите, я Вам надоедаю.

Сегодня отдал Ваши книги в переплет для Майкова. Он такой хороший человек (при некоторых литературных слабостях), что мне очень радостно Ваше приятное чувство. Простите, тормозят.

Ваш душою

Н.Страхов

1884. 18 окт<ября>. СПб.

¹ В это время в печати находился второй выпуск «Вечерних огней». В утраченном письме, на которое отвечал Страхов, Фет сообщал ему, что хочет сохранить за ним название первого выпуска — «Вечерние огни» и спрашивал совета Страхова по этому поводу. Название было сохранено. Второй выпуск «Вечерних огней» был разрешен цензурой 25 октября 1884 г.

² В утраченном письме Фет прислал Страхову третью редакцию «Добра и Зла» (Фет 1937. С. 687). «Неудачные стихи» — строки 3 и 4 из этого стихотворения. В окончательной редакции (ВО 2) они были изменены (см.: ВО 1979. С. 191).

³ Эта новая редакция второй строфы стихотворения «Добро и Зло» сохранилась без изменений (ВО 2; ВО 1979. С. 191).

3

С.-Петербург. 22 октября 1884 г.

Конечно, все печатать, дорогой Афанасий Афанасьевич. Это ответ на 2) и 3)!. В послании к Майкову неисправна только одна рифма, а затем ведь оно — прелесть².

На 1). Чудесно Вы поправили *Добро и Зло*³. Мне все кажется, что следовало бы оставить и прежние стихи

И мир свои раскроет блага
И различай добро и зло.

По звуку это бесподобно, и я не совсем понимаю, почему Вы их переменяли, т.е. нахожу, что и по мысли это совершенно точно⁴.

Насколько Вы во всем торопитесь, настолько я во всем мешкаю. И вот Вы остаетесь часто без дела, а я вечно среди неперделанных дел. Что лучше — не знаю. *Medio tulissimus ibis*¹.

Однако я душевно радуюсь Вашей деятельности, да и наслаждаюсь — как будто среди пыльных книг вдруг встречаю живые цветы.

Простите Вашего душевно

Н.Страхова

1884. 2 окт<ября>. СПб.

¹ В утраченном письме, на которое отвечает Страхов, Фет прислал ему три стихотворения, спрашивая его совета, следует ли включать их во второй выпуск «Вечерних огней». Одно из них — «Добро и Зло», второе — «А.Н.Майкову <...>», третье неизвестно.

² В стихотворении «А.Н.Майкову (На сочувственный отзыв о переводе Горация)» («Кто сам так пышно тогу эту...») Фет выразил свою признательность Майкову за содействие в присуждении ему Пушкинской премии за перевод стихов Горация (см. выше, п. 1).

³ Фет прислал Страхову четвертую редакцию стихотворения «Добро и Зло». Эта редакция явилась переработкой первоначальной редакции (Фет 1937. С. 687).

⁴ Страхов не одобряет строки 11 и 16 четвертой редакции «Добра и Зла». Фет принял его совет и в пятой, окончательной, редакции (ВО 2) возвращается к редакции первоначальной (Фет 1937. С. 687).

¹* Середина предпочтительнее всего (лат.).